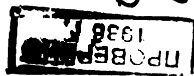

UC-NRLF
B 3 451 840

В. А. Бильбасовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ

МОНОГРАФІИ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

НИКИТА ПАНИНЪ И МЕРСЬЕ де ЛА-РИВЬЕРЪ.

(1762—1767).

Русская Старина, 1891.

Никита Ивановичъ Панинъ и Мерсье де Ла-Ривьеръ.

Они родились, выросли и возмужали при условіяхъ разныхъ до противоположности: одинъ въ Россіи — другой во Франціи; Панинъ былъ шляхетскаго происхожденія, не родовитаго — Ла-Ривьеръ былъ аристократъ pur sang; Панинъ жилъ нѣсколько лѣтъ за границею, гдѣ много изучалъ, ко всему присматривался, многое заимствовалъ — Ла-Ривьеръ покидалъ родину только для того, чтобъ распространить за предѣлами Франціи ея новыя идеи. Ихъ взгляды, убѣжденія, вкусы были настолько различны, что только проницательная воля Екатерины II могла привести ихъ къ взаимной перепискѣ, и именно въ то время, когда русскій Панинъ не потерялъ еще надежды ограничить власть императрицы, а французъ Ла-Ривьеръ признавалъ монархію единственно разумною формою правленія.

Переписка Никиты Панина и Мерсье де Ла-Ривьера хранится въ нашемъ государственномъ архивѣ [1]) до настоящаго времени не изданною и никѣмъ не разработанною. Это вполнѣ понятно: взятая сама по себѣ, переписка эта не только не представляетъ особеннаго интереса, но, касаясь чисто личныхъ пререканій, можетъ повести лишь къ ложнымъ представленіямъ. Эта переписка получаетъ, однако, совершенно иное освѣщеніе, при ближайшемъ знакомствѣ съ ея авторами и съ тѣми цѣлями, которыя каждый изъ нихъ признавалъ въ данный моментъ главною задачею своей жизни.

[1]) Госуд. Арх., разр. XI, № 686.

I.

Современники, лично знавшие Никиту Ивановича Панина, императрица Екатерина II и даже самъ Панинъ единогласно свидѣтельствуютъ [1]), что именно Панину принадлежитъ мысль о реформѣ «государственнаго установленія». Какъ всегда и вездѣ, недовольныхъ настоящимъ было много, но одинъ только Панинъ ясно сознавалъ направленіе этой реформы и довольно точно опредѣлилъ себѣ ея задачи. Двѣнадцать лѣтъ, проведенныя имъ въ Стокгольмѣ, не пропали для него даромъ. Шведскій «періодъ свободы», эпоха шляхетской демократіи, когда Швеція была «аристократическою республикою съ жалкимъ подобіемъ короля», не могла не произвести на Панина извѣстнаго впечатлѣнія. По возвращеніи изъ Стокгольма, разница между Швеціею и Россіею бросалась Панину въ глаза: ему уже невыносимо холопство вельможъ, его коробитъ «наглость» Шуваловыхъ, его оскорбляютъ капризы временщиковъ. Осторожный до скрытности, ни предъ кѣмъ невысказывавшій своихъ политическихъ убѣжденій, Панинъ выжидалъ случая, и когда, еще при жизни Елисаветы Петровны, обсуждался вопросъ о престолонаслѣдіи, указывалъ

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XXV, 415; *Сегюра* записки. Спб. 1865 г., стр. 18; *Laveaux*, I, 248; *Goudar*, 33; *Rulhière*, 67; *Asseburg*, 317; *Бильбасовъ*, I, 610. Подробное изученіе записокъ гр. Сегюра не оставляетъ сомнѣнія, что онѣ составлены подъ сильнымъ вліяніемъ взглядовъ Екатерины относительно такихъ русскихъ дѣятелей, какъ, напр., Панинъ, умершій въ 1783 году, за два года до пріѣзда Сегюра въ Россію. То обстоятельство, что княгиня Дашкова не опровергла приписываемыхъ ей взглядовъ, объясняется лестнымъ для нея отзывомъ: la princesse devait à son génie une violente horreur de l'esclavage. Гораздо важнѣе умолчаніе самого Панина: его разсказъ, записанный Ассебургомъ, относится къ тому времени, когда подобныя упоминанія могли повести къ серьезнымъ для него послѣдствіямъ. Само собою, однако, разумѣется, что никакихъ «кондицій» редижировано не было и никакіе «grands de l'Empire» въ этомъ не участвовали. Самая мысль возможна, но облечена въ форму невѣроятную. Не называемый гр. Сегюромъ «хитрый и смѣлый министръ» есть Н. И. Панинъ, нарисованный со словъ Екатерины II.

на необходимость государственныхъ реформъ, причемъ, говорятъ, предъ нимъ рисовался, какъ образецъ, государственный строй Швеціи.

Неужели, однако, Швеція можетъ быть образцомъ для Россіи? При сравненіи обѣихъ странъ, неужели Панина не поражали отличія, рѣзкія, бросающіяся въ глаза, между государственнымъ развитіемъ Швеціи и Россіи?

Какъ и Россія, Швеція была страною по преимуществу земледѣльческою; какъ и въ Россіи, въ Швеціи не развилась городская жизнь, такъ какъ земли было много, рукъ мало, и торговля ограничивалась вывозомъ сырого матеріала, а промышленность оставалась кустарною. Но этимъ сходство двухъ сосѣднихъ странъ вполнѣ исчерпывалось. Самое географическое положеніе Швеціи благопріятствовало развитію свободной политической жизни. Со всѣхъ сторонъ защищенная горами и пустыми пространствами, Швеція не подвергалась непріятельскимъ вторженіямъ, и государственное устройство ея не зависѣло ни отъ войны, ни отъ посторонняго вліянія, иногда, какъ въ Россіи, насильственнаго. Этого, однако, мало: было различіе еще болѣе рѣзкое между Швеціею и Россіею, заключавшееся въ особомъ, только Швеціи свойственномъ, устройствѣ сословій. Въ западно-европейскихъ государствахъ только три сословія играли политическую роль: духовное, дворянское и городское; только эти сословія посылали своихъ представителей на сеймъ, только они ограничивали королевскую власть. Крестьянское же сословіе, вездѣ наиболѣе многочисленное, нигдѣ не составляло особой политической корпораціи, кромѣ Швеціи; только въ Швеціи крестьянство составляло особое сословіе, четвертое. Такъ какъ шведское государство возникло не завоеваніемъ, то его низшее четвертое сословіе никогда не находилось въ состояніи рабства, никогда не должно было бороться, захватывать, тѣмъ или инымъ путемъ добывать себѣ гражданскія и политическія права.

Понятно, что и устройство «верховныхъ правительствъ», какъ выражается Панинъ, должно быть въ Швеціи совсѣмъ иное, чѣмъ въ Россіи. Носителями верховной власти въ Швеціи признавались земскіе чины; король обязанъ утвердить рѣшеніе, принятое земскими чинами; король управляетъ государствомъ лишь съ согласія государственнаго совѣта, зависимаго отъ земскихъ чиновъ [1]). Въ Россіи государственное устройство развивалось и росло совершенно инымъ путемъ [2]).

При особѣ русскихъ государей существовали для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ особыя палаты: большая, малая, золотая, отвѣтная и передняя. Патріарху и митрополитамъ принадлежало первое, по государѣ, мѣсто; за ними слѣдовали родственники царя и прочіе бояре. Дѣла вершились словесно; ни журналовъ, ни протоколовъ не составлялось. Постановленія палатъ, подъ наименованіемъ указовъ, отъ имени какъ царя, такъ и бояръ, составлялись и разсылались къ исполненію дьяками, и за ихъ только подписью. Эти-то палаты и составляли «верховное правительство». Имъ подчинены были разряды и приказы для военныхъ и другихъ дѣлъ. Всѣ эти присутственныя мѣста находились въ Москвѣ. Внутри государства, раздѣленнаго на обширныя области, и по окраинамъ дѣлами правили воеводы и окольничіе, имѣвшіе власть судебную и полицейскую. Воеводы, при помощи дьяковъ и подьячихъ, вершили тяжебныя дѣла, собирали доходъ, наказывали преступленія.

---

[1]) *Nordenflycht*, Die schwedische Staatsverfassung in ihrer geschichtlichen Entwickelung. Berlin, 1881 г. Авторъ баронъ Норденфлихтъ—шведскій аристократъ-консерваторъ; онъ стоитъ за олигархію, за аристократію, и его государственный идеалъ витаетъ между Густавомъ-Адольфомъ и Акселемъ Оксенштерномъ. Эта партійность автора отразилась на книгѣ, отличающейся, однако, большими достоинствами.

[2]) Записка «Объ устройствѣ Верховныхъ Правительствъ въ Россіи», поданная императору Александру I въ 1816 году (рукопись); *Ивановъ*, Историческое обозрѣніе мѣстъ и учрежденій. Москва, 1850 г.; *Вициынъ*, Краткій очеркъ управленія въ Россіи. Казань, 1855 г.

Таково, въ общихъ чертахъ, государственное управленіе до-петровской Руси. Въ 1697 году, отправляясь въ первое заграничное путешествіе, Петръ I учредилъ «временное верховное правительство» все еще изъ бояръ. Только по возвращеніи Петра изъ-за границы, въ 1700 году, начались государственныя реформы и, прежде всего, упорядоченіемъ системы государственныхъ доходовъ: въ Москвѣ было учреждено особое присутственное мѣсто для пріема и выдачи государственной казны, состоявшее изъ президента и бургомистровъ, по выбору изъ купеческихъ людей [1]). Имъ подчинены были бургомистры всѣхъ другихъ городовъ и всѣ сборы были изъяты изъ вѣдѣнія воеводъ. За этою первою реформою, до 1711 г., несмотря на жестокую и крайне опасную войну, слѣдовали почти ежегодно новыя учрежденія правительственныхъ мѣстъ по военнымъ, морскимъ и другимъ государственнымъ отраслямъ, причемъ государство раздѣлено было на восемь губерній, съ извѣстнымъ числомъ провинцій и уѣздовъ; въ губерніяхъ назначены губернаторы и губернскія правленія, въ провинціяхъ—воеводы и провинціальныя канцеляріи, въ уѣздахъ — ландраты и комиссары, въ городахъ — коменданты и ратуши.

Въ это время прежнія палаты совершенно исчезли. Важныя дѣла Петръ поручалъ новымъ лицамъ, пользовавшимся его довѣріемъ; эти лица носили званіе министровъ и составляли такъ называемую «Ближнюю Канцелярію» [2]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ Ближней Канцеляріи предсѣдательствовалъ самъ Петръ, ея засѣданія назывались «консиліи».

---

[1]) Этотъ мотивъ вполнѣ разъясненъ въ указѣ отъ 30-го сентября 1700 года: «А буде въ какомъ городѣ какихъ доходовъ не доберутъ и сполна не вышлютъ, и тѣ деньги имать на выборныхъ людяхъ, кто ихъ бурмистровъ выбиралъ, для того, что они тотъ недоборъ учинятъ за ихъ выборомъ». П. С. З., № 1813.

[2]) «Министрамъ, которымъ бываетъ съѣздъ въ Ближнюю Канцелярію, съѣзжаться во вся недѣли въ 3 дни, въ понедѣльникъ, въ среду, въ пятокъ». П. С. З., №№ 2188, 2218.

Въ 1711 году, въ виду предстоявшаго, по случаю турецкой войны, отсутствія государя, былъ учрежденъ, вмѣсто прежняго верховнаго правительства изъ бояръ, «Управительный Сенатъ» изъ восьми сенаторовъ. Отъ сенаторовъ была взята присяга на вѣрность государю и государству, но сенату не было дано ни учрежденія, ни наказа, ни даже инструкціи. Сенату поручались самыя разнообразныя дѣла, иногда даже довольно ничтожныя, въ родѣ присмотра за домами лицъ, сопровождавшихъ государя; между тѣмъ, на существовавшую еще Ближнюю Канцелярію возлагались важныя дѣла по разнымъ частямъ государственнаго управленія. Не было даже опредѣленнаго времени для собраній сената и лишь въ 1716 г. повелѣно ему собираться три раза въ недѣлю; только въ 1719 году повелѣно и въ 1721 году подтверждено. чтобъ всѣ мѣста и лица, получающія высочайшіе указы и повелѣнія, вносили ихъ прежде обнародованія въ сенатъ. Неудивительно поэтому, что въ первое время сенатъ нерѣдко получалъ отъ Петра знаки его неудовольствія: сохранились указы, въ которыхъ сенату предписывается воздержаться «отъ старыхъ глупостей», не говорить въ засѣданіяхъ «лишнихъ словъ», кромѣ дѣла, «не перебивать рѣчей» и т. под.

Одновременно съ сенатомъ, въ 1711 году, учреждены должности оберъ-фискаловъ и фискаловъ. Они должны завѣдывать и доносить сенату о всѣхъ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ по казеннымъ дѣламъ и, не зря на лица, уличать предъ сенатомъ всякаго, кто неправду учинитъ. Въ 1714 году учреждены фискалы въ губерніяхъ, по четыре въ каждой, особенно же «для безгласныхъ дѣлъ, въ которыхъ нѣтъ истца». Позже они обратились въ прокуроровъ, оберъ-прокуроровъ и генералъ-прокурора.

Всѣ эти мѣры не привели, однако, къ желаемымъ результатамъ. Новое вино разливалось въ старые мѣха: невѣжество и самовластіе, унаслѣдованныя отъ прежняго образа правленія, извращали всѣ дѣла въ новыхъ учрежденіяхъ. Въ

виду этого была принята чрезвычайно важная мѣра: указомъ 1714 года было повелѣно всѣ рѣшенія, какъ въ сенатскихъ, такъ и въ губернскихъ учрежденіяхъ, производить протоколами «не одному лицу, а всѣмъ, опредѣленнымъ къ тому дѣлу». Такъ былъ установленъ коллегіальный порядокъ веденія дѣлъ еще до учрежденія коллегій.

Безпристрастно всматриваясь въ положеніе дѣлъ того времени, должно признать, что эта мѣра спасла петровскую реформу. Если и въ настоящее время не часто встрѣчаются лица, соединяющія и способность, и знаніе, и честность, то въ началѣ XVIII вѣка, когда большинство относилось къ нововведеніямъ съ недовѣріемъ, нерѣдко съ враждебностью, только формами коллегіальнаго порядка, въ рѣшеніи дѣлъ самыхъ маловажныхъ, можно было соединить разномысліе, обезсилить злонамѣреніе, руководить незнаніе; только совокупное сужденіе всѣхъ лицъ исправляло пристрастіе и недостатки каждаго въ отдѣльности. Этимъ указомъ 4-го апрѣля 1714 года запрещалось «подъ смертною казнью» секретарямъ и дьякамъ всѣхъ мѣстъ, отъ сената до послѣдней канцеляріи, крѣпить и посылать указы къ исполненію прежде подписи протокола всѣми членами. Угроза смертною казнью лучше всего свидѣтельствуетъ, какую необузданную власть имѣли секретари и дьяки при невѣжествѣ своихъ принципаловъ.

Самъ Петръ всѣ упованія свои возлагалъ только на коллегіи. Сенатъ учрежденъ какъ бы временно, на случай отсутствія государя; сенату не дано прочнаго учрежденія; объ учрежденіи же коллегій Петръ заботился задолго до ихъ открытія, собиралъ свѣдѣнія, обсуждалъ подробности, выписывалъ иностранцевъ.

Еще въ апрѣлѣ 1715 года Петръ требуетъ отъ своего посла при датскомъ дворѣ прислать ему печатные или писанные уставы всѣхъ коллегій, инструкціи для всѣхъ членовъ,

---

[1]) П. С. З., № 2791.

также должности и чины земскихъ и прочихъ правителей и все, что къ тому надлежитъ, «ибо мы слышали, что и шведы отъ нихъ взяли». Въ собственноручной запискѣ по этому поводу сказано: «писать въ Копенгагенъ, чтобъ прислать весь Анштальтъ економіи государства Датскаго, а именно уложеніе гражданское и воинское, сколко коллегіумъ, что каждой должность, сколко персонъ въ коллегии каждой, какое жалованье кому, какіе ранги между себѣ, и прочее все отъ большаго до малаго». Въ ноябрѣ Петръ пишетъ посланному въ Данію Ягужинскому, чтобъ онъ вмѣстѣ съ русскимъ министромъ въ Копенгагенѣ постарался пригласить въ каждую коллегію по «достойному члену», не старыхъ лѣтъ, чтобъ могли «россійскому языку научиться», прибавляя: «а безъ того по однимъ книгамъ нельзя будетъ дѣлать, ибо всѣхъ аргументацій никогда не пишутъ». Въ декабрѣ Петръ поручаетъ ему же достать экономическія учрежденія Швеціи, присовокупляя: «и держите сіе тайно». Въ 1717 году, путешествуя за границею, Петръ самъ присматривается къ коллегіямъ; въ 1718 году пишетъ регламенты; 28-го апрѣля 1718 года издаетъ указъ объ учрежденіи коллегій, въ іюнѣ назначаетъ личный составъ и, указомъ 12-го декабря, опредѣляетъ годовой срокъ для подготовки: «въ коллегіяхъ дѣла заправлять въ будущемъ 1719 году старымъ, а въ 1720 году новымъ манеромъ, понеже новымъ манеромъ еще не управились [1]).

Учрежденіемъ коллегій управленіе государственными дѣлами приведено было въ извѣстный порядокъ, котораго въ сенатѣ, гдѣ всѣ дѣла были смѣшаны, не могло быть. Теперь сенатъ получилъ иное назначеніе: особымъ указомъ, президентамъ коллегій повелѣно было засѣдать въ сенатѣ, вслѣдствіе чего сенатъ сталъ общимъ присутствіемъ коллегій, средоточіемъ всѣхъ дѣлъ, весьма важнымъ и полезнымъ для сохраненія необходимой связи и для согласованія различныхъ

[1]) П. С. З., №№ 3197, 3205, 3207, 3255.

частей. Сенатъ, однако, не могъ правильно функціонировать: президентомъ его былъ самъ государь, не имѣвшій возможности постоянно присутствовать въ сенатѣ, вслѣдствіе чего явилось медленное отправленіе дѣлъ, повлекшее за собою дальнѣйшія измѣненія сената.

Первоначально эта медленность была приписана, вмѣсто настоящей ея причины, тому, что президенты коллегій, занятые своимъ дѣломъ, не имѣли времени засѣдать въ сенатѣ и, указомъ 12-го января 1722 года, личный составъ сената былъ измѣненъ [1]): въ немъ должны были засѣдать, вмѣсто президентовъ коллегій, вновь назначенные вторые президенты, не управлявшіе коллегіями, но носившіе только званіе президентовъ и съ дѣлами вовсе незнакомые. Въ этомъ же году учреждена была при сенатѣ должность генералъ-прокурора и опредѣлены обязанности сената: сенатъ является верховнымъ мѣстомъ въ порядкѣ законодательномъ (изданіе новыхъ законовъ, отмѣна или толкованіе прежнихъ), судебномъ (правосудіе по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ) и исполнительномъ (власть надъ коллегіями, конторами и канцеляріями). Въ этомъ смѣшеніи властей заключалась непрочность установленія сената и корень тѣхъ перемѣнъ, которымъ онъ почти безпрерывно былъ подверженъ.

Замѣна президентовъ коллегій въ сенатѣ новыми членами, носившими лишь званіе президентовъ, но коллегіями не управлявшими, только усилило антагонизмъ между сенатомъ и коллегіями: однимъ и тѣмъ же дѣломъ управляли теперь два мѣста—сенатъ и коллегія; оба они должны были рѣшать на основаніи однихъ и тѣхъ же законовъ и регламентовъ; вслѣдствіе чего, коллегія, избѣгая отвѣтственности, часто спрашивала разрѣшенія сената, а сенатъ, по тому же побужденію, предписывалъ коллегіи «поступать по законамъ».

Наконецъ, должность генералъ-прокурора только въ сла-

---

[1]) П. С. З., № 3877.

бой степени могла исправить обнаружившіеся безпорядки, такъ какъ одному лицу невозможно услѣдить за всѣмъ разнообразіемъ дѣлъ и охранить общественную пользу отъ ошибокъ невѣжества и ухищреній корыстолюбія. Самое званіе генералъ-прокурора, чрезъ руки котораго проходили всѣ дѣла въ сенатѣ, приближало его къ государю болѣе всѣхъ другихъ министровъ и давало ему столь сильный перевѣсъ, что мнѣніе его одного становилось общимъ мнѣніемъ сената. Форма коллегіальнаго разсмотрѣнія дѣлъ въ сенатѣ служила только къ приданію большей важности волѣ и мнѣніямъ генералъ-прокурора, къ оправданію его предъ государемъ.

Кромѣ сената и коллегій, въ это же время продолжалъ собираться и кабинетъ, въ который Петръ I призывалъ наиболѣе довѣренныхъ лицъ для совѣщаній по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ.

Съ кончиною Петра I недостатки управленія обнаружились еще яснѣе. Не постигая, однако, коренной причины слабости правленія, въ которомъ «власти не поставлены въ свойственный имъ порядокъ и одна другую пересѣкаютъ, противорѣчатъ и тѣмъ ослабляютъ», преемники Петра Великаго приступили не къ упорядоченію самого сената, а къ учрежденію верховныхъ правительствъ надъ сенатомъ.

Въ 1726 же году былъ учрежденъ «верховный тайный совѣтъ», причемъ сенату повелѣно именоваться «высокимъ», а уже не «правительствующимъ». Въ 1730 году, послѣ «скандала», разыграннаго верховнымъ тайнымъ совѣтомъ при воцареніи Анны Ивановны, указомъ отъ 4-го марта, какъ верховный совѣтъ, такъ и высокій сенатъ были уничтожены и правительствующій сенатъ возстановленъ съ прежнимъ званіемъ и властію [1]), но не надолго. Власть была уже настолько обезсилена, что черезъ какой-нибудь годъ, въ 1731 году, верховный тайный совѣтъ вновь воскресъ подъ наименованіемъ

[1]) П. С. З., № 5510.

«кабинета», вслѣдствіе чего правительствующій сенатъ опять потерялъ свое значеніе. Отъ учрежденія верховнаго тайнаго совѣта и кабинета «произошло многое упущеніе дѣлъ государственныхъ внутреннихъ всякаго званія, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло» [1]). Елизавета Петровна возстановила правительствующій сенатъ въ прежней силѣ, но при этомъ учредила «конференцію» для совѣщанія по важнымъ внѣшнимъ дѣламъ, а въ 1756 году этой конференціи повелѣно «отправлять всякаго рода внутреннія и военныя дѣла, посылая во всѣ мѣста, не исключая и сената, экстракты изъ своихъ протоколовъ» [2]). Другими словами: конференція по внѣшнимъ дѣламъ обращена въ верховный тайный совѣтъ, въ кабинетъ. Такимъ образомъ, власть правительствующаго сената опять, уже въ третій разъ, была ограничена и стѣснена.

Вотъ тѣ фактическія данныя, которыя Панинъ могъ представлять Екатеринѣ II въ доказательство необходимости произвесть коренную реформу въ государственномъ строѣ Россіи. Данныя, слова нѣтъ, серьезныя, и Екатерина признала необходимость реформы.

Конечно, съ согласія Екатерины, но, вѣроятно, по настоянію Панина, въ манифестѣ отъ 6-го іюля о восшествіи на престолъ было объявлено: «Наиторжественнѣйше обѣщаемъ Нашимъ императорскимъ словомъ узаконить такія *государственныя установленія*, по которымъ бы правительство любезнаго Нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло» [3]). На Панина, конечно, и было «возложено» составить проектъ такихъ «государственныхъ установленій», и въ іюлѣ же, во всякомъ случаѣ,

---

[1]) П. С. З., № 8480, отъ 12-го декабря 1741 года.

[2]) П. С. З., № 10621, отъ 5-го октября 1756 года.

[3]) Архивъ Сената, т. 102, л. 24; «Санктпетербургскія Вѣдомости» за 1762 г., № 55; Указы Екатерины II, 14; Осьмнадц. Вѣкъ, IV, 222; Госуд. Архивъ, разр. III, № 23; П. С. З., № 17759.

не позже августа [1]), т.-е. мѣсяцъ спустя послѣ воцаренія Екатерины, Панинъ представилъ обширный, очевидно, заранѣе обдуманный, если не вполнѣ изготовленный, проектъ, касавшійся реформы верховнаго правительства.

Проектъ Панина распадается на двѣ части, совершенно самостоятельныя: объ учрежденіи императорскаго совѣта и о раздѣленіи сената на департаменты. Въ обѣихъ частяхъ нѣтъ ничего новаго, ничего оригинальнаго.

Вторая часть показываетъ, что Панинъ вѣрно понялъ корень неустойчивости сената, точно опредѣлилъ мѣры для упорядоченія лучшаго изъ петровскихъ учрежденій; но эти же мѣры предполагались и 30 лѣтъ назадъ [2]), съ тою лишь разницею, что тогда находили необходимымъ раздѣлить сенатъ на пять департаментовъ, теперь — на шесть, тогда назначалось въ каждый департаментъ «четыре или пять» членовъ, теперь — «не меньше пяти». Единственное отличіе, но весьма характерное, въ проектѣ Панина заключалось въ предоставленіи сенату «имѣть свободность намъ представлять и на Наши собственныя повелѣнія, ежели они въ исполненіи своемъ могутъ касаться или утѣснить Наши государственные законы или народа Нашего благосостояніе».

Первая же часть проекта является не болѣе, какъ реста-

[1]) Госуд. Архивъ, разр. X, № 4. Проектъ Панина, составленный въ формѣ манифеста для обнародованія, подписанъ Екатериною 28-го декабря 1762 года (л. 10); но уже въ августѣ, въ манифестѣ о возвращеніи гр. А. П. Бестужеву-Рюмину прежнихъ достоинствъ, сказано было: «Жалуемъ его первымъ *императорскимъ совѣтникомъ* и первымъ членомъ новаго, учреждаемаго при дворѣ Нашемъ *императорскаго совѣта*» (Сборникъ, VII, 143). Слѣдовательно, въ августѣ учрежденіе императорскаго совѣта было уже какъ бы предрѣшено. Можно догадываться, что это предрѣшено было еще въ іюлѣ: въ проектѣ Панина говорится объ обѣщаніи «новыхъ государственныхъ установленій», заявленныхъ въ іюлѣ (Госуд. Архивъ, l. c., л. 2).

[2]) См. указъ отъ 1-го іюня 1730 года, напечатанный въ П. С. З., № 5570. Указъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Не приняла Екатерина и проекта Панина, но позже, преобразовывая сенатъ, Екатерина воспользовалась и указомъ 1730 года, и проектомъ Панина.

враціею учрежденія, доказавшаго уже, и не разъ, полную свою непригодность: императорскій совѣтъ есть не что иное, какъ тотъ же верховный тайный совѣтъ, тотъ же кабинетъ, та же конференція, только подъ другимъ названіемъ.

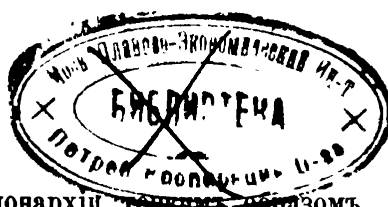
По проекту Панина, императорскій совѣтъ состоитъ изъ императорскихъ совѣтниковъ, «число коихъ никогда восми превосходить и менше шести умалиться не должно» (§ 1); четверо изъ этихъ совѣтниковъ назначаются статсъ-секретарями по дѣламъ иностраннымъ, внутреннимъ, военнымъ и морскимъ (§ 2). «Всѣ дѣла, принадлежащія по уставамъ государственнымъ и по существу монаршей самодержавной власти Нашему собственному попеченію и рѣшенію, словомъ, все то, что служить можетъ къ собственному самодержавнаго государя попеченію о приращеніи и исправленіи государственномъ, имѣетъ быть въ Нашемъ императорскомъ совѣтѣ, яко у Насъ собственно» (§ 4). «Но чтобъ содержащееся въ предыдущемъ параграфѣ имѣло въ производствѣ надобную форму и порядокъ, чѣмъ бы *добрый государь*, при его попеченіи и безпристанныхъ и великихъ трудахъ, *ограничивалъ себя въ ошибкахъ*, свойственныхъ человѣчеству, то Мы, раздѣляя сіи Наши дѣла на четыре департамента, опредѣлили къ каждому изъ нихъ по особливому статскому секретарю, которые секретари должны быть Нашею живою запискою рачительному государю принадлежащаго точнаго свѣдѣнія о установленіяхъ и состояніи всѣхъ вещей, составляющихъ дѣла, порядокъ и положеніе государства всего, въ чемъ *каждый* по своему департаменту и *заимствуетъ часть Нашего собственнаго попеченія*. Императорскій же совѣтъ не что иное, какъ то самое мѣсто, въ которомъ Мы объ имперіи трудимся, и потому всѣ доходящія до Насъ, яко до государя, дѣла должны быть по ихъ свойству раздѣлены между тѣми статскими секретарями, а они по своимъ департаментамъ должны ихъ разсматривать, вырабатывать, въ ясность приводить, Намъ въ совѣтѣ предлагать и по нихъ отправленіе чинить по Нашимъ резолюціямъ

и повелѣніямъ» (§ 5). «Сей совѣтъ собирается каждый день, кромѣ субботы, воскресныхъ и праздничныхъ дней, когда только дѣло есть, въ особливомъ къ тому назначенномъ аппартаментѣ у двора Нашего. Тутъ, въ присутствіи Нашемъ, каждый статскій секретарь по своему департаменту предлагаетъ дѣла, принадлежащія къ докладу и высочайшему императорскому рѣшенію. А совѣтники императорскіе своимъ мнѣніемъ и разсужденіями оныя оговариваютъ и Мы Нашимъ самодержавнымъ повелѣніемъ опредѣляемъ Нашу послѣднюю резолюцію» (§ 8).

Будучи великою княгинею и даже императрицею, но не имѣя еще власти, Екатерина, быть можетъ, молчаливо выслушивала мнѣнія Панина о государственномъ строѣ; теперь, ставъ самодержицею, она читала, перечитывала и другимъ давала читать этотъ проектъ Панина. Замѣчательно, что проектированный Панинымъ императорскій совѣтъ ни въ комъ не встрѣтилъ сочувствія [1]): одни отнеслись къ нему вполнѣ равнодушно, другіе прямо назвали этотъ совѣтъ настоящимъ именемъ — императорскимъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, третьи, наконецъ, высказались довольно рѣзко противъ проекта.

«Не знаю, кто составитель этого обширнаго проекта, — пишетъ фельдцейхмейстеръ Вильбоа, — но мнѣ кажется, какъ

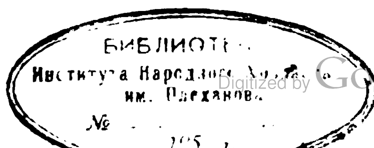
[1]) Въ Госуд. Архивѣ хранятся два мнѣнія о проектѣ, неизвѣстно кѣмъ представленныя: а) краткій отзывъ, съ предложеніемъ измѣнить введеніе въ манифестъ (л. 45), и б) болѣе подробный, съ присоединеніемъ семи замѣчаній на различные параграфы проекта (лл. 46—56). Оба эти мнѣнія изданы въ Сборникѣ, VII, 217. Третье, извѣстное намъ, мнѣніе принадлежитъ фельдцейхмейстеру Вильбоа. Оно напечатано *Blum*, I, 144; небольшіе отрывки его переведены *Соловьевымъ*, XXV, 182; *Корсаковъ*, Сторонники Екатерины, въ «Истор. Вѣст.», XV, 244. Мы приводимъ полный переводъ мнѣнія Вильбоа, наиболѣе серьезнаго изъ всѣхъ. Издатель не объясняетъ, откуда получилъ онъ это мнѣніе: печатаетъ ли онъ его цѣликомъ или въ извлеченіи, словомъ, не представляетъ никакихъ данныхъ для сужденія объ этомъ важномъ документѣ. Можно, однако, догадываться, что мнѣніе Вильбоа было первоначально составлено на французскомъ языкѣ и переведено издателемъ на нѣмецкій. Есть также нѣкоторое основаніе предполагать, что издатель, при переводѣ, измѣнилъ внѣшнюю форму, причемъ, быть можетъ, пострадало нѣсколько и содержаніе.

будто онъ, подъ видомъ защиты монархіи, тонкимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію. Вліятельные члены обязательнаго и государственнымъ закономъ установленнаго императорскаго совѣта (особенно если они обладаютъ достаточнымъ къ тому своеволіемъ, честолюбіемъ и смышленностью) весьма удобно могутъ выр ости въ соправителей. По крайней мѣрѣ, если есть намѣреніе къ такому переустройству, то императорскій совѣтъ представляется первымъ къ тому шагомъ, а такое преобразованіе неминуемо привело бы къ разрушенію могущества и величія Россійской имперіи.

«Мудрость императрицы позволяетъ не опасаться этого; ея намѣренія направлены къ прочному процвѣтанію имперіи и она, конечно, легко устранитъ все, изъ чего въ будущемъ могли бы произойти вредныя послѣдствія. Ея благоразуміе и ея свѣтлый взглядъ не нуждаются ни въ какомъ особенномъ «совѣтѣ», но ея здоровье требуетъ облегченія отъ несносной тягости восходящихъ до нея неразслѣдованныхъ дѣлъ. Этому, кажется, могло бы вполнѣ помочь раздѣленіе ея личнаго кабинета на необходимые департаменты, притомъ такъ, чтобъ только извѣстные, закономъ установленные, доклады представлялись ей самой, и чтобъ въ каждомъ департаментѣ предсѣдательствовалъ статсъ-секретарь или кабинетъ-секретарь. Эти секретари должны принимать входящія бумаги, нумеровать ихъ, вести протоколы входящихъ и исходящихъ бумагъ, докладывать ихъ въ точно опредѣленные часы, оформливать резолюціи императрицы по каждому докладу, подносить къ высочайшему подписанію и затѣмъ, безъ замедленія, приводить въ исполненіе.

«Если эти секретари, не обремененные никакою другою должностью, будутъ обладать здравымъ смысломъ, добрымъ нравомъ, честнымъ направленіемъ и скромностью, если всѣ они будутъ знать законы имперіи и каждый изъ нихъ будетъ обладать достаточными познаніями по управляемому имъ де-

партаменту, то императрица, вмѣсто тягости, найдетъ развлеченіе и забаву въ самомъ порядкѣ и разнообразіи докладываемыхъ дѣлъ. Потребности бѣдныхъ и удрученныхъ, несправедливости и безпорядки надежнѣе дойдутъ до нея чрезъ департаменты; всякій подданный будетъ доволенъ, увѣренный, по крайней мѣрѣ, что имъ управляютъ не безъ вѣдома императрицы и что онъ во всякое время можетъ прибѣгнуть къ ея защитѣ. Въ этомъ случаѣ тѣ присутственныя мѣста, изъ которыхъ проектъ предполагаетъ назначить императорскихъ совѣтниковъ, не лишатся своихъ предсѣдателей или членовъ и не понесутъ, поэтому, никакого упущенія; императрица же, всякій разъ какъ пожелаетъ, можетъ обращаться за совѣтами къ любому изъ наиболѣе способныхъ военныхъ или гражданскихъ дѣятелей; между тѣмъ, какъ при установленіи императорскаго совѣта императрица ограничена совѣтомъ извѣстныхъ лицъ, облеченныхъ званіемъ императорскихъ совѣтниковъ.

«Равнымъ образомъ, въ этомъ случаѣ и сенатъ не будетъ имѣть никакого повода къ неудовольствіямъ, къ зависти и ревности, которыя неминуемо явятся по учрежденіи императорскаго совѣта, какъ бы проектъ ни подтверждалъ и ни выставлялъ преимуществъ сената. Раздѣленіе же сената на различные департаменты—превосходно и въ значительной степени облегчитъ производство дѣлъ. Только число сенаторовъ, какъ въ каждомъ департаментѣ, такъ и въ общемъ собраніи, представляется слишкомъ большимъ: чѣмъ болѣе лицъ, тѣмъ болѣе различныхъ взглядовъ, страстей, партій, раздоровъ и, вслѣдствіе того, тѣмъ менѣе справедливости и тѣмъ медленнѣе производство [1]). Три, четыре самое большое, въ каждомъ

[1]) Неизвѣстный русскій не призналъ число сенаторовъ слишкомъ большимъ, но считалъ долгомъ замѣтить по поводу 30-ти сенаторовъ: «Но притомъ потребно недреманнымъ окомъ смотрѣть, чтобъ самодержавную власть, подобно уздѣ, изъ рукъ не выпускать, какъ уже при избраніи не по крови, но Богомъ и народомъ, въ Бозѣ почивающей государыни императрицы Анны Іоанновны, оная въ немаломъ потрясеніи и колебаніи была». Государственный Архивъ, l. c., л. 48.

департаментѣ—неужели совокупность ихъ ума, знанія и способностей не будетъ достаточна, чтобы сдѣлать даже болѣе того, что отъ нихъ можетъ потребоваться? Самое важное при этомъ—удачный выборъ генералъ-прокурора и секретарей для такого собранія.

«Впрочемъ, русскій государь необходимо долженъ обладать неограниченною властью. Императорскій же совѣтъ, напротивъ, слишкомъ ужъ приближаетъ подданнаго къ государю, и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ»...

Какими побужденіями ни руководствовался бы Вильбоа, Екатерина не нуждалась въ напоминаніи, что «русскій государь необходимо долженъ обладать неограниченною властью». Конечно. императорскій совѣтъ Панина не имѣетъ ничего общаго съ государственнымъ совѣтомъ Швеціи: государственный совѣтъ зависитъ отъ земскихъ чиновъ, которыхъ нѣтъ въ Россіи; императорскій совѣтъ вполнѣ зависитъ отъ императрицы, которая назначаетъ членовъ и утверждаетъ доклады совѣта. Но императорскій ли совѣтъ, верховный ли тайный, кабинетъ или конференція, какъ бы верховное учрежденіе не титуловалось, оно не можетъ имѣть мѣста не только рядомъ, но и близъ Екатерины. Въ докладѣ, которымъ сопровождался проектъ Панина, сказано: «Изъ власти законоданія и самодержавной заключается, что главное, истинное и общее о всемъ государствѣ попеченіе замыкается въ персонѣ государевой»—и Екатерина вполнѣ съ этимъ согласна; но—прибавляетъ Панинъ—«государь никакъ инако власть въ полезное дѣйствіе произвести не можетъ, какъ разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ»—и Екатерина вполнѣ отвергаетъ это. Власть вручена ей, и ей одной: она ни съ кѣмъ не подѣлитъ ее.

Но эта власть перешла въ ея руки при обстоятельствахъ, заставляющихъ Екатерину быть крайне осмотрительною. Въ

началѣ августа Екатерина писала графу Станиславу Понятовскому: «Меня будутъ принуждать сдѣлать много еще странностей; если я уступлю—меня будутъ обожать, если нѣтъ—право, сама не знаю, что случится» [1]). Императорскій совѣтъ—одна изъ такихъ странностей, тѣмъ болѣе опасная, что исходитъ отъ человѣка, которому, положимъ, Екатерина многимъ обязана, но который еще такъ недавно хотѣлъ вовсе лишить ее самодержавной власти, предоставивъ ей только регентство до совершеннолѣтія своего воспитанника, великаго князя Павла Петровича, и когда это не удалось, когда предполагавшаяся регентша стала дѣйствительною самодержицею, онъ теперь настаиваетъ на раздѣленіи ея самодержавной власти между императорскими совѣтниками. Принять проектъ Панина нельзя, но и рѣзко, прямо отвергнуть его—опасно.

Какъ же вышла Екатерина изъ этого положенія?

Панинъ представилъ Екатеринѣ свой проектъ «въ формѣ акта къ подписанію», въ видѣ совершенно готоваго уже манифеста, который оставалось только подписать. Екатерина продержала у себя нѣсколько дней манифестъ и возвратила Панину съ своимъ замѣчаніемъ, требовавшимъ исправленія. Въ манифестѣ, при упоминаніи о восшествіи на престолъ императора Петра III, было сказано: «и не можетъ ли сіе злоключительное положеніе быть уподоблено тѣмъ *варварскимъ* временамъ, въ которыя не только установленнаго правительства, но и письменныхъ законовъ не было». Екатерина подчеркнула слово «варварскимъ» и на полѣ листа приписала: «Правда, что жалѣть о томъ было должно, но неправда то, чтобъ мы потому были хуже татаръ и калмыковъ; а хотя бъ и были таковы, то и при томъ кажется мнѣ, что употребленіе столь сильныхъ словъ неприлично нашей собственной славѣ, да и персональнымъ интересамъ нашимъ противно также, на

[1]) Госуд. Архивъ, разр. III, № 16; *Jacob*, 19; Архивъ кн. Воронцова, XXV, 425.

всю націю и на самихъ предковъ нашихъ указующее поношеніе». По смыслу замѣчанія Екатерины, слѣдовало или измѣнить всю фразу, чтобъ избѣжать «поношенія предковъ», или вовсе ее уничтожить, какъ совершенно негодную для манифеста; но авторское самолюбіе избрало третій выходъ: манифестъ былъ переписанъ съ исключеніемъ только слова *варварскимъ*. Изъ этого Екатерина могла уже ясно видѣть, что ея замѣчаніями вовсе не думаютъ руководствоваться буквально и находятъ достаточнымъ только формальное ихъ исполненіе.

Между тѣмъ Екатерина составила списокъ восьми «императорскихъ совѣтниковъ», показывала списокъ Панину, какъ бы совѣтуясь съ нимъ. Пробѣгая теперь этотъ списокъ [1]), нельзя не замѣтить, что скорѣе форма, чѣмъ убѣжденіе руководило императрицею: въ спискѣ поставлены рядомъ два опальныя лица: графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ и князь Я. П. Шаховской, хотя отношеніе къ нимъ Екатерины было далеко не одинаковое; рядомъ съ главными пособниками: графомъ К. Г. Разумовскимъ, Н. И. Панинымъ, княземъ М. Н. Волконскимъ, не только гр. З. Г. Чернышевъ, навлекшій уже на себя немилость императрицы, но и гр. М. И. Воронцовъ, бывшій сторонникъ Петра III, противникъ воцаренія Екатерины. Если бы императрица серьезно обдумывала личный составъ императорскаго совѣта, въ списокъ не были бы включены ни графъ Воронцовъ, ни графъ Чернышевъ, и въ него, вѣроятно, вошли бы лица, къ которымъ Екатерина относилась въ это время съ особымъ довѣріемъ: мы встрѣтили бы въ проектированномъ спискѣ И. И. Неплюева, гр. П. С. Салтыкова, В. И. Суворова и, быть можетъ, другихъ.

Въ манифестѣ о возвращеніи чиновъ и достоинствъ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину, подписанномъ Екатериною 31-го августа 1762 г., онъ назначался «*первымъ совѣтникомъ новаго учреждаемаго при дворѣ Нашемъ императорскаго совѣта*». Па-

[1]) Сборникъ, VII, 201; *Соловьевъ*, XXV, 182.

нинъ воочію могъ теперь убѣдиться, что его проектъ принятъ. Между тѣмъ, къ этому времени самый проектъ не былъ еще утвержденъ; было признано неудобнымъ оглашать о совѣтѣ ранѣе его учрежденія, и подчеркнутыя выше слова были исключены изъ манифеста [1]).

Самый проектъ, какъ оказалось, нуждался еще въ поправкахъ. Предсѣдатели государственныхъ департаментовъ въ императорскомъ совѣтѣ были названы въ проектѣ *министрами*; Екатерина отмѣтила на полѣ: «слово *министры* не можно-ль переименовать русскимъ языкомъ и точную дать силу?» Чисто русскаго выраженія, соотвѣтствующаго понятію «министръ», не нашлось въ русскомъ языкѣ, и министровъ окрестили въ «статскіе секретари», которымъ, однако, тоже не могли «точную дать силу». Манифестъ вновь былъ переписанъ и представленъ императрицѣ.

Екатерина увидѣла, что ея замѣчаніе опять исполнено не вполнѣ, но смолчала, и занялась назначеніемъ статскихъ секретарей въ департаменты. Во «внутренній» департаментъ былъ назначенъ самъ составитель проекта, Н. И. Панинъ; въ «чужестранный»—графъ М. И. Воронцовъ, въ «военный»—гр. З. Г. Чернышевъ, въ «морской»... такъ никого и не нашлось годнаго. Списокъ этотъ, оставшись недописаннымъ, составлялся, очевидно, только для видимости: статскимъ секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ предположенъ графъ Воронцовъ, въ то время утерявшій уже всякое довѣріе императрицы, и по внутреннимъ дѣламъ—Н. И. Панинъ, никогда внутренними дѣлами не занимавшійся [2]).

---

[1]) «Санктпетербургскія Вѣдомости» за 1762 годъ, отъ 3-го сентября, № 71.

[2]) Въ назначеніи Н. И. Панина, постоянно служившаго въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, статскимъ секретаремъ по внутреннимъ дѣламъ, крылась, быть можетъ, насмѣшка надъ тѣмъ мѣстомъ доклада, гдѣ Панинъ говоритъ: «Нашъ сапожный мастеръ не мѣшаетъ подмастерья съ работникомъ и нанимаетъ каждаго къ своему званію; а мнѣ, напротивъ того, случилося слышать у престола государева отъ людей, его окружающихъ, пословицу льстивую за штатское правило: была бы милость, всякова на все станетъ». Госуд. Архивъ, разр. X, № 4, л. 41.

Были поправки и во второй части проекта, касавшейся раздѣленія сената на департаменты. Въ проектѣ было, между прочимъ, сказано: «Сіе раздѣленіе дѣлъ по департаментамъ не опредѣляется непоколебимымъ или непремѣннымъ; но сенатъ власть имѣетъ *оное перемѣнять* по временамъ, какъ когда свойства дѣлъ могутъ найтись выгоднѣе въ томъ или другомъ департаментѣ»; Екатерина подчеркнула слова: «оное перемѣнять» и приписала противъ нихъ: «о перемѣнѣ оныхъ докладывать Намъ». Манифестъ опять былъ исправленъ согласно замѣчанію императрицы. Читая исправленный текстъ, Екатеринѣ не понравилось слово «департаментъ»—она на полѣ приписала: «называть экспедиціями, а не департаментами».

Поправкамъ не предвидѣлось конца. Вопросъ о реформѣ верховнаго правительства затягивался. Панинъ торопилъ, настаивалъ; Екатерина тянула, уклоняясь подъ разными болѣе или менѣе благовидными предлогами.

Къ декабрю всѣ уже такіе предлоги были, кажется, исчерпаны. Въ депешѣ отъ 19-го декабря саксонскій резидентъ Прассе сообщаетъ, что гр. Бестужевъ-Рюминъ передалъ ему подъ секретомъ, что въ министерствѣ послѣдуютъ перемѣны, что будетъ учрежденъ особый совѣтъ и что объ этомъ будетъ объявлено черезъ 12 или 14 дней [1]). Дѣйствительно, Панинъ могъ торжествовать побѣду: 28-го декабря 1762 года манифестъ объ учрежденіи императорскаго совѣта и о раздѣленіи сената на департаменты былъ подписанъ императрицею Екатериною.

[1]) Der Graf Bestuschew sagte mir im engsten Vertrauen, dass mit dem Ministerio hierselbst eine Veränderung vor wäre und statt dessen ein Conseil errichtet werden sollte, dass dieses in 12 bis 14 Tagen geschehen würde. Die bevorstehende Abänderung war mir schon bekannt und ohnmöglich können auch die Sachen so bleiben, denn die Kanzler haben keinen oder wenigen Credit und der Oberhofmeister Panin, über den und dessen Seichtigkeit und Ungereimtheit Bestuschew gar sehr klagt, und der doch eigentlich nicht Minister ist, hat dessen zuviel und will sich doch gleichwohl nicht anders als nur mit solchen Sachen befassen, die in seinen Kram taugen oder nach seinem Geschmack sind. Дрезденскій Архивъ, vol. VII, № 98.

Но торжество Панина было непродолжительно. Въ тотъ же день, 28-го же декабря, Екатерина разорвала листъ съ своею подписью. Манифестъ не былъ обнародованъ, императорскій совѣтъ не былъ учрежденъ.

Второй уже разъ Панинъ терпитъ пораженіе въ своемъ стремленіи ограничить власть Екатерины. Ни для кого не было тайной, и Панинъ не скрывалъ даже отъ самой Екатерины своего мнѣнія, что, послѣ Петра III, всѣ права на русскій престолъ должны перейти прямо къ великому князю Павлу Петровичу, а Екатерина, какъ его мать, можетъ быть объявлена только регентшею. Панинъ ни въ комъ не встрѣтилъ сочувствія, и Екатерина была провозглашена самодержавною императрицею. Панинъ, однако, не смирился. Уже не явно, напротивъ, съ намѣреніемъ скрывая свою основную мысль, онъ предлагаетъ Екатеринѣ проектъ императорскаго совѣта, учрежденіемъ котораго, въ концѣ концовъ, имѣлось въ виду ограниченіе самодержавной власти. Полгода длилась борьба и Панинъ, опять никѣмъ не поддержанный, вторично былъ побѣжденъ, его проектъ отвергнутъ.

Излечатъ ли Панина эти неудачи? Откажется ли онъ, послѣ такихъ уроковъ, отъ противодѣйствія монархическому принципу? Нѣтъ: пять лѣтъ спустя, въ 1767 году, онъ еще разъ, и уже послѣдній, проявилъ тѣ же тенденціи по поводу прибытія въ Россію Мерсье де Ла-Ривьера.

II.

Первый французъ, рѣшившійся, по приглашенію Екатерины, посѣтить Россію, былъ Мерсье де Ла-Ривьеръ [1]). Импе-

---

[1]) Мы употребляемъ общепринятое написаніе (*Blanqui*, Hist. de l'écon. polit.; *Say*, Traité d'écon. polit., etc.), но оно не вѣрно. Въ парижскомъ архивѣ хранятся офиціальныя бумаги, подписанныя такъ: Paul Pierre Lemercier de La-Rivière (Les cartons des archives du ministère de la marine). Только Quérard (France litéraire) всегда вѣрно пишетъ эту фамилію. Во французской исторической литературѣ намъ извѣстна только одна небольшая замѣтка

ратрица приглашала Вольтера, упрашивала Даламбера — ни тотъ, ни другой не откликнулись на ея зовъ, несмотря ни на какія предложенія.

Въ 1767 году Ла-Ривьеръ занималъ выдающееся положеніе, какъ юристъ, администраторъ, философъ и ученый экономистъ, только что издавшій свое знаменитое сочиненіе «Естественный порядокъ политическихъ обществъ», въ которомъ онъ впервые изложилъ, простымъ и яснымъ языкомъ, основанія новой науки, созданной докторомъ короля Людовика XV, знаменитымъ Кенэ. Адамъ Смитъ называетъ Кенэ «версальскимъ мыслителемъ», а его систему «величественною и мудрою»; Ла-Ривьеръ былъ любимымъ ученикомъ этого мыслителя, и горничная красивой Помпадуръ, Гуссэ, свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ: «Изъ всѣхъ своихъ послѣдователей, Кенэ наиболѣе уважалъ де Ла-Ривьера; онъ признавалъ его человѣкомъ геніальнымъ и считалъ его единственнымъ лицомъ, способнымъ управлять финансами Франціи» [1]. Ла-Ривьеръ, своею жизнью, вполнѣ оправдалъ такой лестный отзывъ своего великаго учителя.

Пройдя юридическую школу, Ла-Ривьеръ, въ 1747 году, будучи 20-ти лѣтъ, поступилъ въ парижскій парламентъ, когда распря между магистратурой и дворомъ приняла уже довольно острый характеръ, но не обратилась еще въ систему, погубившую обѣ воюющія стороны. Такой толчекъ этой распрѣ былъ приданъ «Энциклопедіей», появленіе которой вынесло академическій раздоръ между янсенистами и моленистами на улицу, возбудило умы и привлекло въ ряды оппозиціи всю

M. F. Joubleau, Notice sur P. P. Lemercier de La-Rivière помѣщенная въ Séances et travaux de l'académie des sciences morales et politiques. 1858. Въ нашемъ Государственномъ Архивѣ хранится, кромѣ указанной выше переписки Ла-Ривьера съ Панинымъ (XI, 686), еще переписка его съ разными лицами (XI, 1035) и письма къ Екатеринѣ II (XI, 1034). Два письма ла-Ривьера, къ Дидро и къ Рэйналю, были уже изданы нами въ изслѣдованіи «Дидро въ Петербургѣ», вышедшемъ въ 1884 г.

[1]) *Barrière*, III, 90.

интеллигенцію страны. Изданіе «Энциклопедіи» было запрещено; оппозиція энциклопедистовъ росла и крѣпла. Поддержанная общественнымъ мнѣніемъ, оппозиція поражала министерскую, придворную партію на всей линіи, не пренебрегая ничѣмъ, ни даже такими средствами, какъ кликуши св. Медара, появившіяся на парижскомъ кладбищѣ. Когда правительство, спасая парижское населеніе отъ подобной эпилепсіи, закрыло кладбище, на его воротахъ оппозиція начертила слѣдующее двустишіе:

De par le roi défense à Dieu
De faire de miracle en ce lieu.

Парламентъ противодѣйствуетъ власти; правительство не обращаетъ вниманія на требованія оппозиціи и совѣтуетъ королю «избавиться отъ несносной опеки парламента». Въ 1756 году, королевскимъ декретомъ парламентъ былъ изгнанъ изъ Парижа. Въ эту-то трудную минуту, когда съ бездѣйствіемъ парламента исчезло для населенія всякое правосудіе, а правительственныя распоряженія, какъ не регистрованныя парламентомъ, потеряли всякую законную силу, Ла-Ривьеръ, своимъ вліяніемъ, своими доводами, достигъ примиренія двухъ враждебныхъ лагерей—двора и парламента—причемъ вошелъ въ близкія сношенія и съ угасавшею уже госпожею Помпадуръ, и съ будущимъ кардиналомъ, тогда еще только аббатомъ Берни. Эта услуга, оказанная не столько парламенту, сколько двору, выдвинула Ла-Ривьера изъ ряда обычныхъ парламентскихъ дѣятелей и выказала его не только юридическія способности, но и административный талантъ. Правительство рѣшилось воспользоваться имъ, и въ 1758 году Ла-Ривьеръ былъ назначенъ на трудный и отвѣтственный постъ интенданта о. Мартиники, куда онъ прибылъ вслѣдъ за первою блокадою острова англійскимъ флотомъ.

Семилѣтняя война въ полномъ разгарѣ. Пользуясь превосходствомъ своего флота, Англія нападаетъ на французскія колоніи и жестоко мститъ за пораженія своихъ сухо-

путныхъ войскъ въ Европѣ. Ла-Ривьеръ принялъ островъ, «лишенный провіанта, безъ укрѣпленій, разрушенныхъ бомбардировкою, безъ снарядовъ, разстрѣлянныхъ при отраженіи непріятеля, съ пустою королевскою кассою, безъ кредита, безъ торговли». Маркизъ Богарнэ, губернаторъ всѣхъ французскихъ острововъ въ американскихъ водахъ, вполнѣ подтвердилъ справедливость этого перваго донесенія интенданта, прибавляя, что «безъ помощи метрополіи о. Мартиника подняться не можетъ». Благодаря трудамъ интенданта, островъ, однако, поднялся безъ всякой помощи со стороны Франціи: такъ какъ кредитъ короля былъ окончательно подорванъ, то Мерсье де Ла-Ривьеръ заключилъ заемъ десяти милліоновъ франковъ на свое имя, обезпечивъ его своими землями во Франціи; предоставивъ извѣстныя льготы иностраннымъ судамъ, онъ оживилъ торговлю, снабдилъ островъ жизненными припасами, привлекъ рабочую силу, негровъ, и далъ населенію возможность заняться промыслами. Спустя три года, когда англичане вновь появились у о. Мартиники, они не хотѣли вѣрить, чтобы опустошенный ими островъ могъ такъ скоро оправиться. Теперь къ острову подошли до 200 судовъ англійскаго флота съ 16.000 дессанта. Всякое сопротивленіе было бы безуміемъ: на островѣ, въ крѣпостяхъ, не было войска, въ портахъ—ни одного военнаго судна. 12-го февраля 1762 г. о. Мартиника сдался на капитуляцію. По условіямъ капитуляціи, интенданту Ла-Ривьеру былъ предоставленъ «нейтральный корабль», съ правомъ нагрузить его по собственному усмотрѣнію. Конечно, всякій интендантъ позаботился бы, прежде всего, о собственномъ имуществѣ; но не Ла-Ривьеръ: морская война съ Англіею по необходимости велась французами при помощи корсаровъ; спасти капитановъ этихъ каперскихъ судовъ значило оказать Франціи значительную услугу, и Ла-Ривьеръ посадилъ на свой корабль до сотни этихъ храбрыхъ моряковъ, оставляя въ добычу англичанъ своихъ негровъ, своихъ лошадей, все свое имущество.

Въ томъ же 1762 году былъ заключенъ миръ между Франціею и Англіею, по которому о. Мартиника былъ возвращенъ Франціи. Ла-Ривьеръ вновь былъ назначенъ интендантомъ острова. «Мы нашли Мартинику въ агоніи—доноситъ маркизъ Фенелонъ, вновь назначенный губернаторъ — истощенною англичанами, лишенною негровъ, которые распроданы, и воловъ, которые увезены, разоренною въ конецъ. Населеніе пало духомъ. Придется не управлять, а создавать».

10-го іюля 1763 года, Ла-Ривьеръ вновь прибылъ на Мартинику. Онъ не узналъ своего острова: жители обѣднѣли, провіантъ вздорожалъ: мѣра риса, главной пищи негровъ, поднялась съ 18-ти до 50-ти франковъ; число негровъ, главной рабочей силы, уменьшилось на 80%, количество обрабатываемыхъ полей —на 90%. Въ инструкціи, данной герцогомъ Шуазель интенданту, предписывалось «снабдить островъ изобильно жизненными припасами и купить по дешевой цѣнѣ возможно большее число негровъ». Въ инструкціи ничего, однако, не говорилось, какимъ образомъ исполнить ее безъ надлежащихъ матеріальныхъ средствъ. Здѣсь-то, на о. Мартиникѣ, впервые Ла-Ривьеръ примѣнилъ на практикѣ принципы свободной торговли, которые возродили островъ къ новой жизни и прославили его интенданта.

Ла-Ривьеръ разрѣшилъ всѣмъ кораблямъ, безъ различія національностей, привозить на островъ негровъ, продовольственные припасы, строевой лѣсъ и все, необходимое для колоніи, откуда кто пожелаетъ, безпошлинно. Это было неслыханное для того времени нововведеніе, такъ какъ въ порты французскихъ колоній могли входить для торговли только французскія суда. Предоставляя такое же право англійскимъ судамъ, Ла-Ривьеръ сразу вызвалъ сильную конкуренцію, конкуренція — удешевленіе. Вслѣдствіе такого распоряженія, англійскіе корабли запрудили всѣ порты Мартиники необходимыми ей продуктами; жизненные припасы упали въ цѣнѣ на 50%. Теперь рисъ продавался по 16 франковъ. Французы

не могли конкурировать съ англичанами: мѣра англійской трески стоила 3 франка, французской—16 фр.; доски для бочекъ, привезенныя изъ Новой Англіи, обходились въ 10—12 франковъ, тогда какъ транспортъ ихъ изъ Франціи увеличивалъ цѣну до 18—20 франковъ. Этого мало: всѣмъ кораблямъ, привозившимъ на островъ потребные товары, Ла-Ривьеръ предоставилъ право вывозить съ острова сахарную водку, сахаръ и всѣ мѣстные продукты, чрезъ что рынокъ для сбыта мартиникскихъ продуктовъ сталъ значительно обширнѣе и цѣна ихъ поднялась. Островъ просто воскресъ: число негровъ быстро возросло, потребленіе жизненныхъ припасовъ увеличилось, умножился вывозъ мѣстныхъ продуктовъ; словомъ, островъ сталъ процвѣтать и мѣстные жители благословляли своего интенданта.

Французскіе же негоціанты проклинали его. Они имѣли монополію торговли съ о. Мартиникою и свобода торговли естественно была для нихъ невыгодна. Они подали жалобу министру герцогу Шуазелю; Ла-Ривьеръ отвѣчалъ на эту жалобу обширною запискою, въ которой не только защищалъ свои распоряженія, но и указывалъ все зло запретительной системы [1]). «Часто смѣшиваютъ — писалъ онъ, между прочимъ—истинные интересы торговли, интересы чисто государственные, съ интересами торговцевъ, не имѣющими съ государствомъ ничего общаго. Это смѣшеніе вводитъ всѣхъ въ заблужденіе. Его, однако, легко избѣжать: для этого необходимо только упростить вопросъ, разсматривая всѣхъ негоціантовъ, скупающихъ наши колоніальные товары, какъ одно лицо, и обращая эти товары, вывозимые за границу, въ деньги. При этомъ не нужно уже будетъ отдѣлять частный доходъ отъ частнаго предпріятія: деньги, положенныя въ правую

[1]) Mémoires pour M. de Choiseul servant de réponse aux motifs de mon rappel et à plusieurs de ses dernières dépêches qui ne me sont parvenues que pendant le cours de ma maladie. Compte rendu de l'académie des sciences, Paris, 1859, I, p. 132.

руку или въ лѣвую, не представятъ существеннаго различія отъ ихъ помѣщенія; все вниманіе будетъ обращено на ихъ употребленіе и на общій отъ нихъ доходъ, какъ на единственный, который дѣйствительно интересуетъ государство. Если съ этой стороны взглянуть на операціи, воспрепятствовавшія тремъ или четыремъ французскимъ негоціантамъ получить съ о. Мартиники лишнихъ 30.000 франковъ прибыли, то, очевидно, что для интересовъ торговли, для государственныхъ интересовъ, эти 30.000 франковъ получили лучшее помѣщеніе, оставаясь въ рукахъ населенія, чѣмъ если бы перешли въ руки трехъ или четырехъ купцовъ: оставаясь въ населеніи, эти деньги пойдутъ на покупку негровъ, расчистку земли, увеличеніе производства, словомъ, умножатъ государственное богатство, между тѣмъ какъ въ рукахъ купцовъ онѣ только увеличили бы благосостояніе трехъ частныхъ лицъ. Крики нашихъ французскихъ негоціантовъ противъ меня указываютъ лишь разницу между честными доходами, которые они получили съ о. Мартиники, и безчестными, которые они разсчитывали получить. Ставя свой личный интересъ выше государственнаго, купцы готовы зарѣзать курицу, несущую золотыя яица; я спасъ ей жизнь и тѣмъ сохранилъ ее для ихъ же интересовъ, которые они дурно понимаютъ».

Свобода торговли спасла о. Мартинику; еслибъ запретительная система не была отмѣнена, она убила бы эту французскую колонію вѣрнѣе всякаго англійскаго разгрома, и вотъ по какому простому расчету, приводимому въ запискѣ Ла-Ривьера: островъ производилъ всего на 16 милліоновъ франковъ, что̀, за вычетомъ необходимыхъ расходовъ, давало 4 милліона чистой прибыли, изъ которой 1 милліонъ шелъ на уплату государственнаго налога, а населенію оставалось 3 милліона на обработку полей, содержаніе семьи, пропитаніе негровъ; между тѣмъ французскіе откупщики, пользуясь только-что оконченною войною, повысили цѣны на продукты до такой степени, что на одно пропитаніе островитянъ потребовалось

бы 5 милліоновъ франковъ болѣе [1]), чѣмъ обыкновенно. При чистомъ доходѣ въ 3 милліона невозможно уплатить 5 милліоновъ иначе, какъ изъ валоваго дохода, т.-е. изъ суммъ, потребныхъ на самое производство.

Принципъ свободы торговли и въ концѣ XIX стол. не понимается многими умами, смѣшивающими государственные интересы торговли съ частными интересами торговцевъ; для практическаго же примѣненія этого принципа въ половинѣ XVIII вѣка требовалось много усилій и труда. Эти заботы, въ связи съ вліяніемъ климата, подорвали здоровье Ла-Ривьера: онъ занемогъ изнурительною лихорадкой, три мѣсяца пролежалъ въ постели, и, по требованію докторовъ, долженъ былъ покинуть островъ. Онъ возвратился во Францію, въ концѣ 1764 года, «скорѣе мертвый, чѣмъ умирающій—онъ не узнавалъ никого, даже родныхъ».

Когда Ла-Ривьеръ выздоровѣлъ, его имя было у всѣхъ на устахъ, пріобрѣло громкую извѣстность, стало знаменемъ. Дѣло въ томъ, что маркизъ Фенелонъ, вполнѣ сознававшій, что только благодаря свободѣ торговли интенданту удалось спасти о. Мартинику, распространилъ во множествѣ экземпляровъ знаменитую записку Ла-Ривьера, въ которой высказывались совершенно новые политико-экономическіе взгляды, воочію обличавшіе полную несостоятельность запретительной системы правительства. Восемнадцать лѣтъ позже, обнародованіе знаменитаго отчета (Compte Rendu) Неккера произведетъ еще большее впечатлѣніе, чисто революціоннаго характера; распространеніе записки (Mémoire) Ла-Ривьера вызвало, однако, значительное движеніе въ умахъ и поставило ея автора въ ряды выдающихся дѣятелей Франціи.

[1]) Такъ, напримѣръ, боченокъ мяса, стоившій 65 франковъ, продавался теперь по 105 фр., т.-е. цѣна мяса повысилась на 40 фр.; о. Мартиника потребляетъ 50.000 бочекъ мяса, слѣдовательно, это повышеніе увеличивало расходъ на 2 милліона франковъ. Соотвѣтственно повысилась въ цѣнѣ мука и другіе припасы, привозимые изъ Франціи.

Отчетъ Неккера былъ изданъ съ согласія короля; распространеніе записки Ла-Ривьера было поставлено ему въ вину и возбудило противъ него все министерство и дворъ. Ла-Ривьеръ «былъ отставленъ» и впалъ въ немилость. Узнавъ объ этомъ, маркизъ Фенелонъ писалъ герцогу Шуазелю: «Мерсье де Ла-Ривьеръ стяжалъ себѣ уваженіе всѣхъ честныхъ людей; я позволяю себѣ думать о немъ такъ же, какъ они, и имѣть мужество сказать это вамъ».

Оставшись не у дѣлъ, Ла-Ривьеръ всецѣло посвятилъ себя политической экономіи и принялъ дѣятельное участіе въ органѣ экономистовъ «Journal de l'agriculture, du commerce et des finances». Во всѣхъ своихъ статьяхъ онъ старался найти и указать полную связь между естественнымъ правомъ и политическою экономіею, касался вопроса, который въ то время интересовалъ лучшихъ экономистовъ, съ Кенэ во главѣ, и прямо вытекалъ изъ направленія, принятаго философіею второй половины прошлаго вѣка. Когда «Journal de l'agriculture, du commerce et des finances» былъ запрещенъ, Ла-Ривьеръ собралъ эти статьи, подвергъ ихъ новой переработкѣ и издалъ, въ началѣ 1767 года, свой знаменитый «*Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques*».

Книга эта произвела еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ его «Mémoire», и имѣла необыкновенный для того времени успѣхъ. Въ первые же мѣсяцы было продано 3.000 экземпляровъ. Экономисты и философы раздѣлились на двѣ партіи: Гриммъ, Мирабо, Мабли находили книгу «мерзкою» (détestable); Дидро, Гольбахъ, Кондильякъ не находили словъ для превозношенія книги и ставили ее выше «Esprit de lois» [1]), «Gazette du commerce» и «Ephémérides du citoyen», посвящали цѣлые столбцы восхваленіямъ или порицаніямъ книги; дошло до того, что въ парижскихъ салонахъ было условлено не касаться вопроса о естественномъ порядкѣ политическихъ обществъ.

---

[1]) *Tourneux*, VII, 443—450.

Вскорѣ изъ довольно обширнаго «Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques» было сдѣлано краткое извлеченіе, доступное большинству, подъ заглавіемъ: «Origine et progrès d'une science nouvelle».

Это дѣйствительно «новое ученіе», ученіе физіократовъ, фритредеровъ, занимало умы, обсуждалось всѣми. Сторонники этого ученія и противники его, своими отзывами въ салонахъ и статьями въ газетахъ, возбуждали рядъ вопросовъ, причемъ имя Ла-Ривьера было у всѣхъ на устахъ и его популярность, его слава росла и ширилась.

Въ это именно время, въ началѣ 1767 года, русскій посланникъ въ Парижѣ, князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ передалъ Ла-Ривьеру приглашеніе Екатерины II прибыть въ Россію, ко двору русской императрицы.

III.

Въ 1767 году, созваніемъ комиссіи для составленія новаго уложенія, Екатерина заложила фундаментъ своего величія. Необходимость «Уложенія» не только сознавалась многими, но и живо чувствовалась всѣми русскими людьми. «Когда мысленно воззримъ на минувшее время,—говорили депутаты императрицѣ, — духъ въ насъ еще трепещетъ и паденіе имперіи живо представляется воображенію. Видѣли мы нашу вѣру подверженною презрѣнію и ругательству, яснымъ двумъ предзнаменованіямъ ея истребленія. Видѣли мы законы, общее житіе утверждающіе и сохраняющіе, приведенные въ замѣшательство, противорѣчіе и неисполненіе, правосудіе, изнемогшее съ паденіемъ законовъ, съ правосудіемъ истребленную совѣсть и добронравіе. Не столпы только правленія колебались, но и самое онаго основаніе потряслося. Государственные доходы истощились, потеряна была довѣренность и угнетена торговля. Грабительство, лакомство, корысть, насильство и прочіе пороки, покровительствомъ мно-

гихъ людей ободренные, возрастали съ гибелью для народа и усугубляли бѣдствіе отечества нашего и, наконецъ, вездѣ неустройства торжествовали, гдѣ слѣдовало царствовать порядку» [1]). Представители народа, созванные Екатериною, искренно желали укрѣпить «основанія правленія».

Созывая депутатовъ въ комиссію, Екатерина не имѣла въ виду ни воскрешать историческихъ преданій русской земли, ни возстановлять давно уже порванную связь между старою земскою Русью и новою императорскою Россіею. Она въ то время не знала еще ни о мірскихъ уложеніяхъ, ни объ уставныхъ грамотахъ, ни о земскомъ соборѣ 1648 года, составившемъ соборное уложеніе, это «великое земское дѣло». Объяснять созывъ депутатовъ въ комиссію вліяніемъ Монтескье едва ли нужно: мысль о совѣщаніи съ подданными объ ихъ «нуждахъ и недостаткахъ» такъ проста, такъ естественна, что объясняется сама собою, безъ всякаго посторонняго вліянія. Пришла же она, полвѣка ранѣе, русскому мужику:

— «Къ сочиненію тоя судебныя книги избрать человѣка два или три изъ духовнаго чина самыхъ разумныхъ и ученыхъ людей, и въ божественномъ писаніи искусныхъ, и отъ гражданства, кои въ судебныхъ и во иныхъ правительныхъ дѣлахъ искусны, и высокаго чина, кои не горды и ко всякимъ дѣламъ нисходительны, и отъ иныхъ чиновъ, кои не высокоумны, и отъ приказныхъ людей, кои въ дѣлахъ разумны и правдолюбны, и отъ купечества, кои во всякихъ дѣлахъ перебыли-бъ, и отъ солдатъ, кои смышлены и въ службахъ и въ нуждахъ натерлися и правдолюбивые, изъ людей боярскихъ, кои за дѣлы ходятъ, и изъ фискаловъ. А мнится мнѣ: не худо бы выбрать изъ крестьянъ, кои въ старостахъ и въ сотскихъ бывали, и во всякихъ нуждахъ перебывали-бъ и въ разумѣ смысленные. Я видалъ, что и въ мордвѣ разумные люди есть, то какъ во крестьянехъ не быть людемъ разумнымъ?

[1]) П. С. З., № 12978.

«И написавъ тыи новосочиненные пункты, всѣмъ народомъ освидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ, дабы въ томъ изложеніи, какъ высокороднымъ, такъ и низкороднымъ, какъ богатымъ, такъ и убогимъ, какъ высокочинцамъ, такъ и низкочинцамъ, и самымъ земледѣльцамъ, обиды бы и утѣсненія отъ недознанія косгождо ихъ бытія въ томъ новоисправленномъ изложеніи не было.

«На сіе мое реченіе многіе возропщуютъ, яко бы азъ его императорскаго величества самодержавную власть народосовѣтіемъ снижаю; азъ не снижаю его величества самодержавія, но ради самыя истинныя правды, дабы всякій человѣкъ осмотрѣлъ въ своей бытности, нѣтъ ли кому въ тыихъ новоизложенныхъ статьяхъ каковыя непотребныя противности, иже правости противна. И аще кто узритъ каковую неправостную статью, то бы безъ всякаго сомнѣнія написалъ, что̀ въ ней неправость, и ничего не опасаясь, подалъ бы ко исправленію тоя книги, понеже всякъ рану свою въ себѣ лучше чуетъ, нежели въ иномъ комъ. И того ради надобно всякимъ людямъ свои бытности выстеречи, дондеже книга не совершится; а егда она совершится, то уже никто не можетъ помочи; того бо ради и дана свободность, дабы послѣди не жаловались на сочинителей тоя новосочиненныя книги. Того-то ради надлежитъ ю вольнымъ голосомъ освидѣтельствовать, дабы всякая статья ни отъ кого порочена не была, но всякъ бы себя выстерегъ, и чтобы впредь никому спорить было не мочно, но въ вѣки вѣковъ было бы не нарушимо оно.

«Правосудное установленіе самое есть дѣло высокое, и надлежитъ его такъ разсмотрительно состроити, чтобъ оно ни отъ какого чина незыблемо было. И того ради безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы не возможно; понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, комуждо по силѣ его: овому далъ много, овому же менѣе. Обаче нѣтъ такого человѣка, ему же бы не далъ Богъ ничего; и что далъ

Богъ знать малосмысленному, того не далъ знать многосмысленному; и того ради и самому премудрому человѣку не надлежитъ гордиться и умомъ своимъ возноситься; и малосмысленныхъ ничтожить не надлежитъ, коихъ въ совѣтъ призывать надобно; понеже малосмысленными человѣки многащи Богъ вѣщаетъ и того ради въ установленіи правосудія вельми пристойно изслѣдовать многонароднымъ совѣтомъ» [1]).

Подобно Посошкову, Екатерина не только признавала, что совѣщаніе съ представителями народа «не снижаетъ самодержавія», но и видѣла «по опыту прежнихъ временъ», что составленіе «Уложенія» однимъ канцелярскимъ порядкомъ невозможно. Она знала, конечно, о неудачѣ, постигшей въ этомъ отношеніи Петра Великаго. По указу императора, юстицъ-коллегія перевела шведское уложеніе, сдѣлала сводъ россійскихъ законовъ со шведскими и сенату данъ былъ указъ о слушаніи этого перевода: «Слушаючи, которые пункты покажутся несходными къ нашему народу, то противъ оныхъ изъ стараго уложенія или новые пункты дѣлать; также, ежели покажутся которые въ старомъ уложеньѣ важнѣе, нежели въ шведскомъ, тѣ также противу написать, и все то намъ къ слушанію изготовить; для помѣстныхъ дѣлъ взять права эстляндскія и лифляндскія, ибо оныя сходнѣе и почитай однимъ манеромъ владѣніе имѣютъ, какъ у насъ». Изъ этого ничего не вышло. Не удались и всѣ попытки послѣ Петра Великаго, числомъ четыре, созвать соборъ для сочиненія новаго уложенія: четыре правительства, одно за другимъ, боялись созвать выборныхъ отъ народа, довольствовались тѣми, кого присылали губернаторы, «согласясь обще съ дворянами», заботились лишь о томъ, чтобъ уложеніе было составлено «при довольномъ числѣ членовъ» и сочинено «съ поспѣшеніемъ».

Екатерина отнеслась къ дѣлу серьезно, съ любовью. Задолго до призыва выборныхъ людей, императрица читаетъ

[1]) *Посошковъ*, стр. 79.

энциклопедистовъ, изучаетъ Монтескье, дѣлаетъ выписки изъ Блэкстона, знакомится съ трудомъ Беккаріа и пишетъ «наказъ» комиссіи. «Я начала читать, потомъ писать наказъ комиссіи уложенія. Два года я и читала, и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова». Она позаботилась не только о составѣ комиссіи, узаконивъ «обрядъ выборовъ», но и о порядкѣ ея засѣданій, составивъ «обрядъ управленія комиссіи». 14-го декабря 1766 года былъ изданъ манифестъ о созывѣ представителей народа, и съ этого дня Екатерина вся отдалась заботамъ о комиссіи: она слѣдитъ за выборами, интересуется депутатскими наказами, вычисляетъ стоимость содержанія депутатовъ, хлопочетъ о лицахъ, которыя должны руководить комиссіею, о помѣщеніи для засѣданій, даже о квартирахъ для депутатовъ.

Въ это-то время Екатерина услышала о Мерсье де Ла-Ривьерѣ. Газеты были наполнены извѣстіями объ его управленіи островомъ Мартиникою, дважды имъ спасенномъ; Дидро, Рейналь и другіе «друзья императрицы» выхваляли его «Mémoire», прославляли автора и рекомендовали его, какъ администратора hors concours, по выраженію «Gazette du commerce». Въ это же время, представитель Россіи въ Мадридѣ, случайно находившійся въ Парижѣ, баронъ О. Н. Штакельбе́ргъ, прислалъ Н. И. Панину обширную депешу, въ которой подробно сообщалъ объ административной дѣятельности Мерсье де Ла-Ривьера на островѣ Мартиникѣ, указывалъ, какъ французское министерство не оцѣнило его талантовъ, дурно вознаградило его за оказанныя имъ услуги, и, со словъ аббата Рейналя, прибавлялъ, что «досада на свое правительство и желаніе отличиться въ какой-либо другой странѣ, проявивъ свои дарованія и свой образъ дѣйствій, побудятъ его, быть можетъ, поступить на службу Россіи», что онъ «не колеблется извѣстить объ этомъ ея императорское величество, убѣжденный, что императрица не можетъ найти человѣка болѣе достойнаго, по сердцу и уму, для заботъ по

ея приказаніямъ относительно коммерческихъ установленій и всего, касающагося политико-экономической области» [1]). Панинъ представилъ эту депешу императрицѣ. Екатерина прочла ее и, вмѣсто обычной резолюціи на самой депешѣ, написала Панину, на отдѣльномъ листкѣ, слѣдующую записку:

«Никита Ивановичъ! Заклинаю васъ написать Штакельбергу, и на случай, если онъ уже не во Франціи, князю Голицыну, чтобъ они вошли въ переговоры съ этимъ г. де Ла-Ривьеромъ о переселеніи его въ Россію. Помните главное— не разглашайте его имени, чтобъ французское министерство не помѣшало ему пріѣхать сюда. Онъ долгое время служилъ на о. Мартиникѣ, въ его «Запискѣ» встрѣчаются очень хорошія мысли, и онъ будетъ намъ полезнѣе, чѣмъ имъ—они не умѣютъ пользоваться имъ» [2]).

Какъ же думала воспользоваться Екатерина мартиникскимъ интендантомъ? Не только современники, друзья и сторонники интенданта, но и въ настоящее время, въ сочиненіяхъ, изданныхъ въ 1891 году, высказывается не какъ предположеніе, а какъ увѣренность, что Екатерина разсчитывала на помощь Ла-Ривьера при составленіи новаго Уложенія [3]). Невозможное по нашимъ понятіямъ предположеніе является весьма вѣроятнымъ относительно взглядовъ того времени. Согласно раціоналистической философіи XVIII вѣка, Екатерина была убѣждена, что разумъ и только разумъ могъ и долженъ сочинить новое уложеніе. Раціонализмъ прошлаго вѣка отвергалъ историческое начало въ развитіи народа; все, что выработала исторія, признавалось подлежащимъ переработкѣ на основаніи разума. Воспитанная на просвѣтительныхъ идеяхъ французской философіи XVIII вѣка, Екатерина

---

[1]) Госуд. Архивъ, XI, 686, л. 6.

[2]) Сборникъ, X, 240.

[3]) Catherine II jugea que l'auteur de l'Ordre naturel pourrait l'aider à rédiger le Code de toutes les Russies. *Say*, Diction. d'écon. polit., Paris, 1891, II, 114.

и не подозрѣвала, что законы страны являются только результатомъ историческаго развитія, что они всегда соотвѣтствуютъ характеру народа, во многомъ зависятъ отъ условій быта, отъ климата, почвы. Не нужно быть русскимъ, не нужно знать Россію и ея прошлое, чтобъ составить для Россіи такое уложеніе, которое позволитъ «видѣть русскій народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольство можетъ на сей землѣ простираться» — надо только обладать «просвѣщеннымъ разумомъ», а Ла-Ривьеръ, судя и по отзыву парижскихъ философовъ, и по собственной дѣятельности, вполнѣ обладалъ такимъ разумомъ.

Панинъ съ восторгомъ относился къ мысли объ участіи народа въ законодательствѣ. Ла-Ривьеръ, такъ смѣло нарушавшій королевскіе декреты, могъ только укрѣпить, если не расширить эту мысль. Тотчасъ по полученіи вышеприведенной записки Екатерины, Панинъ написалъ барону Штакельбергу, что «вслѣдствіе высокаго мнѣнія, высказаннаго имъ о талантахъ Мерсье де Ла-Ривьера, ея императорское величество желала бы имѣть его на своей службѣ», и поэтому поручила ему переговорить съ мартиникскимъ интендантомъ объ условіяхъ, на которыхъ онъ согласился бы пріѣхать въ Россію. Штакельберга не было уже въ Парижѣ, онъ уѣхалъ на свой постъ въ Мадридъ, и порученіе было выполнено княземъ Голицынымъ. «Мерсье де Ла-Ривьеръ — писалъ князь Голицынъ Панину—принялъ съ полнымъ удовольствіемъ новость, которую я сообщилъ ему, что предложеніе, сдѣланное барономъ Штакельбергомъ о переходѣ его на русскую службу, принято ея величествомъ» [1]).

Переговоры эти велись въ апрѣлѣ 1767 года, въ іюнѣ должны были открыться засѣданія комиссіи, и кн. Голицынъ спѣшитъ съ заключеніемъ договора. По этому договору, Ла-

[1]) Госуд. Архивъ, l. c., л. 7.

Ривьеръ отправляется въ Россію, чтобъ по мѣрѣ силъ работать «для пользы и блага какъ человѣчества, такъ и подданныхъ ея императорскаго величества», причемъ «всѣ путевыя издержки уплачиваются русскимъ правительствомъ».

Отправляясь изъ Парижа въ Петербургъ, быть можетъ, въ Москву, Ла-Ривьеръ имѣетъ въ виду не точно опредѣленную задачу, не ясно обусловленную цѣль, а «пользу и благо»; и даже не Россіи, куда онъ ѣдетъ, а прежде всего «человѣчества» и потомъ уже, конечно, и русскихъ, какъ составляющихъ часть человѣчества! Въ этомъ сказывался весь XVIII вѣкъ, съ его общечеловѣческою пользою и міровымъ благомъ, достигаемымъ только разумомъ. Разумъ одинъ, условія его функціонированія всегда и вездѣ одинаковы; Ла-Ривьеръ спасъ о. Мартинику, онъ осчастливитъ Россію и всякую страну, гдѣ только приложитъ свои таланты, примѣнитъ свои знанія! Въ этомъ убѣждены не только самъ Ла-Ривьеръ, но и всѣ адепты раціоналистической философіи XVIII вѣка, всѣ французскіе философы, экономисты, энциклопедисты и какъ бы они себя ни называли. Не только въ первые годы царствованія Екатерины, но много лѣтъ позже, когда уже Польша была уничтожена, Крымъ присоединенъ къ Россіи и Екатерина являлась рѣшительницею судебъ западно-европейскихъ державъ, иностранцы, являвшіеся въ Россію, смотрѣли на себя какъ на реформаторовъ, призванныхъ осчастливить русскій народъ [1]). Какой-нибудь нѣмецъ Циммерманъ, извѣстность котораго не выходила за предѣлы мѣстнаго герцогства, только и мечталъ о томъ, что Екатерина призоветъ его реформировать Россію [2]). Какъ же долженъ былъ смотрѣть на свое приглашеніе Ла-Ривьеръ, слава котораго именно въ это время достигла своего апогея?

Онъ, прежде всего, проситъ князя Голицына вести все дѣло въ тайнѣ, безъ огласки: французское министерство недовольно имъ и, узнавъ, что императрица приглашаетъ его

[1]) Weikard, S. 351. [2]) Weikard, S. 318, 358.

въ Россію, можетъ не дать ему отпуска и тѣмъ лишить его возможности принесть «пользу и благо человѣчеству». Въ самомъ началѣ переговоровъ, отъ 6-го мая, онъ пишетъ кн. Голицыну: «Я полагаю, что мнѣ не должно бывать у вашего превосходительства. Это, конечно, всѣ узнали бы и обратили бы вниманіе на то, что я вижусь съ иностраннымъ министромъ, не показываясь ни одному изъ своихъ. Даже замѣчу, князь, что вы сами стали бы, болѣе чѣмъ всякій другой, предметомъ разговоровъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что ваша императрица старается привлекать къ себѣ людей, пользующихся нѣкоторою извѣстностью. И тѣмъ охотнѣе стали бы это объяснять по своему, что, не будучи уже въ состояніи скрывать отъ себя нелѣпость своего положенія, принятаго ими относительно моей совмѣстной съ г. Фенелономъ администраціи на о. Мартиникѣ, они увѣряютъ себя, будто я долженъ быть недоволенъ» [1]). Онъ получилъ отпускъ на два года, говоря всѣмъ, что отправляется путешествовать по Германіи.

Человѣкъ серьезный, привыкшій строго относиться къ принимаемымъ на себя обязанностямъ, Ла-Ривьеръ, убѣжденный, что его зовутъ въ Россію для дѣятельности разносторонней, обширной [2]), пригласилъ, въ качествѣ секретарей [3]), двухъ-трехъ спеціалистовъ, которые должны были помогать

[1]) Госуд. Архивъ, l. c., л. 9.

[2]) Въ числѣ приглашенныхъ имъ лицъ находился и Вилльe (de Villier), парижскій адвокатъ, въ теченіе трехъ лѣтъ находившійся въ Англіи для изученія англійскихъ законовъ. Онъ жилъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ, добросовѣстно исполняя возлагавшіяся на него порученія, и былъ лично извѣстенъ Екатеринѣ, которая отзывалась о немъ такъ: «M-r de Villier est sage, a de l'esprit et est très instruit». Онъ былъ юрисконсультомъ генералъ-прокурора. Сборникъ, X, 55, 95.

[3]) Фальконетъ, ранѣе Ла-Ривьера прибывшій въ Россію и переписывавшійся съ Екатериною, тоже былъ убѣжденъ, что Ла-Ривьера вызывали «для совѣщанія о вопросахъ правовѣдѣнія и о всемъ, что могло споспѣшествовать благополучію Россіи и славѣ царствованія», какъ о томъ говорила ему сама Екатерина. Idem., 52.

ему, работать подъ его руководствомъ. Эти секретари выѣхали ранѣе его и отправились по другой дорогѣ, чтобы «ввести въ заблужденіе любопытныхъ».

Увѣдомляя Панина объ отъѣздѣ Ла-Ривьера изъ Парижа, князь Голицынъ приложилъ къ своему письму только что вышедшій томъ «L'Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques», появленіе котораго произвело такой шумъ въ Парижѣ.

Н. И. Панинъ зналъ Ла-Ривьера только съ хорошей стороны. Въ депешѣ барона Штакельберга, въ отзывахъ аббата Рейналь, Дидро, Кенэ и др. лицъ, пользовавшихся уваженіемъ, Ла-Ривьеръ рисовался съ очень лестной стороны, какъ образованный юристъ, членъ парламента и строгій экономистъ, послѣдователь и даже продолжатель Кенэ. Составленный имъ въ свою защиту «Mémoire» убѣдилъ Панина, что это дѣльный администраторъ и энергическій интендантъ, ставящій интересы ввѣренной ему области выше придворнаго угодничества, рѣшающійся противодѣйствовать королевскимъ декретамъ, «ежели они въ исполненіи своемъ могутъ утѣснить благосостояніе народа» [1]). Прочитавъ «Mémoire», Панинъ надѣялся встрѣтить въ его авторѣ «своего человѣка»; ознакомившись же съ «Ordre naturel», убѣдился, что Ла-Ривьеръ ему «не ко двору».

Излагая основныя принципы «новаго ученія», Ла-Ривьеръ обратилъ особенное вниманіе на политическую сторону вопроса, которая и тогда уже представлялась Ахиллесовой пятой этого ученія. Ярый монархистъ, роялистъ въ душѣ, Ла-Ривьеръ искренно былъ убѣжденъ, что при абсолютной монархіи «счастіе народовъ» достигается надежнѣе и полнѣе, чѣмъ въ республикѣ Руссо или въ конституціонной монархіи Монтескье. Онъ признаетъ, что задача законодателя заключается исключительно въ обезпеченіи личной свободы и личной собственности, и не видитъ причинъ, по которымъ «из-

[1]) Слова Панина въ проектѣ реформы сената, отвергнутомъ Екатериною.

бранники народа» могли бы представить болѣе такого обезпеченія, чѣмъ наслѣдственный государь, естественно и лично заинтересованный «въ сохраненіи спокойствія и въ накопленіи богатствъ». Для контроля королевской власти Ла-Ривьеръ признавалъ достаточнымъ судебную власть, обязанную, подобно французскимъ парламентамъ, отправлять правосудіе и слѣдить за согласованіемъ королевскихъ декретовъ съ естественными законами. Обязанности короля онъ ограничивалъ поддержаніемъ безопасности и, согласно съ естественными условіями быта, предоставлялъ королю извѣстную часть чистаго дохода съ земли, собираемую въ видѣ прямого налога. Эту свою политическую систему Ла-Ривьеръ самъ охарактеризовалъ крайне неудачнымъ выраженіемъ «законнаго деспотизма» (despotisme légal), возбудившимъ серьезныя возраженія и насмѣшки [1]).

Во французской литературѣ прошлаго вѣка «L'Ordre naturel» является лебединою пѣснью монархизма. Наканунѣ революціи, Ла-Ривьеръ громко и публично проповѣдывалъ, что «наслѣдственная монархія есть лучшая форма правленія», что «человѣкъ по природѣ своей необходимо долженъ быть управляемъ деспотомъ», что «самодержецъ представляетъ собою образъ Бога на землѣ» и т. под. [2]). Понятно, что такая книга была скоро и вполнѣ забыта во Франціи. Но въ Россіи? Не представлялось ни малѣйшаго сомнѣнія, что Екатерина, прочтя «L'Ordre naturel», найдетъ во взглядахъ автора много общаго, ей симпатичнаго, что она, въ случаѣ надобности, встрѣтитъ въ доводахъ Ла-Ривьера большую для себя опору. «Книга Монтескье *Esprit des lois* служитъ мнѣ молитвенникомъ», писала Екатерина Даламберу; если книга Монтескье можетъ быть молитвенникомъ, то книга Ла-Ривьера

---

[1]) Въ опроверженіе этой системы Вольтеръ написалъ «L'homme aux quarante écus».

[2]) L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques. Paris, 1767, p. 127, 130, 142, 167, 180 sqq.

должна стать для нея молитвою: Монтескье училъ новымъ политическимъ началамъ, Ла-Ривьеръ оправдывалъ старыя политическія традиціи. Для Екатерины важенъ былъ не Монтескье, а Ла-Ривьеръ.

Для Екатерины, не для Панина. Какіе мотивы ни руководили бы Екатериною при созваніи законодательной комиссіи, эта комиссія уже созвана, представители народа уже съѣхались, день открытія засѣданій уже назначенъ. Для людей такого закала, какъ Панинъ, было чрезвычайно важно, чтобъ комиссія состоялась и чтобъ плоды ея были плодотворны; Ла-Ривьеръ же посвящаетъ цѣлыя главы доказательству, что народъ не можетъ быть законодателемъ, что раздѣленіе властей законодательной и исполнительной немыслимо [1]). Для Панина нѣтъ выбора: Екатерина не увидитъ книги «L'ordre naturel», Ла-Ривьеръ не останется въ Россіи.

Панинъ, на этотъ разъ, достигъ того и другого.

Переѣздъ изъ Парижа въ Петербургъ дѣлался обыкновенно въ шесть недѣль; Ла-Ривьеръ пробылъ въ дорогѣ почти три мѣсяца, главнѣйшимъ образомъ вслѣдствіе нездоровья, заставившаго его останавливаться на 19 дней въ Берлинѣ, 10 въ Данцигѣ, 17 въ Ригѣ. Онъ ѣхалъ въ трехъ экипажахъ, съ нимъ было двѣ дамы—жена и г-жа де-Боранъ [2])—два секретаря и двое прислуги: лакей и горничная. Это путешествіе произвело на всѣхъ спутниковъ тяжелое впечатлѣніе. На другой же день пріѣзда, Ла-Ривьеръ писалъ доктору Кенэ: «Хорошее дѣло, докторъ, путешествіе въ Петербургъ, когда оно уже сдѣлано; но это ужасное дѣло, когда его дѣлаешь» [3]). Въ другомъ письмѣ встрѣчаются слѣдующія подробности: «Мы много мучились уже въ пескахъ Вестфаліи, гдѣ мы дѣлали 11 лье въ 18 часовъ. За Помераніей—еще хуже. Но

---

[1]) Idem, p. 106, 118—127.

[2]) Une petite chanteuse du concert de la reine, qui ne fera pas fortune en Russie par sa manière de chanter. *Tourneux*, VII, 449; *Thiébault*, III, 165.

[3]) Госуд. архивъ, XI, 1035, л. 13.

все это ничто въ сравненіи съ ужасающею дорогою отъ Данцига въ Курляндію. Мы сдѣлали около 60 миль наполовину въ водѣ: одно, а иногда и два колеса кареты были въ морѣ. Мы впрягали 17 лошадей, которыя съ трудомъ вытаскивали экипажъ, который вязъ въ песку. Положеніе безвыходное: слѣва море, справа песокъ и на разстояніи 10—11 миль ни одного жилья, ни даже деревца. Еслибъ сломался экипажъ, мы должны были бы стоять на мѣстѣ. Разстояніе въ 10—11 миль мы преодолѣвали въ 25 часовъ, не менѣе. Эта ужасная дорога на половину въ Пруссіи, на половину въ Польшѣ. На половинѣ пути—Кёнигсбергъ. Кромѣ Кёнигсберга и Митавы, нигдѣ нѣтъ гостиницъ. Путешественникъ беретъ съ собою кровать и всѣ необходимыя вещи»[1]). Общее впечатлѣніе получалось невыгодное: «Необходимо признать, что отъ Брюсселя до Петербурга мы не видѣли хорошихъ дорогъ».

На пути, при остановкахъ, иногда вынужденныхъ нездоровьемъ, Ла-Ривьера принимали, какъ выдающагося писателя, имя котораго хорошо уже было извѣстно за предѣлами Франціи. Принцъ Генрихъ прусскій въ Потсдамѣ и герцоги брауншвейгскіе въ Берлинѣ посвящали цѣлые вечера бесѣдѣ съ Ла-Ривьеромъ, особенно по поводу его книги, и почтили его лестными письмами. Русскій посолъ, кн. Долгоруковъ, позаботился облегчить по возможности дальнѣйшее путешествіе. Въ Ригѣ его принимали, какъ знаменитаго ученаго, снабдили его рекомендательными письмами къ своимъ друзьямъ въ Петербургѣ, и баронъ Будбергъ сталъ переводить «L'ordre naturel» на нѣмецкій языкъ[2]).

Въ первыхъ числахъ октября Ла-Ривьеръ прибылъ въ Петербургъ. Императрица была въ Москвѣ, гдѣ 30-го іюля были открыты засѣданія законодательной комиссіи. Петербургскій губернаторъ Глѣбовъ переслалъ въ Москву письмо Дидро императрицѣ, привезенное Ла-Ривьеромъ, и письмо Панину

[1]) Госуд. Архивъ, в. о., л. 17.
[2]) Тамъ же, XI, № 1035, л. 9, 14 и 21.

отъ Ла-Ривьера, которое, къ сожалѣнію, въ Государственномъ Архивѣ не сохранилось. О содержаніи его можно лишь отчасти догадываться по отвѣтному письму Панина, которое приводимъ въ точномъ переводѣ:

Москва. 9-го октября 1767 года.

«Я получилъ, милостивый государь, письмо, которымъ вы меня почтили. Вы легко поймете мое огорченіе при извѣстіи о всѣхъ безпокойствахъ вашего путешествія и о нездоровьи, которое заставляетъ васъ оставаться въ Петербургѣ. Безъ этого, полагаю, вы только проѣхали бы черезъ Петербургъ, чтобъ прибыть въ Москву, и я имѣлъ бы удовольствіе скорѣе познакомиться съ вами.

«Я доложилъ императрицѣ о вашемъ пріѣздѣ и о причинахъ, задерживающихъ васъ въ Петербургѣ. Въ то же время я сообщилъ ея императорскому величеству о занятіяхъ, которыя вы предположили себѣ до ея возвращенія. Императрица съ благоволеніемъ одобряетъ предположенныя вами занятія въ этотъ промежутокъ времени.

«Она приказала генералъ-губернатору Глѣбову предоставить вамъ удобную квартиру. Онъ найдетъ для васъ, милостивый государь, домъ, такъ какъ въ Петербургѣ нѣтъ домовъ, принадлежащихъ коронѣ. Вы условитесь съ нимъ насчетъ числа необходимыхъ для васъ комнатъ или, если предпочитаете, потрудитесь сами устроиться по своему вкусу. Вы будете получать отъ него по сто рублей въ мѣсяцъ, назначенные на этотъ предметъ. Ему поручено передать вамъ тысячу рублей на восполненіе того, что могло бы недоставать въ меблировкѣ вашей квартиры, и вы будете получать по 200 рублей въ мѣсяцъ на расходы по вашему дому.

«Изъ письма, которымъ вы меня почтили, я вижу, что расходы по вашему путешествію превзошли сумму, полученную вами отъ кн. Голицына. Будьте столь добры, сообщите мнѣ цифру излишка, и я тотчасъ же возвращу его вамъ.

«Съ сожалѣніемъ вижу, что пройдетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ я буду въ состояніи лично засвидѣтельствовать вамъ то уваженіе, которое мнѣ внушили къ вамъ и съ которымъ я имѣю честь быть» и т. д. [1]).

«Н. Панинъ».

Письмо, казалось бы, какъ письмо; но внимательно вчитываясь въ него, не трудно усмотрѣть, что услуги Ла-Ривьера не будутъ приняты и что ему остается только возвратиться во Францію.

По контракту, Ла-Ривьеръ обязанъ былъ ѣхать въ Петербургъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, усталый, полубольной и, узнавъ, что императрица въ Москвѣ, Ла-Ривьеръ, конечно, не могъ ѣхать въ Москву, не получивъ на то разрѣшенія императрицы. Въ Москвѣ третій уже мѣсяцъ засѣдаетъ законодательная комиссія; Ла-Ривьеръ убѣжденъ, какъ и всѣ, что его вызвали для работъ въ комиссіи; между тѣмъ Панинъ пишетъ, что императрица разрѣшила ему заниматься въ Петербургѣ «до ея возвращенія» (jusqu'à Son retour). Что Ла-Ривьеръ предполагалъ ѣхать въ Москву, упоминаютъ, и не разъ [2]), лица, сопровождавшія его, и самъ Ла-Ривьеръ. Упоминая императрицѣ о письмѣ Панина и, очевидно, не довѣряя ему, Ла-Ривьеръ пишетъ Екатеринѣ, отъ 18-го октября: «Но не смотря на непогоду, я явлюсь въ Москву, если вы того потребуете» [3]). Такимъ образомъ, паниновское jusqu'à Son retour не могло быть отвѣтомъ на письмо Ла-Ривьера,

---

[1]) Госуд. Архивъ, XI, 686, л. 2. Приказъ Екатерины Глѣбову о квартирѣ и деньгахъ для Ла-Ривьера см. Русскій Архивъ 1867 г., стр. 359. Въ копіяхъ, данныхъ Фальконету, этого письма не оказалось. Сборникъ, X, 30.

[2]) L'Impératrice revient au mois de décembre; si par hazard Elle prolongeait son voyage, j'irai la trouver (Госуд. Архивъ, XI, 1035, л. 2, письмо отъ 4-го октября). Notre ami ira à Moscou, quand la glace permettra aux traineaux de rouler (Idem, л. 3). L'impératrice est à Moscou. Je serai peut-être encore dans le cas de faire ce voyage (Ibid., л. 4, письмо отъ 5-го октября). Notre ami sera forcé de faire le voyage à Moscou (Ibid., л. 9).

[3]) Госуд. Архивъ, XI, 1034.

а являлось прямымъ указаніемъ, что императрица не желаетъ, чтобы онъ пріѣзжалъ въ Москву.

Этого мало: въ письмѣ Панина высказано и оскорбительное для Ла-Ривьера пренебреженіе. Оканчивая письмо формою обычной вѣжливости, Панинъ прямо говоритъ объ уваженіи, которое ему внушили (la considération qu'on m'a inspirée pour vous). Ла-Ривьеру хорошо извѣстно, что Панинъ читалъ его «Mémoire», получилъ его «L'ordre naturel» и, тѣмъ не менѣе, онъ говоритъ только объ уваженіи, которое ему внушено другими и котораго онъ самъ, слѣдовательно, не получилъ еще къ нему.

Мы высказали выше сожалѣніе, что письмо Ла-Ривьера къ Панину не сохранилось въ Государственномъ Архивѣ. Въ самомъ дѣлѣ: въ архивѣ сохранились всѣ его письма, даже первое, изъ Данцига, отъ 28-го августа, ничтожное по содержанію, и пропало то именно письмо, которое одно въ состояніи разъяснить всю послѣдующую переписку. Теперь можетъ явиться предположеніе, что Панинъ, желая устранить Ла-Ривьера, какъ монархиста, составилъ свой отвѣтъ въ формѣ, совершенно произвольной, уничтоживъ письмо Ла-Ривьера.

Какъ бы ни было, мысль о томъ, что Панинъ желалъ устранить Ла-Ривьера, не подлежитъ сомнѣнію.

Ла-Ривьеръ прибылъ въ Петербургъ въ первыхъ числахъ октября; на его первое письмо въ Москву, Панинъ отвѣчалъ 9-го октября; а спустя три дня, Екатерина, въ письмѣ къ Фальконету, отъ 12-го октября, пишетъ между прочимъ: «Скажите мнѣ свое мнѣніе о г. Ла-Ривьерѣ. Между нами будь сказано, я желаю, чтобъ онъ не слишкомъ-то заважничался, тѣмъ болѣе, что онъ могъ бы сдѣлаться мнѣ ненужнымъ» [1]). Кто же могъ бросить уже Екатеринѣ мысль, что Ла-Ривьеръ слишкомъ большого о себѣ мнѣнія? Кто, кромѣ

[1]) Сборникъ, X, 21.

Панина, могъ внушить императрицѣ, что Ла-Ривьеръ «не нуженъ» ей?

Несмотря на то, что въ самомъ вопросѣ Екатерины ясно уже сказался ея взглядъ на Ла-Ривьера, тѣмъ не менѣе, даже осторожный Фальконетъ, въ своемъ отвѣтѣ, высказывается не противъ, а за Ла-Ривьера, рисуя его человѣкомъ высокихъ качествъ [1]): «Небольшой излишекъ самолюбія или довѣрчивости (весьма, впрочемъ, простительный) дѣлаетъ ли поведеніе его непослѣдовательнымъ? Не знаю. Значеніе его задачи придаетъ ли ему такой тонъ, который въ иностранцѣ, только-что прибывшемъ, бросается въ глаза людямъ простымъ и нерѣдко скромнымъ? Не знаю. На мой взглядъ душа его чиста, а не всѣ расположены благосклонно судить его. То, что о немъ пишутъ изъ Парижа, а также заглавіе его книги, которую я еще не читалъ, заставляютъ предполагать, что онъ человѣкъ первостепеннаго достоинства» (un homme du premier mérite). Конечно, un homme du premier mérite, какъ и всякій смертный, имѣетъ свои особенности, странности, даже слабости, но не по нимъ дѣлается оцѣнка людей.

Письмомъ Панина къ Ла-Ривьеру, отъ 9-го октября, началась та переписка между ними, на основаніи которой Екатерина составила себѣ мнѣніе о Ла-Ривьерѣ, мнѣніе, повторяемое всѣми до настоящаго времени [2]). Екатерина придавала значеніе этой перепискѣ и потому еще, что письма Ла-Ривьера должны были объяснить французскимъ философамъ, особенно же Дидро, почему императрица не признала возможнымъ воспользоваться услугами рекомендованнаго ими Ла-Ривьера. Съ этою-то цѣлью Фальконету были доставлены, по приказанію императрицы, копіи всѣхъ писемъ, которыми обмѣнялись Ла-Ривьеръ и Панинъ, за исключеніемъ, однако, вышеприведеннаго нами письма Панина [3]), хотя именно это письмо и

[1]) Сборникъ, XVII, 22. [2]) Ibid., X, 240; XVII, 255.

[3]) Je rends bien des grâces à Votre Majesté de la permission de garder ces copies. Il y a sans doute une lettre du comte Panin qui occasionne les plaintes

вызвало переписку «довольно ѣдкаго свойства». Изъ переписки Фальконета съ императрицею и съ французскими философами можно видѣть, что именно не нравилось въ письмахъ Ла-Ривьера, что ставилось ему въ вину, на чемъ были основаны дурные о немъ отзывы.

Рекомендуя Екатеринѣ юриста Виллье, приглашеннаго въ Россію Ла-Ривьеромъ, Фальконетъ пишетъ императрицѣ: «Тихій, скромный Виллье не станетъ хвастливо кричать, что *взоры всей Европы устремлены на него*» [1]). Собственно говоря, Ла-Ривьеръ не писалъ подчеркнутыхъ Фальконетомъ словъ. Онъ писалъ то, да не такъ. Въ письмѣ къ императрицѣ, отъ 18-го октября, Ла-Ривьеръ, упомянувъ о чести быть привлеченнымъ императрицею къ тѣмъ работамъ законодательной комиссіи, которыя навсегда должны покрыть ее истинною славою, прибавлялъ, что онъ «сдѣлаетъ невозможное», чтобъ достойно выполнить тѣ порученія, которыя ей угодно будетъ возложить на него. Въ доказательство своего усердія онъ приводилъ, во-первыхъ, приглашеніе имъ свѣдущихъ людей, способныхъ помогать ему, и, во-вторыхъ, свое личное положеніе, о которомъ онъ писалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я смотрю на себя здѣсь, какъ на человѣка, на котораго теперь устремлены глаза всей Европы, не вслѣдствіе той небольшой извѣстности, которую я, быть можетъ, стяжалъ, но потому, что взоры всей Европы устремлены на государыню, которая сдѣлала мнѣ честь призвать меня. Такимъ образомъ, я обязанъ, такъ сказать, отчетомъ всей Европѣ о томъ, что я могу сдѣлать на служеніи той, которая стала предметомъ вниманія всѣхъ иностранцевъ» [2]).

Словамъ и выраженіямъ, встрѣчающимся въ писаніяхъ прошлыхъ вѣковъ, должно придавать современный имъ смыслъ и значеніе; нельзя о письмахъ прошлаго вѣка судить по по-

---

que m-r de la Rivière fait du traitement, elle rendrait la discussion complète, si elle était jointe aux autres.

[1]) Сборникъ, XVII, 54. [2]) Госуд. Архивъ, XI, № 1034.

нятіямъ нынѣшняго. Для насъ, дѣйствительно, можетъ казаться страннымъ человѣкъ, ничего еще въ Россіи не сдѣлавшій и уже убѣжденный, что на него устремлены взоры всей Европы; но въ 1767 году, какъ вся Европа съ удивленіемъ смотрѣла на созывъ въ Россіи законодательной комиссіи, такъ и въ Россіи сама императрица была убѣждена, что не только Европа, но все человѣчество слѣдитъ за работами этой комиссіи. Когда депутаты, принявъ присягу, явились къ императрицѣ, вице-канцлеръ, кн. А. М. Голицынъ, обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой, отъ имени императрицы, сказалъ между прочимъ:

«Начинайте сіе великое дѣло и помните при каждой строкѣ онаго, что вы имѣете случай себѣ, ближнему вашему и вашимъ потомкамъ показать, сколь велико было ваше радѣніе о общемъ добрѣ и блаженствѣ рода человѣческаго, о вселеніи въ сердце людское добронравія и человѣколюбія, о тишинѣ, спокойствіи, безопасности каждаго и о блаженствѣ любезныхъ сограждан вашихъ.

«Вы имѣете случай прославить себя и вашъ вѣкъ и пріобрѣсти себѣ почтеніе и благодарность будущихъ вѣковъ.

«Отъ васъ ожидаютъ примѣра всея подсолнечныя народы: *очи ихъ на васъ обращены*. Слава ваша въ вашихъ рукахъ, и путь къ оной вамъ открытъ» [1]).

«Взоры Европы», обращенные на Ла-Ривьера, имѣютъ такое же значеніе, какъ «очи подсолнечныхъ народовъ», обращенныя на комиссію.

Переписка Панина съ Ла-Ривьеромъ касается, главнѣйшимъ образомъ, денежныхъ расчетовъ. Въ Парижѣ, когда кн. Голицынъ завелъ объ этомъ рѣчь, Ла-Ривьеръ отказался опредѣлить себѣ вознагражденіе за трудъ, отчасти не зная, въ чемъ будутъ состоять его занятія, отчасти, вѣроятно, полагая, что императрица во всякомъ случаѣ щедро вознаградитъ его. Когда, въ письмѣ отъ 9-го октября, Панинъ

[1]). Русск. Архивъ, 1867 г., стр. 364; Сборникъ, IV, 39.

увѣдомилъ, что назначено 100 руб. квартирныхъ и 200 руб. столовыхъ въ мѣсяцъ, Ла-Ривьеръ обидѣлся: онъ занималъ во Франціи мѣсто съ жалованьемъ въ 40.000 экю; онъ прибылъ въ Россію не одинъ, съ пятью помощниками, и ему предлагаютъ 3.600 руб. въ годъ, т.-е. 14.400 франковъ, чего, конечно, было недостаточно на одно содержаніе его семьи и секретарей. Ла-Ривьеръ не принялъ этого расчета и предпочелъ смотрѣть на свое пребываніе въ Петербургѣ, какъ на продолженіе путешествія, расходы котораго, по договору, уплачивались русскимъ правительствомъ. Екатерина приняла сторону Ла-Ривьера. Увѣдомляя его объ этомъ, Панинъ прибавлялъ, что предложенные ему 300 руб. въ мѣсяцъ составляютъ содержаніе первыхъ чиновъ гражданской службы въ Россіи.

Фальконетъ, въ письмѣ къ Дидро, упоминаетъ объ этихъ денежныхъ счетахъ, высказывая взглядъ, внушенный ему, вѣроятно, Панинымъ: «Если вы будете рекомендовать когонибудь императрицѣ, постарайтесь, чтобъ это лицо, говоря въ письмѣ о своемъ безкорыстіи, не заявляло, что во Франціи оно получало 40.000 экю въ годъ, не считая наградныхъ. Вѣдь, подобное заявленіе должно разсматриваться, какъ назначеніе себѣ жалованья, размѣръ котораго это лицо не желало опредѣлить прежде прибытія въ Россію. Послѣ такого заявленія, жалованье должно достигать 80.000 экю, не считая наградныхъ: человѣку достойному, покидающему родину и отправляющемуся въ страну снѣговъ единственно ради любви къ человѣчеству и для закрѣпленія славы великой императрицы, нельзя же предложить менѣе чѣмъ вдвое противъ того, что онъ получалъ на родинѣ—кажется, ясный намекъ?» [1]).

Разсужденіе Фальконета, кѣмъ бы оно ни было подсказано, неосновательно. Панинъ хорошо зналъ, что Ла-Ривьеръ

---

[1]) «Revue moderne», XXIII, 382; Сборникъ, XVII, 255.

пріѣхалъ не одинъ; игнорировать приглашенныхъ Ла-Ривьеромъ лицъ значило отказаться отъ услугъ самого Ла-Ривьера. Это во-первыхъ; во-вторыхъ: приравнивать Ла-Ривьера, приглашеннаго въ Парижѣ въ тотъ именно моментъ, когда онъ былъ на верху славы, къ первымъ чинамъ гражданской службы нельзя, какъ нельзя было поручить этимъ первымъ чинамъ той работы, для которой вызывался Ла-Ривьеръ. Кого бы Панинъ ни разумѣлъ подъ первыми чинами гражданской службы, онъ долженъ же былъ знать, что эти первые чины не были въ состояніи не только сочинить, но, въ большинствѣ случаевъ, даже прочесть и понять «L'ordre naturel». Наконецъ, въ-третьихъ, Фальконетъ неосновательно удивляется большому жалованью, которое будто бы запрашивалъ Ла-Ривьеръ. Онъ, прежде всего, не запрашивалъ, а констатировалъ фактъ, который баронъ Штакельбергъ или кн. Голицынъ обязанъ былъ сообщить русскому двору, чтобы правительство знало, съ кѣмъ оно будетъ имѣть дѣло; сверхъ того, размѣръ вознагражденія подобныхъ лицъ долженъ быть опредѣленъ сообразно со взглядами того времени. Что 3.600 рублей, или 14,400 франковъ, составляли вознагражденіе недостаточное,— Фальконетъ, незадолго до того приглашенный, долженъ былъ знать: онъ самъ получалъ почти вдвое болѣе—по 25.000 франк. въ годъ, по контракту на восемь лѣтъ и подъ условіемъ получить, во всякомъ случаѣ, не менѣе 200.000 франковъ. И эти 25.000 фр. признавались въ свое время вознагражденіемъ столь малымъ, что о безкорыстіи Фальконета велась цѣлая переписка. Ла-Ривьеръ «запросилъ» 40.000 экю. Много это или мало? Одинъ изъ пяти секретарей, приглашенныхъ Ла-Ривьеромъ, получилъ мѣсто юрисконсульта при генералъ-прокурорѣ; такихъ юрисконсультовъ нужно было четыре; недостающихъ трехъ искали, конечно, за границею, и результатъ этого исканія Екатерина такъ передаетъ этому же Фальконету, въ письмѣ отъ 17-го іюля 1768 года: «Мы уже искали такихъ людей въ Германіи и нѣкоторые запросили всего

10.000 червонцевъ (болѣе 200.000 фр.) жалованья» [1]). Другими словами: даже нѣмецкіе юристы, не славившіеся въ XVIII столѣтіи, рѣшались ѣхать въ Россію не иначе, какъ за вознагражденіе, въ четырнадцать разъ превышавшее содержаніе первыхъ чиновъ гражданской службы.

Въ письмахъ Ла-Ривьера Панину блистательно разъяснено недоразумѣніе, послужившее для Панина главнымъ, какъ кажется, поводомъ къ устраненію Ла-Ривьера. Недоразумѣніе это касается срока службы Ла-Ривьера въ Россіи: на основаніи писемъ Дидро, барона Штакельберга и князя Голицына, въ Петербургѣ смотрѣли на Ла-Ривьера, какъ на лицо, готовое, по неудовольствіямъ на свое министерство, навсегда покинуть Францію, между тѣмъ какъ Ла-Ривьеръ взялъ отпускъ только на два года, съ твердымъ намѣреніемъ возвратиться въ свое отечество. Ла-Ривьеръ во всякомъ случаѣ не можетъ отвѣчать за то, что въ Россіи повѣрили ложнымъ слухамъ и, желая воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ человѣка, приравняли его къ первымъ чинамъ гражданской службы. Въ оправданіе лично себя, Екатерина послала Фальконету письмо Дидро; Фальконетъ отвѣчалъ императрицѣ: «Я очень обязанъ вамъ за письмо Дидро. Еслибъ я стоялъ за его стуломъ, когда онъ писалъ его, я сказалъ бы ему: другъ мой, напиши другое. Зачѣмъ выдавать г. де Ла-Ривьера за человѣка, какъ будто высланнаго изъ своей среды, когда онъ имѣетъ всего отпускъ на два года? Зачѣмъ намекать, будто онъ закрываетъ себѣ двери во Францію, когда это не такъ? Г. де Ла-Ривьеръ не говоритъ, что онъ недоволенъ министерствомъ — Дидро выдаетъ свои опасенія за дѣйствительность» [2]). Екатерина признала это недоразумѣніе и, въ письмѣ отъ 29-го ноября, выразилась о немъ такъ [3]): «И Дидро, и кн. Голицынъ, и Штакельбергъ, мой посланникъ въ Испаніи, и аббатъ Рейналь, и вы, и Панинъ, и я, и самъ

[1]) Сборникъ, XVII, 56. [2]) Idem, XVII, 24. [3]) Idem, 30.

авторъ «L'ordre naturel»—мы всѣ ошиблись, мы всѣ бѣлены объѣлись, мы вѣримъ письмамъ, сплетнямъ. Мы были глупы: мы должны были знать, что изо-дня въ день люди ссорятся, мирятся, бѣгутъ другъ друга, другъ другу помогаютъ, то хотятъ, то не хотятъ, и что есть такіе, которые стараются обмануть, но я спрашиваю васъ, г. Фальконетъ, честно ли это?»

Кто же «старается обмануть»? По мнѣнію Екатерины, конечно, Ла-Ривьеръ. Она не видѣла его, не разговаривала съ нимъ и уже смотритъ на него, какъ на человѣка нечестнаго. Такой рѣзкій и рѣшительный отзывъ могъ быть результатомъ или наговоровъ Панина, или писемъ Ла-Ривьера. Можно ли же изъ этихъ писемъ усмотрѣть, что Ла-Ривьеръ старается обмануть?

IV.

Въ Государственномъ Архивѣ хранится «Переписка графа Никиты Панина съ Ла-Ривьеромъ» (XI, 686). Въ связкѣ всего шесть писемъ, и изъ нихъ два письма Ла-Ривьера къ Панину, первое и послѣднее, не касаются занимающаго насъ вопроса: первое, отъ 28-го августа 1767 г., изъ Данцига, съ извѣщеніемъ, что болѣзнь глазъ замедляетъ путешествіе, и послѣднее, отъ 30-го апрѣля 1768 г., изъ Берлина, о вещахъ, поднесенныхъ великому князю Павлу Петровичу. Изъ остальныхъ четырехъ, письмо Панина къ Ла-Ривьеру, отъ 9-го октября, помѣщено нами выше; другія три печатаемъ въ дословномъ переводѣ:

I.

Ла-Ривьеръ Панину, отъ 18-го октября 1767 г. [1]).

Милостивый государь! Какъ ни польщенъ я тѣмъ, что внушилъ вашему превосходительству желаніе познакомиться со

[1]) Госуд. Архивъ, XI, 686, л. 4—5.

мною, не могу удержаться, чтобъ не заявить вамъ мое удивленіе относительно распоряженій, о которыхъ вы почтили меня увѣдомленіемъ. Зная вашу правдивость и прямоту, я долженъ отнести ихъ къ недоразумѣніямъ, къ какому-либо опущенію со стороны тѣхъ, которые внушили ея императорскому величеству мысль о вызовѣ меня. Быть можетъ, также какія-либо частныя причины не дозволили имъ представить вамъ въ подробностяхъ тѣ существенныя обстоятельства относительно меня, которыя, мнѣ кажется, они были обязаны сообщить вамъ.

Избавьте меня, прошу васъ, входить съ вами въ какія-либо объясненія по этому поводу. Вы хорошо понимаете, что мнѣ не пристало говорить теперь, кто̀ я такой, что̀ я сдѣлалъ въ моемъ отечествѣ, какими непрошенными мною милостями былъ я осыпанъ, что̀ я покинулъ, что̀ я могъ бы еще сдѣлать, еслибъ желаніе быть полезнымъ всѣмъ націямъ разомъ не одержало бы на время во мнѣ верха надъ удовольствіемъ продолжать трудиться только для себя лично.

Еслибъ я имѣлъ честь быть извѣстнымъ вашему превосходительству въ той мѣрѣ, какъ я желалъ бы, вы убѣдились бы, что я не могу и не долженъ смотрѣть на условія, вами мнѣ объявленныя, какъ на мѣрило того мнѣнія, которое составлено объ услугахъ, какія я могъ бы принесть Россіи и лично императрицѣ.

Прошу ваше превосходительство не быть ко мнѣ несправедливымъ и не приписывать это мое заявленіе моимъ личнымъ видамъ. Я никогда не былъ сребролюбивымъ и умру такимъ; но здѣсь идетъ рѣчь не о выгодѣ, а о чести, и я обращаю вниманіе на выгоду потому лишь, что она необходимѣйшимъ образомъ является знакомъ и мѣриломъ того уваженія, которое считаютъ должнымъ оказывать мнѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, будьте увѣрены, милостивый государь, что, занимая во Франціи мѣста, присвоенное жалованье которыхъ въ 40.000 франковъ было обращено для меня въ

40.000 экю, не считая наградныхъ, которыя мнѣ давались, и принимая эти самыя мѣста два раза потому только, что мнѣ невозможно было отказаться отъ нихъ подъ приличнымъ предлогомъ, никакой мотивъ личной выгоды не могъ побудить меня къ путешествію въ Россію, что ясно показалъ и мой договоръ съ кн. Голицынымъ, такъ какъ я не хотѣлъ принять никакихъ въ этомъ отношеніи предосторожностей, какъ мнѣ совѣтовали и какъ поступили бы многіе другіе въ подобномъ случаѣ. Обширная имперія, дѣлающая наибольшія усилія, чтобъ улучшить свое правленіе; императрица, возвышающаяся надъ всѣми политическими предразсудками; ея министры-граждане, созданные для служенія видамъ своей государыни; наконецъ, сцена, на которой любовь къ человѣчеству можетъ развернуть все свое рвеніе—вотъ что поразило меня, вотъ что представлялось мнѣ, и я поѣхалъ.

Если меня обрисовали иными чертами, если меня представили, какъ человѣка недовольнаго своимъ правительствомъ, то васъ обманули, потому что обманулись сами, не приняли во вниманіе, что имѣть во Франціи дѣтей, земли, друзей, санъ, положеніе, права на общественное уваженіе и на благоволеніе своего государя—это все узы, которыя никогда нельзя намѣреваться порвать. Не проникли въ мой кабинетъ, чтобъ видѣть работы, которыя не позволили бы мнѣ покинуть его; вѣроятно, приписали предполагаемому неудовольствію мое состояніе не у дѣлъ, которое было только кажущееся, и не обратили вниманія, что моя манера держать себя зависѣла главнымъ образомъ отъ отвращенія, которое я всегда имѣлъ ко всѣмъ поступкамъ, носящимъ обликъ интриги или честолюбія.

Какъ бы то ни было, милостивый государь, я долженъ думать, что меня совершенно не знаютъ, что вовсе не мои услуги хотѣли подвергнуть оцѣнкѣ: я нуждаюсь въ этой мысли, чтобъ сохранить надежду, что я въ состояніи оказать здѣсь тѣ услуги, какія я предположилъ. Еслибъ я потерялъ эту

надежду, я озаботился бы уже своимъ возвращеніемъ во Францію, не ожидая истеченія срока отпуска, даннаго мнѣ дворомъ. Вотъ почему я осмѣлился писать ея императорскому величеству, прося, чтобъ она соблаговолила сама увѣдомить меня, могу ли я льстить себя надеждою быть ей столь полезнымъ, какъ я желаю и какъ я предположилъ.

Въ ожиданіи, милостивый государь, что императрица почтитъ меня своимъ отвѣтомъ, ваше превосходительство разрѣшитъ мнѣ смотрѣть на себя здѣсь, какъ на продолжающаго путешествіе, предпринятое для ея величества, и принять деньги, которыя передастъ мнѣ г. Глѣбовъ, какъ составляющія послѣдствіе договора, обезпечивающаго мнѣ расходы этого путешествія и возвращенія.

Что касается моихъ расходовъ до Петербурга, затраты на покупку каретъ, издержекъ на мое лѣченіе въ дорогѣ, расходовъ, причиненныхъ мнѣ какъ приглашенными мною лицами, которыхъ я считалъ необходимыми для предстоявшихъ мнѣ здѣсь работъ, такъ и тѣми, которые давно уже привязаны ко мнѣ и безъ которыхъ я не могъ отправиться въ путь, отправка на свой счетъ даннаго мнѣ рижскимъ губернаторомъ сержанта, словомъ, считая все, что касается насъ, шести свѣдущихъ людей [1]), находящихся здѣсь, мнѣ стоило по меньшей мѣрѣ 24.000 ливровъ, а я получилъ въ Парижѣ, Данцигѣ и Ригѣ около 16.200. Будьте увѣрены, что я совѣщусь входить въ эти подробности; это противорѣчитъ моему характеру, и если я упоминаю объ этомъ, то потому, что вы этого требовали отъ меня. Имѣю честь быть и т. д.

Де Ла-Ривьеръ.

Спб. 18-го октября 1767 г.

---

[1]) Въ подлинникѣ: les six maîtres. Даже выраженіе *maîtres* было принято съ неудовольствіемъ, слѣды котораго сохранились въ письмѣ Фальконета къ Дидро: «Si jamais vous recommandez quelqu'un à l'impératrice, faites qu'il n'écrive pas à la souveraine et au ministre, que lui arrivant et son monde font *six maîtres*, par ce que cette sorte de ridicule ne manque jamais son effet» («Revue moderne», XXIII, 382; Сборникъ, XVII, 255).

Я выплатилъ г. губернатору Глѣбову все, что онъ истратилъ изъ своихъ собственныхъ средствъ на моихъ секретарей въ ожиданіи моего пріѣзда въ Петербургъ.

2.

Панинъ—Ла-Ривьеру, 7-го ноября 1767 г.[1]).

Милостивый государь. Не нахожу ничего особеннаго во всемъ томъ, что вы сдѣлали честь написать мнѣ. Право собственной оцѣнки, которое нельзя и не должно оспаривать ни у кого, принадлежитъ вамъ тѣмъ болѣе, что къ своему собственному чувству вы присоединяете общественное о васъ мнѣніе. Это-то мнѣніе, милостивый государь, породило въ императрицѣ желаніе привлечь васъ на ея службу, о возможности чего одинъ ученый, близкій вамъ, намекнулъ одному изъ министровъ ея величества. Между нами нѣтъ по существу никакого недоразумѣнія. Уваженіе къ вамъ призвало васъ въ Россію; намѣреніе быть ей полезнымъ побудило васъ пріѣхать сюда. Ошибка заключается лишь въ слишкомъ большомъ распространеніи этой послѣдней мысли, и особенно относительно той громадной жертвы, которую вы должны были сдѣлать, покидая Францію, и той увѣренности, которую мы имѣли, что предложить вамъ мѣсто значило открыть вамъ дверь, почетную и достойную вашихъ намѣреній, чрезъ которую вы покинули бы Францію.

Припомнимъ вмѣстѣ, прошу васъ, милостивый государь, ходъ этой небольшой сдѣлки.

Г. Штакельбергъ, отмѣтивъ мнѣ все, что можетъ интересовать относительно человѣка рѣдкаго достоинства, занимающаго такой постъ, какой вы занимали въ своемъ отечествѣ, но дурно вознаграждаемаго за свои услуги, сообщилъ мнѣ, со словъ аббата Рейналя, что «ваша досада на свое правительство и желаніе отличиться въ какой-нибудь другой

---

[1]) Госуд. Архивъ, XI, 686, л. 6—11.

странѣ, проявивъ свои дарованія и свой образъ дѣйствій, побудятъ васъ, можетъ быть, принять мѣсто въ Россіи; что онъ не колеблется извѣстить объ этомъ ея императорское величество, убѣжденный, что невозможно, чтобъ она могла найти человѣка болѣе достойнаго со стороны сердца и ума для работъ по ея приказаніямъ относительно коммерческихъ установленій и всего касающагося политико-экономической области». По приказанію императрицы, я отвѣтилъ ему, что «вслѣдствіе того высокаго мнѣнія, которое онъ составилъ о вашихъ талантахъ, ея императорское величество очень желала бы имѣть васъ на своей службѣ, что онъ долженъ спросить у васъ объ условіяхъ и сообщить о нихъ своему двору, который тотчасъ же извѣститъ его о своемъ рѣшеніи».

Съ своей стороны мы вовсе и не думали заставлять васъ дѣлать простую поѣздку и минутное появленіе во владѣніяхъ ея величества, но предоставить вамъ здѣсь мѣсто на время по крайней мѣрѣ достаточное, и все оставалось еще въ зависимости отъ возможности принять ваши условія. Это порученіе, адресованное барону Штакельбергу, было исполнено кн. Голицынымъ, какъ ему было то приказано, въ случаѣ отъѣзда г. Штакельберга на свой постъ въ Мадридъ. Извѣстіе, которое онъ сообщилъ мнѣ объ успѣхѣ первыхъ своихъ переговоровъ, веденныхъ съ вами, сводится къ слѣдующимъ немногимъ словамъ, которыя я перевожу съ подлиннаго русскаго письма: «Г. де Ла-Ривьеръ принялъ съ полнымъ удовольствіемъ новость, которую я сообщилъ ему, что предложеніе, сдѣланное барономъ Штакельбергомъ о переходѣ его на русскую службу, принято ея величествомъ». Хотя онъ въ прямой перепискѣ съ вами, хотя онъ видитъ и знаетъ вашихъ друзей, онъ не говоритъ намъ ни о какихъ заявленіяхъ съ вашей или ихъ стороны относительно того блестящаго положенія или тѣхъ великихъ ожиданій, отъ которыхъ вы должны были отказаться ради насъ. До тѣхъ поръ, пока въ переговорахъ съ нами не коснулись этого вопроса, есте-

ственно, что мы придерживались буквально тому, что сообщилъ аббатъ Рейналь о вашей досадѣ на свое правительство. Мы еще болѣе были утверждены въ этой мысли письмомъ, которое вы написали тогда кн. Голицыну. Я напомню вамъ, милостивый государь, выраженія этого вашего письма для того, чтобъ соблюсти порядокъ въ изложеніи хода сдѣлки, а вовсе не для того, чтобъ дать вамъ понять мое удивленіе по поводу того, что вы пишете теперь мнѣ, будто если васъ обрисовали мнѣ человѣкомъ, недовольнымъ своимъ правительствомъ, то меня обманули, потому что обманулись сами.

Вы, милостивый государь, писали 25-го апрѣля, въ Парижѣ, кн. Голицыну: «Я полагаю, что мнѣ не должно бывать у вашего превосходительства. Это, конечно, всѣ узнали бы и обратили бы вниманіе на то, что я вижусь съ иностраннымъ министромъ, не показываясь ни одному изъ нашихъ. Даже замѣчу, князь, что вы сами стали бы болѣе, чѣмъ всякій другой, предметомъ разговоровъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что ваша императрица старается привлекать къ себѣ людей, пользующихся нѣкоторою извѣстностью. И тѣмъ охотнѣе стали бы объяснять это по-своему, что, не будучи уже въ состояніи скрывать отъ себя нелѣпость своего положенія, принятаго ими относительно моей совмѣстной съ Фенелономъ администраціи на о. Мартиникѣ, они увѣряютъ себя, будто я долженъ быть недоволенъ». Обстоятельства были таковы, что, по вашему собственному заявленію, ваше министерство первое же обманывалось относительно вашего настроенія: какимъ же образомъ могли не обмануться иностранцы, которымъ вы сами передавали о несправедливости относительно васъ?

Не будемъ продолжать далѣе обсужденіе этого вопроса. Я очень озабоченъ тѣмъ, чтобъ мы взаимно были довольны другъ другомъ. Это правило поставилъ я себѣ въ спорѣ, который, какъ вы, милостивый государь, понимаете, долженъ быть мнѣ столь же непріятенъ, какъ и вамъ. Мнѣ доста-

точно заявить вамъ. что если мы заблуждались въ этомъ отношеніи, то заблуждались искренно, и что все, до мѣръ, принятыхъ вами относительно вашего отъѣзда, содѣйствовало тому, чтобъ ввести насъ въ это заблужденіе.

Вы первый признали необходимымъ хранить въ тайнѣ все, что касалось вашего пріема на службу ея императорскаго величества. Мы думали также, и кн. Голицынъ вѣрно сохранилъ эту тайну. Даже послѣднія письма, полученныя мною отъ него, убѣждаютъ меня, что до момента вашего отъѣзда, ничего не было разглашено ни о цѣляхъ, ни о срокѣ вашего путешествія. Ваши секретари, отправленные прежде васъ и по другой дорогѣ. предлогъ путешествія (желаніе увидѣть Германію), употребленный, чтобъ ввести въ заблужденіе любопытныхъ—ничто не было забыто ни съ вашей, ни съ нашей стороны, чтобъ предупредить огласку. Откуда же явилась эта огласка, въ чемъ она состоитъ и, особенно, какимъ образомъ она ставится намъ въ вину, какъ противорѣчащая договору, который кажется вамъ слишкомъ скромнымъ?

Простите, милостывый государь, это замѣчаніе. Какое мнѣніе я подалъ бы вамъ и о своей правдивости, и о своей искренности, еслибъ это замѣчаніе ускользнуло отъ меня или я поцеремонился бы сдѣлать его? Но во всемъ этомъ насъ печалитъ болѣе всего вовсе не шумъ, а то, что подобное путешествіе оказывается безусловно безполезнымъ для насъ. Дѣло въ томъ, что, оставаясь настолько связаннымъ съ своею родиною, насколько вы увѣряете меня, что вы еще связаны, для васъ невозможно будетъ принять на себя постоянныя обязанности въ Россіи, отъ которыхъ вамъ пришлось бы отказаться по первому же знаку, которымъ вамъ будетъ приказано возвратиться на родину.

Вы, конечно, не предполагали же, милостивый государь, что нужда моментальная, нужда настоящей минуты, точно опредѣленная, заставила желать вашего пріѣзда во владѣнія ея величества. Вы не скрываете же отъ себя, что какъ ни

были бы обширны, какъ ни были бы превосходны ваши познанія, необходимо время, чтобъ приспособить ихъ къ мѣстнымъ условіямъ, и что лишь на службѣ постоянной, продолжающейся такъ долго, какъ того потребуютъ или позволятъ взаимныя удобства, вы могли бы стать дѣйствительно полезны для Россіи въ какой-либо части управленія, гдѣ сочли бы возможнымъ проявить свои таланты.

Если въ договорѣ, заключенномъ вами съ кн. Голицынымъ, онъ не сдѣлалъ никакого затрудненія вставить заявленіе объ этой полезности, которою вы гордитесь, для блага и человѣчества, и подданныхъ ея императорскаго величества въ частности, то потому, что съ его стороны было бы неосторожно ограничивать ваше рвеніе и что, въ надеждѣ видѣть васъ утвержденнымъ на службѣ своей государыни, онъ, быть можетъ, усматривалъ возможность осуществить и вашу надежду. Онъ хорошо зналъ, что добро или зло человѣческаго рода не носится въ карманѣ, какъ нѣкогда консулъ носилъ миръ или войну. Онъ зналъ также, что если книга, полная великаго и всемірнаго интереса, составляетъ драгоцѣнность, общую для всѣхъ націй, то благо, вытекающее изъ примѣненія ея, дѣлаемаго со рвеніемъ, прямодушіемъ и умомъ, значительно суживается и заключается въ болѣе тѣсныя границы.

Вамъ легко, милостивый государь, распространить это разсужденіе и самому увидѣть, въ чемъ и почему мы расходимся. Мы исходили изъ одного принципа, но мы желали не одного и того же и не одинаковымъ образомъ, а ваша торопливость при отъѣздѣ, торопливость, за которую мы можемъ только благодарить васъ, не оставила времени для объясненій, которыя были бы очень необходимы. Равнымъ образомъ несомнѣнно, что, смотря на себя, какъ на человѣка, привязаннаго единственно и существенно къ своей родинѣ, вы принимаете въ расчетъ только послѣднюю должность, которую вы занимали, при разсмотрѣніи содержанія, которымъ, по ва-

шему мнѣнію, оцѣниваются ваши заслуги въ Россіи; между тѣмъ какъ, оцѣнивая ихъ предположительно и до болѣе близкаго знакомства съ вами по тому содержанію, которое мы даемъ первымъ чинамъ гражданской службы, мы вовсе не предполагали сдѣлать что-либо, отъ чего могло бы пострадать должное вамъ уваженіе.

Я тѣмъ не менѣе докладывалъ ея императорскому величеству о вашемъ отказѣ отъ предложенныхъ мною условій и о вашемъ желаніи считать ваше пребываніе въ Петербургѣ какъ бы продолженіемъ путешествія, всѣ расходы котораго обезпечиваются вамъ заключеннымъ договоромъ. Ея величество изволила дать на это свое согласіе. Она приказала еще мнѣ отвѣчать вамъ, милостивый государь, на ваше предложеніе пріѣхать сюда, что она избѣгаетъ причинить вамъ это новое утомленіе по причинѣ малаго времени, которое она предполагаетъ оставаться въ Москвѣ, но что она убѣждена, что вы не откажетесь подождать ея возвращенія въ Петербургъ, а это возвращеніе послѣдуетъ неупустительно въ концѣ января или въ началѣ февраля. Поздняя осень и особенно нужда, которую вы естественно имѣете въ спокойствіи, не должны дозволить вамъ смотрѣть на ваше снисхожденіе къ этому желанію ея величества, какъ на очень большое неудобство. Можетъ случиться, и я даже полагаю, что, увидѣвшись и лучше познакомившись, можно будетъ найти мотивы сблизиться, можно будетъ устроить что-нибудь болѣе удовлетворительное для обѣихъ сторонъ. Въ противномъ случаѣ намъ останется только сожалѣть, что мы были причиною тяжелаго переѣзда для уважаемой семьи, почтенной особенно тѣмъ, что вы стоите во главѣ ея, но къ этому сожалѣнію не примѣшается горечь упрека. Если мы и не сошлись въ своихъ мысляхъ, ея императорское величество понимаетъ, чѣмъ обязана она познаніямъ, великимъ дарованіямъ и чего отъ нея требуетъ выраженная вами готовность служить ей. Ея благодарность не зависитъ отъ услугъ. Но, прежде всего,

я вовсе не желаю откладывать уплату издержекъ, которыя вы сдѣлали, чтобъ прибыть въ Россію. Вслѣдствіе чего имѣю честь присоединить къ сему отъ имени ея императорскаго величества ассигновку въ 7.800 ливровъ на генерала Глѣбова.

Имѣю честь быть и проч. Графъ Н. Панинъ.

Москва, 7-го ноября 1767 г.

3.

Ла-Ривьеръ Панину, отъ 15-го ноября 1767 г.[1]).

Милостивый государь.

Я слишкомъ ревнивъ къ стремленію заслужить уваженіе императрицы и ея министровъ, чтобъ оставить въ ихъ глазахъ хотя бы малѣйшій видъ противорѣчія въ моемъ поведеніи или въ моихъ словахъ. Прошу поэтому ваше превосходительство позволить мнѣ представить вамъ кое-какія подробности и кое-какія замѣчанія, требуемыя отъ меня, какъ кажется, вашимъ послѣднимъ письмомъ.

Такъ какъ мнѣ представляется, что въ этомъ письмѣ выраженіе «оцѣнить» означаетъ оцѣнить деньгами, то я начну, милостивый государь, съ заявленія, что и въ Петербургѣ, какъ въ Парижѣ, я отказываюсь отъ права оцѣнивать себя самого, которое вы столь обязательно предоставляете мнѣ. Привыкнувъ взвѣшивать себя всегда на вѣсахъ чести, а не выгоды, я простираю свои притязанія значительно далѣе. Я простираю ихъ до прерогативы быть принятымъ и содержимымъ, какъ человѣкъ, который не продаетъ себя и который прибылъ сюда потому только, что призывавшіе убѣждали его, что онъ въ короткое время окажетъ большія услуги.

Таковы намѣренія и притязанія, которыя я постоянно высказывалъ двумъ представителямъ императрицы передъ своимъ отъѣздомъ. Видя, что мои первые шаги въ Россіи не со-

[1]) Госуд. Архивъ, IX, 686 л., 12—15.

отвѣтствуютъ моимъ намѣреніямъ и притязаніямъ, я выразилъ вамъ, милостивый государь, свое удивленіе, но не неудовольствіе. Я настаиваю на этомъ различіи, такъ какъ я болѣе всего желаю, чтобъ ни одна нація не нуждалась во мнѣ: доказательство этого я представляю въ дѣлаемыхъ мною усиліяхъ сообщить всѣмъ людямъ тѣ немногія познанія, которыя пріобрѣтены мною опытомъ и серьезными размышленіями.

Хотя я и говорю объ оказаніи большихъ услугъ въ короткое время, я прошу васъ, однако, милостивый государь, вѣрить, что я вовсе не столь надмененъ, чтобъ смотрѣть на себя, какъ на лицо, которое приноситъ въ карманѣ счастіе Россіи; но я зналъ, что та, которая управляетъ Россіей, соединяетъ съ великими намѣреніями и наиболѣе великія дарованія и, поэтому, думалъ и долженъ былъ думать, что, въ силу этихъ самыхъ дарованій и постояннаго ихъ примѣненія, она въ состояніи сдѣлать въ два года болѣе, чѣмъ обыкновенные люди въ продолженіе всей своей жизни.

Я имѣлъ даже особыя причины, которыя утверждали меня въ этомъ убѣжденіи: г. Штакельбергъ представилъ мнѣ завѣренія, не разъ имъ повторенныя, что ея императорское величество вполнѣ одобрила принципы, заключающіеся въ «Mémoire», который онъ получилъ отъ меня и переслалъ ей. По этимъ завѣреніямъ, услуги, которыхъ могли ожидать отъ меня, представлялись мнѣ уже значительно подвинутыми впередъ: я видѣлъ, что единственный трудъ, который мнѣ остается сдѣлать здѣсь, будетъ заключаться въ томъ, чтобъ поставить императрицу безусловно въ такое положеніе, чтобъ она не нуждалась болѣе ни въ какой иноземной помощи для утвержденія хода и быстроты преуспѣянія, по которому она могла бы дать своему правленію наивысшую степень совершенства, на какую оно только способно.

Вотъ причины, милостивый государь, заставившія меня думать, что усидчивая работа двухъ лѣтъ, съ лицами, которыхъ я привезъ себѣ въ помощь, будетъ достаточна, чтобъ

изучить мѣстныя условія, опредѣлить уступки, требуемыя существующими обычаями, и, ничего не насилуя, ничего не компрометируя, вполнѣ отвѣчать тѣмъ намѣреніямъ, которыя ея императорское величество могла имѣть, призывая меня въ Россію.

Я согласенъ съ вашимъ превосходительствомъ, что смотрѣлъ на нужду, которую имѣютъ во мнѣ, какъ на нужду этой минуты. Но вы простите это мнѣ, безъ сомнѣнія, если примете во вниманіе, что въ этомъ случаѣ я видѣлъ лишь то, что представители императрицы заставляли меня видѣть Они убѣждены, что человѣкъ, проведшій свою жизнь въ обсужденіи и практическомъ примѣненіи главнѣйшихъ неизмѣнныхъ принциповъ всякаго законодательства, могъ быть полезенъ для великихъ реформъ, которыя намѣрена произвесть ея императорское величество; а такъ какъ они знали, что она созвала для этого депутатовъ отъ всѣхъ провинцій, то думали, что нельзя терять времени, что въ настоящій именно моментъ чувствуется потребность въ такомъ человѣкѣ, и что когда дѣло этого дня будетъ окончено, исчезнетъ и эта потребность.

Мнѣ никогда не приходило на умъ, чтобы именно въ этомъ отношеніи мои заслуги могли бы быть полезны Россіи; еще менѣе, чтобъ не встрѣтилось бы препятствій въ моемъ качествѣ иностранца. Но г. Штакельбергъ и кн. Голицынъ говорили и повторяли мнѣ это; говоря и повторяя, они заставили меня торопливо уѣхать. Ослѣпленные своимъ рвеніемъ, они сдѣлали первую ошибку; соблазненный, какъ и они, подобнымъ мотивомъ, я сдѣлалъ вторую, дозволивъ убѣдить себя.

Вотъ, ваше превосходительство, истинная причина поспѣшности, съ которою я выѣхалъ. Вы видите, что это дѣло г. Штакельберга и главнѣйшимъ образомъ кн. Голицына. Сознаюсь, что относительно этой поспѣшности, которую вы, кажется, порицаете, я былъ безусловно въ заблужденіи: я

полагалъ, что этою поспѣшностью выкажу свою честность и необыкновенное рвеніе. Единственное средство, которое остается мнѣ, чтобъ поправить эту ошибку, заключается въ томъ, чтобъ также ускорить мое возвращеніе, насколько то позволитъ время года.

Какъ ни прискорбно для меня узнать, милостивый государь, что, не будучи въ состояніи поселиться здѣсь, принявъ титулъ или мѣсто, я долженъ отказаться отъ надежды быть здѣсь хоть сколько-нибудь полезнымъ, я могу, однако, только благодарить императрицу за знакъ уваженія, который она соблаговолила оказать мнѣ, предлагая мѣсто на ея службѣ. Но еслибъ я былъ способенъ разорвать узы, привязывающія меня къ родинѣ и моему государю, я далъ бы ея императорскому величеству дурное о себѣ мнѣніе; такимъ образомъ, ея предложенія по существу своему таковы, что я не могу принять ихъ, не переставая въ ту же минуту быть ихъ достойнымъ.

Ваше превосходительство не можете упрекнуть меня въ этомъ случаѣ въ какомъ-либо противорѣчіи: мой договоръ, даже мое письмо отъ 6-го мая князю Голицыну, о которомъ вы упоминаете, весьма ясно, весьма положительно указываютъ, что я уѣзжалъ съ тѣмъ, чтобъ возвратиться; равнымъ образомъ, вопросъ никогда не былъ иначе поставленъ между г. Штакельбергомъ, кн. Голицынымъ и мною.

Но, милостивый государь, вы даете мнѣ замѣтить, что вамъ представляется затруднительнымъ согласить это рѣшительное намѣреніе возвратиться съ неудовольствіями, которыя я будто бы испытывалъ во Франціи. Это кажущееся затрудненіе происходитъ отъ того, что вамъ неизвѣстны ни обстоятельства этого мнимаго неудовольствія, ни свойственный мнѣ образъ мыслей.

Герцогъ Шуазель былъ обманутъ относительно нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, интересовавшихъ торговлю Франціи съ колоніею, гражданскую администрацію которой король

вторично поручилъ мнѣ: изъ этого возникли нѣкоторыя пререканія между министромъ и мною; узнавъ вскорѣ объ обманѣ, которому подвергся, онъ сознаяъ необходимость слѣдовать всѣмъ моимъ проектамъ. Такимъ образомъ все было улажено. До тѣхъ поръ, пока меня обвиняли въ ошибкахъ, я былъ недоволенъ; но я пересталъ быть недовольнымъ, какъ только исчезло обвиненіе.

Правда, дурной и очень дурной куртизанъ по своему характеру, я держался вдали отъ нашихъ министровъ; но это удаленіе не было плодомъ неудовольствія, котораго уже не существовало; оно зависѣло лишь отъ необходимости пользоваться полною свободою для возстановленія здоровья и для окончанія произведенія, которое друзья уговорили меня издать въ свѣтъ. Я былъ еще боленъ даже и тогда, когда кн. Голицынъ явился ко мнѣ говорить отъ имени императрицы.

Не нахожу ничего особеннаго въ томъ, что многія лица считали меня недовольнымъ потому, что мои послѣднія услуги не сопровождались новыми милостями короля. Но эти лица, очевидно, не знали, что я никогда не просилъ этихъ милостей, такъ какъ держусь правила, что не должно быть оплачиваемымъ дважды за исполненіе своихъ обязанностей. Князю Голицыну хорошо извѣстно, что мое равнодушіе къ собственнымъ интересамъ таково, что лишь за нѣсколько дней до отъѣзда я потребовалъ и получилъ суммы, которыя мнѣ должны были въ счетъ моего жалованья.

Наконецъ, милостивый государь, взываю къ вашему сердцу: думаете ли вы, что временное неудовольствіе можетъ повести къ желанію покинуть безвозвратно отечество? Думаете ли вы, что нужно быть недовольнымъ въ своей странѣ, чтобъ ухватиться за случай оказать въ чужой странѣ существенныя услуги, особенно же когда отзвуки этихъ услугъ могутъ быть только выгодны для своего собственнаго отечества?

Это, милостивый государь, понуждаетъ меня разсѣять

выраженное мнѣ вами удивленіе относительно моихъ правъ на благоволеніе своего государя. Большая разница между честолюбіемъ, стремящимся пріобрѣсти эти права, и честолюбіемъ, стремящимся заставить оцѣнить ихъ. Я всегда имѣлъ первое и никогда не имѣлъ второго — вотъ въ чемъ разгадка.

Эти права пріобрѣтены моими заслугами въ первомъ парламентѣ Франціи, когда я, въ теченіе четырехъ лѣтъ, трудился надъ улаженіемъ важныхъ раздоровъ, возникшихъ между духовенствомъ, министрами и парламентами; эти права пріобрѣтены тѣмъ, что я дважды воскресилъ, такъ сказать, колонію, дважды истощенную войною; наконецъ, это право пріобрѣтено по приговору, какой вся Франція произнесла надъ произведеніемъ, мною ей даннымъ. Полагаю, что могу говорить объ этихъ правахъ, такъ какъ я всегда дѣлалъ всевозможное, чтобъ пріобрѣсти ихъ, и никогда не сдѣлалъ ничего, чтобъ лишиться ихъ.

Что же касается тайны, сопровождавшей мой отъѣздъ изъ Парижа, отъ вашего превосходительства зависитъ усмотрѣть, что эта тайна была естественнымъ слѣдствіемъ искренняго желанія князя Голицына и моего устранить всѣ препятствія, которыя могъ встрѣтить нашъ проектъ, еслибъ онъ былъ разглашенъ. Эта тайна свидѣтельствуетъ, правда, о твердой рѣшимости ѣхать, но не о рѣшимости не возвращаться. Къ тому же князь Голицынъ скажетъ вамъ, милостивый государь, какое впечатлѣніе должно было произвесть мое путешествіе въ Россію и какихъ упрековъ по этому поводу можно было опасаться со стороны нашего министерства.

Однако, эта тайна не могла помѣшать шуму, который естественно долженъ былъ произвесть мой отъѣздъ, и это только вслѣдствіе невозможности, чтобы отъѣздъ мой остался секретомъ въ такое время, когда я сталъ во Франціи предметомъ вниманія для парижскаго общества и даже для многихъ иностранцевъ. Но необходимо замѣтить, что ни одна

газета, ни даже газеты, подвѣдомственныя нашему министерству, не заподозрили меня ни даже въ самомъ малѣйшемъ желаніи покинуть безвозвратно родину.

Равнымъ образомъ, милостивый государь, въ своемъ послѣднемъ письмѣ я вовсе не имѣлъ намѣренія похваляться какою-либо жертвою. Я дурно выразился, если заставилъ васъ понять, что дѣлаю жертву; я желалъ только указать вамъ тѣ жертвы, которыя я не могу принять и которыхъ представители императрицы во Франціи не считали возможнымъ требовать отъ меня.

Теперь, когда всякая мысль о противорѣчіи въ моемъ поведеніи или въ словахъ моихъ должна исчезнуть и когда ваше превосходительство можетъ читать въ глубинѣ моего сердца истинныя побужденія, приведшія меня сюда, вы должны чувствовать, насколько я страдаю, видя, что я въ тягость государынѣ, для которой я совершенно безполезенъ. Вы понимаете, милостивый государь, что это положеніе, еслибъ оно продолжилось, стало бы унизительнымъ для меня и было бы всѣми осуждено. Вотъ почему, чтобы не уѣхать, не имѣя чести представиться ея императорскому величеству, я и предложилъ ей соблаговолить разрѣшить мнѣ сдѣлать поѣздку въ Москву; но ея воля—приказъ, которому я подчиняюсь: я подожду ея возвращенія въ Петербургъ, такъ какъ она того желаетъ. Тогда, надѣюсь, я буду имѣть честь сообщить ей всю чувствуемую мною тягость отъ невозможности оказать ей всѣ тѣ услуги, которыя я предположилъ, и она будетъ убѣждена, что если я ускорю свой отъѣздъ, то лишь для того, чтобы не умножать все болѣе и болѣе моихъ сожалѣній.

Имѣю честь быть и проч.

Де Ла-Ривьеръ.

Спб. 15 ноября 1767 г.

P. S. Я передамъ, милостивый государь, г. Глѣбову письмо, которое вы прислали мнѣ на его имя. Когда Ея Величество возвратится, я буду имѣть честь выразить ей долж-

ную мою признательность. Давно уже сознаю, что мнѣ трудно достаточно отблагодарить ее за вниманіе ко мнѣ.

Этими письмами ограничивается вся переписка. Если ее и можно признать перепискою «ѣдкаго свойства», то развѣ только по письмамъ Панина. Оба письма Ла-Ривьера написаны съ большимъ достоинствомъ, отличаются прямотою и искренностью; письмо же Панина составлено съ явнымъ намѣреніемъ уколоть самолюбіе, поглумиться надъ знаніемъ; оно не столько ѣдко, сколько грубо. Никогда не занимавшійся вопросами теоретическими, научными, онъ легко трактуетъ о примѣненіи новой экономической системы, и въ его замѣчаніи, что «добро и зло человѣческаго рода не носится въ карманѣ», звучитъ оскорбительный упрекъ. Ла-Ривьеръ, если и оскорбился этимъ замѣчаніемъ, не высказалъ этого въ своемъ отвѣтѣ: спокойно и серьезно обсуждая это замѣчаніе, онъ приводитъ доводы, въ силу которыхъ находилъ, что двухъ лѣтъ вполнѣ достаточно для удовлетворенія «тѣмъ намѣреніямъ, которыя императрица могла имѣть, призывая его въ Россію». Эти «два года» не измышлены только для отвѣта, такъ какъ задолго до письма Панина, Ла-Ривьеръ говорилъ Фальконету, что «если Ея Величеству угодно дать ему работу, то онъ въ два года (en deux ans) сильно подвинетъ дѣло, въ которомъ еще ничего не сдѣлано» [1]). Не соображаясь съ обстоятельствами, Панинъ, которому эти обстоятельства должны быть извѣстны, пишетъ: «Вы, конечно, не предполагали же, что нужда моментальная, нужда настоящей минуты заставила призвать васъ въ Россію», и, въ видѣ глумленія, прибавляетъ: «Вы не скрываете же отъ себя, что какъ ни были бы обширны, какъ ни были бы превосходны ваши познанія, необходимо время, чтобы приспособить ихъ». Ла-Ривьеръ хорошо зналъ, что вся вина въ этомъ случаѣ

[1]) Сборникъ, XVII, 23.

падаетъ на самого Панина, управляющаго коллегіею иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ зависѣвшіе отъ него представители императрицы за границею именно въ такомъ свѣтѣ понимали приглашеніе Ла-Ривьера, и, тѣмъ не менѣе, онъ въ своемъ отвѣтѣ сдержанъ и вѣжливъ: «Штакельбергъ и кн. Голицынъ убѣждены, что человѣкъ, проведшій всю свою жизнь въ обсужденіи и практическомъ примѣненіи главнѣйшихъ неизмѣнныхъ принциповъ всякаго законодательства, могъ быть полезенъ для великихъ реформъ, которыя намѣрена произвесть императрица. и такъ какъ они знали, что она созвала для этого депутатовъ отъ всѣхъ провинцій, то думали, что нельзя терять времени, что въ настоящій именно моментъ чувствуется потребность въ такомъ человѣкѣ, и что когда дѣло этого дня будетъ окончено, исчезнетъ и эта потребность».

Искренность и прямота Ла-Ривьера подтверждаются и помѣтами его писемъ. Въ то время письма изъ Москвы получались на шестой день [1]); Ла-Ривьеръ отвѣчаетъ черезъ два, три дня по полученіи письма: на письмо Панина отъ 9-го октября, полученное 15-го числа, онъ отвѣчалъ 18-го; на письмо отъ 7-го ноября, полученное 13-го, онъ отвѣчалъ 15-го. Между тѣмъ, Панинъ отвѣчаетъ черезъ двѣ недѣли: на письмо отъ 18-го октября, полученное имъ 24-го, онъ отвѣчалъ только 7-го ноября. Ла-Ривьеръ пишетъ прямо, Панинъ обдумываетъ каждое слово, мѣняетъ выраженія, цѣлыя фразы, что видно изъ черновой его письма.

Та же разница и во внѣшней формѣ писемъ: письма Ла-Ривьера просты по формѣ, которая вполнѣ отвѣчаетъ содержанію; въ письмѣ Панина грубость содержанія не смягчается даже византійскою вѣжливостью формы, которая обманула Фальконета: онъ, какъ европеецъ, повѣрилъ, что «можно еще найти мотивы сблизиться»! Панинъ же, упоминая, что путе-

[1]) Указъ императрицы изъ Москвы, отъ 9-го октября, полученъ 15-го. Русскій Архивъ, 1867 г., стр. 360.

шествіе Ла-Ривьера въ Россію «безусловно безполезно», навсегда отстранялъ отъ Екатерины неудобнаго для себя человѣка.

Изъ этой неравной борьбы Панинъ вышелъ побѣдителемъ. Побѣдителей никогда не судятъ, но нерѣдко осуждаютъ средства, при помощи которыхъ достигнута побѣда. Панинъ избѣгъ и этого: Екатерина осталась очень довольна его письмомъ и, вѣроятно, вслѣдствіе его вліянія, ей не понравились отвѣты Ла-Ривьера [1]). Одинъ только Фальконетъ, читавшій всѣ письма, остался и послѣ этой переписки при убѣжденіи, что Ла-Ривьеръ можетъ быть полезенъ Екатеринѣ [2]).

Въ январѣ 1768 г. Екатерина возвратилась изъ Москвы въ Петербургъ. Въ февралѣ Ла-Ривьеръ представлялся императрицѣ «въ прощальной аудіенціи», причемъ Екатерина убѣдилась, что онъ уменъ и прекрасно говоритъ [3]). Черезъ нѣсколько дней «мартиникскій интендантъ» покинулъ Петербургъ, направляясь обратно въ Парижъ.

Панинъ достигъ своей цѣли.

V.

Какими же средствами Панинъ достигъ своей цѣли?

Въ настоящее время, конечно, невозможно съ точностью опредѣлить, при какихъ условіяхъ состоялось приглашеніе Ла-Ривьера въ Петербургъ, ко двору Екатерины. Всѣ современные источники единогласно свидѣтельствуютъ, что Екатерина искала «иностраннаго законовѣда, но не законодателя» [4]), съ которымъ желала посовѣтоваться по поводу задачъ, предстоявшихъ созванной ею законодательной комиссіи. «Когда Екатерина—пишетъ Тіебо — вознамѣрилась дать новое уложеніе своей обширной имперіи, она, не полагаясь на свои познанія, слишкомъ недостаточныя для столь трудной задачи,

---

[1]) Сборникъ, XVII, 28, 30. [2]) Ibid., 31. [3]) *Barrière*, XIX, 443.
[4]) Un légiste étranger, non pas législateur. Сборникъ, XVII, 54.

просила своего посланника въ Парижѣ отыскать знающаго юриста, который согласился бы пріѣхать на нѣкоторое время въ Петербургъ и помочь ей въ законодательныхъ работахъ» [1]). Ей былъ рекомендованъ Ла-Ривьеръ. Несомнѣнно одно: не Ла-Ривьеръ просился ѣхать въ Россію, его просили пріѣхать и помочь императрицѣ.

Свѣдѣнія, полученныя Екатериною о Ла-Ривьерѣ, были безусловно въ его пользу. Всѣ отзывались о немъ съ изысканною похвалою и, читая его Mémoire герцогу Шуазелю, Екатерина убѣждалась, что эти похвалы не были преувеличены. Даже нѣмецъ Гриммъ, отъявленный протекціонистъ, признаетъ, что въ этомъ Mémoire виденъ большой государственный умъ [2]). Такъ смотрѣлъ на него сперва и Панинъ, немедленно исполнившій приказъ Екатерины о вызовѣ Ла-Ривьера. Вскорѣ, однако, Панинъ убѣдился, что появленіе Ла-Ривьера при дворѣ Екатерины можетъ создать ему лично лишь новыя затрудненія, усиливъ противные ему взгляды и подкрѣпивъ непріятныя для него намѣренія.

Само собою разумѣется, что переговоры по поводу приглашенія Ла-Ривьера шли чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ, т.-е. проходили черезъ руки Панина: онъ докладывалъ императрицѣ донесенія русскихъ министровъ за границею, кн. Голицына въ Парижѣ, князя Долгорукова въ Берлинѣ и друг. Въ результатѣ этихъ докладовъ оказывается, что еще до пріѣзда Ла-Ривьера въ Петербургъ, Екатерина недовольна уже имъ, и недовольна не вообще, но по точно опредѣленнымъ причинамъ.

«Интендантъ Мартиники—пишетъ Екатерина—надавалъ мнѣ тьму совѣтовъ еще до своего пріѣзда въ Россію» [3]). Ни изъ переписки, хранящейся въ Государственномъ Архивѣ и нами теперь изданной, ни изъ записокъ современниковъ не видно, чтобы Ла-Ривьеръ не только давалъ совѣты, но даже просто сообщалъ Екатеринѣ что-либо, касающееся Россіи,

---

[1]) *Thiebault*, III, 164. [2]) *Tourneux*, 444. [3]) Сборникъ, XVII, 136.

тѣмъ менѣе еще до своего пріѣзда въ Петербургъ. Откуда же у Екатерины эта мысль о тьмѣ совѣтовъ?

Уѣзжая въ Москву, Екатерина поручила Ла-Ривьера не Глѣбову, петербургскому генералъ-губернатору, не «маленькому графу Шувалову», не кому-либо иному, а именно Никитѣ Панину: «Ла-Ривьера я поручила Панину, потому что онъ умѣетъ обращаться съ упрямыми людьми и, въ случаѣ нужды, умѣетъ посбить съ нихъ спесь» [1]). Ла-Ривьеръ еще не пріѣхалъ, Екатерина еще не видѣла его, а уже находитъ его упрямымъ, спесивымъ. Кто могъ внушить ей это?

Панинъ хорошо зналъ Екатерину. Выставляя ей Ла-Ривьера человѣкомъ, оскорбляющимъ ея самолюбіе, съ гордостью взирающимъ на ея дѣла, съ пренебреженіемъ отзывающимся о ея намѣреніяхъ, онъ дѣлалъ его «невозможнымъ». Екатерина вызвала Ла-Ривьера изъ Парижа въ Петербургъ; когда же Ла-Ривьеръ испрашивалъ у нея разрѣшенія пріѣхать изъ Петербурга въ Москву, она отказала ему въ этомъ.

Чѣмъ же провинился Ла-Ривьеръ? Что сдѣлалъ онъ оскорбительнаго для русскаго чувства, для русскаго достоинства? Чѣмъ не угодилъ Екатеринѣ?

Если Ла-Ривьеръ вызывался, какъ онъ самъ полагалъ, для помощи въ трудахъ законодательной комиссіи, для совѣщаній о Наказѣ, онъ становился невольно виноватымъ, опоздавъ прибытіемъ въ Россію: онъ прибылъ въ Петербургъ два мѣсяца спустя послѣ того, какъ въ Москвѣ была уже открыта комиссія для составленія проекта новаго Уложенія. Сама Екатерина, одобрившая письмо Панина отъ 7-го ноября, признавала, однако, что онъ вызванъ вовсе не для этой цѣли, не «для нужды данной минуты», а для болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія на русской службѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ, правда, Екатерина прямо укоряла въ томъ, что онъ опоздалъ, и съ укоризною заявляла, что примется

[1]) Ibid., l. c., 55.

«законодательствовать» безъ помощи Ла-Ривьера. «Адвокатъ Дюмениль—пишетъ она Вольтеру въ 1774 году—пріѣхалъ бы слишкомъ поздно, чтобы стать законодателемъ; самъ Ла-Ривьеръ шесть лѣтъ назадъ тоже опоздалъ» [1]). Шесть лѣтъ назадъ, въ 1767 году, Ла-Ривьера не обвиняли, однако, въ опозданіи.

Екатеринѣ представили Ла-Ривьера человѣкомъ надменнымъ, который явился въ Россію, какъ въ страну дикихъ, съ цѣлью реформировать все управленіе имперіи и руководить императрицею въ качествѣ перваго министра. Екатерина повѣрила наговорамъ, повѣрила настолько, что уже съ предубѣжденіемъ читала его письма къ Панину и сохранила дурное о немъ мнѣніе даже послѣ личнаго свиданія, когда Ла-Ривьеръ произвелъ на нее очень хорошее впечатлѣніе.

Взглядъ Ла-Ривьера на Россію и на предстоявшую ему въ Россіи задачу изображенъ Екатериною въ прелестной шутливой картинкѣ: «Ла-Ривьеръ полагалъ,—писала она Вольтеру,—что мы ходимъ на четвереанькахъ, и очень любезно взялъ на себя трудъ пріѣхать изъ Мартиники, чтобъ поставить насъ на заднія ноги» [2]). Эта шутка вѣрна не только относительно Ла-Ривьера; читая ее, Вольтеръ вполнѣ соглашался съ Ла-Ривьеромъ, и не одинъ Вольтеръ, а всѣ члены философской партіи. «Въ Россіи все необходимо еще устраивать; говоря вѣрнѣе, нужно многое сперва уничтожить и потомъ вновь создать. Это и понятно: деспотическій произволъ съ одной стороны, рабство и невѣжество съ другой породили злоупотребленія всякаго рода, которыя пустили очень глубокіе корни, такъ какъ нѣтъ растенія болѣе плодовитаго, чѣмъ злоупотребленія. Они растутъ повсюду, гдѣ невѣжество культивируетъ ихъ». Такъ писалъ Ла-Ривьеръ въ письмѣ къ своему другу, аббату Рейналю. Отказываясь судить о русскихъ законахъ, которые ему «неизвѣстны», Ла-Ривьеръ пишетъ о томъ, что самъ видѣлъ: «Культура земли

---

1) Сборникъ, XXVII, 4, 14. 2) Ibid., XXVII, 4.

находится вовсе не въ томъ положеніи, въ какомъ она могла и должна бы быть. Потребленіе всегда служитъ соотвѣтствующимъ указателемъ производительности; но какое же потребленіе возможно среди рабовъ (esclaves), которые не смѣютъ ничего ни произвесть, ни выказать, что могло бы привлечь взоры господина? По этой же причинѣ замѣтенъ у рабовъ и недостатокъ рогатаго скота; его даже очень мало и къ тому же скотъ этотъ не лучшей породы. Если бы рабъ, которому господинъ предоставилъ извѣстный участокъ земли для пропитанія, имѣлъ скотину, которой могъ бы позавидовать господинъ, она тотчасъ была бы отнята у раба. То же самое происходитъ и съ жатвою, и вообще со всѣмъ, что можетъ быть названо государственнымъ богатствомъ. Вотъ почему между рабами распространенъ обычай прятать деньги, которыя они могутъ пріобрѣсти, и уже только по этому деньги оказываются очень рѣдкими въ этой странѣ. Чувствуемая же во всемъ дороговизна объясняется отсутствіемъ конкуренціи», и т. д. [1]).

Эти взгляды Ла-Ривьера, повторенные позже Дидро и другими, раздѣлялись, какъ извѣстно, самою Екатериною. Они не могли оскорбить ее, тѣмъ болѣе, что высказывались въ частныхъ письмахъ и императрицѣ въ то время извѣстны не были.

Екатерина знала, что про Ла-Ривьера распускаютъ много сплетенъ, нерѣдко совершенно вздорныхъ, приписываютъ ему желаніе стать фаворитомъ, сдѣлаться первымъ министромъ [2]) и т. п. Въ «Gazette de Hambourg» появилась даже слѣдующая замѣтка: «Мерсье де Ла-Ривьеръ былъ вызванъ въ Россію для предсѣдательствованія въ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія... Онъ нашелъ въ Москвѣ 800 депутатовъ, которые должны были помогать ему въ этомъ великомъ предпріятіи... Онъ высказался противъ закона, которымъ императрица обязывалась не наказывать смертною казнью ни одного

[1]) Госуд. Архивъ, XI, 1035; «Дидро въ Петербургѣ», стр. 150.

[2]) Mémoire d'Oberkirch, I, 289.

изъ членовъ этого національнаго сената... Этимъ онъ нажилъ себѣ много враговъ и долженъ былъ удалиться изъ Россіи». Фальконетъ справедливо находилъ, что этотъ вздоръ даже непохожъ на правду [1]); между тѣмъ Екатерина вѣрила подобному же вздору и сама передавала его, лѣтъ двадцать спустя, графу Сегюру, французскому посланнику, въ слѣдующей формѣ:

«Какъ только Ла-Ривьеръ пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ, прежде всего, нанялъ три смежныхъ дома и тотчасъ же передѣлалъ ихъ: парадные покои обратилъ въ пріемные залы, а прочія комнаты въ канцеляріи. Философъ вообразилъ себѣ, что я призвала его въ помощь себѣ для управленія имперіею и для того, чтобъ онъ своими познаніями извлекъ насъ изъ мрака невѣжества. Надъ всѣми залами онъ прибилъ надписи крупными буквами: *Департаментъ внутреннихъ дѣлъ*, *департаментъ торговли*, *департаментъ юстиціи*, *департаментъ финансовъ*, *отдѣленіе для сбора податей* и т. п. Въ то же время онъ приглашалъ многихъ изъ жителей, русскихъ и иностранцевъ, на которыхъ ему указали, какъ на людей свѣдущихъ, явиться къ нему для занятія различныхъ должностей, соотвѣтственно ихъ способностямъ. Все это надѣлало шуму, и такъ какъ всѣ знали, что онъ вызванъ по моей волѣ, то нашлись довѣрчивые люди, которые уже заранѣе старались подольститься къ нему. Между тѣмъ я пріѣхала и прекратила эту комедію. Я уплатила всѣ его издержки и мы разстались довольные другъ другомъ» [2]).

Во всемъ этомъ разсказѣ нѣтъ ни слова правды. Насчетъ гр. Сегюра должно быть поставлено только перенесеніе мѣста дѣйствія въ Москву, гдѣ Ла-Ривьеръ никогда не былъ — эту ошибку мы исправили въ переводѣ; все остальное относится къ наговорамъ, которыми обманывали императрицу лица, желавшія устранить Ла-Ривьера.

---

[1]) Сборникъ, XVII, 54.

[2]) *Barrière*, l. c., XIX, 442; Записки Сегюра, стр. 148.

Не говоря уже о томъ, что въ то время во всемъ Петербургѣ не было трехъ смежныхъ домовъ, изъ которыхъ можно было бы подѣлать департаментскіе залы и канцеляріи, для такой передѣлки не было даже и времени: Ла-Ривьеръ пріѣхалъ въ Петербургъ въ первыхъ числахъ октября, не зная самъ, останется ли онъ въ Петербургѣ, или долженъ будетъ ѣхать въ Москву; 18-го октября онъ написалъ императрицѣ письмо [1]), въ которомъ испрашивалъ ея распоряженій на этотъ счетъ, а въ половинѣ ноября Ла-Ривьеръ читалъ уже письмо Панина, въ которомъ говорилось о его «безусловно безполезномъ» прибытіи въ Россію, т.-е. онъ зналъ уже, что ближайшею же весною покинетъ Россію. Въ письмѣ къ Дидро, отъ 4-го октября, Ла-Ривьеръ писалъ именно о квартирѣ: «Императрица была столь милостива, что распорядилась относительно моего содержанія и помѣщенія. Что касается квартиры, я рѣшился оставить ее такою, какъ она есть — она очень хороша для временнаго пребыванія» [2]). Ни въ перепискѣ Фальконета, ни въ донесеніяхъ Россиньоля, французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, ни въ письмахъ Екатерины нѣтъ ни слова о наймѣ помѣщенія для всевозможныхъ департаментовъ; современники также не упоминаютъ ни о чемъ подобномъ, ни даже баронесса Оберкирхъ, въ своихъ мемуарахъ описавшая Ла-Ривьера самыми непривлекательными чертами. Все это не выдумка, однако, Екатерины, а наговоръ, ей сдѣланный, вѣроятно, Панинымъ, и ею черезъ двадцать лѣтъ повторенный.

Этотъ вздоръ, конечно, не обратилъ бы на себя вниманія, если бы разсказъ гр. Сегюра не былъ повторенъ извѣстнымъ экономистомъ Ж. Б. Сэ [3]), который своимъ авторитетомъ придалъ разсказу извѣстную степень достовѣрности. Свѣдѣнія, сообщаемыя баронессою Оберкирхъ, никому неизвѣстны, ея рѣзкихъ отзывовъ о Ла-Ривьерѣ никто не знаетъ; между тѣмъ какъ нелѣпый разсказъ Сегюра повторяется всѣми и, къ со-

---

[1]) Госуд. Архивъ, XI, 1034.

[2]) Госуд. Архивъ, XI, 1035; *Дидро*, l. c., стр. 148. [3]) *Say*, I, 25.

жалѣнію, помѣщенъ даже въ такомъ почтенномъ изданіи, какъ «Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества».

Екатерина не читала книги Ла-Ривьера «L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques». Панинъ, чрезъ котораго авторъ переслалъ экземпляръ императрицѣ, не представилъ его по назначенію и, вѣроятно, уничтожилъ. Только этимъ, быть можетъ, объясняется, почему ни въ эрмитажной, ни въ Императорской Публичной Библіотекѣ не сохранилось этой книги. Только Фальконетъ, кажется, указалъ Екатеринѣ на самую «темную» для нея главу IX, De l'évidence, трактующую о значеніи очевидности, и тѣмъ отбилъ у нея охоту познакомиться съ самой книгой. «Я забыла увѣдомить васъ— писала Екатерина Фальконету—о полученіи весьма хорошихъ примѣчаній на 9-ю главу «L'ordre naturel». Я начинаю думать, что этотъ господинъ не вѣритъ въ Бога: онъ трактуетъ естественный порядокъ такъ же, какъ атеисты—сотвореніе міра, и оставляетъ васъ въ полномъ сомнѣніи» [1]). Нѣтъ основанія утверждать положительно, но можно, однако, догадываться, что Панинъ, опорочивая «L'ordre naturel», передалъ императрицѣ, что Ла-Ривьеръ лишь повторяетъ то, что давно уже было высказано въ трудахъ Бурламаки [2]); по крайней мѣрѣ, Фальконетъ, отвѣчая императрицѣ [3]), защищаетъ по мѣрѣ силъ Ла-Ривьера: «Позаимствовалъ ли онъ что въ своей книгѣ отъ Бурламаки или нѣтъ, представляетъ ли дальнѣйшее развитіе его мыслей—не все ли равно, если Ла-Ривьеръ постигъ истинныя начала и точное примѣненіе выводовъ изъ нихъ».

Екатерина, столь предубѣжденная противъ Ла-Ривьера,

---

[1]) Сборникъ, XVII, 39, 41, 197.

[2]) Jean Jacques Burlamaqui, 1694—1748, извѣстный юристъ, авторъ «Principes du droit naturel», «Principes du droit politique» и «Principes du droit naturel et politique». Кажется, Фальконетъ говоритъ о посмертномъ изданіи «Principes du droit de la nature et des gens», которое начало выходить въ 1766 году и о которомъ писалъ Гриммъ въ своей «Correspondance». *Tourneaux*, VII, 146.

[3]) Сборникъ, XVII, 31.

съ удивленіемъ увидѣла, когда Ла-Ривьеръ откланивался ей, что это, во-первыхъ, очень умный человѣкъ, и, во-вторыхъ, хорошо владѣющій языкомъ [1]). Эта единственная бесѣда императрицы съ Ла-Ривьеромъ записана академикомъ Тіебо, въ Берлинѣ, со словъ самого же Ла-Ривьера:

— «Послушайте, спросила императрица, можете ли вы указать мнѣ наилучшій способъ хорошо управлять государствомъ?

— «Государыня, способъ одинъ--быть справедливою, т.-е. поддерживать порядокъ и слѣдить за уваженіемъ законовъ.

— «Но на чемъ же основать законы имперіи?

— «На сущности вещей, государыня, и на природѣ человѣка.

— «Хорошо, но желая дать народу законы, по какимъ правиламъ опредѣлить законы наиболѣе подходящіе?

-- «Составлять или предписывать законы, государыня, Господь не предоставилъ никому. Кто же можетъ считать себя способнымъ предписывать законы людямъ, которыхъ онъ не знаетъ? По какому праву мы будемъ предписывать законы людямъ, которыхъ Господь вовсе не подчинилъ намъ?

— «Въ чемъ же по вашему состоитъ умѣнье управлять?

— «Въ добросовѣстномъ изученіи, признаніи и поддержаніи тѣхъ законовъ, которые начертаны самимъ Богомъ въ природѣ человѣческой.

— «Я очень довольна, что услышала ваши сужденія. Желаю вамъ счастливаго пути».

Едва ли разговоръ происходилъ именно въ этой формѣ, по крайней мѣрѣ, Екатерина не аттестовала бы его гр. Сегюру выраженіемъ fort-bien. Едва ли Екатерина могла остаться довольна такимъ разговоромъ.

Не остался доволенъ и Ла-Ривьеръ своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ. Возвращаясь въ Парижъ, онъ провелъ нѣсколько дней въ Берлинѣ, видѣлся съ принцемъ Генрихомъ

[1]) *Barrière*, XIX, 443; *Thiébault*, III. 166.

прусскимъ и громко жаловался на императрицу и ея министровъ [1]). Шесть лѣтъ спустя, въ запискѣ, поданной морскому министру Тюрго, Ла-Ривьеръ такъ отзывался о своей поѣздкѣ въ Россію:

«Императрица Россіи вызвала меня изъ Франціи для составленія конституціи и законодательства имперіи. Вполнѣ довѣряя искренности этихъ намѣреній, я отправился въ Россію, получивъ отъ герцога Шуазеля двухгодичный отпускъ. Но я вскорѣ же увидѣлъ, что въ Россіи невозможно послужить человѣчеству такъ, какъ я предполагалъ, и рѣшился возвратиться во Францію, хотя императрица, желая удержать меня, предлагала мнѣ значительную пенсію, хорошее мѣсто и знаки отличія. Это путешествіе еще разъ показало, что я высоко цѣню честь и ставлю деньги ни во что. Все это подтверждается донесеніями о моемъ пребываніи въ Россіи г. Россиньоля, который былъ въ то время французскимъ консуломъ въ Петербургѣ и повѣреннымъ въ дѣлахъ при дворѣ императрицы» [2]).

Подавая записку министру, который легко могъ провѣрить ее по донесеніямъ дипломатическаго агента, Ла-Ривьеръ, конечно, сообщалъ вѣрные факты. Дѣйствительно, Россиньоль, въ депешѣ отъ 24-го марта 1768 г., сообщаетъ, что «вызовъ Ла-Ривьера въ Россію объясняется только безразсуднымъ намѣреніемъ воспользоваться человѣкомъ, который, быть можетъ, имѣетъ причины быть недовольнымъ; онъ былъ отпущенъ во Францію потому только, что не пожелалъ принять въ Россіи какое-либо мѣсто» [3]).

---

[1]) *Thiebault*, 169.

[2]) Travaux de l'académie des sciences, 1859, II, 159.

[3]) L'invitation de M. de La-Rivière n'est rien qu'une malencontreuse équipée de la Russie, qui crut pouvoir s'attacher un homme qui avait peut-être à se plaindre de la cour de France, et ne fut renvogé que sur son refus d'accepter aucune place. Париж. Архивъ, Russie, vol. 13, Suppl., № 93.

ЕКАТЕРИНА II и ГРИММЪ.

Русская Старина, 1893.

ЕКАТЕРИНА II и ГРИММЪ.

I.

«Вслѣдъ за наслѣднымъ принцемъ Дармштадтскимъ прибылъ, четыре дня назадъ, г. Гриммъ. Его бесѣда для меня наслажденіе; но намъ предстоитъ еще переговорить о стольких вещахъ, что до сихъ поръ въ нашихъ бесѣдахъ было болѣе живости, чѣмъ порядка. Мы много говорили о васъ. Я сказала ему то, о чемъ вы, можетъ быть, забыли—что ваши сочиненія пріучили меня размышлять» [1]).

Такъ писала императрица Екатерина II «его литературному величеству» Вольтеру 15-го сентября 1773 г. Екатерина называетъ своего собесѣдника просто Гриммъ, какъ въ томъ же письмѣ она говоритъ о Дидро, Гельвеціи, Рейналѣ. Кто же этотъ Гриммъ? Чѣмъ онъ извѣстенъ и почему явился въ Россію?

Вопросы не праздные. Болѣе двадцати лѣтъ, до послѣднихъ дней своей жизни, Екатерина вела постоянную переписку съ Гриммомъ; до настоящаго времени обнародовано болѣе 600 писемъ ея къ этому Гримму. Не подлежитъ сомнѣнію, что Екатерина хорошо умѣла употреблять перо на служеніе своимъ цѣлямъ; она видѣла въ немъ довольно вѣрное средство, когда небрежно набрасывала на бумагу довѣрчивыя строчки къ другу и когда писала остроумныя письма къ Вольтеру и энциклопедистамъ, которые должны были рас-

---

[1]) *Voltaire*, LXXVIII, 276; Сборникъ, XIII, 358; *Фабіянъ*, II, 127.

точать ей похвалы по всей Европѣ, когда кропала небольшую пьеску для своего придворнаго театра и когда составляла государственные проекты, которые должны были создать ей славу законодательницы. Екатерина II была слишкомъ умна, чтобы быть искреннею въ письмахъ къ Вольтеру, Д'Аламберу и всѣмъ «знаменитостямъ» вѣка, имѣвшимъ большое вліяніе на общественное мнѣніе; она была честолюбива, много перенесла въ жизни, хорошо знала людей и не могла, конечно, не быть осторожною въ своихъ сношеніяхъ съ ними, особенно же письменныхъ. Она умѣла молчать, когда видѣла, что ее хотятъ вызвать на разговоръ [1]); тѣмъ болѣе умѣла она писать, чтобы заставить говорить о себѣ то, что ей было нужно или желательно. Конечно, изъ всѣхъ писаній Екатерины, письма всего болѣе могутъ служить матеріаломъ для обрисовки ея внутренняго существа. Но письма письмамъ рознь. Письма, напримѣръ, къ Д'Аламберу съ увѣреніемъ, что въ Россіи «болѣе свободы», чѣмъ во Франціи, или къ Вольтеру съ категорическимъ увѣдомленіемъ, что «Россія пользуется полною терпимостью» [2]), имѣютъ совершенно иное значеніе, чѣмъ письма къ Гримму, въ которыхъ Екатерина записываетъ, почти день за днемъ, рядомъ съ отзывами о серьезныхъ дѣлахъ, всякія мелочи, до извѣстія о рубашонкѣ своего внука [3]), великаго князя Александра Павловича, и о здравіи Monsieur Thomas, своей комнатной собачки, включительно [4]). Какъ произведенія Вольтера Екатерина «читала, перечитывала и изучала», такъ и свои письма къ нему она писала, переписывала и обдумывала въ нихъ каждое слово; письма же къ Гримму—черновые наброски, безъ предвзятой цѣли, во всякомъ случаѣ, безъ задней мысли. Въ письмахъ Екатерины къ Вольтеру ему предлагается матеріалъ для составленія «Siècle de Catherine II», какъ pendant

[1]) «Mémoires de Catherine II», p. 59. [2]) Сборникъ, VII, 179; X, 39.
[3]) Ibid., XXIII, 215. [4]) Ibid., XXIII, 2, 35, 88, 89, 147, sqq.

къ «Siècle de Louis XIV» [1]); въ письмахъ же къ Гримму выражается потребность высказаться, подѣлиться радостью и выплакать горе [2]), иногда просто поболтать съ умнымъ человѣкомъ, рѣдко, впрочемъ, забывая, что этотъ умный человѣкъ своею «Correspondance Littéraire» нормировалъ взгляды многихъ дворовъ не только на произведенія искусства и на явленія литературы. Письма къ Гримму отличаются интимнымъ характеромъ; въ нихъ Екатерина изливала свои задушевныя мысли, высказывалась вся, была вполнѣ искренна. Какъ «Мемуары» Екатерины являются наиболѣе важнымъ источникомъ для ея исторіи до воцаренія, такъ въ письмахъ къ Гримму заключаются наиболѣе правдивыя показанія Екатерины о самой себѣ за послѣдніе годы ея царствованія. Чтобы вѣрно оцѣнить Екатерину, нужно хорошо узнать Гримма, которому она «исповѣдывалась» по всѣмъ вопросамъ своей домашней, общественной и государственной жизни.

Кто же этотъ Гриммъ?

До настоящаго времени это еще вопросъ. Нѣмецъ, дебютировавшій въ Парижѣ небольшой брошюрой, доставившей ему громкую извѣстность; критикъ, въ теченіе десятилѣтій разсылавшій коронованнымъ особамъ Европы свою рукописную «Correspondance Littéraire»; писатель, принятый въ салонѣ г-жи Жоффренъ, бывшей «литературнымъ термометромъ» своего времени, и посѣщавшій пятницы г-жи Неккеръ; философъ, бывшій другомъ Руссо, Гольбаха, Дидро, Д'Аламбера; человѣкъ, наконецъ, болѣе сорока лѣтъ находившійся въ сношеніяхъ со всѣми знаменитостями своего вѣка, долженъ былъ бы, казалось, представляться фигурой довольно опредѣленной. Оказывается, однако, что онъ всѣмъ былъ извѣ-

[1]) Кажется, Вольтеръ догадывался объ этой цѣли и старался отклонить ее; по крайней мѣрѣ, въ письмѣ его къ Екатеринѣ, отъ 3-го декабря 1771 г., встрѣчается такая фраза: Heureux l'écrivain qui donnera *dans un siècle* l'histoire de Catherine II. *Voltaire*, LXXVIII, 211.

[2]) Сборникъ, XXIII, 316, 317, 319, 322, 344.

стенъ, но его никто не зналъ, никто не интересовался имъ настолько, чтобы набросать хотя бы бѣглый эскизъ его портрета. Современники Гримма ничего не говорятъ о немъ; даже друзья умалчиваютъ. Мармонтель, постоянный посѣтитель «холостыхъ обѣдовъ» Гримма, ни однимъ словомъ не обмолвился о немъ въ «Mémoires de ma vie», представляющихъ цѣлую галлерею современныхъ портретовъ; аббатъ Моррелэ не говоритъ о Гриммѣ ни въ «Mélanges de littérature et de philosophie», ни въ своихъ «Mémoires». Только «другъ» Руссо, въ своихъ «Confessions», и «подруга сердца» г-жа Эпинэ, въ своихъ «Mémoires», занимаются Гриммомъ, но ихъ показанія не имѣютъ существеннаго значенія. Они разно смотрятъ на Гримма—Руссо чернитъ, Эпинэ превозноситъ—но оба рисуютъ Гримма въ халатѣ, въ домашнемъ быту, среди личныхъ дрязгъ, не касаясь его общественной и литературной дѣятельности. Мы не имѣемъ надобности ни опровергать «клеветы» Руссо [1]), ни принимать «панегирикъ» г-жи Эпинэ, такъ какъ то и другое вовсе не касается тѣхъ сторонъ Гримма, которыя однѣ могутъ интересовать насъ. Ближайшій сотрудникъ Гримма, его секретарь. Мейстеръ составилъ небольшую, но спеціальную записку «Le baron de Grimm» [2]), въ которой сохранилъ нѣсколько воспоминаній, сообщенныхъ ему самимъ Гриммомъ. Мейстеръ называетъ его «философомъ», чаще «писателемъ», и всегда другомъ всѣхъ энциклопедистовъ; почему же никто изъ философовъ и писателей, современниковъ и друзей Гримма не упоминаетъ о немъ?

Гриммъ рано началъ писать, будучи еще гимназистомъ; писалъ на своемъ вѣку очень много, но мало печаталъ. Всѣ

[1]) On n'est pas juste pour Grimm, grâce au témoignage de J. J. Rousseau dans ses Confessions. Mais Rousseau ne se gène en rien pour mentir et à l'égard de Grimm il a été un menteur. *Sainte-Beuve*, Causeries du Lundi, VII, 227.

[2]) Помѣщена въ I т. Tourneux, 3. J. H. Meister, 1744—1826, переводчикъ «Идиллій» Геснера, съ молодыхъ лѣтъ поселившійся въ Парижѣ. Его зналъ Дидро, любила г-жа Неккеръ, принимала г-жа Дю-Барри. Во время революціи онъ покинулъ Парижъ и поселился въ Цюрихѣ, гдѣ и умеръ.

важнѣйшіе его труды напечатаны уже послѣ его смерти: «Correspondance Littéraire» впервые издана въ 1812 году [1]), переписка съ Екатериною II только въ 1881 году. Гриммъ, быть можетъ, единственный писатель въ мірѣ, который писалъ не для печати. Неудивительно, что его не знали. Онъ пріобрѣлъ «посмертную» извѣстность; только спустя сто лѣтъ по смерти Гримма стали интересоваться его писаніями. Только теперь, когда напечатано все то, что̀ Гриммъ писалъ не для печати, пробудился нѣкоторый интересъ и къ личности Гримма. Этимъ именно Гриммъ отличается отъ всѣхъ своихъ «друзей». Руссо и Дидро, Д'Аламберъ и Гольбахъ, Рейналь, Гельвецій, всѣ «друзья» Гримма, своими сочиненіями сами нарисовали свою литературную физіономію, завоевали себѣ опредѣленное положеніе, составили имя. Съ каждымъ изъ этихъ именъ связывалось представленіе объ извѣстномъ ученомъ или литературномъ произведеніи. Гриммъ ничего не написалъ, ничего не издалъ, что̀ придавало бы его имени извѣстную окраску. Онъ только писалъ письма, цѣнность которыхъ заключалась, прежде всего, именно въ томъ, что они не были обнародованы. При жизни, Гримма знали лучше за предѣлами Франціи, гдѣ читалась его «Correspondance Littéraire», чѣмъ въ Парижѣ, гдѣ объ этомъ рукописномъ изданіи знали весьма немногіе.

Теперь «Correspondance Littéraire» доступна всѣмъ; обнародована и переписка Гримма съ Екатериною II, если не вся, то бо̀льшая ея часть. Эти два изданія и должны служить единственнымъ матеріаломъ для возсозданія литературной физіономіи Гримма. Матеріалъ, должно сознаться, крайне благодарный, но по самому существу своему допускающій возможность самыхъ противоположныхъ заключеній. Во всѣхъ писаніяхъ Гримма, отъ его перваго гимназическаго письма къ

---

[1]) Полное изданіе появилось лишь въ наши дни: Maurice *Tourneux*, «Correspondance littéraire, philosophique et critique par Grimm, Diderot, Raynal, Meister» etc. Paris, 16 vls, 1882. Въ этомъ изданіи впервые точно отмѣчено все, принадлежащее Гримму.

проф. Готшеду до старческой исповѣди императору Павлу, замѣчаются нѣкоторыя черты, крайне затрудняющія изслѣдователя: рядомъ съ свѣтлымъ взглядомъ, вѣрнымъ сужденіемъ и большимъ вкусомъ постоянно встрѣчается замѣтная предвзятость, угодливая льстивость и фальшивое «себѣ на умѣ». Чѣмъ ни объяснялись бы эти несимпатичныя черты, онѣ нерѣдко приводятъ изслѣдователей къ прямо противоположнымъ заключеніямъ. Нѣмецкій ученый Гиллебрандъ чернитъ недостатки Гримма, напоминая Руссо; французскій Шереръ—восхваляетъ его достоинства, подобно Эпинэ; русскій Я. Гротъ находитъ, что Гриммъ «съ нѣкоторыми слабостями, отчасти проистекавшими изъ самыхъ обстоятельствъ его жизни, соединялъ несомнѣнныя достоинства» [1]).

Обстоятельства жизни всегда играютъ извѣстную роль; эта-то роль и должна быть опредѣлена и выяснена. Благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, «обстоятельства жизни» Гримма довольно извѣстны.

«Я родился—пишетъ Гриммъ—свободнымъ гражданиномъ имперскаго города и явился въ свѣтъ бѣднякомъ». Отецъ Мельхіора Гримма былъ пасторомъ въ одномъ изъ приходовъ Регенсбурга; позже онъ былъ назначенъ суперъ-интендантомъ лютеранскихъ церквей въ Верхнемъ Пфальцѣ. Какъ лицо духовное, онъ далъ своимъ дѣтямъ хорошее образованіе: Мельхіоръ Гриммъ обучался въ Регенсбургской гимназіи и слушалъ лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ. Будучи еще въ гимназіи, Гриммъ интересовался литературой и 18-ти-лѣтнимъ юношей написалъ, въ 1741 году, свое первое письмо профессору логики и метафизики Лейпцигскаго университета Готшеду [2]), «изъ педантовъ педанту». Письмо очень длинно и скучно, но весьма характерно.

---

[1]) *Karl Hillebrand*, Katharina II und Grimm, in „Deutsche Rundschau“, VII, 377; *Edmond Scherer*, Melchior Grimm, Paris, 1887; *Я. К. Гротъ*, Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, Спб. 1884 г.

[2]) Ioh. Chr. Gotsched, 1700—1766, много потрудившійся для нѣмецкаго языка и нѣмецкой литературы. Безъ таланта, но съ большимъ вкусомъ и

«Писать вамъ, безъ сомнѣнія, неслыханная дерзость съ моей стороны; но невыразимое уваженіе, внушаемое мнѣ вашими безмѣрными заслугами, возбудили во мнѣ непреоборимое желаніе познакомиться съ вами. Я могъ бы, конечно, указать мотивъ, оправдывающій мой поступокъ—братъ мой, гофмейстеръ барона Шёнберга, поручилъ мнѣ собрать и переслать вамъ прилагаемыя брошюры; но я не скрою отъ Вашего Великолѣпія, что мною руководило главнѣйшимъ образомъ желаніе выразить вамъ то благоговѣніе, какое я питаю къ вашимъ несравненнымъ достоинствамъ. Скажу вамъ прямо—я еще молодой человѣкъ, только чрезъ полтора года поступающій въ Лейпцигскій университетъ; здѣсь, въ гимназіи, я учусь латинскому языку и другимъ свободнымъ искусствамъ; но высшее мое наслажденіе—чтеніе нравоучительныхъ сочиненій и вообще книгъ, написанныхъ хорошимъ слогомъ. Къ сожалѣнію, въ нашемъ Регенсбургѣ нѣтъ ни одной порядочной книжной лавки, такъ что я не видалъ здѣсь ни одного изъ безцѣнныхъ твореній Вашего Великолѣпія. Нѣсколько лѣтъ назадъ, мой братъ осчастливилъ меня вашимъ «Опытомъ стихосложенія» [1]), равно какъ «Разсужденіемъ объ изученіи Роллэна [2]), въ нѣмецкомъ переводѣ Шваба. Не въ силахъ выразить, съ какимъ наслажденіемъ прочелъ я эти произведенія. Только теперь впервые прозрѣлъ я и понялъ, что такое истинное знаніе! Сверхъ того, братъ привезъ мнѣ не-

---

серьезною ученостью, онъ, неустаннымъ трудомъ, педантически очищалъ языкъ и литературу нѣмцевъ, ставя въ образецъ древнихъ классиковъ и французскія произведенія. Онъ издавалъ нѣсколько журналовъ, напечаталъ нѣсколько сборниковъ, всегда имѣлъ въ виду улучшеніе нѣмецкаго языка и возвышеніе литературнаго вкуса. Онъ самъ написалъ одну только драму «Der sterbende Cato», водянистую и бездарную, но составленную по всѣмъ правиламъ искусства того времени. Письмо Гримма къ Готшеду см. *Danzel*, S. 344 sqq.

[1]) «Versuch einer kritischen Dichtkunst». Leipzig, 1730.

[2]) Charles Rollin, 1661—1741, историкъ, авторъ «Histoire ancienne», 13 т., и «Histoire Romanie», 16 т. Гриммъ упоминаетъ объ его «Traité de la manière d'enseigner et d'étudier les belles lettres», 4 т. Нѣмецкій переводъ Шваба намъ неизвѣстенъ.

давно изъ Лейпцига ваше «Ораторское искусство» [1]), которое я прочелъ съ такою же жадностью и которое окончательно раскрыло мнѣ глаза. Я увидѣлъ, что часто принималъ за золото ту позолоту, которою любятъ украшаться quasi-ученые люди. Но да позволитъ мнѣ Ваше Великолѣпіе высказать, что въ двухъ его произведеніяхъ, выше мною названныхъ, я нашелъ излишнюю скромность. Считаю того глупцомъ и негодяемъ, кто не признаетъ, что Германія обязана вамъ, вамъ однимъ, развитіемъ своего языка, поэзіи и краснорѣчія. Надѣюсь дожить до того времени, когда Германія превзойдетъ всѣ другія страны въ этихъ отрасляхъ литературы! Этимъ она будетъ обязана великому Готшеду, такъ какъ его славными усиліями возрождается въ Германіи хорошій вкусъ, такъ какъ онъ побуждаетъ своихъ соотечественниковъ подражать образцамъ древнихъ классиковъ и новѣйшихъ французовъ. Мнѣ, однако, не вѣрится, чтобы Германія теперь уже была въ этомъ отношеніи ниже другихъ странъ. Въ Италіи повсюду господствуетъ дурной вкусъ. Франція сдѣлала большіе успѣхи, но развѣ мы не можемъ ихъ Буало, Роллэну, Фонтенеллю, Вольтеру, словомъ, всѣмъ ихъ литературнымъ знаменитостямъ, противопоставить нашего Готшеда? То, чему Англія восхищается въ своемъ Ньютонѣ, Аддисонѣ, Стилѣ, мы благоговѣйно чтимъ въ нашемъ безсмертномъ Готшедѣ. Въ немъ одномъ совокупилось все то, что въ другихъ странахъ подѣлено между многими личностями. И если Франція величается г-жею Дасье [2]), мы можемъ гордиться нашею

[1]) «Ausführliche Redekunst», Leipzig, 1728.

[2]) Anne Dacier, 1654—1720, жена академика, хранителя личной библіотеки короля и переводчика классиковъ ad usum Delphini, извѣстная переводчица Гомера; она же переводила Анакреона, Плавта, Аристофана, всего Теренція.— Louise Gottsched, 1713—1762, много помогала мужу въ его литературно-критическихъ трудахъ, написала драму «Panthea» и комедію «Die Hausfranzösin», оставила три тома замѣчательныхъ «Briefe».— Сравненіе Гримма нельзя назвать вполнѣ удачнымъ: Буало ставилъ г-жу Дасье выше ея мужа и напоминаніе объ этомъ едва ли могло быть пріятно Готшеду.

г-жею Готшедъ! Удивленіе, которое я чувствую къ Вашему Великолѣпію, часто уже было для меня весьма выгодно. Ему именно обязанъ я дружбой съ Шёнбергомъ, достойнымъ сыномъ саксонскаго министра. У него славная голова, открытая душа, и для него нѣтъ бо́льшаго наслажденія, какъ перелистывать вмѣстѣ со мною ваши произведенія. Онъ теперь иначе не называетъ меня, какъ *критикомъ*, такъ какъ мы все обсуживаемъ, изъ всего дѣлаемъ вопросъ, все критикуемъ». И такъ далѣе, и такъ далѣе, еще нѣсколько страницъ, гдѣ Гриммъ «умоляетъ» прислать ему портретъ г-жи Готшедъ и, въ концѣ концовъ, прилагаетъ «на просмотръ учителя» нѣсколько своихъ поэтическихъ произведеній, между прочимъ, сатиру «на гонителей философіи» и какую-то оду [1]).

Въ этомъ первомъ письмѣ, еще гимназиста, видны уже въ зародышѣ тѣ особенности, которыя проявлялъ Гриммъ въ своей жизни и съ которыми онъ сошелъ въ могилу: нескромность, доходящая до наглости, не знающая мѣры лесть и, какъ конечная цѣль, достиженіе земныхъ благъ. Гимназистъ Гриммъ не только рѣшается писать письмо профессору университета, но высказываетъ свои сужденія, даетъ даже совѣты, выпрашиваетъ портретъ профессорши, Frau Professorin, похваляется дружбой съ Шёнбергомъ, какъ выгоднымъ дѣломъ. Поповичъ, хотя и протестантскій, онъ дружитъ на гимназической еще скамьѣ не съ кѣмъ инымъ, какъ съ Шёнбергомъ, сыномъ богатыхъ и именитыхъ родителей; своего брата, управляющаго регенсбургскимъ домомъ барона Шёнберга, онъ величаетъ Hofmeister! Гриммъ, уже и въ этомъ первомъ своемъ письмѣ, прибѣгаетъ ко лжи, лишь бы угодливою лестью добиться благоволенія Готшеда: произведенія «лейпцигскаго педанта» не играли никакой роли въ его сношеніяхъ къ Шёнбергу, съ которымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ

[1]) *Dansel*, 344. Ew. Hochedelgebohren Magnificenz, собственно: ваше высокоблагорожденное великолѣпіе.

еще задолго до того, какъ услышалъ въ первый разъ самое имя Готшеда [1]).

Болѣе года, до прибытія Гримма въ Лейпцигскій университетъ, продолжалась эта переписка съ Готшедомъ. Она велась Гриммомъ въ томъ же приторно-льстивомъ тонѣ, иногда стихами—убійственными виршами, въ которыхъ Готшедъ ставился «по праву» рядомъ съ Гораціемъ, причемъ ужъ, конечно, Буало долженъ былъ уступить ему свое мѣсто [2]). Эта лесть не была безцѣльною: Гриммъ, увлеченный «Нѣмецкой сценой» [3]), издававшейся Готшедомъ, рѣшился написать трагедію. Онъ окончилъ ее уже въ Лейпцигѣ, подъ личнымъ руководствомъ Готшеда, и въ 1743 г. трагедія «Баниза» была напечатана. Самолюбіе 20-ти-лѣтняго драматурга было удовлетворено вполнѣ: трагедія не только была напечатана, она была представлена на сценѣ, въ Страсбургѣ и Франкфуртѣ-на-Майнѣ, и имѣла успѣхъ. Мало того: много лѣтъ спустя, Фридрихъ II, принимая впервые Гримма, встрѣтилъ его первыми стихами трагедіи [4]).

---

[1]) О дружбѣ съ Готлобомъ Шёнбергомъ Гриммъ писалъ Екатеринѣ II, отъ 9-го октября 1790 г.: c'est mon ami depuis l'âge de *onze* ans (Сборникъ, XXXIII, 268); отъ 22-го февраля 1791 г.: c'est le plus ancien ami que j'aie au monde, puisque notre amitié date de l'âge de *dix* ans (Ibid., 315). Ни съ одиннадцати, ни съ десятилѣтнимъ мальчикомъ Гриммъ не могъ читать ни «Versuch einer kritischen Dichtkunst», ни «Ausführliche Redekunst», тѣмъ менѣе это чтеніе могло повести къ дружбѣ, о которой говорится въ письмѣ.

[2]) *Dansel*, 347: Ist's möglich? Grosser Geist, Du den die Klügsten schätzen,
Dir, den wir dem Horaz mit Recht zur Seite setzen,
Dem Frankreichs Boileau. Du schreibst mir, Grosser Mann,
Und treibest mein Bemühn durch Deinen Beyfall an?

[3]) «Die deutsche Schaubühne nach den Regeln und Exempeln der Alten». Leipzig, 6 т., 1741. Это есть сборникъ лучшихъ переводныхъ и оригинальныхъ драматическихъ произведеній того времени. Здѣсь помѣщены первые драматическіе труды знаменитаго Шлегеля, въ то время лейпцигскаго студента и ученика Готшеда.

[4]) Письмо Гримма Фридриху II, отъ 29-го іюня 1781 г.: Sire, je me rappellerai toujours bien vivement avec quelle verve Votre Majesté me déclama un jour tout le commencement Der Asiatischen Banise (*Tourneux*, XVI, 467).

Въ концѣ XVII стол., появился въ Лейпцигѣ романъ Циглера «Азіатская Баниза» [1])—рыцарская «авантюра» въ восточной обстановкѣ. Романъ имѣлъ невѣроятный успѣхъ, пережилъ множество изданій, былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки, вызвалъ появленіе «англійской», даже «египетской» Банизы, выдержалъ нѣсколько передѣлокъ для сцены и до конца XVIII вѣка, въ продолженіе цѣлаго столѣтія, вызывалъ слезы у романическихъ нѣмокъ. Содержаніе трагедіи Гримма цѣликомъ взято у Циглера; это даже не подражаніе, а переложеніе прозаическаго романа въ стихотворную трагедію. Переложеніе убійственное: ни одного удачнаго стиха, ни одного красиваго оборота—все вяло, безвкусно, тупо .Лессингъ обвинялъ за эту трагедію даже не Гримма, а Готшеда, подъ руководствомъ котораго она была писана. Къ чести Гримма должно сказать, что онъ самъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе Лессинга о его «Банизѣ». Когда Готшедъ приготовлялъ второе изданіе «Нѣмецкой сцены», Гриммъ писалъ ему: «Я всегда считалъ «Банизу» недостойною этого сборника. Небу, очевидно, не было угодно, чтобъ я сдѣлался поэтомъ, несмотря на всю любовь мою къ поэзіи. Отчасти сознаніе, что во мнѣ нѣтъ поэтическаго таланта, отчасти мое служебное положеніе были причиною, что я, вслѣдъ за выходомъ изъ университета, отказался отъ поэзіи, вѣрнѣе отъ риѳмоплетства. Только ваше доброе стремленіе поощрять молодыя силы могло дать «Банизѣ» мѣсто въ вашемъ сборникѣ; но такъ какъ я рѣшительно отказался отъ занятій подобнаго рода и, слѣдовательно, въ такомъ поощреніи не нуждаюсь, то вы поступите вполнѣ основательно, если замѣните «Банизу» въ новомъ изданіи какою-либо лучшею трагедіею» [2]).

[1]) Anselm von Ziegler und Klipphausen, «Asiatische Banise, oder blutiges, doch muthiges Pegu». Leipzig, 1688. Романъ написанъ надутымъ, высокопарнымъ слогомъ; фабула его невѣроятна до нелѣпости и, тѣмъ не менѣе, это былъ все-таки лучшій романъ того времени. Только первая его часть написана Циглеромъ, вторая же—Гаманномъ, значительно позже.

[2]) *Danzel*, 348.

Отреченіе отъ «Банизы» свидѣтельствуетъ о перемѣнѣ, происшедшей въ Гриммѣ. Этой перемѣной, въ высшей степени счастливой, Гриммъ обязанъ вліянію проф. Эрнести на своихъ слушателей [1]). Знаменитый философъ, «Цицеронъ Германіи», Эрнести, своими изслѣдованіями, формировалъ умъ и вкусъ студентовъ на образцовыхъ твореніяхъ древняго міра. Всѣмъ своимъ развитіемъ Гриммъ обязанъ Эрнести, не Готшеду, и всегда съ благодарностью вспоминалъ комментаріи Эрнести на «De Officiis», гдѣ моральные принципы и нравственные идеалы выяснялись при разборѣ грамматическихъ формъ.

Гриммъ оставался въ Лейпцигскомъ университетѣ не болѣе двухъ лѣтъ. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ заставилъ его отказаться отъ такой «умственной роскоши», какъ университетское образованіе, и обратиться къ трудовому заработку, чтобъ обезпечить себѣ существованіе. Дружба съ Шёнбергомъ принесла ему теперь существенную пользу: по просьбѣ друга, Готлоба Шёнберга, Гриммъ поступилъ воспитателемъ его младшаго брата, Адольфа Шёнберга. Отецъ ихъ, Іоганъ-Фридрихъ Шёнбергъ, былъ министромъ дрезденскаго государственнаго совѣта и саксонскимъ посланникомъ при германскомъ сеймѣ, жилъ постоянно въ Регенсбургѣ, сошелся съ пасторомъ Гриммомъ и оказывалъ покровительство его «недоучившемуся» сыну, Мельхіору Гримму. Болѣе трехъ лѣтъ прожилъ Гриммъ въ домѣ Шёнберга, воспитывая сына и исполняя, при случаѣ, обязанности секретаря при отцѣ. Въ концѣ 1748 года, сопровождая своего воспитанника въ его «образовательномъ путешествіи», Гриммъ попалъ въ Парижъ и разстался съ своимъ воспитанникомъ: Адольфъ Шёнбергъ

---

[1]) I. A. Ernesti, 1707—1781, основатель новой богословской и филологической школы, положившій начало критическому изученію Библіи. Наиболѣе характерный отзывъ Гримма объ Эрнести въ «Correspondance Littéraire» см. *Tourneux*, VIII, 150; тамъ же, стр. 314, рѣзкій отзывъ Гримма о Готшедѣ, правда, уже покойномъ.

возвратился въ Регенсбургъ. Гриммъ поселился въ Парижѣ. Но и тамъ онъ устроился, благодаря только покровительству Шёнберга — молодой, богатый соотечественникъ Шёнберга, графъ Фризенъ [1]) взялъ Гримма къ себѣ секретаремъ. «Секретарь — говоритъ Мармонтель — скоро сдѣлался другомъ своего патрона»: жилъ въ его домѣ, пользовался всѣми удобствами, не неся никакой обязанности. Графъ Фризенъ жилъ открыто: все высшее общество посѣщало его, всѣ «модныя знаменитости» сходились въ его салонахъ, всѣ «знатные иностранцы» являлись къ нему [2]). Гриммъ всѣхъ видѣлъ, всѣмъ былъ представляемъ, со всѣми познакомился.

Такъ. въ первые годы по выходѣ изъ университета, Гриммъ, сынъ бѣднаго пастора, все жилъ «на хлѣбахъ изъ милости»—въ Регенсбургѣ у Шёнберга, въ Парижѣ—у графа Фризена. Но жилъ, по словамъ современниковъ, не дурно. Разъ въ недѣлю онъ устраивалъ у себя, въ домѣ графа Фризена, «холостые обѣды», на которые сходились Дидро, Руссо, Гельвецій, Мармонтель и на которыхъ царила «вольная свобода». Въ домѣ же графа Фризена познакомился Гриммъ съ барономъ Студницемъ, посланникомъ герцога Саксенъ-Готскаго въ Парижѣ; когда наслѣдный принцъ Саксенъ-Готскій прибылъ въ Парижъ, Гриммъ былъ представленъ ему, причемъ немедленно же подружился съ Клюпфелемъ, домовымъ пасторомъ принца. Это была тоже «выгодная» дружба: недаромъ Гриммъ заказываетъ въ Парижѣ парикъ для своего друга, высылаетъ его женѣ помаду, зубной элексиръ, заботится о за-

---

[1]) Auguste Henri comte de Frise, собственно Friesen, 1728 — 1755. Его мать, графиня Козелъ, была побочною дочерью польскаго короля Августа II, курфирста Саксонскаго; гр. Фризенъ, поэтому, приходился племянникомъ графу Морицу Саксонскому, побочному сыну Августа II. Безенваль, въ своихъ «Mémoires», и Руссо, въ «Confessions», много говорятъ о немъ.

[2]) Гриммъ въ письмѣ къ Готшеду, отъ 10-го сентября 1754 г., изъ Парижа: C'était un Allemand qui faisant un bon usage d'une fortune considérable, était parvenu à avoir la meilleure maison de Paris, en rassemblant chez lui tous les gens d'un mérite superieur. *Danzel*, 353.

*

главной виньеткѣ для основаннаго Клюпфелемъ «Almanach de Gotha» [1]).

Благодаря графу Фризену, Гриммъ въ это время жилъ припѣваючи. Какъ всѣ молодые люди, онъ волочился за хорошенькими женщинами, влюблялся, по цѣлымъ днямъ занимался музыкой съ Руссо, вечера проводилъ въ театрахъ; особенно любилъ онъ оперу. По отзыву всѣхъ современниковъ, Гриммъ былъ красивъ, хорошо сложенъ, ловокъ, остроуменъ. Онъ пользовался успѣхами въ дамскомъ обществѣ, отъ театральныхъ кулисъ до великосвѣтскихъ будуаровъ; онъ былъ желаннымъ гостемъ въ литературныхъ салонахъ, гдѣ знакомство съ нѣмецкою литературою выгодно выдѣляло его сужденіе о текущихъ явленіяхъ литературы французской; его любили и въ холостой компаніи, какъ остроумнаго собесѣдника, нерѣдко мѣшавшаго еще «французскій съ регенсбургскимъ» языкомъ [2]). Онъ любилъ музыку, и самъ недурно игралъ «на клавесинахъ», какъ тогда говорили. Любовь именно къ музыкѣ выдвинула его изъ толпы, сдѣлала «извѣстностью» въ Парижѣ—своими писаніями о музыкѣ нѣмецъ Гриммъ получилъ право гражданства во французской литературѣ.

Два письма Гримма въ «Mercure» о нѣмецкой литературѣ прошли совершенно незамѣченными. Они не могли быть интересны по содержанію: оба письма напечатаны въ 1750 году, когда Лессингу было только 20 лѣтъ, Виланду—17, а Гёте едва ли годъ [3]); что же касается языка, то Гриммъ прямо

---

[1]) La nouvelle perruque a très bien réussi; elle n'a qu'un petit défaut de la tête où elle ne sert pas bien. Le perruquier pourrait y remédier à l'avenir... Ma femme vous prie de lui procurer deux ou trois pots de pommade et autant de petites bouteilles de l'eau pour les dents de l'abbé Ancelot... L'épreuve du titre de l'Almanach est vraiment jolie. Je vous remercie de tous les soins que vous avez bien voulu en prendre. Ce petit Almanach sera le roi des almanach en Allemagne. *Tourneux*, XVI, 535, 537.

[2]) *Meister*, 6, 12; *Besenval*, Mémoires, II, 37, 82, sqq; *Rousseau*, I, 180, 184, 192, 193.

[3]) Извѣстный интересъ этимъ письмамъ могла придать только «Мессіада» Клопштока, первыя пѣсни которой появились въ «Bremischen Beiträgen»,

извинялся, что французскій языкъ настолько для него чужой (une langue trop étrangère), что онъ даже не рѣшается переводить «восхваляемые» имъ отрывки изъ нѣмецкихъ поэтовъ.

Гриммъ ничего уже болѣе не писалъ о нѣмецкой литературѣ и обратился къ французской музыкѣ. Здѣсь онъ имѣлъ «неожиданный» для него самого успѣхъ.

Въ началѣ 1752 года въ Парижѣ вышла небольшая брошюра «Письмо г. Гримма о лирической трагедіи Омфалъ» [1]). Опера «Омфалъ» Детуша дѣлала въ это время сборы, нравилась многимъ; Детушъ всѣми признавался выдающимся композиторомъ [2]), и никто не сомнѣвался, что французская музыка обладаетъ всѣми совершенствами. Нѣмецъ Гриммъ усумнился въ этомъ: онъ отдавалъ предпочтеніе музыкѣ итальянской и высказывалъ такія требованія относительно ре-

---

1748 г.; но Гриммъ ни тогда, ни 20 лѣтъ позже не понималъ Мессіады: «j'ai essayé de lire ce poème dans l'original; je ne l'entend point; et pour me casser la tête, j'aime autant employer cette peine à lire l'Iliade qu'à déchiffrer le Messie de M. Klopstock». *Tourneux*, VIII, 253.

[1]) Гриммъ писалъ Готшеду, отъ 3-го февраля 1752 года: «Вчера я отдалъ въ печать небольшую брошюру, подъ заглавіемъ «Lettre de M. Grimm sur Omphale, tragédie lyrique, reprise par l'Academie de la Musique le 14 Janvier 1752» (*Danzel*, 350). Брошюра написана очень осторожно, даже льстиво для французскихъ композиторовъ, причемъ Mondonville называется «Орфеемъ Франціи», а Rameau приводитъ автора въ восхищеніе. Въ концѣ брошюры, Гриммъ, выразивъ свой восторгъ передъ всякимъ талантомъ, «comme son plus grand bien après l'amour de la vertu», объявляетъ, что онъ воздвигъ въ сердцѣ своемъ «un temple aux mortels privilégiés de la nature»; конечно, онъ вводитъ въ этотъ храмъ всѣхъ французовъ, но на главномъ алтарѣ храма помѣщаетъ Фридриха II, у котораго въ одной рукѣ бразды правленія «et la flûte dans l'autre», и къ которому Гриммъ протягиваетъ руку за подачкой, прибавляя: «Le ciel pour le dédommager du malheur qu'il a de régner, lui a accordé le précieux privilège, dont il est digne de répandre ses bienfaits sur les talents qu'il a le bonheur d'admirer» (*Tourneux*, XVI, 309). Фридрихъ, однако, не любилъ такого оиміама.

[2]) Кромѣ Гримма. Въ своей «Correspondance Littéraire» онъ такъ отозвался о nommé Destouches: On l'a regardé pendant sa vie comme un grand musicien et comme l'arbitre du goût, quoiqu'il soit démontré que c'était le plus plat compositeur qu'eût eu la France, ce qui n'est pas peu de chose. *Tourneux*, II, 370.

читатива, арій, дуэтовъ, которыя были вполнѣ разумны, но вовсе не согласовались съ условіями французской «лирической трагедіи» того времени [1]). «Письмо г. Гримма» читалось, обсуждалось, обратило вниманіе на автора; оно вызвало опроверженіе, завязалась полемика. Гриммъ былъ замѣченъ: его имя стало извѣстно парижанамъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ маѣ 1752 года, прибыла въ Парижъ труппа «итальянскихъ буффовъ». Театральная дирекція не обратила, однако, вниманія на «Письмо г. Гримма», и представленія итальянцевъ давались одновременно съ французскою оперою на сценѣ «музыкальной академіи», какъ называли тогда оперный театръ. «Никто не предвидѣлъ—говоритъ Руссо — послѣдствія такихъ совмѣстныхъ спектаклей. Несмотря на то, что итальянскіе пѣвцы были нехороши, а оркестръ уродовалъ музыку, эти итальянскія представленія нанесли непоправимый ударъ французской оперѣ. Сравненіе обоихъ музыкальныхъ представленій, французскихъ и итальянскихъ, исполнявшихся въ одинъ и тотъ же вечеръ, на одной и той же сценѣ, образумило французовъ: вялая, чопорная, условная музыка французская казалась еще скучнѣе послѣ смѣлой, рельефной, живой итальянской музыки. Какъ только кончали итальянцы, публика расходилась и французы играли передъ пустой залой. Дирекція измѣнила порядокъ спектаклей, поставивъ итальянцевъ въ концѣ — публика стала съѣзжаться къ итальянской пьесѣ, предпочитая «Serva Padrona» даже пьесамъ Рамо, прежде столь любимымъ. Театральный Парижъ раздѣлился на двѣ партіи: одна, наиболѣе многочисленная, состоявшая изъ придворныхъ, знатныхъ и богатыхъ, была за французскую музыку; другая партія, очень маленькая, изъ знатоковъ музыки, литераторовъ и критиковъ, была за итальянскую музыку. Итальяноманы собирались обык-

---

[1]) Гриммъ подробно разсмотрѣлъ вопросъ въ «Encyclopédie», въ статьѣ «Poëme lyrique» (*Tourneux*, XVI, 363) и въ разборѣ оперы Монсиньи «La reine de Golconde». *Tourneux*, VII, 38.

новенно въ партерѣ, подъ ложей королевы; франкоманы, наполнявшіе весь партеръ, группировались, главнымъ образомъ, подъ ложей короля. Такъ возникли извѣстныя клички того времени: coin de roi и coin de la reine. Сужденія и споры перешли скоро изъ театра въ типографію, и появились брошюры» [1]).

Самою мѣткою и наиболѣе эффектною оказалась брошюра Гримма «Le Petit Prophète de Boehmischbroda» [2]).

Впечатлѣніе, произведенное случайной статьей, листкомъ, брошюрой, можетъ быть довольно точно опредѣлено по отзывамъ современниковъ; несравненно труднѣе оцѣнить такое случайное произведеніе по его существу, спустя сто лѣтъ, когда утерялся уже смыслъ всѣхъ намековъ и давно угасли страсти, волновавшія современниковъ автора. «Petit Prophète» произвелъ сильное впечатлѣніе и создалъ Гримму завидное положеніе; но читать теперь эту брошюру, внѣ условій, ее вызвавшихъ, невозможно — до того она представляется намъ теперь убогою по замыслу и жалкою по выполненію. Мы не должны, однако, забывать, что брошюра не для насъ писана, и если она достигла своей цѣли, то потому именно, что замыселъ ея и исполненіе вполнѣ отвѣчали потребностямъ той минуты, для которой она составлена.

Форма разсказа—библейская пародія, причемъ рѣчь раздѣлена на мелкіе «стихи» и самой рѣчи приданъ видъ еврейскихъ притчъ. Эта форма, быть можетъ, не говоритъ въ пользу литературнаго вкуса Гримма, примѣнившаго ее къ оперной музыкѣ, но эта форма употреблялась многими, отъ Вольтера до Ренана. Быть можетъ, ничѣмъ не объяснимая рамка, въ которую вставленъ разсказъ, плѣнила современни-

---

[1]) *Rousseau*, I, 200.

[2]) In-8, p. 58, s. a. et l. (1753). Второе изданіе 1774 г. Екатерина II только видѣла его, но не читала: J'ai le bonheur de posséder un exemplaire du «Petit Prophète», mais je ne l'ai qu'entrevu, car M. Potemkine s'en est emparé dans un clin d'oeil (Сборникъ, XXIII, 9). Перепечатано два раза: «Correspondance de Grimm», Paris, 1831, XV, 370, и *Tourneux*, XVI, 313.

ковъ именно своею таинственною неизвѣстностью. Зачѣмъ это мѣстечко Boehmischbroda? Что̀ это за имя Nepomucenus Franciscus de Paula Waldstorch? Къ чему тутъ Прага и іезуиты, у которыхъ воспитывался этотъ Непомученокъ? Это не личныя воспоминанія Гримма, никогда не бывшаго даже въ Богеміи, въ Чехіи [1]); это плодъ его тяжелой фантазіи, чисто нѣмецкой, даже не чешской.

Пражскій студентъ Вальдшторхъ пилилъ на скрипкѣ въ своей каморкѣ, когда «невидимый» голосъ объявилъ ему, что онъ избранъ возвѣстить горькія истины народу легкомысленному и тщеславному. Тотчасъ же невидимая рука схватила его «за волосы» и перенесла въ Парижъ, прямо въ оперную залу. Вальдшторхъ дивится всему, что̀ видитъ и слышитъ—дирижеру оркестра, «помахивающему палочкой, какъ мясникъ ножомъ», пѣвцамъ и пѣвицамъ, балету, дивертиссементу—и все описываетъ въ шутливомъ тонѣ. «И позналъ я, что это называется во Франціи оперой, и отмѣтилъ для памяти въ своей книжкѣ». Когда занавѣсъ упалъ, голосъ повелѣлъ Вальдшторху посѣтить coin de la reine и записать откровеніе, которое онъ долженъ будетъ объявить Парижу. Это откровеніе очень ядовитая сатира на Францію XVIII вѣка, и она-то, вѣроятно, обезпечила успѣхъ брошюры.

Богъ очень возвысилъ Францію. «И французскій народъ—народъ любезный; я люблю его умъ свѣтлый и быстрый, я люблю его мягкіе нравы, и я хочу сдѣлать его своимъ народомъ, и онъ будетъ первымъ народомъ въ мірѣ, и не будетъ никогда народа столь любезнаго, какъ народъ французскій». Дѣйствительно, Франція стала, при Людовикѣ XIV,

[1]) Вольтеръ, въ письмѣ къ Фридриху II, отъ ноября 1769 г., назвалъ Гримма «un Bohémien»; Гриммъ, въ «Correspondance Littéraire», тотчасъ же замѣтилъ по этому поводу: Je m'inscris en faux contre la qualité de Bohémien qu'il me donne, je n'ai de ma vie été en Bohême, je ne me crois pas responsable des rêveries du Petit Prophète de Boehmischbroda. On m'a supposé des liaisons avec lui, mais je ne suis pas son compatriote, et je ne veux pas renoncer à ma qualité de citoyen du Saint Empire. *Tourneux*, VIII, 355.

родиной всѣхъ талантовъ и очагомъ цивилизаціи. И понынѣ въ ней безъ числа философовъ, поэтовъ, артистовъ, и ея слава блеститъ среди сосѣдей, но, въ сущности, слышится уже фальшивая нота. Франція отдалась дурному вкусу; она гонится за остротой, столь же фальшивой, какъ и голоса ея оперныхъ пѣвцовъ; она предалась суетности и судитъ ежедневно обо всемъ, не думая ни о чемъ. «И я скрылъ твой позоръ и твое паденіе отъ сосѣдей твоихъ, и внушилъ я имъ уваженіе и удивленіе къ тебѣ, какъ будто не потеряла ты вкуса къ высокому и прекрасному; и я не дозволилъ твоимъ сосѣдямъ увидѣть, что ты погрязла въ мелочности идей твоихъ». Особенно сказалось паденіе, конечно, въ музыкѣ; но Франція не въ конецъ еще осуждена; надъ нею и въ пользу ея свершится еще одно чудо—ей пошлется труппа итальянскаго буффа, ей дано будетъ услышать музыку Перголезе. Это будетъ откровеніе, время знаменій и чудесъ; чтобъ насладиться этимъ дивнымъ пѣніемъ, философъ покинетъ свой кабинетъ, геометръ—свои вычисленія, астрономъ—свой телескопъ, химикъ—свои реторты. Это будетъ послѣднимъ предостереженіемъ, и если нація не внемлетъ ему, ожесточится въ грѣхахъ своихъ, она погибнетъ окончательно. «И я вспомяну всѣ твои продерзости съ того дня, какъ ты освистала «Мизантропа»; и я отниму у тебя Comédie-Française и осную ее въ націяхъ, чуждыхъ тебѣ; и тогда подивятся, подъ созвѣздіемъ Медвѣдицы, тѣмъ геніямъ, которые я далъ тебѣ, и ты одна не услышишь ихъ; и шутка-водевиль станетъ любимымъ твоимъ зрѣлищемъ и ты будешь восхищаться ею; и неприличіе и пошлость шутокъ не опечалятъ тебя, и безнаказанно оскорбятъ твои нравы, потому что ты не отличишь уже добра отъ зла, и философы уже не просвѣтятъ тебя, такъ какъ я воспрещу писать имъ».

Эта сатира понравилась всѣмъ, и брошюра имѣла успѣхъ необыкновенный. Гриммъ писалъ Готшеду: «Petit Prophète» имѣетъ успѣхъ невѣроятный въ Парижѣ—менѣе чѣмъ въ мѣ-

сяцъ разошлось три изданія! Посылаю вамъ экземпляръ лучшаго изданія, сдѣланнаго самимъ авторомъ. Чтобы вполнѣ понять эту брошюру, надо знать тьму мелочей, трудно объяснимыхъ для чужестранца и составляющихъ всю соль шутки» [1]).

Брошюрой Гримма споръ о музыкѣ не былъ, конечно, рѣшенъ. Франкоманы отвѣчали цѣлымъ роемъ брошюръ и листковъ. Руссо своимъ «Lettre de M. Rousseau sur la musique française» [2]) подлилъ масла въ огонь—оперный оркестръ сжегъ чучело Руссо; прошелъ слухъ, будто Руссо будетъ сосланъ [3]). «Музыка — говоритъ Гриммъ — отодвинула на заднiй планъ раздоры парламента съ дворомъ, изгнаніе парижскаго парламента и переводъ высшаго судилища въ Понтуазъ—объ этомъ почти забыли, увлеченные итальянскими буффами. Одинъ умный человѣкъ сказалъ, что появленіе тенора Манелли и примадонны Тонелли спасло Францію отъ междоусобной войны: безъ итальянской музыки, парижская публика занялась бы раздоромъ парламента съ духовенствомъ, и фанатизмъ легко могъ бы повести къ междоусобицѣ» [4]).

Музыкальная распря эта окончилась чисто полицейскимъ способомъ. При помощи жандармовъ, патріотическіе «франкоманы» одержали верхъ. Вотъ какъ финалъ спора разсказанъ Гриммомъ: «Г-жа Помпадуръ увидѣла французскую музыку въ опасности и встрепетала. Рѣшено было возобновить «Titon et l'Aurore» Мондонвилля [5]) и во что бы ни стало создать оперѣ полный успѣхъ. Всѣ придворные чины участвовали въ

[1]) *Dansel*, 351. Готшедъ въ это время велъ, подобно Гримму, борьбу противъ «музыкальной драмы», и г-жа Готшедъ передѣлала «Petit Prophète», пріурочивъ его къ погибели оперетки Вейсса «Der Teufel ist los».

[2]) Всѣ нѣмецкіе біографы приписываютъ эту брошюру Гримму (Brockhaus, Pierer и др.), но несправедливо. Не только Руссо, въ своихъ «Confessions», прямо говоритъ: «Lettre sur la musique française» est de moi (I, 200), но Гриммъ, въ «Correspondance Littéraire», свидѣтельствуетъ: J. J. Rousseau vient de mettre le feu aux quatre coins de Paris par une *Lettre sur la musique*, dans laquelle il prouve etc. (II, 307).

[3]) *Tourneux*, II, 312. [4]) Ibid., II, 258. [5]) Ibid., VIII, 109; X, 84.

этомъ заговорѣ противъ итальяномановъ. Въ день перваго представленія, съ утра, coin de la reine былъ занятъ жандармами: «легкая конница» и мускетеры заняли весь партеръ. Когда итальяноманы явились, ни въ ихъ сборномъ пунктѣ, ни въ партерѣ не было уже мѣста, они должны были разойтись по корридорамъ и въ парадизы, откуда они ничего не видѣли, но ясно слышали оглушительныя рукоплесканія франкомановъ. Особый курьеръ былъ отправленъ въ Шуази, гдѣ находился король, съ извѣщеніемъ о блистательномъ успѣхѣ французской музыки. Наше пораженіе было полное. Вскорѣ пошли еще далѣе и выслали изъ Парижа труппу итальянскаго буффа, какъ источникъ раздора. Я предлагалъ итальяноманамъ выразить наше уваженіе къ хорошей музыкѣ прямо и открыто: взять по двѣ ложи съ каждой стороны, явиться всѣмъ въ длинныхъ траурныхъ плащахъ, съ плерезами, въ широкихъ шляпахъ, покрытыхъ крепомъ. Мой проектъ не былъ принятъ—опасались, что вся наша траурная процессія будетъ препровождена изъ театра прямо въ Бастилію» [1]).

Въ этой борьбѣ одинъ только итальяноманъ остался въ выигрышѣ—Гриммъ. Имя его повторялось всѣмъ Парижемъ. Вольтеръ, прочитавъ «Petit Prophète», сказалъ: «De quoi s'avise donc ce Bohémien d'avoir plus d'esprit que nous?» и этотъ отзывъ литературнаго патріарха доставилъ Гримму завидное положеніе среди «философовъ». Гриммъ сумѣлъ воспользоваться имъ въ полной мѣрѣ.

Извѣщая Готшеда объ успѣхѣ «Petit Prophète», Гриммъ прибавлялъ уже въ особой припискѣ: «Мой адресъ все въ томъ же домѣ графа Фризена, Rue Basse du Rempart, безъ всякаго обозначенія, такъ какъ я не состою болѣе секретаремъ графа. Здѣшніе литераторы предпочитаютъ лучше оставаться вполнѣ свободными, чѣмъ состоять при комъ-нибудь, я послѣдовалъ ихъ примѣру и добылъ себѣ небольшой лите-

[1]) Tourneux, VI, 381.

ратурный заработокъ. Но и не состоя при графѣ Фризенѣ, я попрежнему живу въ его домѣ» [1]).

Гриммъ давно уже искалъ этого литературнаго заработка, но неуспѣшно. Въ первые годы своего пребыванія въ Парижѣ, ему, конечно, препятствовало малое еще знаніе французскаго языка. Франкоманы подсмѣивались надъ его германизмами даже въ «Petit Prophète» [2]). Тѣмъ не менѣе, Гриммъ писалъ статьи въ «Mercure» о нѣмецкой литературѣ [3]), участвовалъ въ составленіи театральнаго календаря на 1752 г., гдѣ помѣщена его статья о нѣмецкомъ театрѣ [4]), задумалъ даже издавать журналъ, «Journal Etranger», въ которомъ предполагалъ знакомить французовъ съ произведеніями ума не-французскаго, преимущественно, конечно, нѣмецкаго. Всѣ эти попытки не удались и не могли удасться. Литературный трудъ, въ основѣ котораго лежала не-французская литература, не могъ доставить литературнаго заработка въ то время, когда требовалось прямо обратное отношеніе: литературный заработокъ былъ возможенъ въ видѣ распространенія въ не-французскихъ странахъ идей, принциповъ и взглядовъ, провозглашаемыхъ французами. Гриммъ скоро понялъ это.

Во второй половинѣ XVIII вѣка Парижъ являлся тѣмъ умственнымъ центромъ, изъ котораго выходилъ свѣтъ на всѣ страны. Въ это именно время французская литература много потеряла въ чистотѣ языка и прелести слога, но еще болѣе выиграла въ смѣлости мысли и новизнѣ идей. Все подвергалось сомнѣнію, все становилось вопросомъ—вѣрованія, нравы, законы, все обсуждалось сильными и оригинальными умами

---

[1]) *Danzel*, 351.

[2]) Ему указывали ошибки противъ французскаго языка, напримѣръ: Tous les grands hommes que je t'ai donnés, à commencer *de* Molière, et *de* Corneille, вм. *par* Molière et *par* Corneille.

[3]) *Tourneux*, XVI, 269.

[4]) Посылая Готшеду «Almanach historique de tous les spectacles», Гриммъ писалъ: Den Artikel der das deutsche Theater betrifft, habe ich geliefert. *Danzel*, 350.

съ точки зрѣнія естественной природы и чистаго разума. Это была работа живая и плодотворная. Она интересовала всѣхъ и дѣлала Парижъ любопытнымъ, особенно для жившихъ вдали отъ него. Каждый день на литературномъ языкѣ Парижа являлись новинки, способныя приковать вниманіе всего міра: разсказъ Вольтера или рѣчь Руссо, книга Монтескье или томъ «Histoire Naturelle», тысячи мелкихъ брошюръ по всевозможнымъ вопросамъ и тяжелые фоліанты Энциклопедіи. Въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ, не говоря уже о мелкихъ нѣмецкихъ дворахъ, естественно интересовались парижскими литературными новинками; но парижская періодическая печать не могла удовлетворить это любопытство. Парижская печать находилась тогда подъ цензурой и не могла говорить именно о томъ, что̀ наиболѣе интересовало. «La Gazette de France» была оффиціозною, вскорѣ даже официіальною; «Le Mercure» составлялъ привилегію, которая трудно давалась, но легко отнималась. Кромѣ всего, что̀ печаталось, было многое и внѣ печати, интересовавшее не одинъ Парижъ—легкіе стишки, веселые анекдоты, всѣ тѣ сплетни и скандалы, которые переходили въ Парижѣ изъ устъ въ уста, тѣ писаные листки, которые передавались изъ рукъ въ руки и составляли ту «потаенную литературу», которою интересовались внѣ Парижа, быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ въ самомъ Парижѣ. При строгостяхъ цензуры, всѣ эти извѣстія являлись прямымъ достояніемъ рукописной корреспонденціи.

Такъ возникли «Nouvelles Littéraires», «Correspondance Littéraire» и т. п. Если не ошибаемся, Фридрихъ II, будучи еще наслѣднымъ принцемъ, первый завелъ въ Парижѣ своего особаго корреспондента, который обязанъ былъ сообщать ему всѣ парижскія новости, и такимъ корреспондентомъ долгое время былъ Тиріо [1]), correspondant littéraire du roi de Prusse.

---

[1]) Thiriot, Thieriot, 1696—1772. По словамъ Гримма, Тиріо не былъ ни литераторъ, ни человѣкъ образованный, но это былъ живой архивъ всевозможныхъ литературныхъ сплетенъ, мелкихъ стишковъ, анекдотовъ, которыми

Съ 1747 года, извѣстный впослѣдствіи Рэйналь началъ посылать герцогинѣ Доротеѣ Саксенъ-Готской свои «Nouvelles Littéraires»; корреспондентомъ маркграфа Анспахскаго былъ Сюардъ; Фаваръ посылалъ свои корреспонденціи въ Вѣну, Дамилавилль [1])—Вольтеру, въ Женеву.

Вскорѣ по прибытіи въ Парижъ, Гриммъ имѣлъ случай читать корреспонденціи аб. Рэйналя. Листки «Nouvelles Littéraires» отправлялись герцогинѣ Саксенъ-Готской черезъ ея представителя въ Парижѣ, барона Студница, который давалъ ихъ прочитывать Гримму. «Возвращаю вамъ — сказано въ письмѣ отъ 19-го мая 1749 года—два листка «Nouvelles Littéraires»; усерднѣйше прошу и впредь присылать ихъ мнѣ для прочтенія» [2]). Подружившись съ Рэйналемъ, узнавъ технику предпріятія, Гриммъ скоро оцѣнилъ подобную корреспонденцію, понявъ, что только въ ней можетъ заключаться для него тотъ литературный заработокъ, котораго онъ искалъ, и, какъ нѣмецъ, онъ практичнѣе всѣхъ взялся за дѣло.

Въ 1753 году, когда «Petit Prophète» доставилъ Гримму «громкую» извѣстность, онъ началъ свою «Correspondance littéraire, philosophique et critique», первый листокъ которой помѣченъ маемъ. Вопреки своимъ предшественникамъ, Гриммъ составлялъ свою «Correspondance» не для одного какого-либо лица, а для нѣсколькихъ. Тяжесть расходовъ падала, такимъ

онъ охотно дѣлился со всѣми, но лишь на словахъ, никому не оставляя копій. Онъ былъ въ частыхъ сношеніяхъ съ Вольтеромъ, переписывался даже съ нимъ (*Tourneux*, X, 123). Фридрихъ II былъ очень недоволенъ его корреспонденціями и жаловался, что «по поводу каждаго своего насморка онъ писалъ мнѣ galimatias de quatre pages» («Oeuvres de Frédéric II», ed. Preuss, XVII, 14). Фридрихъ позже вовсе не хотѣлъ имѣть корреспондента, отказался отъ услугъ Сюарда, Лагарпа, Гримма, но подъ конецъ сталъ снова получать корреспонденціи изъ Парижа опять отъ того же Тиріо.

[1]) Damilaville, 1723 — 1768. Въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ своей жизни былъ въ постоянной перепискѣ съ Вольтеромъ, которому сообщалъ всѣ новости литературныя, политическія и иныя; отвѣтныя письма Вольтера печатались въ «Correspondance Littéraire» (*Tourneux*, VIII, 222).

[2]) *Tourneux*, II, 230.

образомъ, не на одного адресата, а распредѣлялась между нѣсколькими лицами, причемъ ничтожная сравнительно стоимость копій значительно вознаграждала первоначальныя издержки на составленіе рукописи. Этимъ объясняются, надо полагать, безуспѣшные поиски новѣйшихъ ученыхъ, до настоящаго времени не опредѣлившихъ, для кого именно Гриммъ началъ составлять свою «Correspondance Littéraire». Аббатъ Рэйналь, отправляя первый листокъ своихъ «Nouvelles Littéraires» герцогинѣ Саксенъ-Готской, сопроводилъ его письмомъ къ герцогинѣ, въ которомъ почтительно просилъ указаній, желая возможно полнѣе удовлетворить ея желаніе; Гриммъ предпослалъ первому листку своей «Correspondance» слѣдующее краткое предисловіе:

«Въ листкахъ, которые насъ просятъ высылать, мы будемъ лишь вскользь упоминать о тѣхъ брошюрахъ, которыми ежедневно наводняется Парижъ и которыя составляютъ неизбѣжное зло литературы; но мы постараемся представить серьезную критику и точный отчетъ о книгахъ, заслуживающихъ вниманіе публики. Театральныя представленія, эта столь блестящая отрасль французской литературы, займутъ въ листкахъ подобающее имъ мѣсто; искусства также не будутъ забыты и, вообще, мы не опустимъ ничего, интересующаго иностранцевъ. Истина и искренность будутъ водить перомъ нашимъ. Дружба, связывающая насъ со многими учеными, не будетъ имѣть вліянія на наше сужденіе объ ихъ произведеніяхъ» [1]).

Конечно, никто не «просилъ высылать», и Гриммъ самъ, мало-по-малу, распространилъ свое рукописное изданіе, котораго расходилось, по словамъ Мейстера, «пятнадцать, даже шестнадцать экземпляровъ по различнымъ европейскимъ дворамъ, отъ береговъ Арно до береговъ Невы» [2]). Даже пятнадцать экземпляровъ представляли уже почтенный литера-

---

[1]) *Tourneux*, II, 239. [2]) Ibid., 235.

турный заработокъ. До настоящаго времени извѣстно, однако, только девять кліентовъ: ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская, герцогиня Саксенъ-Готская [1]), королева Шведская, императрица Екатерина II [2]), польскій король Станиславъ-Августъ, маркграфъ Анспахскій, герцогъ Саксенъ-Веймарнскій, принцесса Нассау-Заарбрюкенская и великій герцогъ Тосканскій. Съ увѣренностью можно только сказать, что въ числѣ неизвѣстныхъ шести или семи подписчиковъ не было прусскаго короля Фридриха II: несмотря на весь ѳиміамъ, постоянно воскуриваемый ему Гриммомъ, несмотря даже на просьбы родныхъ короля [3]), Фридрихъ II никогда не изъявлялъ желанія получать «Correspondance Littéraire».

---

[1]) «Correspondance Littéraire» Гримма составляла при саксенъ-готскомъ дворѣ конкуренцію «Nouvelles Littéraires» аб. Рэйналя и вскорѣ совсѣмъ вытѣснила ихъ (*Tourneux*, XVI, 11). Гриммъ сознавалъ все неприличіе такой конкуренціи относительно друга и объяснялъ такъ, будто самъ Рэйналь передалъ ему свое предпріятіе. Мейстеръ только отъ самого Гримма могъ услышать о платонической любви Гримма къ «нѣмецкой принцессѣ»: Le premier des amis de Grimm, qui pénétra ce terrible secret fut l'abbé Raynal. Les confidences qu'il ne put refuser alors au zèle d'un ami si profondément touché de sa passion et de son malheur, les lièrent plus intimement, et c'est à l'intérêt de cette liaison qu'il dut l'offre que lui fit l'abbé de lui céder sa Correspondance Littéraire avec quelques cours du nord et du midi de l'Allemagne» (*Tourneux*, I, 6). Весь этотъ разсказъ опровергается фактически: Гриммъ началъ свою корреспонденцію въ маѣ 1753 г., а Рэйналь прекратилъ свою только въ февралѣ 1755 года.

[2]) Съ 1764 года. Въ письмѣ къ герцогинѣ Саксенъ-Готской, отъ 7-го марта 1765 года, Гриммъ говоритъ: «L'impératrice de Russie m'a ordonné l'année dernière de lui envoyer cette correspondance (*Tourneux*, XVI, 427). Въ письмѣ къ г-жѣ Жоффренъ, отъ 17-го мая 1765 года, Екатерина II писала: «Я очень люблю листки, которые Гриммъ присылаетъ мнѣ: пусть попрежнему продолжаетъ и даетъ полную свободу перу своему. Я очень довольна, что характеръ его соотвѣтствуетъ вашему описанію: это придаетъ не мало значенія его сужденіямъ о книгахъ и дѣлахъ, и я буду читать его еще съ бо́льшимъ удовольствіемъ» (Сборникъ, I, 271; XXXIII, 1). Въ январѣ 1766 г. Гриммъ писалъ герцогинѣ Саксенъ-Готской: L'impératrice de Russie a reçu mon travail jusqu'à présent avec beaucoup de bonté (*Tourneux*, XVI, 445).

[3]) *Tourneux*, XVI, 407, 423, 427.

Гриммъ высылалъ свою рукописную газету только владѣтельнымъ особамъ. «Давно уже—пишетъ онъ въ 1766 году—я постановилъ для себя закономъ высылать «Correspondance» только принцамъ крови, и многія важныя соображенія обязываютъ меня держаться этого правила и впредь. Мнѣ предлагали по 100 пистолей, даже по 1.200 франковъ за доставку этихъ листковъ значительнымъ, но частнымъ лицамъ въ Англіи, я никогда не рѣшался на это». Но и для «коронованныхъ» подписчиковъ не было установленной цѣны на «Correspondance Littéraire»: польскій король, напримѣръ, платилъ 40 дукатовъ, т.-е. 400 франковъ, а Екатерина II оплачивала эту же «Correspondance» по 360 руб. въ годъ, т.-е почти 1.500 франковъ [1]). Позже, когда Гриммъ не принималъ уже участія въ рукописномъ изданіи, когда вся эта «boutique» перешла въ полную собственность его секретаря, Мейстера, цѣна «Correspondance Littéraire» опредѣлилась въ 300 фр., и газету эту получали многія частныя лица даже въ самой Франціи. Гёте говоритъ, что онъ постоянно читалъ это рукописное изданіе, которое получали многіе «принцы и богатые люди» въ Германіи «за хорошее вознагражденіе» и что оно «удовлетворяло общему любопытству знать, что̀ дѣлается въ Парижѣ, справедливо признававшемся въ то время центромъ цивилизованнаго міра» [2]).

Рукописная газета Гримма выходила два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го числа. Гриммъ строго придерживался своей программы и по его «Correspondance Littéraire» нельзя было «знать, что̀ дѣлается въ Парижѣ». Когда Фридрихъ II заявилъ, что газета Гримма съ его «разборами книгъ и рецензіями театральныхъ представленій» очень скучна и что онъ

[1]) Екатерина пишетъ Гримму, отъ 20-го сентября 1775 г.: «Le grand chambellan vous fera passer sept cent vingt roubles pour les années de 1774 et 1775» (Сборникъ, XXIII, 36), и отъ 16-го октября 1780 г.: «L'argent pour les feuilles de deux ans de M. Meister, pour chacun 360 roubles, vous sera envoyé» (Ibid., 194). Эту цифру приводитъ и Гриммъ (Ibid., XXXIII, 81).

[2]) Gegen bedeutende Vergeltung. *Scherer*, 95.

желалъ бы узнавать изъ нея всѣ «парижскіе анекдоты», которые прусскій король очень любилъ, Гриммъ рѣшительно отказался измѣнить свою программу. «Я питаю полное отвращеніе—пишетъ онъ—къ собирателямъ анекдотовъ, и это отвращеніе настолько сильно, что я не могу побороть его даже въ угоду величайшему мужу нашего вѣка. Есть два рода извѣстій: одни очень интересны и важны, но честный человѣкъ, оставаясь человѣкомъ частнымъ, никогда не долженъ передавать ихъ кому-либо—только лицо, аккредитованное при дворѣ, обязано сообщать ихъ своему правительству; другіе же анекдоты, составляющіе скандалезную хронику Парижа, его закулисную, чаще всего будуарную сторону, всегда мнѣ были противны, и я, выслушивая ихъ всѣ, ни одному не удѣляю ни вниманія, ни памяти болѣе какъ на нѣсколько минутъ» [1]). И до послѣдняго времени «Correspondance» подъ редакціею Гримма была посвящена исключительно литературѣ, театру, искусствамъ. Въ искусствахъ, правда, Гриммъ былъ неповиненъ, но его другъ, Дидро, своими «Salons», придалъ и въ этомъ отношеніи важное значеніе рукописному изданію Гримма.

Съ перваго же листка «Correspondance Littéraire», помѣченнаго маемъ 1753 г., читатели становились au courant всѣхъ литературныхъ и театральныхъ новинокъ Парижа. Начиная съ Вольтера и его «Siècle de Louis XIV», академической рѣчи Бюффона, «Traité des sensations» Кондильяка и кончая «Traitement des cors aux pieds» или «Soins faciles pour la propreté de la bouche» [2]), рѣшительно все, что появлялось на книжномъ рынкѣ Парижа, отмѣчалось, обсуждалось и оцѣнивалось въ «Correspondance». Равнымъ образомъ, не было ни одной пьесы, какъ ничтожна она ни была бы, не появлялось ни одного актера или актрисы, отъ m-lle Clairon, игра которой не нравилась Гримму, до m-lle Raucourt, о которыхъ не представлялся бы

[1]) *Tourneux*, XVI, 424.

[2]) Ibid., II, 204, 249, 261; IV, 99, 316; IX, 80.

подробный отчетъ. Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что Гриммъ давалъ свое сужденіе первымъ, не выжидая, пока о книгѣ или о пьесѣ составится уже общественное мнѣніе.

Гриммъ представляется намъ предтечею современной критики. Онъ не довольствуется пересказомъ содержанія книги, не прибѣгаетъ къ выпискамъ: онъ обсуждаетъ, мотивируетъ свою оцѣнку, оспариваетъ или подкрѣпляетъ сужденія автора, выставляетъ особенности книги и, нерѣдко, его отзывъ о книгѣ является вполнѣ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ. Къ Гримму вполнѣ приложимъ отзывъ Вольтера о другомъ писателѣ: «онъ способенъ составить точный отзывъ обо всемъ, и вы часто замѣтите, что его отзывъ гораздо лучше тѣхъ книгъ, о которыхъ онъ говоритъ» [1]). Обладая умомъ серьезнымъ и познаніями, если не глубокими, то довольно обширными, Гриммъ пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ къ обобщенію, къ постановкѣ вопроса, разрѣшеніе котораго въ томъ или другомъ смыслѣ и составляетъ собственно его оцѣнку разсматриваемаго сочиненія. Въ этомъ отношеніи онъ для насъ, конечно, скученъ, иногда даже наивенъ; но не должно забывать, что его «Correspondance Littéraire» имѣла въ виду «коронованныхъ подписчиковъ», которымъ рѣдко представлялся случай къ обсужденію общихъ, основныхъ вопросовъ. Гриммъ часто начинаетъ свои листки съ общихъ положеній, которыя мы склонны называть общими мѣстами, но которыя въ свое время были бичами частныхъ предразсудковъ. «Изъ всѣхъ искусствъ—говоритъ онъ — наименѣе извѣстное и наиболѣе часто нарушаемое есть искусство спорить. Самымъ вѣрнымъ путемъ къ утвержденію и распространенію истины представляется путь обсужденія, если бы мы хотѣли и умѣли отличать добро отъ зла, не думая ни о воображаемомъ вредѣ, который можетъ, будто бы, произойти отъ провозглашенія истины, ни о суетной пользѣ, которую иные думаютъ извлечь изъ заблуж-

[1]) *Voltaire*, LXXXII, 297.

деній» [1]) и т. д. Для насъ немного новаго въ подобныхъ истинахъ, но для тѣхъ, которые выросли въ убѣжденіи, что не всякій человѣкъ можетъ «смѣть свое сужденіе имѣть», въ мысляхъ Гримма, конечно, болѣе пользы, чѣмъ въ «Recherches philosophiques sur la liberté de l'homme», по поводу которыхъ онѣ высказаны.

Говоря собственно о «Correspondance Littéraire», и только о ней, необходимо признать слогъ Гримма—не языкъ, по временамъ дающій чувствовать автора-нѣмца — вполнѣ цѣлесообразнымъ: простымъ, яснымъ, рѣдко витіеватымъ, иногда увлекательнымъ. Страннымъ образомъ, лучшія страницы въ его листкахъ принадлежатъ некрологамъ. Потому ли, что онъ писалъ некрологи только дѣятелей выдающихся, своею жизнью предлагавшихъ богатый матеріалъ; потому ли, что смерть давала ему возможность дать отзывъ болѣе цѣльный, полный, или потому, быть можетъ, что, отдавая этимъ послѣдній долгъ умершему, онъ старался рельефнѣе, ярче обрисовать покойнаго—все равно, написанные имъ некрологи, почти всѣ, составлены очень живо, образно и всегда вѣрно [2]). Некрологъ «творца химіи во Франціи» Руэлля [3]), этого «un homme de génie sans culture», или некрологъ Гельвеція, склоннаго «обобщать идеи и доходить до послѣднихъ логическихъ выводовъ, равныхъ обыкновенно нулю», должны быть признаны образцовыми некрологами, въ которыхъ Гриммъ находилъ особую точку зрѣнія и даже особыя выраженія для естествоиспытателя и для философа [4]). «Еслибъ выраженіе galant-homme не существовало во французскомъ языкѣ—пишетъ Гриммъ—его

---

[1]) *Tourneux*, II, 479.

[2]) Къ лучшимъ некрологамъ должно отнести некрологъ Пирона. *Tourneux*, X, 161.

[3]) Guillaume-François Rouelle, 1703 — 1770, профессоръ химіи въ Jardin des Plantes, знаменитый своими изслѣдованіями о соляхъ. *Tourneux*, IX, 106.

[4]) Claude-Adrien Helvétius, 1715—1771, авторъ книги «De l'Espit», отвергнутой Сорбонною, проклятой папою и, по опредѣленію парламента, сожженной палачомъ въ 1759 г. *Tourneux*, IX, 417.

слѣдовало бы изобрѣсти для Гельвеція. Онъ былъ прототипомъ галантнаго человѣка. Справедливый, снисходительный, безъ раздраженія, безъ злобы, всегда ровный въ обращеніи со всѣми, онъ обладалъ всѣми общественными добродѣтелями, которыя онъ заимствовалъ отчасти изъ идеи, составленной имъ о человѣческой природѣ. Сердиться на дурного человѣка, встрѣченнаго въ жизни, онъ признавалъ столь же нелѣпымъ, какъ негодовать на камень, попавшій подъ ноги. Привычка обобщать идеи и усматривать только важнѣйшіе результаты сдѣлала его, быть можетъ, нѣсколько равнодушнымъ къ добру, зато и самымъ терпимымъ человѣкомъ въ мірѣ; но эта терпимость простиралась только на частные пороки людей—Гельвецій былъ, напротивъ, немилосердъ и безпощаденъ къ виновникамъ общественныхъ бѣдствій [1]). Онъ не любилъ полумѣръ ни въ чемъ и всегда указывалъ рѣшительныя средства, по большей части насильственныя». Трудно, въ немногихъ словахъ, вѣрнѣе обрисовать нравственный обликъ Гельвеція.

Аккуратный нѣмецъ, Гриммъ сообщалъ своимъ читателямъ о всѣхъ книгахъ и брошюрахъ, появлявшихся въ Парижѣ. Въ то время книгъ издавалось очень много; еще больше выходило брошюръ. «У насъ постоянно жалуются — говоритъ Гриммъ—на печать, какъ на неизсякаемый источникъ дурныхъ книгъ, наводняющихъ Парижъ: называютъ это злоупотребленіемъ печатнаго станка. Это несправедливо: отчего же не жалуются на злоупотребленіе чтеніемъ? Должно сознаться, что съ тѣхъ поръ, какъ чтеніе сдѣлалось общедоступнымъ ремесломъ, литература и вкусъ болѣе распространились, но замѣтно понизились. Не говоря уже о томъ, что дурные писатели не нанесутъ намъ ни малѣйшаго ущерба, если мы не будемъ читать ихъ произведеній, крайне скучно читать книгу не для поученія или удовольствія, а единственно для того,

[1]) Бѣлинскій выражалъ это такъ: «Терпимость къ заблужденію я понимаю и цѣню; но терпимости къ подлости я не терплю». *Пыпинъ*, Бѣлинскій, II, 277.

чтобъ судить о достоинствахъ и недостаткахъ этой книги» [1]. Гриммъ именно былъ обязанъ читать всѣ вновь выходящія книги, какъ ремесленникъ, для отзыва. Онъ давалъ, впрочемъ, отзывъ сообразно достоинству книги—иногда въ нѣсколько строкъ, иногда въ нѣсколько страницъ; болѣе важнымъ произведеніямъ онъ нерѣдко посвящалъ нѣсколько листковъ. Болѣе мелкія брошюры служили ему иногда только поводомъ, чтобъ представить «бѣглый, но точный и вѣрный очеркъ состоянія французской литературы въ данный моментъ» [2].

Театральная хроника занимаетъ въ «Correspondance Littéraire» такое же мѣсто, какъ и библіографія. Какъ въ настоящее время, такъ и сто лѣтъ назадъ, парижскимъ театромъ интересовалось значительно большее число иностранцевъ, чѣмъ французскими книгами. Въ половинѣ прошлаго вѣка, какъ и теперь, парижскіе театры переживали кризисъ. Когда начали высылаться листки Гримма, въ 1753 году, лучшія пьесы Детуша были уже поставлены, Пиронъ написалъ уже свою «La Métromanie», Кредильонъ-отецъ своего «Rhadamiste», Вольтеръ далъ цѣлый рядъ такихъ трагедій, какъ «Zaïre», «Alzire», «Mérope», «Mahomet», и театры пробавлялись пьесами Мармонтеля, Сорэна, Латуша и др. «Теперь всякій мальчишка считаетъ долгомъ совѣсти, тотчасъ по выходѣ изъ училища, накропать непремѣнно трагедію. Это дѣло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, самое большее полугода, и автору чудится уже несмѣтное богатство и слава драматурга. Такъ составлена и трагедія «Петръ Великій» однимъ изъ подобныхъ недоучекъ» [3]. И тѣмъ не менѣе Гриммъ добросовѣстно разбираетъ подобныя пьесы, указывая ихъ достоинства и недостатки, или въ нѣсколькихъ словахъ, или на нѣсколькихъ страницахъ. Разборъ «Cosroès» Ла-Ферва занимаетъ болѣе десяти печатныхъ страницъ [4]. Кромѣ пьесъ, Гриммъ подробно говоритъ объ

[1]) *Tourneux*, III, 162; V, 296. [2]) Ibid., II, 293. [3]) Ibid., VII, 167.

[4]) Ibid., VII, 399; Les Deux Soeurs — восемь страницъ (491), Béverley — девять (VI, 74).

исполнителяхъ, разбирая игру каждаго, нерѣдко обсуждая отдѣльный жестъ или мимическій эффектъ. Судя по Гримму, парижская публика того времени была менѣе сдержанна, чѣмъ теперь. «Когда прелестнѣйшее созданіе въ мірѣ, граціозное и величественное—говоритъ онъ о дебютѣ m-lle Raucourt въ роли Дидоны—подошло къ рампѣ, когда раздался мягкій, красивый голосъ артистки, когда обнаружилась ея благородная, умная и тонкая игра—восторгъ публики не зналъ предѣловъ. Громъ рукоплесканій и восторженныхъ криковъ потрясъ зрительную залу; увлеченіе доходило до опьяненія: незнакомые поздравляли другъ друга и лобызались. По окончаніи спектакля, зрители, разойдясь по всѣмъ концамъ Парижа, разнесли повсюду восторженные отзывы о дебютанткѣ, и весь Парижъ только и говорилъ, что о m-lle Raucourt» [1]).

Гримма обыкновенно зовутъ «философомъ» не только секретарь Мейстеръ и другіе современники, Гриммъ самъ называлъ себя «писателемъ-философомъ» [2]). Онъ никогда не былъ философомъ, и эта кличка примѣнялась къ нему, какъ къ члену литературной партіи, господствовавшей во Франціи и состоявшей изъ такихъ мыслителей, какъ Вольтеръ, Руссо, Д'Аламберъ, Дидро и др. Умъ Гримма менѣе всего умъ философическій; если онъ и ставитъ иногда вопросы о началѣ и цѣли мірозданія, то никогда не даетъ на нихъ отвѣта. Гриммъ примкнулъ къ энциклопедистамъ, но не раздѣлялъ ихъ увлеченій, по крайней мѣрѣ не всѣ. Трезвый, положительный умъ Гримма возмущался всякимъ метафизическимъ наведеніемъ и не допускалъ даже гипотезъ. Ни объ одномъ философскомъ вопросѣ онъ не писалъ, не побесѣдовавъ предварительно съ Дидро, своимъ другомъ, но ко всѣмъ положе-

---

[1]) *Tourneux*, X, 139.

[2]) Un écrivain-philosophe. *Tourneux*, II, 381. Про маркиза Круамара Гриммъ говоритъ: On l'appelait *le Philosophe*, parce qu'il avait de bonne heure renoncé aux vues d'ambition (Ibid., X, 47). И въ этомъ смыслѣ Гриммъ не можетъ быть названъ философомъ.

ніямъ Дидро и другихъ философовъ Гриммъ относился съ отрицаніемъ, прежде всего, и съ сомнѣніемъ во что бы то ни стало. «Когда Лейбницъ, милордъ Шэфтсбюри и знаменитый Попъ говорятъ, что *все хорошо*, я ихъ спрашиваю: *вы почемъ знаете*? и они никогда не отвѣтятъ мнѣ на этотъ маленькій вопросъ» [1]). Гриммъ «готовъ» согласиться съ Декартовымъ «cogito, ergo sum», но отказывается понять всякія дальнѣйшія заключенія [2]). Онъ высказывается противъ сужденій Руссо о воспитаніи юношества, противъ взглядовъ, высказанныхъ Вольтеромъ по поводу лиссабонской катастрофы, даже противъ нѣкоторыхъ мыслей Гельвеція [3]); но самъ онъ никогда и ничего по этимъ вопросамъ самостоятельнаго не выражалъ. Такъ держалъ онъ себя и относительно религіозныхъ вопросовъ, обсуждавшихся въ его время; онъ высказался только по вопросу о «христіанскихъ храмахъ» [4]) и въ этомъ случаѣ доказалъ вполнѣ, что онъ менѣе всего можетъ быть названъ философомъ въ собственномъ смыслѣ слова.

Онъ и не «экономистъ», которыхъ такъ не любила Екатерина II [5]). Между тѣмъ, по «Correspondance Littéraire» можно прослѣдить зарожденіе началъ политической экономіи. Здѣсь, по листкамъ Гримма, можно видѣть, какъ впервые возбуждались вопросы о населеніи, промышленности, торговлѣ, о налогахъ и финансахъ. «Эти вопросы становятся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе интересными», говоритъ Гриммъ еще въ 1755 году, а спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1767 году, заявляетъ уже, что «политическая экономія, торговля, хлѣбопашество—вотъ вопросы, господствующіе надъ всѣми умами» [6]). Когда появился знаменитый «L'ami des hommes» Мирабо, Гриммъ посвятилъ ему въ 1757 году рядъ статей, въ которыхъ обсуждалъ возбужденные имъ вопросы, но такъ осторожно, что

---

[1]) *Tourneux*, III, 245. [2]) Ibid., VII, 381.

[3]) Ibid., III, 267; IV, 29; V, 109, 121, 259. [4]) Ibid., VI, 101, 115.

[5]) Въ письмахъ къ Гримму, см. Сборникъ, XXIII, 44, 52; Русскій Архивъ, 1878, III, 28, 32.

[6]) *Tourneux*, II, 507; VII, 403.

долгое время трудно было понять, отвергаетъ или принимаетъ онъ новое ученіе, пока, наконецъ, въ 1767 году, Гриммъ не принялъ болѣе опредѣленнаго положенія: онъ не признавалъ Кенэ, не понималъ Мерсье де Ла-Ривьера [1]) и глумился надъ Мирабо. «Каждый вторникъ — пишетъ Гриммъ — экономисты собираются у Мирабо. Прежде всего, они плотно обѣдаютъ; потомъ они пашутъ, орутъ, боронятъ, засѣваютъ и не оставляютъ во всей Франціи ни одной пяди земли безъ обработки. И проработавъ, такимъ образомъ, языкомъ цѣлый день въ богатой залѣ, теплой зимою и прохладной лѣтомъ, они расходятся вечеромъ, очень довольные собою и искренно убѣжденные, что сдѣлали Францію болѣе цвѣтущею» [2]). Гриммъ не понималъ новаго ученія. Экономисты являлись для него сектой, но сектой политической, слѣдовательно, болѣе для него опасной, чѣмъ всѣ религіозныя секты: надъ религіей Гриммъ смѣялся, касаться же политики опасался, какъ установившагося начала, съ которымъ были связаны всѣ его общественные идеалы, отъ которыхъ зависѣло его личное благосостояніе.

«Изъ всѣхъ знаній наименьшій успѣхъ сдѣлала у насъ наука политическая» [3]), говоритъ Гриммъ. Несмотря на то, Гриммъ ясенъ и точенъ только въ политикѣ; здѣсь онъ вполнѣ своеобразенъ и проявляетъ весь свой критическій умъ и практическій смыслъ. Гриммъ въ политикѣ реалистъ, опирающійся не на право, а на силу; но, по его объясненію, сила эта вытекаетъ изъ законовъ естественнаго права. «Хотите вы знать, что̀ такое естественный законъ—я скажу вамъ одинъ изъ такихъ законовъ: *не клади палецъ на свѣтильню горящей свѣчи*. И знаете ли, почему это есть естественный законъ? Потому, что если вы вздумаете преступить этотъ законъ, то вы обожжете себѣ палецъ, что̀ причинитъ вамъ боль, а вы не любите

[1]) «Русская Старина», LXXII, 283, 507.

[2]) *Tourneux*, III, 387, 398, 412, 435, 448; IV, 29; VII, 431, 444, 467; VIII, 38, 372, 421; IX, 81.

[3]) Ibid., III, 97.

боли. Всякій другой законъ, не заключающій въ самомъ себѣ своего оправданія, не есть естественный законъ» [1]). Гриммъ въ этомъ случаѣ рѣзокъ и, по-своему, послѣдователенъ. «Въ школахъ намъ говорятъ только о принципахъ и о правѣ: открываемъ исторію любого народа и видимъ только власть и силу. Не лучше ли исходить изъ единственно вѣрнаго принципа, что какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ мірѣ моральномъ все зависитъ отъ силы, что болѣе сильный всегда подчиняетъ себѣ болѣе слабаго, но что болѣе сильный по тому самому и болѣе справедливый, болѣе добродѣтельный?» Вся соціальная доктрина Гримма выражена имъ въ слѣдующихъ словахъ: «Хотите вы знать, что́ я думаю по этому поводу? Не будемъ дѣтьми, не будемъ бояться словъ. Дѣло въ томъ, что въ мірѣ нѣтъ инаго права, кромѣ права сильнаго, такъ какъ только право сильнаго законно. Это равно справедливо какъ для физическаго, такъ и для моральнаго міра: не желать, чтобъ сильнѣйшій былъ господиномъ, такъ же разумно, какъ не хотѣть, чтобъ пудовый камень вѣсилъ болѣе фунтоваго. Истинные элементы естественнаго права, какъ и народнаго, заключаются въ простомъ вычисленіи различныхъ силъ. Отчего ни произошло бы первоначальное подчиненіе народа — отъ оружія ли, отъ силы убѣжденія, отъ вліянія ли родительской власти — это все равно; сущность только въ томъ, что народъ долженъ былъ подчиниться и останется подчиненнымъ навѣки, что одинъ человѣкъ безсиленъ передъ массою и что онъ необходимо долженъ чувствовать на себѣ давленіе этой массы и сообразоваться съ этимъ давленіемъ, иначе онъ погибнетъ. Вслѣдствіе этого, состояніе общества есть состояніе насильственное, въ которомъ всегда властвуетъ сильнѣйшій».

Такіе политическіе принципы дѣлали Гримма совершенно равнодушнымъ къ формѣ правленія. Совершеннаго правитель-

---

[1]) *Tourneux*, VII, 451.

ства нѣтъ и, по словамъ Гримма, быть не можетъ: правительство существуетъ для всего народа, а народъ состоитъ изъ весьма розныхъ элементовъ. «Люди вообще не созданы ни для свободы, ни для истины, хотя эти два слова постоянно у нихъ на языкѣ. Свобода и истина даны въ удѣлъ только немногимъ избранникамъ и то подъ условіемъ не очень гордиться ими. Масса же обречена на рабство и заблужденіе, которыя держатъ ее въ своихъ оковахъ. Прочтите исторію, и вы убѣдитесь въ этомъ» [1]). Гриммъ, поэтому, довольствуется всякою формою правленія; онъ въ восторгѣ отъ «просвѣщеннаго деспотизма», и удивляется, «какимъ образомъ, такой глубокій и просвѣщенный умъ, какъ Монтескье, могъ усматривать въ формѣ правленія причины величія и паденія націй» [2]). Мнѣнія Гримма относительно администраціи, особенно же финансовой, свидѣтельствуютъ о его полномъ невѣдѣніи въ вопросахъ государственнаго права [3]). Наивность Гримма въ этомъ отношеніи граничитъ съ недомысліемъ, трудно допустимымъ въ «философѣ» даже sui generis. «Наши политическіе философы — говоритъ онъ — не замѣчаютъ той истины, что обширное государство не можетъ быть хорошо управляемо. Скажу болѣе: правительство только тогда можетъ быть признано хорошимъ, когда глава государства знаетъ имя, качества и состояніе послѣдняго изъ своихъ подданныхъ, такъ какъ быть государемъ значитъ заботиться о благѣ каждаго въ государствѣ. Какимъ же образомъ одинъ человѣкъ или, считая даже министровъ, двадцать человѣкъ могутъ составить счастіе двадцати милліоновъ, которыхъ они не знаютъ даже по имени? Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ государствѣ даже послѣдній хлѣбопашецъ имѣетъ такое же право быть счастливымъ, какъ и глава государства» [4]).

---

[1]) *Tourneux*, X, 129. [2]) Ibid., III, 283.

[3]) Ibid., III, 294, X, 171. Взглядъ Гримма на значеніе правительства выраженъ яснѣе всего въ VII, 430.

[4]) Ibid., II, 385.

Гриммъ смѣшиваетъ политическую свободу націи съ системой управленія: «Читая *Les intérêts de la France mal entendus*, я съ грустью увидѣлъ, что государственные мужи Франціи были главными виновниками ея величайшихъ бѣдствій. Вотъ въ чемъ заключается важное преимущество свободнаго народа надъ такою монархіею, какъ во Франціи. Нація, т.-е. общество и народъ, всегда хорошо сознаютъ свои интересы; между тѣмъ какъ министры, къ тому же часто смѣняемые, вовсе не знаютъ, въ чемъ заключается въ данный моментъ общественное благо. Мало того, когда самоуправляющійся народъ замѣтилъ въ чемъ-либо свою ошибку, реформа является не только вполнѣ естественною, но и обязательно необходимою; между тѣмъ какъ министры склонны упрямо поддерживать не только свои ошибки, но даже свои глупости, думая этимъ сохранить престижъ власти» [1]).

Въ качествѣ «философа», Гриммъ обобщалъ явленія, ставилъ вопросы и высказывалъ «принципіальные взгляды» по поводу всевозможныхъ произведеній французской литературы. Само собою разумѣется, что, составляя «Correspondance Littéraire» въ продолженіе двадцати лѣтъ, онъ впадалъ иногда въ противорѣчіе съ самимъ собою. Съ одинаковою серьезностью, Гриммъ въ одномъ случаѣ говоритъ, что мы предпочитаемъ настоящее прошлому, а въ другомъ, что—прошлое настоящему. «Мы безпрестанно восхваляемъ нашъ вѣкъ и въ этомъ отношеніи не дѣлаемъ ничего новаго; люди всегда предпочитаютъ время, въ которое они живутъ, длинной вереницѣ предшествовавшихъ имъ вѣковъ», говоритъ Гриммъ въ 1757 г., а въ 1768-мъ оказывается, что «мы всегда восхваляемъ прошлые вѣка, такъ какъ не чувствуемъ ихъ страданій, и предпочитаемъ предковъ, такъ какъ не переживаемъ ихъ заблужденій» [2]). Такія противорѣчія встрѣчаются, однако, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда Гриммъ выходилъ изъ сферы

---

[1]) *Tourneux*, III, 289, 309. [2]) Ibid., III, 327; VIII, 116.

литературной критики и становился «философомъ». Въ этомъ отношеніи его не всегда спасали даже предварительныя совѣщанія съ «Сократомъ нашего времени»: Дидро обсуждалъ хорошо, Гриммъ излагалъ дурно, и самая слабая сторона «Correspondance Littéraire» есть именно философская, между тѣмъ какъ критическая часть сохраняетъ и до настоящаго времени свое значеніе.

Несмотря на тщательно составленный указатель къ изданію «Correspondance littéraire, philosophique et critique», трудно сказать, до какой цифры доходитъ число книгъ, о которыхъ данъ Гриммомъ критическій отзывъ. Это тѣмъ болѣе трудно, что рукописный листокъ наполнялся не только отзывами о литературныхъ произведеніяхъ и театральныхъ представленіяхъ; въ немъ, сверхъ того, помѣщена масса писемъ, рѣчей, статей и стихотвореній [1]), случайно попадавшихъ въ руки Гримма. Между прочимъ, въ «Correspondance Littéraire» впервые оповѣщены письма Екатерины II къ разнымъ лицамъ [2]), передано содержаніе сказокъ о Хлорѣ и Февеѣ [3]), сообщено о распрѣ А. П. Сумарокова съ гр. П. С. Салтыко-

[1]) Отмѣчаемъ важнѣйшія. *Письма*: IV, 93, 254, 307; V, 198, 199, 344, 361, 428; VI, 111, 412, 437, 458; VIII, 4, 49, 64, 120, 203, 390, 472; IX. 11, 45, 52, 61, 88, 92, 141, 164, 166, 177, 210, 219, 222, 251, 281, 383, 410, 415; X, 73, 97, 103, 143, 193. *Рѣчи*: VIII, 216, 264; IX, 329. *Статьи*: III, 32; V, 190, 247, 424; VI, 1, 477; VIII, 29, 396; IX, 134, 149, 350, 427, 498. *Стихотворенія*: IV, 32, 112, 160; V, 418; VI, 340; VII, 438, 455, 470; VIII, 56, 234, 248, 359, 484; IX, 74, 176, 223, 264, 445. Всѣ эти вставки далеко не равнаго достоинства: рядомъ съ письмами Екатерины II, Фридриха II, Вольтера, Галіани, Дидро, встрѣчаются письма Волланъ, Клэронъ и др., рѣчи не только академиковъ, но и патеровъ, сказанныя при погребеніи; статьи Вольтера или Дидро смѣняются статьями Дамилавиля и лицъ совершенно неизвѣстныхъ; о стихотвореніяхъ же и говорить нечего—только отмѣченныя нами выше имѣютъ какое-либо литературное или историческое значеніе.

[2]) Д'Аламберу (V, 198), Вольтеру (V, 418), Мармонтелю (VIII, 203), Сумарокову (IX, 187), г-жѣ Дени (XII, 168), Бюффону (XIII, 98, 100). Не говоря о другихъ письмахъ, даже письмо къ Сумарокову стало у насъ извѣстно гораздо позже: оно впервые было напечатано въ «Сынѣ Отечества» за 1816 годъ (L, 166).

[3]) *Tourneux*, XVI, 10, 85.

вымъ, причемъ приведено и письмо императрицы къ русскому драматургу; въ этихъ же листкахъ сохранены и стихи Вольтера о Екатеринѣ II [1]).

Подобныя вставки совершенно естественны, и мы не имѣемъ права оцѣнивать ихъ стоимость по нашему прейскуранту— въ прошломъ вѣкѣ онѣ интересовали многихъ. Но въ «Correspondance Littéraire» встрѣчаются и вставки иного рода. Когда не было серьезныхъ книгъ или когда Гриммъ не имѣлъ времени написать статью, онъ прибѣгалъ къ выпискамъ, причемъ не стѣснялся, напримѣръ, выписывать цѣлыя страницы изъ ничтожнѣйшаго романа графини Ревель «Histoire de Geneviève» [2]), сообщать пустѣйшіе мадригалы, вздорныя шарады, даже разсказывать какую-то игру trou-madame или фокусы чревовѣщателя [3]). Гриммъ справедливо полагалъ, что забава, интересовавшая Парижъ, вполнѣ годилась для какойнибудь Готы или Веймара. Недостатокъ литературныхъ произведеній возмѣщался также и просто новостями, въ родѣ отъѣзда Гельвеція въ Берлинъ или же нотъ къ «Etrennes optico-lyrique» [4]).

Рукописная «Correspondance Littéraire» существовала ровно сорокъ лѣтъ, безъ перерыва. Первыя двадцать лѣтъ, съ 1753 по 1773 г., она составлялась преимущественно Гриммомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Гриммъ уѣзжалъ изъ Парижа—въ Германію, Англію, Италію—листки составлялись

---

[1]) Les vers de M. Voltaire, qui courent depuis quelques jours dans Paris, et qu'on ne mettra pas à côté des meilleurs de ce grand poète. *Tourneux,* V, 418.

[2]) *Tourneux*, III, 143; V, 226. Эта comtesse de Revel умерла 26-ти лѣтъ; самъ Гриммъ сознается: son style et son goût n'étaeint pas encore absolument formés, и помѣщаетъ большой отрывокъ изъ ея пустого романа потому только, что эта графиня написала панегирикъ г-жѣ Эпинэ, любовницѣ Гримма. Этотъ панегирикъ тоже напечатанъ въ «Correspondance», III, 118. Только отношеніями Гримма къ г-жѣ Эпинэ можно объяснить помѣщеніе въ «Correspondance», IX, 351, ея «Dialogue copié d'après nature, ou de l'amitié de deux jolies femmes».

[3]) *Tourneux*, III, 128; VIII, 183; IX, 13, 94, 262; X, 10, 31.

[4]) Ibid., VI, 157, 229, 481.

Дидро, Мейстеромъ, г-жею Эпинэ и ихъ друзьями; чаще всего, однако, Дидро [1]). Съ 1773 года, когда Гриммъ отправился въ Россію, его рукописное изданіе поступило въ полную собственность Мейстера [2]) — съ этого года онъ не участвуетъ уже въ «Correspondance» и не отвѣтственъ за нее. Двадцать лѣтъ безустанной работы, два раза въ мѣсяцъ, естественно должны были утомить Гримма. «Я совершенно подавленъ писаніемъ и срочной работой,—пишетъ Гриммъ въ 1766 году, послѣ тринадцатилѣтняго труда.—Мой другъ Дидро присылаетъ мнѣ, вмѣсто краткаго отчета, цѣлую книгу о художественной выставкѣ. У меня не хватило дерзости исключить что-либо, и приходилось редактировать его листки, по мѣрѣ ихъ полученія, самому списывать ихъ, чтобы переписчики могли потомъ копировать, а это требуетъ много времени. Умалчиваю о другихъ спѣшныхъ работахъ, которыя пригвоздили меня, съ утра до вечера, къ письменному столу... Мнѣ нездоровится, я усталъ; работа не спорится» [3]).

Ничто такъ не убиваетъ, какъ срочная работа. Послѣ семилѣтней работы въ «Отечественныхъ Запискахъ», Бѣлинскій писалъ своимъ друзьямъ: «Журнальная срочная работа высасываетъ изъ меня жизненныя силы, какъ вампиръ кровь. Обыкновенно, я недѣли двѣ въ мѣсяцъ работаю съ страшнымъ лихорадочнымъ напряженіемъ, до того, что пальцы деревенѣютъ и отказываются держать перо; другія двѣ недѣли я, словно съ похмѣлья послѣ двухнедѣльной оргіи, праздношатаюсь и считаю за трудъ прочесть даже романъ. Способности мои тупѣютъ, особенно память, страшно заваленная грязью и соромъ россійской словесности... Мнѣ невыносима и вредна срочная журнальная работа; она тупитъ мою голову, разрушаетъ здоровье, искажаетъ характеръ... Я тупѣю со дня на день. Памяти нѣтъ, въ головѣ хаосъ отъ русскихъ книгъ, а въ рукѣ всегда готовыя общія мѣста и казенная

---

[1]) *Tourneux*, VIII, 276. [2]) Ibid., X, 208. [3]) Ibid., 428, 442.

манера писать обо всемъ» [1]). Между тѣмъ, «Отечественныя Записки» выходили разъ въ мѣсяцъ, а «Correspondance Littéraire» составлялась два раза, черезъ каждыя двѣ недѣли, что̀ еще утомительнѣе.

Бѣлинскій во многомъ напоминаетъ Гримма. Подобно Гримму, Бѣлинскій составлялъ срочный отчетъ о литературныхъ произведеніяхъ, и отъ Пушкина и Лермонтова переходилъ къ «Новѣйшему и самому полному телескопу», отъ Кольцова и Лажечникова обращался къ «Шапкѣ юродиваго или трилиственнику»; подобно Гримму, поучавшемуся въ бесѣдѣ съ Дидро, Бѣлинскій, споря съ В. Боткинымъ, узнавалъ о новыхъ философскихъ системахъ [2]); подобно Гримму, Бѣлинскій изнемогъ въ «журнальной срочной работѣ». Въ пріемахъ литературной критики, въ системѣ обсужденія вопросовъ, въ стремленіи къ отысканію принциповъ, къ указанію идеаловъ можно найти много сходнаго у Гримма и у Бѣлинскаго. Но условія, при которыхъ они работали, были совершенно различны.

Главный интересъ «Correspondance Littéraire» заключался въ томъ, что она, какъ рукописное изданіе, избавленное отъ всякаго контроля и отвѣтственности, предоставляла автору полную свободу мнѣній и выраженій. Эта свобода была обезпечена, во-первыхъ, небольшимъ числомъ «коронованныхъ» читателей, обязанныхъ скромностью, и, во-вторыхъ, пересылкой изданія не иначе, какъ чрезъ соотвѣтствующія посольства. Осторожный Гриммъ, находившій, что «самая блестящая идея не стоитъ одной ночи, проведенной въ Бастиліи», принялъ всѣ предосторожности, чтобы оградить себѣ полную безопасность. Г-жа Жоффенъ, предлагая польскому королю Станиславу-Августу получать «Correspondance Littéraire», сопровождаетъ свое письмо слѣдующимъ наставленіемъ: «Вотъ

---

[1]) *Пыпинъ*, II, 244, 250.

[2]) «Сколько можно получить понятіе о предметѣ изъ вторыхъ рукъ, я понялъ Конта, въ чемъ мнѣ особенно помогли разговоры и споры съ тобою». *Пыпинъ*, II, 273.

первый пакетъ; присоединяю письмо Гримма, при которомъ онъ былъ мнѣ доставленъ. Ваше Величество изволите усмотрѣть изъ письма Гримма, что для него существенно важно, чтобъ эти листки никѣмъ не списывались. Всѣ германскіе дворы, получающіе «Correspondance», остаются вѣрны Гримму и выполняютъ точно свои обязательства. Осмѣлюсь даже заявить, что нескромность Вашего Величества въ этомъ отношеніи можетъ причинить мнѣ большія непріятности».

При этихъ условіяхъ, эзоповскій языкъ неумѣстенъ, и Гриммъ долженъ быть искреценъ [1]). Въ этомъ отношеніи Гриммъ, дѣйствительно, безупреченъ: онъ могъ ошибаться въ своихъ отзывахъ о книгахъ и пьесахъ, но въ своихъ критическихъ замѣткахъ онъ никогда не фальшивилъ ни ради пріязни, ни ради злобы [2]), и Дидро не безъ основанія сообщаетъ, что Гриммъ признавался за человѣка вполнѣ справедливаго [3]). Гриммъ грѣшилъ, особенно въ послѣднее время, съ другой совсѣмъ стороны: отсутствіе какой-либо отвѣтственности обязывало его быть крайне осторожнымъ, между тѣмъ онъ дѣлалъ иногда отзывы о книгахъ, не читая ихъ. и вмѣсто серьезнаго разбора ограничивался какой-либо шуткой по поводу названія книги или имени автора [4]). Но и въ этихъ «грѣхахъ» Гриммъ все-таки былъ искреценъ: онъ всегда чистосердечно каялся и признавалъ ихъ послѣдствіемъ своей «отвратительной профессіи», своего «жалкаго ремесла» [5]),

[1]) Бѣлинскій, напротивъ, не могъ быть искреннимъ. «Я попрежнему не могу печатно сказать все, что я думаю и какъ я думаю», писалъ онъ уже въ 1845 г. *Пыпинъ*, II, 243.

[2]) Это подтверждается особенно ясно рядомъ отзывовъ о Вольтерѣ и Руссо. *Tourneux*, по указателю.

[3]) Le juste par excellence. *Tourneux*, IX, 47.

[4]) *Tourneux*, VII, 61; VIII, 313; IX, 47. Въ этомъ изданіи «Correspondance Littéraire», въ примѣчаніяхъ, указаны многіе подобные отзывы Гримма съ точнымъ разъясненіемъ неосновательности ихъ, напр., III, 280.

[5]) La misère de métier, la profession détestable, le travail ingrat, etc. *Tourneux*, IX, 47, 48; XVI, 428. Подобные же отзывы встрѣчаются и у Бѣлинскаго.

обязывающаго его, въ качествѣ литературнаго критика, давать отзывъ о всевозможныхъ книгахъ. Это, по словамъ Бѣлинскаго, каторжный трудъ, и Гриммъ не разъ подумывалъ отказаться отъ этой «неблагодарной работы», поглощающей все его время. «Много уже разъ — пишетъ онъ герцогинѣ Саксенъ-Готской [1])—хотѣлъ я испытать свои силы и, оставляя въ покоѣ произведенія другихъ, попробовать самому написать серьезное сочиненіе; но «Correspondance» не даетъ мнѣ досуга, необходимаго для созданія чего-либо самостоятельнаго».

Можно съ увѣренностью, однако, сказать, что всякая подобная попытка Гримма была бы безплодна. Самостоятельное творчество было чуждо Гримму. Сюжетъ его драмы «Banise» заимствованъ; его «Petit Prophète» доказалъ полное отсутствіе фантазіи и безпомощную убогость замысла. Между тѣмъ, оба эти произведенія написаны въ молодые еще годы Гримма. Ему было уже, однако, 47 лѣтъ, когда онъ составилъ «Sermon philosophique prononcé le jour de l'an 1770 dans la grande synagogue de la rue Royale»—жалкую пародію въ quasi-библейскомъ стилѣ, вымученную, натянутую и, чтó хуже всего, небезкорыстную [2]). Вся эта «Проповѣдь» есть, въ сущности, угодническое восхваленіе, прежде всего, всѣхъ нѣмецкихъ властителей, патроновъ Гримма—баденъ-дурлахскихъ, гессенъ-дармштадтскихъ, саксенъ-готскихъ, анспахскихъ, вюртембергскихъ, брауншвейгскихъ и др., затѣмъ всѣхъ государей, получающихъ «Correspondance Littéraire» — императрицы русской, короля польскаго, королевы шведской, не исключая, конечно, и Фридриха II, упорно не желавшаго быть подписчикомъ Гримма. Никогда еще изъ-подъ пера Гримма не выходило нѣчто болѣе тупое по замыслу и болѣе неопрятное по исполненію, чѣмъ этотъ «Sermon», съ его нѣмецкимъ остроуміемъ въ французскомъ костюмѣ.

---

[1]) *Tourneux*, XVI, 428. [2]) Ibid., VIII, 414.

Гриммъ былъ нѣмецъ не только по рожденію: онъ былъ нѣмецъ по складу ума, точнаго и ограниченнаго, по силѣ характера, мелочнаго и настойчиваго, по темпераменту, по взгляду на жизнь. Менѣе всего Гриммъ могъ быть французомъ, и французскіе ученые напрасно стараются поставить ему въ заслугу его приверженность къ своей національности [1]). Гриммъ писалъ свою «Correspondance» преимущественно для нѣмецкихъ читателей и не имѣлъ повода скрывать, что онъ не только родился, но и остается нѣмцемъ. Свою литературную дѣятельность въ Парижѣ онъ началъ съ того, что знакомилъ Францію съ своею родиною, печаталъ въ «Mercure» статьи о нѣмецкой литературѣ. Двадцать лѣтъ спустя, въ 1772 году, онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ вспоминалъ о встрѣченномъ имъ въ Парижѣ неуваженіи къ Вольтеру: «Въ жизнь свою не забуду того удивленія и смущенія, съ какимъ я, молодой простофиля, только что прибывшій изъ Германіи, гдѣ такъ удивляются и такъ почитаютъ Вольтера, услышалъ, что Вольтеръ не болѣе какъ посредственность. И это говорилось въ Парижѣ, гдѣ, конечно, должны были лучше знать Вольтера, чѣмъ въ Регенсбургѣ! Этотъ нѣмецкій простакъ думалъ, что судьба забросила его во Францію только для того, чтобы доказать ему, до какой степени онъ еще глупъ» [2]). Въ «Correspondance Littéraire» нѣсколько такихъ мѣстъ, гдѣ Гриммъ прямо называетъ себя нѣмцемъ [3]). Послѣ 1773 г., когда Гриммъ не участвовалъ уже въ этомъ рукописномъ изданіи, онъ выступилъ и въ самомъ Парижѣ представителемъ одного изъ нѣмецкихъ государей.

Болѣе всего, однако, Гриммъ выказалъ себя нѣмцемъ въ своихъ отношеніяхъ къ Франціи. Обязанный всѣмъ Франціи, сдѣлавшей изъ «нѣмецкаго простофили» французскаго «фи-

[1]) Grimm est un étranger qui s'il demande droit de bourgeoisie chez nous n'entend pas pour cela déguiser son origine. J'insiste sur ce point: Grimm n'a nullement honte de sa nationalité, il y appuie plutôt, rappelant qu' il n'est pas des nôtres et qu'il nous juge du dehors. *Scherer*, 46.

[2]) *Tourneux*, X, 63. [3]) Ibid., IX, 110.

лософа», Гриммъ не скрывалъ, что имѣетъ много основаній любить Францію [1]) и, тѣмъ не менѣе, не любилъ ее. Гриммъ дебютировалъ брошюрой противъ французской музыки и, какъ мы видѣли, съ большимъ успѣхомъ. Уже въ «Petit Prophète» онъ упоминалъ, хотя и вскользь, что французскій языкъ не созданъ «для пѣнія»; позже, Гриммъ находилъ, что французскій языкъ лишенъ ясности, точности, энергіи; если эти качества встрѣчаются иногда въ литературныхъ произведеніяхъ, то благодаря лишь таланту писателей. Гриммъ приводитъ даже ш·тку Галіани, что «черезъ 200 лѣтъ французскій языкъ станетъ языкомъ ученыхъ, а русскій — придворнымъ языкомъ» [2]). Гриммъ отвергаетъ всякое искусство во Франціи; не только живопись, даже архитектуру. «Вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ намъ кричатъ, что Суфлò великій архитекторъ, но этотъ великій архитекторъ построилъ въ Ліонѣ театральную залу, въ которой ничего не слышно; построилъ другую въ Парижѣ, въ которой ничего не видно» [3]). Этого мало: «когда французы излѣчатся отъ своей національной спеси, они признàютъ, что имъ нужно поучиться музыкѣ у итальянцевъ и нѣмцевъ, а разбивкѣ садовъ—у англичанъ» [4]). Словомъ, все, что дѣлается французами—все нехорошо: нехорошо, что Шамуссè учредилъ городскую почту въ Парижѣ; нехорошо, что Марэнъ предложилъ составить совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ для безплатныхъ консультацій въ пользу неимущихъ; нехорошо, что Феньè предлагаетъ обезпечить прислугу, неспособную къ труду [5]). Посвящая цѣлыя страницы опредѣленію характера французовъ, Гриммъ приходитъ къ заключенію, что французы во всемъ уступаютъ другимъ націямъ и превосходятъ всѣхъ только веселостью нрава, гра-

[1]) J'ai tant de raison d'aimer la France, пишетъ Гриммъ герцогинѣ Саксенъ-Готской, отъ 13-го декабря 1764 г. *Tourneux*, XVI, 419.

[2]) *Tourneux*, II, 467; VIII, 146, 167; X, 57, 113; Сборникъ, XXXIII, 293.

[3]) *Tourneux*, V, 453. [4]) Ibid., IX, 348. [5]) Chamousset, Marin, Faignet. Ibid., V, 297.

ничащею съ игривостью, но воодушевляющею ихъ въ трудныя минуты [1]). Даже въ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ Гриммъ признается лицомъ вполнѣ компетентнымъ, сказывается по временамъ его нелюбовь къ Франціи: изъ французскихъ классиковъ Гриммъ признаетъ только Монтэня, Мольера и Ла-Фонтена; прелести Корнеля нужно отыскивать среди «кучи навоза»; называя Расина «безсмертнымъ и божественнымъ», онъ признаетъ «недостаткомъ» его изящество; само собою разумѣется уже, что Босюэта онъ совсѣмъ не выноситъ, а Tomà упрекаетъ за его длинноты которыя не допустятъ его стать «первоклассымъ писателемъ» [2]), и т. под.

Всѣ подобные отзывы и замѣчанія объясняются тѣмъ, что Гриммъ былъ нѣмецъ, не французъ. Эта національная особенность Гримма пмѣла въ данномъ случаѣ хорошія и дурныя стороны, но именно она помогла ему здраво и трезво взглянуть на многія литературныя явленія того времени. Если его «Correspondance Littéraire» не обратилась для насъ въ старую газету, а осталась произведеніемъ, сохраняющимъ свою цѣнность, она обязана этимъ основнымъ свойствамъ нѣмца Гримма—трезвости критики, искренности сужденія, неподкупности взгляда, словомъ, той интеллектуальной правотѣ, которою отличались позже Сентъ-Бевъ и Бѣлинскій. Гриммъ былъ въ этомъ смыслѣ ихъ предтечею.

Вотъ какимъ представляется Гриммъ въ 1773 году. Въ мартѣ, онъ передалъ «Correspondance Littéraire» своему секретарю Мейстеру и выѣхалъ изъ Парижа. Осенью Гриммъ прибылъ въ Петербургъ, о чемъ Екатерина II извѣстила Вольтера письмомъ отъ 15-го сентября.

II.

Гриммъ обладалъ рѣдкою, но незавидною способностью устраивать свои дѣла. Онъ всегда имѣлъ вѣрныхъ друзей,

---

[1]) *Tourneux.*, VII, 429. [2]) Ibid., V, 161; VII, 213; IX, 124; X, 112.

готовыхъ оказать ему услугу, и богатыхъ покровителей, способныхъ помочь даже не въ трудную минуту. Онъ вступилъ въ жизнь подъ покровительствомъ барона Шёнберга и графа Фризена, и сошелъ со сцены подъ защитой Екатерины II.

Въ 1755 г. умеръ графъ Фризенъ, въ домѣ котораго Гриммъ жилъ и милостями котораго пользовался вполнѣ. «Живя у графа, Гриммъ ни въ чемъ не нуждался», записано въ мемуарахъ г-жи Эпинэ. Но и самая смерть графа Фризена помогла карьерѣ Гримма: герцогъ Орлеанскій часто навѣщалъ больного графа, встрѣчался съ Гриммомъ и, когда друзья «нѣмецкаго француза» описали герцогу его безпомощное положеніе, зачислилъ Гримма въ свои секретари. Гриммъ поспѣшилъ забыть, что «французскіе литераторы предпочитаютъ лучше быть ничѣмъ, чѣмъ состоять при комъ-нибудь», и принялъ мѣсто, которое обезпечивало ему 2.000 франковъ въ годъ и давало право пріѣзда ко двору. Екатеринѣ II Гриммъ такъ описываетъ своего благодѣтеля: «Это не былъ геній, это не былъ орелъ; онъ обладалъ умомъ, быть можетъ, весьма ограниченнымъ, но природа надѣлила его такимъ инстинктомъ относительно вопросовъ чести, что никогда человѣкъ сомнительнаго поведенія не приближался къ нему, тѣмъ менѣе не могъ пользоваться его вниманіемъ. Этотъ инстинктъ, эта щепетильная брезгливость отталкивала отъ него людей недостойныхъ. Какая-то врожденная всѣмъ Орлеанамъ страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ сталкивала его иногда съ дурною компаніею, но даже въ этихъ ночныхъ оргіяхъ онъ умѣлъ сохранять достоинство своего положенія и то внѣшнее приличіе, которое никогда не покидало его: даже въ разгарѣ кутежа собутыльники видѣли въ немъ принца крови. Онъ никогда не оскорблялъ общественной нравственности, публика ничего не знала о его дебошахъ, и, несмотря на попойки, никогда не оставлявшія замѣтнаго слѣда, дворъ Пале-Рояля пользовался общимъ уваженіемъ. Все, что было во Франціи болѣе именитаго и заслуженнаго, добивалось чести быть до

пущеннымъ къ этому двору, и если Людовикъ XV былъ королемъ Версали, герцогъ Орлеанскій назывался королемъ Парижа» [1]).

Гриммъ скоро понялъ, что при «королѣ Парижа» онъ не можетъ надѣяться на какую-либо карьеру, и искалъ выхода. Въ это время «Correspondance Littéraire» поставила уже его въ сношенія со многими нѣмецкими дворами; она познакомила его съ нѣмецкими курфирстами, герцогами и принцами, принимавшими участіе въ Семилѣтней войнѣ. Вольный городъ Франкфуртъ велъ во время войны безконечную переписку съ французскимъ дворомъ по поводу реквизицій, контрибуцій и военныхъ счетовъ всякаго рода; переписка затягивала уплату, городъ терпѣлъ убытки. Другъ Гримма, историкъ Маллэ [2]), корреспондентъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ государей, предложилъ франкфуртскому магистрату поручить Гримму слѣдить въ Парижѣ за перепиской съ французскимъ правительствомъ. «Городъ Франкфуртъ—пишетъ Гриммъ въ маѣ 1759 г. — понуждаетъ меня взяться за эту переписку. Эта обязанность мнѣ по душѣ и дастъ мнѣ возможность высказать мои способности. Я ожидаю только согласія герцога Орлеанскаго, которое надѣюсь получить на дняхъ же». Гриммъ сталъ аккредитованнымъ при версальскомъ дворѣ посланникомъ вольнаго города Франкфурта, съ жалованьемъ 24.000 франковъ въ годъ.

Десять лѣтъ назадъ, Гриммъ шатался по парижскимъ улицамъ, безъ опредѣленныхъ занятій, безъ матеріальныхъ

[1]) Сборникъ, XLIV, 503. Louis Philippe, comte de Chartres, duc d'Orléans, 1725—1785, женатый на Henriette Bourbon-Conti. Онъ принималъ участіе во всѣхъ французскихъ войнахъ того времени и, между прочимъ, въ Семилѣтней войнѣ. Какъ Екатерина II въ Россіи, такъ онъ во Франціи первый привилъ оспу себѣ и дѣтямъ. Его сынъ, Филиппъ-Эгалите, казненъ 6-го ноября 1793 года.

[2]) Paul-Henri Mallet, 1730 — 1807, преподавалъ литературу въ Копенгагенѣ, исторію въ Женевѣ и былъ гессенъ-кассельскимъ резидентомъ въ Бернѣ; авторъ «Histoire du Danemark», «Histoire des suisses», «Histoire de la Ligue Hanséatique». Особенно важны его «Mémoires sur la littérature du Nord».

средствъ; теперь онъ «Monsieur l'Ambassadeur», какъ шутя называлъ его Дидро, онъ богатъ, онъ персона въ Парижѣ. Эта персона не сумѣла, однако, удержаться на своемъ посту. Какъ видно, Гриммъ не утруждалъ себя франкфуртской перепиской: «Гриммъ очень доволенъ своимъ положеніемъ— пишетъ г-жа Эпинэ—и новыя занятія не обременяютъ его. За исключеніемъ одного дня въ недѣлѣ, который онъ посвящаетъ двору, мы ведемъ прежній образъ жизни». Не прошло и года, какъ на почтѣ было перехвачено письмо къ Маллэ, въ которомъ Гриммъ глумился надъ герцогомъ Брольи [1]), порицалъ политику французскаго двора, критиковалъ военныя дѣйствія. Его обвинили въ измѣнѣ и шпіонствѣ; только благодаря заступничеству герцога Орлеанскаго, Гримму разрѣшили оставаться въ Парижѣ. Франкфуртъ лишилъ его званія своего посланника.

Гриммъ—нѣмецъ настойчивый: не удалось съ Франкфуртомъ, можетъ удасться съ Готой.

Луиза-Доротея, герцогиня Саксенъ-Готская, была нѣмкой только по рожденію; по характеру и нраву, по вкусамъ и склонностямъ она была француженкой, даже парижанкой. Веселая, живая, остроумная, она переписывалась съ Вольтеромъ, который величалъ ее «Souveraine sans faste et femme sans faiblesse», слѣдила за постановкой французскихъ пьесъ на придворномъ театрѣ, учредила орденъ «Ermites de bonne humeur» съ девизомъ «Vive la joie», интересовалась литературнымъ движеніемъ во Франціи, много читала и не пропускала ни одной строчки въ «Correspondance Littéraire». Гриммъ былъ представленъ въ Парижѣ ея сыну, познакомился съ Студницемъ, подружился съ Клюпфелемъ. Заказъ париковъ и

---

[1]) Нѣмецъ Гриммъ глумился напрасно. Victor-François duc de Broglie разбилъ пруссаковъ при Зондерсгаузенѣ, въ 1758 г., Бергенѣ, въ 1759, и при Корбахѣ, въ 1760 г. Маршалъ Субизъ, смѣнившій его въ командованіи, далъ Фридриху II возможность оправиться отъ пораженій, нанесенныхъ герцогомъ Брольи.

пересылка помады пригодились: во время путешествія 1762 года, Гриммъ былъ милостиво принятъ въ Готѣ и съ тѣхъ поръ переписывался съ герцогиней. Губертсбуртскій миръ не примирилъ Францію съ Пруссіей, и отношенія державъ оставались холодными; желая сблизить Людовика XV съ Фридрихомъ II, Гриммъ, въ особой докладной запискѣ, поданной герцогу Шуазелю, французскому министру иностранныхъ дѣлъ, указываетъ на Луизу-Доротею, какъ наиболѣе способнаго посредника къ примиренію [1]). Въ письмахъ къ герцогинѣ Доротеѣ, Гриммъ сообщаетъ о своихъ хлопотахъ во французскомъ министерствѣ по поводу уплаты саксенъ-готскому двору военныхъ издержекъ по Семилѣтней войнѣ, но еще чаще пишетъ ей о дамскихъ прическахъ, о фижмахъ и т. п. Герцогиня умерла въ 1767 году—устройство мавзолея на ея могилѣ было поручено именно Гримму, и благодарный супругъ назначилъ его совѣтникомъ посольства съ жалованьемъ въ 1.600 франковъ. Это не франкфуртскіе 24.000 фр., но Гриммъ, наученный опытомъ, былъ уже остороженъ, и не напрасно: сынъ герцогини Доротеи, герцогъ Эрнестъ II [2]), назначилъ Гримма своимъ полномочнымъ министромъ при версальскомъ дворѣ.

Сношенія Гримма съ гессенъ-дармштадтскимъ дворомъ были не менѣе успѣшны. Ландграфиня Каролина вовсе не походила на герцогиню Доротею, и Гриммъ, оставляя въ сторонѣ куафюры и фижмы, высказываетъ особую заботливость

---

[1]) «Revue Historique», 1884, mai-juin. Авторъ статьи, R. Hammond, приписываетъ всю переписку по этому поводу Гельвецію, не Гримму. Ошибка произошла вслѣдствіе невѣрной отмѣтки въ Парижскомъ Архивѣ, гдѣ хранится переписка.

[2]) Мейстеръ, въ своей запискѣ: Le duc de Saxe-Gotha n'oublia jamais le courage et le dévouement avec lequel Grimm osa lui donner, dans une circonstance importante, un conseil très sage, mais absolument contraire aux affections qui à cette époque avaient pris sur l'âme de ce prince l'ascendant le plus décidé... il le nomma son ministre à la cour de France. Это записано со словъ самого Гримма и ничѣмъ не подтверждается.

объ устройствѣ дѣтей ландграфини. А дѣтей было много — пять дочерей и три сына. Вся переписка Гримма съ ландграфиней гессенъ-дармштадтской наполнена хлопотами о выдачѣ замужъ принцессъ—о вопросѣ наиболѣе чувствительномъ для материнскаго сердца, но, казалось бы, совершенно постороннемъ для издателя «Correspondance Littéraire». Гриммъ не напрасно, однако, тратилъ чернила и бумагу на переписку съ Каролиной.

Кромѣ дочерей, у ландграфини гессенъ-дармштадтской были сыновья. Старшему, наслѣднику престола, принцу Людвигу, было 18-ть лѣтъ, когда, въ 1771 году, ландграфиня обратилась къ Гримму съ просьбою сопровождать его въ путешествіи, въ качествѣ не столько ментора, сколько друга. Постоянно крича о своемъ безкорыстіи и хорошо зная стѣсненное въ матеріальномъ отношеніи положеніе ландграфини, Гриммъ сумѣлъ, однако, выговорить себѣ содержаніе, превосходившее доходы отъ «Correspondance Littéraire». Этого ему было, все-таки, мало, и онъ рѣшился восполнить содержаніе иными выгодами. Ему представлялось невозможнымъ, просто «неприличнымъ» сопровождать наслѣднаго принца гессенъ-дармштадтскаго, не имѣя никакого знака отличія, никакого ни ордена, ни титула. Гриммъ остановился, прежде всего, на шведскомъ орденѣ Сѣверной Звѣзды — его даютъ артистамъ, Гриммъ видѣлъ его на докторахъ: если ландграфиня попроситъ, и ему дадутъ крестикъ Сѣверной Звѣзды. Ландграфиня попросила, заинтересовала даже принца Генриха прусскаго, но изъ Стокгольма отвѣтили отказомъ, говоря, что Сѣверная Звѣзда дается только дворянамъ.

Отказали въ орденѣ, не откажутъ въ титулѣ. Съ безстыдствомъ, равнымъ наглости, Гриммъ проситъ ландграфиню добыть ему баронскій титулъ изъ Вѣны: герцогъ Тосканскій, подписчикъ «Correspondance Littéraire», замолвитъ, конечно, за него слово; Кауницъ расположенъ къ нему, и если ландграфиня напишетъ въ Вѣну, то успѣхъ несомнѣненъ; канце-

лярскіе расходы, правда, велики, а Гриммъ живетъ только личнымъ трудомъ, но среди его друзей найдутся пріятели банкира австрійскаго двора, есть, наконецъ, люди настолько состоятельные, что для нихъ подобная жертва легка, и дѣло какъ-нибудь уладится. Оно и уладилось: Гриммъ получилъ въ 1772 году дипломъ на титулъ барона Священной Имперіи съ правомъ писать *de* Grimm, а ландграфиня Каролина уплатила за него канцелярскіе расходы въ 4.000 гульденовъ. Дидро не могъ безъ смѣха слышать нелѣпое *baron de Grimm* и сталъ называть его «маркизомъ»; всѣ парижскіе «друзья» Гримма подтрунивали надъ его покупнымъ дворянствомъ; но Гриммъ, какъ истый «философъ», снесъ всѣ насмѣшки и никогда не забывалъ приставить злополучное *де* къ своему имени [1]).

Осенью 1773 года, баронъ де Гриммъ, сопровождая наслѣднаго принца гессенъ-дармштадтскаго, спѣшившаго на свадьбу своей сестры съ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ, прибылъ въ Петербургъ. Съ этого времени Гриммъ окончательно перестаетъ заниматься литературой и всецѣло посвящаетъ себя на служеніе императрицѣ Екатеринѣ II, исполняя всевозможныя ея порученія и ведя съ нею переписку, которая теперь только обнародована, и то не вся.

Печатное изданіе «Correspondance Littéraire» воскресило Гримма и поставило его, какъ литературнаго критика, въ ряды выдающихся дѣятелей прошлаго вѣка; обнародованіе частной переписки его съ Екатериной II погубило Гримма и выставило его въ крайне непривлекательномъ свѣтѣ. Гриммъ «Correspondance Littéraire» и Гриммъ souffre-douleur Екатерины—два совершенно разныя лица. Насколько его критическія статьи полны мысли, кратки, иногда рѣзки, чаще ироничны, но всегда сильны, правдивы, настолько его частныя

[1]) Гриммъ и раньше, еще въ 1768 году, любилъ украшаться этой частичкой *де* (*Tourneux*, VIII, 213), но, конечно, не въ официальныхъ бумагахъ (Ibid., XVI, 455).

письма пусты, вялы, всѣ безъ исключенія многорѣчивы и въ большинствѣ случаевъ полны невыносимой лести и низкаго угодничества.

Конечно, общественное служеніе обязываетъ. Публичное слово, даже въ рукописномъ изданіи, предназначенномъ для немногихъ, только для избранныхъ, должно быть достойно публичности; оно подлежитъ контролю, не полицейскому, но тѣмъ болѣе строгому, и влечетъ за собою отвѣтственность, не судебную, но тѣмъ болѣе обязательную. «Correspondance Littérarie», какъ газета, обязывала Гримма быть всегда на высотѣ своей задачи; но ничто не заставляло Гримма измѣняться въ частной перепискѣ. Частныя письма Бѣлинскаго, во многихъ отношеніяхъ, строже, ярче, сильнѣе его печатныхъ статей. Бѣлинскій не раздвоивался; это была цѣльная, стройная натура, всегда себѣ довлѣющая — въ печати, въ перепискѣ, въ разговорѣ. Не то Гриммъ: строгій, правдивый, честный въ «Correspondance Littéraire», онъ унижается въ частной перепискѣ до лести, лжи и клеветы; проводя въ «Correspondance Littéraire» свѣтлыя идеи, высокіе идеалы, онъ преслѣдуетъ въ частной перепискѣ свою личную выгоду, имѣя въ виду исключительно матеріальныя блага. Правою рукою онъ пишетъ Екатеринѣ письмо, а лѣвую протягиваетъ за подачкой.

Переписка Екатерины II и Гримма издана русскимъ историческимъ обществомъ. Письма Екатерины занимаютъ весь XXIII томъ, въ 700 стр. текста, безъ перевода на русскій языкъ [1]); письма Гримма—менѣе 400 стр. въ XXXIII томѣ, причемъ всѣ письма переведены на русскій языкъ [2]), и весь

[1]) Здѣсь помѣщено болѣе 600 писемъ и записочекъ. Сама Екатерина шутя замѣчала, что она только и дѣлаетъ, что пишетъ Гримму: il ne faut point qu'on dise dans mon histoire que je passais ma vie à vous écrire (123); je ne suis ici que pour vous écrire (182); si cela continue je n'écrirai plus qu'à vous (191) и т. д.

[2]) Не разъ уже была указываема необходимость измѣнить ту часть § 3 устава русскаго историческаго общества, которая гласитъ: «документы и акты,

XLIV томъ, въ 800 стр. [1]), причемъ перепечатаны всѣ его письма, вошедшія въ XXXIII томъ. Переписка эта длилась, почти безъ перерыва [2]), болѣе двадцати лѣтъ —съ 1774 по 1796 годъ. Екатерина писала Гримму послѣднее письмо за три недѣли до своей смерти; Гриммъ писалъ Екатеринѣ въ послѣдній разъ спустя двѣ недѣли по ея смерти.

писанные на иностранныхъ языкахъ, печатаются въ подлинномъ текстѣ *съ переводомъ на русскій языкъ*». Кому нуженъ этотъ переводъ документовъ и актовъ, издающихся не для легкаго же чтенія? Само общество отступало отъ этого правила съ 1-го же тома своего Сборника, гдѣ переписка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи іезуитскаго новиціата напечатана безъ перевода. Не переведенъ на русскій языкъ и весь XXIII томъ, т.-е. письма Екатерины къ Гримму. Если было признано, почему-либо, необходимымъ отдать въ этомъ отношеніи предпочтеніе письмамъ Гримма къ Екатеринѣ, то слѣдовало озаботиться болѣе тщательнымъ переводомъ ихъ на русскій языкъ. Конечно, такой переводъ, какъ, напр., ich ziehe meine Stecknadel gar schön aus dem Spiel—я выдергиваю свою булавку изъ игры (стр. 15), une querelle d'allemand—нѣмецкая ссора (стр. 26, 206, 224), revenons à nos moutons—возвратимся къ нашимъ баранамъ (стр. 173, 175) и т. п., долженъ быть признанъ весьма точнымъ, но едва ли удачнымъ, и, во всякомъ случаѣ, такой переводъ не много содѣйствуетъ пониманію текста. Встрѣчаются, однако, переводы и болѣе точные, напр.: je dis comme dans les Tristes d'Ovide — я сказалъ словами Тристій Овидія (стр. 147). Почему же русскія *Тристіи* должны быть понятнѣе французскихъ les *Tristes*? Надо думать, что Epistolae ex Ponto обратятся въ Понтиковъ, les Pontiques. Иногда переводъ только затемняетъ текстъ: что значитъ фраза: *императрица не найдетъ иноходца въ г. Буйе?* Въ текстѣ такъ: l'impératrice ne trouvera pas un Passgänger dans M-r de Bouillé (стр. 359), причемъ было уже объяснено, что подъ Passgänger подразумѣвались дурные министры, бездарные дѣятели, и т. п. XXIII, VI.

[1]) Въ этомъ XLIV т. не только письма Гримма оставлены безъ перевода на русскій языкъ, но даже русскій документъ, изъ Придворнаго Архива, напечатанъ въ переводѣ на французскій языкъ! Подобное отступленіе отъ устава русскаго историческаго общества сдѣлано только для писемъ Гримма; начиная съ XLV т. русскіе документы печатаются опять безъ перевода на иностранный языкъ.

[2]) Письма Екатерины начинаются вслѣдъ за отъѣздомъ Гримма изъ Петербурга, въ 1774 году, и оканчиваются 19-го октября 1796 г., причемъ встрѣчаются только два перерыва (съ 12-го декабря 1791 г. по 4-е апрѣля 1792 г. и съ 7-го дек. 1792 г. по 13-е апр. 1793 г.); письма же Гримма начинаются только съ 1779 г. и хотя оканчиваются 19-го ноября 1796 г., но между 1783 и 1785 гг. нѣтъ ни одного письма.

Двадцатилѣтняя переписка двухъ нѣмцевъ на чуждомъ имъ обоимъ французскомъ языкѣ—живая картинка XVIII вѣка, не только по языку, еще болѣе по содержанію. Космополитизмъ въ вопросахъ духовной жизни достигъ наибольшаго развитія въ эпоху Дидро, Гиббона, Галліани и ихъ друзей, между тѣмъ какъ именно въ это-то время въ вопросахъ государственной жизни стала выдѣляться идея національной обособленности. Въ этомъ отношеніи Екатерина II и Гриммъ являются представителями прошлаго вѣка. Правда, судьба рано оторвала ихъ обоихъ отъ родины — Екатерина покинула Германію 14-ти-лѣтнею дѣвочкою и никогда болѣе не видала своей отчизны; Гриммъ провелъ лучшіе годы, отъ 14 до 70-ти, въ Парижѣ. Все-таки, Екатерина чаще прибѣгаетъ къ нѣмецкому языку, чѣмъ Гриммъ, и вставляетъ иногда нѣмецкія фразы, свидѣтельствующія, что она хорошо знала родной языкъ [1]). Нѣмецкой литературой не интересовалась ни Екатерина, ни Гриммъ. Въ перепискѣ не упоминается ни Лессингъ, ни Гёте, ни Шиллеръ, ни даже Гердеръ, въ Россіи писавшій свои «Fragmente» [2]). А между тѣмъ, когда Фридрихъ II написалъ брошюру о нѣмецкой литературѣ, Екатерина сожалѣла, что ея «братъ» мало знакомъ съ новѣйшею литературою Германіи, а Гриммъ укорялъ Фридриха въ невѣдѣніи и литературы, и языка. Гриммъ писалъ Екатеринѣ: «Нельзя отрицать, что августѣйшій авторъ недостаточно знакомъ съ своимъ предметомъ и судитъ о нѣмецкомъ языкѣ почти какъ слѣпой о цвѣтахъ. Очень поучительно видѣть, какъ великій государь, и, что̀ хуже еще, умный человѣкъ,

---

[1]) Одно изъ своихъ «посланій» Гриммъ не сшилъ, листки перемѣшались, и Екатерина долго не могла даже найти нѣкоторыхъ среди своихъ бумагъ. Извѣщая объ этомъ Гримма, она продолжаетъ: «Nun habe ich sie, und werde sie schon durchhecheln als Flachs durch den Kamm. Ist dieses nicht wahrlich eine so schön ausgesonnene Vergleichung als selbst der ehrwürdige Homerus sie hätte dermalen aussinnen können». Сборникъ, XXIII, 532.

[2]) J. G. Herder, 1744—1803, былъ съ 1764 по 1769 г. учителемъ и проповѣдникомъ въ Ригѣ, гдѣ и написалъ свой первый трудъ «Fragmente über die neuere deutsche Literatur», въ 1767 г.

посвящаетъ значительную часть дня чтенію, и, живя въ своемъ отечествѣ, столица котораго обладаетъ первоклассными писателями, ничего этого не знаетъ, даже не подозрѣваетъ, что его родной языкъ уже не тотъ, какимъ говорили и писали 60 или 80 лѣтъ назадъ; вполнѣ искренно не вѣдаетъ онъ ничего, что̀ писалось вокругъ него въ теченіе 40 лѣтъ, не знаетъ, какой переворотъ совершился и въ языкѣ, и въ головахъ нѣмецкихъ» [1]). Екатерина отвѣчала: «Что дѣлать! Онъ ужъ осунулся: онъ мало кого видитъ, а когда принимаетъ кого, то самъ говоритъ, а другіе только слушаютъ; никто не рискуетъ противорѣчить ему—его боятся. Вотъ причины, почему ему многое неизвѣстно. Да и года что-нибудь значатъ. Въ 1740 году мы были молоды, теперь мы уже стары» [2]), и Екатерина начинаетъ восхвалять романы Николаи и повѣсти Тюммеля, ставя ихъ рядомъ съ произведеніями Вольтера!

Французскій языкъ въ письмахъ Гримма чище, складнѣе, чѣмъ въ письмахъ Екатерины. Это объясняется, прежде всего, тѣмъ, что Гриммъ постоянно жилъ среди парижскихъ литераторовъ, и, наконецъ, тѣмъ, что Гриммъ обдумывалъ, обработывалъ свои «посланія», между тѣмъ какъ Екатерина писала ему наскоро, въ видѣ забавы, для отдохновенія. «Вотъ еще два ваши письма, требующія отвѣта. Правда, тутъ же лежатъ два письма отъ прусскаго короля, три отъ шведскаго, два отъ Вольтера, втрое больше отъ Богъ знаетъ кого—всѣ они писаны и доставлены раньше вашихъ, но такъ какъ они меня вовсе не забавляютъ и на нихъ нужно еще писать отвѣты, а съ вами я просто болтаю, а не пишу вамъ (замѣтьте это—это ново), то я предпочитаю забаву и даю полную свободу моей рукѣ, перу и головѣ царапать все, что̀ имъ взду-

---

[1]) Сборникъ, XXXIII, 130.

[2]) Ibid., XXIII, 202, 208, 212, 228. Oh, comme on écrit bien en allemand, malgré les dépréciateurs de la littérature allemande. По ея мнѣнію, «Allgemeine Deutsche Bibliothek», изд. Николаи, est une archive de génie, de raison, d'ironie etc.

мается» [1]). Не говоря уже о письмахъ Екатерины къ Вольтеру, даже письма ея къ г-жѣ Жоффренъ и Бьелке написаны болѣе правильнымъ языкомъ, чѣмъ къ Гримму. Дѣйствительно, она не писала ему письма—она болтала съ нимъ: почти ежедневно она записывала какой-нибудь заказъ, набрасывала какую-нибудь новость или отвѣчала на его запросъ; когда накоплялось такимъ образомъ нѣсколько листовъ, «цѣлый томъ», отъѣзжавшему курьеру поручалось сдать его изъ рукъ въ руки, «Гримму, въ Парижѣ» [2]).

Частая переписка Гримма съ императрицей Россіи, пересылка курьеровъ изъ Петербурга въ Парижъ и обратно, исполненіе Гриммомъ заказовъ Екатерины не только во Франціи, но въ Италіи и другихъ странахъ, отправка въ Петербургъ художественныхъ произведеній, изготовленныхъ по требованіямъ императрицы, раздача русскихъ орденовъ, медалей, пособій и пенсій, жалуемыхъ Екатериною—все это естественно обращало вниманіе на Гримма. Мало кто зналъ полномочнаго министра саксенъ-готскаго, всѣ смотрѣли на Гримма, какъ на корреспондента русской императрицы, какъ на довѣренное, близкое Екатеринѣ лицо. «Эта пересылка курьеровъ—пишетъ Гриммъ—часто занимала воображеніе любопытныхъ, и чѣмъ болѣе я съ полною откровенностью увѣрялъ, что эти сношенія не имѣютъ никакого вліянія ни на политическую систему петербургскаго двора, ни на взаимныя отношенія европейскихъ кабинетовъ, тѣмъ менѣе мнѣ вѣрили. Русскіе путешественники, пріѣзжавшіе погостить въ Парижъ, бывали иногда столь высокомѣрны, что предполагали, будто я исключительно занимаюсь тѣмъ, что сообщаю императрицѣ объ ихъ связяхъ и похожденіяхъ; можетъ быть, посланники Ея Величества при французскомъ дворѣ не всегда были спокойны относительно моей переписки, принимая меня за тайнаго и непріятнаго контролера. Великіе парижскіе политики, съ своей стороны, пред-

[1]) Сборникъ, XXIII, 82.

[2]) Ibid. II, 337; XXIII, 197, 201; XXXIII, 59, 90, 91.

полагая, что, долго проживъ во Франціи, я хорошо знаю ее, удостоивали меня чести думать, что я вслѣдствіе того могъ быть интереснымъ для императрицы и очень опаснымъ для Франціи. Они думали, что въ Парижѣ и Версали не могло случиться ничего важнаго, замѣчательнаго, любопытнаго, даже пустого, безъ того, чтобы императрица не была увѣдомлена мною немедленно, со всѣми подробностями и величайшею точностію. Если бы они могли ознакомиться съ этой объемистою перепискою, они очень удивились бы, не найдя въ ней ни одного изъ тѣхъ именъ, которыхъ искали бы... Я долженъ отдать министрамъ Людовика XVI ту справедливость, что безпрестанная присылка ко мнѣ курьеровъ не возбуждала въ нихъ подозрѣній и никогда не безпокоила ихъ» [1])

И не могла безпокоить: зная Гримма, никто не считалъ возможнымъ, чтобы Екатерина могла вести съ нимъ переписку, имѣющую политическое или государственное значеніе. Трудно себѣ представить, до чего пусты и ничтожны письма Гримма по содержанію, до чего они скучны и тупы по языку. Это, собственно, даже не письма, а длиннѣйшіе отчеты [2]) объ исполненіи заказовъ императрицы, причемъ, кое-гдѣ и кое-когда, Гриммъ присоединяетъ вновь вышедшую книгу и обязательно въ каждомъ отчетѣ рекомендуетъ императрицѣ кого-нибудь, выпрашиваетъ у нея орденъ, пенсію, какую-нибудь подачку себѣ, близкимъ или нужнымъ ему людямъ [3]).

---

[1]) Сборникъ, II, 338, 339.

[2]) Гриммъ называетъ ихъ докладами и сопровождаетъ однимъ и тѣмъ же, непремѣнно нѣмецкимъ заголовкомъ: Allerunterthänigster höchst eilfertiger Vortrag (всеподданнѣйшій наипоспѣшнѣйшій докладъ).

[3]) Чтобы не быть голословными, приводимъ точное указаніе всѣхъ 26 лицъ, для которыхъ Гриммъ выпрашиваетъ чего-нибудь въ упомянутыхъ 18-ти изданныхъ «докладахъ»: *Рейфенштейнъ* (стр. 9, 21), *Филидоръ* (29, 33, 89, 139), *Эннэ* (37, 124, 197, 227, 231), *Жилле* (41, 75, 103, 202), *Даньеръ* (42, 119), *Одэ* (50), *Эннери* (61), *Бретэль* (62, 199), *Огюстъ* (65), *Трэншенъ* (84), *Галлеръ* (103, 407), *Н. П. Румянцовъ* (106), *Гуттенъ* (111), *Седэнъ* (124), *Моіо* (129), *Казеттъ* (152), *Ле-Паонъ* (155), *Пухельбергъ* (163), *Гуэль* (192), *Клериссо* (209), *Гиберъ* (236), *Биронъ* (237), *Шёнбергъ* (268, 315), *Лебренъ* (309), *Булье*

Все это, отъ начала до конца, приправлено самою низкою лестью и изрѣдка тупыми, чисто нѣмецкими остротами. Отчетъ, помѣченный 1-мъ января 1781 г., начинается такъ:

«Государыня. Не надо, чтобы греческій годъ начался безъ принесенія мною къ стопамъ моей августѣйшей и безсмертной Монархини дани признательности съ пожеланіями моими и выраженіемъ глубочайшаго, я могъ бы прибавить нѣжнѣйшаго уваженія, и со всѣми тѣми эпитетами, которые удобно во всѣхъ возможныхъ значеніяхъ присоединить къ этому слову; ибо боги принимаютъ всѣ подобныя приношенія, и всякое истинное благоговѣніе заключаетъ въ себѣ сосредоточенный огонь и нѣжность. Если найдется, не говорю въ имперіи Вашего Императорскаго Величества, но въ цѣломъ мірѣ кто-нибудь, возымѣвшій претензію превзойти меня въ привязанности къ нашей Императрицѣ, пусть онъ покажется, и я выскажу ему, что онъ солгалъ, а что всего хуже, докажу ему это, будь онъ даже изъ Риги или Нарвы. Короче, пусть мнѣ не горячатъ голову, потому что сердце достаточно горячо.

«Надо теперь отдать отчетъ Вашему Величеству въ томъ, какъ я прожилъ послѣдніе шесть мѣсяцевъ истекшаго года. По полученіи той императорской грамоты, которая начата была въ Псковѣ, продолжалась въ Полоцкѣ и окончена была въ Могилевѣ, и которую я не иначе могу назвать, какъ прелестной, небесной и незабвенной [1]), я, конечно, исполнился слишкомъ большой гордости, блаженства и тщеславія. Милосердый Богъ не хочетъ, чтобы дѣти его плавали въ благополучіи. Среди вседневныхъ поученій, которыми Его небесная

(353). *Ларошъ* (XLIV, 235). Не ручаемся, конечно, за полноту нашего списка. Дѣло въ томъ, что онъ сдѣланъ по «докладамъ» Гримма, которые далеко не всѣ изданы; въ письмахъ Екатерины встрѣчается еще нѣсколько именъ, что и даетъ право заключать, что каждый докладъ сопровождался подобной просьбой.

[1]) Эта фраза въ текстѣ на нѣмецкомъ языкѣ: die ich nicht anders als prächtig, göttlih und unvergesslich nennen kann.

благость заботливо приправляетъ жизнь мою, я обременилъ свою августѣйшую и sississime благодѣтельницу множествомъ посланій, докладовъ и другихъ пустяковъ. Не видя отвѣта на свои пошлости, я сначала жилъ всѣмъ запасомъ философіи, который имѣлъ въ своей сумкѣ. Я сказалъ себѣ: послѣ урожайнаго года наступаетъ голодный годъ—это очень просто; надо переносить это съ покорностію и мужествомъ, пока императорскому провидѣнію угодно будетъ оживить тебя благодѣтельнымъ взглядомъ; оно хорошо знаетъ, что можетъ располагать по волѣ своей жизнью и смертью своего многострадальнаго. Я былъ тогда далекъ отъ мысли, что Императрица почти каждый день занимается тѣмъ, что пишетъ ко мнѣ страничку или двѣ, и что ея благотворительность изготовляетъ мнѣ новую незабвенную грамоту, безсмертное произведеніе, обнимающее болѣе чѣмъ шесть недѣль, и которое одинъ изъ курьеровъ долженъ былъ привезти мнѣ. Не будучи въ состояніи ни предвидѣть, ни предположить такую невѣроятную вещь, я все жилъ своимъ запасомъ философіи, который отъ одного почтоваго дня до другого замѣтно истощался. Когда я остался не при чемъ, я сказалъ себѣ: ты, бѣдный цвѣточекъ, долженъ теперь увянуть, потому что твоя небесная Садовница тебя забыла [1]). Ко мнѣ привязалась лихорадка, я слегъ и надѣялся окончить свое поприще, благословляя ее. Мой старый гуверперъ Тиръ [2]) чуть не доконалъ меня. Онъ предсталъ предо мною неожиданно. Я тогда еще недостаточно поправился, чтобы кого-нибудь принимать, и люди мои отослали его, не предупредивъ меня. Когда я узналъ это, я велѣлъ бѣжать за нимъ, вернуть его. Имя его меня оживило. Я сказалъ себѣ: вотъ роса небесная, сошедшая освѣтить увядающій

[1]) Опять нѣмецкая вставка: du, armes Blümlein, musst nun verwelken, denn deine himmliche Gärtnerin hat deiner vergessen.

[2]) Георгій Тиръ, Thier, подполковникъ, состоявшій при коллегіи иностранныхъ дѣлъ для курьерскихъ посылокъ. Такъ XXXIII, 549; иначе XXIII 728: «пріѣзжій изъ Франціи педагогъ»; еще иначе XLIV, 869: «pedagogue». «Гувернеръ»—нѣмецкая острота Гримма.

*

цвѣтокъ; рука Императрицы съ нимъ. Ничуть не бывало: мой гувернеръ пріѣхалъ изъ Штутгарта и Монбельяра, куда графъ Панинъ послалъ его по особому порученію, и съ нимъ не было ни небесной росы, ни императорской руки. Тогда я опять склонилъ голову и сказалъ себѣ: ну, теперь ты долженъ увянуть. Но та, которой благодѣтельный геній поддерживаетъ и пробуждаетъ жизнь величайшаго изъ существующихъ государствъ, сказала тогда: ну, нѣтъ, ты не увянешь. И ея небесный и императорскій ангелъ по имени Принчипати [1]), потому что ангелъ значитъ вѣстникъ, вошелъ ко мнѣ, и при видѣ грамоты непомѣрной толщины я былъ возвращенъ къ жизни. Всего менѣе удивительно то, что садовникъ Троншенъ приписывалъ себѣ это чудо, сдѣлавъ мнѣ внезапно, ночью, кровопусканіе изъ ноги, хотя онъ величайшій противникъ кровопусканій, какого я когда-либо зналъ. Я не хотѣлъ его вывести изъ этого пріятнаго заблужденія, ни сообщить ему, что еслибъ вѣстникъ Принчипати не появился предо мною на другой день и не оживилъ меня, показавъ моему слабѣющему взору буквы августѣйшаго письма, предъ которымъ я простираюсь двадцать разъ въ день, чудо садовника Троншена никакъ не достигло бы своей цѣли...

«Ваше Величество, не въ укоръ будь сказано, привели мою кровь въ такое воспаленное состояніе, что я не знаю, какъ съ нею справиться. Вотъ что̀ значитъ побывать вблизи императорскаго треножника: пламя переходитъ на васъ, и если вы сотканы изъ ткани не довольно плотной, чтобы быть несгораемымъ, вы и ткань ваша сгорите во мгновеніе ока. Я въ этомъ положеніи, Государыня, и хорошо, если бы я милостью Божіею загорѣлся и сгорѣлъ отъ лучей славы, сіяющихъ вокругъ августѣйшаго и священнаго чела моей Мо-

---

[1]) Тоже нѣмецкая острота: ангелъ, дѣйствительно, значитъ вѣстникъ, и первый ликъ третьяго чина ангеловъ называется по-итальянски *Principati*, т.-е. il primo ordine della terza gerarchia; у насъ *Господства*.

нархини, тогда смерть моя была бы слишкомъ славною» [1]), и т. д.

И такъ десятки страницъ, вѣрнѣе, весь текстъ, за исключеніемъ строкъ, посвященныхъ фактическому отчету. Конечно, скучно читать подобную галиматью и ее никоимъ образомъ нельзя объяснять какими-то особенностями XVIII вѣка, будто бы не знавшаго границъ въ своихъ любезностяхъ — ничего подобнаго не встрѣчается въ изданной нынѣ перепискѣ всѣхъ выдающихся дѣятелей прошлаго вѣка. Гримма нельзя даже назвать виртуозомъ лести; его лесть груба, тяжела и всегда одна и та же, по шаблону: какъ только курьеръ привезетъ письмо Екатерины, Гриммъ тотчасъ лобызаетъ «священныя буквы августѣйшей грамоты»; Екатерина постоянно или «Греческая Императрица», или «Минерва Гиперборейская», ея посланія постоянно и всегда «божественны» [2]). Его остроуміе въ лести не шло дальше пошлаго желанія быть погребеннымъ рядомъ съ собачками императрицы [3]). «Культъ Екатерины» заставляетъ Гримма даже богохульствовать, но съ чисто нѣмецкою тупостью. Такъ, выпрашивая у Екатерины камей, изображающій ея профиль, Гриммъ пишетъ: «Это профиль одной изъ великолѣпнѣйшихъ головокъ, какія удалось всемогущему Токарю выпустить изъ своей мастерской, съ тѣхъ поръ какъ Онъ занимается выдѣлкой головъ вкривь и вкось. Оттого увѣряютъ, скажу мимоходомъ, что когда Онъ увидѣлъ свое произведеніе, Онъ тотчасъ принялъ важный видъ бургомистра дармштадтскаго, щелкнулъ по своей табакеркѣ изъ вареной кожи, взялъ щепотку табаку съ самодовольной и самоувѣренной миной, и сказалъ, покашливая: да, да, изъ этой головки выйдутъ чудесныя дѣла въ продолженіе восемнадцатаго столѣтія по Рождествѣ Христовѣ» [4]). Въ

---

[1]) Сборникъ, XXXIII, 89—93. Мы привели переводъ русскаго историческаго общества, исправивъ только наиболѣе грубыя ошибки.

[2]) Ibid. 19, 43, 46, 59, 99, 108, 109, 112, 120. 128, 138, 141, 150, 152, 181, 194, 221, 230, 244, 249 sqq.

[3]) Ibid., 184, 243, 247 sqq. [4]) Ibid., 161.

своихъ недостаткахъ Гриммъ такъ обвиняетъ Господа Бога: «Великій Токарь, занятый созданіемъ, которое онъ предполагалъ на 1729 годъ въ Штетинѣ, былъ, въ теченіе десяти лѣтъ, предшествовавшихъ этому чудесному году, очень скупъ на всѣ хорошія приправы, чтобы ихъ соединить и вложить въ эту единственную форму, и когда онъ замѣтилъ, что успѣхъ превзошелъ его ожиданія, то въ первомъ движеніи радости необдуманно разбилъ свою форму, такъ что съ тѣхъ поръ онъ ничего не создалъ годнаго, и вотъ истинный и немногимъ извѣстный ключъ къ пониманію того, почему такіе долгіе годы неурожая предшествовали и послѣдовали за великимъ штетинскимъ чудомъ» [1]). Подобная лесть возмущала Екатерину: «Я получила книгу «Catharina in ihrer Thaten». Послушайте, непозволительно же такъ безцеремонно хвалить людей, не прослывъ отъявленнымъ льстецомъ, да оно такъ и есть. Если вѣрить вамъ, я стала, на старости лѣтъ, образцомъ государей! О, Боже мой, Боже мой, какой дурной образецъ, если вѣрить всему дурному, что̀ говорили и говорятъ еще про меня. И къ чему эта литанія похвалъ, на что̀ она? Это длинно, это скучно,—и баста».

Лесть свидѣтельствуетъ о зломъ сердцѣ, тупость—о тяжеломъ умѣ. Остроты Гримма крайне тупы: онъ желалъ бы «прибавить еще одну пуговку къ сюртучку своего безсмертія»; при видѣ князя Орлова, онъ готовъ «плакать какъ теленокъ»; почтовые чиновники перлюструютъ письма Екатерины II, «не потерявъ ни одной затяжки изъ своей трубки табаку»; ему нужна «нѣмецкая флегматичность, чтобы мысли Екатерины не сбросили его съ ногъ всѣми четырьмя копытами вверхъ» [2]), и т. п. Эти вымученныя остроты, непремѣнно

---

[1]) Рожденіемъ принцессы Софіи цербстской, т.-е. Екатерины II. Сборникъ, XXXIII, 366. Тѣмъ же характеромъ отличается пародія на 40-й псаломъ (132), насмѣшка надъ Евангеліемъ (165), надъ словами Христа (175), надъ изреченіемъ: «сердце царево въ руцѣ Божіей» (190) и т. п.

[2]) Ibid., 55, 56, 67, 71, 149, 181, 207.

на льстивой подкладкѣ, нимало не содѣйствуютъ живости изложенія.

Фактическая, дѣловая сторона переписки Гримма, его счеты [1]) очень важны и поучительны. Не всѣ еще счеты изданы, но по «Вѣдомости о деньгахъ, переводимыхъ къ статскому совѣтнику барону Гримму», хранящейся въ Придворномъ Архивѣ, оказывается, что въ теченіе 32 лѣтъ, съ 1765 по 1797 г., Гримму было переслано менѣе 500.000 р. [2]), т.-е., среднимъ числомъ, менѣе 15.000 руб. въ годъ расходовалось на заказы и покупки, исполнявшіяся за границею чрезъ посредство Гримма. Пятнадцать тысячъ въ годъ—сумма болѣе чѣмъ скромная, и всѣ толки о «расточительности» Екатерины въ этомъ отношеніи должны быть признаны вполнѣ неосновательными. Конечно, Гриммъ, съ своей точки зрѣнія, былъ правъ, когда писалъ: «Я довольно дорого стòю императрицѣ съ тѣхъ поръ, какъ по своему званію многострадальнаго расточаю ея деньги направо и налѣво» [3])—для Гримма, выросшаго въ бѣдности, если не въ нуждѣ, ежегодный расходъ въ 15.000 рублей естественно казался чрезмѣрнымъ. Между тѣмъ, довѣрять Гримму, когда онъ «радуется», получивъ отъ Екатерины категорическое увѣдомленіе, что она «ничего болѣе покупать не будетъ», тоже нельзя: Гриммъ только и жилъ этими покупками—не будетъ заказовъ, не нуженъ будетъ и комиссіонеръ. «У меня совѣсть не спокойна, когда я думаю обо всѣхъ деньгахъ, которыя я извлекъ изъ императорской шкатулки», пишетъ Гриммъ въ февралѣ 1781 года; а чрезъ полгода, въ августѣ: «Во мнѣ нуждаются для громадныхъ запасовъ, необходимыхъ прихотливости, и

[1]) Сборникъ, XXXIII, 74, 188, 312, 414, 420.

[2]) Всего, по вѣдомости, Гримму было переслано: 306.441 р., 253.279 ливровъ (82.850 р.) и 200.000 голландскихъ гульденовъ (108.000 р.), что̀ составитъ приблизительно 477.290 рублей. Въ эту сумму входятъ 44.000 жалованья Гримму, за 22 года, по 2.000 р. въ годъ, и 11.160 р. платы за «Correspondance Littéraire», за 31 годъ, по 360 р. въ годъ. Сборникъ, XXIII, 705.

[3]) Ibid., 115.

вотъ что̀ чудесно избавляетъ меня отъ погибели. И потому моя молитва содержитъ только одинъ стихъ: чтобы Господь сохранилъ прихотливые вкусы Своей помазанницы и избавилъ бы отъ кладезя забвенія многострадальнаго комиссіонера» [1]).

Пользуясь тѣмъ, что не вся еще переписка Гримма съ Екатереной II обнародована, мы могли бы оставить безъ разрѣшенія вопросъ о безкорыстіи Гримма, какъ коммиссіонера, поставщика и маклера [2]). Но намъ кажется, что и напечатаннаго матеріала вполнѣ достаточно, чтобы отвѣчать на вопросъ утвердительно. Гриммъ могъ быть обманываемъ, но самъ онъ не обманывалъ Екатерину; по крайней мѣрѣ, нѣтъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было хотя бы заподозрить его маклерскую честность. Устроивъ покупку кабинета Цукмантеля за 30.000 ливровъ, Гриммъ пишетъ: «Люди, которымъ я довѣряю, убѣждаютъ меня, что этотъ кабинетъ уступленъ за безцѣнокъ, и что императрица никогда еще ничего не пріобрѣтала такъ дешево». По поводу покупки картинъ въ Римѣ, Гриммъ писалъ «завѣдомую ложь» римскому корреспонденту: «Недавно, въ одномъ обществѣ, гдѣ не подозрѣвали, что это дѣло меня интересуетъ, одинъ путешественникъ много распространялся насчетъ огромныхъ покупокъ императрицы россійской въ Римѣ, прибавляя къ этому, что императрица покупаетъ все очень дорого и что сами римляне дивятся, какія цѣны она платитъ». Отправляя въ Петербургъ два брильянта своей возлюбленной г-жи Эпинэ, купленные Екатериной, Гриммъ прибавлялъ: «Увидя эти брильянты, мой укладчикъ очень утѣшилъ меня, самъ того не подозрѣвая, восклицаніемъ: Ахъ, какъ они превосходны! Я спросилъ его, во сколько онъ цѣнитъ ихъ на первый взглядъ.

[1]) Сборникъ, XXIII, 105, 116, 164, 184, 217.

[2]) Это безкорыстіе заподозрѣвается даже Я. Гротомъ: «Для Гримма лично всякая война Россіи была невыгодна: императрица прекращала по этому поводу всѣ заказы и траты за границей» (стр. 479).

Онъ отвѣчалъ мнѣ, что они могли бы стоить отъ 25 до 30 тысячъ ливровъ. Очень жаль, что укладчикъ не золотыхъ дѣлъ мастеръ. Еслибъ его авторитетъ имѣлъ какой-нибудь вѣсъ, я вспрыгнулъ бы какъ козленокъ отъ радости, что доставилъ Вашему Величеству дешевую покупку» [1]). Конечно, очень несимпатична продажа брильянтовъ «подруги сердца», весьма наивна оцѣнка ихъ укладчикомъ, чѣмъ-то ребяческимъ отзывается «завѣдомая ложь» о римскихъ картинахъ, но едва ли, однако, подобныя заявленія могутъ оправдать нападки на Гримма въ этомъ отношеніи.

Быть можетъ, не изданныя еще письма Гримма къ Екатеринѣ II представляютъ наибольшій интересъ? Такъ, по крайней мѣрѣ, должно бы заключить изъ признаній самого же Гримма: «Хоть и рѣдко, тѣмъ не менѣе случалось, что императрица, считая неудобнымъ обыкновенный министерскій порядокъ сношеній, поручала мнѣ дать уразумѣть что-либо французскому министерству, но въ этихъ случаяхъ имя императрицы оставалось въ сторонѣ, и я возвѣщалъ лишь плодъ личныхъ моихъ разсужденій, основанныхъ на познаніи коренныхъ убѣжденій государыни. Министры Людовика XVI равнымъ образомъ заставляли меня довольно часто принимать порученія по такимъ дѣламъ, которыя они хотѣли изъять изъ общаго теченія. Я замѣтилъ имъ, что я прежде всего русскій, что ежели они намѣрены были говорить неправду, или дѣйствовать противно словамъ своимъ, то напрасно обращались ко мнѣ, потому что, если бы имъ и удалось внушить мнѣ ложное довѣріе, то и въ такомъ случаѣ имъ не удастся ни минуты обмануть императрицу относительно настоящихъ ихъ намѣреній. Отдавая Ея Величеству отчетъ объ этихъ переговорахъ, я въ точности излагалъ порядокъ, въ которомъ все происходило, содержаніе вопросовъ и отвѣтовъ, присовокупляя и личное мое мнѣніе; сообщая мнѣ свой взглядъ,

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 37, 115, 165.

императрица постоянно одобряла мое поведеніе. Я долженъ отдать ту справедливость французскому министерству, что оно никогда меня не обманывало; я помню, что именно въ негоціаціяхъ съ Портою объ уступкѣ Тавриды, министерство въ точности исполнило все, что̀ было мнѣ объявлено и что̀ казалось не совсѣмъ правдоподобнымъ въ то время» [1]). Это весьма важное показаніе Гримма едва ли заслуживаетъ полнаго довѣрія. Неизданныхъ писемъ Гримма мы не читали: письма же Екатерины изданы, и въ нихъ нѣтъ указаній на подобныя порученія Гримму вести какіе-либо переговоры съ французскимъ министерствомъ. Не въ характерѣ Екатерины дѣйствовать помимо «обыкновеннаго министерскаго порядка сношеній» и даже прямое указаніе Гримма на вопросъ о присоединеніи Крыма не оправдывается письмами Екатерины, какъ, равнымъ образомъ, Екатерина никогда не выражала «одобренія его поведенію». Только лишь по выѣздѣ Гримма изъ Парижа, когда уже были прекращены всякія сношенія съ французскимъ министерствомъ, Гриммъ исполнялъ иногда дипломатическія порученія [2]), касавшіяся французскихъ принцовъ, покинувшихъ Францію.

Читать въ настоящее время доклады, отчеты, письма Гримма, какъ бы они ни назывались, чрезвычайно тяжело. Слова нѣтъ, обнародованіе частной переписки есть во всякомъ случаѣ большое испытаніе; для Гримма же изданіе его писемъ къ Екатеринѣ является вполнѣ заслуженною карою. Онъ самъ рисуетъ себя въ нихъ въ крайне несимпатичномъ свѣтѣ. Не то съ письмами Екатерины къ Гримму. Насколько его письма скучны, плоски, ничтожны, настолько ея живы, искренни, значительны. Эти «наброски», пересылавшіеся Гримму, заключаютъ мысли, думы Екатерины, ея намѣренія, ея мечтанія. Въ нихъ вся Екатерина, все ея внутреннее существо. Величіе Екатерины, даже ея слава не были бы по-

[1]) Сборникъ, II, 340. [2]) «Русская Старина», LXXVI, 15.

нятны безъ этихъ комментаріевъ, ею самою начертанныхъ во всѣ минуты жизни, тяжелыя и свѣтлыя.

Не политическія стремленія Екатерины, а ея личныя свойства ярко выступаютъ наружу въ этихъ письмахъ къ Гримму; она является въ нихъ не политикомъ, а человѣкомъ. Конечно, говоря о коронованныхъ особахъ такого пошиба, какъ Екатерина II, трудно отдѣлить политика отъ человѣка, трудно до невозможности. Подобно Петру I, Екатерина II, своими учрежденіями и побѣдами, своими дѣлами и словами, представляется настолько интересною личностью, что является потребность узнать эту личность вполнѣ, со всѣхъ сторонъ; но узнать ее вполнѣ нельзя, не изучивъ, какую роль въ ея жизни играла политика, такъ какъ именно Екатерина ставила выше всего интересы государственные и приносила имъ въ жертву всѣ другія соображенія и чувствованія.

Не беремся за невозможное и, прежде всего, опредѣлимъ точку зрѣнія, согласную съ условіями и взглядами прошлаго вѣка: Екатерину нельзя узнать ни какъ человѣка, ни какъ политическаго дѣятеля, если примѣнять къ ней мѣрку нашего времени.

Великіе люди всегда честолюбивы; Екатерина была къ тому же и тщеславна. Она съ удовольствіемъ слушала, что ея профиль—тотъ же профиль Александра Македонскаго [1]); она приходила въ восторгъ, когда представители общественнаго мнѣнія въ Европѣ величали ее повелительницей Востока, насадительницей цивилизаціи, Семирамидой Сѣвера. Всѣ современники, близко знавшіе Екатерину и писавшіе о ней—Сегюръ и Де-Линь, Дашкова и Грибовскій—говорили, что она стремилась къ славѣ, что честолюбіе и славолюбіе были главнымъ зачаткомъ ея дѣятельности [2]). Но какой же славы?

---

[1]) Сборникъ, XXXIII, 70, 106.

[2]) Іосифъ II пишетъ Кауницу: Il faut savoir qu'on a à faire avec une femme qui ne se soucie que d'elle et pas plus de la Russie que moi; ainsi il faut la chatouiller. Sa vanité est son idole. *Arneth*, 35.

Когда Гриммъ прислалъ Екатеринѣ хвалебное посланіе по случаю тешенскаго мира, она отвѣчала ему: «Хотите, я скажу вамъ, что я думаю объ этомъ тешенскомъ мирѣ, который вы такъ восхваляете, и о славѣ, которою, по вашимъ словамъ, покрыли себя умиротворители? Въ жизнь свою я не полагала славы въ дѣйствіяхъ наиболѣе превозносимыхъ; всякій превозноситъ или не превозноситъ, смотря по личному усмотрѣнію. Но, по мнѣ, слава не въ этомъ: слава, которая мнѣ нравится, есть та слава, которая менѣе всего превозносится; это та слава, которая не только производитъ благо въ настоящее время, но и создаетъ въ будущемъ безчисленныя поколѣнія добрыхъ. Эта слава посѣвается иногда однимъ словомъ или одной строчкой, прибавленной или убавленной. Это та слава, которой самые ученые мужи ищутъ иногда съ фонаремъ въ рукѣ и, наткнувшись на нее носомъ, ничего не поймутъ въ ней, если у нихъ недостаетъ генія, способнаго къ развитію. Ахъ, государь мой, одна капля такой славы затмеваетъ въ моихъ глазахъ всѣ мелкія славы, о которыхъ говорятъ мнѣ» [1]). Вотъ въ чемъ единственно состоялъ весь идеализмъ этой великой реалистки. Она часто насмѣхалась надъ идеалистами, особенно надъ Дидро. «Въ своихъ преобразовательныхъ планахъ —сказала Екатерина Дидро—вы упускаете изъ виду разницу нашего положенія: вы работаете на бумагѣ, которая все терпитъ; ваша фантазія и ваше перо не встрѣчаетъ препятствій; но бѣдная императрица въ родѣ меня трудится надъ человѣческой шкурой, которая весьма чувствительна и щекотлива» [2]).

Екатерина вѣрила, конечно, въ прогрессъ; но, какъ и всѣ лучшіе люди въ XVIII вѣкѣ, она была убѣждена, что прогрессъ зависитъ вполнѣ и единственно отъ законодательныхъ мѣръ. Въ чемъ бы ни заключался государственный идеалъ Екатерины, надежнѣйшія средства къ его достиженію она видѣла въ законахъ, указахъ, регулятивахъ всякаго рода. Полушутя-полусерьезно, она часто извѣщаетъ Гримма, что стра-

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 165. [2]) Записки гр. Сегюра, 143.

даетъ «законодательною маніею», législomanie, какъ она называла свою болѣзнь. При самомъ началѣ переписки съ Гриммомъ, въ 1775 г., она пишетъ ему: «Вотъ вамъ новость: появилась новая болѣзнь, называемая маніей законодательства, и говорятъ, будто русская императрица одержима ею во второй уже разъ: въ первый разъ императрица только установила принципы; теперь же началось самое дѣло» [1]). Постоянно извѣщая Гримма о всѣхъ своихъ законодательныхъ работахъ, посылая ему даже переводы нѣкоторыхъ указовъ [2]) и манифестовъ, Екатерина оставила намъ собственноручное свидѣтельство, что манія законодательства не покидала ее во всю жизнь. Въ 1788 г. она сообщаетъ Гримму: «Я работаю, какъ лошадь, и мои секретари, числомъ четыре, не успѣваютъ уже; нужно увеличить число секретарей. Я поглощена писаніемъ и то и дѣло выражаю мои мысли чернилами. Въ жизнь мою я столько не писала». Ни болѣзнь, ни война, ничто не излѣчивало Екатерину отъ этой маніи. «Несмотря на болѣзнь, я изготовила въ этомъ мѣсяцѣ три указа, изъ которыхъ одинъ уже подписанъ, второй переписывается, а третій находится еще въ чистилищѣ моихъ секретарей». Къ началу второй турецкой войны относится слѣдующее извѣстіе: «Въ началѣ войны я ни о чемъ болѣе не думала, какъ только о войнѣ, и теперь надо наверстать потерянное для законодательныхъ работъ время; это не такъ-то легко». На предложеніе Гримма праздновать 20-ти-лѣтіе царствованія, Екатерина отвѣчала: «Я не люблю праздниковъ въ мою честь. Когда я издамъ какой-нибудь добрый законъ, вотъ это мой праздникъ, и я веселюсь» [3]). Эта страсть законодательствовать вызы-

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 13.

[2]) Изъ письма отъ 12-го апрѣля 1775 г.: «Въ жизнь свою я столько не царапала, какъ теперь. Я царапаю краснорѣчивые манифесты, которые будутъ дурно переведены: въ манифестахъ болѣе мыслей, чѣмъ словъ, а у переводчиковъ обыкновенно болѣе словъ, чѣмъ мыслей. Если вы встрѣтите такой переводъ, то плюньте и не читайте его». Сборникъ, XXIII, 21.

[3]) Ibid., 20, 22, 39, 46, 205, 206, 440.

ваетъ въ насъ только улыбку; но и сама, вѣдь, Екатерина подтрунивала надъ своей «легисломаніей»; къ тому же должно помнить, что въ основѣ этой страсти лежали самыя благія намѣренія. Она не останавливалась на мелочахъ, не страдала бюрократизмомъ, а имѣла въ виду общія начала, заимствованныя ею у Монтескье и Блэкстона, и стремилась ко благу народа. Это лучше всего видно изъ слѣдующей ея жалобы: «Законодательство идетъ кое-какъ, ни шатко, ни валко. Я нахожу то тамъ, то сямъ отдѣльные взгляды, но нѣтъ ничего цѣлаго, общаго. Эта цѣльность, гдѣ все устанавливалось само собою, одно такъ, другое иначе, въ извѣстной рамкѣ, никогда не выступая изъ предѣловъ, теперь окончательно потеряна и давно уже ея нѣтъ и слѣдовъ» [1]).

Съ этой стороны, Екатерина, руководствующаяся такими учителями, какъ Монтескье и Блэкстонъ, являлась для философовъ съ самой симпатичной стороны и естественно возбуждала въ нихъ удивленіе Ея всегдашняя любезность къ «принцамъ мысли», ея щедрая готовность явиться къ нимъ на помощь, ея свободомысліе и терпимость покорили сердца всѣхъ философовъ. Но ея внѣшняя политика относительно Польши, и Турціи? Какъ относились философы къ раздѣлу Польши, къ присоединенію Крыма?

Мы теперь такъ уже привыкли слышать о «преступности» уничтоженія Польши и о завоевательныхъ стремленіяхъ Россіи относительно Турціи, что совершенно упускаемъ изъ виду взгляды современниковъ Екатерины на поляковъ и турокъ. А эти взгляды очень любопытны. Не только Вольтеръ, Дидро, Д'Аламберъ, даже польскій король Станиславъ-Августъ, по его письмамъ къ г-жѣ Жоффренъ, видѣли въ Польшѣ и въ Турціи лишь два очага религіознаго фанатизма и политическаго произвола. Въ глазахъ философовъ, Екатерина, въ ея польскихъ и оттоманскихъ дѣлахъ, являлась поборницей терпимости, просвѣщенія, справедливости и порядка. Поляки пред-

[1]) Сборникъ, XXIII, 61.

ставлялись въ то время такими же отъявленными варварами, какъ и турки. Чувство націонализма не было извѣстно прошлому вѣку, и католицизмъ не пользовался тогда тѣмъ вліяніемъ, которое позже, въ XIX вѣкѣ, такъ помогло полякамъ въ дѣлѣ возбужденія симпатій къ ихъ родинѣ. Паденіе Польши разсматривалось современниками Екатерины, какъ неизбѣжное явленіе, подготовленное самими поляками. Въ 1780 г., слѣдовательно уже послѣ перваго раздѣла Польши, въ Парижѣ жила молодая полька Годская, бывшая замужемъ за княземъ Сангушко; Гриммъ пишетъ о ней: «Пріятно слышать, какъ она говоритъ о русской императрицѣ и заставляетъ молчать людей, позволяющихъ себѣ толковать о дѣлахъ Польши, не имѣя о нихъ даже первоначальныхъ понятій. Надо видѣть, съ какою легкостью она разгоняетъ, смущаетъ и уничтожаетъ подобныхъ вралей. По поводу важныхъ обстоятельствъ, касающихся событій въ Польшѣ, она исправляла свѣдѣнія лицъ, которыя по своему положенію должны бы лучше знать дѣло. На дняхъ, въ довольно многочисленномъ кружкѣ, она такъ охарактеризовала духъ правительства въ трехъ участкахъ Польши: замѣтивъ, что почва Бѣлоруссіи худшая изъ всѣхъ трехъ, «еслибъ у меня была земля въ прусскомъ участкѣ— сказала она—я сочла бы за счастье потерять половину для того, чтобъ перенести другую въ Бѣлоруссію, а если бы мои земли были въ австрійскомъ участкѣ, я охотно уступила бы три четверти за одну четверть въ Бѣлоруссіи». При этомъ она подробно развила причину подобнаго желанія и его степеней» [1]). Въ 1790 году, Гриммъ пишетъ Екатеринѣ: «Когда, зимою, передъ открытіемъ Народнаго Собранія, я подмѣтилъ среди возбужденія умовъ первые зародыши общественнаго безумія, я иногда осмѣливался говорить имъ, шутя: «Вижу, что вы хотите выдумать свободу и превзойти своимъ геніемъ англичанъ и американцевъ; но постарайтесь не отстать отъ поляковъ». Я тогда думалъ, что произношу злую шутку; те-

¹) Сборникъ, XXXIII, 150.

перь я не нанесу какому-нибудь польскому сейму такого оскорбленія, чтобы приравнять его къ Національному Собранію» [1]). Вольтеръ восхваляетъ Екатерину, какъ «умиротворительницу» Польши, благодаритъ ее за данные полякамъ законы и за водвореніе порядка въ странѣ [2]).

Также точно одобряло общественное мнѣніе прошлаго вѣка и турецкую политику Екатерины. Въ то время была еще жива память о страшномъ вторженіи османовъ въ Европу, тогда говорили еще съ удивленіемъ о подвигахъ Собѣсскаго и принца Евгенія; тогда не былъ еще изобрѣтенъ «общеевропейскій интересъ», требующій, чтобъ лучшія земли міра страдали подъ турецкимъ игомъ! Въ прошломъ вѣкѣ, Вольтеръ громко проповѣдывалъ изгнаніе турокъ изъ Европы и громилъ поляковъ и турокъ, какъ враговъ цивилизаціи. «Будьте увѣрены—писалъ онъ Екатеринѣ—что вамъ принадлежитъ въ исторіи наиболѣе великое имя, но, ради Бога, побейте турокъ, побейте ихъ вопреки папскому нунцію въ Польшѣ, который такъ дружитъ съ турками.

De tous les préjugés, destructrice brillante,
Qui du vrai, dans tout genre, embrassez le parti,
Soyez à la fois triomphante
Et du Saint-Père et du Mufti".

Вольтеръ не понималъ, какъ можно терпѣть въ Европѣ людей, которые «не любятъ стиховъ, не посѣщаютъ театровъ и не понимаютъ французскаго языка»; онъ «серьезно убѣжденъ, что турки будутъ изгнаны изъ Европы русскими», и неустанно проситъ Екатерину ополчиться на турокъ. «Скоро уже четыре года—пишетъ Вольтеръ въ 1772 году—какъ я проповѣдую крестовый походъ противъ турокъ. Я убѣжденъ, что св. Марія Терезія, въ согласіи съ св. Екатериной, такъ же легко овладѣютъ Босфоромъ, какъ онѣ овладѣли Польшей, освободятъ всѣхъ прелестницъ султанскаго сераля и водру-

---

[2]) Сборникъ, XXXIII, 296. [3]) *Voltaire*, LXXVIII, 141, 241, 251, 273 sqq.

зятъ крестъ на св. Софіи. Какое прелестное зрѣлище: двѣ императрицы, взявъ Мустафу за уши, уводятъ его въ Азію» [1]). Гриммъ не иначе называетъ Екатерину, какъ «греческой императрицей» [2]).

Эти два вопроса, польскій и турецкій, не только не умаляли обаянія Екатерины, но, согласно взглядамъ современниковъ, возвеличивали ее. Это необходимо помнить, если желательно вѣрно оцѣнить и понять переписку Екатерины съ Гриммомъ.

Екатерина не противодѣйствовала, даже не противорѣчила, а предугадывала и предупреждала передовыхъ людей своего времени, когда писала Гримму: «Не трудитесь уничтожать польскую націю—она сама роетъ себѣ могилу. Поляки уничтожили недавно Постоянный Совѣтъ, это единственное учрежденіе, наблюдавшее за исполненіемъ законовъ. Не безпокойтесь: ихъ безумное ничтожество поведетъ ихъ отъ одной крайности къ другой, и наступитъ время, когда они сознаютъ свою глупость и почувствуютъ раскаяніе» [3]). Именно въ польскомъ вопросѣ Екатерина головой выше всѣхъ «философовъ» и политическихъ дѣятелей, крайне невѣжественныхъ въ исторіи, особенно же въ исторіи Польши. Въ 1795 году, во время окончательнаго раздѣла Польши, «политическій противникъ» Екатерины, прусскій министръ Герцбергъ высказывалъ мнѣніе о принадлежности Западнаго края къ Польшѣ; Екатерина пишетъ по этому поводу Гримму: «Эта скотина Герцбергъ заслуживаетъ, чтобы его порядкомъ побили — у него столько же познаній въ исторіи, какъ у моего попугайчика. Онъ смѣетъ говорить, что Россія не могла доказать своихъ правъ, присоединяя Полоцкъ; онъ могъ бы сказать что Россія не придаетъ никакого значенія устарѣлымъ доказательствамъ, ибо Полоцкъ былъ отданъ Владиміромъ I старшему его сыну Изяславу, отъ котораго произошли князья Полоц-

[1]) *Voltaire*, LXXVIII, 29, 37, 251, 255, 273.

[2]) Сборникъ, XXXIII, 43, 46, 99, 112, 152 sqq [3]) Ibid., XXIII, 470.

кіе. Позже, великій князь литовскій отдалъ Литву своему сыну Святославу, не имѣвшему потомства. Пятый сынъ Ольгерда, Ягеллонъ, сталъ, въ 1386 г., королемъ Польши, принявъ латинство и женившись на Ядвигѣ, королевѣ польской. Онъ-то именно и присоединилъ Литву къ Польшѣ; но глупый, невѣжественный министръ ничего этого не знаетъ, при своемъ высокомѣріи онъ глупъ и грубъ, какъ померанскій быкъ. Онъ не знаетъ, что не только Полоцкъ, но и вся Литва до XVIII столѣтія производила во всѣхъ судахъ всѣ дѣла свои на русскомъ языкѣ, что всѣ акты литовскихъ архивовъ писаны русскимъ языкомъ и русскими буквами, что лѣтосчисленіе въ нихъ ведется по нашему церковному обычаю отъ сотворенія міра, при чемъ указаны и греческіе церковные индикты. Это доказываетъ, что до XVII вѣка не только въ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ греческое исповѣданіе было господствующимъ и что его исповѣдывали князья и великіе князья, что даже всѣ церкви, особливо же соборы, строились алтаремъ на востокъ, по обычаю восточной церкви. Если вамъ нужны еще доказательства, можете потребовать — правду доказать не трудно. Сверхъ того, Полоцкъ и Литва разъ двадцать переходили изъ рукъ въ руки, и ни одного договора не было заключено безъ того, чтобъ та или другая сторона не требовала части или цѣлаго, смотря по обстоятельствамъ. Глупый государственный министръ можетъ быть при случаѣ еще болѣе побитъ за свое незнаніе народовъ, приписываемыхъ имъ къ владѣніямъ своего глупаго государя. Оселъ!» [1]). Гриммъ сообщаетъ Екатеринѣ, что поляки болѣе всего сожалѣютъ о своемъ имени и что ей совѣтуютъ пособить ихъ горю, принявъ титулъ королевы польской; Екатерина отвѣчаетъ: «При раздѣлѣ я не получила ни одной пяди польской земли, я получила то, что сами поляки не переставали называть Червонной Русью—Кіевское воеводство, Подолію и Волынь; Литва

[1]) Сборникъ, XXIII, 620.

же никогда не была коренною частью Польши, равно какъ и Самогитія. Такимъ образомъ, не получивъ ни пяди польской земли, я не могу принять и титулъ королевы польской. Сверхъ того, если эта нація потеряла даже свое имя, то мнѣ кажется, что вполнѣ заслуженно: она уничтожила всѣ договоры, обезпечивавшіе ея существованіе, никогда не слушала никакихъ доводовъ и дошла до такого разъединенія, что два человѣка ни въ чемъ не соглашались. Продажные, испорченные, легкомысленные, болтливые, притѣснители и прожектеры, отдавшіе свои имѣнія въ управленіе жидамъ, которые высасывали кровь изъ народа, а имъ давали весьма мало—вотъ каковы поляки! Они даже не знаютъ, что я не владѣю ни пядью польской земли, и предлагаютъ мнѣ быть польской королевой! Передъ этимъ они просили у меня внука, у прусскаго короля сына, у вѣнскаго двора эрцгерцога, все за разъ; у курфирста саксонскаго просили они дочку, у испанскаго короля инфанта, у бурбонскаго дома принца, а сами у себя установляли законъ, чтобъ имѣть только Пяста. Все это какъ-то укладывается въ польской головѣ, хотя во всемъ этомъ нѣтъ здраваго смысла» [1]).

Въ турецкомъ вопросѣ не нужно даже ничего объяснять—всѣ передовые люди вѣка раздѣляютъ взглядъ Екатерины, желаютъ ей успѣха. Въ ея войнахъ съ Турціею, въ первой и во второй, участвуютъ воины всѣхъ націй; во второй больше, чѣмъ въ первой, но и въ первой были французы, австрійцы, нѣмцы, англичане, датчане. Екатерина открыто настаиваетъ на значеніи именъ, выбранныхъ ею для своихъ внуковъ — Александръ, просвѣтитель Азіи, и Константинъ основатель христіанскаго владычества въ Византіи. Вотъ какъ Екатерина извѣстила Гримма о рожденіи перваго внука: «Знаете вы господина Александра? Это вовсе не Александръ Великій, а Александръ очень маленькій, который родился

[1]) Сборникъ, XXIII, 647.

*

12-го декабря 1777 года въ девять и три четверти часа утра, и который въ честь св. Александра Невскаго получилъ торжественное имя Александра. Но, Богъ мой, что-то выйдетъ изъ мальчугана? Я утѣшаю себя Бэйлемъ и отцомъ Тристрама Шанди, которые того мнѣнія, что имя вліяетъ на лицо, а это имя знаменито; многіе великіе люди его носили, лишь бы негодяи не попали въ эту компанію» [1]). Два года спустя, по рожденіи второго внука: «Меня спрашивали, кто будетъ крестнымъ отцомъ; я отвѣчала: только мой лучшій другъ Абдулъ Гамидъ могъ бы имъ быть, но такъ какъ христіанинъ не можетъ быть крещенъ туркомъ, по крайней мѣрѣ окажемъ ему почетъ, назвавъ ребенка Константиномъ. Всѣ тотчасъ же воскликнули: Константинъ! И вотъ онъ сталъ Константиномъ, величиною съ добрый кулакъ, а у меня теперь Александръ справа и Константинъ слѣва. Но этотъ нѣжнѣе своего старшаго братца, и чуть пахнѣтъ на него свѣжій воздухъ, онъ ужъ прячетъ голову въ пеленки, онъ ищетъ тепла... да, да.. что мы знаемъ, то знаемъ про себя... но, ни слова болѣе. Да, вотъ ужъ именно: какъ снѣгъ на голову» [2]). Имя Константина возбудило толки; толки дошли до Екатерины, Екатерина пишетъ Гримму: «Ну, можно ли такъ злословить по поводу именъ, даваемыхъ при крещеніи? Только отъ бездѣлья можно къ этому придираться! Развѣ Александра и Константина слѣдовало назвать Никодимомъ или Ѳаддеемъ? Но, вѣдь, каждому изъ нихъ нужно же было дать имя. Ангелъ перваго—святой того города, въ которомъ онъ родился, а второй родился за нѣсколько дней до празднованія своего ангела. Случайно имена оказались звучныя, ну такъ что же? Это ужъ не моя вина. Я не отрицаю, что люблю звучныя имена; послѣднее изъ нихъ воспламенило фантазію риѳмоплетовъ, которые прожужжали мнѣ уши всякимъ вздоромъ, въ которомъ перебиралось и то, и се; я велѣла имъ сказать, чтобъ они убирались во-свояси,

[1]) Сборникъ, XXIII, 71. [2]) Ibid., 136.

не называли ни кумы, ни кумушки, и оставили меня въ покоѣ. Но вы не знаете худшаго: дѣло въ томъ, что, къ сожалѣнію, въ первые пять дней крестникъ моего кума имѣлъ кормилицу, прелестную, какъ Божій день, родомъ гречанку, именемъ Елена. И вотъ эта Елена, какъ и другія Елены, производила страшный шумъ. Къ счастію, Елена захворала, и Елену отослали, и шумъ, произведенный Еленою, затихъ, къ моему великому удовольствію, потому что я не хочу, чтобъ щебетали о вещахъ, въ которыхъ нѣтъ смысла» [1]).

При чтеніи всей переписки Екатерины съ Гриммомъ, невольно бросается въ глаза и поражаетъ одна характерная черта, рѣзко выдающаяся во всѣхъ письмахъ, запискахъ и набросках — здравый смыслъ, прямое сужденіе, прелестный реализмъ. Въ то именно время, когда, вмѣстѣ съ Руссо, началось уже господство фальшивой чувствительности и дѣланой риторики, Екатерина остается простою и положительною, смотритъ на вещи прямо, всегда старается «схватить быка за рога», иногда ошибается, но никогда не принимаетъ словъ за дѣло. Ея сужденіе всегда здраво, оцѣнка ясна, приговоръ рѣзокъ, нерѣдко суровъ, но всегда понятенъ. Она ненавидитъ фразу, пустую риторику. Трезвый, свѣтлый умъ ея не выноситъ масоновъ; она презираетъ шарлатановъ всякаго рода, никогда не жалуется на обстоятельства, не переноситъ съ больной головы на здоровую, никогда не обманываетъ себя, не обольщаетъ пустыми надеждами, всегда холодно, сухо разсчитываетъ, и расчетъ ея рѣдко ошибоченъ. Это тотъ реализмъ, который прежде всего прельщаетъ въ ея перепискѣ съ Гриммомъ.

Каково содержаніе, таковъ и слогъ. Очень оригинальный слогъ: нѣсколько небрежный, часто неправильный, но всегда ясный. Екатерина излагаетъ мысль очень кратко, но вполнѣ понятно; чаще опускаетъ слова, чѣмъ слѣдовало бы, и тѣмъ

[1]) Сборникъ, XXIII, 147.

придаетъ своему слогу извѣстную терпкость. Ея изложеніе легко, живо, естественно, всегда образно. По выразительности, слогъ Екатерины напоминаетъ изложеніе маркизы Севинье, но безъ ея тонкой обработки, безъ той живописи, къ которой Екатерина никогда не прибѣгала. При выраженіи гнѣва, неудовольствія, слогъ Екатерины болѣе сжатъ, рѣзокъ, чѣмъ при изложеніи удовольствія, одобренія: но ни въ какомъ случаѣ не встрѣчается многословія, тѣмъ болѣе излишняго. Даже общія обозрѣнія европейскихъ дѣлъ въ данную минуту выходятъ изъ-подъ пера Екатерины кратки и, во всякомъ случаѣ, не многословны. Особенно удаются ей портреты лицъ, гдѣ она одною, двумя чертами рисуетъ всего человѣка.

Всѣ письма Екатерины къ Гримму писаны на французскомъ языкѣ, причемъ тамъ и сямъ вставлены нѣмецкія фразы. Дословно переводить эти письма нельзя: при такомъ переводѣ теряется внутренній смыслъ и получается пустой наборъ словъ. Екатерина, къ тому же, очень любитъ иносказаніе, часто прибѣгаетъ къ сравненіямъ, нерѣдко говоритъ намеками [1]), такъ что въ этомъ отношеніи изданіе писемъ Гримма значительно облегчаетъ пониманіе писемъ Екатерины. Для примѣра и содержанія, и слога, переводимъ письмо ея отъ 9-го іюля 1781 года:

«Такъ какъ вы говорите мнѣ о шарлатанѣ Каліостро, дайте же и мнѣ поразсказать вамъ кое-что о немъ. Онъ прибылъ сюда, называя себя полковникомъ испанской службы, испанцемъ по происхожденію, и заявляя, что онъ колдунъ, изъ колдуновъ колдунъ, вызывающій духовъ и распоряжающійся ими. Услышавъ это, я сказала: напрасно онъ пріѣхалъ сюда; онъ не будетъ имѣть успѣха въ Россіи—здѣсь колдуновъ не сжигаютъ, и за двадцать лѣтъ моего царствованія было

[1]) Указавъ, что имя Александръ есть имя знаменитое, Екатерина продолжаетъ: «il y a eu des matadors qui le portaient, pourvu que les as ne soient pas passés à cette bande-là» (Сборникъ, 72). Здѣсь matador вмѣсто un homme considérable, и намекъ на игру *l'as qui court*, гдѣ тузъ—самая негодная карта.

только одно дѣло о колдунахъ, и тогда сенатъ пожелалъ ихъ видѣть, когда же ихъ привели, сенатъ объявилъ ихъ глупыми и вполнѣ невинными. Каліостро пріѣхалъ, однако, въ благопріятную для него минуту, въ ту минуту, когда многія масонскія ложи, напитанныя ученіемъ Сведенборга, во что бы ни стало желали видѣть духовъ. Они бросились къ Каліостро, который похвалялся, что обладаетъ всѣми тайнами доктора Фалька, задушевнаго друга герцога Ришельё, заставившаго его нѣкогда заколоть, среди Вѣны, въ жертву чернаго козленка. Къ несчастью, Каліостро не могъ удовлетворить любопытства тѣхъ, которые желаютъ все видѣть, все осязать тамъ, гдѣ нечего видѣть и нечего осязать. Тогда Каліостро выпустилъ свои дивныя цѣлебныя тайны: онъ хвалился, что можетъ извлекать ртуть изъ ноги подагрика, и былъ пойманъ на томъ, что вливалъ ложку ртути въ воду, въ которую велѣлъ посадить подагрика. Потомъ онъ произвелъ краски, которыя ничего не окрашивали, и химическія соединенія, которыя ничего не соединяли. Затѣмъ онъ имѣлъ долгую и щекотливую ссору съ испанскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, оспаривавшимъ у него титулъ и качество испанца, причемъ открылось, что онъ едва умѣлъ читать и писать. Наконецъ, весь въ долгахъ, онъ укрылся въ погребъ смѣщеннаго или свергнутаго съ поста директора театровъ, г. Елагина, гдѣ онъ пилъ столько шампанскаго вина и англійскаго пива, сколько могъ; вѣроятно, онъ перепилъ однажды обычную мѣру, потому что, выходя изъ-за стола, зацѣпился за тупей домашняго секретаря; секретарь влѣпилъ ему пощечину: отъ пощечинъ дошли до кулаковъ. Елагинъ, которому надоѣли и братецъ, игравшій роль крысы въ его погребу, и большой расходъ вина, и жалобы секретаря, вѣжливо предложилъ Каліостро убраться вонъ, въ кибиткѣ, а не по воздуху, какъ тотъ угрожалъ, и чтобы кредиторы не препятствовали проѣзду этого легкаго экипажа, далъ ему стараго инвалида для сопровожденія его и графини въ Митаву. Вотъ исторія Ка-

ліостро, въ которой есть все, что̀ угодно, но ничего чудеснаго. Я никогда его не видѣла ни издали, ни вблизи, и не имѣю ни малѣйшаго желанія видѣть, потому что вовсе не люблю шарлатановъ. Увѣряю васъ, что Роджерсонъ думалъ о Каліостро столько же или еще и менѣе, чѣмъ о Ноевомъ ковчегѣ. Князь Орловъ, противъ своего обыкновенія, не придавалъ Каліостро никакого значенія: онъ смѣялся даже надъ тѣми, которые старались его увидѣть только изъ пустого любопытства, и не мало способствовалъ къ тому, чтобы разбавить водой вино постыдныхъ сторонниковъ этого бѣдняги. Такъ какъ шарлатаны, даже самые глупые и невѣжественные, способны производить шумъ въ большихъ городахъ, то надо полагать, что Каліостро будетъ имѣть успѣхъ въ Парижѣ. Желаю вамъ добраго пути и всяческихъ удовольствій въ Спа» [1]).

Трезвый, практическій умъ Екатерины не выносилъ ни «обманщиковъ», ни «обманутыхъ»; она не любитъ шарлатановъ и не понимаетъ, ка̀къ можно довѣрять имъ. «Удивительно, сколькихъ обманулъ этотъ глупый Каліостро, не умѣющій ни читать, ни писать, и круглый невѣжда; остается загадкой, ка̀къ и чѣмъ могъ онъ обманывать, такъ какъ его глупость и круглое невѣжество не могли укрыться съ первой же минуты, даже отъ наименѣе дальновидныхъ» [2]). Не выше Каліостро ставитъ она вообще всѣхъ мистиковъ и, прежде всего, масоновъ, съ которыми сталкивала ее жизнь. «Франъ-масонство — одно изъ величайшихъ сумасбродствъ, когда-либо бывшихъ въ ходу среди человѣческаго рода. Я имѣла терпѣніе прочесть всѣ ихъ печатныя и рукописныя нелѣпости, которыми они занимаются, и съ отвращеніемъ увидѣла, что, сколько ни смѣйся надъ людьми, они не становятся отъ того ни умнѣе, ни просвѣщеннѣе, ни осторожнѣе.

[1]) Сборникъ, XXIII, 212. Упоминая Роджерсона и князя Орлова, Екатерина отвѣчаетъ на письмо Гримма (Ibid., XXXIII, 186).

[2]) Ibid., XXIII. 362.

Все масонство—сущій вздоръ, и возможно ли, чтобъ, послѣ всесторонняго осмѣянія, разумное существо наконецъ не разувѣрилось бы? Такъ и хочется послать къ чорту всѣ эти глупости! Ну, возможны ли подобныя нелѣпости, и неужели масоны не смѣются, встрѣчаясь другъ съ другомъ?.. Я прочла всѣ глупости и нелѣпости масонскія, и это доставило мнѣ богатый матеріалъ, чтобъ подтрунивать, по крайней мѣрѣ, надъ сотней человѣкъ въ день» [1]). Екатерина не остановилась, къ сожалѣнію, на одной насмѣшкѣ и вооружилась позже «на муху съ обухомъ» [2]), о чемъ, однако, не писала Гримму.

Изъ писемъ къ Гримму видно, какъ Екатерина искренно уважала и высоко цѣнила Вольтера. По ея словамъ, ему именно, и только ему, обязана она своимъ знаніемъ, дѣловымъ взглядомъ, хорошимъ вкусомъ. «Вольтеръ—мой учитель; онъ или, скорѣе, его произведенія образовали мой умъ и мою голову. Я не разъ уже, думаю, говорила вамъ это—я его ученица. Будучи помоложе, мнѣ пріятно было нравиться ему: я одобряла только тѣ свои дѣйствія, которыя считала достойными его вниманія, о чемъ немедленно сообщала ему; онъ такъ привыкъ къ этому, что бранилъ меня, когда какая-нибудь новость доходила къ нему не отъ меня, а другимъ путемъ. Моя аккуратность въ этомъ отношеніи ослабѣла въ послѣдніе годы, вслѣдствіе быстраго хода событій, предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ за миромъ, и по причинѣ большихъ трудовъ, мною предпринятыхъ, я утеряла привычку писать письма и теперь я чувствую менѣе расположенія и не такъ легко пишу письма». Въ іюнѣ 1778 года Екатерина получила извѣстіе о смерти Вольтера и о затрудне-

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 167, 168.

[2]) Екатерина пишетъ Гримму отъ 11-го марта 1876 г.: «Каліостро—вредный негодяй, котораго слѣдовало бы повѣсить. Это остановило бы ярость къ таинственнымъ ученіямъ, которыми такъ заразились теперь въ Германіи и Швеціи, и которыя и у насъ начали-было приниматься, но мы приводимъ это въ порядокъ» (Сборникъ, XXIII, 375). Какимъ путемъ водворялся порядокъ, разслѣдовано Лонгиновымъ, стр. 312 sqq.

ніяхъ, встрѣтившихся при его похоронахъ. «До сихъ поръ я надѣялась, что извѣстіе о смерти Вольтера ложно, но вы мнѣ подтвердили его, и я тотчасъ же почувствовала какой-то общій упадокъ духа и большое презрѣніе къ дѣламъ міра сего. Май мѣсяцъ былъ для меня роковымъ: я потеряла двухъ людей, которыхъ никогда не видала, которые любили меня и которыхъ я уважала—Вольтера и Вильяма Питта. Долго, долго, быть можетъ, никогда не будутъ они, особенно же Вольтеръ, замѣнены равными, и ужъ, конечно, никогда лучшими, а для меня они невозвратно потеряны. Я хотѣла бы кричать! Но возможно ли, чтобы гдѣ-нибудь, кромѣ Парижа, такъ быстро переходили отъ почета къ безчестію, отъ разума къ безумію? Лишь нѣсколько недѣль назадъ воздавали публичныя почести человѣку, котораго сегодня не осмѣливаются похоронить. И какого человѣка! Перваго во всемъ народѣ и которымъ по справедливости должны бы гордиться! Почему вы не овладѣли его тѣломъ и притомъ моимъ именемъ? Вамъ слѣдовало бы выслать тѣло ко мнѣ—первый разъ въ жизни вы оказались недогадливы. Будьте покойны, здѣсь онъ имѣлъ бы великолѣпную гробницу. Но если у меня нѣтъ его праха, по крайней мѣрѣ у меня будетъ его памятникъ. Вы мнѣ доставите большое удовольствіе, если пріобрѣтете для меня не только самое полное изданіе его сочиненій, но даже до послѣдняго памфлета, вышедшаго изъ-подъ его пера. Я отдѣлю особую залу, гдѣ помѣщу его произведенія». Екатерина покупаетъ библіотеку Вольтера, заботится о полномъ изданіи сочиненій [1]) и пишетъ Гримму: «Дайте мнѣ сто полныхъ

[1]) «Я не одобряю идеи книгопродавца Панкука издавать прежде всего самыя новыя изъ произведеній Вольтера; я хотѣла бы видѣть все вмѣстѣ, расположенное хронологически, по годамъ, когда что было писано. Я педантъ, любящій видѣть ходъ ума автора въ его твореніяхъ и, повѣрьте мнѣ, такое расположеніе гораздо важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ: чѣмъ болѣе вы подумаете объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣдитесь, что я права... Всего интереснѣе было бы видѣть все такъ, какъ оно выходило изъ этой единственной головы, и только тогда свѣту явилась бы эта голова такою, какою

экземпляровъ новаго изданія сочиненій моего учителя, и я размѣщу ихъ вездѣ и всюду. Я хочу, чтобъ ихъ изучали, чтобы ихъ твердили наизусть, чтобъ умы питались ими: это образуетъ гражданъ, геніевъ, героевъ, писателей, это разовьетъ сто тысячъ талантовъ, которые иначе потеряются среди мрака, невѣжества и проч.» [1]).

Болѣе восторженный отзывъ трудно и ожидать отъ Екатерины, рѣдко восторгавшейся. Въ письмахъ къ Гримму разбросаны ея замѣтки о всѣхъ почти «философахъ» вѣка, очень любопытныя, свидѣтельствующія, что Екатерина не увлекалась ихъ произведеніями и трезво судила объ ихъ теоріяхъ; она не сомнѣвалась, что «эти люди думали часто совсѣмъ не такъ, какъ проповѣдывали» [2]). При помощи графа Миниха, императрица изучила «Исторію индійской торговли» аббата Рэйналя и писала Гримму: «Что касается апостола Рэйналя, я избавлю васъ отъ скуки разбирать его, потому что онъ того не стоитъ и, не читая его, вы останетесь тѣми же, какъ и по прочтеніи—не тоньше и не жирнѣе ни тѣломъ, ни умомъ». Этотъ рѣзкій отзывъ объясняется отчасти тѣмъ, что «аббатъ Рэйналь противъ насъ квакаетъ и лжетъ» [3]). Екатерина никогда и никому не прощала оскорбленій, наносимыхъ ей лично, тѣмъ менѣе Россіи. Узнавъ о смерти Д'Аламбера, императрица, нѣкогда довѣрявшая ему даже воспитаніе цесаревича, пишетъ Гримму: «Очень прискорбно, что Д'Аламберъ умеръ, не читавъ и даже не видавъ нашей защиты по вопросу о Крымѣ; по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы выслушать обѣ стороны и потомъ уже судить, а вмѣсто того онъ говорилъ намъ дерзости. Очень объ этомъ сожалѣю, такъ же какъ и о малодушіи, выказанномъ имъ во время болѣзни—тѣлесныя

она была--головой трескучей, головой полезной человѣчеству съ разныхъ сторонъ, головой, сочиненія которой, при чтеніи ихъ, не могли бы не ускорить обращенія крови въ жилахъ, не укрѣпить тѣла, сердца и ума, не веселить души» (Сборникъ, XXIII, 105, 125).

[1]) Сборникъ, XXIII, 93, 102, 104. [2]) Ibid., 303. [3]) Ibid., 235, 247.

силы взяли, вѣроятно, перевѣсъ надъ духовными» [1]). Екатерина не могла уважать непрактическія мечтанія и восторженныя сужденія Дидро, но она любила Дидро за его добродушіе и благородство, находила, что онъ «во всемъ не похожъ на другихъ людей» [2]); она «очень высоко цѣнила разговоръ о хлѣбѣ» аббата Галіани и «его книга о Монетѣ возбуждаетъ уже теперь мое любопытство» [3]), но всегда была противъ Руссо. Екатерина не выносила его риторики, она не понимала его абстракцій, ей былъ противенъ его идеализмъ. Какъ реалистка, императрица примѣняла нѣкоторые педагогическіе взгляды Руссо и изъ его политическихъ взглядовъ возлюбила только одинъ—на свободу: она собственноручно переписывала его и указывала при случаѣ, какъ на взглядъ, ей, очевидно, симпатичный. Вотъ этотъ отрывокъ: «Гордая и святая свобода! Еслибъ эти бѣдные люди могли знать тебя, еслибъ они знали, какою цѣною пріобрѣтаютъ и сохраняютъ тебя, еслибъ они чувствовали, насколько законы твои суровѣе тяжелаго ига тирановъ, ихъ слабыя души, рабыни подлежащихъ искорененію страстей, убоялись бы тебя во сто разъ болѣе, нежели рабства; они съ ужасомъ бѣжали бы отъ тебя, какъ отъ бремени, готоваго раздавить ихъ» [4]). Кромѣ Вольтера, только Бюффонъ, своими «Epoques de la Nature»,

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 308.

[2]) Ibid., 46. Уже послѣ смерти Дидро, Екатерина случайно прочла его «Замѣчанія на наказъ Ея Величества депутатамъ о составленіи законовъ», найденныя въ библіотекѣ Дидро, въ рукописи, и писала Гримму: «Эти замѣтки—сущіе пустяки, въ которыхъ не видно ни знанія дѣла, ни осторожности, ни предупредительности; еслибъ мой наказъ былъ во вкусѣ Дидро, онъ былъ бы способенъ перевернуть все вверхъ дномъ... Критиковать легко, а создавать трудно—вотъ что можно сказать, читая эти замѣчанія философа, который во всю свою жизнь былъ, кажется, настолько благоразуменъ, что постоянно нуждался въ опекѣ. Должно быть, онъ написалъ эти замѣчанія по возвращеніи отсюда, такъ какъ никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ». Ibid., 372.

[3]) «Dialogue sur le commerce des blés», 1770; переведено на русскій языкъ М. И. Драгомировымъ, въ 1890 г.

[4]) «Considérations sur le gouvernement de Pologne», 1783, v. III, p. 264. Сборникъ, XXIII, 537, 538.

привелъ Екатерину въ восторгъ: «Вотъ книга, о которой можно поговорить, ее стоитъ прочесть! По-моему, гипотеза Бюффона есть торжество человѣческаго ума, вѣрнѣе генія. Ньютонъ сдѣлалъ первый гигантскій шагъ впередъ, Бюффонъ—второй. Да, сударь, эта книга прибавила мнѣ мозга. Бюффоновская гипотеза шевелитъ и переворачиваетъ головы—да, это что-то новое, и все такъ удивительно хорошо укладывается въ этой теоріи». Екатерина отблагодарила Бюффона дорогими подарками, заказала Гудону его бюстъ, обласкала его сына [1]), пріѣзжавшаго въ Петербургъ.

Политическіе дѣятели обрисованы Екатериною, конечно, въ зависимости отъ хода политическихъ дѣлъ. Здѣсь ея мнѣнія и взгляды невольно мѣнялись, иногда по нѣскольку разъ; но ея отзывы всегда остроумны, нерѣдко ядовиты. Именно въ письмахъ къ Гримму сохранились въ этомъ отношеніи очень любопытныя извѣстія, которыя напрасно было бы искать въ какой-либо офиціальной перепискѣ, хотя бы и шифрованной.

Прусскій король Фридрихъ II рисуется въ перепискѣ съ совершенно несимпатичной стороны. Онъ, оказывается, ссорилъ Екатерину съ своимъ братомъ, принцемъ Генрихомъ, распускалъ слухъ о его сумасшествіи, портилъ юнаго Бобринскаго, распространялъ слухи о болѣзни Екатерины, вообще вралъ «какъ сивый меринъ» и заслужилъ въ перепискѣ наименованіе Ирода [2]). Со словъ, «нашептанныхъ делегатами Ирода», «Gazette de Cologne» напечатала даже слухъ о смерти русской императрицы; Екатерина написала по этому поводу Гримму: «Кельнскій газетчикъ говоритъ, что я умерла, и увѣряетъ, что это большое счастье для всего міра. Я, по

[1]) Въ іюнѣ 1782 г. Екатерина принимала его, какъ «сына знаменитаго человѣка», и хорошо отзывалась о немъ; а въ декабрѣ писала: «Увѣряютъ, будто этотъ молодой человѣкъ частенько напивается пьянъ и пьяный является въ общество. Надѣюсь, что это неправда. Въ немъ нельзя еще замѣтить головы отца; но, вѣдь, онъ еще ребенокъ». Сборникъ, XXIII, 244, 260.

[2]) Ibid., 338, 361, 376, 470, 471.

правдѣ сказать, не совсѣмъ-то съ нимъ согласна и надѣюсь разубѣдить его въ томъ и другомъ» [1]). Только по смерти Фридриха II, онъ выставляется въ завидномъ свѣтѣ, и Екатерина отдаетъ ему должное при всякомъ удобномъ случаѣ. Уже при самомъ вступленіи Фридриха-Вильгельма II на престолъ, въ 1786 г., Екатерина пишетъ Гримму: «Сейчасъ прочла въ Берлинской газетѣ Фридрихъ-Вильгельмъ-Удивляющій. Не будете ли вы такъ добры сказать мнѣ *чѣмъ*? Я пережила восшествіе на престолъ дяди; какая разница! Тотъ избѣгалъ лести и хвастовства. Знаете ли почему? Потому что у него были здоровые мозги» [2]). Вспоминая то старое время, время Фридриха II, Екатерина становится краснорѣчива, говоритъ языкомъ Севиньѐ: «La société a change; ce n'est pas celle de l'année 1740, brillante, spirituelle, annonçant le héros par tous les bouts» [3]).

Марія-Терезія и Іосифъ II часто встрѣчаются въ перепискѣ, причемъ мать выставляется всегда въ несимпатичномъ свѣтѣ, а о сынѣ отзывы рѣзко мѣняются послѣ могилевскаго свиданія и особенно при второй турецкой войнѣ. Въ началѣ спора о баварскомъ наслѣдствѣ они описаны одной краской: «Надо признаться, Іосифъ II немножко жаденъ; если жадность будетъ наказана несвареніемъ желудка, это будетъ подѣломъ. Но маменька кажется мнѣ удивительной: она забавно рисуется своимъ великодушнымъ безкорыстіемъ, за которымъ скрывается захватчивость. Да, оба они фокусники, какимъ нѣтъ равныхъ». Слезы Маріи Терезіи о судьбѣ Польши не обманули Екатерину: «Что касается достопочтенной госпожи сестрицы, она страдаетъ большею наклонностью къ алчности и властолюбію. Слезы—признакъ раскаянія; лучшее доказательство искренности раскаянія—не дѣлать того, въ

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 290.

[2]) Ibid., 384. Въ августѣ 1789 г., во время войны, о томъ же Фридрихѣ-Вильгельмѣ болѣе рѣзкій отзывъ: «Онъ глупъ, нагль, дерзокъ, тщеславенъ и не имѣетъ и тѣни здраваго смысла. Къ тому же онъ фальшивъ». Ibid., 469

[3]) Ibid., 417.

чемъ раскаиваешься; между тѣмъ, она продолжаетъ захватывать. Надо полагать, что только первородный грѣхъ заставляетъ ее играть эту недостойную комедію. О Іосифѣ II же можно, не опасаясь ошибиться, предсказать, что если онъ не будетъ великимъ человѣкомъ, то будетъ очень сердиться, и ему придется въ своихъ тѣлесныхъ, духовныхъ и умственныхъ потребностяхъ надѣяться на другихъ. Совѣстный судъ безсиленъ тамъ, гдѣ семь пятницъ на недѣлѣ». Но Екатерина не всегда была такъ строга къ «Habsucht-Habsburg», какъ она выражалась. Въ 1790 году, императрица писала о Маріи-Антуанетѣ: «Я люблю ее, какъ возлюбленную сестру лучшаго друга моего Іосифа; въ ней воплотилось мужество ея матери и неустрашимость рода—вѣдь, Іосифъ II испортилъ свои дѣла именно этою же неустрашимостью». И позже, объ Іосифѣ II: «Все еще не могу придти въ себя отъ изумленія—какимъ образомъ, будучи рожденъ, воспитанъ и подготовленъ къ своему высокому званію, будучи одаренъ умомъ, талантами и знаніями, онъ ухитрился дурно царствовать и не только не имѣть успѣха, но довести себя до того несчастія, среди котораго онъ умеръ» [1]).

Во время тешенскаго конгресса въ Европѣ появилась медаль, о которой Екатерина такъ сообщала Гримму: «Въ Голландіи выбили медаль: императрица-королева (Марія-Терезія) и русская императрица (Екатерина II) сидятъ въ каретѣ; на козлахъ прусскій король (Фридрихъ II); ихъ спрашиваютъ, куда онѣ ѣдутъ, и онѣ отвѣчаютъ: куда кучеру угодно будетъ везти насъ. Я нашла это весьма забавнымъ: тутъ недостаетъ только правды, чтобъ это было ядовито, или музыки французской оперетки, чтобы это была совершенная пошлость» [2]).

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 108, 113, 483, 490, 509. Послѣ могилевскаго свиданія, Екатерина такъ отзывалась объ Іосифѣ II: «Я никогда не кончила бы, еслибъ начала хвалить его. Это голова самая основательная, глубокая и наиболѣе просвѣщенная, какую я знаю». Ibid., 183, 218.

[2]) Ibid., 84.

И Фридрихъ II, и Марія-Терезія, и Іосифъ II нерѣдко противодѣйствовали планамъ и цѣлямъ Екатерины. и, тѣмъ не менѣе, она умѣла цѣнить и цѣнила ихъ. Это были надежные союзники и достойные противники. Екатерина любила и уважала великія личности, сильные характеры, крѣпкую волю. Она сама всегда хорошо знала, чего она хочетъ и куда стремится. Она не выносила слабыхъ и безхарактерныхъ; немилосердно бичевала мелкихъ нѣмецкихъ князей, этихъ «Донъ-Кихотовъ Германіи», содержавшихъ арміи только для парадовъ, и съ презрѣніемъ относилась ко лжи и неправдѣ. О шведскомъ королѣ Густавѣ III она писала: «Вотъ такъ король! Онъ воображаетъ, что ложью и обманомъ [1]) добудетъ себѣ много чести. Ничего, сударь, изъ этого не выйдетъ— онъ сдѣлается только позоромъ и посмѣшищемъ для потомства: ложью и обманомъ нельзя добыть ни славы, ни чести» [2]).

Только изъ переписки съ Гриммомъ можетъ быть разъяснена «художественная» сторона екатерининскаго царствованія, такъ какъ чрезъ Гримма шли всѣ сношенія императрицы даже съ Рейфенштейномъ, который былъ главнымъ коммиссіонеромъ Екатерины въ Римѣ по заказамъ и покупкамъ художественныхъ произведеній. Изъ этой переписки оказы-

---

[1]) Эти обвиненія не голословны. «Я разскажу вамъ—пишетъ Екатерина Гримму—еще случай съ этимъ негодяемъ Густавомъ III. Онъ сказалъ однажды брату посланника Спренгпортена, который въ Даніи: «Замѣтили вы подпись мою на приказѣ, который я далъ вамъ, чтобъ вести войска изъ Финляндіи и произвесть революцію?» Когда Спренгпортенъ отвѣчалъ отрицательно, король продолжалъ: «Я остерегся подписать такъ, какъ всегда подписываюсь; я измѣнилъ свой почеркъ: еслибъ мы не имѣли успѣха, государственные чины отрубили бы вамъ голову, а я отказался бы отъ своей подписи, какъ вовсе не сходной съ моею». Почти такъ же поступилъ онъ этимъ лѣтомъ съ бригадиромъ Гастферомъ, которому онъ послалъ подписанный имъ приказъ атаковать Нейшлотъ, а потомъ взялъ приказъ назадъ. Теперь онъ велѣлъ арестовать Гастфера, подъ предлогомъ, будто Гастферъ принималъ участіе въ заговорѣ финскихъ войскъ, и этотъ Гастферъ рискуетъ лишиться головы, если король признаетъ нужнымъ скрыть отъ государственныхъ чиновъ, что онъ самъ далъ приказъ объ атакѣ». Ibid., 470.

[2]) Ibid., 455.

вается, между прочимъ, что Екатерина не всегда интересовалась лично своими заказами. Такъ, напр., рѣзные камни заказывались ею только для генерала А. Д. Ланскаго; тотчасъ по его смерти, Екатерина пишетъ Гримму: «Тѣмъ, кто будетъ предлагать вамъ рѣзные камни, говорите, что я никогда не покупала ихъ для себя, потому что я ничего въ нихъ не понимаю, и что я больше вовсе не стану покупать ихъ» [1]); иллюстрированныя изданія покупались для А. М. Дмитріева-Мамонова: «Настоятельно прошу прислать мнѣ лучшее иллюстрированное изданіе; это для Краснаго Кафтана, который ежедневно пристаетъ ко мнѣ съ этимъ» [2]), и т. п. По перепискѣ можно составить довольно полную картину эрмитажнаго музея; въ Придворномъ же архивѣ хранятся важные матеріалы относительно цѣны и стоимости перевозки всѣхъ предметовъ. И при Екатеринѣ музей уже былъ очень богатъ. «Мой музей въ Эрмитажѣ состоитъ, не считая картинъ и ложъ Рафаэля, изъ 38.000 книгъ, 10.000 камеевъ, около 10.000 гравюръ и рисунковъ, и кабинетъ натуральной исторіи, заключающійся въ двухъ большихъ залахъ» [3]).

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 322.

[2]) Ibid., 394. Подъ «краснымъ кафтаномъ» разумѣлся гр. А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ. «Этотъ красный кафтанъ облекаетъ существо, обладающее прекраснѣйшимъ сердцемъ вмѣстѣ съ большимъ запасомъ честности; ума хватитъ на четверыхъ; неистощимый запасъ веселости, замѣчательная оригинальность во взглядѣ на вещи и въ способѣ выраженія этого взгляда, удивительная благовоспитанность и особенное знаніе всего, что̀ придаетъ блескъ уму. Мы скрываемъ, какъ преступленіе, нашу склонность къ поэзіи, страстно любимъ музыку; у насъ рѣдкая способность все схватывать. Богу одному извѣстно, чего только мы не знаемъ наизусть; мы декламируемъ, болтаемъ, обладаемъ манерами лучшаго общества, чрезвычайно учтивы, пишемъ по-русски и по-французски такъ, какъ рѣдко кто-нибудь у насъ пишетъ, по стилю и по почерку. Наша наружность вполнѣ соотвѣтствуетъ нашимъ внутреннимъ качествамъ: черты лица правильны, у насъ чудные черные глаза съ тонкими бровями, ростъ выше средняго, благородная осанка, пріятная поступь; словомъ, мы столько же основательны характеромъ, сколько ловки, сильны, блестящи». Ibid., 387.

[3]) Ibid., 499.

Свѣдѣнія о Россіи, о русскихъ дѣлахъ и русскихъ людяхъ, встрѣчаются чуть ли не въ каждомъ письмѣ Екатерины къ Гримму, но извѣстія этого рода носятъ совершенно иной характеръ. Императрица никогда не забываетъ, что пишетъ иностранцу и что всякій ея отзывъ о Россіи получаетъ за предѣлами имперіи особое значеніе; она хорошо помнитъ готовность Гримма не только распространить полученное извѣстіе, но и сдѣлать по немъ заключеніе о роли самой императрицы, которая руководитъ русскими дѣлами и избираетъ людей. Этимъ, вѣроятно, объясняется общая картина Россіи, какъ она нарисована Екатериною въ письмахъ къ Гримму: все въ Россіи идетъ хорошо, вездѣ замѣчается довольство и преуспѣяніе, всюду «тишь, да гладь, да Божья благодать». Иногда Екатерина пишетъ завѣдомую ложь, иногда умалчиваетъ и, въ общемъ, Россія представляется въ розовомъ свѣтѣ.

Въ одинъ и тотъ же день, 14-го іюля 1788 года, сообщая объ аванпостной стычкѣ со шведами въ Финляндіи, Екатерина сообщаетъ князю Потемкину, что «пушку у нихъ отняли и человѣкъ сто шведовъ на мѣстѣ осталось», и тѣмъ же перомъ пишетъ Гримму: «шведы потеряли 150 человѣкъ и двѣ пушки» [1]). Это по отдѣлу невѣрныхъ свѣдѣній; вотъ по умалчиванію: Екатерина извѣщаетъ Гримма, что «святѣйшій синодъ присутствовалъ въ театрѣ на представленіи пьесы Паизіелло, и всѣ они хохотали до слезъ», но не сообщаетъ, какъ сенатъ рѣшилъ казнить всю деревню за умерщвленіе помѣщика, что̀ заставило императрицу написать генералъ-прокурору Вяземскому: «пророчествовать можно, что если за жизнь одного помѣщика въ отвѣтъ и въ наказаніе будутъ истреблять цѣлыя деревни, то бунтъ всѣхъ крѣпостныхъ деревень воспослѣдуетъ» [2]). Узнавъ изъ газетъ объ участіи

[1]) Сборникъ, XXVII, 509; XXIII, 461. Съ Вольтеромъ Екатерина церемонилась еще менѣе: въ 1771 г. она увѣряла его, что хлѣбъ изъ Сибири продается въ Парижѣ. Ibid., XIII, 178.

[2]) Ibid., XXIII, 155; «Осмнадц. Вѣкъ», III, 390.

князя Рогана въ дѣлѣ объ ожерельи, Екатерина писала Гримму: «Отчего, вотъ уже третій изъ рода Роганъ подозрѣвается въ мошенничествѣ и является въ обществѣ плутовъ? Фи, я не люблю, чтобъ славныя имена грязнились подлыми дѣлами» [1]), но не сообщала ему, что кн. Одоевскій мошенническимъ способомъ выманивалъ деньги, что Нелединскій былъ сосланъ въ монастырь за сѣченіе своей матери плетьми, кн. Лобановъ-Ростовскій обвинялся въ подлогѣ, кн. Хованскій судился за обманъ, графы Ефимовскіе утѣсняютъ мать, кн. Кантеміръ проклинаетъ родныхъ, генералъ-поручикъ Ржевскій обкрадываетъ содержателя московскаго клуба [2]) и т. п. Екатерина не разъ пишетъ Гримму, что при объявленіи шведской войны, города и деревни добровольно ставили рекрутъ и подводы, что Петербургская губернія дала 72 рекрута съ тысячи, и умалчиваетъ, что указъ о сформированіи въ Петербургѣ гусарскаго полка «изъ людей добровольно въ службу пожелающихъ» не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ желающихъ не оказалось [3]). Екатерина похваляется Гримму, что въ двѣнадцать лѣтъ ея царствованія «построено 144 города», но, конечно, не говоритъ, что въ числѣ этихъ городовъ, создавшихся по административному усмотрѣнію, были, напримѣръ, городъ Бабиновичи, Могилевскаго намѣстничества, а «въ немъ 66 христіанъ и 4 жида» [4]). Такихъ примѣровъ умолчанія очень много, но и приведенныхъ уже достаточно, чтобы объяснить, если не оправдать [5]),

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 362.

[2]) Архивъ Сената, т. 128, л. 138; П. С. З., № 13622; Русскій Архивъ, 1872, стр. 226, 232, 234, 237, 237, 291.

[3]) Сборникъ, XXIII, 463, 631; П. С. З., № 16695.

[4]) Ibid., 216; П. С. З., № 14707. Во Владимірскомъ намѣстничествѣ былъ образованъ къ 1778 году городъ Киржачъ, но только на бумагѣ, и, не просуществовавъ и 20-ти лѣтъ, былъ уничтоженъ, какъ совершенно ненужный. Архивъ Сената, т. 141, стр. 410; П. С. З., № 14787.

[5]) Не только въ письмахъ къ Гримму, но Екатерина всегда имѣла двѣ мѣрки—одну для Россіи, другую для всего, что не-Россія; въ первомъ случаѣ все видится въ розовомъ свѣтѣ, но второмъ—въ мрачномъ. Въ 1766 г.

тотъ «розовый свѣтъ», который замѣчается въ письмахъ Екатерины къ Гримму.

Полушутя-полусерьезно, Екатерина выражала въ письмахъ къ Гримму довольно своеобразный взглядъ на Россію, которую она выдѣляла изъ всѣхъ европейскихъ странъ и рисовала страною дѣвственною во всѣхъ отношеніяхъ, необработанною, некультурною. «Я люблю нераспаханныя земли, подъ паромъ — повѣрьте, это лучшія земли. Я уже тысячу разъ говорила вамъ: я годна только для Россіи. Помяните меня: только въ Россіи не тронутая еще, чистая природа, въ другихъ странахъ все уже испорчено, условно, искусственно» [1]). Въ связи съ такимъ взглядомъ на Россію просьбы избавить ее отъ визитовъ лицъ, по словамъ Гримма, «преклоняющихся» предъ великою императрицею: «Скажите имъ, что Екатерина хороша только издали» [2]). Въ то же время, у себя, дома, передъ русскими людьми, она скромно сознавалась, что «Россія велика сама по себѣ, и я что ни дѣлаю подобно каплѣ, падающей въ море» [3]). Вопреки Гримму, который любитъ заявлять, что онъ «русскій въ душѣ», Екатерина во всей своей обширной перепискѣ съ Гриммомъ только два раза упомянула, что она нѣмка по рожденію, что она, по мѣткому вы-

---

гр. Остерманъ, депешею изъ Стокгольма, увѣдомилъ Панина «о крестьянскомъ смятеніи въ Вестерготской провинціи», причемъ крестьяне «два дворянскихъ домовъ разорили и угрожаютъ зажигать домы тѣхъ крестьянъ, которые на тотъ бунтъ не согласуются»; Екатерина положила слѣдующую резолюцію на этой депешѣ: «Cela est presque incroyable, il s'exposerait à se faire déposer» (Сборникъ, LVII, 538). Въ 1789 г., она приравниваетъ пугачевщину къ революціонному движенію въ Монбельярѣ и пишетъ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: «ничто не походитъ болѣе на оренбургскія волненія 1774 и 1775 годовъ, какъ эта исторія общины, взбунтовавшейся противъ законовъ и своихъ повелителей; разница лишь въ томъ, что у насъ не одинъ дворянинъ не принималъ участія въ бунтѣ». Немного позже она повторяетъ ту же мысль: «Эти безпорядки въ Эльзасѣ похожи на наши въ 1774 и 1775 годахъ». Сборникъ, XV, 159, 160.

[1]) Сборникъ, XXIII, 70, 484.

[2]) Ibid., 84, 174; Русскій Архивъ, 1878, III, 46, 63.

[3]) Ibid., XXVII, 180; «Русская Старина», XVI, 57.

раженію Іосифа II, la princesse de Zerbst Catherinisée: извѣщая Гримма, въ 1780 году, о своей декларацін о вооруженномъ нейтралитетѣ, и сообщая, въ 1783 году, что султанъ хочетъ у нея изъ-подъ носа утащить Крымъ, Екатерина въ обоихъ случаяхъ прибавляетъ: «Но вы, вѣдь, знаете, что нѣмецъ никогда не потерпитъ, чтобъ его водили за носъ, и онъ всегда оберегаетъ болѣе всего именно эту часть тѣла» [1]).

Екатерина, обладавшая умомъ государственнымъ, никогда не жаловалась на обстоятельства и особенно на недостатокъ людей, вполнѣ сознавая нелѣпость подобныхъ жалобъ, свидѣтельствующихъ только о собственномъ убожествѣ. «Всякая страна доставляетъ всегда людей, необходимыхъ для дѣла, и такъ какъ все на семъ свѣтѣ есть дѣло человѣческое, то люди, стало быть, могутъ со всѣмъ управиться». Она нѣсколько разъ повторяетъ, что «недостатка въ людяхъ быть не можетъ», и ссылается на себя: «Я никогда не искала и всегда находила подъ рукою людей, которые служили мнѣ и, по большей части, служили хорошо», и—опять своеобразная черта—прибавляетъ: «Сверхъ того, по временамъ, я люблю свѣжія головы, которыя очень полезны рядомъ съ головами болѣе умудренными—это вводныя лица въ пьесѣ: во-время и кстати выпущенныя на сцену, они только оживляютъ дѣйствіе». Люди всегда есть, нужно только пользоваться ими, заставить ихъ работать: «все зависитъ именно отъ умѣнья направить людей» [2]). Это—вообще, вотъ—въ частности: «Сильно ошибаются, если думаютъ, что меня пугаетъ чье-либо достоинство; напротивъ, я желала бы видѣть вокругъ себя только героевъ, и я все на свѣтѣ употребляла, чтобъ сдѣлать героями тѣхъ, въ комъ видѣла малѣйшее къ тому расположеніе... Богъ мнѣ свидѣтель, что я не имѣю никакой особенной склонности къ дуракамъ, а ихъ много на свѣтѣ, и мнѣ кажется, что число ихъ увеличивается» [3]). Послѣ этого понятно, что въ

---

[1]) *Arneth*, 278; Сборникъ, II, 340; XXIII, 174, 277.

[2]) Ibid., 275, 411, 608, 624 sqq. [3]) Ibid., XXIII, 255, 409.

письмахъ къ Гримму Екатерина не высказываетъ своего мнѣнія о русскихъ людяхъ. Въ письмахъ, напр., къ Потемкину, Екатерина такъ отзывается объ извѣстныхъ военачальникахъ: Н. В. Репнинъ—«хуже старой бабы», графъ Я. А. Брюсъ—«не имѣетъ головы», графъ И. П. Салтыковъ — «глупъ и упрямъ», графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ—«онъ каналья, pardonnez le terme, en un mot c'est une bête» и т. п. [1]). И что же? Главнокомандующимъ въ шведскую войну былъ назначенъ «каналья» г. Мусинъ-Пушкинъ, а когда онъ оказался «неспособнымъ къ предводительству», то его замѣнилъ «глупый и упрямый» графъ И. П. Салтыковъ! Ничего подобнаго Екатерина Гримму не писала.

Платя дань вѣку, Екатерина питала извѣстную слабость къ педагогикѣ. Она стремится создать цѣлую систему народнаго образованія, справедливо сознавая, что «Екатерина Вторая, при всей своей власти и при всей своей доброй волѣ, не можетъ создать въ Россіи многаго полезнаго безъ помощниковъ, именно безъ низшихъ, среднихъ и высшихъ школъ». Она проситъ совѣтовъ по школьному вопросу у Гримма, Дидро, Дальберга, интересуется «нормальными школами» въ Австріи, «космополитическимъ филантропиномъ» въ Дессау, читаетъ Базедова, Песталоцци, «Эмиля» Руссо, «Эмилію» г-жи Эпинэ [2]), сама высказываетъ свои взгляды на воспитаніе и примѣняетъ ихъ къ своимъ внукамъ. Взгляды цѣнные и въ наши дни. «Что касается Александра, пишетъ она Гримму, предоставьте его самому себѣ: зачѣмъ вы хотите, чтобъ онъ размышлялъ и зналъ точно такъ, какъ размышляли и знали до него? Учиться не трудно, но необходимо, по-моему, чтобъ голова и способности головы ребенка были развиты прежде, чѣмъ набивать ее хламомъ прошлыхъ знаній, и изъ этого хлама надо сообщать съ большимъ разборомъ. Богъ мой, чего не дала природа, того не дастъ никакое ученье,

[1]) Сборникъ, XXVII, 391, 492; XLII, 33, 35, 36, 38, 44 sqq.

[2]) Ibid., XXIII, 25, 38, 115, 183, 254, 301, 306, 696.

но ученье убиваетъ часто природныя дарованія, и нѣтъ ничего хуже, какъ люди, напичканные чужимъ умомъ и знаніями» [1]). Такимъ образомъ, если внуки не оправдаютъ надеждъ Екатерины, не ея вина—природа сильнѣе воспитанія.

Любовь Екатерины къ своимъ внукамъ, особенно къ Александру, сказывается едва ли не въ каждомъ письмѣ. Она безпрестанно сообщаетъ Гримму всевозможныя подробности о своихъ внукахъ и внучкахъ, не исключая и Николая, котораго она не воспитывала, такъ какъ онъ родился за нѣсколько мѣсяцевъ до ея кончины. «Сегодня родился огромнѣйшій мальчикъ, котораго окрестили Николаемъ. У него басъ и онъ кричитъ имъ удивительно; въ немъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки величиною съ мои; отродясь не видала такого рыцаря. Если онъ будетъ продолжать, какъ началъ, его братья будутъ карликами передъ этимъ колоссомъ». Черезъ десять дней: «Уже три дня, что рыцарь Николай ѣстъ кашку, такъ какъ ежеминутно проситъ ѣсть; полагаю, что ни одинъ восьмидневный ребенокъ столько не ѣлъ, какъ онъ — это просто неслыхано. Онъ совсѣмъ оттянулъ руки у нянекъ: если это такъ продолжится, я думаю, его отнимутъ отъ груди въ шесть недѣль. Онъ оглядываетъ всѣхъ, и держитъ и поворачиваетъ свою голову, какъ я» [2]). Екатеринѣ шелъ уже 65-й годъ, когда она сообщала Гримму, что «страстно любитъ играть съ дѣтьми» и что «внуки просятъ ее играть, такъ какъ съ нею гораздо веселѣе» [3]). Только доброе сердце можетъ такъ любить дѣтей.

У нея было, дѣйствительно, доброе сердце. Въ письмахъ къ Гримму встрѣчаются очень часто порученія о томъ или другомъ благодѣяніи, причемъ она проситъ только, чтобъ «объ этомъ не узнали газеты»; нерѣдко требуетъ, чтобъ ея имя не было извѣстно получающему ея благодѣянія [4]). Одна

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 147. [2]) Ibid., 679, 681. [3]) Ibid., 592.

[4]) Donnez à M-me la Roche ce qu'il vous plaira, mais ne lui donnez jamais en mon nom; faites lui passer cela sans qu'elle sache d'où cela vient. Сбор-

ея защита принцессы Августы Брауншвейгской, страдавшей отъ своего мужа, низкаго и грубаго герцога Вюртембергскаго, могла бы уже дать высокое понятіе о добромъ сердцѣ императрицы. Она сама сознавалась, что иногда должна была казаться болѣе суровою, чѣмъ была по натурѣ своей; только въ политикѣ не допускала она сердечныхъ слабостей и хладнокровно казнила государственныхъ преступниковъ. Она писала о Пугачевѣ: «Этотъ честный негодяй, кажется, не обладаетъ разсудкомъ, такъ какъ надѣется, что, быть можетъ, будетъ помилованъ, или ужъ человѣкъ не можетъ жить безъ надежды и обольщенія» [1]).

Екатерину нерѣдко осуждаютъ, какъ женщину, за ея равнодушное отношеніе къ лицамъ, бывшимъ ей близкими. Такое осужденіе едва ли справедливо. Конечно, могутъ сказать, что смерть Потемкина, напр., поразила ее, какъ потеря государственнаго дѣятеля, что въ князѣ Орловѣ она теряла человѣка, оказавшаго ей извѣстныя услуги; но вотъ что писала Екатерина Гримму 2-го іюля 1784 года: «Когда я начала это письмо, я была въ счастіи и радости; дни мои пролетали такъ быстро, что я не замѣчала ихъ. Теперь ничего этого нѣтъ: я погружена въ живѣйшую скорбь, и счастья моего нѣтъ уже; я думала, что не переживу невознаградимую потерю лучшаго друга, постигшую меня недѣлю назадъ. Я надѣялась, что онъ будетъ опорой моей старости; онъ трудился, оказывалъ успѣхи, принялъ всѣ мои вкусы; это былъ юноша, котораго я воспиталъ, благодарный, кроткій, добросовѣстный, раздѣлявшій мое горе, когда оно случалось, и радовавшійся

никъ, XXIII, 254. Марія-Софія Ларошъ, рожд. Гутерманъ, 1731—1807, подруга Виланда, авторъ «Moralische Erzählungen», 1782, и др. беллетристическихъ произведеній. Гриммъ не исполнилъ требованія Екатерины, и Ларошъ узнала отъ него имя благодѣтельницы. Ibid., XLIV, 335. Гриммъ и Екатерина пишутъ M-me de la Roche; въ своихъ изданіяхъ, которыхъ Гриммъ не читалъ (235), она пишетъ Laroche, что и принято въ нѣмецкихъ біографическихъ словаряхъ.

[1]) Сборникъ, XXIII, 9.

моими радостями; словомъ, рыдая, объявляю вамъ, что генерала Ланскаго нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Злокачественная горячка, усложнившаяся жабой, свела его въ пять сутокъ въ могилу, и комната моя, прежде столь мнѣ любезная, стала для меня пустою пещерою, гдѣ я едва двигаюсь, какъ тѣнь. Я такъ слаба и болѣзненно поражена, что въ настоящую минуту не могу видѣть человѣческаго лица безъ того, чтобы рыданія не лишили меня способности говорить. Я не могу ни спать, ни ѣсть; чтеніе мнѣ въ тягость, и писать нѣтъ силъ. Не знаю, что будетъ со мною; знаю только, что въ жизнь мою я не была такъ несчастна, какъ съ тѣхъ поръ, какъ лучшій и дорогой другъ покинулъ меня. Я открыла ящикъ и нашла начатый листокъ, написала нѣсколько строкъ, но продолжать не въ силахъ» [1]).

Лѣтомъ 1788 года Екатерина писала Гримму: «У меня два дня была колика, продержавшая меня въ постели. Вчера, соскучившись лежать, я приказала подать мнѣ нѣмецкія книги, и мнѣ прислали, между прочимъ, журналъ, озаглавленный «Das graue Ungeheuer», въ которомъ помѣщенъ будто бы мой портретъ и этимъ портретомъ думаютъ оказать мнѣ великую честь, не признавая всѣхъ тѣхъ ужасовъ, въ которыхъ даже враги мои никого не успѣли увѣрить. Мнѣ отводятъ мѣсто непосредственно за Маріей-Терезіей—этимъ мѣстомъ я, конечно, должна быть довольна, и я даже увѣрена, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она превосходитъ меня, такъ какъ я, какъ вы знаете, не рождена для лжи. Но этотъ «Ungeheuer» требуетъ, чтобы вы написали мой портретъ съ натуры: онъ говоритъ, что въ Парижѣ есть человѣкъ (это не кто иной, какъ вы), имѣющій въ своемъ портфелѣ доказательства, что я вовсе не кровожадна. Можете себѣ представить! Вотъ какъ судятъ о людяхъ! вотъ какъ ихъ знаютъ! вотъ какіе съ нихъ портреты пишутъ! Онъ говоритъ, что я скорѣе хитра, чѣмъ

[1]) Сборникъ, XXIII, 316.

разсудительна или остроумна. Правда ли это? Судите сами. Наконецъ, онъ намекаетъ, что у меня всѣ пороки женщины. Опять-таки отдаю себя на вашъ судъ» [1]).

Три года ждала Екатерина своего портрета, писаннаго кистью Гримма, и не дождалась. Лѣтомъ 1791 года она сама набросала свой портретъ:

«Вотъ приблизительно мой портретъ. Я никогда не считала свой умъ творческимъ; я встрѣчала много людей, въ которыхъ находила, безъ зависти и ревности, болѣе ума, чѣмъ въ себѣ. Руководить мною всегда было очень легко— достаточно было представить мнѣ лучшія и болѣе основательныя мысли, чѣмъ мои, и я становилась послушна, какъ овечка. Причина этого кроется въ сильномъ желаніи, которое я всегда имѣла, содѣйствовать благу государства. Мнѣ посчастливилось узнать благіе и истинные принципы, чему я и обязана большими успѣхами; я имѣла неудачи, проистекавшія отъ ошибокъ, въ которыхъ я неповинна и которыя, быть можетъ, случились только потому, что мои распоряженія не были точно исполнены. Несмотря на всю гибкость моей натуры, я умѣла быть упряма или настойчива, какъ хотите, когда мнѣ казалось, что это необходимо. Я никогда не стѣсняла ничьего мнѣнія, но при случаѣ держалась своего собственнаго. Я не люблю споровъ, такъ какъ всегда замѣчала, что всякій остается при своемъ убѣжденіи; къ тому же я не могла бы никого перекричать. Никогда не была я злопамятна: Провидѣніе поставило меня такъ высоко, что, взвѣсивъ все по справедливости, я не могла мѣряться съ частными людьми и не находила равной себѣ партіи. Вообще, я люблю справедливость, но держусь того мнѣнія, что безусловная справедливость не есть справедливость, и что лишь условная справедливость совмѣстна со слабостью человѣка. Но во всѣхъ случаяхъ я предпочитала человѣколюбіе и снисходительность

[1]) Сборникъ, XXIII, 462.

правиламъ строгости, которую, какъ мнѣ казалось, часто дурно понимаютъ. Къ этому привело меня мое собственное сердце, которое я считаю нѣжнымъ и добрымъ. Когда старики проповѣдывали мнѣ суровость, я, заливаясь слезами, признавалась въ своей слабости, и видѣла, какъ они, со слезами же на глазахъ, присоединялись къ моему мнѣнію. Я по природѣ своей весела и искренна, но я долго жила на свѣтѣ и знаю, что есть желчные умы, не любящіе веселости, и что не всѣ способны терпѣть правду и откровенность. Прощайте. На сегодня довольно» [1]).

III.

Говорятъ и повторяютъ, будто большая французская революція заставила Екатерину отречься отъ своихъ идеаловъ и обратиться противъ французскаго народа, который она такъ долго боготворила, и противъ своихъ же учителей, французскихъ философовъ; увѣряютъ даже, будто «при первыхъ же раскатахъ революціоннаго грома» Екатерина приказала убрать съ ея глазъ бюстъ Вольтера. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе несправедливое и неосновательное. Какою Екатерина была до революціи, такою же осталась она и послѣ революціи. Кто изъ французскихъ «философовъ» былъ ея учителемъ? Не Руссо, конечно, котораго она не выносила и на борьбу котораго съ культурою смотрѣла, какъ на богомерзкую ересь противъ религіи вѣка. Во французской революціи Екатерина видѣла движеніе, прямо противное духу Вольтера и философовъ: «Что же сдѣлаютъ французы съ своими лучшими писателями, которые всѣ, и даже Вольтеръ, роялисты, всѣ проповѣдуютъ порядокъ и спокойствіе, и все, что они проповѣдуютъ, прямо противоположно системѣ гидры о 1.200 головахъ? Сожгутъ ли французы произведенія своихъ философо-

---

[1]) Сборникъ, XLII, 166; ср. XXIII, 56, 153; XLII, 125.

фовъ? Если не сожгутъ, то почерпнутъ изъ этихъ произведеній принципы, противорѣчащіе ихъ системѣ, если только у нихъ есть какая-либо система» [1]). Спустя три года: «Итакъ, въ концѣ XVIII столѣтія стало, кажется, заслугою убивать людей, и потомъ меня хотятъ увѣрить, будто Вольтеръ проповѣдывалъ убійство—вотъ какъ дерзаютъ клеветать на людей! Я убѣждена, что Вольтеръ предпочелъ бы оставаться тамъ, гдѣ его погребли, чѣмъ находиться въ обществѣ Мирабо въ церкви св. Женевьевы» [2]). Когда былъ высказанъ взглядъ, что ученія французскихъ философовъ подготовили революцію: «Послушайте, французскіе философы, которыхъ обвиняютъ въ томъ, будто они подготовили французскую революцію, впали, быть можетъ, въ одну только ошибку: они полагали, что проповѣдуютъ людямъ съ добрымъ сердцемъ и доброй волей» [3]). Въ чемъ же революція измѣнила взгляды Екатерины на философовъ?

Не философовъ, короля обвиняла Екатерина II за революцію. Съ государственною прозорливостью, ее отличавшею, она негодовала на слабость Людовика XVI и предсказывала паденіе королевской власти во Франціи. Еще въ 1787 году Екатерина писала Гримму: «Нельзя сказать, чтобы Людовику XVI вообще много льстили; напротивъ, всевозможными способами старались убѣдить его, что онъ нуждается въ опекѣ, и доказать ему, что онъ ничего не понимаетъ въ дѣлахъ, а между тѣмъ онъ трудолюбивъ, добръ, обладаетъ здравымъ смысломъ, желаетъ всѣмъ блага. Посмотримъ еще, что сдѣлаютъ опекуны или опекунъ—начало ихъ никуда не годится; если отступили,

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 488, 493, 495. L'hydre aux douze cents têtes, un monstre pourri et puant—такъ Екатерина называетъ Національное Собраніе во Франціи.

[2]) Т.-е. въ Пантеонѣ. Ibid., 565. Вотъ отзывъ Екатерины о Мирабо: Mirabeau était l'être colossal ou monstrueux de notre temps, car dans un autre il aurait été fui, détesté, enfermé, pendu, roué etc... Mirabeau mérite l'estime de Sodome et de Gomorrhe (Ibid., 520, 521).

[3]) Ibid., 587.

чтобъ лучше прыгнуть, это еще ничего; но если отступя не прыгнутъ, о, тогда прощай уваженіе, добытое двухсотлѣтней исторіей, и кто же повѣритъ людямъ, не имѣющимъ ни воли, ни силы, ни энергіи. Вѣдь не такъ ужъ дурны дѣла, чтобъ, получивъ оплеуху по одной щекѣ, подставлять другую—это, пожалуй, по-евангельски, но вовсе не по-королевски. Излишнее смиреніе вредно для государства» [1]). Еще въ октябрѣ 1789 г., когда чернь принудила короля поселиться въ Тюильри, Екатерина предсказала, что Людовика XVI постигнетъ участь Карла I [2]). Императрица обвиняла его въ двоедушіи и находила, что «пока король Франціи будетъ проявлять двѣ противорѣчащія воли, волю тайную и волю публичную, изъ которыхъ одна будетъ постоянно уничтожать другую въ своихъ дѣйствіяхъ» [3]), онъ не заслуживаетъ помощи. Получивъ извѣстіе о конституціи 1791 года, Екатерина пишетъ Гримму: «Ну, вотъ. Людовикъ XVI влѣпилъ-таки свою подпись подъ этой нелѣпой конституціей и спѣшитъ принесть присягу, которой, конечно, не сдержитъ и которой, къ тому же, никто отъ него не требуетъ! Но кто же эти безсмысленные люди, заставляющіе его дѣлать подобныя глупости? Вѣдь это, дѣйствительно, недостойныя низости—подумаешь, что у нихъ нѣтъ ни совѣсти, ни чести. Я страшно сержусь; я топнула ногой, читая всѣ эти... эти... эти мерзости. Тьфу, какіе негодяи! Если ихъ всѣхъ еще не перевѣшали, возьмите розгу и высѣките всѣхъ этихъ школьниковъ, совѣтниковъ французскаго короля, за всѣ тѣ гадости, которыя они совѣтуютъ ему дѣлать—это, вѣдь, значитъ ронять себя, унижаться, дѣлать себя презрѣннымъ и смѣшнымъ; словомъ, поколотите ихъ, я предоставляю вамъ въ этомъ полную власть, лишь бы они были побиты:

Renoncer aux dieux, que l'on croit dans son coeur
C'est le crime d'un lâche, et non pas une erreur“ [4]).

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 426. [2]) *Храповицкій*, 314.

[3]) *Соловьевъ*, Паденіе Польши, 358; Сборникъ, XLII, 316.

[4]) Отречься отъ боговъ, которымъ вѣришь въ сердцѣ, это уже не заблужденіе, а подлое преступленіе. Сборникъ, XXIII, 560. Даже въ 1792 г. Екате-

Гриммъ смотрѣлъ на революцію глазами Екатерины II. Въ его взглядахъ и сужденіяхъ не встрѣчается ничего новаго, оригинальнаго, хотя его наблюденія и описанія очень мѣтки, очень интересны. Національное воодушевленіе, охватившее въ то время всю Францію, было чуждо его уму и сердцу; онъ способенъ, напримѣръ, только повторять вопли эмигрантовъ противъ постановленій ночи 4-го августа, значеніе которыхъ навсегда осталось загадкою для всѣхъ Гриммовъ. Подобно Екатеринѣ, Гриммъ защищаетъ Вольтера: «О, какъ былъ бы несчастливъ Вольтеръ, еслибъ дожилъ до революціи! Еслибъ онъ даже былъ истый аристократъ и въ такомъ случаѣ страхъ сдѣлалъ бы его демократомъ, якобинцемъ, санъ-кюлотомъ, всѣмъ, чѣмъ угодно. Люди легкомысленные видятъ въ немъ одного изъ подготовителей этой пагубной революціи — въ этомъ смыслѣ цареубійцы наказали уже его, воздавъ ему почести Пантеона и смѣшавъ его прахъ съ останками Марата и другихъ преступниковъ. Но, если Господь продлитъ мнѣ жизнь, я отомщу за такую клевету на Вольтера и укажу истинныхъ и единственныхъ виновниковъ французской революціи» [1]). Подобно Екатеринѣ, онъ обвиняетъ Людовика XVI: «Есть одинъ человѣкъ, который могъ бы уже двадцать, сто разъ спасти Францію, спасти во мгновеніе ока, но онъ не хочетъ этого; этотъ французъ—французскій король» [2]).

Изъ всѣхъ «французскихъ философовъ» одинъ только Гриммъ пережилъ французскую революцію; но не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что Вольтеръ и Дидро, Гольбахъ и Гельвецій, Д'Аламберъ и даже Руссо отнеслись бы къ перевороту съ тѣмъ же чувствомъ, какъ и Гриммъ, еслибъ судьба привела ихъ присутствовать при разрушеніи того общества, среди котораго они родились, выросли и работали. У Гримма,

---

рина писала Гримму: Malheureusement le mal réside aux Tuileries et nulle part autre. Cela est vrai et vérifié. Ibid., 567.

[1]) Сборникъ, XLIV, 549. [2]) Ibid., 389.

однако, было одно утѣшеніе, котораго не было бы у его «друзей»—онъ не былъ французомъ; онъ сознавалъ себя нѣмцемъ, чуждымъ французской націи. «Несомнѣнно, пишетъ Гриммъ, что французы всегда французы, что Вольтеръ нашелъ бы ихъ такими же, какими оставилъ, какими они были двѣ тысячи лѣтъ назадъ; по тому, какъ французы воспользовались свободой, они доказали, что она идетъ къ нимъ, какъ коровѣ сѣдло». Онъ повторяетъ это не разъ, съ самодовольствіемъ прибавляя, что «разсудокъ и размышленіе зрѣютъ во Франціи позже, чѣмъ гдѣ-либо», что «французская нація, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ на свѣтѣ, всегда отличалась запальчивостью, необузданностью и ребячествомъ»; онъ съ радостью извѣщаетъ Екатерину, что въ Готу не проникло еще «французское зло» [1]) и т. п.

Французскіе философы, не сознавая и, быть можетъ, не желая, содѣйствовали отчасти французской революціи. Умная Екатерина хорошо понимала это, но не отдавала себѣ отчета въ степени «виновности» французской философіи, и допрашивала Гримма: «Вспомните, что король прусскій увѣрялъ, будто Гельвецій сознавался ему, что цѣль философовъ—опрокинуть всѣ троны, и что Энциклопедія имѣла въ виду только уничтожить всѣхъ государей и всѣ религіи». Спустя годъ, Екатерина повторила вопросъ: «Я терпѣливо буду ожидать того благопріятнаго момента, когда вамъ будетъ угодно обѣлить въ моихъ глазахъ философовъ и ихъ послѣдователей по поводу ихъ участія въ революціи и особенно въ Энциклопедіи, хотя Гельвецій и Д'Аламберъ оба сознались покойному королю прусскому, что Энциклопедія имѣла двѣ цѣли—уничтожить христіанскую религію и ниспровергнуть королевскую власть. Объ этомъ говорили уже въ 1777 году» [2]). Никто изъ «философовъ», менѣе же всего Гриммъ могъ отвѣчать на такой вопросъ. Современники не могли спокойно

[1]) Сборникъ, XLIV, 382, 393, 395. [2]) Ibid., XXIII, 593, 622.

обсудить и хладнокровно высказаться о причинахъ переворота, такъ жестоко поражавшаго не только ихъ взгляды и мнѣнія, даже чувствованія и вѣрованія. Едва ли, однако, кто-либо изъ философовъ, кромѣ Гримма, былъ бы способенъ считать министровъ финансовъ главными виновниками революціи! «Тюрго долженъ быть причисленъ къ тріумвирату генеральныхъ контролеровъ, истинныхъ виновниковъ переворота. Тюрго, Калоннъ и Неккеръ, три лица разныхъ характеровъ и системъ, слѣдовали одинъ за другимъ и, не желая, не сознавая, разрушили монархію» [1]). Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что Гриммъ былъ гораздо умнѣе подобнаго приговора и высказывалъ его, конечно, только изъ угодливости къ «божественной императрицѣ», зная, что Екатерина не довѣряла Тюрго, что Калоннъ «ей не по вкусу», что Неккера называла она «накрахмаленнымъ фразеромъ»—и Гриммъ достигъ цѣли: приговоръ понравился Екатеринѣ. «Охотно подписываюсь, отвѣчала Екатерина, и вполнѣ принимаю вашъ приговоръ надъ Тюрго, Калонномъ и Неккеромъ» [2]).

«Большая французская революція не можетъ быть понята безъ уразумѣнія стараго порядка», сказалъ еще Токвилль. Это тѣмъ болѣе безспорно, что ближайшею задачею революціи было все-таки ниспроверженіе стараго порядка, l'ancien régime, возбудившаго въ концѣ концовъ общую ненависть всѣхъ классовъ французскаго народа, привилегированныхъ и податныхъ. Подъ революціей разумѣютъ обыкновенно тотъ переворотъ, который уничтожилъ весь феодальный строй «стараго порядка», упразднивъ всѣ привилегіи, не исключая даже королевской власти, и создалъ совершенно новое государственное устройство, въ основу котораго положены равенство и свобода. Временемъ этого переворота обозначаютъ послѣдніе годы XVIII и первые XIX стол. Это ошибка. Здѣсь подъ революціей разумѣются только внѣшнія проявленія того

---

[1]) Сборникъ, XLIV, 687. [2]) Ibid., XXIII, 372, 415, 637, 674.

умственнаго переворота, который совершился задолго до конца XVIII вѣка, той революціи въ умахъ, которая заранѣе опредѣлила ходъ и поставила цѣли революціи фактовъ. Познать старый порядокъ не трудно; гораздо труднѣе было уразумѣть эту умственную революцію, которая совершилась не только во время полнаго господства стараго порядка, но при его участіи, при непосредственномъ даже содѣйствіи тѣхъ его органовъ, которые пали первыми жертвами революціи. Эта революція въ умахъ началась задолго до созванія Національнаго Собранія и взятія Бастиліи, и далеко еще не окончилась.

Во второй половинѣ XVII вѣка, при Людовикѣ XIV, во время нимвегенскаго мира 1678 года, французскій народъ былъ не только доволенъ, даже гордъ своимъ правительствомъ. Онъ гордился блистательнымъ царствованіемъ, когда велись побѣдоносныя войны, производилось много грандіозныхъ сооруженій, покровительствовались науки и искусства. Была, конечно, и тѣневая сторона въ этой эпохѣ: протестанты преслѣдовались, науки и искусства покровительствовались лишь настолько, насколько они льстили королю, поддерживали монархическій принципъ и т. п.; но народъ былъ счастливъ и самодовольно пожиналъ то, что посѣялъ Генрихъ IV и возростилъ Ришелье. Въ первой половинѣ XVIII вѣка, при Людовикѣ XV, во время ахенскаго мира 1748 года, Франція уже недовольна своимъ правительствомъ; народъ съ презрѣніемъ относится къ королю, духовенству, дворянству. Людовикъ XIV не царствовалъ, онъ священнодѣйствовалъ, причемъ совмѣщалъ въ своемъ лицѣ и жреца, и божество; Людовикъ XV — король неумѣлый, заботившійся лишь о томъ, чтобъ всѣ забыли, что онъ король, и оставили бы его въ волю наслаждаться въ своемъ Тріанонѣ. Духовенство, блиставшее еще недавно такими именами, какъ Боссюэтъ, Фенелонъ, Массильйонъ, теперь ссорится и интригуетъ изъ-за освобожденія отъ налоговъ, за привилегіи; если оно ратуетъ,

протестуетъ, то только противъ идей свободныхъ, противъ возвращенія протестантовъ, противъ театральныхъ зрѣлищъ, противъ печати. Дворянство потеряло уже свой престижъ и играетъ двойную игру: въ Парижѣ либеральничаетъ, глумится надъ придворной жизнью, а въ Версали протягиваетъ руку, выманивая пенсіи и доходныя мѣста.

Революція въ умахъ началась; она совершается во-очію. Вольтеръ и Монтескье, любимые «учителя» Екатерины II— представители этого перехода отъ эпохи Людовика XIV ко временамъ Людовика XV. Оба они образовались и выросли при регентствѣ. Ни Вольтеръ, не разъ сидѣвшій въ Бастиліи и долгое время жившій въ Англіи, ни Монтескье, впервые провозгласившій въ своемъ «L'esprit des lois» правовыя основы общественныхъ отношеній и условій, не могли имѣть обширнаго круга вліянія. «Въ Англіи и Голландіи, говоритъ Вольтеръ, въ Женевѣ и Гамбургѣ всякій человѣкъ свободенъ; но есть еще области и обширныя королевства, гдѣ большая часть людей суть рабы». Въ числѣ этихъ «vastes royaumes» читатель долженъ былъ разумѣть и Францію. Монтескье еще осторожнѣе Вольтера: онъ говоритъ о королѣ Сіама, о властителѣ Пегу, не смѣя назвать Людовика XIV. Конечно, подобныя иносказанія понятны весьма ограниченному кругу, и ими нельзя просвѣтить народъ, тѣмъ менѣе воодушевить его къ активному протесту.

За Вольтеромъ и Монтескье явилась «новая школа», принесшая все въ жертву человѣческой свободѣ. Эта школа отбросила иносказанія, усвоила всѣмъ доступный языкъ и далеко расширила кругъ своего вліянія. Она развивалась очень быстро. Еще Робеспьеръ молится на «Contrat sociale» Руссо, но болѣе ярые республиканцы клянутся уже писаніями Гольбаха, Гельвеція, Дидро. Новая школа выступила съ проповѣдью трехъ новыхъ воззрѣній на природу, разумъ и прогрессъ. Эти воззрѣнія настолько разнились отъ прежнихъ понятій о природѣ, разумѣ и прогрессѣ, что они справедливо были признаны новыми идеями.

Никогда не говорили и не писали объ этихъ идеяхъ такъ много, какъ въ XVIII вѣкѣ, причемъ высказывались совершенно своеобразныя понятія. По Цицерону, напримѣръ, человѣкъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ онъ ближе къ природѣ, то-есть естественный человѣкъ представлялся человѣкомъ идеальнымъ; въ XVIII же вѣкѣ естественнымъ человѣкомъ являлся человѣкъ физическій, матеріальный. Гельвецій прямо говоритъ, что «права человѣка суть его матеріальныя потребности». Всякій человѣкъ обладаетъ разумомъ, который можетъ не только безошибочно обсуждать, но, какъ полагали въ XVIII столѣтіи, и безошибочно творить; если же таково свойство разума, то все имъ созданное безошибочно хорошо для всего человѣчества, какъ математическая истина: дважды два—четыре не только для европейца, но и для полинезійца». Тутъ ужъ нѣтъ мѣста даже вопросу о національности, и французы XVIII вѣка надѣются облагодѣтельствовать все человѣчество, хотятъ быть гражданами всего міра, космополитами. Когда Законодательное Собраніе признало Анахарзиса Клоца французскимъ гражданиномъ, онъ, въ благодарственной рѣчи къ собранію, назвалъ себя гражданиномъ міра и выразился такъ: «Messieurs, mon cœur est français, mais mon âme est sans-culotte». Такими же крайностями отличается и третья идея, идея прогресса, волновавшая умы XVIII стол. Мы всѣ признаемъ прогрессъ, признаемъ способность человѣка къ безконечному совершенствованію; но въ XVIII вѣкѣ предполагали, что безконечный прогрессъ приводитъ къ всесовершенному идеалу, и Кондорсе допускалъ, что можно уничтожить болѣзни, даже упразднить самую смерть.

Эти идеи казались всѣмъ простыми и понятными. Когда онѣ стали достояніемъ низшихъ слоевъ общества, буржуазіи, разночинцевъ — революція въ умахъ совершилась окончательно [1]). Эти новыя идеи настолько были дѣйствительно

[1]) Умный графъ С. Р. Воронцовъ, русскій посолъ въ Лондонѣ, писалъ осенью 1787 года: «La révolution est déjà faite dans esprits français». Архивъ князя Воронцова, IX, 127.

*

нòвы, создавали міросозерцаніе, столь несогласное съ воззрѣніями стараго порядка, и, вмѣстѣ съ понятіями о равенствѣ и свободѣ, такъ соблазнительно охватывали все существо человѣка, что переворотъ, произведенный ими въ умахъ, отличался страстностью, для насъ едва понятною. Когда страсти возбуждены, человѣкъ не разсуждаетъ, не обдумываетъ, тѣмъ менѣе народъ, особенно же французскій, измученный въ то время голодовками и налогами. Въ странѣ, гдѣ вопросы государственные и общественные, политическіе, религіозные и экономическіе свободно, публично обсуждаются и добытые обсужденіемъ результаты становятся постепенно достояніемъ всѣхъ, тамъ общество испытываетъ реформы; въ странѣ же политически неразвитой, привыкшей жить болѣе чувствомъ, чѣмъ разумомъ, болѣе подъ опекой, чѣмъ на свой рискъ, перевороты, даже чисто умственные, поражаютъ прежде всего чувство, возбуждаютъ страсти и ведутъ къ революціи. Въ такомъ именно положеніи была Франція XVIII вѣка: для нея примѣнять эти новыя идеи къ вопросамъ политики, внутренней и внѣшней, внутренней прежде всего, значило низвергнуть весь государственный строй стараго порядка, начиная съ королевской власти, значило произвесть то, чтò обыкновенно называютъ революціей.

Екатерина, слѣдовательно, была права, когда допрашивала Гримма о «виновности» философовъ въ революціи и просила его обѣлить ихъ въ этомъ отношеніи: революція въ умахъ была, конечно, произведена при ихъ участіи. Иначе и быть не могло. Права Екатерина и въ томъ, что въ практикѣ жизни видитъ главную цѣль французскихъ философовъ въ разрушеніи—для блага французскаго народа необходимо было, прежде всего, разрушить «старый порядокъ», при которомъ не могло быть и рѣчи о народномъ благосостояніи, если подъ нимъ не разумѣть исключительно только удовлетвореніе животныхъ потребностей. Гриммъ, напротивъ, ничего этого не понималъ, и, будучи еще въ Петербургѣ, отрекался даже

отъ принадлежности къ философамъ, до того ему былъ милъ старый порядокъ. «Помните, въ 1777 году, вы никакъ не хотѣли, чтобы васъ причисляли къ философамъ. Да, вы были правы: у философовъ, иллюминатовъ и ясновидцевъ, у всѣхъ ихъ, какъ доказываетъ опытъ, была одна цѣль — разрушать. Но что бы они ни говорили и ни дѣлали, міръ никогда не обойдется безъ хозяина и все-таки лучше для міра временное заблужденіе одного, чѣмъ безуміе многихъ» [1]). Эту же мысль высказывалъ и Вольтеръ. Когда Людовикъ XV, особымъ эдиктомъ 1771 года, учредилъ королевскій судъ, упразднивъ парламенты, «все королевство, по свидѣтельству Вольтера, пришло въ ужасъ; провинціи были возбуждены не менѣе Парижа». Между тѣмъ, этимъ эдиктомъ осуществлялась важная судебная реформа, которая упраздняла приказное взяточничество, дѣлала судопроизводство даровымъ, уничтожала продажность должностей. Вольтеръ не понялъ, почему «французы» противъ этого эдикта. «По-моему, говоритъ Вольтеръ, ужъ лучше зависѣть отъ каприза одного льва, чѣмъ сотни мышей!» Вольтеръ не сознавалъ, что задача новаго общества заключалась въ томъ, чтобы вовсе не зависѣть ни отъ чьего каприза.

27-го іюля 1789 года въ Петербургъ пріѣхалъ титулярный совѣтникъ Павловъ, курьеромъ изъ Парижа, съ депешами отъ посланника Симолина. Екатерина пожелала лично разспросить курьера, но Павловъ «оробѣлъ». Узнавъ изъ первыхъ же строкъ депеши Симолина, что «переворотъ во Франціи совершился и королевская власть уничтожена» [2]), Екатерина нимало тому не удивилась: «Какой же Людовикъ XVI король! Онъ всякій вечеръ пьянъ и имъ управляетъ кто хочетъ—Бретэйль, принцъ Конде, графъ Артуа, наконецъ Лафайеттъ» [3]). За годъ до этого, графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, исходя изъ того же взгляда, пред-

[1]) Сборникъ, XXIII, 593. [2]) Русскій Архивъ, 1875, II, 410.
[3]) *Храповицкій*, 299.

сказывалъ революцію: «Король—глупъ, королева—интриганка, безъ таланта и безъ твердости, столь же всѣми ненавидимая, какъ король презираемъ. Вельможи подкапываются другъ подъ друга. Толкуютъ о свободѣ, о конституціи, о финансахъ, и не могутъ столковаться. Все это кончится общимъ замѣшательствомъ и можетъ быть даже междоусобною войною» [1]).

Екатерина, какъ и ея представитель въ Англіи, не допускали, чтобы французы могли быть свободны. «Двадцать милліоновъ французовъ—писала Екатерина Гримму—приходятъ въ ярость изъ-за одного слова свобода, которой они не имѣютъ и тѣни, и за которой эти безумцы гонятся, но никогда имѣть ея не будутъ» [2]). Графъ С. Р. Воронцовъ указываетъ и причины, почему французы не могутъ быть свободны: «Французы рѣшительно хотятъ быть столь же свободными, какъ англичане, не обращая вниманія на то, что ихъ территоріальное положеніе, во многомъ зависящее отъ войска и крѣпостей, безъ которыхъ они обойтись не могутъ, не позволяетъ имъ быть свободными». Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ это письмо было писано, Франція доказала, что можетъ быть свободной и «не обращая вниманія» на крѣпости; нѣсколько же лѣтъ спустя—что свободный народъ при помощи тѣхъ же крѣпостей можетъ защищать свою свободу отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Какъ графъ Воронцовъ, столь восторгавшійся свободными учрежденіями Англіи, рѣшительно высказывается противъ стремленій французовъ къ свободѣ, такъ и Екатерина, защищавшая нѣкогда англійскую конституцію, громитъ конституцію французскую. «Я въ страшномъ гнѣвѣ,—пишетъ она Гримму въ 1778 году,—меня извѣщаютъ, что англійская конституція, которую всѣ считали лучшею формою правленія въ Европѣ, оказывается самою дурною, при которой

[1]) Письмо изъ Ричмонда, отъ 30 августа 1788 г. Архивъ князя Воронцова, IX, 138.

[2]) Сборникъ, XXIII, 593.

нельзя даже наказать виновныхъ. Вотъ что̀ меня злитъ, и не дай Богъ, чтобы сами англичане были такого же мнѣнія. Что касается меня, я говорю: вотъ что значитъ быть глупцами! Но Георгъ II и его предшественники дѣйствовали иначе—слѣдовательно виноваты люди, а не конституція» [1]). Въ 1791 году, Екатерина пишетъ тому же Гримму: «Лучшая изъ всевозможныхъ конституцій ни къ чорту не годится, потому что она дѣлаетъ болѣе несчастныхъ, чѣмъ счастливыхъ; хорошіе и честные люди отъ нея страдаютъ, и только злодѣямъ она на пользу, такъ какъ они при помощи ея набиваютъ свои карманы и никто ихъ не наказываетъ. Вотъ образецъ, который предлагаютъ въ подражаніе всей Европѣ; но раньше того, я полагаю, Европѣ надо сойти съ ума. Французскіе демократы обезумѣли, не въ обиду имъ будь сказано» [2]).

Переписка Екатерины и Гримма получаетъ особенный интересъ не со времени французской революціи, а съ начала второй турецкой войны, и интересъ этотъ объясняется тѣмъ, что въ переписку вводятся чисто политическіе вопросы. Содержаніе писемъ опять рѣзко отличаетъ переписывающихся. Гриммъ пишетъ преимущественно о французской революціи, Екатерина—о положеніи Россіи. То и другое вполнѣ понятно: Гриммъ не зналъ Россіи, не понималъ ея интересовъ, между тѣмъ какъ и онъ самъ, и близкія ему лица страдали отъ французской революціи [3]); Екатерина, напротивъ, съ 1787 по

[1]) Сборникъ, XXIII, 92.

[2]) Ibid., 539. Выраженіе «ne vaut pas le diable» нельзя переводить «не стоитъ дьявола». Въ русскихъ бумагахъ Екатерина всегда употребляетъ слово *чортъ*, никогда *дьяволъ*. Въ 1775 г., на докладѣ князя Потемкина, что генералъ-поручикъ Медемъ стоитъ подъ Дербентомъ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, и проситъ подкрѣпленія, Екатерина положила резолюцію: «чортъ велѣлъ къ Дербенту идти» (Сборникъ, XXVII, 60); въ 1793 году, извѣщая о согласіи на отставку графа А. Р. Воронцова, Екатерина, между прочимъ, пишетъ: «чортъ его побери» (Архивъ кн. Воронцова, XII, 103).

[3]) Его домъ въ Парижѣ былъ разграбленъ (Сборникъ, XLIV, 638); братъ m-me de Bueil былъ «съѣденъ» въ Нормандіи (397); г-жа д'Эпинэ потеряла все состояніе (181) и т. п.

1792 годъ, въ теченіе пяти лѣтъ, была исключительно занята «обороною чести и цѣлости» Россіи—ей было не до революціи. которою она интересовалась, конечно, менѣе, чѣмъ турецкою или шведскою войною.

Чѣмъ серьезнѣе переписка, тѣмъ очевиднѣе слабость Гримма и сила Екатерины. Не такъ давно, въ русской печати было высказано мнѣніе, будто «во всѣхъ политическихъ совѣтахъ Екатеринѣ, Гриммъ является искреннимъ радѣтелемъ о пользахъ ея и Россіи» [1]). Это мнѣніе можетъ быть объяснено только малымъ знакомствомъ съ перепискою: вопервыхъ, осторожный Гриммъ никогда не давалъ Екатеринѣ политическихъ совѣтовъ отъ своего имени; во-вторыхъ, во всѣхъ письмахъ Гримма встрѣчается только одинъ «политическій совѣтъ», но и тотъ былъ отвергнутъ Екатериною, какъ негодный. Въ этомъ случаѣ ярко обрисовалась особенность писемъ Гримма. полныхъ шутовской, многоглаголевой болтовни, и отвѣтовъ Екатерины. краткихъ и дѣльныхъ. Приведемъ письмо и отвѣтъ:

Вслѣдъ за окончаніемъ шведской войны верельскимъ миромъ, 24-го ноября 1790 года Гриммъ пишетъ Екатеринѣ: «Вихрь коронаціи Леопольда помѣшалъ мнѣ сказать Вашему Величеству, какъ я страдалъ отъ преданныхъ вамъ лицъ по случаю этого верельскаго мира. По мѣрѣ того, какъ миръ этотъ забирался въ ихъ головы, вмѣсто того, чтобы пріучать ихъ къ этой мысли, онъ только увеличивалъ ихъ безуміе. Я уже готовился увидѣть ихъ прыжки, услышать ихъ оглуши-

---

[1]) *Гротъ*, 157. Между тѣмъ, нѣсколько страницъ ниже, объ этомъ же нѣмцѣ-радѣтелѣ о пользахъ Россіи сказано: «Гримму, какъ западному европейцу, трудно допустить мысль, что политика Россіи можетъ быть національною на собственную пользу, и онъ постоянно видитъ ея задачу только въ умиротвореніи Европы» (192). Тутъ, вѣроятно, вслѣдствіе типографскихъ опечатокъ, искаженъ смыслъ въ одномъ изъ приведенныхъ мѣстъ: человѣкъ, не допускающій даже мысли, чтобъ политика Россіи могла быть національною на собственную пользу, не можетъ же быть «радѣтелемъ о пользахъ Россіи», да еще и «искреннимъ»!

тельные крики: ну, ужъ вотъ мастерское дѣло, вотъ ловкая штука, вотъ капитальный подвигъ! Время отъ времени я говорилъ имъ: ну вы, дураки, развѣ вы отъ своего молодца могли ожидать чего-нибудь иного, кромѣ капитальныхъ подвиговъ? Они даже было вздумали, Государыня, побуждать меня отправить, не теряя времени, нарочнаго къ Вашему Величеству! Да зачѣмъ же? А затѣмъ, говорили они мнѣ, что недостаточно отдѣлаться отъ врага, не надо ей оставаться на полудорогѣ, надо забыть его проказы и сдѣлать себѣ изъ него друга, готоваго идти за нее въ огонь и въ воду. — А какъ же за это взяться? — Нѣтъ ничего легче. Ей стоитъ только конфиденціально признаться ему, что, правда, гнѣвъ ея былъ очень великъ, очень глубокъ; но онъ не могъ устоять передъ удивленіемъ, внушеннымъ ей личною его храбростью; что это чувство покорило ее и заставило ее забыть все прошедшее. Донъ-Кихотъ, замѣтили мнѣ близкіе люди, никогда не стремился къ другой славѣ, какъ къ репутаціи личной храбрости; за эту честь онъ соглашался быть измолотымъ, избитымъ; а вѣдь извѣстно, что Ламаншскій герой—есть любимый образецъ героя, котораго намъ желательно видѣть покореннымъ ею. Если разъ онъ удостовѣрится, что она до смерти имъ восхищается, то онъ на всю жизнь будетъ прикованъ къ ея колесницѣ. Не мѣшаетъ, однако, показать ему издали какую-нибудь приманку, въ видѣ какихъ-нибудь маленькихъ барышей для него, если онъ станетъ ходить прямо и заставитъ забыть всѣ свои безчестныя проказы. Мы очень помнимъ, что если онъ по героизму и принадлежитъ къ семейству рыцаря Ламаншскаго, то въ отношеніи къ маленькимъ выгодамъ совершенно держится правилъ добраго Санхо, который думалъ о существенномъ. Это мы очень хорошо замѣтили во времена нашего съ нимъ сближенія, также какъ и его необыкновенное нерасположеніе къ роднымъ своей матери, что, какъ мы полагаемъ, въ настоящую минуту еще сильнѣе, чѣмъ когда-либо.—Я спрашивалъ у этихъ болтуновъ:

какую выгоду извлечетъ она изъ союзника, котораго вы хотите навязать ей и котораго она менѣе чѣмъ въ три кампаніи окончательно надсадила? На этотъ вопросъ, надо сознаться, они мнѣ сдѣлали отвѣты весьма основательные. Прежде всего, они предположили, что Данія никогда не можетъ идти иначе. какъ прямо; если она не станетъ дѣлать того, что слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ никогда нельзя будетъ склонить ее, какія бы ни предлагали ей выгоды, дѣлать то, чего не слѣдуетъ. Надо быть справедливымъ даже къ безумцамъ: это не показалось мнѣ несбыточнымъ, но едва я призналъ эту возможность, какъ они сочли ее уже неоспоримою и показали мнѣ лигу между тремя коронами, какъ весьма легко исполнимую [1]), чтобы заставить уважать Балтику и защитить ее отъ появленія всякаго военнаго флага, не дозволеннаго въ этомъ морѣ, что̀, по ихъ мнѣнію, не сдѣлало бы кампанію Герцберга, ни его вызывающія дѣйствія болѣе легкими, чѣмъ надо. Когда они изложили мнѣ подробно свои мысли съ большимъ жаромъ и гораздо многословнѣе, чѣмъ я говорю здѣсь, ибо Вашему Величеству извѣстно ихъ многословіе и болтливость, я спросилъ ихъ, для того ли они желали заставить меня послать курьера императрицѣ, чтобъ сообщить ей этотъ планъ, и. обратившись къ нимъ, какъ они того заслужили, я сказалъ имъ: ну вы архи-дураки, держите разъ навсегда языки за зубами, ибо ваша болтовня несносна» [2]), и т. д., и т. д.

На всю эту «несносную болтовню» Екатерина отвѣчала: «Мнѣ не по сердцу совѣтъ, который вы мнѣ даете—проник-

[1]) «Ясно, что болтуны предполагаютъ геній созданнымъ для того, чтобъ покорять и соединять вокругъ себя тѣхъ, кто склоненъ ненавидѣть другъ друга, и чтобы господствовать надъ ними своимъ неотразимымъ вліяніемъ. Какъ совершитъ онъ это чудо? Это его тайна; но этотъ принципъ—вѣчная и непреложная истина». (*Примѣч. Гримма*).

[2]) Сборникъ, XLIV, 386. Мы привели по переводу русскаго историческаго общества, напечатанному въ т. XXXIII, стр. 279, исправивъ лишь очевидныя ошибки.

нуться удивленіемъ къ врагу, примирившемуся со мною. Это можетъ произойти лишь въ томъ случаѣ, если онъ побѣдитъ всѣ соблазны, которыми Пруссія и Англія искушаютъ его, какъ демоны искушали св. Антонія» [1]).

Гриммъ и не могъ подавать политическихъ совѣтовъ, такъ какъ Екатерина далеко не была откровенна съ нимъ относительно политическаго положенія дѣлъ. Такъ какъ Гриммъ «изъявилъ желаніе получать извѣстія о всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ», то Екатерина сообщаетъ ему, что «теперь въ русской Финляндіи нѣтъ ни одной шведской кошки», что «вчера служили благодарственный молебенъ по случаю взятія Хотина», что «генералъ Дерфельденъ поразилъ турокъ близъ Галаца, на Дунаѣ», что «Суворовъ разбилъ турецкій корпусъ при Фокшанахъ, въ Молдавіи», что «пораженіе флота принцемъ Нассаускимъ полное», что «Суворовъ, соединясь съ принцемъ Саксенъ-Кобургскимъ, разбилъ въ пухъ и прахъ турокъ» при Рымникѣ, и т. д., причемъ, конечно, «среди всего этого въ Петербургѣ и смѣются, и сердятся, и читаютъ, и пишутъ, и шутятъ» [2]). Послѣ заключенія верельскаго мира, Екатерина пишетъ Гримму: «Въ письмѣ, которое фельдмаршалъ князь Потемкинъ написалъ мнѣ, какъ только получилъ упавшее ему какъ снѣгъ на голову извѣстіе о заключеніи мира, есть фраза очень характерная, и я не могу не перевести ее вамъ. Онъ схватилъ перо и такъ началъ свое письмо: *Здравствуй, матушка, всемилостивѣйшая государыня, съ плодомъ неустрашимой твоей твердости!* Я люблю геніальные порывы, и по-моему эта строка геніальна—не могу не признать этого, какъ ни былъ бы этотъ отзывъ лестенъ для меня. Я отвѣчала ему [3]), что русская императрица, у

[1]) Сборникъ, XXIII, 506.

[2]) Ibid., 435, 460, 465, 466, 476, 477, 488. Та же черта замѣчается и въ письмахъ Екатерины II къ Вольтеру по поводу первой турецкой войны: «on chante le «Te Deum», on danse et on se réjouit» — пишетъ она въ концѣ 1770 г. Сборникъ, XIII, 52.

[3]) Ibid., XLII, 103.

которой шестнадцать тысячъ верстъ за спиною, у которой арміи, привыкшія побѣждать въ теченіе почти цѣлаго столѣтія и предводимыя полководцами, которые такъ же геніальны, какъ офицеры и солдаты храбры и усердны, не можетъ безъ униженія своего сана не выказывать неустрашимой твердости» [1]). Сообщая о всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ, Екатерина умолчала, однако, о пораженіи принца Нассаускаго при Свенскзундѣ, а объ общемъ положеніи политическихъ дѣлъ отозвалась такъ: «Георгъ англійскій и Вильгельмъ прусскій шумѣли и шумятъ еще, но Господь воинствъ могучъ и одинъ повелѣваетъ помазанниками, и мы не будемъ слѣдовать никакимъ инымъ заповѣдямъ, кромѣ заповѣдей, Имъ внушенныхъ, къ чему бы это насъ ни привело. Мы на все готовы: и принять, и отбросить, и выдержать, и биться, и надѣемся, что Господь воинствъ услышитъ и благословитъ правое дѣло, и въ этомъ твердомъ упованіи мы покойны, увѣрены, привѣтливы, веселы и всю зиму танцуемъ и прыгаемъ съ Александромъ и Константиномъ» [2]).

Именно въ это время, съ 1788 по 1791 годъ, Екатеринѣ было вовсе не до танцевъ. Союзъ Россіи съ Австріею измѣнилъ всѣ «политическія конъюнктуры» Европы и вызвалъ такія дипломатическія «посрамленія», которыя угрожали обоимъ «императорскимъ союзникамъ» несравненно бо́льшими опасностями, чѣмъ война съ Портою Оттоманскою, ради которой состоялся австро-русскій союзъ. Вслѣдъ за войной турецкой, Англія и Пруссія подвигли шведскаго короля Густава III начать войну съ Россіею, и въ то время, когда Россія должна была воевать на два фронта, Пруссія угрожаетъ и Австріи второю войною. Пруссія вооружилась и поднимаетъ Польшу противъ Россіи и Австріи, Англія платитъ субсидіи Густаву III и готовится отправить свой флотъ въ Балтику. Дошло до того, что князь Кауницъ предлагалъ импе-

---

1) Сборникъ, XLII, 494. 2) Ibid., 502.

ратору отказаться отъ земельныхъ пріобрѣтеній по первому раздѣлу Польши, а князь Потемкинъ совѣтовалъ императрицѣ возвратить туркамъ Крымъ [1]). Положеніе обоихъ союзниковъ, Россіи и Австріи, было настолько серьезное, даже критическое, что, дѣйствительно, только «неустрашимая твердость» Екатерины спасла «честь и цѣлость» Россіи.

Въ 1788 году, когда Екатерина извѣщала Гримма, что въ Петербургѣ «смѣются и шутятъ», она писала Потемкину: «Ненависть противу насъ въ Польшѣ возстала великая, и горячая любовь, напротивъ, къ его королевскому прусскому величеству; сія, чаю, продлится, дондеже соизволитъ вводить свои непобѣдимыя войска въ Польшу и добрую часть оной займетъ. Я же не то, чтобъ ему препятствовать, и подумать не смѣю, чтобъ его королевскому прусскому величеству мыслями, словами или дѣломъ можно было въ чемъ поперечить; его всевысочайшей волѣ вся вселенная покориться должна! Ты мнѣ повторяешь совѣтъ, чтобъ я скорѣе помирилась съ шведскимъ королемъ, употребя его королевское прусское величество, чтобъ онъ убѣдилъ того къ миру, но если бы его королевскому прусскому величеству сіе угодно было, то бы соизволилъ шведскаго не допустить до войны. Ты можешь быть увѣренъ, что сколько я ни стараюсь сблизиться къ сему всемогущему диктатору, но лишь бы я молвила, чтобъ того не было, то за вѣрно уничтожится мое хотѣніе, а предпишутся мнѣ самыя легонькія кондиціи, какъ, напримѣръ: отдача Финляндіи, а можетъ быть, и Лифляндіи—Швеціи, Бѣлоруссіи—Польшѣ, а по Самару рѣку—туркамъ, а если сіе не приму, то войну имѣть могу. Штиль ихъ сверхъ того столь грубъ, да и глупъ, что и сему еще при-

[1]) Екатерина отвѣчала Потемкину: «На оставленіе Крыма, воля твоя, согласиться не могу; объ немъ идетъ война, и если сіе гнѣздо оставить и всѣ труды и заведенія пропадутъ и паки возстановятся набѣги татарскіе на внутреннія провинціи. Ради Бога, не пущайся на сіи мысли, кои мнѣ понять трудно. Когда кто сидитъ на конѣ, тогда сойдетъ ли съ онаго, чтобы держаться за хвостъ?» Сборникъ, XXVII, 491.

мѣра не бывало и турецкой самой мягкой въ разсужденіи ихъ. Я Всемогущимъ Богомъ клянусь, что все возможное дѣлаю, чтобъ сносить все то, что̀ эти дворы, наипаче же всемогущій прусскій, дѣлаютъ; но онъ такъ надулся, что если лобъ не расшибетъ, то не вижу возможности безъ посрамленія на всѣ его хотѣнія согласиться; онъ же донынѣ самъ не вѣдаетъ, чего хочетъ, либо не хочетъ. Теперь англійскій король умираетъ, и если онъ околѣетъ, то авось либо удастся съ его сыномъ, который Фокса и патріотической англійской партіи донынѣ слушался, а не ганноверца, установить ладъ: я вѣдаю, что лигѣ нѣмецкой очень не нравились поступки прусской въ Даніи; позволь сказать, что я начинаю думать, что намъ всего лучше не имѣть никакихъ союзовъ, нежели переметаться то туды, то сюды, какъ камышъ во время бури. Сверхъ того, военное время не есть періодъ для сведенія связи. Я къ отмщенію не склонна, но что чести моей и имперіи и интересамъ ея существеннымъ противно, то ей и вредно; провинціи за провинцію не отдамъ, законы себѣ предписать кто дастъ? они дойдутъ до посрамленія, ибо никому подобное никогда еще не удавалось. Они позабыли себя и съ кѣмъ дѣло имѣютъ; въ томъ и надежду дураки кладутъ, что мы уступчивы будемъ. Возьми Очаковъ и сдѣлай миръ съ турками, тогда увидишь, какъ осядутся, какъ снѣгъ на степи послѣ оттепели, да поползутъ, какъ вода по отлогимъ мѣстамъ» [1]).

Поэтическое сравненіе Екатерины оправдалось: правда, оттепели пришлось ждать три года, но оттепель пришла, и всѣ прусскія посрамленія расползлись, какъ вода по отлогимъ мѣстамъ. 3-го августа 1790 года заключенъ верельскій миръ съ Швеціею, палъ Очаковъ, Измаилъ, и 11-го августа 1791 года подписаны прелиминаріи мира съ Турціею. Извѣщая князя Потемкина о мирѣ со Швеціею, Екатерина писала ему:

---

[1]) Сборникъ, XXVII, 532.

«Одну лапу мы изъ грязи вытащили, какъ вытащишь другую, то пропоемъ аллилуія» [1]); послѣ ясскаго мира 1791 года Екатерина имѣла полное право пропѣть аллилуія. А прусскій король? Фридрихъ II воспользовался первою турецкою войною и получилъ часть Польши. безъ войны, чисто дипломатическимъ путемъ; Фридрихъ-Вильгельмъ II думалъ воспользоваться второю турецкою войною, чтобъ получить Данцигъ и Торнъ. «Пруссакъ паки заговариваетъ полякамъ, чтобъ ему уступили Данцигъ и Торунъ, сей разъ, на нашъ счетъ, лаская ихъ, имъ отдать Бѣлоруссію и Кіевъ. Онъ всесвѣтный распорядитель чужого». писала Екатерина. Чужимъ распоряжаться оказалось не легко: Бѣлоруссія и Кіевъ остались за Россіею; ни Данцига, ни Торна Пруссія не получила.

Въ письмахъ къ Гримму, во все продолженіе второй турецкой и шведской войны, Екатерина является убѣжденною въ своей правотѣ, увѣренною въ успѣхѣ. Слова Екатерины должны были производить тѣмъ бо̀льшее впечатлѣніе на Гримма и вообще на «западныхъ европейцевъ», что императрица всегда опирается на силу и преданность народа, на честь и достоинство имперіи. «Вы говорите,—пишетъ она Гримму,—что безумцы утверждаютъ, будто нѣтъ болѣе Екатерины; но еслибъ ея и не было, Россійская имперія, тѣмъ не менѣе, существовала бы, а ей не суждено быть задавленною ни Густавомъ шведскимъ, ни Вильгельмомъ прусскимъ, даже въ союзѣ съ ихъ другомъ Абдулъ-Гамидомъ» [2]). Это напоминаетъ слова былины, что «не такъ у святыхъ отцовъ писано, не такъ у апостоловъ задумано, чтобъ погибнуть Россіи отъ враговъ». Екатерина сознаетъ всю трудность передвиженія войскъ; она просто и ясно объясняетъ себѣ и другимъ, что «войскамъ необходимъ ежедневный отдыхъ, нужно два раза въ сутки накормить солдатъ», а провіантъ или

---

[1]) Сборникъ, XLII, 101.

[2]) Ibid., XXIII, 474. Екатерина указывала Гримму причины такой крѣпости Россіи въ письмѣ отъ 25-го марта 1785 года. Ibid., 336.

везти съ собою, что затрудняетъ движеніе, увеличивая обозъ, или добывать во время похода, что отвлекаетъ отрядъ отъ главной цѣли. А главная цѣль, по словамъ Екатерины, бить врага. «Лучше бить, чѣмъ быть биту» [1]) — таковъ военный девизъ Екатерины. Еще задолго до турецкой войны она пишетъ Гримму: «Я надѣюсь, что всякій исполнитъ свой долгъ— туркофилы, турки и мы вмѣстѣ съ ними: мы, по обыкновенію, будемъ бить направо и налѣво, вы будете провозглашать насъ побитыми, несмотря на то, что мы все двигаемся впередъ, не уступая ни пяди своей земли». И уже во время войны: «Повѣрьте мнѣ, самое вѣрное средство одолѣть своихъ враговъ—бить ихъ, что превосходно исполняли до сихъ поръ графъ обѣихъ имперій Суворовъ-Рымникскій и особенно фельдмаршалъ князь Потемкинъ-Таврическій» [1]).

Военное время было манной небесной для «храбрыхъ иностранцевъ», преимущественно же нѣмецкихъ принцевъ, считавшихъ отъ нечего дѣлать войну своимъ ремесломъ. За пять лѣтъ турецкой и шведской войны въ Россіи перебывало не мало такихъ «воиновъ-ремесленниковъ», чаявшихъ поживиться жалованьемъ, орденами, патентами, даже пенсіями. Гриммъ рекомендовалъ ихъ цѣлыми дюжинами, постоянно сопровождая свои рекомендаціи безсовѣстными восхваленіями. По поводу одной изъ такихъ рекомендацій Екатерина писала ему: «Мы уже не мало видали у себя вашихъ великихъ дѣльцовъ, которые ничего ровно не дѣлали съ самаго ахенскаго мира; наши же о себѣ полагаютъ, что они болѣе наглотались опытности съ 1756 года и болѣе одержали побѣдъ, чѣмъ ихъ собратья по оружію во всемъ свѣтѣ. Можно подумать, что мы ужъ становимся немножко хвастливыми, не правда ли? Однако, такъ какъ съ полдюжины враговъ уже побито, если не болѣе, потому что одинъ болѣе или менѣе не составляетъ важности въ подобномъ счетѣ, то трудно не сознаться

[1]) Сборникъ, XXIII, 229. [2]) Ibid., 338, 481.

что послѣ вѣковыхъ успѣховъ нельзя уже прослыть болванами, и ужъ если безъ болвановъ обойтись нельзя, то я предпочитаю своихъ болвановъ тѣмъ дѣльцамъ, которые только портятъ дѣло и получаютъ подзатыльники, не двигаясь при этомъ съ мѣста, какъ истые болваны» [1]). Въ письмахъ Екатерины къ Гримму встрѣчаются прелестные по прямодушію отзывы о подобныхъ болванахъ.

«Герцогиня Саксенъ-Готская проситъ васъ оказать существенную услугу ея двоюродному брату, принцу Гессенъ-Филипстальскому, который былъ смертельно раненъ. Primo, сказавъ, будто онъ потерялъ при этомъ свой обозъ, онъ страшно солгалъ. Secundo, онъ опять солгалъ, сказавъ, будто онъ потерялъ свое жалованье за шесть мѣсяцевъ; если онъ его дѣйствительно потерялъ, то, быть можетъ, только въ карты, а такъ какъ онъ большой игрокъ и большой мотъ, у него никогда ничего нѣтъ, почему ему и нельзя довѣрить полкъ. Хотя онъ и полковникъ, но весьма плохой хозяинъ. Рана его зажила, и онъ теперь здѣсь. Когда онъ служилъ еще въ гвардіи, онъ каждые два мѣсяца подавалъ мнѣ просьбы о пособіи и страшно мнѣ этимъ надоѣдалъ; въ настоящее время я приказала выдать ему, въ видѣ вознагражденія, тысячу червонцевъ; я однако увѣрена, что, дай ему десять тысячъ, онъ все-таки остался бы безъ гроша. Мальчуганъ этотъ страшный мотъ, и герцогиня хорошо сдѣлала бы, посовѣтовавъ ему, если она можетъ, не лгать и поменьше играть въ карты. Впрочемъ, я очень была бы рада сдѣлать удовольствіе герцогинѣ Саксенъ-Готской, но, ради Бога, чтобъ ея свѣтлость не вздумала высылать намъ такихъ молодцовъ дюжинами! Она испугала меня, сказавъ, что желала бы имѣть дюжину сыновей, чтобъ прислать всѣхъ ихъ намъ—это было бы страшное бремя для казны ея величества. Мнѣ чудится уже, что я вижу ихъ

[1]) Сборникъ. XXIII, 544. Принцу Гессенъ-Дармштадтскому Екатерина выплачивала пенсію въ 10.000 руб., съ тѣмъ, однако, чтобы онъ никогда болѣе не возвращался въ Россію. Ibid., 22, 50.

всѣхъ съ просьбами въ рукахъ, какъ они выпрашиваютъ денегъ, чтобъ въ тотъ же день проиграть ихъ въ карты; если же имъ отказать, они завопятъ, что ихъ покинули, и станутъ жаловаться герцогинямъ, своимъ двоюроднымъ сестрицамъ, и т. д., и т. д» [1]).

За нѣмецкимъ принцемъ слѣдуетъ шотландскій морякъ. Поль Джонсъ имѣлъ «предпріимчивую репутацію», билъ англичанъ на сушѣ и на морѣ, показывалъ «великую охоту оказать свое усердіе и въ русской службѣ». участвовалъ въ побѣдѣ турокъ на Лиманѣ, но такъ, что «морскіе всѣ взбѣсились отъ Паулъ-Жонеса» [2]), послѣ чего получилъ двухлѣтній отпускъ и уже изъ отпуска прислалъ чрезъ Гримма проектъ борьбы съ Англіею походомъ на Индію. Екатерина отвѣчаетъ Гримму: «Теперь о контръ-адміралѣ Полѣ Джонсѣ; посмотримъ, чего онъ хочетъ отъ насъ и каковъ его планъ. Полагаю, что, еслибъ Англія рѣшилась объявить намъ войну, то лучше было бы захватить, при помощи нашихъ каперскихъ свидѣтельствъ, возможно большее число ихъ кораблей—они тотчасъ же прекратили бы войну. Что касается Индіи, то она такъ далека, что прежде чѣмъ дойдешь до Индіи, миръ былъ бы уже заключенъ. Но прочтемъ письмо г. Поля Джонса. Прежде всего онъ пишетъ мнѣ о походѣ на Лиманъ, говоря, что онъ *никого не обвиняетъ*; эти слова подчеркнуты имъ. Онъ прибавляетъ, что не игралъ роли ни нуля, ни арлекина, жаждущаго сдѣлаться полковникомъ *въ хвостѣ* своего полка; онъ подчеркнулъ слова: въ хвостѣ. Онъ увѣряетъ, что имѣетъ въ рукахъ очевидныя доказательства, что онъ руководилъ всѣми операціями противъ капитана-паши. Я же говорю, что, если онъ и руководилъ, то несомнѣнно, что не онъ побилъ: ему посылали приказъ за приказомъ наступать, а онъ не двигался, имѣя противный вѣтеръ, какъ онъ самъ сознается. Онъ говоритъ, что данное ему при этихъ обстоятельствахъ

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 540. [2]) Ibid., XXVII, 848, 501, 529.

порученіе было очень трудно—можетъ быть; но дѣло шло о дракѣ, а въ этомъ случаѣ лучше бить, чѣмъ быть битымъ. Онъ находитъ, что ему приходилось жертвовать своимъ самолюбіемъ и рисковать своею военною репутаціею для блага имперіи, и надѣется, что я осталась довольна его поведеніемъ въ этомъ случаѣ, равно какъ и его послѣдующими планами, о которыхъ, какъ онъ полагаетъ, я ничего не знала. Богъ знаетъ, что это такое! Потомъ онъ говоритъ, что онъ руководствовался моимъ милостивымъ совѣтомъ, будто бы повтореннымъ ему еще письменно, и что единственно только привязанность его къ моей особѣ помѣшала ему просить объ отставкѣ въ письмѣ, присланномъ изъ Варшавы, что онъ былъ огорченъ и даже оскорбленъ, получивъ *двухлѣтній* отпускъ въ военное время (двухлѣтній тоже подчеркнуто). А этотъ двухлѣтній отпускъ данъ былъ господину Полю Джонсу для того, чтобы удалить его отсюда, между нами будь сказано, безъ опозоренія, такъ какъ противъ него былъ начатъ процессъ объ изнасилованіи, что вовсе не приносило чести человѣколюбію его превосходительства, ни его справедливости, ни его великодушію, и послѣ этой милой черты не нашлось бы ни одного моряка, который согласился бы служить подъ начальствомъ господина контръ-адмирала. Сверхъ того, ему не было никакой надобности дѣлаться турко-шведомъ во время войны. Теперь, полагаю, легко понять, въ чемъ дѣло. И вотъ такъ-то господина контръ-адмирала отослали съ пенсіею, почти такою же, какую Франція дала генералу Люкнеру [1]). Поль Джонсъ пробылъ здѣсь болѣе полугода, не смѣлъ явиться ко двору и, уѣзжая, просилъ о разрѣшеніи откланяться, но послѣ грязнаго происшествія, упомянутаго выше, ему не было объ-

[1]) Luckner, 1722—1794, баварскій баронъ, отличившійся во время Семилѣтней войны на службѣ Фридриха II. Въ 1763 году онъ перешелъ на французскую службу, призналъ принципы революціи, сталъ въ 1791 году маршаломъ, съ 1792 г. командовалъ сѣверною арміею, казненъ въ 1794 г.

*

щано особой аудіенціи, какъ онъ говоритъ. Онъ тогда очень хорошо зналъ, что при такихъ обстоятельствахъ не могъ ее получить» [1]).

Только по окончаніи шведской и турецкой войны, только въ концѣ 1791 года Екатерина признала возможнымъ обратить серьезное вниманіе на революцію во Франціи. Чтобы понять эту серьезность, необходимо помнить, что для Екатерины II всегда и вездѣ на первомъ планѣ стояли интересы Россіи, не Европы, тѣмъ менѣе Франціи. Что ей до Франціи? Екатерина внимательно слѣдила за ходомъ революціи, получала подробныя донесенія и отъ чужихъ, и отъ своихъ. Ея посолъ при лондонскомъ дворѣ графъ С. Р. Воронцовъ писалъ брату своему, графу А. Р. Воронцову, президенту коммерцъ-коллегіи: «Зная великодушное участіе, которое государыня принимать изволитъ въ несчастномъ положеніи Франціи, я за долгъ почитаю стараться всевозможнымъ образомъ навѣдываться о всемъ, что имѣетъ сношеніе съ онымъ. Собравъ все, что до меня дошло касательно до сей матеріи, прошу васъ, братецъ, донести государынѣ» [2]). Онъ сообщалъ довольно часто, довольно подробно, и Екатерина всегда читала его сообщенія съ особеннымъ интересомъ: во время турецкой войны, когда англійское министерство дерзко угрожало Россіи и когда даже князь Потемкинъ склонялъ императрицу къ уступчивости, одинъ только графъ С. Р. Воронцовъ посылалъ изъ Лондона «курьера за курьеромъ», доказывалъ, что только твердость и неуступчивость императрицы можетъ избавить ее отъ войны съ Англіей, такъ что Екатерина говорила: «только графъ Семенъ думаетъ такъ же, какъ и я» [3]). Между тѣмъ графъ Семенъ Воронцовъ придавалъ большое значеніе французской революціи,

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 541. [2]) Архивъ князя Воронцова, IX, 218.
[3]) Ibid., VIII, 24.

широко понималъ ея цѣли и, подобно многимъ современникамъ, видѣлъ въ ней угрозу для Россіи: «Революція,—писалъ онъ брату—война не на животъ, а на смерть, объявленная пролетаріями собственникамъ, и такъ какъ число собственниковъ значительно менѣе, то они и будутъ побѣждены. Политическій принципъ революціи, публично провозглашаемый, состоитъ въ войнѣ противъ тирановъ; учредительное же собраніе разумѣетъ подъ тиранами всѣхъ государей и всѣ правительства недемократическія. Революція—вовсе не война въ обыкновенномъ ея значеніи, и вопросъ идетъ вовсе не о пріобрѣтеніи или потерѣ той или другой провинціи; революція—война изъ-за принциповъ; цѣль революціи—ниспроверженіе всякой религіи, всякой морали, разрушеніе всѣхъ троновъ, уничтоженіе вѣковой собственности. Она стремится минировать всѣ троны и произвести революцію во всѣхъ государствахъ, большихъ и малыхъ. Демократическій принципъ, выставленный революціею, все болѣе и болѣе распространяетъ свое господство въ Европѣ. И не удивительно: народъ вездѣ невѣжественъ и глупъ, а крики объ уничтоженіи налоговъ и о полномъ равенствѣ настолько соблазнительны, что ни одинъ народъ не можетъ устоять противъ нихъ. Никогда ни одинъ народъ не пойметъ, что никакое собраніе людей не можетъ жить безъ полиціи, безъ судей, безъ войска, которые его защищаютъ, и что для содержанія полиціи, судей, войска нужны деньги, собираемыя при помощи налоговъ. Всѣмъ намъ, поэтому, угрожаетъ общее и рѣшительное разрушеніе. Революція—не болѣзнь, а эпидемія, которая заразитъ всѣхъ. Удаленіе Россіи отъ предѣловъ Франціи обезпечиваетъ насъ на нѣкоторое время; мы будемъ послѣдними, но и мы будемъ жертвами этой всеобщей чумы. Мы ее не увидимъ—ни вы, ни я; но мой сынъ увидитъ ее въ Россіи. И нашъ чередъ придетъ: позже другихъ, вслѣдствіе нашего отдаленія отъ французскихъ границъ, но придетъ» [1]).

[1]) Архивъ князя Воронцова, IX, 267, 273; X, 11, 16, 17, 25 sqq.

Екатерина не раздѣляла взглядовъ графа С. Р. Воронцова на французскую революцію; императрица знала Россію лучше своего лондонскаго посла. Екатерина настолько не опасалась занесенія политической чумы, что рѣшилась воспользоваться французскою революціею для устройства жизненнаго для Россіи вопроса. Такимъ вопросомъ былъ польскій вопросъ.

Екатерина не признавала ни польской конституціи 3-го мая, ни австро-прусской конвенціи 25-го іюля 1791 года. Занятая войною, императрица не могла воспрепятствовать ни тому, ни другому; теперь, когда она свободна, нужно отвлечь вниманіе вѣнскаго и берлинскаго дворовъ отъ Польши, заинтересовать ихъ чѣмъ-нибудь, чтобы заняться устройствомъ польскихъ дѣлъ. Самымъ надежнымъ отвлеченіемъ могла служить французская революція. 14-го декабря 1791 года Екатерина говорила Храповицкому: «Я ломаю себѣ голову, чтобъ подвинуть вѣнскій и берлинскій дворы въ дѣла французскія. Совѣтъ меня не понимаетъ; развѣ это моя вина? Есть соображенія, которыя нельзя высказывать: я хочу занять вѣнскій и берлинскій дворы французскими дѣлами, чтобъ развязать себѣ руки. У меня много предпріятій неконченныхъ, и надобно, чтобъ они были заняты и мнѣ не мѣшали» [1]). Ровно черезъ мѣсяцъ, 13-го января 1792 г., Екатерина писала слѣдующее собственноручное письмо императору Леопольду II: «Хотя я не сомнѣваюсь, что Ваше Императорское Величество извѣщены уже о заключеніи мною мира съ Портою Оттоманскою, тѣмъ не менѣе считаю для себя удовольствіемъ самой увѣдомить васъ объ этомъ, заранѣе увѣренная, что Ваше Величество примете участіе въ событіи, которое способно придать новую силу той тѣсной связи, которая соединяетъ насъ. Не оставалось бы такимъ образомъ ничего болѣе желать для общаго спокойствія, еслибъ не несчастныя волненія, которыя,

[1]) *Храповицкій*, 386.

благодаря духу заблужденія и гибельныхъ нововведеній, возникли и распространились въ различныхъ странахъ. Этотъ духъ обнаруживался и сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи во время войны, которую Ваше Величество и я вели противъ нашихъ враговъ; обуздать этотъ духъ и прекратить его надлежитъ теперь, когда намъ обоимъ возвращенъ, наконецъ, миръ. Вашему Императорскому Величеству извѣстенъ мой образъ мыслей по этому поводу; онъ не только остался все тѣмъ же, но обстоятельства дозволяютъ ему быть въ настоящее время еще болѣе дѣятельнымъ и болѣе дѣйствительнымъ, и Ваше Величество увидите меня всегда готовою раздѣлить съ вами и поддержать тѣ мѣры, которыя попеченіе о благѣ нашихъ имперій и забота о нашей общей славѣ должны внушить намъ» [1]).

Екатерина достигла своей цѣли. Французская война отвлекла до извѣстной степени вниманіе Австріи и Пруссіи отъ «польскаго вопроса». На свиданіи въ Майнцѣ, оба союзника, Францъ II и Фридрихъ Вильгельмъ II, согласились о военномъ планѣ «для возстановленія порядка», и австро-прусская армія двинулась къ границамъ Франціи. Скоро сдалась крѣпость Лонгви, сдался Вердюнъ. Въ письмѣ отъ 9-го мая 1792 года, Екатерина пишетъ Гримму: «Я получила вчера извѣстіе, что при первой же стычкѣ, въ Монсѣ, французскій отрядъ хорошо былъ встрѣченъ австрійскими войсками. Я въ восторгѣ; только пораженія могутъ исцѣлить этихъ сумасбродовъ» [2]). Ликовали и союзники, но не долго. Разстроенная эмиграціей корпуса офицеровъ, французская армія, наскоро собранная, на половину изъ новобранцевъ, терпѣла пораженія при первыхъ стычкахъ съ врагомъ; но въ этихъ пораженіяхъ на бельгійской границѣ, молодая французская армія приняла то крещеніе огнемъ и мечомъ, которое вскорѣ приковало побѣду къ ея знамени. Четыре мѣсяца спустя послѣ понесеннаго пораженія, французы разбиваютъ на-го-

[1]) Вѣнскій Hof- und Staatsarchiv, см. *Vivenot*, 182.

[2]) Сборникъ, XXIII, 565.

лову соединенныя силы австрійцевъ и пруссаковъ, предводимыхъ герцогомъ Брауншвейгскимъ, гонятъ предъ собою сардинскія войска, захватываютъ Савойю и Ниццу, выбиваютъ нѣмцевъ изъ Шпейера и Вормса; еще черезъ мѣсяцъ—Дюмурье разбиваетъ австрійцевъ около Монса, позже близъ Брюсселя. Съ ужасомъ узнаетъ Гриммъ и дивится Екатерина, что Рейнскія провинціи захвачены французами, Фландрія и Брабантъ потеряны для вѣнскаго двора, Голландія занята, оранскій домъ низвергнутъ, Сардинія и Папская Область завоеваны французами, которыхъ Екатерина не перестаетъ называть «сумасбродами», «оборванцами». Республиканскіе «оборванцы» организуются въ партизанскіе отряды и гонятъ предъ собою регулярныя арміи нѣмцевъ: среди этихъ «сумасбродовъ» появляются такіе генералы, какъ Кюстинъ, Дюмурье, Гошъ, Марсо, Пишегрю, Журданъ, Моро, Бонапартъ, которые бьютъ и гонятъ пресловутыхъ герцога Брауншвейгскаго и принца Кобургскаго, Гогенлоэ, Клерфэ, Калькрейта. Екатерина только руками разводила: «Движеніе герцога Брауншвейгскаго—пишетъ она Гримму—какой позоръ, какая нелѣпость! Вшивая Шампань станетъ теперь плодоносною отъ того навоза, который нѣмцы въ ней оставили. Боже мой, Боже мой, какъ дурно повели эти братцы и свои дѣла, и чужія! Но эти несчастные принцы, братья французскаго короля, эти эмигранты, что станется съ ними? Я о нихъ только и думаю, да о томъ, какъ бы исправить позоръ и безчестіе высокихъ союзниковъ, особенно же двухъ братьевъ. А эта дорогая «золотая булла», этотъ палладіумъ Германіи—гадкій Кюстинъ уничтожитъ ее! И это еще ничего бы, но уничтоженіе трехъ духовныхъ курфиршествъ! Но чего же смотрятъ на это Донъ-Кихоты Германіи? Они разоряются на содержаніе своихъ армій, хрипнутъ надъ ихъ муштровкою, и какъ только представляется надобность пустить ихъ въ дѣло, эти свѣтлѣйшія высочества обращаются въ бѣгство одни или со своими войсками... О, я такъ зла на нѣкоторыя лич-

ности, что съ удовольствіемъ надавала бы имъ пощечинъ! А свѣтлѣйшій ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій, сохраняющій съ своимъ войскомъ въ Гессенѣ нейтралитетъ относительно Франціи въ своемъ же собственномъ дѣлѣ? Вотъ оселъ-то! Казалось, онъ долженъ бы голову сложить за свое же дѣло— такъ нѣтъ: онъ и его безполезныя войска умираютъ со страху въ Гессенѣ! Вотъ достойный герой того времени, въ которое мы живемъ» [1]).

Въ письмахъ къ Гримму, Екатерина не разъ высказывала свое убѣжденіе, что возстановить спокойствіе во Франціи могутъ только сами же французы, принцы крови и эмигранты, основавшіе свою главную квартиру въ Кобленцѣ [2]). Графъ Воронцовъ держался противнаго мнѣнія: «Многіе изъ англичанъ ѣздятъ теперь въ Парижъ для любопытства. Многіе изъ моихъ знакомыхъ, кои имѣютъ разумъ, проницаніе и просвѣщеніе и совершенно безпристрастны, возвратясь на сихъ дняхъ оттуда, увѣряли меня, что всякое военное покушеніе принцевъ, находящихся въ Кобленцѣ, не только помѣшаетъ начинающуюся наклонность націи къ законному монархическому правленію, но еще утвердитъ надолго нынѣшнюю бѣшеную анархію; что не только дворянство, вошедшее съ войскомъ, погибнетъ, но и то, которое живетъ теперь спокойно внутри государства, будетъ неповинно, но неизбѣжно жертвою озлобленнаго народа и что даже король съ королевою и ихъ дѣти погибнутъ отъ буйной челяди Парижа, гдѣ пуще всего необдуманная суровость сего подлаго народа сохраняется... Здѣсь и въ Берлинѣ сколько опасаются и, конечно, не дозволятъ, чтобъ большія силы императорскихъ дворовъ сдѣлали вооруженною рукою успѣшную контръ-революцію, столько же желаютъ, чтобъ принцы съ малыми силами зачали бы военныя дѣйствія, дабы замѣшать дѣла, помѣшать

[1]) Сборникъ, XXIII, 578, 579, 580.
[2]) Ibid., 568, 571, 573, 576 sqq.

и отсрочить на многія лѣта начинающуюся наклонность націи къ старому порядку» [1]).

Гриммъ постоянно убѣждалъ Екатерину успокоить Францію сильнымъ войскомъ; Екатерина всегда находила серьезныя къ тому препятствія. «Мнѣ принесли — пишетъ Гриммъ отъ 18 октября 1793 года — анонимное письмо, которое я обязанъ переписать, такъ какъ оно адресовано вамъ, хотя и адресовано мнѣ. Оплакавъ, какъ всякая чувствительная душа, злополучный жребій французской королевы, авторъ говоритъ такъ: «Отчего государи Европы дѣлаютъ видъ, будто не вѣдаютъ или презираютъ грозящую имъ опасность? Неужели они могутъ забыть общую пользу изъ-за частныхъ выгодъ и упустить изъ виду анархическую гидру, грозящую всѣмъ правительствамъ разложеніемъ всего соціальнаго строя? Долго ли же они будутъ щадить виновныхъ и страшиться ихъ? Эта слабость дѣлаетъ злодѣевъ только болѣе дерзкими. Ложная политика только ускоритъ всеобщій взрывъ, и безпечная беззаботность приблизитъ опасность. Слѣдуетъ, однако, болѣе сожалѣть, чѣмъ порицать большинство тѣхъ государей, чья воля прихотливо направляется ихъ министрами; но нѣтъ оправданій для вашей императрицы, если она не проявитъ въ этотъ страшный кризисъ всей власти, врученной ей судьбою, всего вліянія своего возвышеннаго генія и всей силы непоколебимаго характера, которою природа надѣлила его. Повторяю: нѣтъ для нея оправданія, если она не употребитъ всѣхъ своихъ средствъ, чтобъ спасти Европу отъ всеобщаго разрушенія; безъ нея, безъ ея вмѣшательства, нѣтъ спасенія для Европы» [2]). Екатерина отвѣчала: «Я получила, какъ и вы, письмо въ двѣнадцать страницъ, также анонимное, въ которомъ меня убѣждаютъ послать войска на Рейнъ. Но какъ же ихъ послать туда? Если въ маломъ числѣ и съ военными пла-

[1]) Арх. кн. Воронцова, IX, 220, 224. Заподозрѣвала Англію и Екатерина, см. Сборникъ, XXIII, 570, 597 sqq.

[2]) Сборникъ, XLIV, 486.

нами болвановъ—они будутъ побиты, а въ большемъ числѣ я не могу послать, такъ какъ каждую минуту должна ожидать нападенія со стороны турокъ, которыхъ милордъ Энсли и Декоршъ натравливаютъ на насъ. Необходимо, однако, отличать милорда Энсли отъ англійскаго министра: Питтъ хочетъ, чтобъ турки напали на меня лишь въ томъ случаѣ, если нельзя ихъ удержать отъ войны съ вѣнскимъ дворомъ, и ради этого проповѣдуетъ войну съ Россіею; Энсли же хочетъ, чтобъ турки во всякомъ случаѣ воевали съ Россіею. Декоршъ проповѣдуетъ войну съ обоими императорскими дворами вмѣстѣ. Изъ всей этой путаницы выходитъ, что я должна быть на-сторожѣ, и мнѣ нельзя посылать большое число моихъ войскъ въ отдаленныя земли» [1]). Это писано въ февралѣ 1794 г., тоже въ декабрѣ: «Мы вооружены и должны поэтому стоять сложа руки, надо кончить свои дѣла прежде, чѣмъ вмѣшиваться въ чужія» [2]), т.-е. во французскія.

Тотчасъ по заключеніи ясскаго мира съ Турціею, Екатерина занялась не чуждымъ ей, французскимъ, а близкимъ Россіи, польскимъ вопросомъ. Свои отношенія къ Польшѣ Екатерина регулировала по матеріаламъ, найденнымъ «въ мастерской Петра Великаго» [3]). Она была убѣждена, что «по польскимъ дѣламъ не было еще слѣдовано отъ 1717 иному проекту, кромѣ одинакому, то-есть, чтобъ сохранить республику и вольность ея, колико возможно въ цѣлости» [4]). Для этого въ Польшѣ посаженъ ею Станиславъ-Августъ «королемъ, котораго мы дѣлали» [5]). Екатерина увѣрена въ немъ; еще въ началѣ 1791 года, даже во время волненія въ Польшѣ, Екатерина замѣчаетъ князю Потемкину: «Не надобно сомнѣваться въ королѣ, чтобъ забылъ онъ до того свою благодар-

[1]) Сборникъ, XXIII, 591, Ainslie—англійскій посолъ въ Константинополѣ, Decorches—французскій.

[2]) Ibid., 617.

[3]) «Русская Старина», LXXIV, 29.

[4]) Записка графу Безбородко. Сборникъ, XLII, 224.

[5]) Государственный Архивъ, V, 94; Сборникъ, VII, 373.

ность и собственную безопасность, чтобъ на противные виды для Россіи подался» [1]). Король, однако, подался. 3-го мая 1791 г. была провозглашена польская конституція; 10-го мая Екатерина пишетъ Гримму: «Польскій сеймъ превзошелъ Національное Собраніе глупостью, такъ какъ ради любви къ свободѣ и для лучшаго ея обезпеченія, онъ отдался, связанный по рукамъ и ногамъ, польскому королю, уничтоживъ liberum veto, этотъ палладіумъ польской свободы, уничтоживъ конфедераціи и установивъ наслѣдственность королей. Не значитъ ли отдаться чорту съ головы до пятокъ, когда такъ измѣняютъ своему жизненному принципу, и можно ли быть столь легкомысленнымъ, чтобъ такъ грубо обмануться насчетъ своихъ же существенныхъ интересовъ? Едва король польскій сказалъ имъ, что сосѣди собираются снова раздѣлить Польшу, какъ они тотчасъ же согласились вручить ему неограниченную власть. Теперь посмотримъ, что сдѣлаетъ Его Величество съ своей двойной присягой и броситъ ли онъ въ огонь свои ограничительныя условія (pacta conventa) или же поѣдетъ путешествовать на венеціанскій карнавалъ, чего ему, говорятъ, очень хочется» [2]). Воюя противъ Польши и поляковъ, Екатерина сообщаетъ Гримму, что воюетъ за Польскую Республику: «Польскій король поступилъ очень нехорошо, когда подчинился руководству швейцарскихъ, итальянскихъ и польскихъ плутовъ, которые такъ дурно повели его, что онъ не убоялся стать клятвопреступникомъ, нарушить свои ограничительныя условія, нарушить всѣ договоры республики, уничтожить республику, обидѣть Россію, оскорбить свою благодѣтельницу и тѣмъ навлечь на себя всю горечь, теперь имъ испытываемую. Кто не уменъ въ 60 лѣтъ, навѣрное никогда ужъ уменъ не будетъ... Всѣ безъ изъятія договоры наши заключены съ республикой. Я эту зиму спрашивала пріѣзжихъ поляковъ: «Что сдѣлали вы съ

[1]) Русскій Архивъ, 1874, II, 273.

[2]) Сборникъ, XXIII, 534.

моею подругою? Гдѣ найду я Польскую республику? Возвратите мнѣ ее!» Поляки не знали, что отвѣчать на это. Его польское величество задался цѣлью раздражать, возбуждать поляковъ противъ Россіи, потому что Россія любила свою старую подругу, Польскую республику, которую Его Величество захотѣлъ уничтожить» [1]). Екатерина хорошо понимала разницу между Франціей и Польшей, но, тѣмъ не менѣе, неоднократно указывала Гримму, что она въ Польшѣ поражаетъ французскій якобинизмъ. «Скажите мнѣ, пожалуйста, отчего вы полагаете, что дѣла польскія не могутъ идти вровень и даже впередъ дѣлъ французскихъ? Очевидно, что вы не знаете, что якобинское гнѣздо въ Варшавѣ имѣетъ прямыя сношенія съ гнѣздомъ парижскимъ, и что польскій король и польскій сеймъ руководствуются знаменитымъ манифестомъ Ванъ-деръ-Ноота. Они изжили со свѣта мою старую подругу и союзницу, Польскую Республику, уничтожили всѣ ея договоры съ Россіею и уже четыре года какъ не перестаютъ наносить Россіи всѣ обиды и оскорбленія, какія только могутъ придумать, до того, что, во время моей войны съ турками, они отправили въ Константинополь посланника для заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза съ Портою. Еслибъ не доказательства, которыя у меня въ рукахъ, никогда я не повѣрила бы, чтобъ польскій король могъ быть столь неблагодаренъ и недальновиденъ, какимъ онъ оказался въ эти четыре года. Или его водятъ за носъ, или онъ спятилъ съ ума, что рѣшился на поступки столь вредные и столь противные благосостоянію Польши, чести и чувству благодарности. Они вообразили, что Россія погибаетъ; поэтому, его польское величество позволилъ себѣ нарушить свои ограничительныя условія, хранить которыя онъ клялся и по которымъ, въ случаѣ нарушенія ихъ королемъ, подданнымъ разрѣшается не повиноваться ему: при помощи 25 или

[1] Сборникъ, XXIII, 571, 577.

30 депутатовъ, которыхъ онъ застращалъ тѣмъ, что они будутъ избиты варшавскою чернью, онъ присвоиваетъ себѣ неограниченную власть. И, получивъ ее, что же онъ дѣлаетъ? Онъ разрѣшаетъ продажу староствъ, уничтожаетъ гетманскую должность, безъ суда смѣщаетъ чиновниковъ, захватываетъ казну Польской республики. Замѣтьте, онъ началъ съ того, что уничтожилъ гарантію правительства, которое хотѣли свергнуть. Наконецъ, эти якобинцы стараются повсюду произвесть смѣшеніе языковъ: всѣ эти польскія затѣи также пристали польскимъ законамъ, какъ, по русской пословицѣ, коровѣ сѣдло. И вы хотите, чтобъ я покинула тамъ всѣ мои интересы и интересы моей союзницы, республики, моихъ друзей, республиканцевъ, чтобъ заняться исключительно якобинскимъ гнѣздомъ Парижа? Нѣтъ, я буду сражаться и буду бить это гнѣздо въ Польшѣ и тѣмъ самымъ окажу содѣйствіе дѣламъ французскимъ и помогу разбить шайку санъкюлотовъ» [1]).

Такъ писала Екатерина Гримму въ маѣ 1792 года. Годомъ раньше, въ іюлѣ 1791 года, подписанъ императрицею «секретный» рескриптъ князю Потемкину; годомъ позже, въ 1793 году, состоялся второй раздѣлъ Польши, давно уже въ принципѣ рѣшенный, но составлявшій государственную тайну: «сіе обстоятельство долженствуетъ сокрыто быть въ непроницаемой тайнѣ» [2]). Нѣмецъ Гриммъ, называвшій себя «русскимъ», а польскихъ конфедератовъ «сволочью» (la canaille), привѣтствовалъ второй раздѣлъ Польши цѣлымъ потокомъ восторженныхъ фразъ [3]); русскій же вельможа, графъ С. Р. Воронцовъ [4]), писалъ брату: «Все, что вы и гг. Безбородко и Марковъ пишете мнѣ, чтобъ оправдать новый раздѣлъ Польши,

---

1) Сборникъ, XXIII, 567.

2) *W. Kalinka*, 317; *Liske*, Zur polnischen Politik Katharina II 1791 (Hist. Zeitschrift, XXX, 301); Русск. Архивъ, 1865, 77; 1874, II, 288.

3) Сборникъ, XLIV, 108, 653, 696.

4) Изъ Лондона, отъ 7-го мая 1793 г. Арх. кн. Воронцова, IX, 302.

не убѣждаетъ меня и не заставляетъ меня измѣнить мнѣніе, что это есть сдѣлка ничѣмъ не оправдываемаго вѣроломства. Это дѣло само по себѣ представляется слишкомъ явною несправедливостью; но вѣроломный способъ приведенія въ исполненіе дѣлаетъ его еще болѣе противнымъ. Если ужъ было рѣшено сдѣлать эту несправедливость, то слѣдовало прямо сказать, что мы грабили Польшу, чтобы отмстить ей за то, что она желала заключить наступательный союзъ съ турками противъ насъ; но вмѣсто этого говорятъ о дружбѣ, обнародываютъ манифестъ съ заявленіемъ, что тутъ только блага Польши, что ей хотятъ обезпечить цѣльность ея владѣній и пользованіе ея старымъ правительствомъ, при которомъ она процвѣтала съ такимъ блескомъ въ теченіе столькихъ вѣковъ! Можно ли воображать послѣ этого, что какой-либо дворъ будетъ имѣть какое-либо довѣріе къ намъ?» Давно уже оставившій Россію и въ послѣднее время постоянно жившій въ Англіи, графъ Воронцовъ не зналъ, конечно, что, по словамъ Екатерины, «для Россіи нѣтъ ни пользы, ни нужды, чтобъ Польша сдѣлалась активнѣе», что поляки стали тогда для русскихъ дѣятелей «полячишки, какъ мы ихъ теперь называемъ», что такіе «полячишки», какъ Потоцкій и Ржевусскій, не говоря уже о массѣ Велевейскихъ, Герлицъ, Любовицскихъ, Шембекъ и т. п. [1]), сами работали въ руку Россіи.

Екатерина не понимала польской революціи, какъ не понимала она никакой революціи, ни американской, ни нидерландской [2]), ни французской. Не понимала и не могла понять, такъ какъ она не признавала общественнаго мнѣнія, хотя невольно подчинялась ему. «Скажите,—спрашиваетъ она Гримма,—кто изъ государей болѣе Людовика XVI прислушивался къ общественному мнѣнію при выборѣ своихъ министровъ и другихъ сановниковъ, а что изъ этого вышло?» [3])

[1]) Русск. Архивъ, 1874, II, 271, 282; Сборникъ, XVI, 151, 220 sqq.
[2]) Сборникъ, XXIII, 78, 96, 183, 484, 523, 567, 575.
[3]) Сборникъ, XXIII, 607.

Гриммъ находитъ, что «какая-то невидимая сила» [1]) содѣйствуетъ революціи, но не понималъ, что это была сила общественнаго мнѣнія.

«Въ концѣ XVIII столѣтія — говоритъ Гольцендорфъ — общественное мнѣніе пользовалось въ Европѣ почти непонятною силою и было во многихъ отношеніяхъ однородно. Оно было направлено, прежде всего, не столько противъ неограниченной власти государей, такъ какъ вѣра въ благодѣтельное значеніе просвѣщеннаго деспотизма была еще велика, сколько противъ бездушной рутины и педантическаго формализма бюрократическаго строя, прикрывавшагося канцелярскою тайною, противъ варварскихъ законодательныхъ мѣръ, вырабатывавшихся въ тиши кабинетовъ, и противъ продажности судовъ. Цензура и тайна сдѣлали XVIII столѣтіе вѣкомъ общественнаго мнѣнія. Церковь и государство, своими преслѣдованіями всѣхъ свободномыслящихъ писателей, наконецъ, гнетъ печати цензурою служили только возбужденіемъ къ критикѣ. Духъ противодѣйствія устарѣлымъ учрежденіямъ все росъ и крѣпчалъ. Подъ знаменемъ гуманности, просвѣщенія и общественнаго блага выступили во всѣхъ странахъ Европы представители общественнаго настроенія, нападавшаго съ бо̀льшею страстностью на привилегіи дворянства и духовенства, чѣмъ на догматы церкви. Общественное мнѣніе въ прошломъ столѣтіи зарождалось и росло преимущественно въ среднемъ классѣ населенія—въ мелкопомѣстномъ дворянствѣ, въ мірѣ ученыхъ, средѣ людей торговыхъ, даже въ корпусѣ офицеровъ и отчасти въ представителяхъ низшаго духовенства. Незадолго до французской революціи всюду царила увѣренность въ скоромъ появленіи новаго порядка вещей. Основной тонъ, которымъ высказывалось общественное мнѣніе, былъ данъ французскою литературою. Творцами и герольдами этого общественнаго мнѣнія, охватившаго

[1]) Le pouvoir invisible. Сборникъ, XLIV, 467.

весь міръ, были англійскіе деисты, Монтескье, Дидро. французскіе энциклопедисты. Руссо. Мирабо, особенно же и преимущественно Вольтеръ. Необыкновенная и безпримѣрная сила общественнаго мнѣнія во второй половинѣ прошлаго вѣка станетъ очевидной, если вспомнимъ вліяніе общественнаго мнѣнія на уголовное законодательство того времени. Просвѣщеннѣйшіе монархи, какъ Фридрихъ II, Екатерина II, Іосифъ II и Леопольдъ тосканскій, прислушивались къ совѣтамъ общественнаго мнѣнія. Подъ его вліяніемъ судья смягчалъ жестокость наказаній, опредѣленныхъ старыми уголовными кодексами. Когда Вольтеръ возвысилъ свой голосъ противъ осужденія Кала̀ на смертную казнь, ему съ одобреніемъ внимала вся Европа. Брошюры, въ которыхъ высказывалось настроеніе всей европейской публики противъ устарѣлыхъ злоупотребленій, расходились во множествѣ. Беккарія, Говардъ читались не только своими соотечественниками, но всею Европою. И что̀ особенно замѣчательно: общественное мнѣніе достигло въ концѣ прошлаго вѣка такого развитія при томъ, что періодической печати почти не существовало, ни газетъ, ни журналовъ. Общественное мнѣніе шло подъ водительствомъ великихъ дѣятелей, которые, по словамъ Мальзерба, вращались среди публики, какъ ораторы Рима или Аѳинъ въ средѣ народнаго собранія. Неккеръ справедливо называлъ общественное мнѣніе «невидимою властью, которая. безъ средствъ и безъ армій, предписывала законы Парижу и даже двору королей» [1]).

Екатерина вѣрила только въ просвѣщенный деспотизмъ и этой религіи вѣка осталась вѣрна до гроба. «Все для народа, ничего при помощи народа»—таковъ девизъ Екатерины. Вотъ почему ее не коснулось общее воодушевленіе ни принципами 1789 года, ни взятіемъ Бастиліи. Въ письмахъ къ Гримму

[1]) Une puissance invisible, qui sans trésors, sans gardes, sans armée donnait des lois à la ville et jusque dans le palais des rois. *Holtzendorff*, S. 47.

она высказывала въ прозѣ тѣ же мысли, какія Шиллеръ выразилъ въ стихахъ:

Wenn sich die Völker selbst befrein
Da kann die Wohlfahrt nicht gedeihn.
. . . .
Weh denen, die dem Ewigblinden
Des Lichtes Himmelsfackel leihn!
Sie strahlt ihm nicht, sie kann nur zünden,
Und äschert Städt' und Länder ein.

Съ самаго начала французской революціи въ письмахъ Гримма просвѣчиваетъ иногда упованіе то на финансовыя способности Неккера, то на воинскія дарованія герцога Кастри: въ письмахъ Екатерины — полная безнадежность. «Видя, какъ рушится все, къ чему въ началѣ и въ серединѣ вѣка были привязаны умы, въ чемъ заключались идеалы и принципы, безъ которыхъ нельзя же жить», Екатерина оплакиваетъ погибель Франціи: «Какое паденіе! Большія дороги зарастутъ терніями, а Сюлли такъ радовался, что его милый Генрихъ IV уничтожилъ ихъ! До сихъ поръ считали заслуживающимъ висѣлицы каждаго замышляющаго погибель страны, а теперь вотъ цѣлая нація, или скорѣе тысяча двѣсти депутатовъ этой націи, занимается этимъ. Еслибъ повѣсить нѣкоторыхъ изъ депутатовъ, думаю, остальные образумились бы. Слѣдовало бы начать съ того, чтобъ отнять у нихъ тѣ восемнадцать франковъ, которые даются каждому депутату, и тогда эти добрые люди возвратились бы къ своимъ ремесламъ, которыми они кормятся» [1]). Екатерина не находила словъ для выраженія своего отвращенія къ Національному Собранію, которое она называетъ не иначе, какъ «гидрой о тысячѣ двухъ стахъ головахъ» [2]). Въ ноябрѣ 1789 г. Екатерина пишетъ Гримму: «Я не вѣрю въ высокія способности чернорабочихъ и разночинцевъ въ правительственныхъ и законодательныхъ вопросахъ: заставьте тысячу человѣкъ напи-

[1]) Сборникъ. XXIII, 481, 488. [2]) Ibid., 488, 493, 495.

сать одно письмо, дайте имъ пережевывать каждое выраженіе, и вы увидите, что изъ этого выйдетъ» [1]). Ненависть къ Національному Собранію до того ослѣпляетъ Екатерину, что она повторяетъ сплетни и придаетъ значеніе всякой нелѣпости, распускаемой роялистами. Одну изъ нихъ сообщилъ ей гр. С. Р. Воронцовъ. «Г-жа Дюпэнъ, та самая, у которой Руссо воспитывалъ дѣтей, отпустила нѣсколько лѣтъ назадъ стараго кучера, за дряхлостью, наградивъ его пожизненной пенсіей. Этотъ кучеръ пріѣхалъ теперь изъ деревни въ Парижъ и посѣтилъ ее. Она подумала, что ему неаккуратно выплачиваютъ пенсію, но онъ удостовѣрилъ, что пенсію получаетъ исправно, и заявилъ, что, будучи избранъ въ члены Національнаго Собранія, онъ, прибывъ въ Парижъ, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи посѣтить свою старую и добрую госпожу. Послѣ этого онъ просилъ позволенія посмотрѣть лошадей, къ которымъ привыкъ, и справиться, все ли въ порядкѣ на конюшнѣ. Онъ сходилъ въ конюшню, остался доволенъ порядкомъ и вслѣдъ затѣмъ отправился засѣдать среди законодателей этой возродившейся націи. Говорятъ, этотъ кучеръ—наиболѣе честный членъ этого августѣйшаго собранія» [2]).

Изъ кого ни состояло бы Національное Собраніе, Екатерина отвергала его и потому уже, что оно многочисленно: «Гдѣ множество дѣльцовъ,—пишетъ она Гримму,—тамъ голосъ разума никогда не будетъ услышанъ» [3]). Пять лѣтъ назадъ, въ 1787 году, когда революціонное движеніе не проявилось еще вполнѣ, Екатерина не только не отвергала, но сама восторгалась проектомъ созванія Національнаго Собранія: «Идея созванія депутатовъ превосходна, — писала она Гримму.—Успѣхъ созваннаго мною въ 1767 г. собранія депутатовъ зависѣлъ отъ того, что я сказала имъ: «Смотрите, вотъ каковы мои принципы; заявите ваши жалобы. Гдѣ жметъ

[1]) Сборникъ, XXIII, 479. [2]) Арх. кн. Воронцова, IX, 218.
[3]) Сборникъ, XXIII, 578.

*

сапогъ? Тутъ—хорошо, мы исправимъ его. У меня нѣтъ системы; я желаю только общаго блага, въ которомъ заключается и мое собственное благо. Ну, работайте, представляйте проекты; сообразите, гдѣ вы и куда идете». И они принялись наблюдать, собирать матеріалы, разсуждать, мечтать, спорить, а ваша покорная слуга все выслушивала и оставалась вполнѣ равнодушною ко всему, что не составляло общей пользы и не касалось общаго блага» [1]). Екатерина не понимала, что «старый порядокъ», какъ проношенный сапогъ, оказался никуда негоднымъ и что Національное Собраніе имѣло въ виду даже не общее, а всемірное благо.

Екатерина полагала, что возвращеніе къ «старому порядку» вполнѣ возможно, даже весьма близко. Въ началѣ 1791 г. она пишетъ Гримму: «Мнѣ кажется, что главная сумятица прошла и что послѣ нѣкоторыхъ судорожныхъ движеній, которыя будутъ еще въ этомъ году, все войдетъ въ свою колею». Мѣсяцъ спустя: «Франція одержима теперь душевною болѣзнью, но, вслѣдствіе легкомыслія французовъ, эта болѣзнь пройдетъ у нихъ скорѣе, чѣмъ у всякаго другого народа» [2]). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Екатерина довольно точно предсказывала судьбу австро-прусскаго вмѣшательства, зло подтрунивала надъ эмигрантами, говоря, что они непремѣнно восторжествуютъ, если будутъ обладать «мужествомъ, твердостью, великодушіемъ, благоразуміемъ и здравымъ пониманіемъ, какъ и гдѣ примѣнять эти свойства» [3]), и, какъ нѣмка, пишущая нѣмцу, объясняла революцію стремленіемъ галловъ изгнать своихъ побѣдителей франковъ: «Знаете ли,

[1]) Сборникъ, XXIII, 403, 408. Въ 1775 г., издавъ «Учрежденіе о губерніяхъ», Екатерина называла уже свои принципы въ знаменитомъ Наказѣ пустою болтовнею. Она писала Гримму: Mes derniers règlements du 7 novembre contiennent 250 pages in quarto imprimées, mais aussi je vous jure que c'est ce que j'ai jamais fait de mieux et que vis-à-vis de cela je ne regarde l'instruction pour les lois que comme un bavardage (Ibid., 39). Нѣсколько иной отзывъ въ письмѣ къ Вольтеру, отъ того же времени (Ibid., XXVII, 57).

[2]) Ibid., 517, 521, 566, 581. [3]) Ibid., XXIII, 573.

что вы наблюдаете теперь во Франціи? Это галлы силятся изгнать франковъ» [1]). Екатерина убѣждена, что «всякая республика кончается монархіей» [2]), и въ то же время очень рѣшительно предвидитъ появленіе спасителя Франціи въ лицѣ Кесаря: «Когда же придетъ Кесарь? О, онъ придетъ, не сомнѣвайтесь... Франціи нуженъ человѣкъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ—ловкій, храбрый, не только выше современниковъ, но, быть можетъ, и выше самаго вѣка. Родился ли онъ? Не родился ли? Скоро ли придетъ? Все зависитъ отъ этого» [3]). Когда же Кесарь явился, Екатерина не узнала его: переписка продолжалась за октябрь 1796 г., но въ ней не упомянуты ни весеннія побѣды Наполеона при Миллезимо и Монтенотте, ни лѣтнія при Лоди и Кастильоне.

Изъ всѣхъ государей, одна только Екатерина строго, до конца выдержала свой взглядъ на французскую революцію. Она не допускала никакихъ компромиссовъ съ революціонерами, съ презрѣніемъ отзывалась о короляхъ Пруссіи и Сардиніи [4]), заключившихъ мирные договоры съ Французскою республикою, и, въ августѣ 1796 г., писала Гримму: «Говорятъ, что шестьдесятъ тысячъ русскихъ направляются походомъ къ берегамъ Эльбы, чтобъ прекратить бѣдствія Германіи. Говорятъ, что фельдмаршалъ Суворовъ во главѣ ихъ. Говорятъ еще многое другое, а узнаютъ еще больше» [5]). Даже въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ Гримму, за три не-

---

[1]) Сборникъ, 581, 584. Восемьдесятъ лѣтъ позже, князь Бисмаркъ выражаетъ тотъ же взглядъ: Die Revolution von 1789 war die Niederwerfung des germanischen Elements durch das keltische. *Busch*, II, 310.

[2]) Ibid., 521, 626.

[3]) Ibid., 503, 506, 554, 592.

[4]) Сборникъ, XXIII, 623, 681. По поводу слуховъ о базельскомъ договорѣ, Екатерина пишетъ о прусскомъ королѣ: S'il l'a fait, on pourra dire qu'après Jesus-Christ, mort pour nous tous il n'y a personne qui fit au monde un plus grand sacrifice que le roi de Prusse, car il y perd réputation, honneur, bonne foi, et peut-être tranquillité, repos, état, etc. etc. etc.

[5]) Ibid., 689.

дѣли до смерти. Екатерина, упомянувъ о прусскихъ вооруженіяхъ, прибавляетъ: «Если этими вооруженіями надѣются отклонить меня отъ выступленія моихъ войскъ подъ командою Суворова, то очень ошибутся» [1]). Это, конечно, еще только мысли, но и въ мысляхъ русскій корпусъ посылается все также къ Эльбѣ, не къ Рейну.

Въ послѣдніе годы переписки Екатерины съ Гриммомъ, французская революція всегда на первомъ планѣ. Въ письмахъ Екатерины напрасно искать подробностей о послѣднемъ раздѣлѣ Польши или о присоединеніи Курляндіи — о подобныхъ вопросахъ Екатерина никогда не откровенничала съ Гриммомъ; но о себѣ самой, о «своихъ дѣтяхъ», о внукахъ и внучкахъ она продолжала сообщать любопытныя свѣдѣнія, всегда искреннія, прямыя. Въ началѣ 1794 г. Екатерина пишетъ Гримму: «Русская пословица говоритъ — мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, проживешь вѣкъ съ весельемъ. Вотъ почему, послѣ цѣлаго дѣловаго листа, теперь двѣ бездѣлицы. Во-первыхъ, третьяго дня, въ четвергъ, 9-го февраля, исполнилось 50 лѣтъ, какъ я съ матушкой пріѣхала въ Москву, и изъ этихъ пятидесяти лѣтъ я царствую, милостію Божіею, тридцать два года. Во-вторыхъ, вчера было при дворѣ разомъ три свадьбы. Вы догадываетесь, конечно, что это уже третье или четвертое поколѣніе послѣ тѣхъ, кого я тогда застала, и я думаю, что здѣсь, въ Петербургѣ, едва ли найдется десять человѣкъ, которые помнили бы мой пріѣздъ. Это, прежде всего, Бецкой, слѣпой, дряхлый старикъ, который уже заговаривается и спрашиваетъ у молодыхъ людей, знавали ли они Петра I? Потомъ, графиня Матюшкина, 78 лѣтъ, вчера танцовавшая на свадьбѣ. Далѣе, оберъ-шенкъ Нарышкинъ, тогда камеръ-юнкеръ, и его жена; затѣмъ братъ его, оберъ-шталмейстеръ—но онъ не сознается въ этомъ, чтобы не казаться слишкомъ старымъ. Наконецъ, оберъ-камергеръ Шу-

[1]) Сборникъ, XXIII, 695.

валовъ, который по дряхлости уже почти не выѣзжаетъ изъ дому, и моя горничная, старушка, которая уже ничего не помнитъ. Вотъ почти всѣ мои сверстники: чудно—остальные могли бы быть моими дѣтьми, даже внуками. Вотъ какая я старуха. Есть семьи, въ которыхъ я знаю пятое и шестое поколѣніе. Вотъ неопровержимыя доказательства старости, и самый разсказъ отдаетъ, быть можетъ, тѣмъ же, но что дѣлать! и все-таки я до безумія, какъ пятилѣтній ребенокъ, люблю смотрѣть, какъ играютъ въ жмурки и во всяческія дѣтскія игры. Молодые люди и мои внуки и внучки говорятъ, что я должна быть тутъ, чтобъ царило настоящее веселье, и что они чувствуютъ себя при мнѣ гораздо смѣлѣе и свободнѣе, нежели безъ меня; такимъ образомъ, я—душа веселья» [1]). Екатеринѣ было въ это время 65 лѣтъ.

1-го августа 1795 года, она пишетъ Гримму: «Бецкой только-что скончался, часа два назадъ, 93-хъ лѣтъ. Уже лѣтъ семь, какъ онъ совершенно впалъ въ дѣтство, а иногда былъ даже не въ своемъ умѣ; десять лѣтъ онъ былъ слѣпъ. Когда кто-нибудь приходилъ къ нему, онъ говорилъ: «Если императрица спроситъ васъ, что я дѣлаю, скажите ей, что я работаю со своими секретарями». Онъ особенно скрывалъ отъ меня потерю зрѣнія, чтобъ я не распорядилась его мѣстами; а на дѣлѣ всѣ его должности были уже замѣщены, только онъ этого не зналъ» [2]).

«У насъ здѣсь уже съ мѣсяцъ гоститъ знатный персіянинъ—пишетъ Екатерина Гримму въ концѣ 1795 года—по имени Муртаза-Кули-ханъ, пріѣхавшій искать убѣжища въ Россіи, потому что братъ его, Ага-Мехмедъ-ханъ, присвоилъ себѣ его владѣнія. Онъ человѣкъ умный, вѣжливый и обходительный. Онъ желалъ осмотрѣть Эрмитажъ и сегодня былъ въ немъ въ четвертый разъ: онъ остается въ немъ по три, по четыре часа сряду и все осматриваетъ, какъ настоящій

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 591. [2]) Ibid., 644.

любитель; все прекрасное поражаетъ его, но отъ него ничего не ускользаетъ. Онъ хотѣлъ видѣть, какъ гравируютъ, какъ рисуютъ, и ему доставили это удовольствіе: онъ по цѣлымъ часамъ стоялъ возлѣ гравера и живописцевъ. Онъ входилъ и въ ложи Рафаэля; онъ принялся говорить о Библіи, узнавъ на потолкѣ и на стѣнахъ эпизоды изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Увидавъ изгнаніе Адама и Евы изъ рая, онъ сказалъ, намекая на ложи Рафаэля: «Здѣсь можно подумать, что вся эта исторія вымышлена, такъ какъ мы здѣсь въ раю». Турки настоящіе мужики въ сравненіи съ персіянами, особенно эти чванные дураки-посланники, какихъ намъ много разъ уже присылали. На дняхъ, на балѣ, я сказала Муртазѣ чрезъ сопровождающаго его переводчика, что наши обычаи должны казаться ему очень странными и необыкновенными; онъ мнѣ отвѣчалъ, что было бы желательно, чтобы у нихъ стали бы намъ подражать. Его отвѣты всегда вѣрны и очень разумны. Въ день св. Георгія, видя, что я обѣдаю съ кавалерами ордена, онъ просилъ объяснить ему всѣ подробности статута, и потомъ воскликнулъ: «Какъ это должно поощрять и возбуждать усердіе» [1]).

Такова Екатерина, какъ женщина, государыня и хозяйка, обрисованная ею самою въ письмахъ къ Гримму. Эти три картинки, полныя жизни, красокъ, мыслей, лучше всякихъ разсужденій оправдываютъ слѣдующія строки Екатерины къ князю Потемкину: «Я пишу своимъ лаконическимъ нервознымъ штилемъ, въ которомъ обыкновенно болѣе дѣла, нежели словъ» [2]).

Французская революція коснулась обоихъ корреспондентовъ, Екатерины и Гримма, но не одинаково: Екатерина многое выиграла, Гриммъ все потерялъ. Онъ долженъ былъ бѣжать изъ Парижа, изъ Франціи; на его домъ былъ наложенъ секвестръ, его имущество было конфисковано, всѣ его

[1]) Сборникъ, XXIII, 663. [2]) Ibid., XLII, 399.

капиталы пропали [1]). Екатерина и въ этомъ случаѣ пришла къ нему на помощь. Въ концѣ 1793 года императрица писала Гримму: «Узнавъ изъ вашего послѣдняго октябрьскаго письма о безденежьи, въ которомъ вы находитесь, вслѣдствіе потерь, причиненныхъ вамъ злодѣями цареубійцами, посылаю вамъ при семъ три векселя: одинъ въ двѣнадцать тысячъ рублей, другой въ   , третій въ   , всего же на двадцать тысячъ. Если вы переселитесь въ Вѣну и купите тамъ домъ или дачу, я пришлю вамъ въ будущемъ году еще пятьдесятъ тысячъ. Не говорите никому объ этомъ» [2]). Письмо Екатерины отъ 13-го августа 1796 года начинается такъ: «Баронъ Гриммъ, кавалеръ ордена св. Владиміра, назначенъ на гамбургскій постъ, вмѣсто умершаго Гросса» [3]).

Гриммъ при всѣхъ обстоятельствахъ жизни оставался Гриммомъ. Онъ попрежнему выпрашиваетъ у императрицы всевозможныя милости для людей ему близкихъ, почему-либо ему нужныхъ, и даже въ самый разгаръ революціоннаго движенія во Франціи, въ 1790 г., проситъ Екатерину прислать портретъ «русской императрицы» одному антироялисту, на что Екатерина отвѣчала: «Послушайте, я не могу согласиться на ваше предложеніе и, какъ дворцовому мэру, развѣнчавшему монархическую власть во Франціи, не пристало имѣть портретъ наиболѣе аристократической императрицы въ Европѣ.

[1]) Революціонное правительство конфисковало у Гримма 90.000 франковъ; такъ какъ «правительственная ассигнація» потеряла въ то время всякую цѣнность, то эта ассигнація обращалась въ товаръ, причемъ Гримму было выдано, вмѣсто 90.000 фр., нѣсколько кусковъ кисеи и три пары манжетъ (Сборникъ. II, 377—380). «Кстати—пишетъ Екатерина Гримму—поздравляю васъ съ тѣмъ, что злодѣи уплатили вамъ за 60.000 франковъ двѣ пары кружевныхъ манжетъ. Скажите, правда ли это?» (Ibid., XXIII, 670).

[2]) Сборникъ, XXIII, 586. Пропускъ въ подлинникѣ—Екатерина предоставляла Гримму размѣръ требованій по двумъ векселямъ на сумму до 8.000 рублей.

[3]) Сборникъ, XXIII, 689. Өедоръ Ивановичъ Гроссъ, 1729—1796, министръ-резидентъ въ Гамбургѣ.

такъ и русской императрицѣ не къ лицу посылать свой портретъ антимонархисту. Это значило бы поставить и мэра-антимонархиста и аристократку-императрицу въ противорѣчіе съ самими собою и съ ихъ должностями прошедшими настоящими и будущими» [1]). Попрежнему Гриммъ неспособенъ ни на какой цѣльный литературный трудъ. Въ 1791 г., онъ прислалъ императрицѣ три свои комедіи и выразилъ надежду, что онѣ будутъ представлены на эрмитажномъ театрѣ [2]); Екатерина отвѣчала: «Ваши драматическія пьесы не могутъ быть представлены на эрмитажномъ театрѣ— онѣ грубы, грязны и у насъ уши слишкомъ избалованы, чтобъ слушать подобную глупость» [3]). Попрежнему Гриммъ ошибается, какъ только вдается въ какія-либо политическія сужденія. Два раза онъ пріѣзжалъ въ Россію, по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ Екатериною, около 20-ти лѣтъ переписывался съ нею; тѣмъ не менѣе онъ совершенно не зналъ и не понималъ Екатерины, какъ императрицы Россіи. Вотъ что̀, между прочимъ, писалъ онъ госпожѣ Неккеръ: «Во всемъ мірѣ, быть можетъ, одинъ только я опредѣленно знаю цѣль царствованія Екатерины. Эта цѣль заключается въ уничтоженіи деспотизма и въ предоставленіи со временемъ русскому народу свободы. Говорю «со временемъ», такъ какъ и этотъ драгоцѣнный плодъ, какъ всѣ плоды вообще, не можетъ быть предлагаемъ незрѣлымъ. Достигнетъ ли императрица своей цѣли или же эта цѣль будетъ прервана и уничтожена ея преемниками, тѣмъ не менѣе эта цѣль вполнѣ обнаружится, когда императрицы не будетъ уже въ живыхъ, и наступитъ время, когда никого уже не удивитъ большое сходство правительственной системы Екатерины съ системою Неккера» [4]). Еще

[1]) Сборникъ, XXIII, 482.

[2]) Ibid., XLIV, 415. Изъ трехъ пьесъ только одна озаглавлена: «La journée des dupes».

[3]) Ibid., XXIII, 519.

[4]) D'Haussonville, Le salon de M-me Necker, въ «Revue des Deux Mondes», XXXIII, 86.

были въ живыхъ и Екатерина, и Неккеръ, и Гриммъ, когда неосновательность подобнаго взгляда на императрицу стала для всѣхъ очевидною. Письмо Гримма къ госпожѣ Неккеръ помѣчено 1787 годомъ, а три года спустя, въ 1790 году, самъ Гриммъ сознавалъ уже, въ письмѣ къ Екатеринѣ, что «репутація Неккера погребена подъ развалинами монархіи» [1]). Екатерина неоднократно высказывала Гримму свое полное несогласіе съ Неккеромъ, котораго она считала «ненавистнымъ болтуномъ», не болѣе; вскорѣ и Гриммъ разочаровался въ Неккерѣ, по крайней мѣрѣ Екатерина писала Гримму: «Поздравляю васъ, что вы прекратили сношенія съ гражданиномъ Неккеромъ. Вспомните, какое отвращеніе питала я всегда къ этому накрахмаленному франту, въ каждой строчкѣ котораго видится написанное большою буквою Я» [2]). Какова ни была бы государственная программа Екатерины, эта программа не имѣла ничего общаго ни съ системой Неккера, народомъ прозваннаго «ministre adoré», ни съ заявленною Гриммомъ цѣлью, такъ какъ Екатерина сама потворствовала крѣпостному праву и не шла далѣе осужденія «адской политики, внушающей, будто народъ долженъ пребывать въ недостаткѣ и бѣдности, чтобъ быть ему трудолюбиву и послушну» [3]).

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ къ Екатеринѣ, Гриммъ выразилъ желаніе, чтобъ потомство сказало о немъ, перефразируя французскую пословицу: «Telle maîtresse, tel valet» [4]). Подробно ознакомившись съ перепискою Гримма и Екате-

---

[1]) Сборникъ, XLIV, 379.

[2]) Ibid., XXIII, 637. Compte-rendu Неккера произвелъ большое впечатлѣніе на Екатерину и она писала Гримму: Je vous prie de l'en remercier de ma part et de lui dire le cas infini que je fais de son Compte-rendu, mais surtout de ses talents: je ne doute nullement que le ciel l'a destiné pour tirer la France de l'état très embarassé dans lequel il a trouvé les finances de ce royaume. Ibid., 197.

[3]) Архивъ Сената, т. 161, п. 309; П. З. С., № 16407.

[4]) Сборникъ, XLIV, 629.

рины, необходимо признать, что это желаніе не можетъ быть исполнено, не нанося серьезнаго оскорбленія чувству справедливости.

Послѣ революціи, смерть Екатерины II была вторымъ ударомъ для Гримма, не менѣе тяжкимъ. Императоръ Павелъ сохранилъ за нимъ постъ русскаго резидента въ Гамбургѣ, но Гриммъ, потерявшій вскорѣ правый глазъ, долженъ былъ отказаться отъ своего дипломатическаго поста. Въ память матери и бабки, императоръ Павелъ и Александръ продолжали выдавать Гримму опредѣленное Екатериною содержаніе. Изъ Гамбурга Гриммъ переѣхалъ въ Готу, гдѣ и жилъ въ домѣ, предоставленномъ ему герцогомъ. Здѣсь, въ Готѣ, въ 1801 году, Гримма видѣлъ Гёте и записалъ въ своемъ дневникѣ только жалобы Гримма на матеріальныя потери, понесенныя имъ отъ революціи. Гриммъ являлся къ герцогскому двору всегда въ русскомъ мундирѣ зеленаго цвѣта и съ орденомъ св. Владиміра [1]). Онъ умеръ 19 декабря 1807 года и, по собственному желанію, погребенъ близъ Готы, въ деревнѣ Зиблебенѣ, на сельскомъ кладбищѣ. Извѣстный нѣмецкій романистъ Густавъ Фрейтагъ, въ 1867 году, подновилъ памятникъ надъ могилой Гримма.

Гриммъ умеръ 84-хъ лѣтъ, среди полнаго тріумфа ненавистной ему революціи. Послѣдніе годы старика были потревожены громами пушекъ подъ Аустерлицомъ и Іеной, послѣдніе дни отравлены вѣстью о тильзитскомъ мирѣ.

---

[1]) Göthe Annalen, XXIII, 70; Journal de l'Empire, du 24 février 1813 *Reichard*, Selbstbiographie, 110, 473.

ЕКАТЕРИНА II и ДИДРО.

Русская Старина, 1884.

ЕКАТЕРИНА II и ДИДРО.

20-го іюля 1884 года исполнится сто лѣтъ со дня смерти энциклопедиста Дидро, отношенія котораго къ Россіи оставили замѣтный слѣдъ въ его жизни. Въ теченіе 20 лѣтъ Дидро интересовался Россіей; пять мѣсяцевъ жилъ онъ въ Петербургѣ, почти ежедневно бесѣдуя съ императрицей; въ полномъ собраніи его сочиненій встрѣчается много упоминаній о Россіи, еще болѣе о Екатеринѣ II. Въ памятованіи 20-го (31-го) іюля, къ которому готовится теперь Франція, намъ предстоитъ принять извѣстное участіе. Какое же именно?

Память о сильныхъ умахъ свидѣтельствуется вѣрностью идеямъ, внесеннымъ ими въ интеллектуальную сокровищницу человѣчества; чествованіе геніевъ мысли знаменуется уваженіемъ къ идеаламъ и истинамъ, ими провозглашеннымъ, слѣдованіемъ по тѣмъ умственнымъ путямъ, которые были ими указаны.

Изъ русскихъ людей XVIII вѣка, современниковъ Дидро, только двое цѣнили его по достоинству —двѣ женщины: императрица Екатерина II и княгиня Е. Р. Дашкова; всѣ остальные, бывшіе въ сношеніяхъ съ Дидро—И. И. Бецкій, князь Д. А. Голицынъ, С. К. Нарышкинъ и др.—имѣли при этомъ въ виду болѣе Екатерину, чѣмъ Дидро. Въ запискахъ русскихъ современниковъ не осталось никакихъ слѣдовъ его ученія; Храповицкій, кн. Щербатовъ, Руничъ, Державинъ, кн. Шаховской и др. вовсе не упоминаютъ о Дидро. Фонъ-Визинъ,

бывши въ Парижѣ, не поинтересовался даже взглянуть на Дидро.

Съ «вѣкомъ Екатерины», далеко, какъ извѣстно. не насчитывавшимъ условленной сотни лѣтъ, исчезла въ Россіи и самая память о Дидро. Въ теченіе трехъ царствованій, слѣдовавшихъ за «вѣкомъ Екатерины», имя Дидро не встрѣчается въ писаніяхъ русскихъ людей. Только съ эпохи реформъ, съ пробужденіемъ русской мысли, въ русскихъ изданіяхъ начинаетъ встрѣчаться упоминаніе о Дидро, но слабое, боязливое, болѣе о внѣшней сторонѣ его дѣятельности. Въ 1868 г. появилась статья г. Шугурова «Дидро», составленная по біографіи Розенкранца [1]: въ 1877 г. г. Стасовъ, въ статьѣ «Три французскихъ скульптора въ Россіи», съ сочувствіемъ упомянулъ о значеніи Дидро въ искусствѣ: наконецъ, въ 1882 г. появился русскій переводъ сочиненія Морлея «Дидро и энциклопедисты».

Въ итогѣ нашего вниманія къ великому философу, столь высоко цѣнимому Екатериною, оказывается: произведенія Дидро значатся въ числѣ «безусловно запрещенныхъ» и даже среди нашихъ ученыхъ не установилось еще правописаніе его имени—Дидро, Дидеро или Дидеротъ [2]. Сто лѣтъ по смерти Дидро многіе съ удивленіемъ еще останавливаются предъ участіемъ его къ судьбамъ Россіи и недоумѣваютъ, почему Екатерина II такъ интересовалась изданіемъ «Энциклопедіи».

Въ этомъ недоумѣніи вовсе, конечно, неповинны ни Екатерина II, ни Дидро.

---

[1]) *K. Rosenkranz*, Diderot's Leben und Werke, 2 Bde, Leipzig, 1866.

[2]) Въ одномъ и томъ же XXXIII т. Сборника русскаго историческаго общества значится: *Дидеротъ* (стр. 100), *Дидеро* (стр. 141) и *Дидро* (стр. 239).

I.

Екатерина II.

Catherine Seconde est venue après Pierre Premier; mais qui remplacera Catherine Seconde? Cet être extraordinaire peut se faire attendre des siècles. *Diderot.*

Изъ всѣхъ государей, занимавшихъ престолъ Россійской Имперіи, только одной Екатеринѣ II удалось сосредоточить на себѣ единогласный отзывъ современниковъ, подтвержденный потомствомъ. Петра Великаго, при его жизни, многіе проклинали, нѣкоторые клеймятъ и понынѣ; Екатерина II взошла на престолъ при восторженныхъ кликахъ всей Россіи, была обожаема во всѣ 35 лѣтъ своего царствованія и до настоящаго времени возбуждаетъ сочувственный интересъ историка. До сихъ поръ о Петрѣ I есть два мнѣнія, о Екатеринѣ II—одно: какъ современники назвали ее «великою», такъ она почитается великою до нашихъ дней и нельзя ожидать, чтобъ этотъ эпитетъ могъ быть когда-нибудь серьезно оспариваемъ. И своими достоинствами, и своими недостатками она имѣетъ на него полное право.

Кто первый назвалъ Екатерину II великою? Несомнѣнно, она сама—въ своихъ писаніяхъ и, еще болѣе, своими дѣяніями. Вскорѣ по восшествіи на престолъ, въ 1766 г., она пишетъ графу Гюлленборгу, что «желаніе достигнуть совершенія *великихъ* дѣлъ» [1]) было развито въ ней «болѣе, чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ», и именно, если вѣрить указаніямъ ея же «Записокъ» [2]), въ 1744 г., въ первые же дни пребыванія ея въ Россіи.

Екатерина II представляла прямую противоположность Петра III. У нихъ была только одна сходная черта, но и та

[1]) Сборникъ, X, 157. [2]) Mémoires, p. 28.

чисто внѣшняя: оба они были привезены въ Россію лишь по 14 году—Петръ изъ Киля, Екатерина изъ Цербста. Было и еще одно сходство, но оно-то именно болѣе всего и привело ихъ къ противоположностямъ: оба они наслѣдовали кровь отцовъ, не матерей — Петръ III ничего не заимствовалъ у своей матери, русской великой княгини, и все отъ отца, истаго голштинца [1]); Екатерина II ничего не наслѣдовала отъ своей матери, голштинской принцессы, и очень много отъ отца, въ жилахъ котораго текла бранденбургская кровь. Въ немъ не было ничего русскаго, въ ней—ничего голштинскаго.

Дурно образованный, еще хуже воспитанный [2]), Петръ III явился въ Петербургъ голштинскимъ солдатомъ и остался имъ до конца жизни. Онъ не понималъ и, по неразвитію, не могъ понять своего положенія ни какъ наслѣдника русскаго престола, ни какъ императора Россіи. Вывезенный изъ Голштиніи съ спеціальною цѣлью сдѣлать его русскимъ государемъ, онъ презрительно отзывается о русскомъ народѣ [3]); едва ставъ императоромъ, онъ приказываетъ архіепископу новгородскому Димитрію вынести изъ церквей всѣ образа, кромѣ «Христа и Богородицы», всѣмъ «попамъ бороды свои обрить» и носить «такое платье, какое носятъ иностранные пасторы» [4]). Онъ настолько испорченъ и грубъ, что при первомъ же свиданіи съ своею невѣстою сознается ей, что влюбленъ въ фрейлину Лопухину, «желалъ бы жениться на ней», но готовъ жениться и на Екатеринѣ, «такъ какъ этого желаетъ тетка» [5]).

---

[1]) Герцогъ голштинскій Карлъ-Фридрихъ, супругъ Анны Петровны, старшей дочери Петра I, былъ въ душѣ солдатъ и страсть къ военщинѣ (die unglückliche militärische Neigung) передалъ сыну (*Helbig*, I, 21). Даже нѣмецкіе историки, Зугенгеймъ, Дройзенъ и др., называютъ его истымъ голштинцемъ. Одинъ древній хронистъ такъ отзывается о голштинцахъ—unzähmbare Waldesel (*Brockhaus*, VIII, 58).

[2]) *Брикнеръ*, Жизнь Петра III до восшествія на престолъ. «Русскій Вѣстникъ», 1882, кн. 11.

[3]) Mémoires, 21. [4]) Жизнь и приключенія Болотова (изд. «Русск. Стар.»), II, 127. [5]) Mémoires, 20.

Не такова Екатерина. Нѣмка—проводитъ въ политикѣ чисто русскіе интересы; лютеранка — является защитницей православія; мелкая нѣмецкая принцесса—широко раздвигаетъ предѣлы Россійской Имперіи, и продолжаетъ внутреннюю политику Петра I въ смыслѣ распространенія европейской образованности среди полуазіатскаго русскаго общества. Она пишетъ законы, создаетъ промыслы, развиваетъ торговлю, организуетъ войско, просвѣщаетъ народъ и, минуя свою родину, протягиваетъ обѣ руки къ французскимъ философамъ, «обкрадывая» [1]) Монтескье, переписываясь съ Вольтеромъ и призывая Дидро въ Петербургъ для личнаго знакомства съ знаменитымъ энциклопедистомъ.

«У меня умъ отъ природы философскій» [2]), пишетъ Екатерина, будучи великою княгинею. Это направленіе ея ума предугадалъ въ ней, еще въ ребенкѣ, графъ Гюлленборгъ. Посѣтивъ въ Гамбургѣ родителей Екатерины, онъ укорялъ ея мать [3]) за то, что она «мало или вовсе» не занимается дочерью, и тогда же замѣтилъ, что это «ребенокъ развитой не по лѣтамъ» и что у него «складъ ума очень философ-

---

[1]) Сборникъ, X, 31 (j'ai pillé), 95. 131.

[2]) Un esprit naturellement philosophique. Сборникъ, VII, 83.

[3]) Княгиня Іоганна-Елизавета, изъ голштинъ-готторпскаго дома, дочь Христіана-Августа, епископа любекскаго, была женщина чрезвычайно пустая, отличалась мелочнымъ, до крайности сварливымъ характеромъ, проводила жизнь въ интригахъ и сплетняхъ. Она не любила никого и менѣе всего свою дочь. Когда Екатерина, тогда еще цербстская принцесса, 15-ти-лѣтняя дѣвочка, заболѣла въ Москвѣ воспаленіемъ легкихъ, «мать почти не пускали» къ ней въ комнату; едва больная начала поправляться, мать черезъ прислугу стала выпрашивать у дочери шелковую матерію, «голубую съ серебромъ», которая такъ нравилась дочери. По словамъ Екатерины, «мать обвиняли, что она вовсе не бережетъ меня». Во время пути изъ Цербста въ Москву, княгиня Елизавета особенно тщательно отмѣчаетъ, что въ Ригѣ, при шествіи ея къ столу, «въ комнатахъ играютъ трубы, снаружи—флейты и гобои», между тѣмъ какъ въ Штетинѣ, гдѣ ея мужъ губернаторомъ, «едва били въ барабанъ, а въ другихъ мѣстахъ и того не дѣлали» (Сборникъ, VII, 15); что въ Петербургѣ, «едва я вышла изъ саней, какъ меня привѣтствовалъ залпъ съ гласиса адмиралтейства» (Id., VII, 19).

*

скій». Нѣсколько лѣтъ позже, уже въ Россіи, тотъ же графъ Гюлленборгъ назвалъ ее «философкой въ пятнадцать лѣтъ» и посовѣтовалъ обратиться къ серьезному чтенію. Она перечла на своемъ вѣку Платона, Цицерона, Тацита, Монтескье [1]), много философскихъ трактатовъ, причемъ ставила себѣ за образецъ Вольтера: «въ юности моей я хотѣла во всемъ слѣдовать духу и писаніямъ Вольтера» [2]). Въ теченіе всей жизни, она «читала, перечитывала и изучала все, что выходило изъ-подъ пера Вольтера» [3]). Въ 1778 году, получивъ извѣстіе о смерти Вольтера, Екатерина пишетъ Гримму: «Вольтеръ—мой учитель (c'est mon maître). Онъ, вѣрнѣе, его произведенія, образовали мой умъ, мою голову. Я ужъ говорила вамъ не разъ, думаю—я его ученица (je suis son écolière): когда я была моложе, я любила нравиться ему; мнѣ самой нравились только тѣ мои дѣянія, которыя были достойны быть сообщенными Вольтеру, и я его тотчасъ же увѣдомляла о нихъ; онъ такъ привыкъ къ этому, что бранилъ меня (il me grondait), когда я забывала увѣдомлять его о новостяхъ и онъ узнавалъ о нихъ стороною. Моя аккуратность въ этомъ отношеніи ослабѣла въ послѣдніе годы, вслѣдствіе быстраго хода событій» [4]).

Ни философскій складъ ума, ни чтеніе древнихъ авторовъ, ни переписка съ Вольтеромъ не заслонили въ Екатеринѣ II женщины. Даже сухой и методическій англичанинъ Димсдэль, пріѣзжавшій въ Петербургъ въ 1768 г. для привитія императорской фамиліи оспы, такъ описываетъ Екатерину: «Екатерина II, императрица всероссійская, росту выше средняго; въ ней много граціи и величія, такъ что даже еслибъ можно было забыть о ея высокомъ санѣ, то и тутъ ее признали бы за одну изъ самыхъ любезныхъ особъ ея пола. Къ

[1]) Mémoires, 29, 74, 97, 120, 191, 225, 346.

[2]) In meiner Jugend ich wollte alles nach Voltaire's Sinne und Schriften haben. Сборникъ, XXIII, 215.

[3]) Ibid., XXIII, 113. [4]) Ibid., XXIII, 102.

природнымъ ея прелестямъ прибавьте вѣжливость, ласковость и благодушіе, и все это въ высшей степени; притомъ столько разсудительности, что она проявляется на каждомъ шагу, такъ что ей нельзя не удивляться» [1]). Знала о своихъ «природныхъ прелестяхъ» Екатерина и пользовалась ими. Она умѣла повеселиться, охотно танцовала, любила наряды. Она съ удовольствіемъ передаетъ комплиментъ по поводу прически à la Moïse, сказанный ей маркизомъ де-ла-Шетарди, вспоминаетъ свое бѣлое платье, juste-au-corps, такъ всѣхъ плѣнившее на балу. «Моя наружность была привлекательна, въ обращеніи я была предупредительна; всякій, поговоривъ со мною четверть часа, чувствовалъ себя какъ бы старымъ знакомымъ» [2]). Всякія условныя приличія стѣсняли ее и она не любила сдерживать себя въ этомъ отношеніи. Она не любила визитовъ королей, «потому что обыкновенно это личности скучныя, нелѣпыя (insipides), при нихъ нужно быть на вытяжкѣ» [3]). Во время свиданія съ шведскимъ королемъ Густавомъ III она пишетъ Гримму: «Вотъ я опять въ роли простушки при дворѣ: моя неловкость и обычная застѣнчивость снова проявятся во всемъ блескѣ. Помолитесь за меня» [4]). При свиданіи съ Іосифомъ II, въ Могилевѣ, она чувствовала себя сперва очень неловко [5]). Ее стѣсняли даже и «знаменитости» (les personnages renommés), такъ какъ ихъ нужно слушать, а она любила сама болтать за четверыхъ (jaser comme quatre). Рядомъ съ особенностями чисто женскими въ ней уживались, и въ иныхъ случаяхъ даже преобладали, черты мужского характера. Еще ребенкомъ, во время переѣзда изъ Цербста въ Москву, она пишетъ изъ Либавы своему отцу, что на дорогѣ прихворнула, въ чемъ, какъ сознается, сама виновата—«уничтоживъ все пиво, случившееся на дорогѣ» [6]). Будучи великою княгинею и услышавъ со-

[1]) Сборникъ, II, 320. [2]) Mémoires, 17, 59, 134, 287 и др.

[3]) Сборникъ, XXIII, 91. [4]) Ibid., XXIII, 128.

[5]) Au commencement je suis. XXIII, 190. [6]) Ayant avalée toutes les bières, que j'avais trouvée dans mon chemin.

вѣтъ, поданный ея мужу, что «всѣхъ раненыхъ слѣдуетъ убивать», она шепнула своему сосѣду: «я начала бы съ того, что пустила пулю въ лобъ такому совѣтнику» [1]). Въ своихъ «Запискахъ» она пишетъ: «я была прямымъ и честнымъ рыцаремъ, съ душою болѣе мужскою, чѣмъ женскою; всѣ находили во мнѣ, рядомъ съ характеромъ мужчины, привлекательность весьма любезной женщины» [2]). Въ письмѣ къ г-жѣ Бьельке, пріятельницѣ своей матери, Екатерина сознается, что можетъ «хорошо вести разговоръ только съ мужчинами» [3]). Она съ негодованіемъ говоритъ, что мужчины «не могли себѣ представить, чтобъ послѣдовательный образъ дѣйствій могъ быть плодомъ женскаго ума» [4]).

Въ февралѣ 1778 г., Екатерина, все еще любившая повеселиться, потанцовать, не смотря на свои 49 лѣтъ, имѣла въ виду, въ теченіе двухъ недѣль, одиннадцать маскарадовъ, «не считая обѣдовъ и ужиновъ, на которые я приглашена». Сообщая объ этомъ Гримму, въ Парижъ, она шутя прибавляетъ: «Опасаясь умереть, я заказала вчера свою эпитафію; я сказала, чтобъ торопились, такъ какъ я хочу имѣть удовольствіе самой исправить ее; въ ожиданіи, я, для забавы, сама начала составлять свою эпитафію» [5]). Эта эпитафія-шутка сохранилась въ Государственномъ Архивѣ. Вотъ какъ рисуетъ въ ней свой образъ сама Екатерина:

„Здѣсь лежитъ Екатерина Вторая, родившаяся въ Штетинѣ 21-го апрѣля (2-го мая) 1729 года. Въ 1744 г. она отправилась въ Россію, чтобъ выйти замужъ за Петра III. Будучи 14 лѣтъ, она составила себѣ тройной проектъ—понравиться мужу, Елизаветѣ и націи. Она ничего не упустила, чтобъ имѣть успѣхъ. Восемнадцать лѣтъ скуки и уединенія доставили ей возможность прочесть много книгъ. Достигнувъ трона, она старалась доставить своимъ подданнымъ счастіе, свободу и достатокъ. Она охотно всѣмъ прощала и никого не ненавидѣла; снисходительная, любившая пожить, веселая по природѣ, республиканской души и добраго сердца, она имѣла друзей; трудъ былъ ей легокъ; общество и искусство ей нравились“.

[1]) Сборникъ, VII, 97. [2]) Mémoires, 329. [3]) Сборникъ, X, 105.
[4]) Ibid., VII, 96. [5]) Ibid., XXIII, 77.

Благодаря трудамъ русскаго историческаго общества, издавшаго уже нѣсколько томовъ «бумагъ императрицы Екатерины II» [1]), мы можемъ составить довольно полное пред-

[1]) Въ числѣ этихъ «бумагъ» изданы письма къ Гримму, представляющіяся особенно важными для оцѣнки «Записокъ» Екатерины, какъ историческаго матеріала. До изданія этихъ писемъ возможно было только отрицательное признаніе подлинности «Записокъ», высказанное еще Генрихомъ Зибелемъ въ его талантливой статьѣ „Katharina II und ihre Denkwürdigkeiten“ (Hist. Zeitschr., V, 88) — die Unmöglichkeit der Unechtheit (см. также Kleine historische Schriften, I, 150), не смотря даже на подтверждающія «Записки» донесенія саксонскихъ дипломатовъ Функе и Брюля (см. E. Herrmann, Der russische Hof unter der Kaiserin Elisabeth, въ Historisches Taschenduch, 1882. S. 302); въ настоящее же время можно привести изъ писемъ, несомнѣнно писанныхъ рукою Екатерины II, нѣсколько мѣстъ, поразительно схожихъ съ соотвѣтствующими мѣстами въ «Запискахъ». Для примѣра приведемъ одно только мѣсто. «Записки» Екатерины начинаются слѣдующими словами: «La fortune n'est pas si aveugle, qu'on se l'imagine. Elle est souvent le résultat de mesures justes et précises, non aperçues par le vulgaire, qui ont précédées l'évènement. Elle est encore, plus particulièrement, un résultat des qualités, du caractère et de la conduite personnelle. Pour rendre ceci plus palpable, j'en ferai le syllogisme suivant: les qualités et le caractère seront la majeure; la conduite—la mineure; la fortune ou l'infortune—la conclusion» (Mémoires, p. 1). Эта же мысль повторяется въ концѣ «Записокъ»: «Je me disais: le bonheur et le malheur est dans le coeur et dans l'âme d'un chacun“ (p. 330). Почти буквально эта же мысль встрѣчается въ письмѣ къ Гримму, отъ 13-го февраля 1794 г. Упомянувъ о поведеніи герцога Орлеанскаго, Екатерина говоритъ: «Le bonheur et le malheur d'un chacun est dans son caractère; ce caractère reside dans les principes que l'homme embrasse; la réussite réside dans la justesse des mesures qu'il emploie pour parvenir à ses fins; s'il vacille dans ses principes, s'il se trompe dans les mesures qu'il adopte, il n'y a plus de suite dans ses projets» (Сборникъ, XXIII, 595). Очевидно, это письмо и «Записки» писаны одною и тою же рукою. Письма къ Гримму даютъ также возможность сдѣлать болѣе вѣроятныя предположенія о времени написанія «Записокъ» и о цѣли, для которой онѣ были составлены. Въ упомянутой выше статьѣ, Зибель такъ спеціализируетъ эту цѣль: «Grossfürst Paul gab ihr seit seiner Mündigkeit, seit einem Jahrzehend, oft genug Veranlassung zu peinigenden Besorgnissen; im Auslande widerhandelte er meist ihren Absichten und Wünschen» (S. 94); наставить сына, раскрыть ему настоящее положеніе вещей и тѣмъ заставить его измѣнить свои взгляды, свое поведеніе—вотъ за чѣмъ, по мнѣнію Зибеля, Екатерина написала свои мемуары. Въ подтвержденіе своей догадки Зибель указываетъ, что въ 1782 году, когда Павелъ съ своею супругою возвратился изъ-за границы, британскій посолъ сэръ Джемсъ

ставленіе о внутренней личности Екатерины, какою она является въ своей перепискѣ; мы можемъ начертанный сю образъ провѣрить ея же собственными словами.

Екатерина II писала много, писала охотно и, конечно, не для препровожденія времени, не для забавы. На ея замѣчаніе: «le lire et l'écrire devient amusement, quand on y est accoutumé» [1]) менѣе всего можно полагаться. По мѣткому выраженію Зибеля [2]). Екатерина хорошо умѣла употреблять перо на служеніе своимъ цѣлямъ; она видѣла въ немъ довольно вѣрное средство, когда небрежно набрасывала на бумагу довѣрчивыя строчки къ другу и когда писала остро-

---

Гаррисъ доносилъ своему правительству, что великій князь измѣнилъ свое поведеніе настолько, насколько то трудно было и ожидать; «трудно сказать,— прибавляетъ посолъ въ своей депешѣ,—чему должно приписать такую перемѣну». На это Зибель замѣчаетъ: «Sir James Harris zerbricht sich den Kopf Gründe dafür zu finden. Denken wir uns aber, Katharina hätte dem störrischen Sohn jene Denkwürdigkeiten mitgetheilt, so wäre das ein Grund, schlagender als Alles, was der kluge Diplomat ersinnen möchte. Eine solche Mittheilung möchte dem Sohne so schwer in die Glieder gefahren sein, dass er sich hinfort gern ruhig verhielt» (S. 98). Двадцать лѣтъ назадъ мы находили эту догадку Зибеля невѣроятною по двумъ причинамъ: во-первыхъ, по указанію англійскаго посла эта перемѣна въ поведеніи великаго князя произошла въ концѣ 1782 года—его депеша помѣчена 17-го декабря; между тѣмъ, въ «Запискахъ» упоминается: а) о Панинѣ, какъ объ умершемъ, а онъ умеръ только въ мартѣ 1783 года, и б) о дневникѣ камеръ-юнкера Берхгольца, напечатанномъ въ «Magazin für Historie und Geographie» Бюшинга только въ 1784 году; слѣдовательно, перемѣна не могла произойти отъ чтенія «Записокъ», которыя въ 1782 г. не были еще написаны; во-вторыхъ, «Записки» были найдены въ бумагахъ Екатерины уже послѣ ея смерти, запечатанными и адресованными именно великому князю, въ чемъ уже не представлялось бы надобности, если бы онъ ихъ читалъ еще пятнадцать лѣтъ назадъ. Въ настоящее же время, основываясь на обнародованныхъ письмахъ, можно сдѣлать довольно вѣроятное предположеніе, что «Записки» писаны не только позже 1784 года, но даже позже іюня 1790 года. Въ письмѣ къ Гримму отъ 21-го іюня 1790 г. Екатерина говоритъ: «Je ne sais ce que Diderot entend par mes Mémoires, mais ce qu'il y a de sûr, c'est que je n'en ai pas écrit et que si c'est un péché de ne l'avoir pas fait, je dois m'en accuser» (Сборникъ, XXIII, 484).

[1]) *Храповицкій*, стр. 484. Русскій Архивъ, 1878, II, 291.

[2]) Hist. Zeitschr., V, 90.

умныя письма къ Вольтеру и энциклопедистамъ, которые должны были расточать ей похвалу по всей Европѣ, когда компоновала небольшую пьеску для своего придворнаго театра и когда составляла государственные проекты, которые должны были создать ей славу законодательницы. Екатерина II была слишкомъ умна, чтобы быть искреннею въ письмахъ къ Вольтеру, Д'Аламберу и всѣмъ «знаменитостямъ» вѣка, имѣвшимъ большое вліяніе на общественное мнѣніе; она была честолюбива, много перенесла въ жизни, хорошо знала людей и не могла, конечно, не быть осторожною въ своихъ сношеніяхъ съ ними, особенно же въ письменныхъ. Она умѣла молчать, когда видѣла, что ее хотятъ вызвать на разговоръ [1]; тѣмъ болѣе она умѣла писать, чтобы заставить говорить о себѣ то, что ей было нужно или желательно. Не подлежитъ сомнѣнію, что изъ всѣхъ писаній Екатерины, письма всего болѣе могутъ служить матеріаломъ для обрисовки ея внутренняго существа. Но письма письмамъ рознь. Иное значеніе, напримѣръ, имѣетъ письмо къ Д'Аламберу съ увѣреніемъ, что въ Россіи болѣе свободы (plus de liberté), чѣмъ во Франціи [2], или къ Вольтеру съ категорическимъ увѣдомленіемъ, что Россія пользуется полною терпимостью [3], и иное значеніе имѣютъ письма къ Гримму, въ которыхъ она, почти день за днемъ, записываетъ, рядомъ съ отзывами о серьезныхъ дѣлахъ, всякія мелочи, до извѣстій о рубашонкѣ своего внука [4], великаго князя Александра Павловича, и о здоровьѣ Monsieur Thomas [5], своей комнатной собачонки, включительно. Какъ произведенія Вольтера Екатерина читала, перечитывала и изучала, такъ и свои письма къ нему она писала, переписывала и обдумывала въ нихъ каждое слово: письма же къ Гримму — черновые наброски безъ предвзятой цѣли, во всякомъ случаѣ, безъ задней мысли. Въ письмахъ

[1]) Mémoires, p. 59. [2]) Сборникъ, VII, 179.
[3]) La tolérance est générale dans cet empire. X, 39. [4]) XXIII, 215.
[5]) XXIII, 2, 35, 88, 89, 147 и др.

Екатерины къ Вольтеру ему предлагается матеріалъ для составленія «Siècle de Catherine II», какъ pendant къ «Siècle de Louis XIV»; въ письмахъ къ Гримму выражается потребность высказаться, подѣлиться радостью и выплакать горе [1]), иногда просто поболтать съ умнымъ человѣкомъ, рѣдко, впрочемъ, забывая, что этотъ умный человѣкъ, своею «Correspondance littéraire», нормировалъ взгляды многихъ дворовъ не только на произведенія искусства, и на явленія литературы.

Изданная русскимъ историческимъ обществомъ переписка далеко не полна. Въ ней нѣтъ, между прочимъ, ни одного письма Екатерины къ Дидро [2]). Переписка эта не предназначалась къ печати. «Боюсь печати какъ огня. Никакой копіи ни одной живой душѣ»—вотъ припѣвъ, безпрестанно встрѣчающійся въ письмахъ Екатерины [3]). Было бы, однако, большою ошибкою принимать этотъ припѣвъ въ буквальномъ смыслѣ [4]). Екатеринѣ было пріятно всякое превознесеніе ея въ печати, откуда оно ни исходило бы; она всегда щедро воз-

---

[1]) XXIII, 316 (отъ 2 іюля 1784), 317 (9 сентября), 319 (14 сентября), 322 (26 сентября), 344 (отъ 28 іюня 1785 г.).

[2]) Въ письмѣ къ Гримму отъ 27-го февраля 1775 г., изъ Москвы, Екатерина пишетъ: «Écoutez donc, n'allez point me jouer un tour aussi affreux que d'aller donner des copies de *mon bavardage avec Diderot*. J'ai beaucoup d'estime pour M. de Castrie, mais il est mortel, et mon mémoire passerait de main en main jusqu'aux imprimeurs; or, je crains l'impression comme le feu; ainsi, malgré ce que vous pourrez dire et mon ami le prince Henri encore, point de copie, s'il vous plait, à âme qui vive, et dites à Diderot, que je salue, de n'en point donner et de mettre *mes réponses* dans notre bibliothèque commune en dépôt» (XXIII, 18). Въ настоящее время издано шесть писемъ Дидро къ Екатеринѣ (XXXIII, 508—533), слѣдовательно, существуетъ, вѣроятно, и шесть «отвѣтовъ»; седьмое письмо, писанное Дидро въ Петербургѣ, отъ 11-го февраля 1774 г., за нѣсколько дней до его отъѣзда изъ Россіи, по своему содержанію не предполагаетъ отвѣта, по крайней мѣрѣ, письменнаго.

[3]) XXIII, 18, 74, 110, 119, 495, 535, 545 (werfen Sie ins Feuer alle meine Briefe), 548, 579 (jetez au feu ces lettres); XXXIII, 59, 185, 302.

[4]) Искренно или притворно, но Гриммъ принималъ за чистую монету воспрещеніе печатать письма и давать съ нихъ копіи. Такъ, по поводу полученнаго письма съ описаніемъ могилевскаго путешествія, Гриммъ пишетъ

награждала за такія похвалы [1]) и никогда не высказывала серьезнаго неудовольствія за обнародованіе ея писемъ [2]). Она просто желала, чтобъ письма служили только матеріаломъ для хвалебныхъ статей, къ которымъ она была чутка. «Le gazetier de Cologne en fera de bruit» [3])—магическій доводъ, всегда склонявшій Екатерину къ уступчивости.

Лица, знавшія Екатерину дѣвочкой, ребенкомъ, не могли объяснить себѣ, какимъ образомъ изъ скромной Софіи-Доротеи-Фридерики могла вырости «необычайно-знаменитая» Екатерина II. «На моихъ глазахъ она родилась, росла и воспитывалась», говоритъ баронесса фонъ-Принтценъ, камеръ-фрейлина при «крошечномъ» ангальтъ-цербстскомъ дворѣ [4]). «Я

Екатеринѣ, отъ 6-го сентября 1780 г.: «Jamais mon cœur ne s'est trouvé en presse comme à la réception de cette lettre divine qui, tant qu'elle ne sera pas connue, laissera toujours l'histoire de ce voyage à jamais mémorable incomplète. Que Votre Majesté est injuste envers elle-même en me reduisant au silence à la face de l'Europe!.. Je possède cette lettre, et ne puis faire jouir mon siècle, ô bizarrerie fatale! tandis que si elle était adressée à un autre, je me ferais un devoir de la lui dérober par tous les moyens permis ou non permis, et de la publier pour l'admiration et la consolation de l'humanité» (XXXIII, 60). Когда письмо Екатерины къ князю Де-Линю было напечатано и произвело шумъ въ Европѣ, Гриммъ пишетъ ей, отъ 20-го января 1791 года: «Aber, um tausend Gotteswillen, que dirai-je à Votre Majesté du prince de Ligne? Ist denn das erlaubt? Il laisse échapper une lettre de notre Impératrice, il permet qu'on la lui vole, et de Vienne elle passe à Paris et parait imprimée dans une feuille archidemocratique, de sorte qu'en moins d'une de ses colonnes, le gazetier passe en revue la moitié de l'Asie et de l'Europe convenablement drapée au grand magasin de l'Ermitage de Pétersbourg. Nun, dit le souffre-douleur, das hätte ich armer Teufel mir sollen einfallen lassen und nur drey Zeilen von meiner Kaiserin entwischen lassen, so dass sie wären die Beute eines Zeitungsschmierers geworden, so wäre ich armer Schurk ohne Barmherzigkeit die Beute des Verderbens geworden, hätte mir die kaiserliche Ungnade auf den Hals gezogen und wäre mit Leib und Seele verloren gegangen. Il y a donc deux poids dans la balance de notre Impératrice: l'un pour le prince de Ligne, à qui tout est permis, pardonné d'avance; l'autre pour le souffre-douleur... Moi, il faut que j'enfouisse impitoyablement tous mes trésors, le prince de Ligne les étale et n'aura pas seulement une semonce pour cette petite gentillesse» (XXXIII, 302).

[1]) X, 37, 310. [2]) XXXIII, 119 и др. [3]) XXXIII, 30.

[4]) Записки Тьебо, «Русская Старина», XXIII, 589.

была свидѣтельницей ея учебныхъ занятій и успѣховъ; я сама помогала ей укладывать багажъ передъ отъѣздомъ ея въ Россію. Я пользовалась настолько ея довѣріемъ, что могла думать, будто знаю ее лучше, чѣмъ кто-либо другой, а между тѣмъ никогда не угадала бы, что ей суждено пріобрѣсти знаменитость, какую она стяжала. Въ пору ея юности, я только замѣтила въ ней умъ серьезный, расчетливый и холодный, но столь же далекій отъ всего выдающагося, яркаго, какъ и отъ всего, что считается заблужденіемъ, причудливостью или легкомысліемъ. Словомъ, я составила себѣ понятіе о ней, какъ о женщинѣ обыкновенной». Такою она и была въ домѣ родителей, гдѣ mademoiselle Cardel учила ее не скупиться въ разговорѣ словомъ «monsieur», отчего «челюсти не развалятся» [1]), «ehrwürdige pasteur» Вагнеръ преподавалъ «предметы» и училъ нѣмецкому правописанію [2]), уроки французской каллиграфіи преподавалъ Лоранъ [3]), музыки—Рэллигъ [4]). Дѣвочка росла одна, безъ подругъ. Однимъ изъ развлеченій было появленіе старой тетки, вѣчно восторгавшейся «застольными рѣчами» Лютера. Какъ воспитаніемъ, такъ и образованіемъ ребенка настолько пренебрегали, что графъ Гюлленборгъ, другъ дома, считалъ справедливымъ упрекнуть по этому поводу мать Софіи-Доротеи-Фридерики.

Между тѣмъ изъ писемъ Екатерины несомнѣнно, что зачатки происшедшей позже перемѣны были положены именно въ этой скромной обстановкѣ «крошечнаго» двора.

«Что вамъ дѣлать въ Штетинѣ?—спрашиваетъ Екатерина Гримма въ письмѣ отъ 29-го іюня 1776 года.—Но если ужъ такая охота посѣтить Штетинъ, то знайте, что я родилась въ грейфенхеймскомъ домѣ (in Greifenheims Hause auf dem Marien Kirchhof), что я жила и воспитывалась въ лѣвомъ углу зàмка, что я занимала на верху три комнаты со сводами. Тамъ г-жа Кардель наставляла меня (m'endoctrinait) и

---

1) Сборникъ. XXIII, 18. 2) Id., 43. 3) Id., 42.

4) Id., 89. По Я. Гроту Беллигъ. «Др. и Нов. Россія», 1875, I, 115.

г. Вагнеръ преподавалъ мнѣ свои упражненія» [1]). Въ этихъ-то сводчатыхъ комнатахъ грейфенхеймскаго дома формировался впервые «философскій складъ ума» ребенка. Вагнеръ и Кардель — двѣ противоположности, каждая изъ которыхъ имѣла свою долю вліянія на воспріимчивую дѣвочку и обѣ вмѣстѣ давали поводъ къ сопоставленіямъ, быть можетъ пробуждали впервые сомнѣніе. Вагнеръ былъ лютеранинъ, Кардель—кальвинистка; онъ ни слова не понималъ по-французски, она—ни слова по-нѣмецки [2]); Вагнеръ былъ тупой педантъ, знавшій только свои «ennuyeuses Prüfungen» [3]). Кардель «знала почти все, ничему не учившись, совершенно какъ ея ученица» [4]); Вагнеръ былъ «глупъ», Кардель—«умная дѣвушка» [5]), которая «знала по пальцамъ всѣ комедіи и трагедіи» [6]) и пріохочивала свою ученицу къ чтенію комедій Мольера [7]). Кардель недаромъ прозвала дѣвочку «esprit gauche» [8]) — Софія-Доротея-Фридерика принимала всѣ наставленія по своему и дѣлала все не такъ, какъ другіе [9]); слушая Tischreden Лютера, чтеніе которыхъ старою теткою сопровождалось восхваленіями ихъ творца, дѣвочка получила отвращеніе и къ Tischreden [10]), и къ ихъ автору [11]). Кардель не читала, конечно, съ своей ученицей «Lettres philosophiques» Вольтера, но философскій скептицизмъ вѣка проникалъ въ грейфенхеймскій домъ не черезъ одного только Мольера. Изъ всѣхъ «скучныхъ» наставленій Вагнера, дѣвочка запомнила только поученіе, что «примѣры ничего не значатъ, а все зависитъ отъ *природы* человѣка» [12]), т.-е. именно то начало, которое позже выставятъ, какъ свое евангеліе, Гельвецій, Дидро, Гольбахъ. «Будучи дѣвочкой—пишетъ Екатерина—я говорила себѣ: чтобъ быть *чѣмъ-нибудь* (quelque chose) въ этомъ мірѣ, необходимо имѣть качества, требуемыя этимъ *что-нибудь* (quelque chose); посмотримъ же серьезно въ наше

---

[1]) Сборникъ, XXIII 50—51 (Prüfungen). [2]) XXIII, 78. [3]) Id., 88.
[4]) Id., 79 [5]) Id., 88. [6]) Id., 18. [7]) Id., 111. [8]) Id., 113. [9]) Id., 12.
[10]) Id., 41. [11]) Id., 29 (Votre Luther est un *gros rustre*). [12]) Id., 72.

маленькое внутреннее я—имѣемъ ли мы эти качества? Если не имѣемъ—выработаемъ ихъ. Что же это—ничто или лютеранство? [1]) Право, не лютеранство. Мартинъ Лютеръ былъ олухъ (rustre); онъ не поучалъ ничему подобному» [2]). Если отбросить «олуха» и вообще нападки на лютеранство, какъ выраженія позднѣйшаго развитія и вліянія политическихъ соображеній, получится тотъ «философскій складъ ума», который былъ замѣченъ въ этомъ «esprit gauche» еще графомъ Гюлленборгомъ, и нуженъ только хотя бы внѣшній толчокъ, чтобъ развитіе этого склада приняло болѣе серьезное направленіе.

Такимъ толчкомъ былъ переѣздъ въ Россію.

Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ принцесса цербстская была перевезена изъ Цербста въ Москву [3]). Это не былъ переѣздъ изъ одного города въ другой—это было переселеніе въ совершенно иной міръ, съ иными нравами и обычаями, гдѣ люди чувствовали и мыслили иначе, иначе одѣвались, иначе ѣли. Фантастическія путешествія Жюля Верня не производятъ на насъ такого сильнаго впечатлѣнія, какое должно было произвесть русское общество половины прошлаго вѣка на 14-ти-лѣтнюю принцессу, хотя и «toute faite», какъ выразился Фридрихъ II [4]) въ письмѣ къ императрицѣ Елизаветѣ. Золото и парча, нѣга и роскошь ослѣпляли и плѣняли глазъ прежде, чѣмъ удавалось разсмотрѣть, что это не золото, а позолота, не нѣга, а

---

[1]) Непереводимая игра словъ, подчеркнутыхъ самою Екатериною: «y a-t-il du *rien* ou *luthérien* à cela?»

[2]) Id., 12.

[3]) Отъѣздъ изъ Цербста послѣдовалъ 17-го января (Сборникъ, VII, 9), пріѣздъ въ Москву 9-го февраля 1744 г. (Id., 26).

[4]) Corresp. polit. de Frédéric II, 319. Въ «Дневникѣ докладовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ» значится, что въ отвѣтномъ письмѣ Фридриху предлагалась слѣдующая фраза: «о меритахъ оныхъ принцессъ ея императорское величество *посторонне отъ другихъ слышать изволила*» (Архивъ кн. Воронцова, VI, 40). Этимъ подтверждается мнѣніе Соловьева (XXI, 324) и опровергается взглядъ г. Бартенева на Фридриха, какъ «главнаго свата» (Осмнадцатый Вѣкъ, I, 13).

развратъ. Это былъ омутъ, въ которомъ не легко было осмотрѣться, съ которымъ трудно было освоиться, еще труднѣе сжиться; омутъ моральный еще болѣе, чѣмъ политическій и экономическій. Интриги и козни, пересуды и сплетни составляли основу людскихъ отношеній; поступки и дѣла оцѣнивались по степени успѣха; нравственное чувство замѣнялось внѣшнимъ приличіемъ, служеніе дѣлу—угодливостью лицамъ, религіозность—ханжествомъ. О любви, о сердечной привязанности не могло быть и рѣчи тамъ, гдѣ мать наталкивала дочь на любовника, лишь бы имѣть внука [1]). Невѣжество царитъ во всѣхъ слояхъ общества и высоко поднимаетъ голову даже у ступеней трона; архіерей офиціально сознается синоду, что онъ «главою весьма немощенъ». Нигдѣ никакой дисциплины: архіерей бьетъ по щекамъ воеводу; воеводскій товарищъ замучиваетъ до смерти священника; члены коллегій и канцелярій небрегутъ службою, отчего происходитъ великая волокита въ дѣлахъ; на репримацды сената никто не обращаетъ вниманія. По годамъ не производятся счеты и сборы подушныхъ денегъ; арміи обкрадываются военачальниками; корабли гніютъ въ гаваняхъ; земледѣліе отягощается неустановленными поборами; полиція безсильна противъ своеволія солдатъ, которые грабятъ, бунтуютъ и разбойничаютъ; промышленная дѣятельность страдаетъ отъ недостатка рукъ, которыя всѣ обратились къ хищенію и легкой наживѣ [2]). Нигдѣ и ни въ комъ ни чувства долга, ни сознанія своего достоинства. Нареченный женихъ Софіи-Доротеи-Фридерики, потомъ мужъ Екатерины, Петръ Ѳедоровичъ проводитъ цѣлые дни или съ лакеями, играя въ куклы, или съ голштинскими солдатами, пьянствуя, не выпуская изо рта трубки [3]). Рядомъ съ спальнею онъ устроилъ псарню, а въ самой спальнѣ безобразничалъ съ ряжеными лакеями и горничными. Онъ, не краснѣя, разсказывалъ невѣстѣ о своихъ любовныхъ по-

[1]) Mémoires, 319. [2]) *Соловьевъ*, XXI, 305 и слѣд.

[3]) Архивъ, V, 19; XXI, 27, 29, 41. Mémoires, 239.

хожденіяхъ и не скрывалъ передъ женою своихъ отношеній къ придворнымъ дамамъ [1]). Это былъ «взрослый ребенокъ» [2]), но ребенокъ испорченный—онъ любилъ подслушивать, шпіонить, по цѣлымъ часамъ билъ своихъ собакъ палками, по цѣлымъ суткамъ вѣшалъ мышей въ своей комнатѣ.

Вотъ среда, въ которой Екатеринѣ предстояло жить. Вскорѣ по пріѣздѣ къ русскому двору, она уже чувствовала себя одинокою, безъ совѣтника, безъ друга. Положеніе тяжелое. Екатерину спасъ ее холодный, расчетливый, бранденбургскій умъ.

Цербстская принцесса пріѣхала въ Россію вовсе не «наивнымъ ребенкомъ» [3]). Екатерина и въ этомъ отношеніи была противоположностью Петра: онъ до самой смерти остался ребенкомъ, она очень рано вышла изъ пеленокъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, она сознала свое тяжелое положеніе, и заболѣла [4]). Нѣсколько дней была она «между жизнью и

---

[1]) Mémoires, 37, 214. [2]) *Соловьевъ*, XXIV, 50.

[3]) *Sibel*, Kl. hist. Schr., I, 159: «Das *Kind*, welches ganz *naiv* die Hände nach dem Glanz der russischen Krone aufstreckte» u. s. w. *Hillebrand*, Katharina II und Grimm, «Deut. Rundschau», VII, 385: «Das vierzehnjährige Prinzesschen, immerhin ein *Kind*» u. s. w.

[4]) Свѣдѣнія о болѣзни цербстской принцессы крайне сбивчивы. По официальнымъ извѣстіямъ, принцесса «занемогла 6-го марта лихорадкою отъ флюса»; вскорѣ, однако, флюсъ измѣнился въ «опасный ревматизмъ съ одышкою». Это первое извѣщеніе заканчивалось словами: «чрезъ всегдашнее употребленіе наилучшихъ лекарствъ и частое пусканіе крови» опасность миновалась («Спб. Вѣдомости» за 1744 г., № 25-й). Съ 13-го по 19-е марта принцессѣ было «легче», но прибавлено, что 19-е марта былъ опаснѣйшій день; больная «много мокроты выкинула». Кризисъ миновалъ счастливо (Id., № 26). Отъ 27-го марта—принцессѣ гораздо легче (Id., № 28-й), а 20-го апрѣля принцесса впервые вышла и публично кушала (Осмнадцатый Вѣкъ, I. 423). Такимъ образомъ, болѣзнь, причины которой вовсе не указаны, продолжалась 45 дней, съ 6-го марта по 20-е апрѣля. Въ «Запискахъ» же Екатерины сказано, что болѣзнь началась «на 15-й день» по пріѣздѣ въ Москву, т.-е. 24-го февраля, и не лихорадкой отъ флюса, а «воспаленіемъ въ боку»; «двадцать семь дней» больная была между жизнью и смертью, но «нарывъ на правомъ боку прорвался, со мною сдѣлалась рвота и я пришла въ себя» (Mémoires, 21, 22). Оставляя въ сторонѣ время заболѣванія, продолжительность болѣзни и ея

смертью»; болѣе мѣсяца пролежала въ постели, но оправилась—молодость и крѣпкая натура помогли перенести недугъ. Переломъ нравственный совершился, и она встала съ постели съ твердымъ намѣреніемъ быть привѣтливою ко всѣмъ, не вмѣшиваться ни во что, не выдвигаться впередъ, оказывать безграничное повиновеніе императрицѣ, глубочайшее уваженіе великому князю и всѣми силами стараться заслужить любовь всѣхъ въ своемъ новомъ отечествѣ. Это рѣшеніе было принято вполнѣ обдуманно и проводимо съ твердостью поражающею, особенно въ женщинѣ. Такъ, напримѣръ, ни увѣщанія отца, ни его «Pro memoria», ни обѣщанія, данныя отцу [1]), ничто не удержало принцессу, и она такъ же легко изъ лютеранки сдѣлалась православной [2]), какъ, нѣсколько лѣтъ

опредѣленіе, мы полагаемъ главную причину болѣзни въ нервномъ потрясеніи, вынесенномъ принцессою. Это подтверждается и объясненіемъ, какое позже дала своей болѣзни Екатерина: «Желая поскорѣе выучиться русскому языку, я вставала ночью, когда всѣ вокругъ спали, и, сидя на постели, зубрила тетради. Въ комнатѣ было жарко, я не находила нужнымъ обуваться; вслѣдствіе этого» и т. д. (Mémoires, 21). Принцесса по ночамъ учитъ уроки русскаго языка уже на второй недѣлѣ по прибытіи въ Москву!

[1]) Сборникъ, VII, 2.

[2]) Вопросъ о принятіи Екатериною православія не подвергался спеціальному изслѣдованію; всѣ же историки, касавшіеся этого вопроса, относились къ нему съ увѣренностью, что для принцессы, отецъ которой былъ строгій лютеранинъ и которая воспитывалась въ лютеранскомъ «страхѣ Божіемъ», было очень тяжело перемѣнить вѣру отцовъ. Такое мнѣніе, основанное исключительно на буквальномъ пониманіи донесеній прусскаго посланника въ Россіи Мардефельда и писемъ прусскаго короля Фридриха II, не выдерживаетъ критики. Фридрихъ II говоритъ, напр., что отецъ принцессы былъ «Lutheraner, wie man's in den Zeiten der Reform war» — это не болѣе какъ фраза и, къ тому же, совершенно неумѣстная: когда этому «лютеранину временъ реформаціи» дочь написала, что она не находитъ *«почти никакой* разности» (presque aucune différence) между греческою и лютеранскою религіею (VIII, 4), а жена засвидѣтельствовала, что оба ученія даже *«совершенно сходны»* (*Соловьевъ*. XXI, 336), то онъ вполнѣ этому повѣрилъ и пренаивно сталъ всѣмъ говорить: «Lutherisch-griechisch, griechisch-lutherisch, das gehet an!» Донесенія Мардефельда не столько говорятъ о состояніи духа принцессы, сколько намекаютъ на услуги самого посланника и на его положеніе при дворѣ: то намекъ на свое участіе въ тайномъ приглашеніи къ Екатеринѣ лютеранскаго

позже, подтрунивала надъ обрядами греческой церкви [1]), глумилась надъ протестантствомъ [2]) и улыбалась, слушая католическую мессу [3]) въ Могилевѣ или привѣтствія іезуитовъ въ Полоцкѣ.

Гдѣ причина такой перемѣны? Въ чемъ искать разгадку этой рѣшимости связать свою судьбу съ міромъ, ей совершенно чуждымъ, и, какъ мы видѣли, не особенно привлекательнымъ?

Отвѣтъ, и довольно категорическій, дала сама Екатерина сто лѣтъ назадъ, и этотъ отвѣтъ повторяется всѣми и по сей день: она сознавала тяжелое настоящее, она предвидѣла горькое будущее, но рѣшилась все перенести, все претерпѣть, потому что была «неравнодушна къ русской коронѣ» [4]). Къ какой коронѣ? Императрица Елизавета была тогда во цвѣтѣ лѣтъ—ей былъ 36-й годъ; великій князь Петръ Ѳедоровичъ—юноша, всего лишь годомъ старше самой Екатерины. О какой же коронѣ могла мечтать великая княжна Екатерина Алексѣевна въ 1744 году? Здѣсь, очевидно, послѣдующіе факты вспоминаются для оправданія предшествовавшихъ имъ рѣшеній. Кажется, нѣтъ надобности повторять слова Екатерины о коронѣ, не имѣвшія въ то время никакого значенія, когда существуютъ болѣе близкіе и естественные мотивы— Екатерина вывезла ихъ съ своей родины, они поддерживали ее въ пути изъ Цербста въ Москву, они облегчили ей пониманіе православныхъ уроковъ архимандрита ипатскаго,

---

пастора, что̀, кстати сказать, вовсе не похоже на Екатерину о опровергается разсказомъ ея матери (VII, 30—31), то одинъ онъ знаетъ, что передъ «церемоніею» Екатерина «много плакала» и т. п. (*Schlözer*, 49, 51; *Брикнеръ*, 220, 224). Какъ религію, такъ же легко перемѣнила она и имя, изъ Софіи-Доротеи-Фридерики ставъ Екатериной. Она и тогда, вѣроятно, смотрѣла на «имя» такъ же, какъ въ 1773 г., когда писала Вольтеру: «Sur ce point nous sommes plus chiches que vous, qui en donnez par douzaine, tandis qu'ici chacun n'en a pas plus qu'il ne lui en faut, c'est-à-dire un seul» (Сборникъ, XIII, 378).

[1]) XXIII, 19, 257, 597, 683; XXVII, 4.

[2]) XXIII, 12, 28, 41, 106, 331. [3]) Id., 181—182. [4]) Mémoires, 17.

они же побудили ее къ перемѣнѣ, имѣвшей вліяніе на всю ея жизнь.

Екатерина родилась и росла въ довольно скромной обстановкѣ «крошечнаго» двора, среди скудной поморской природы, причемъ ея уму и воображенію безпрестанно и повсюду рисовались картины могущественной державы, славной своими громкими побѣдами, поражавшей своими несмѣтными богатствами, ослѣплявшей роскошью своей жизни. Здѣсь, въ Помераніи, повсюду стояли еще недавно русскія войска; тамъ, въ сосѣдней Даніи, русскій царь ведетъ свои войска къ побѣдѣ по поясъ въ водѣ; всюду, въ разсказахъ, чудится грандіозная фигура Петра, командующаго флотами четырехъ государствъ; вотъ, по Одеру, плывутъ голштинскія суда съ ея земляками, ѣдущими искать счастія въ Россіи. Въ Штетинѣ и Цербстѣ, въ Гамбургѣ, Брауншвейгѣ и Берлинѣ, всюду слышитъ она разсказы о храбрости русскихъ войскъ, о богатствѣ русскихъ вельможъ, о величіи Россіи, и эти разсказы глубоко западаютъ въ душу ребенка честолюбиваго, сильно волнуютъ воображеніе, которое рисуетъ ей заманчивые, чарующіе перспективы. Когда, съ годами, эти соблазнительные образы получили болѣе сознательное значеніе, когда разность между цербстскимъ и русскимъ представлялась осязательнѣе—тогда-то является приглашеніе ѣхать въ Россію, изъ цербстской принцессы стать русскою великою княгинею. Она видитъ въ этой поѣздкѣ осуществленіе ея дѣтскихъ мечтаній, быть можетъ, юношескихъ вожделеній, и ѣдетъ охотно—въ дорогѣ она «походитъ на солдатъ, встрѣчающихъ опасность съ хладнокровіемъ» [1], и спитъ непробуднымъ сномъ, когда разбились сани, ударившись, на всемъ скаку, объ уголъ дома [2]). И по дорогѣ, и въ Москвѣ все свидѣтельствуетъ о богатствѣ, о роскоши—«все съ галунами, все выложено золотомъ, великолѣпно» [3]); все плѣняетъ глазъ—и звѣзда ордена св. Ека-

[1]) *Schlözer*, 43; *Брикнеръ*, 210. [2]) Сборникъ, VII, 23. [3]) Ibid., VII, 28.

терины, и «шлейфъ на шею, и серьги брильянтовыя въ 60.000 руб.» [1]), и брильянтовая запонка, и «ожерелье въ 150.000 рублей» [2]). А уваженіе, а почетъ? «Мы живемъ какъ королевы. Когда мы выѣзжаемъ, то выѣздъ удивительный» [3]). Великолѣпная свита, толпа царедворцевъ, блистательный церемоніалъ, baise-main—все это бросить ради «Вѣрую» и возвратиться опять въ мизерную обстановку «крошечнаго» двора? Если Парижъ стоилъ мессы, то Россія и подавно стоила «Вѣрую», и Екатерина «d'une voix nette et claire et d'une prononciation, qui a étonné tout le monde, en récita tous les articles sans broncher d'une syllabe» [4]). Не только въ первые дни или мѣсяцы, въ первые годы пребыванія Екатерины въ Россіи не могло быть и помысловъ о «русской коронѣ», ни даже послѣ 21-го августа 1745 года, дня бракосочетанія [5]). «Русская корона», какъ причина рѣшенія, принятаго Екате-

---

[1]) Осмнадцатый Вѣкъ, I, 423.

[2]) Сборникъ, VII, 35. [3]) Id., 28. [4]) Id., VII, 33.

[5]) Книгопродавецъ Цедлеръ издалъ въ прошломъ столѣтіи первый на нѣмецкомъ языкѣ «Всеобщій Лексиконъ». Въ 61-мъ томѣ, подъ словомъ Zerbst, въ отдѣлѣ «Das Fürstliche Hauss», на стр. 1597, въ разсказѣ о помолвкѣ Петра Θедоровича съ Екатериной Алексѣевной, говорится: «Die Prinzessin bekam von der Kayserin und dem Gross-Fürsten reiche Geschencke, und *ward auch zur Erbin des Russischen Reichs eingesetzet, im Fall die Kayserin und der-Gross-Fürst ohne Erben mit Tode abgehen solten*». Этому извѣстію г. П. Бартеневъ придаетъ полную вѣру и, потому, важное значеніе: «При бракосочетаніи Екатерины постановлено было, что, въ случаѣ бездѣтной кончины великаго князя, наслѣдницею Россійскаго престола будетъ Екатерина (Цедлеровъ Лексиконъ, стр. 1597)—условіе чрезвычайно важное и объясняющее намъ весь послѣдующій образъ дѣйствій Екатерины» (Осмнадцатый Вѣкъ, I, 29). Высоко цѣнитъ это извѣстіе и Я. К. Гротъ: «Для разъясненія всего образа дѣйствій Екатерины при дворѣ Елизаветы Петровны необходимо имѣть въ виду важное постановленіе, послѣдовавшее при бракосочетаніи ея: что, въ случаѣ кончины великаго князя бездѣтнымъ, право на наслѣдство переходитъ къ ней» («Древняя и Новая Россія», I, 124). Такого «постановленія» никогда не было и быть не могло, такъ какъ въ немъ не было надобности. Постановленія подобнаго рода обнародовались манифестами—такого манифеста не существуетъ; еслибъ манифестъ былъ изданъ, онъ былъ бы доставленъ въ лексиконъ Цедлера тѣмъ же лицомъ, которое обязательно сообщило ему всѣ подробности помолвки, не исключая даже манифеста значительно меньшей

риною, какъ мотивъ дѣйствій, явилась уже значительно позже, когда обдумывался планъ «Записокъ» и чувствовалась потребность придать своимъ поступкамъ мотивы болѣе высокаго порядка, государственнаго значенія.

важности, которымъ повелѣвалось «diese Durchl. Printzessin, als Gross-Fürstin mit dem Titul: Ihro Kayserliche Hoheil, zu veneriren». Не было же надобности въ подобномъ постановленіи потому, что наслѣдникомъ престола былъ уже объявленъ, по манифесту Елизаветы Петровны, ея племянникъ Петръ Өедоровичъ; о какой-либо перемѣнѣ или дополненіи въ этомъ отношеніи могла быть рѣчь лишь въ случаѣ смерти великаго князя при жизни императрицы; по кончинѣ же Елизаветы Петровны, право распоряжаться въ этомъ отношеніи переходило къ императору Петру III. Но если такого постановленія не было, откуда почерпнулъ извѣстіе о немъ Цедлеръ для своего лексикона? При помолвкѣ цербстской принцессы, ея мать, княгиня цербстская, пользовалась еще извѣстнымъ расположеніемъ императрицы, которое, годъ спустя, совершенно утеряла, такъ что самымъ бракосочетаніемъ спѣшили, «чтобъ удалить ее» изъ Россіи (Записки Штелина, «Чтенія въ обществѣ исторіи», 1866, IV, 89). О своемъ пребываніи въ Россіи она писала подробныя письма, родъ реляцій, своей теткѣ; она описала, между прочимъ, и помолвку своей дочери. Все, напечатанное по этому поводу во «Всеобщемъ Лексиконѣ» Цедлера есть лишь пересказъ письма княгини цербстской (ср. Сборникъ русск. ист. общества, VII, 37—44); вотъ почему княгиня постоянно выставляется на видъ въ разсказѣ о событіи, въ которомъ она играла роль болѣе, чѣмъ второстепенную. Едва упомянувъ, что «diese Verlobung geschahe mit grossem Gepränge», лексиконъ прибавляетъ: «der Ober-Hof-Marschall Graf Otto von Brümmer führte die Fürstin von Zerbst, und der gesammte Hof folgte». Въ лексиконѣ, конечно, опущены подробности о нежеланіи пословъ сидѣть ниже княгини; разсказано, однако, какъ всѣ обѣдали въ большой залѣ, за тремя столами, княгиня же обѣдала въ сосѣдней комнатѣ, но такъ, что могла видѣть все, что происходило въ большой залѣ (Die Fürstin von Zerbst sass an einer besondern Tafel in einem Neben-Zimmer, worinnen sie Alles, was in dem grossen Saale vorging, sehen konnte)—подробность, настолько неумѣстная во «Всеобщемъ Лексиконѣ», что помѣщеніе ея трудно было бы и объяснить, еслибъ не было указаній на источникъ этой статьи. Ею же, княгиней цербстской, или по ея указанію, было помѣщено извѣстіе о правѣ наслѣдованія Екатерины Алексѣевны. Извѣстіе это, почерпнутое изъ лексикона Цедлера, передано г. П. Бартеневымъ неточно, причемъ исчезли двѣ особенности, доказывающія очевидную его нелѣпость: *во-первыхъ*, постановленіе о престолонаслѣдіи отнесено къ помолвкѣ (а не къ бракосочетанію), и, *во-вторыхъ*, условіемъ его поставлена бездѣтность не только великаго князя, но и императрицы! Ни Соловьевъ (XXII, 41), ни Брикнеръ («Русск. Вѣстн.», 1883, I, 237) вовсе не упоминаютъ объ этомъ «постановленіи». Это былъ слухъ, сплетня, опровергнутая еще кн. Дашковою (Архивъ, VII, 253; XXI, 189).

Въ теченіе 18-ти лѣтъ, съ пріѣзда въ Россію до вступленія на престолъ, Екатеринѣ не разъ приходилось читать «Вѣрую». Нужна была крайняя осторожность, чтобъ не возбудить подозрѣнія императрицы, канцлера и той массы соглядатаевъ, которые слѣдили за каждымъ ея шагомъ. Ей было запрещено переписываться [1]) даже съ матерью и она должна была прибѣгать къ помощи иностранцевъ-музыкантовъ, чтобы обмануть бдительность окружавшихъ ее наушниковъ и наушницъ [2]). Среди придворнаго шума она была совершенно одинока: императрица не довѣряла ей, мужъ не любилъ ее, приближенные ко двору, желая сохранить милость императрицы, избѣгали ее; даже придворная прислуга, стараясь выслужиться, относилась къ ней недоброжелательно. Вѣрная своему рѣшенію сохранить за собою занятое положеніе, Екатерина все видитъ, все наблюдаетъ, все старается понять, но ничего не высказываетъ, все таитъ въ себѣ, оставаясь со всѣми мила и любезна, ко всѣмъ внимательна и предупредительна Такое поведеніе начинало мало-по-малу приносить свои плоды. Въ 1755 г. англійскій посолъ Уйльямсъ писалъ своему двору: «Какъ только Екатерина пріѣхала сюда, она начала всѣми средствами стараться пріобрѣсти любовь русскихъ. Она достигла своей цѣли и пользуется здѣсь большою любовью и уваженіемъ. Ея обращеніе очень привлекательно» [3]). Время, свободное отъ обязанностей, налагаемыхъ придворнымъ этикетомъ, Екатерина коротала бесѣдами съ фрейлинами, катаньемъ верхомъ и чтеніемъ. Благодаря совѣту друга своей семьи «питать свою душу серьезнымъ чтеніемъ» [4]), она постепенно переходитъ отъ романовъ, въ родѣ «Tristan le blanc», отъ различныхъ

[1]) «Ея высочество для избѣжанія всякаго подозрѣнія отъ излишней и тайной переписки всегда потребныя свои письма въ Нашей Коллегіи иностранныхъ дѣлъ сочинять и къ подписанію себѣ приносить приказать можетъ». Архивъ, II, 102.

[2]) Mémoires, 92. Сборникъ, VII, 71.

[3]) *Соловьевъ*, XXIV, 56.

[4]) Mémoires, 29. Сборникъ, X, 157.

«Vies» [1]) Брантома, къ болѣе серьезнымъ книгамъ, какъ «Vie de Henry IV» Перификса или «Histoire d'Allemagne» Барри, прочитываетъ Плутарха, Цицерона, трудится надъ Монтескье, съ наслажденіемъ проглатываетъ «Lettres de M-me de Sevigné», въ 1746 г. впервые знакомится съ сочиненіями Вольтера, читаетъ «Dictionnaire historique et critique» Бэйля, «Политику» Платона, «Дѣянія церковныя и гражданскія» Баронія, читаетъ много, выбирая книги изъ присланныхъ ей каталоговъ академіи. Если жизнь вырабатывала характеръ Екатерины, то чтеніе образовывало ея умъ, дисциплинируя его въ общефилософскомъ направленіи. Графъ Гюлленборгъ, видѣвшій Екатерину въ 1745 г., назвалъ ее «философкой въ пятнадцать лѣтъ»: въ 1750 году она, въ письмѣ къ матери, говоритъ уже о себѣ: «философка насколько можно, я не даю воли страстямъ» [2]), а черезъ годъ, съ 1751 года, начинаетъ выходить «Encyclopédie» Дидро, съ которою Екатерина не разстанется уже до смерти. Чтеніе философовъ вѣка, особенно же энциклопедистовъ, обогатило Екатерину такою политическою зрѣлостью, которая не достигается ни практикой, ни опытомъ [3]). Она доказала это не столько вступленіемъ на престолъ, сколько дѣйствіями, подготовившими переворотъ 28-го іюня 1762 г. Практическія именно соображенія и житейскій опытъ въ зна-

---

[1]) P. de Bourdeilles, seigneur de Brantome (1527—1614), авторъ многихъ «Vies»: Vie des hommes illustres, Vie des dames galantes, Vie des dames illustres, Vie des grands capitaines étrangers. Его сочиненія были впервые изданы только въ 1666 г. Полное собраніе сочиненій вышло въ 1822 г.

[2]) Сборникъ, VII, 72.

[3]) Вотъ, для примѣра, нѣсколько замѣтокъ, набросанныхъ Екатериною въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы: 1) «Свобода—душа всего на свѣтѣ, безъ тебя все мертво. Желаю, чтобъ повиновались законамъ, но не рабски; стремлюсь къ общей цѣли—сдѣлать всѣхъ счастливыми» (Сборникъ, VII, 84); 2) «Власть безъ довѣренности народа ничего не значитъ для того, кто желаетъ быть любимымъ и славнымъ; этого легко достигнуть — стоитъ только основать свои дѣйствія на благѣ народа и на справедливости, на двухъ началахъ, всегда неразлучныхъ» (Id., 85); 3) «Если хотите уваженія общества, то пріобрѣтите его довѣренность, основывая весь образъ вашихъ дѣйствій на правдѣ и общественномъ благѣ» (Id., 88).

чительной степени измѣнили ея политическіе взгляды и убѣжденія и, конечно, не въ томъ направленіи, которое могло бы порадовать философовъ, бывшихъ ея учителями. Прежде, будучи великой княгиней, она читала философскія и политическія сочиненія единственно для собственнаго развитія, для просвѣщенія своего ума; позже, ставъ императрицей, она вошла въ непосредственныя сношенія съ философами, имѣя въ виду ихъ вліяніе на общественное мнѣніе, желая привлечь ихъ на служеніе своимъ цѣлямъ.

Исторія отношеній Екатерины къ современнымъ ей философамъ еще не составлена; даже матеріалъ, потребный для этого труда, еще не собранъ и не изданъ. Будущій историкъ отмѣтитъ, вѣроятно, двѣ рѣзко выразившіяся особенности этихъ отношеній: во-первыхъ, философскія начала, даже удостоившіяся наибольшихъ похвалъ со стороны Екатерины, не получали практическаго примѣненія и, тѣмъ не менѣе, этими отношеніями достигались наиболѣе практическія цѣли, и, во-вторыхъ, чѣмъ менѣе Екатерина готова слѣдовать указаніямъ философіи, тѣмъ болѣе высказываетъ она приверженности къ философамъ.

Изъ всѣхъ современныхъ философовъ Екатерина особенно отличала двухъ: ненавидѣла Руссо и плѣнялась Монтескье.

Изъ бумагъ Екатерины не видны причины ея ненависти къ Руссо. Быть можетъ, Екатеринѣ не нравился его идеализмъ, его риторическое изложеніе [1]), но можетъ быть также, что своимъ проницательнымъ умомъ Екатерина понимала, куда ведетъ то равенство, которое проповѣдывалъ Руссо, и предугадывала возможность постановленій знаменитой ночи 4-го августа 1789 г. Хотя Руссо не касался вопроса о собственности и, кажется, не раздѣлялъ взглядовъ Морелли, высказанныхъ въ «Code de la Nature», Екатерина, тѣмъ не менѣе, признавала выставленный имъ принципъ равенства настолько

---

[1]) *Hillebrand*, 394; *Кобеко*, Екатерина и Руссо, въ «Историческомъ Вѣстникѣ», XII, 603.

вреднымъ, что, вскорѣ же по вступленіи на престолъ, въ высочайшемъ повелѣніи отъ 6-го сентября 1763 года, выразилась такъ: «Слышно, что въ академіи наукъ продаютъ такія книги, которыя противъ закона, добраго нрава, и которыя во всемъ свѣтѣ запрещены, какъ, напримѣръ, Эмиль Руссо... Надлежитъ приказать наикрѣпчайшимъ образомъ академіи наукъ имѣть смотрѣніе, дабы въ ея книжной лавкѣ такіе непорядки не происходили» [1]). Упоминая объ умершемъ Руссо, Екатерина прибавляетъ «de douteuse mémoire», но, когда ей то выгодно, приводитъ слова Руссо въ защиту своего мнѣнія: къ письму отъ 12-го мая 1791 г. она приложила длинную выписку изъ сочиненія Руссо, въ которой говорится, что «les lois de liberté sont plus austères que n'est dur le joug des tyrans» [2]).

Произведенія Монтескье Екатерина изучала особенно старательно: «два уже года мои главныя занятія заключаются въ перепискѣ и оцѣнкѣ началъ Монтескье. Я стараюсь понять его и уничтожаю сегодня то, что находила вчера очень хорошимъ» [3]). Эти начала Монтескье были ей необходимы при составленіи «Наказа комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія»: приходилось касаться общихъ положеній государственнаго права, давать юридическія опредѣленія, высказывать политическія тенденціи—Екатерина брала ихъ у Монтескье, передѣлывая и толкуя его «начала» иногда такъ, что не легко было бы узнать оригиналъ, съ котораго они списывались. Она писала Д'Аламберу въ 1765 г.: «Вы увидите изъ «Наказа», какъ я на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескье, не называя его: надѣюсь, что еслибъ онъ съ того свѣта увидалъ меня работающею, то простилъ бы этотъ плагіатъ ради блага двадцати милліоновъ людей, которое изъ того послѣдуетъ. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобъ обидѣться тѣмъ; его книга служитъ для меня молитвенникомъ» [4]). Че-

---

[1]) Сборникъ, VII, 318. [2]) XXIII, 538. [3]) X, 131.

[4]) Сборникъ, X, 31. L'Esprit des lois est *le bréviaire* des souverains pour peu qu'ils ayent le sens commun. I, 269.

резъ годъ, въ 1766 г., Екатерина извѣщаетъ Вольтера, что включила въ «Наказъ» свои извлеченіе изъ «L'esprit des lois», именно о волшебствѣ [1]). Въ устахъ Екатерины не было лучшей похвалы, какъ признать какое-либо произведеніе достойнымъ пера Монтескье [2]). Но и съ Монтескье, какъ и съ Руссо, Екатерина не была въ перепискѣ: Монтескье умеръ въ 1755 г., когда она ни съ кѣмъ не могла еще переписываться; Руссо былъ для нея невыносимъ.

Только ставъ императрицею, Екатерина входитъ въ непосредственныя сношенія съ философами и, прежде всего, съ Дидро: «черезъ девять дней по восшествіи своемъ на престолъ» [3]), 6-го іюля 1762 г., Екатерина предлагаетъ уже Дидро пріѣхать въ Петербургъ для окончанія «Энциклопедіи», изданіе которой встрѣчало много затрудненій въ Парижѣ. На практическую Екатерину «Энциклопедія» произвела большое впечатлѣніе. Она читала ее, держала постоянно подъ рукою и никогда не разставалась съ нею, то выбирая изъ нея сюжетъ для театральныхъ пьесъ, то отыскивая смыслъ словъ, то провѣряя отдѣльныя выраженія [4]). По «Энциклопедіи» составила себѣ Екатерина понятіе о Дидро, за нее она полюбила его, и воспользовалась представившимся случаемъ впервые обратить на себя вниманіе. заставить говорить о себѣ: она купила библіотеку Дидро, причемъ оставила ее ему въ пожизненное пользованіе, пригласивъ его библіотекаремъ съ извѣстнымъ ежегоднымъ содержаніемъ. Это былъ практически-умный ходъ съ ея стороны и она вполнѣ достигла своей цѣли: Вольтеръ, Д'Аламберъ и Гриммъ, друзья Дидро, прокричали о Екатеринѣ по всей Европѣ. Соблазненная успѣхомъ перваго своего хода, она, черезъ два года, дѣлаетъ второй: выплачиваетъ Дидро его жалованье за 50 лѣтъ впередъ. Конечно, и второй ходъ удался вполнѣ. За первыми

[1]) Сборникъ, X, 95. [2]) XXIII, 130. [3]) XXXIII, 48.
[4]) *Храповицкій*, 17, 27, 54 и др.

ходами были сдѣланы и послѣдующіе. Въ угоду Вольтеру Екатерина осыпаетъ своими благодѣяніями лицъ, которымъ покровительствуетъ Вольтеръ [1]), и удостоивается отъ него похвалъ, установившихъ ее репутацію въ Европѣ, какъ женщины просвѣщенной и добродѣтельной, какъ примѣрной государыни, способной осчастливить страну.

Можно только удивляться уму и такту, съ которыми Екатерина завязывала и поддерживала свои сношенія съ философами. Въ ея перепискѣ съ Вольтеромъ и Д'Аламберомъ, съ Дидро и Гриммомъ, въ ея отзывахъ о Метастазіо и Беккаріа, объ Эйлерѣ и Галлерѣ виденъ свободный мыслитель и гуманистъ, передъ которымъ даже такой государь, какъ Фридрихъ II, если не остается въ тѣни, то отходитъ на второй планъ, и, въ то же время, виденъ человѣкъ вполнѣ практическій, у котораго личный интересъ возведенъ въ философскій принципъ. Екатерина ни предъ чѣмъ не останавливается для достиженія преднамѣренной цѣли, ни даже предъ обманомъ и ложью. Такъ, напримѣръ, она увѣряла Вольтера, что «въ Россіи нѣтъ мужика, который не ѣлъ бы курицы, когда ему угодно, а съ нѣкотораго времени они предпочитаютъ индѣекъ курамъ» [2]). Въ письмѣ отъ 1771 г. она пишетъ тому же Вольтеру: «Что же касается записокъ объ исповѣди, то мы не знаемъ даже ихъ названія» [3]). И что же? Въ томъ же самомъ году, быть можетъ въ тотъ же самый день, она подписала «высочайшій выговоръ» тобольскому губернатору Чичерину за нерадѣніе въ составленіи «исповѣдныхъ

---

[1]) Сборникъ, X, 95.

[2]) Il n'y a pas de paysan qui ne mange en Russie une poule quand il lui plait, et depuis quelque temps ils préfèrent les dindons aux poules. Сборникъ, X. 345. Въ письмахъ къ Панину изъ своего перваго путешествія по Россіи императрица постоянно сообщаетъ о зажиточности народа, но курица уже не появляется, тѣмъ менѣе индѣйка. Id., 207, 208, 211 и др. Съ этой курицей мы еще встрѣтимся—она опять явится для убѣжденія Дидро въ довольствѣ народа.

[3]) XIII, 101.

росписей» [1]). Екатерина такъ умно и ловко поставила себя относительно философовъ, что они являлись добровольными ея защитниками рѣшительно во всѣхъ ея предпріятіяхъ. Она такъ хорошо знала съ кѣмъ имѣетъ дѣло, что всѣ «князи философіи» были за Екатерину даже въ польскомъ вопросѣ. Польскихъ конфедератовъ они называли «сволочью» [2]), а въ Екатеринѣ видѣли чуть ли не апостола вѣротерпимости и піонера цивилизаціи по отношенію къ Польшѣ! Въ то время, какъ иностранные философы не только оправдывали ея вмѣшательство въ польскія дѣла, но считали раздѣлъ Польши актомъ политической мудрости, русскій вельможа, посолъ графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ писалъ изъ Лондона своему брату, президенту коммерцъ-коллегіи, графу Александру Романовичу, въ Петербургъ: «Все, что вы и господа Безбо-

[1]) Въ теченіе всего XVIII столѣтія въ Россіи взимался штрафъ съ небывшихъ у исповѣди и святого причастія. Для взиманія штрафа были заведены при каждой приходской церкви такъ называемыя духовныя росписи или *исповѣдныя росписи* — книги, въ которыя записывались всѣ бывшіе у исповѣди. Исповѣдный штрафъ былъ установленъ при Петрѣ Великомъ въ тѣхъ видахъ, чтобъ, вслѣдствіе уклоненія «вѣрноподданныхъ православнаго исповѣданія» отъ исполненія св. таинствъ, не приключилось «раскольнической ереси преумноженіе». Размѣръ штрафа не былъ точно опредѣленъ: которые не были на исповѣди, «на тѣхъ людей класть штрафы *противъ доходовъ съ него втрое*»; крестьяне «съ тяглыхъ своихъ жеребьевъ платятъ *вдвое*», а «съ женска полу, со вдовы и дѣвокъ, противъ онаго *вполы*». Исповѣдный штрафъ, по самому способу присужденія, наложенія и взысканія, былъ мѣрой чисто фискальною, полицейскою, и велъ къ страшнымъ злоупотребленіямъ со стороны свѣтскихъ и духовныхъ властей. Препирательства этихъ властей по поводу исповѣднаго штрафа доходили до размѣровъ, для нашего времени совершенно даже непонятныхъ. Такъ, напримѣръ, получивъ высочайшій выговоръ и желая досадить митрополиту Павлу, губернаторъ Чичеринъ нарядилъ всѣхъ своихъ слугъ и полицейскихъ солдатъ въ монашеское платье и во время масленицы приказалъ имъ ѣздить по городу и заходить во всѣ кабаки и непотребные дома. Въ отместку за это поруганіе митрополитъ приказалъ нарисовать на церковной паперти картину страшнаго суда и на первомъ планѣ помѣстить портретъ губернатора, котораго черти тянутъ крючьями въ адъ (изъ рукоп. ист. христіанства въ Сибири, Х. Сулоцкаго, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», CLVII, стр. 36). Ср. Русскій Архивъ, 1867, стр. 365.

[2]) La canaille. Сборникъ, XXXIII, 57.

родко и Марковъ пишете мнѣ, чтобъ оправдать новый раздѣлъ Польши, не убѣждаетъ меня и не заставляетъ меня измѣнить мнѣніе, что это есть сдѣлка ничѣмъ не оправдываемаго вѣроломства. Это дѣло само по себѣ представляется слишкомъ явною несправедливостью; но вѣроломный способъ приведенія въ исполненіе дѣлаетъ его еще болѣе противнымъ. Если ужъ было рѣшено сдѣлать эту несправедливость, то слѣдовало прямо сказать, что грабятъ Польшу, чтобы отмстить ей за то, что она желала заключить наступательный союзъ съ турками противъ насъ; но вмѣсто этого говорятъ о дружбѣ, обнародываютъ манифестъ съ заявленіемъ, что ищутъ только блага Польши, что ей хотятъ обезпечить цѣльность ея владѣній и пользованіе ея старымъ правительствомъ, при которомъ она процвѣтала съ такимъ блескомъ въ теченіе столькихъ вѣковъ! Можно ли воображать послѣ этого, что какой-либо дворъ будетъ имѣть какое-либо довѣріе къ намъ?» [1]). Изъ писемъ же Екатерины видно, что сами философы побуждали ее къ раздѣламъ. Такъ, она пишетъ въ 1789 г: «Вы напрасно стараетесь уничтожить польскую націю—она сама работаетъ въ этомъ направленіи; по крайней мѣрѣ, она уничтожила постоянный совѣтъ, единственное высшее учрежденіе, которое наблюдало за исполненіемъ закона; не безпокойтесь: безумное ничтожество націи поведетъ ее отъ одной крайности къ другой и придетъ время, когда она сознаетъ свою глупость и будетъ раскаиваться. Надо правду сказать—вы большой политикъ: на двухъ страницахъ вы обозрѣваете всю Европу, но такъ какъ это дѣлается только изъ желанія сказать мнѣ, что я должна дѣлать только то, что мнѣ предписываетъ моя выгода, то я вамъ очень благодарна и увѣряю васъ, что не премину воспользоваться вашимъ совѣтомъ» [2]).

Читая письма Екатерины къ Вольтеру и о Вольтерѣ, не трудно убѣдиться, что она ставила его выше всѣхъ совре-

[1]) Архивъ, IX, 302. [2]) Сборникъ, XXIII, 472.

менныхъ философовъ, на ряду съ Монтескье. Вольтера называетъ она своимъ учителемъ, его ставитъ себѣ въ образецъ [1]); въ отвѣтъ на извѣстіе о смерти Вольтера, она подписывается на сто экземпляровъ его произведеній: «Дайте мнѣ сто полныхъ экземпляровъ произведеній моего учителя, чтобъ я могла размѣстить ихъ повсюду. Хочу, чтобъ они служили образцомъ, хочу, чтобъ ихъ изучали, чтобъ выучивали наизусть, чтобъ души питались ими: это образуетъ гражданъ, геніевъ, героевъ и авторовъ; это разовьетъ сто тысячъ талантовъ, которые безъ того потеряются во мракѣ невѣжества Какова тирада?» [2]) Дѣйствительно, было бы большою ошибкою увидѣть въ этихъ строкахъ что-либо иное, кромѣ тирады. Когда было объявлено объ изданіи полнаго собранія сочиненій Вольтера, Екатерина писала Гримму: «Но, послушайте, кто же въ силахъ прочесть пятьдесятъ два тома сочиненій Вольтера? Когда изданіе выйдетъ въ свѣтъ, купите за мой счетъ два экземпляра для Ваньера, отправьте ихъ ему отъ моего имени и скажите ему, чтобъ онъ отмѣтилъ въ одномъ изъ экземпляровъ, что̀ справедливо и что̀ несправедливо, и переслалъ бы мнѣ этотъ экземпляръ» [3]). Получивъ просмотрѣнные уже Ваньеромъ тома, она даже не раскрывала ихъ [4]). Мало того: въ 1767 г., при жизни Вольтера, отправляя графовъ Ольденбургскихъ [5]) за границу путешествовать, Екатерина воспретила имъ посѣщать Лозанну или Женеву, «чтобъ не быть въ близости отъ Вольтера» [6]).

Въ перепискѣ съ философами Екатерина является женщиной въ высшей степени умной, проницательной и практи-

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 102. 247. [2]) Id., 104. [3]) Id., 278. [4]) Id., 334.

[5]) Екатерина руководила воспитаніемъ двухъ сыновей своего дяди, принцевъ голштинъ-готторпскихъ, Августа-Вильгельма и Петра-Фридриха. Во время путешествія ихъ по Европѣ они, по волѣ ея, назывались графами Ольденбургскими. Дядя Екатерины, принцъ Георгъ-Людвигъ, умеръ въ 1763 г.; «осиротѣвшихъ принцевъ» она немедленно взяла къ себѣ, «а то пить-ѣсть негдѣ имъ взять будетъ», какъ писала она Панину. Сборникъ, VII, 330.

[6]) Сборникъ, X, 173.

ческой; она эксплуатируетъ ихъ насколько возможно, беретъ отъ нихъ все, что они дать могутъ, пользуется ихъ знаніями, ихъ вліяніемъ на общественное мнѣніе, но сама не подчиняется ихъ вліянію, дѣйствуетъ самостоятельно, какъ истый философъ. Пріобрѣтя довѣріе и «заслуживъ» похвалы знаменитыхъ «князей философіи». Екатерина ведетъ съ ними переписку, задаетъ имъ вопросы, приглашаетъ, по ихъ указанію, въ Россію ученыхъ, техниковъ, артистовъ. Екатерина была занята цѣлымъ рядомъ законодательныхъ работъ, заботилась объ учрежденіи образовательныхъ заведеній, поощряла промышленность, создавала новые рынки для торговли, проводила новые пути сообщенія, дѣлала грандіозныя постройки. По поводу всѣхъ этихъ трудовъ она хотѣла слышать мнѣніе философовъ, желала получить ихъ одобреніе. Екатерина не довольствовалась перепиской и постоянно желала имѣть около себя одного изъ «князей философіи», прежде всего, конечно, Монтескье [1]), для непосредственнаго, живого обмѣна мыслями. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, она приглашаетъ Д'Аламбера пріѣхать въ Петербургъ и приглашаетъ весьма настоятельно [2]). «Пріѣзжайте со всѣми своими друзьями; я обѣщаю вамъ, а также и имъ, всѣ удовольствія и удобства, какія только могутъ отъ меня зависѣть, и, можетъ быть, вы найдете здѣсь болѣе свободы и спокойствія, чѣмъ у себя» [3]). Д'Аламберъ не пріѣхалъ. Тогда, по рекомендаціи Дидро [4])

---

[1]) Сборникъ, X, 269.

[2]) VII, 178, 179 (peut-être je vous presse trop); X, 42.

[3]) VII, 179.

[4]) C'était le célèbre Diderot qui avait inspiré à cette princesse le désir de connaître M. de-La Rivière (*Ségur*. I, 443). Въ письмѣ къ Фальконэ, отъ іюля 1767 г., Дидро такъ отзывается о де-ла-Ривьерѣ: «Il a reçu de la nature une belle âme, un excellent esprit, des mœurs simples et douces»; о его сочиненіи: «C'est l'apôtre de la propriété, de la liberté et de l'évidence»; о значеніи его для Екатерины: «Ah, si Sa Majesté Impériale a du goût pour la verité qu'elle sera sa satisfaction! Nous envoyons à l'Impératrice un très habile, un très honnête homme. Lorsque l'Impératrice aura cet homme-là, et de quoi lui serviraient les Quesnay, les Mirabeau, les de Voltaire, les d'Alembert, les Diderot.

Екатерина приглашаетъ Мерсье де-ла-Ривьера, автора «De l'ordre naturel et essentiel des sociétés policées». «Убѣждаю васъ—пишетъ она Панину—написать Штакельбергу, а если онъ уже не во Франціи, то князю Голицыну, чтобъ онъ вошелъ въ переговоры съ г. де-ла-Ривьеромъ о поѣздкѣ его въ Россію. Будучи долгое время на службѣ въ Мартиникѣ, онъ высказалъ очень здравыя идеи въ своемъ трактатѣ. Онъ намъ будетъ полезенъ» [1]). Де-ла-Ривьеръ пріѣхалъ въ Петербургъ; Екатерина старалась исполнить всѣ его желанія [2]): но вскорѣ онъ потерялъ всякое значеніе въ ея глазахъ. Онъ пріѣхалъ въ сентябрѣ 1767 г.; въ ноябрѣ Екатерина говоритъ уже, что «сочинитель существеннаго порядка *мелетъ вздоръ*» [3]), а въ январѣ 1768 г. пишетъ Панину [4]): «Иванъ Ѳедоровичъ Глѣбовъ сказываетъ, что де-ла-Ривьеръ убавилъ маленько спеси: только говорунъ и много о себѣ думаетъ, а похожъ онъ на доктура» [5]). Четыре года спустя, въ сентябрѣ 1773 года, въ свитѣ ландграфини гессенъ-дармштадтской прибылъ въ Петербургъ Гриммъ и привезъ Екатеринѣ радостную вѣсть: еще въ концѣ мая Дидро выѣхалъ изъ Парижа и вскорѣ долженъ прибыть въ Петербургъ. Съ восторгомъ извѣщая Вольтера о пріѣздѣ Гримма, Екатерина прибавляетъ: «съ минуты на минуту ожидаю Дидро...» [6]).

A rien, mon ami, à rien. C'est celui-là qui la consolera de la perte de Montesquieu» (*Diderot*, XVIII, 236). Фальконэ писалъ Дидро о де-ла-Ривьерѣ: «Si jamais vous recommandez quelqu'un à l'Impératrice, faites qu'il se choisisse une compagnie qui honore son jugement» (Сборникъ, XVII, 255).

[1]) Сборникъ, X, 240. [2]) Русскій Архивъ, 1867, стр. 361.

[3]) Сборникъ, XVII, 30. [4]) X, 279.

[5]) «Докторъ», въ устахъ Екатерины, бранное слово. Въ своей перепискѣ Екатерина часто глумится надъ докторами. «Если вы больны, избавляйтесь отъ болѣзни, какъ я, не прибавляя къ болѣзни еще зла или медика: у меня *зло* и *докторъ* суть синонимы. Эти шарлатаны морили меня уже много разъ, но еще никого не вылечивали; два мѣсяца назадъ, я семь дней пролежала въ постели, но ни одинъ эскулапъ не переступилъ порога моей двери» (Сборникъ, XXIII, 276); VII, 86; XIII, 408; XXIII, 111, 165, 299; XXXIII, 87.

[6]) Сборникъ, XIII, 358.

II.

Denis Diderot.

L'on a peu connu cette tête extraordinaire.
Dashkaw.

Въ четвергъ, 24-го іюля 1749 г., въ девятомъ часу поутру, къ одному изъ старыхъ парижскихъ домовъ въ улицѣ Vieille Estrapade, подъѣхалъ фіакръ, изъ котораго вышли полицейскій комиссаръ Рошбрюнь (Rochebrune) и полицейскій агентъ; два сыщика, съ ранняго утра прогуливавшіеся у дома, присоединились къ нимъ, и всѣ, подъ предводительствомъ комиссара, вошли въ квартиру обойщика, отдававшаго въ наймы нѣсколько комнатъ. Въ одной изъ этихъ комнатъ, имѣвшей всѣ признаки кабинета ученаго, былъ произведенъ тщательный обыскъ—бумаги пересмотрѣны, письма перечитаны, книги переписаны. По окончаніи обыска, комиссаръ предъявилъ хозяину кабинета королевское повелѣніе объ его заарестованіи. Когда арестованный садился уже въ фіакръ, разсыльный изъ типографіи Ле-Бретона подалъ ему корректуру—комиссаръ заарестовалъ и корректуру.

Черезъ недѣлю, 31-го іюля, въ залѣ совѣта венсеннской тюрьмы, въ присутствіи генералъ-губернатора города и округа, генерала Беррье, происходилъ первый допросъ арестованнаго, спрошеннаго подъ присягою, послѣ чего былъ составленъ слѣдующій протоколъ:

«Спрошенный объ имени, возрастѣ, состояніи, родинѣ, мѣстѣ жительства, занятіи и религіи:

«Назвался Денисомъ Дидро, родомъ изъ Лангра (Langres), 36 лѣтъ, проживаетъ въ Парижѣ, въ моментъ арестованія въ улицѣ Vieille Estrapade, въ приходѣ св. Стефана-на-горѣ, религіи католической, апостолической и римской.

«Спрошенный, не онъ ли сочинилъ произведеніе подъ заглавіемъ: «Lettres sur les aveugles à l'usage de ceux qui voient»:

«Отвѣчалъ, что не онъ.

«Спрошенный, кто же ему напечаталъ сказанное произведеніе:

«Отвѣчалъ, что никогда не печаталъ сказаннаго произведенія.

«Спрошенный, не продавалъ ли или не отдавалъ ли кому рукопись:

«Отвѣчалъ нѣтъ.

«Спрошенный, не знаетъ ли имени автора сказаннаго произведенія:

«Отвѣчалъ. что ничего не знаетъ.

«Спрошенный, не имѣлъ ли въ своемъ распоряженіи рукопись прежде ея напечатанія:

«Отвѣчалъ, что не имѣлъ этой рукописи въ своемъ распоряженіи ни прежде, ни послѣ ея напечатанія.

«Спрошенный, не давалъ ли или не посылалъ ли различнымъ лицамъ экземпляръ сказаннаго произведенія:

«Отвѣчалъ, что не давалъ и не посылалъ никому.

«Спрошенный, не онъ ли сочинилъ произведеніе, появившееся около двухъ лѣтъ назадъ подъ заглавіемъ «Les bijoux enchantés»:

«Сказалъ, что не онъ.

«Спрошенный, не продавалъ ли или не давалъ ли кому-либо рукопись этого произведенія для напечатанія или иного употребленія:

«Отвѣчалъ нѣтъ.

«Спрошенный, не онъ ли сочинилъ произведеніе, появившееся много лѣтъ назадъ и озаглавленное «Pensées philosophiques»:

«Отвѣчалъ, что нѣтъ.

«Спрошенный, не знаетъ ли онъ автора сказаннаго сочиненія:

«Отвѣчалъ, что онъ его не знаетъ.

«Спрошенный, не онъ ли сочинилъ произведеніе, озаглавленное «Le Sceptique ou l'Allée des idées»:

«Отвѣчалъ, что онъ.

«Спрошенный, гдѣ рукопись сказаннаго произведенія:

«Отвѣчалъ, что ея болѣе не существуетъ, такъ какъ онъ ее сжегъ.

«Спрошенный, не онъ ли сочинилъ произведеніе, озаглавленное «L'Oiseau blanc, conte bleu»:

«Отвѣчалъ, что нѣтъ.

«Спрошенный, не трудился ли онъ по крайней мѣрѣ надъ исправленіемъ сказаннаго произведенія:

«Отвѣчалъ, что нѣтъ.

«По прочтеніи этого допроса отвѣтчику, онъ заявилъ, что отвѣты, имъ данные, вполнѣ согласны съ истиною, что онъ подтверждаетъ ихъ, въ чемъ и подписуется.

«Беррье.

«Дидро [1]).

«*Помѣтка полиціи*: роста средняго, лицо чистое (la phisionomie décente), очень уменъ, но крайне опасенъ» (extrêmement dangereux).

Полицейская помѣтка: «крайне опасенъ» была, къ сожалѣнію, принята у насъ за правильную оцѣнку мыслителя, которому мы обязаны величайшимъ умственнымъ переворотомъ, пережитымъ человѣчествомъ. Свидѣтельство русской императрицы не принято во вниманіе и отдано предпочтеніе отзыву французскаго сыщика. Это можетъ быть объяснено только полнымъ незнакомствомъ съ идеями Дидро. Русскіе люди, близко знавшіе его, питали къ нему глубокое уваженіе. Когда князь Г. Г. Орловъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, былъ проѣздомъ въ Парижѣ, онъ «сдѣлалъ только два визита, и первый—къ Дидро» [2]); русскій полномочный министръ при французскомъ дворѣ князь Д. А. Голицынъ былъ «другомъ» Дидро, который по цѣлымъ мѣсяцамъ гостилъ у него въ Гагѣ [3]); ка-

[1]) *I. Delort*, Histoire de la détention des philosophes et des gens de lettres à la Bastille et à Vincennes. *Diderot*, XX, 234.

[2]) Сборникъ, XXXIII, 100: la première à Diderot. [3]) Id., 506.

мергеръ С. К Нарышкинъ предложилъ ему свою карету и взялся сопровождать его въ Петербургъ [1]); знаменитый И. И. Бецкій, фельдмаршалъ графъ Б. Х. Минихъ, почти всѣ вельможи русскаго двора [2]), относились къ Дидро съ уваженіемъ; наконецъ, геніальнѣйшая изъ всѣхъ русскихъ женщинъ, императрица Екатерина II, бесѣдовала съ Дидро по цѣлымъ вечерамъ во все пребываніе его въ Петербургѣ. Почему же, спустя сто лѣтъ, сталъ онъ вдругъ для насъ «опасенъ»? Умная княгиня Е. Р. Дашкова разрѣшила очень просто этотъ вопросъ — Дидро считаютъ опаснымъ потому, что мало его знаютъ [3]).

Чему училъ Дидро? Что онъ проповѣдывалъ?

Дидро училъ, что человѣческая природа хороша, что міръ божій прекрасенъ и что зло лежитъ внѣ человѣческой природы и божьяго міра, что зло есть послѣдствіе дурного образованія и дурныхъ учрежденій. Кто же въ настоящее время не сознаетъ этого? Но сто лѣтъ назадъ эти истины явились серьезнымъ протестомъ противъ католическаго аскетизма въ вопросахъ нравственныхъ, противъ феодальнаго абсолютизма въ учрежденіяхъ государственныхъ, противъ формализма въ искусствѣ и обскурантизма въ мышленіи. Эти столь обыкновенныя для насъ и столь новыя для того времени истины пролили свѣтъ на догматы старой теологіи, возбудили интересъ къ государству и законодательству, къ общественной жизни и домашней обстановкѣ, словомъ, произвели ту революцію въ умахъ, благодѣтельныя послѣдствія которой испытываетъ на себѣ человѣчество и по настоящее время.

Да, Дидро былъ «крайне опасенъ», но для кого? Для католической церкви, противоестественные догматы которой онъ подрывалъ въ самомъ корнѣ. Католическій священникъ того времени являлся врагомъ общества, покровителемъ праздности, гонителемъ науки; онъ не признавалъ законовъ страны

---

1) *Diderot*, XIX, 344. 2) Сборникъ, XXXIII, 504.
3) Архивъ, XXII, 39.

и безполезно поглощалъ достоянiе націи. Экономическій вредъ безбрачной жизни, грубые предразсудки католическаго духовенства, жестокость аскетовъ и человѣконенавистничество ханжей—вотъ противъ чего вооружились такіе великіе умы XVIII вѣка, какъ Монтескье, Вольтеръ, Руссо, Гельвецій, Гольбахъ и, во главѣ ихъ, Дидро. И что особенно было «опасно» для католическаго духовенства — простота, общедоступность изложенія и практически-соціальный взглядъ Дидро, съ которымъ онъ относился ко всѣмъ вопросамъ. Дидро доказывалъ, напримѣръ [1]), что для Франціи, населеніе которой въ то время постоянно уменьшалось, было бы весьма полезно, еслибъ 40.000 священникамъ, живущимъ на французской землѣ, было разрѣшено жениться и произвесть въ первые же два года 80.000 маленькихъ французовъ! Подобныя «атаки» на католическое духовенство производили сильное впечатлѣніе на умы и пріучали ихъ относиться и къ другимъ вопросамъ съ такимъ же скептицизмомъ и съ такою же критикою. Намъ не нужно доказывать справедливость этого положенія въ виду сознанія самого Дидро, выраженнаго имъ въ письмѣ къ русской женщинѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ бывшей съ нимъ въ перепискѣ. Вотъ что писалъ Дидро княгинѣ Дашковой, отъ 3-го апрѣля 1771 года: «Каждый вѣкъ имѣетъ свое особое направленіе, которое его характеризуетъ; направленіе нашего вѣка заключается, кажется, въ стремленіи къ свободѣ. Первая атака противъ суевѣрія была очень сильна, сильна не въ мѣру. Но разъ, что люди осмѣлились такъ или иначе атаковать предразсудки теологическіе, изъ всѣхъ предразсудковъ самые устойчивые и наиболѣе заслуживающіе уваженія, имъ невозможно уже остановиться: отъ предразсудковъ теологическихъ они обратятъ рано или поздно свои угрожающіе взоры на предразсудки земные» [1]).

---

[1]) *Diderot*, XIV, 55. [2]) Id., XX, 28.

Дидро не былъ ученый, тѣмъ менѣе педантъ; онъ не былъ философъ, и оставилъ, по мѣткому выраженію Мармонтеля, «много прекрасныхъ страницъ, но ни одного сочиненія» [1]. Кто же онъ былъ?

Литераторъ. Сынъ ножевщика, воспитанникъ іезуитовъ, онъ не пожелалъ изучать ни медицины, ни богословія, ни юриспруденціи, и предпочелъ быть литераторомъ. Сто лѣтъ назадъ, въ Европѣ смотрѣли на литераторовъ точно такъ же, какъ смотрятъ на нихъ теперь у насъ, т.-е. почти какъ на «отверженцевъ». Какъ теперь русскій литераторъ бѣдствуетъ, такъ сто лѣтъ назадъ бѣдствовали Руссо, Мармонтель, Лессингъ, Гольдони [2]. Также бѣдствовалъ и Дидро. Онъ перебивался уроками, голодалъ, жилъ переводами, опять голодалъ и во все это время, продолжавшееся болѣе десятка лѣтъ, помогалъ рѣшительно всѣмъ, кто только къ нему ни обращался, помогалъ, конечно, не деньгами, которыхъ у него тогда не было, а литературнымъ трудомъ. Приходитъ къ Дидро молодой человѣкъ, подаетъ рукопись и проситъ просмотрѣть и исправить. Дидро читаетъ рукопись и оказывается, что это— злая сатира на его личность и на его сочиненія. «Что побудило васъ къ такимъ нападкамъ?»—«Мнѣ нечего ѣсть, и я надѣялся, что вы дадите мнѣ нѣсколько луидоровъ, лишь бы я этого не напечаталъ». Дидро все извинилъ изъ состраданія къ голодному писакѣ. «Я научу васъ какъ добыть этимъ путемъ еще больше денегъ: братъ герцога Орлеанскаго— ханжа, и, потому, ненавидитъ меня: посвятите ему вашу сатиру и отнесите ему—онъ навѣрное не откажетъ въ пособіи».—«Я не знакомъ съ принцемъ и не сумѣю написать посвященіе».—«Присядьте же, я вамъ его напишу». Посвященіе написано, сатира поднесена принцу и подноситель полу-

---

[1] *Barrière*, V, 315.

[2] *Vernon Lee*, Studies of the eighteenth century in Italy. London. 1881. Метастазіо, Гольдони и Гоцци въ «Русскомъ Вѣстникѣ», CLI, стр. 95—165.

чилъ щедрое вознагражденіе [1]). Доброта, незлобивость, мягкосердечіе, великодушіе Дидро были извѣстны всѣмъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени гуманный. «На меня—пишетъ Дидро г-жѣ Воланъ—производятъ болѣе сильное впечатлѣніе прелести добродѣтели, нежели безобразіе порока. Я тихонько отворачиваюсь отъ дурного человѣка и бросаюсь въ объятія хорошаго. Если въ какомъ-нибудь произведеніи, характерѣ, картинѣ, статуѣ есть хоть что-нибудь хорошее, мои глаза на немъ и останавливаются, я ничего не вижу, кромѣ хорошаго, и ничего другого не удерживаю въ памяти—обо всемъ остальномъ я позабываю» [2]). Чтобъ дорисовать портретъ литератора Дидро, необходимо привести отзывъ о немъ Мармонтеля: «Будучи однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей своего вѣка, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ самыхъ любезныхъ. Когда онъ откровенно высказывалъ свое мнѣніе о чемъ-либо касавшемся нравственныхъ достоинствъ человѣка, въ его краснорѣчіи была такая увлекательность, которую я не въ силахъ выразить. Вся его душа отражалась въ его глазахъ, на его устахъ; никогда еще физіономія не изображала такъ вѣрно сердечной доброты» [3]).

Въ «Запискахъ» Екатерины вовсе не упоминается имя Дидро; но изъ ея переписки, изданной русскимъ историческимъ обществомъ, несомнѣнно, что Екатерина читала первое изъ упомянутыхъ на допросѣ трехъ произведеній Дидро — Lettres sur les aveugles à l'usage de ceux qui voient. Въ письмѣ отъ 18-го февраля 1767 г. императрица пишетъ Фальконэ: «Зрѣніе мое укрѣпилось по прочтеніи «Письма о слѣпыхъ», которое возвращаю вамъ съ благодарностью» [4]). Въ «Письмѣ о слѣпыхъ» Дидро изслѣдуетъ измѣненіе нашихъ, пріобрѣтаемыхъ помощью всѣхъ чувствъ, понятій, вслѣдствіе отсутствія одного изъ этихъ чувствъ, именно зрѣнія. Для современниковъ Дидро это письмо имѣло особое значеніе потому,

[1]) *Diderot*, I, XCVIII. [2]) Id., XVIII, 376.
[3]) *Barrière*, V, 316. [4]) Сборникъ, XVII, 2.

что авторъ касается вопроса о вѣрѣ слѣпца въ существованіе божества—одинакова ли она съ вѣрою зрячаго, созерцающаго чудеса природы? Этотъ аргументъ, какъ оказывается, не имѣетъ для слѣпца никакого значенія, такъ какъ онъ не видитъ самихъ чудесъ природы. «Зачѣмъ вы —говоритъ слѣпой — разсказываете мнѣ о всѣхъ этихъ великолѣпныхъ зрѣлищахъ, которыя существуютъ не для меня? Я осужденъ проводить всю мою жизнь во мракѣ, а вы ссылаетесь на такія чудныя картины, которыя мнѣ непонятны и которыя могутъ служить доказательствами только для васъ и для тѣхъ, кто видитъ то же, что и вы. Если вы хотите, чтобъ я увѣровалъ въ Бога, вы должны сдѣлать такъ, чтобъ я осязалъ его... Что общаго между механизмомъ вселенной (если даже этотъ механизмъ дѣйствительно такой совершенный, какимъ вы его считаете) и существованіемъ высшей интеллигенціи? Если этотъ механизмъ приводитъ васъ въ изумленіе, то, вѣроятно, потому, что вы привыкли изумляться всему, что не по силамъ вамъ самимъ» [1].

Уже эти и имъ подобные взгляды должны были въ значительной степени поколебать міросозерцаніе, преподанное Екатеринѣ пасторомъ Вагнеромъ; но знакомство императрицы съ «Письмомъ о слѣпыхъ» пріобрѣтаетъ особенную важность вслѣдствіе того, что въ этомъ письмѣ Дидро впервые высказалъ тѣ мысли, которыя позже были имъ подробнѣе развиты въ сочиненіи «Основы физіологіи» [2] и которыя показываютъ, что творцомъ современной намъ эволюціонной теоріи былъ никто иной, какъ Дидро. Философія Дидро, такъ долго остававшаяся въ какомъ-то пренебреженіи, обратила на себя особенное вниманіе ученыхъ, вслѣдствіе ея очень близкаго сродства съ преобладающими тенденціями современной философіи, которой онъ справедливо можетъ быть названъ предтечею. Въ произведеніяхъ Дидро можно услѣдить заро-

[1]) *Diderot*, I, 312. [2]) Eléments de physiologie. Questions d'anatomie et de physiologie. *Diderot*, IX, 239 - 476.

дыши идей, развитыхъ современными намъ учеными и распространенныхъ только въ наши дни. Дидро не оставилъ ни одного сочиненія, въ которомъ его философія была бы строго проведена, послѣдовательно развита, хотя бы даже связно изложена; онъ не оставилъ ни одного сочиненія ученаго въ нашемъ смыслѣ; но въ его произведеніяхъ безпорядочно разбросаны и изложены безъ всякой системы тѣ великія основы философскаго вѣдѣнія, надъ которыми мы теперь трудимся [1]). Этимъ, конечно, объясняется, прежде всего, почему Бюффонъ и Монтескье, даже Вольтеръ и Руссо имѣли бо̀льшее вліяніе на развитіе идей, чѣмъ Дидро, хотя ни одинъ изъ названныхъ умовъ не обладалъ такою широтою мысли и такою геніальностью концепціи, какъ Дидро. Въ развитіи его философской доктрины замѣтны три различные періода: въ первомъ онъ является деистомъ; во второмъ—матеріалистомъ, но своеобразнымъ, съ пантеистическими наклонностями; въ третьемъ онъ выступаетъ противникомъ современнаго ему матеріализма и примыкаетъ, по своимъ тенденціямъ, къ моралистамъ шотландской школы.

Сто лѣтъ назадъ Дидро говорилъ о томъ, что̀ въ наши дни Дарвинъ старался доказать наблюденіемъ и опытомъ. Въ своихъ «Основахъ физіологіи» Дидро говоритъ о борьбѣ за существованіе, объ измѣненіи видовъ, о наслѣдственности, о приспособленіи къ средѣ, объ отсутствіи границъ между животнымъ и растительнымъ царствами; но, что особенно поразительно—Дидро еще сто лѣтъ назадъ, подкрѣплялъ свои идеи примѣромъ маленькаго растенія, мухоловки, которое пріобрѣло въ наше время извѣстность, благодаря изслѣдованіямъ Дарвина. Вотъ какъ описываетъ Дидро мухоловку: «Если на какой-нибудь листъ этого растенія попадетъ насѣкомое, листъ мгновенно свертывается—онъ ощутилъ добычу, сосетъ

[1]) *E. Caro.* De l'idée transformiste dans Diderot, въ «Revue des deux mondes», 1879; *P. Janet*. La philosophie de Diderot въ «Nineteenth Century», 1881.

ее и выбрасываетъ лишь по извлеченіи изъ насѣкомаго всего сока. Это почти плотоядное растеніе». Теорія приспособленія организмовъ къ внѣшней средѣ выражена у Дидро довольно точно: «Орелъ, обладающій проницательнымъ взглядомъ, паритъ въ высшихъ слояхъ атмосферы; кротъ съ его маленькими глазками скрылся подъ землею; быкъ питается травой долинъ, коза—ароматическою растительностью горъ. Хищная птица усиливаетъ или уменьшаетъ свое зрѣніе подобно тому, какъ астрономъ удлиняетъ или укорачиваетъ свою трубу. Потребность порождаетъ органъ. Потребности оказываютъ воздѣйствіе на организацію и это воздѣйствіе даетъ иногда начало новымъ органамъ и всегда ведетъ къ ихъ измѣненію». О борьбѣ за существованіе Дидро говоритъ съ полнымъ убѣжденіемъ: «Существа, организація которыхъ не согласуется съ остальной вселенной, суть существа уродливыя. Ихъ производитъ слѣпая природа, слѣпая же природа и уничтожаетъ ихъ. Природа позволяетъ жить только тѣмъ, организація которыхъ согласуется съ общимъ строемъ. Міръ есть жилище сильнаго».

Только ознакомившись съ подобными воззрѣніями, совершенно новыми для того времени, на цѣлое столѣтіе опережавшими развитіе человѣческой мысли, становится понятнымъ отзывъ Екатерины II, что «Дидро во всемъ совершенно иной человѣкъ, чѣмъ другіе» [1]).

Изъ всего, что выходило изъ-подъ пера Дидро, «Энциклопедія» произвела на Екатерину наибольшее впечатлѣніе. Это и понятно: Екатерина получила, какъ мы видѣли, довольно «небрежное» образованіе; свои познанія она вычитывала изъ книгъ, преимущественно, по ея собственному признанію, изъ сочиненій Вольтера [2]). При чтеніи книгъ, многое представлялось ей непонятнымъ, спросить было не у кого, и Екате-

[1]) En toute chose Diderot est un autre homme que les autres. Сборникъ, XXIII, 46. [2]) Assurement, monsieur, si j'ai quelques connaissances, c'est à lui seul que je les dois. *Voltaire*, LXXVIII, p. 5. Ср. Сборникъ, X, 33, примѣч.

рина рано научилась цѣнить всевозможные лексиконы, при помощи которыхъ она нерѣдко разъясняла свои недоумѣнія; особенно нуждалась она въ лексиконахъ философскихъ. «Прошу васъ—пишетъ она г-жѣ Жофренъ, въ Парижъ, въ 1764 году—похлопотать, чтобы князь Голицынъ выслалъ мнѣ новый «Dictionnaire philosophique portatif» [1]). Энциклопедическій же лексиконъ Дидро былъ для нея просто необходимостью; съ нимъ она, какъ извѣстно, никогда не разставалась. «Я не могу оторваться отъ этой книги,—пишетъ она Фальконэ въ 1767 году,—это неисчерпаемый источникъ превосходныхъ вещей, гдѣ, однако, встрѣчаются большія неточности; но не нужно этому удивляться, потому что какихъ противорѣчій и непріятностей не вытерпѣли они, и, конечно, они выказали большое мужество и непреклонное желаніе служить человѣческому роду и просвѣщать его» [2]).

О какихъ противорѣчіяхъ говоритъ Екатерина? Какія непріятности терпѣлъ Дидро по изданію «Энциклопедіи»? Что это, наконецъ, за «книга», отъ которой Екатерина не могла оторваться?

Это не книга, а цѣлый «складъ человѣческихъ знаній», по картинному выраженію Вольтера, который очень высоко ставилъ «Dictionnaire encyclopédique» и не разъ расхваливалъ его въ письмахъ къ Екатеринѣ, Фридриху и другимъ сильнымъ міра. Мысль объ изданіи «Энциклопедіи» принадлежитъ Дидро, но надъ выполненіемъ этой мысли трудились всѣ великіе умы вѣка—Дидро и Д'Аламберъ, Вольтеръ, Монтескье и Руссо, Тюрго и Бюффонъ, Гольбахъ, Галлеръ, Кондорсе и др. «Офицеры сухопутной арміи и моряки, юристы, медики, литераторы, математики, естественники — всѣ соревновали дѣлу столь же полезному, какъ и тяжелому, безъ всякаго личнаго интереса, даже безъ погони за славою, такъ что многіе скрывали свое имя» [3]). Но душою всего изданія, отъ первой книжки и до послѣдней, былъ Дидро.

[1]) Сборникъ, I, 259. [2]) XIII, 8. [3]) *Voltaire*, XXI, 424.

Убѣжденный, что всѣ человѣческія знанія представляютъ нѣчто органически цѣлое, Дидро задумалъ собрать въ одномъ изданіи всѣ новыя идеи, современныя открытія и пріобрѣтенныя знанія, собрать не механически, а слить ихъ въ одну энциклопедическую форму, такъ, чтобъ они представляли органическое цѣлое, причемъ всякій отдѣльный вопросъ трактовался бы съ общей точки зрѣнія. Литераторъ Дидро встрѣтилъ большое сочувствіе своей мысли, прежде всего, въ академикѣ Д'Аламберѣ. Для осуществленія этого литературнаго предпріятія были приглашены наиболѣе выдающіяся книгопродавческія фирмы Парижа, съ Ле-Бретономъ во главѣ, и почти всѣ свободные мыслители, ученые, спеціалисты, артисты, художники, всѣ лучшіе люди Франціи, желавшіе родинѣ добра, стремившіеся просвѣтить націю, преобразовать ея учрежденія. Это собраніе литераторовъ, людей науки и искусства, какъ впослѣдствіи и самое изданіе, имѣло для современниковъ чрезвычайно внушительное значеніе, причемъ предполагалось, что всѣ энциклопедисты воодушевлены одною великою доктриною, которую они желаютъ повѣдать міру. Въ этомъ предположеніи не было ничего невѣроятнаго, такъ какъ, дѣйствительно, «мысль объ энциклопедической работѣ соединенными силами, по выраженію Конта, соединяла людей различныхъ направленій, стремившихся къ разрушенію существующаго строя, и вела къ одной созидательной цѣли». Дидро дѣлалъ всяческія усилія, чтобъ поддержать и укрѣпить предположеніе о совокупной работѣ и совокупной солидарности: въ каждомъ томѣ помѣщался списокъ сотрудниковъ; объ умершихъ печатались хвалебные некрологи; форма «мы», сотрудники всего изданія, замѣняла форму «я», авторъ такой-то статьи. Вольтеръ настаивалъ, чтобъ всѣ сотрудники «Энциклопедіи» составили какъ бы отдѣльное общество, которое должно импонировать, внушать къ себѣ уваженіе [1]), предписывать законы (donner des lois).

[1]) Faites un corps; un corps est toujours respectable. *Voltaire*, XCVII, 35, 43 sqq.

Пять лѣтъ длилась подготовительная работа. Въ 1745 году было подано книгопродавцемъ Ле Бретономъ прошеніе о правительственномъ разрѣшеніи на изданіе «Энциклопедіи» и только въ 1750 году вышелъ первый томъ. Ему предшествовалъ «Prospectus», написанный Дидро. Какъ въ этомъ «объявленіи объ изданіи», такъ и въ самомъ изданіи. подъ словомъ «Encyclopédie», была указана главная цѣль предпріятія. Цѣль высокая, прельстившая Екатерину, такъ какъ эта цѣль вполнѣ совпадала съ тѣми задачами, которыя она сама ставила въ обязанность себѣ и всякому правителю [1]). Энциклопедисты стремились подчинить научныя знанія практическимъ задачамъ, «вывести общество изъ того безнравственнаго и безпомощнаго состоянія, до котораго оно было доведено двойнымъ вліяніемъ гражданскаго и церковнаго авторитета». Не наука для науки, не искусство для искусства, а искусство и наука для человѣка—вотъ девизъ энциклопедистовъ. Такой тонъ всей «Энциклопедіи» далъ Дидро въ своей profession de foi, въ которой онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Мы никогда не должны терять изъ виду того соображенія, что еслибъ мы изгнали съ земной поверхности человѣка, это мыслящее и созерцающее существо, увлекательныя и величественныя картины природы представились бы печальной и беззвучной сценой; вселенная онѣмѣла бы; тишина и мракъ овладѣли бы міромъ. Все превратилось бы въ обширную пустыню, среди которой явленія природы проходили бы никѣмъ не замѣчаемыя и никого не поражая. Только присутствіе человѣка придаетъ интересъ бытію другихъ существъ. а при изученіи исторіи этихъ существъ развѣ можно избрать лучшую основу, чѣмъ человѣкъ? Почему же не предоставить въ нашемъ предпріятіи (въ «Энциклопедіи») человѣку такое же мѣсто, какое онъ занимаетъ во вселенной? Почему не сдѣлать его общимъ центромъ? Развѣ въ безконечномъ пространствѣ есть какой-нибудь другой пунктъ, отъ котораго мы могли бы

[1]) Сборникъ, VII. 83.

съ бо́льшею пользою проводить тѣ огромныя развѣтвленія, которыя мы предполагаемъ довести до всѣхъ другихъ пунктовъ? Какое живительное и пріятное воздѣйствіе будутъ тогда производить другъ на друга человѣкъ и окружающія его существа? Вотъ что и побудило насъ искать въ главныхъ свойствахъ человѣка основу для нашего труда. Другіе могутъ избрать иную основу, но лишь бы человѣкъ не былъ замѣненъ существомъ нѣмымъ, безчувственнымъ, холоднымъ. Человѣкъ есть единственный пунктъ, отъ котораго должно все исходить и къ которому должно все возвращаться, если желательно понравиться, заинтересовать, даже растрогать при изложеніи самыхъ сухихъ размышленій и самыхъ мелкихъ подробностей. Какое мнѣ дѣло до всей вселенной, если существованіе мое и моихъ близкихъ ничѣмъ въ ней не заинтересовано?» [1]).

Въ 1751 году вышелъ первый томъ «Энциклопедіи», въ 1752-мъ—второй, и до 1757 года вышло семь томовъ. Появленіе каждаго тома было событіемъ. По мѣрѣ выхода новыхъ томовъ, число подписчиковъ увеличивалось и уже при выходѣ седьмого тома достигло небывало-высокой для того времени цифры—до четырехъ тысячъ. Но еще быстрѣе росла злоба реакціонеровъ и суевѣровъ противъ изданія, стремившагося эмансипировать совѣсть и разумъ читателей отъ гнета церковнаго авторитета и отъ насилія застарѣлыхъ предразсудковъ. Цѣлый дождь памфлетовъ самыхъ неприличныхъ посыпался на философовъ; масса слуховъ самыхъ нелѣпыхъ была пущена въ оборотъ. Одинъ изъ этихъ вздорныхъ слуховъ сохранила намъ Екатерина, много лѣтъ спустя вспоминавшая, что, какъ ее увѣряли, «Энциклопедія издавалась единственно съ цѣлью уничтожить всѣхъ королей и всѣ религіи» [2]). Генералъ-прокуроръ возбудилъ преслѣдованіе противъ «Энциклопедіи», которую онъ аттестовалъ какъ «позоръ для націи» и въ которой онъ усматривалъ «нечестивые прин-

[1]) *Diderot*, XIV, 453. *Морлей*, 100. [2]) Сборникъ, XXIII, 593.

ципы и непріязненное отношеніе къ религіи и нравственности». Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ вышедшіе семь томовъ, мнѣніемъ своимъ полагалъ: «воспретить не только дальнѣйшее печатаніе, но и продажу вышедшихъ уже томовъ». Королевскимъ декретомъ отъ марта 1759 г. мнѣніе это получило свою санкцію, вопреки всѣмъ хлопотамъ Дидро, который обращался даже къ г-жѣ Помпадуръ. «Я ничего не могу—пишетъ она Дидро [1])—въ дѣлѣ «Dictionnaire Encyclopédique»: говорятъ, въ книгѣ высказываются тенденціи, противныя религіи и власти короля. Если это такъ, нужно сжечь книгу; если не такъ, нужно сжечь клеветниковъ. Но, вѣдь, «Энциклопедія» запрещена изъ-за ханжей и духовенства, а самое лучшее, что я могу сдѣлать—вовсе не вмѣшиваться въ это дѣло, такъ какъ попы и ханжи очень опасны. Я слышала о васъ много хорошаго и считаю васъ совершенно невиннымъ; если такова и книга ваша, то мнѣ остается только сожалѣть о васъ». Декретъ 1759 года былъ политическій скандалъ, отразившійся не только во Франціи и сосѣднихъ странахъ, но въ Берлинѣ и даже въ Петербургѣ. «Никакія чудеса въ мірѣ — писала Екатерина — не изгладятъ пятна отъ воспрещенія продолжать печатаніе Энциклопедіи» [2]). Едва лишь вступивъ на престолъ, черезъ девять дней послѣ переворота [3]), Екатерина предлагаетъ уже Дидро перенести печатаніе «Энциклопедіи» въ Петербургъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ сообщаетъ объ этомъ предложеніи самъ Дидро: «Чрезъ посредство князя Голицына я получилъ отъ царствующей императрицы Россіи приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ для окончанія нашего предпріятія. Мнѣ предлагаютъ полную свободу, защиту, почести, деньги, словомъ все, что только можетъ побудить людей, недовольныхъ своимъ отечествомъ и не привязанныхъ къ своимъ друзьямъ, покинуть родину» [4]). Въ то время какъ русскій

[1]) Lettres de M-me la marquise de Pompadour, I, 9.

[2]) *Voltaire*, LXXVII, 8. Сборникъ, X, 37.

[3]) Сборникъ, XXXIII, 48. [4]) *Diderot*, XIX, 145.

посланникъ князь Д. А. Голицынъ, исполняя приказаніе императрицы, велъ переговоры въ Парижѣ съ самимъ Дидро. графъ И. И. Шуваловъ писалъ, по приказанію той же Екатерины, въ Фернэ, къ Вольтеру [1]), прося его поддержать съ своей стороны приглашеніе, обращенное къ Дидро, какъ главѣ предпріятія. И Голицыну, и Шувалову, и Вольтеру Дидро отвѣчалъ безусловнымъ отказомъ: «Нѣтъ,—писалъ онъ въ сентябрѣ 1762 г., — мы не пойдемъ ни въ Берлинъ, ни въ Петербургъ, чтобъ оканчивать «Энциклопедію», и это потому, что въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, ее печатаютъ здѣсь и корректуры лежатъ у меня передъ глазами... Сверхъ того, рукопись «Энциклопедіи» намъ не принадлежитъ; она—собственность здѣшнихъ книгопродавцевъ, купившихъ ее за огромную цѣну, и мы не можемъ располагать ни однимъ листочкомъ» [2]). Дѣйствительно, энциклопедистамъ не было надобности переносить въ Петербургъ свою дѣятельность, если, несмотря на декретъ, печатаніе «Энциклопедіи» продолжалось и въ Парижѣ. Въ 1765 году вышли разомъ новые десять томовъ; къ этимъ семнадцати томамъ текста присоединилось впослѣдствіи, въ 1772 г., одиннадцать томовъ гравюръ. Но на каждомъ томѣ мѣстомъ изданія былъ указанъ не Парижъ, а Невшатель, и подписчики получали эти тома секретно, вѣрнѣе, тайкомъ.

— «Я не могу обойтись ни одного дня безъ «Энциклопедіи»—писала Екатерина, когда уже все изданіе было окончено;—несмотря на всѣ недостатки [3]), «Энциклопедія»—вещь необходимая и превосходная» [4]).

---

[1]) *Voltaire*, LXXXVIII, 88, 90. [2]) *Diderot*, XIX, 463.

[3]) Изъ письма Екатерины къ Фальконэ, отъ 1767 г., можно догадываться, что императрица была недовольна статьей Жокура подъ словомъ «Russie» (Сборникъ, XVII, 8), въ которой, между прочимъ, населеніе Россіи уменьшалось до 12 милліоновъ, тогда какъ Екатерина опредѣляла его въ 20 милліоновъ (Id., VII, 347; X, 31). Позже велись даже переговоры чрезъ посредство князя Голицына и Вольтера о томъ, чтобъ въ женевскомъ изданіи «Энциклопедіи» исправить и дополнить статьи о Россіи (*Voltaire*, LXXVIII, 217).

[4]) Сборникъ, XXIII, 12.

При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ Дидро работалъ [1]), было бы удивительно, еслибъ въ «Энциклопедіи» не было недостатковъ. Еще задолго до Екатерины, Вольтеръ, съ восторгомъ привѣтствовавшій появленіе каждаго тома «Энциклопедіи» [2]), указывалъ на ея недостатки [3]). Рядомъ съ такими статьями, какъ, напримѣръ, «великолѣпная» статья Д'Аламбера, подъ словомъ «Genève», Вольтеръ указывалъ на статью столь нелюбимаго Екатериной Жокура, подъ словомъ «Enfer», въ которую вкрались фактическія невѣрности [4]), сообщалъ своимъ друзьямъ, Дидро и Д'Аламберу, что многія статьи длинны, скучны, и рекомендовалъ имъ посовѣтовать авторамъ «побольше думать объ изданіи и поменьше о себѣ» [5]). По поводу этого обвиненія Д'Аламберъ такъ защищалъ своего друга: «Дидро часто бываетъ поставленъ въ невозможность не помѣщать плохихъ статей. Иногда писатель, доставившій много хорошихъ статей, требуетъ, въ награду за эти хорошія статьи, чтобъ была помѣщена и дурная» [6]). Къ этому Д'Аламберъ прибавлялъ: «Мы остались бы совершенно одни, еслибъ вздумали тероризовать своихъ сотрудниковъ». Предсказаніе Д'Аламбера сбылось, хотя и по другимъ причинамъ, почти буквально: не только другіе сотрудники, но и самъ Д'Аламберъ покинулъ «Энциклопедію». «Да, безъ сомнѣнія,— писалъ онъ въ 1757 году,—«Энциклопедія» стала необходимостью и улучшается съ каждымъ томомъ; но становится невозможнымъ окончить изданіе въ той проклятой странѣ (le maudit pays), въ которой мы живемъ» [7]). Послѣдніе десять томовъ текста вышли уже безъ участія Д'Аламбера и составлены почти исключительно однимъ Дидро. Печатаніе этихъ десяти томовъ ознаменовалось единственною въ лѣтописяхъ типографскаго искусства «низостью», никогда не встрѣчавшеюся прежде и никогда не повторявшеюся послѣ изданія

[1]) *Diderot*, XX, 131—133. [2]) *Voltaire*, XCVII, 5. 7, 12 sqq.
[3]) Id., LXXXVIII, 89. [4]) Id., XCVII, 52. [5]) Id., 26.
[6]) Id., 48, 24. [7]) Id., XCVII, 39.

«Энциклопедіи». Вотъ въ чемъ заключалась эта «низкая продѣлка» книгопродавца: «Послѣ происшедшаго въ 1759 году перерыва, было рѣшено издать разомъ всѣ остальные десять томовъ. Книгопродавцу Ле-Бретону было поручено ихъ изданіе. Рукописи были набраны, Дидро исправилъ первую корректуру, просмотрѣлъ вторую и возвратилъ въ типографію, помѣтивъ каждый листъ: «bon à tirer» (печатать) и своею подписью. Съ этого момента начались низкія продѣлки Ле-Бретона. Онъ и его факторъ принялись вычеркивать, выбрасывать и уничтожать въ доставленныхъ имъ листахъ всякое мѣсто, всякую строчку или фразу, которыя, по ихъ мнѣнію, могли вызвать неудовольствіе или гнѣвъ со стороны правительства. Такимъ образомъ, они, по собственному дикому произволу, привели бо́льшую часть самыхъ лучшихъ статей въ такой видъ, что онѣ походили на изуродованные отрывки, лишенные всего, что въ нихъ было самаго цѣннаго. Злодѣи не потрудились даже придать этимъ уродливымъ отрывкамъ статей хотя бы внѣшній видъ стройности и послѣдовательности. Окончивъ свою разрушительную работу, они приступили къ печатанію, а чтобъ сдѣлать свое злодѣяніе непоправимымъ [1]), они сожгли и оригинальныя рукописи, и корректурные листы» [2]).

[1]) Въ мемуарахъ г-жи Вандэль, дочери Дидро (Mémoires pour servir à l'histoire de la vie et des œuvres de Diderot), говорится, что это «злодѣяніе» было исправлено: «Mon père exigea que l'on tirât un exemplaire pour lui avec des colonnes où tout était rétabli; cet exemplaire est en Russie avec sa bibliothèque» (*Diderot*, I, XLV). Извѣстіе это, какъ и многія другія въ мемуарахъ дочери Дидро, невѣрно. По разсказу эпизода съ типографіей Ле-Бретона, составленному по извѣстіямъ Гримма и самого Дидро, рукописи и корректуры всѣхъ десяти томовъ были сожжены, такъ что не по чемъ было бы «возстановить» первоначальный текстъ; по условіямъ печатанія того времени, невозможно было сдѣлать оттискъ десяти томовъ въ одну колонну, для чего потребовался бы новый наборъ; наконецъ, въ Петербургѣ, ни въ Эрмитажѣ, ни въ Публичной Библіотекѣ, куда были переданы изъ Эрмитажа всѣ книги Дидро, нѣтъ этого «экземпляра», исправленнаго самимъ Дидро.

[2]) *Diderot*, XIII, 124; *Морлей*, 116.

Несмотря на всѣ «недостатки», «Энциклопедія» произвела сильное впечатлѣніе на современное ей европейское общество. Объ этомъ впечатлѣніи можно судить по тому уже, что «Энциклопедію» перепечатывали въ Женевѣ и Лозаннѣ, въ Ливорно и Луккѣ, изъ нея дѣлались извлеченія, въ родѣ «Esprit de l'Encyclopédie» и т. п.

Двадцать пять лѣтъ лучшей поры жизни посвятилъ Дидро «Энциклопедіи» и когда, въ 1772 году, изданіе было вполнѣ окончено, онъ оказался такимъ же неимущимъ, какимъ былъ при его началѣ, въ 1746 году [1]). Во время «низкой продѣлки» ле-Бретона, въ 1765 г., матеріальное положеніе Дидро было таково, что онъ вынужденъ былъ продать свою библіотеку. «Ее хотѣлъ купить парижскій нотаріусъ По д'Отэйль,— разсказываетъ дочь Дидро въ своихъ мемуарахъ [2]),—но князь Голицынъ, русскій посланникъ, устроилъ дѣло иначе. Императрица Екатерина купила библіотеку за 15.000 франковъ причемъ оставила ее у моего отца, назначивъ ему, какъ своему библіотекарю, 1.000 франковъ въ годъ». Въ какой

[1]) Матеріальныя выгоды отъ изданія «Энциклопедіи» всѣ пошли исключительно въ пользу издателей-книгопродавцевъ. Въ письмѣ къ полицеймейстеру Сартину, будущему министру, Дидро сообщаетъ: «Знаю, что вы о насъ нѣсколько лучшаго мнѣнія, чѣмъ господа книгопродавцы, которымъ мы помогли составить громадныя состоянія и которые предоставили намъ жевать листья отъ нашихъ лавровыхъ вѣнковъ. Не странно ли, что я работалъ 30 лѣтъ для «Энциклопедіи», убилъ на нее лучшіе годы жизни, далъ книгопродавцамъ пріобрѣсти два милліона франковъ, а самъ остался безъ гроша? Послушать книгопродавцевъ, такъ я долженъ считать за великое счастіе уже и то, что жилъ въ эти 30 лѣтъ» (*Diderot*, XX, 7).

[2]) *Diderot*, I, LI. Г-жа Вандэль, дочь Дидро, относитъ продажу библіотеки ея отца къ 1763 году: „ce fut, je crois, en 1763. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, память ей измѣняетъ: въ концѣ 1765 г. Д'Аламберъ и Вольтеръ въ письмахъ къ Екатеринѣ выражаютъ ей благодарность за покупку библіотеки Дидро, а черезъ два года послѣ покупки, когда императрица уплатила своему библіотекарю за пятьдесятъ лѣтъ впередъ жалованье, которое въ теченіе двухъ лѣтъ (pendant deux ans, по словамъ самой г-жи Вандэль) вовсе не выплачивалось, Д'Аламберъ благодаритъ Екатерину за новое благодѣяніе (nouveau bienfait), оказанное Дидро, и письмо это помѣчено 1767 годомъ.

*

степени Дидро нуждался въ то время, можно судить по заявленію Вольтера, не принимая его, конечно, въ буквальномъ смыслѣ, что, безъ помощи Екатерины, Дидро могъ бы «умереть съ голода» [1]). Покупка библіотеки Дидро, къ тому же въ той деликатной формѣ, въ какую «это благодѣяніе» было облечено, поставила Екатерину чрезвычайно высоко въ глазахъ всѣхъ энциклопедистовъ-философовъ. «Вся литературная Европа—писалъ Д'Аламберъ—рукоплескала, государыня, отличному выраженію уваженія и милости, оказанному вашимъ императорскимъ величествомъ г. Дидро; онъ заслуживаетъ этого во всѣхъ отношеніяхъ своими достоинствами, своими дарованіями, своими сочиненіями и своимъ положеніемъ; издавна связывающая меня съ нимъ дружба заставляетъ меня живо раздѣлять его признательность и я умоляю ваше императорское величество принять мои всепокорнѣйшія благодаренія за то, что вами сдѣлано въ этомъ случаѣ для него, для философіи и для литературы» [2]). Въ то же время, Вольтеръ благодарилъ Екатерину за помощь, оказанную Дидро, и находилъ, что «всѣ писатели Европы должны пасть къ стопамъ ея величества» [3]). Екатерина отвѣчала Д'Аламберу и Вольтеру почти въ одно и то же время [4]) и почти въ тождественныхъ выраженіяхъ. «Я никогда бы не думала, чтобъ покупка библіотеки г. Дидро могла привлечь мнѣ столько похвалъ; но, согласитесь, что было бы жестоко и несправедливо разлучить ученаго съ его книгами» [5]). Въ письмѣ же къ

[1]) Mourir de faim. *Voltaire*, LXXVIII, 17.

[2]) Сборникъ, X, 44. [3]) *Voltaire*, LXXVIII, 9.

[4]) Письмо къ Вольтеру помѣчено 28-го ноября 1765 г. (*Voltaire*, LXXVIII, 10); письмо къ Д'Аламберу безъ помѣты, но оно служитъ отвѣтомъ на письмо къ Екатеринѣ отъ 15-го (26-го) октября, а въ то время почта шла изъ Парижа въ Петербургъ около мѣсяца, иногда болѣе. Нарочные курьеры совершали переѣздъ въ 20 дней (dans vingt jours, Сборникъ, XXXIII, 121). Г. Бартеневъ безъ основанія обобщаетъ единичный фактъ, когда «нарочный курьеръ» ѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ болѣе мѣсяца, причемъ промедленіе могло случиться отъ отправки письма, а не отъ ѣзды курьера.

[5]) Сборникъ, X, 45. *Voltaire*, LXXVIII, 11.

Д'Аламберу Екатерина прибавляетъ любопытную подробность изъ своей жизни и этою подробностью объясняетъ свой поступокъ относительно Дидро: «Я часто находилась въ опасеніи, чтобъ у меня не отняли моихъ книгъ, и поэтому прежде я держалась правила никому не говорить о томъ, что я читаю. Мой собственный опытъ помѣшалъ мнѣ причинить такую же непріятность г. Дидро».

Жалованье, назначенное Дидро, «нарочно забывали уплачивать въ теченіе двухъ лѣтъ», говоритъ г-жа Вандэль; но, «чтобъ избѣжать впредь подобной забывчивости, ему прислали 50.000 франковъ, составлявшіе жалованье за пятьдесятъ лѣтъ впередъ». На Екатерину вновь посыпались похвалы [1]). «Примите, государыня, благодареніе мое и всѣхъ писателей-философовъ и людей уважаемыхъ за новое благодѣяніе, которымъ ваше императорское величество почтили г. Дидро», писалъ Д'Аламберъ Екатеринѣ. «Это благодѣяніе еще болѣе драгоцѣнно по той любезности, съ которою ваше величество сдѣлали его и которую вы такъ умѣете придавать всему. Ваши милости, государыня, способны утѣшить философію въ нападеніяхъ, испытываемыхъ ею со стороны невѣжества и фанатизма» [2])

Екатерина II чрезвычайно интересовалась своею покупкою. Вслѣдъ за извѣстіемъ о смерти Дидро, она проситъ Гримма купить всѣ сочиненія Дидро и «прислать ихъ вмѣстѣ съ библіотекою» [3]). Черезъ два мѣсяца, она вновь напоминаетъ о библіотекѣ, но уже съ укоризною: «Но что же вы дѣлаете съ библіотекою Дидро? получу ли я ее когда-нибудь?» [4]). Черезъ четыре мѣсяца: «а библіотеки Дидро все еще нѣтъ!» [5]). И черезъ двѣ недѣли опять: «я все еще ожидаю библіотеку Дидро» [6]). Въ началѣ 1786 г. библіотека была получена и выставлена въ одной изъ залъ Эрмитажа. Судьба этой библіотеки оригинальна—ее постигла участь самого Дидро въ Рос-

[1]) *Diderot*, XX, 134—137. [2]) Сборникъ, X, 167.
[3]) Сборникъ, XXIII, 327. [4]) Id., 339. [5]) Id., 359. [6]) Id., 362.

сіи: по смерти Екатерины никто уже этою библіотекою не интересовался; она стояла въ Эрмитажѣ какъ молчаливый, но непріятный укоръ, она, наконецъ, просто надоѣла, занимая безполезно мѣсто, и, лѣтъ двадцать назадъ, была передана въ Публичную Библіотеку, гдѣ была тогда же размѣщена по разнымъ заламъ, по разнымъ шкафамъ, смотря по содержанію книгъ, и теперь невозможно уже найти и слѣдовъ ея. Объ этомъ слѣдуетъ пожалѣть: библіотека Дидро не только свидѣтельствовала о томъ, какія сочиненія и трактаты онъ читалъ, но носила на себѣ результаты его чтенія—Дидро имѣлъ привычку дѣлать на поляхъ книгъ свои отмѣтки, записывать впечатлѣнія, излагать мысли, навѣянныя чтеніемъ [1]).

Горячее участіе Екатерины къ судьбамъ «Энциклопедіи» и щедрыя милости, оказанныя ею лично Дидро, побудили его, изъ чувства признательности столько же, быть можетъ, какъ и вслѣдствіе надежды «найти среди скиѳовъ защиту философіи, преслѣдуемой во Франціи» [2]), войти въ болѣе близкія сношенія съ Екатериною и посильными услугами выразить ей свою благодарность. Дидро рекомендуетъ ей художниковъ и государственныхъ дѣятелей, заботится о пріобрѣтеніи картинъ и гравюръ для Эрмитажа [3]), входитъ въ сношенія съ русскими въ Парижѣ, расточаетъ Екатеринѣ похвалы въ печати и оказываетъ ей, наконецъ, личную услугу, которую она, какъ теперь оказывается, имѣла поводъ особенно высоко цѣнить.

Изъ всѣхъ лицъ, рекомендованныхъ Дидро, два обратили на себя особенное вниманіе Екатерины: однимъ императрица осталась вполнѣ довольна, другой навлекъ на себя ея полную немилость. «Дидро рекомендуетъ намъ своихъ друзей—пи-

---

[1]) *Diderot*, II, 265. [2]) *Voltaire*, LXXXVIII, 90.

[3]) Эта сторона дѣятельности Дидро, проходящая чрезъ всю его жизнь, можетъ быть вѣрно оцѣнена только спеціалистомъ, и мы позволяемъ себѣ выразить пожеланіе, чтобъ В. В. Стасовъ (Др. и Нов. Россія, 1877, I, 330, 333, 350 и др.) поскорѣе обнародовалъ результаты своего многолѣтняго изученія Дидро, какъ художественнаго критика.

шетъ Екатерина г-жѣ Жофренъ—и далъ мнѣ случай пріобрѣсти человѣка, которому, я думаю, нѣтъ равнаго: это Фальконэ; онъ вскорѣ начнетъ статую Петра Великаго. Если и есть художники, равные ему по искусству, то смѣло, я думаю, можно сказать, что нѣтъ такихъ, которыхъ можно бы сравнить съ нимъ по чувствамъ; словомъ, это задушевный другъ Дидро» [1]). Несмотря на такое высокое мнѣніе императрицы о Дидро, рекомендованный имъ де-ла-Ривьеръ потерпѣлъ, какъ мы уже говорили, полное фіаско [2]).

По указаніямъ Дидро, Екатерина, ничего не понимавшая въ искусствѣ, купила много картинъ Мурильйо, Дау, Ванло, Маппй, Вьена и др. французскихъ художниковъ; знаменитая галлерея барона Тьера, въ которой находились произведенія кисти Рафаэля, Ванъ-Дика, Рембрандта, Пуссэна и др., всего до 500 картинъ, была куплена за 460.000 франковъ тоже чрезъ посредство Дидро. По поводу покупки этой галлереи Дидро писалъ Фальконэ: «Ахъ, мой другъ, какъ мы измѣнились! Среди полнаго мира мы продаемъ наши картины и статуи, а Екатерина скупаетъ ихъ въ разгаръ войны. Науки, искусства, вкусъ, мудрость восходятъ къ сѣверу, а варварство съ своимъ кортежемъ нисходитъ на югъ» [3]). Какъ художественный критикъ, Дидро пріобрѣлъ большое значеніе въ глазахъ Екатерины, а его «Salons», появлявшіеся въ «Correspondance littéraire», и въ настоящее время высоко цѣнятся знатоками искусства.

Въ одномъ изъ такихъ обзоровъ художественныхъ выставокъ, именно въ «Salon de 1767», упоминая о художникѣ Вьенѣ (Vien), работавшемъ для Екатерины, Дидро пользуется случаемъ воспѣть хвалебный гимнъ правительственной дѣя-

---

[1]) Сборникъ, I, 289.

[2]) Въ государственномъ архивѣ м. и. дѣлъ хранится переписка де-ла-Ривьера съ графомъ Н. И. Панинымъ. До обнародованія этой переписки мы поостереглись высказать свое мнѣніе о причинахъ этого фіаско. *Diderot*, XVIII, 272—274.

[3]) *Diderot*, XVIII, 327.

тельности Екатерины: «Императрица даетъ законы своей странѣ, не имѣвшей законовъ; собираетъ вокругъ себя знанія и искусства; основываетъ полезныя учрежденія; она сумѣла внушить къ себѣ уваженіе всѣхъ европейскихъ дворовъ, изъ которыхъ она одни сдерживаетъ, надъ другими господствуетъ; она стремится сдѣлать фанатиковъ-поляковъ вѣротерпимыми; она могла бы принять въ свою имперію 50.000 польскихъ диссидентовъ, но предпочла имѣть 50.000 своихъ подданныхъ въ самой Польшѣ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что эти преслѣдуемые польскіе диссиденты обратятся въ преслѣдователей, какъ только получатъ силу» [1]).

Императрица Екатерина не пренебрегала подобными гимнами. Она знала, что Дидро одинъ изъ тѣхъ трехъ философовъ, которые воздвигаютъ въ Европѣ жертвенники для воскуренія ей оиміама [2]); но никто другой изъ этой «философской троицы», ни Вольтеръ, ни Д'Аламберъ, не оказали ей лично такой важной услуги, какъ Дидро.

Переворотъ 28-го іюня 1762 г., къ которому Екатерина такъ много и такъ долго готовилась, произвелъ на нее сильное впечатлѣніе, которое, по самой сущности дѣла, не изгладилось до ея смерти. Она относилась къ нему крайне нервно даже въ 1793 году [3]), тѣмъ болѣе въ первые годы по воцареніи. Между тѣмъ, въ началѣ 1768 года, въ литературныхъ кружкахъ Парижа появилась рукопись о «революціи 1762 года»; рукопись читалась во многихъ домахъ. Дидро, познакомившись съ этимъ произведеніемъ, понялъ, насколько распространеніе его даже въ рукописи, не говоря уже въ печати, должно быть непріятно императрицѣ, и вотъ что написалъ онъ Фальконэ. въ Петербургъ, въ маѣ 1768 года:

---

[1]) *Diderot*, XI, 347.

[2]) Nous sommes trois, Diderot, D'Alembert et moi, qui vous dressons des autels. *Voltaire*, LXXVIII, 18.

[3]) Достопамятный разговоръ Екатерины Великой съ княгинею Дашковою, въ 1793 году. См. Русскій Архивъ, 1884, II, 271.

„Во время революціи 1762 г. нашимъ секретаремъ посольства въ Петербургѣ былъ г. де-Рюльеръ [1]), человѣкъ очень умный. По настоянію графини Эгмонтъ, онъ рѣшился написать теперь исторію революціи, которой былъ, такъ сказать, очевиднымъ свидѣтелемъ. Онъ ее написалъ и прочелъ мнѣ; онъ читалъ ее Д'Аламберу, г-жѣ Жофренъ и многимъ другимъ. Онъ спросилъ мое мнѣніе и я ему высказалъ. „что говорить о государяхъ очень опасно и невозможно говорить *всю правду*; что необходима крайняя осторожность, уваженіе и осмотрительность относительно государыни, составляющей удивленіе Европы и радость націи; что я полагаю, что самое вѣрное и самое лучшее для него самого было бы уничтожить это произведеніе, на какую славу онъ ни разсчитывалъ бы отъ его обнародованія". Г. де-Рюльеръ отвѣчалъ мнѣ, что онъ предполагалъ только удовлетворить любопытству нѣсколькихъ друзей, что онъ никогда не имѣлъ намѣренія печатать эту рукопись, что Д'Аламберъ и г-жа Жофренъ предпочитали его разсказъ всѣмъ апологіямъ, какія только были распространены въ пользу ея императорскаго величества, и что герцогъ Ларошфуко сказалъ ему: „это не только прекрасная исповѣдь, это прекрасная жизнь".

„Въ самомъ дѣлѣ, хотя въ этой рукописи государыня является владыкой-женщиной, какъ gran cervello di principessa, но если это произведеніе появится въ печати (такъ какъ не слѣдуетъ полагаться на слова де-Рюльера—тщеславіе, вѣтреность или невѣрность какого-нибудь ложнаго друга, и произведеніе будетъ напечатано), я желалъ бы, чтобъ оно появилось лучше съ вѣдома, чѣмъ безъ вѣдома императрицы. Главное—знать, что̀ нужно сдѣлать въ этомъ случаѣ. Я самъ ничего не рѣшилъ. Дѣло это деликатное, очень деликатное. Во-первыхъ, невѣроятно и нѣтъ никакой надежды, чтобъ де-Рюльеръ выдалъ свою рукопись. Во-вторыхъ, въ рукописи есть извѣстія, которыя, если только они справедливы, не могли быть узнаны иначе, какъ по нескромности лицъ высокопоставленныхъ и, быть можетъ, окружающихъ государыню. Этотъ Рюльеръ ничего лучшаго не желалъ бы, какъ быть назначеннымъ на мѣсто Росиньойля [2]), и онъ

[1]) Claude de Rulhières (1735—1791) былъ секретаремъ французскаго посольства и секретаремъ французскаго посла барона Бретэйля, съ 1760 года. Онъ былъ членъ французской академіи, много писалъ въ прозѣ и стихахъ. Кромѣ «Histoire de la révolution de Russie en 1762», онъ составилъ «Histoire de l'anarchie de Pologne», 4 тома, и «Eclaircissements sur la révocation de l'édit de Nantes».

[2]) Charles Rossignol, былъ французскимъ консуломъ въ Петербургѣ и одно время повѣреннымъ въ дѣлахъ.

отправился бы въ Петербургъ. Повидайте императрицу, поговорите съ нею, сообщите мнѣ ея приказанія и не увѣряйте ее въ моей полной преданности—она въ ней увѣрена" [1]).

Немедленно по полученіи этого письма, Фальконэ отправилъ его къ императрицѣ, въ Царское Село, вмѣстѣ съ набросаннымъ имъ проектомъ отвѣта. «Я такъ всецѣло преданъ вашему императорскому величеству,—пишетъ Фальконэ отъ утра 13-го іюня 1768 г.,—а мое довѣріе такъ безгранично, что я не могу не представить вамъ всѣхъ соображеній моего друга, особенно же когда они нераздѣльно связаны съ предметомъ, касающимся васъ лично. Вотъ его письмо и мой отвѣтъ. Осмѣлюсь ли умолять ваше величество сообщить мнѣ свою волю, чтобъ я сообразно съ нею могъ окончить и исправить свой отвѣтъ» [2]). Екатерина отвѣчала на другой же день, 14-го іюня, вечеромъ. Намекъ Дидро на способъ улаженія дѣла—приглашеніе Рюльера въ Петербургъ въ качествѣ консула — конечно, былъ императрицей отвергнутъ; она измыслила иной способъ. «Я буду отвѣчать, г. Фальконэ, на ваше письмо, а не на письмо вашего друга, которое я два дня разбирала, и коснусь лишь нѣсколькихъ мѣстъ, которыя я поняла и которыя требуютъ отвѣта». Почеркъ Дидро, въ высшей степени четкій и ясный [3]), Екатерина отлично разбирала; очевидно, въ данномъ случаѣ, это только предлогъ не входить въ подробности дѣла, для нея во всякомъ случаѣ непріятныя. Изъ отвѣта Екатерины на мѣста, понятыя ею (que j'ai compris), видно, что она до тонкости поняла сообщеніе Дидро и взвѣсила всю его важность: «Трудно, чтобъ секретарь посольства, безъ помощи фантазіи, зналъ доподлинно, какъ все происходило. Между нами будь сказано, я каждый день вижу, какъ они готовы лгать скорѣе, чѣмъ заявить свое невѣдѣніе тѣмъ, которые имъ платятъ за то, чтобъ они говорили вкривь и вкось, говорили о томъ, что знаютъ и чего не

[1]) *Diderot*, XVIII, 255—256. [2]) Сборникъ, XVII, 42.
[3]) *Diderot*, XVIII, 291; XIX, 370—371.

знаютъ. Такъ, напередъ уже держу пари, что произведеніе г. Рюльера не представляетъ ничего важнаго, особенно же судя по заявленію Дидро, что въ этой рукописи является женщина-владыка и cervello di principessa, ибо въ данномъ случаѣ ничего подобнаго не было, но предстояло или погибнуть вмѣстѣ съ полуумнымъ, или спасти себя вмѣстѣ съ массою, стремившеюся избавиться отъ него. Такимъ образомъ, во всемъ этомъ не было коварства, а всему причиною дурное поведеніе извѣстной личности, безъ чего, конечно, съ нимъ ничего не могло бы случиться. Слѣдовало бы постараться купить рукопись Рюльера; я прикажу написать объ этомъ Хотинскому» [1]).

Дѣло становилось теперь «деликатнымъ» и для Дидро. Какъ купить рукопись?! Рюльеръ былъ вообще человѣкъ со средствами, а въ это время онъ получалъ еще до 6,000 франковъ за составленіе исторіи Польши для дофина, будущаго короля Людовика XVI. Дѣло, само по себѣ деликатное, усложнялось еще тѣмъ, что посланника князя Д. А. Голицына не было уже въ Парижѣ, былъ только повѣренный въ дѣлахъ, нѣкто Хотинскій. Князя Голицына знали всѣ литераторы, онъ былъ другъ Дидро, Д'Аламбера, г-жи Жофренъ, его уважали, его любили, а Хотинскаго кто же знаетъ? Правда, Дидро называетъ его «любезнымъ, осторожнымъ, точнымъ» [2]), но всего этого слишкомъ мало для такого деликатнаго дѣла, какъ покупка деликатной рукописи, къ тому же у человѣка, вовсе не нуждающагося. Какъ бы то ни было, но первымъ же приступомъ къ покупкѣ «изгадили все дѣло», и такъ изгадили, что Фальконэ упрекалъ даже своего друга, Дидро, зачѣмъ онъ его впуталъ во всю эту непріятную исторію. Сохранился очень любопытный отвѣтъ Дидро: «Зачѣмъ я поручилъ дѣло Рюльера вамъ, а не генералу Бецкому? Потому что письма, посылаемыя вамъ, рѣже вскрываютъ, чѣмъ адре-

[1]) Сборникъ, XVII, 43—44. [2]) *Diderot*, XVIII, 307.

суемыя на его имя. Вотъ почему также я не писалъ и прямо ея императорскому величеству; а ужъ если необходимъ былъ посредникъ, то вы мнѣ милѣе, чѣмъ кто-нибудь другой. Дѣло это можно вести только литератору съ литераторомъ, а не литератору съ министромъ. Теперь все дѣло изгадили (on a tout gâté), въ чемъ я и не сомнѣвался. Деньги принимаются или отвергаются, смотря по лицу, которое ихъ предлагаетъ» [1]).

Когда уже дѣло было «изгажено» первымъ визитомъ Хотинскаго къ Рюльеру, вновь обратились къ помощи Дидро и онъ его исправилъ. «Я сопровождалъ Хотинскаго —пишетъ Дидро—при второмъ его посѣщеніи Рюльера и старался исправить дурное (ridicule) впечатлѣніе перваго визита, обративъ все въ шутку. Ну, и оказалось: «исторія» составлена только для того, чтобъ удовлетворить любопытство графини Эгмонтъ; вовсе не имѣется намѣренія печатать рукопись; ее прочтутъ Хотинскому, чтобъ онъ самъ могъ судить о ея содержаніи, и ничего не имѣютъ противъ посылки копіи въ Петербургъ, если только ея императорское величество выразитъ желаніе имѣть ее, на что не смѣютъ даже и разсчитывать — какъ видите, мы прежде всего очень скромны» [2]). Дидро, дѣйствительно, уладилъ дѣло: «деликатная» рукопись появилась въ печати лишь по смерти Екатерины, въ 1797 году [3]).

Мы говорили уже, что изъ всѣхъ русскихъ современниковъ Дидро, наиболѣе цѣнили его двѣ русскія женщины — императрица Екатерина II и княгиня Е. Р. Дашкова. Прежде чѣмъ Дидро поѣхалъ въ Петербургъ для свиданія съ Екатериною, княгиня Дашкова пріѣхала въ Парижъ и познакомилась лично съ Дидро. О своихъ сношеніяхъ съ нимъ въ Парижѣ, княгиня Дашкова записала въ своихъ мемуарахъ

[1]) *Diderot*, XVIII, 286. [2]) *Diderot*, XVIII, 293.

[3]) *Cl. de Rulhière*, Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en 1762. Paris. 1797. Въ томъ же году появилось девять изданій: три — на французскомъ, два—на англійскомъ, два — на нѣмецкомъ и одинъ—на датскомъ языкѣ, на русскомъ языкѣ до сихъ поръ ни одного.

такъ подробно и такъ правдиво, что намъ остается только привести въ русскомъ пересказѣ наиболѣе характерныя черты, обрисовывающія личность Дидро:

«Я пробыла въ Парижѣ только семнадцать дней и не желала никого видѣть, кромѣ Дидро. Свои утреннія прогулки, посвященныя осмотру достопримѣчательностей и продолжавшіяся съ 8 часовъ утра до 3 пополудни, я обыкновенно кончала тѣмъ, что останавливала карету у дома Дидро, онъ садился со мною, обѣдалъ у меня и часто наши бесѣды съ глазу-на-глазъ длились до 2 и 3 часовъ ночи.

«Въ одинъ изъ вечеровъ, когда Дидро былъ у меня, доложили о г. Ла-Рюльерѣ. Онъ былъ въ Россіи секретаремъ барона Бретэйля, французскаго посланника; я тогда часто видала его въ моемъ московскомъ домѣ и еще чаще у Каменскихъ. Я не знала, что Ла-Рюльеръ, возвратясь въ Парижъ, написалъ записку о революціи 1762 г. въ Россіи, которую читалъ во многихъ домахъ, и приказала человѣку принять его. Дидро меня остановилъ. Онъ взялъ меня за руку, крѣпко сжалъ ее и спросилъ: «Послѣ путешествія, вы думаете возвратиться въ Россію?»—«Что за вопросъ! Развѣ я имѣю право дѣлать моихъ дѣтей эмигрантами?» – «Въ такомъ случаѣ велите слугѣ сказать Ла-Рюльеру, что вы не можете принять его; я вамъ объясню причины». На его лицѣ ясно сказывалась дружба ко мнѣ и я отказала старому знакомому, умъ и образованіе котораго дѣлали бесѣду съ нимъ столь пріятною—настолько я довѣряла Дидро. «Знаете ли вы, что Рюльеръ—авторъ записки о восшествіи императрицы на престолъ?»—«Нѣтъ, не знала; но тѣмъ болѣе желала бы его видѣть».—«Я сообщу вамъ все, что вы могли бы узнать изъ записки. Вы представлены въ ней наилучшимъ образомъ: вмѣстѣ со всѣми мужскими качествами и доблестями, онъ приписалъ вамъ и всѣ женскія достоинства; но императрица представлена не такъ, и она, чрезъ посредство генерала Бецкаго и своего повѣреннаго въ дѣлахъ, предлагала ему

деньги, намѣреваясь купить рукопись. Переговоры велись такъ не ловко, что Рюльеръ, прежде всего, снялъ три копіи съ своей записки и отдалъ ихъ на храненіе: одну—въ канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ, другую—г-жѣ Граммонъ, третью—архіепископу парижскому. Послѣ этого неуспѣха, ея величество почтила меня порученіемъ вести переговоры съ Рюльеромъ, и я достигъ того, что эти записки будутъ напечатаны лишь по смерти императрицы и автора. Король польскій представленъ въ запискахъ тоже съ очень дурной стороны. Вы чувствуете теперь, что, принимая у себя Рюльера, вы даете санкцію такому произведенію, которое безпокоитъ императрицу». Я поблагодарила Дидро за это доказательство дружбы ко мнѣ. Де Ла-Ривьеръ пріѣзжалъ еще два раза, но я его не приняла [1]), и по возвращеніи въ Петербургъ имѣла возможность вполнѣ оцѣнить поведеніе Дидро: лишь полтора года спустя я узнала, что, вскорѣ по моемъ отъѣздѣ изъ Парижа, Дидро написалъ императрицѣ, что, вслѣдствіе моего отказа принять Ла-Ривьера, его произведеніе потеряло ту авторитетность, которую не могли бы сбить десять Вольтеровъ и пятнадцать жалкихъ Дидро. Онъ вовсе не говорилъ мнѣ, что будетъ писать императрицѣ, и такая деликатность, такая горячая преданность своимъ друзьямъ, въ число которыхъ онъ включалъ и меня, дѣлаютъ память о немъ навѣки для меня дорогою

«Я восхищаюсь всѣмъ въ Дидро, даже его горячностью въ дѣлахъ и чувствахъ. Его искренность, его вѣрная преданность друзьямъ, его умъ проницательный и глубокій, вниманіе и уваженіе, которыя онъ мнѣ всегда оказывалъ, навѣки привязали меня къ нему. Я оплакивала его смерть и пока жива, никогда не перестану сожалѣть о немъ. Какъ мало знали эту необыкновенную голову! Добродѣтель и истинность стояли на первомъ планѣ во всѣхъ его дѣйствіяхъ; общее

[1]) *Diderot*, XVII, 492.

благо было его страстью и постоянною цѣлью. Если живость характера вовлекала его иногда въ ошибки, онъ все же оставался искрененъ, увлекаясь и самъ» [1]).

Таковъ, дѣйствительно, былъ Дидро, но таковы же были, вообще говоря, и всѣ философы XVIII вѣка—люди искренніе, желавшіе ближнимъ добра, обладавшіе здоровымъ умомъ, свѣтлымъ взглядомъ. Въ этомъ заключалась ихъ сила, приковавшая къ ихъ энциклопедическому знамени моральную побѣду. Никто не можетъ отрицать, что энциклопедисты иногда ошибались, но, въ то же время, всякій долженъ признать, что они часто были правы. Не только истинное, но и доброе было ихъ цѣлью. Но у Дидро была, сверхъ того, еще одна особенность, вѣрно подмѣченная кн. Дашковою: во все, что онъ писалъ или дѣлалъ, что его интересовало или привлекало, онъ вносилъ страстную, увлекательную энергію, направленную къ проложенію новыхъ путей для осуществленія новыхъ идей, которыя должны были принести пользу человѣчеству, измѣняя его вѣрованія, убѣжденія, понятія. Даже Екатерина II, которую никакъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ энергіи, удивлялась и завидовала ему въ этомъ отношеніи [2]). Этимъ качествомъ характера Дидро, еще болѣе чѣмъ признательностью за денежную помощь, объясняется его страстное отношеніе ко всему, что касается Россіи и особенно Екатерины. До какихъ мелочей доходило въ этомъ случаѣ его вниманіе, видно изъ переписки Дидро съ актрисою Жодэнъ. «Русская императрица—пишетъ онъ ей въ концѣ

[1]) Архивъ князя Воронцова, XXI, 137, 140—141, 139. Въ XXI томѣ архива помѣщены «Mémoires de la princesse Dashkaw», по рукописи, просмотрѣнной и исправленной авторомъ; въ приложеніи собраны письма и документы, касающіеся «Записокъ» и лично княгини. Это, по счету, второе изданіе «Записокъ»; первое напечатано въ 9 томѣ «Bibliothèque russe et polonaise». Ранѣе оригинала вышли три перевода: на англійскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Изслѣдованіе подлинности «Записокъ» помѣщено въ Русскомъ Архивѣ, 1880, III, 150, въ статьѣ г. Шугурова «Миссъ Вильмотъ и княгиня Дашкова».

[2]) Сборникъ, XIII, 377, 430. *Voltaire*, LXXVIII, 282.

1767 г.—поручила здѣсь одному лицу, нѣкоему Дмитревскому, составить французскую труппу. Хватитъ ли у васъ храбрости поѣхать въ Петербургъ и поступить на службу къ удивительнѣйшей женщинѣ въ мірѣ? Жду отвѣта» [1]). И въ началѣ 1768 года: «Вотъ условія, которыя вамъ предлагаютъ за службу въ труппѣ при петербургскомъ дворѣ: жалованья 1.600 рублей, что на французскія деньги составитъ 8.000 франковъ; на проѣздъ 1.000 пистолей, столько же на обратный путь. Необходимо имѣть французское, римское и греческое одѣяніе; костюмы же экстраординарные выдаются изъ придворнаго склада. Ангажементъ на пять лѣтъ. Театральная карета только для императорской службы. Награды иногда весьма значительны, но ихъ, какъ и вездѣ, слѣдуетъ заслужить» [2]).

Уже изъ этихъ краткихъ выписокъ видно, что мы имѣемъ дѣло съ театраломъ. Дидро любилъ театръ и много потрудился для сцены. Кромѣ двухъ большихъ комедій—не имѣвшей успѣха на сценѣ комедіи «Le fils naturel», и не сходившей съ афишъ комедіи «Père de famille»—Дидро написалъ драму «Le joueur», четырехактную комедію «Est-il bon? Est il méchant?», одноактную трагедію «Les pères malheureux», и восемь драматическихъ набросковъ, плановъ для предположенныхъ имъ сценическихъ представленій. Комедія «Père de famille» произвела переворотъ въ драматическомъ искусствѣ. По поводу ея, Вольтеръ, авторъ «Танкреда», охотно уступалъ Дидро, какъ драматургу, первое мѣсто [3]) и Лессингъ призналъ, что «безъ уроковъ Дидро» его сценическій вкусъ принялъ бы иное направленіе [4]). Но Дидро стяжалъ себѣ имя въ сценическомъ искусствѣ не драматическими произведеніями, а своими статьями: «De la poésie dramatique», переведенною Лессингомъ на нѣмецкій языкъ, и «Paradoxe

[1]) *Diderot*, XIX, 395. [2]) Id., XIX, 398.
[3]) Je vous cède la place de tout mon cœur. *Voltaire*, XCVI, 182.
[4]) *Diderot*, VII, 23.

sur le comedien», въ которыхъ онъ коснулся теоріи драматическаго искусства и въ которыхъ, какъ во всемъ, чего касался [1]), высказалъ много новыхъ мыслей и здравыхъ сужденій, ставшихъ руководствомъ для драматурговъ и актеровъ. Екатерина высоко ставила Дидро, какъ драматическаго писателя. Глѣбовъ [2]) перевелъ комедію «Père de famille» на русскій языкъ [3]), и, за недѣлю до пріѣзда Дидро въ Петербургъ, Екатерина писала Вольтеру, что комедія эта съ успѣхомъ была представлена на придворной сценѣ [4]). Дидро же Екатерина просила написать нѣсколько небольшихъ пьесъ для дѣтскаго театра [5]), вѣроятно, для исполненія воспитанницами Смольнаго института.

Въ 1772 году вышелъ послѣдній, 27-й, томъ «Энциклопедіи», и уже весною 1773 года Дидро выѣхалъ изъ Парижа, направляясь въ Петербургъ, на поклонъ къ русской императрицѣ. Онъ возвратился изъ Россіи въ Парижъ, въ свою семью, только осенью 1774 года, возвратился больной, усталый, съ мыслью о смерти, не очень, впрочемъ, скорой. «Я возвращаюсь—писалъ онъ отъ 3-го сентября 1774 г. [6])—къ своему домашнему очагу, котораго никогда ужъ болѣе не покину.

[1]) По поводу небольшой статьи Дидро «Essai sur la peinture», Гёте написалъ вдвое больший разборъ «Diderots Versuch über die Malerei», причемъ перевелъ и самую статью, находя сужденія Дидро важными даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ имъ противорѣчитъ. *Göthe*, XXV, S. 267. «Статья Дидро—говоритъ Гёте въ письмѣ къ Шиллеру, отъ 17-го декабря 1796 г.—есть великолѣпное произведеніе; она еще болѣе поучительна для поэта, чѣмъ для живописца, хотя и для живописца она служитъ могущественнымъ источникомъ свѣта». *Diderot*, X, 459; *Морлей*, 305.

[2]) Сергѣй Ивановичъ Глѣбовъ (1736—1786), «артиллеріи подполковникъ, писалъ стихи, которые и напечатаны въ разныхъ мѣстахъ, но болѣе извѣстенъ по своимъ переводамъ, изъ коихъ исторіи великихъ мужей, выбранныхъ изъ Плутарха, сдѣлаютъ ему честь, если всѣ будутъ изданы. Есть и другіе его изрядные переводы». *Новиковъ*, Опытъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ.

[3]) *Diderot*, XVIII, 287. [4]) Сборникъ, XIII, 359.

[5]) Государственный Архивъ, V, № 159, л. 2-й. Сборникъ, XXXIII, 519.

[6]) *Diderot*, XIX, 351.

до конца жизни; время, измѣрявшееся годами, прошло; настало время, которое слѣдуетъ измѣрять днями: чѣмъ ограниченнѣе доходъ, тѣмъ съ бо́льшимъ благоразуміемъ слѣдуетъ его расходовать. Въ моемъ распоряженіи, можетъ быть, десятокъ лѣтъ впереди. Изъ этихъ десяти лѣтъ, два или три года уйдутъ на флюсы, ревматизмы и другія явленія этой докучливой семьи; постараемся же провести остальныя семь лѣтъ въ спокойствіи и въ тихомъ счастіи, доступномъ для человѣка, которому уже за шестьдесятъ лѣтъ». Это предсказаніе сбылось почти буквально: ровно черезъ десять лѣтъ 20-го (31) іюля 1784 года, Дидро умеръ.

Съ начала 1783 г. Дидро началъ уже сильно хворать. «Болѣзнь Дидро очень меня безпокоитъ» [1]), пишетъ Екатерина еще въ апрѣлѣ и въ теченіе всего года интересуется состояніемъ его здоровья [2]), всегда высказывая къ нему большое вниманіе. Съ весны 1784 года, Дидро, совершенно больной [3]), не могъ уже посѣщать пятничные обѣды «французскаго Фидія», скульптора Пигалля [4]), на которые собирались всѣ знаменитости вѣка—ученые, литераторы, художники, артисты. «Чтобъ хорошо знать и умѣть цѣнить Дидро, нужно видѣть его у Пигалля. Здѣсь Дидро являлся совсѣмъ нараспашку—любезнымъ, простымъ, добрымъ. Среди литературныхъ споровъ и философическихъ дебатовъ, онъ завязывалъ бесѣды съ артистами объ искусствѣ и его живая рѣчь всегда была полна интереса» [5]). На послѣднемъ пятничномъ обѣдѣ, больной Дидро все заводилъ рѣчь о смерти; одну изъ этихъ

[1]) Сборникъ, XXIII, 278. [2]) Id., 290, 303 sqq.

[3]) Crachant le sang et travaillé de l'asthme. *Diderot*, XX, 139. 19-го февраля 1784 г. случился первый «violent crachement de sang», послѣ котораго онъ сказалъ дочери: «Voilà qui est fini—il faut nous separer». *Diderot*, I, LV.

[4]) J. B. Pigalle (1714—1785), le Phidias des temps modernes, скульпторъ, пользовавшійся всесильнымъ тогда покровительствомъ г-жи Помпадуръ. Онъ изваялъ, между прочимъ, бюсты Дидро (*Diderot*, XX, III) и Вольтера, свидѣтельствующіе, что онъ далеко не былъ Фидіемъ. Онъ умеръ канцлеромъ академіи изящныхъ искусствъ.

[5]) *Diderot*, XX, 138.

рѣчей сохранилъ намъ другъ и ученикъ Руссо, д'Ешерни [1]): «Я былъ рожденъ,—говорилъ намъ Дидро совершенно хладнокровно,—чтобъ прожить лѣтъ сто. Иные говорятъ, будто я злоупотреблялъ моимъ здоровьемъ; я же скажу, что я имъ только пользовался. Я смотрю на прошлое безъ всякаго огорченія. Мнѣ не о чемъ сожалѣть—я больше жилъ въ пятьдесятъ лѣтъ, чѣмъ другіе во сто. Я не стѣснялъ себя, не лишалъ себя удовольствій, жилъ полною жизнью. Никогда, однако, не пользовался я жизнью въ такой мѣрѣ, какъ во время оргій, которыя мы устраивали у Ландэ [2]), гдѣ я съ избыткомъ наслаждался всѣми удовольствіями, чувственными и умственными, во время оживленной бесѣды съ двумя-тремя пріятелями, въ сообществѣ изысканныхъ винъ и красивыхъ женщинъ. Возвращаясь поздно домой, полупьяный, я работалъ всю ночь на пролетъ и работалъ легко, съ увлеченіемъ. Въ одну изъ такихъ оргій, Монморэнъ [3]) сказалъ мнѣ: «Conviens Diderot, que tu n'es un impie que parce que tu es un libertin».—«Croyez-vous donc que je le sois à propos de bottes»?

Такимъ Дидро и умеръ. Священникъ мѣстнаго прихода, узнавъ о болѣзни Дидро, навѣстилъ его. «Мой отецъ—разсказываетъ г-жа Вандэль въ своихъ мемуарахъ—принялъ его ласково, много говорилъ съ нимъ о дѣланіи добрыхъ дѣлъ, о помощи неимущимъ прихожанамъ. Священникъ навѣщалъ его два-три раза въ недѣлю, но разговоръ былъ всегда общаго характера, такъ что и вопросы теологическіе обсуждались съ общей точки зрѣнія, какъ свойственно свѣтскимъ людямъ (comme il convient aux gens du monde). Мой отецъ

---

[1]) *D'Escherny*, Mélanges de littérature, d'histoire etc., III. *Diderot*, XX, 136—140.

[2]) Содержатель лучшаго въ то время ресторана въ Парижѣ.

[3]) Armand comte de Montmorin былъ сперва воспитателемъ дофина, будущаго короля Людовика XVI, потомъ французскимъ посланникомъ въ Мадридѣ, членомъ собранія нотаблей въ 1787 г., министромъ иностранныхъ дѣлъ въ 1790 г., министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1791 г.; въ 1792 году онъ казненъ по приговору Національнаго Собранія.

*

не напрашивался на теологическія бесѣды, но и не избѣгалъ ихъ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, когда оба они были вполнѣ согласны по многимъ вопросамъ морали, священникъ рискнулъ намекнуть отцу, что еслибъ онъ напечаталъ хотя бы маленькое отреченіе (une petite rétractation) отъ своихъ произведеній, то это произвело бы очень недурное впечатлѣніе. «Охотно вѣрю вамъ, батюшка: но, согласитесь, что это была бы съ моей стороны безстыдная ложь», отвѣчалъ ему отецъ мой». Священникъ такъ и не добился своего «маленькаго отреченія» и очень обрадовался, узнавъ о переѣздѣ Дидро въ другой приходъ. Переѣздъ на другую квартиру совершился только благодаря вниманію Екатерины. «Мой отецъ—говоритъ дочь Дидро—уже тридцать лѣтъ жилъ въ 4-мъ этажѣ; его библіотека была въ 5-мъ. Врачъ настаивалъ, что отецъ умретъ, поднимаясь такую вышь, и, по ходатайству Гримма, императрица Екатерина наняла для отца великолѣпную квартиру въ улицѣ Ришелье. Отецъ прожилъ въ ней только 12 дней. Его тѣло съ каждымъ днемъ замѣтно слабѣло, но голова была свѣжа, и онъ сознавалъ близкій конецъ. Наканунѣ смерти, онъ сказалъ работникамъ, устанавливавшимъ для него новую кровать: «Друзья, вы слишкомъ ужъ хлопочете о мебели, которая не прослужитъ и четырехъ дней». Вечеромъ, его навѣстили друзья; какъ всегда, разговоръ зашелъ о философіи, причемъ послѣднія его слова были: «Le premier pas vers la philosophie, c'est l'incrédulité».

Дидро умеръ въ приходѣ церкви св. Рокка. Мѣстный священникъ въ виду «ученія, распространеннаго въ его произведеніяхъ, и пріобрѣтенной философомъ извѣстности», отказался хоронить его, но въ виду 1.800 ливровъ, врученныхъ ему зятемъ Дидро, похоронилъ его торжественнѣе, чѣмъ даже желали родные. «J'ai été très édifiée — пишетъ Екатерина Гримму—de la conduite du curé de S-t Roch au sujet de l'enterrement de Diderot». Въ протоколахъ церкви св. Рокка значится:

„1784 года, августа 1-го дня, въ сей церкви погребенъ Денисъ Дидро, 71 года, членъ берлинской, стокгольмской и санктпетербургской академіи наукъ, библіотекарь Ея Императорскаго Величества Екатерины Второй, императрицы Россіи, умершій вчера, іюля въ 31 день".

III.

Дидро въ гостяхъ у Екатерины.

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ.
Грибоѣдовъ.

Никогда еще императрица Екатерина II не переживала столь разнообразныхъ впечатлѣній, какъ осенью 1773 года. Между тѣмъ, какъ фельдмаршалъ графъ Румянцевъ съ огромными потерями долженъ былъ отступить отъ предѣловъ Турціи, гдѣ, подъ Силистріей, едва не погубилъ и русское войско, и свою славу побѣдителя при Ларгѣ и Кагулѣ, а близъ Яика, на уметѣ Ереминой Курицы, появились уже царскіе знаки на Григоріѣ Пугачевѣ; между тѣмъ, какъ въ самомъ дворцѣ шла ожесточенная борьба двухъ враждебныхъ партій, Орлова и Панина, и даже во внутреннихъ покояхъ императрицы виднѣлась по временамъ угрюмость на лицѣ Васильчикова—въ Петербургѣ готовились всевозможныя празднества по случаю бракосочетанія великаго князя Павла Петровича. Въ это именно время, въ концѣ сентября 1773 года, пріѣхалъ въ Петербургъ Дидро.

Во всю свою жизнь Дидро только одинъ разъ выѣзжалъ за предѣлы Франціи — для поѣздки въ Петербургъ. Онъ не любилъ путешествовать [1]); жизнь привязывала его къ дому. Вѣчно занятый въ своемъ кабинетѣ, среди книгъ, корректуръ и рукописей, доставлявшихъ ему средства къ жизни, Дидро

[1]) *Diderot*, III, 417.

привыкъ къ извѣстной обстановкѣ, не терпѣвшей никакихъ перемѣнъ. Для путешествій же, требовавшихъ въ то время значительныхъ издержекъ, у него не было и матеріальныхъ средствъ. У него не было средствъ даже на поѣздку въ Ферней, къ Вольтеру, который только одного Дидро удостоивалъ называть «illustre philosophe» [1]) и къ которому ѣздили всѣ, кто только могъ. Отъ поѣздки въ Петербургъ Дидро долго отказывался. Еще въ 1767 г. Екатерина выражала желаніе видѣть Дидро въ Петербургѣ: «Я желала бы видѣть его здѣсь и для того, чтобы отвратить отъ него преслѣдованія въ будущемъ, которыхъ я за него опасаюсь, и потому что охотно желаешь видѣть достойныхъ людей. Не могу рѣшить, какое дать ему назначеніе: прежде всего потому, что не желала бы стѣснять его собственный выборъ, и потомъ желала бы ближе ознакомиться съ нимъ прежде, чѣмъ предложить ему что-либо; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что еслибъ онъ пріѣхалъ и еслибъ я послѣдовала своему влеченію, я оставила бы его при себѣ, для моего наставленія» [2]). Въ письмѣ къ Екатеринѣ Дидро отклонилъ это приглашеніе, отговариваясь «сердечными своими привязанностями въ Парижѣ» [3]). Только шесть лѣтъ спустя, вполнѣ окончивъ изданіе «Энциклопедіи», Дидро рѣшился ѣхать въ Петербургъ.

Дидро выѣхалъ изъ Парижа 21-го мая [4]). Онъ направился, прежде всего, въ Гагу, къ своему другу, князю Голицыну, гдѣ прожилъ около трехъ мѣсяцевъ. Въ письмѣ къ дѣвицѣ Воланъ, отъ 13-го августа, Дидро сообщаетъ ей, что «чрезъ четыре дня отправляется въ Петербургъ», въ сопровожденіи Нарышкина [5]). «Камергеръ ея императорскаго величества

---

[1]) *Voltaire*, LXXXVIII, 90. [2]) Сборникъ, XVII, 3.

[3]) Id., XIII, 10; XVII, 253. [4]) Id., XVII, 191.

[5]) Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ (1710—1775), сынъ перваго петербургскаго коменданта; Кирилла Алексѣевича. Будучи камергеромъ, при императрицѣ Аннѣ удалился за границу и проживалъ въ Парижѣ подъ фамиліей Тенкина; въ царствованіе Елизаветы Петровны былъ русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, въ 1741—1742 гг.; назначенъ гофмаршаломъ къ великому князю

г. Нарышкинъ беретъ меня въ свою карету и будетъ сопровождать меня до Петербурга. Мы поѣдемъ тихо, удобно, небольшими переѣздами, останавливаясь, гдѣ только намъ заблагоразсудится, для отдыха или ради любопытства. Г. Нарышкинъ очень милый господинъ, который дружески сошелся со мною еще въ Парижѣ» [1]). Дидро ѣхалъ такъ тихо, что въ Петербургѣ теряли уже всякую надежду увидѣть его когда-нибудь; императрица безпрестанно [2]) спрашивала у его друга, Фальконэ, извѣстій о его путешествіи. «Ваше величество говорите мнѣ,—пишетъ Фальконэ императрицѣ,—что не слышите болѣе ничего о путешествіи Дидро; я тоже ничего объ этомъ не слышу, и съ нѣкотораго времени замѣчаю, что не долженъ болѣе вѣрить этому путешествію. Онъ уже не пишетъ въ Гагу, не пишетъ мнѣ; ломая себѣ голову, я пришелъ къ заключенію, что всѣ эти розсказни не болѣе, какъ химеры, ни поводы, ни причины которыхъ мнѣ неизвѣстны, но все-таки это однѣ сказки или же я сильно ошибаюсь» [3]). Между тѣмъ, путешествіе Дидро замедлилось и вслѣдствіе его болѣзни. Во время переѣзда изъ Гаги въ Петербургъ Дидро прихворнулъ два раза—въ Дуисбургѣ [4]) и въ Нарвѣ, оба раза разстройствомъ желудка [5]). Узнавъ о болѣзни Дидро, въ Петербургѣ рѣшили, что онъ, упустивъ благопріятное для путешествія время, вовсе уже не пріѣдетъ; императрица очень безпокоилась о дуисбургскомъ больномъ [6]); нѣкоторые полагали, что онъ умеръ въ Дуисбургѣ [7]). Всѣ эти предположенія вскорѣ

Петру Ѳедоровичу; при Екатеринѣ—оберъ-егермейстеръ, генералъ-аншефъ, дѣйствительный камергеръ. Извѣстный щеголь, представитель роскошнаго барства прошлаго вѣка и изобрѣтатель роговой музыки. Русскій Архивъ, 1871; 1504; Сборникъ, XVII, 268; Архивъ кн. Воронцова, II, 565—576.

[1]) *Diderot*, XIX, 344.

[2]) Сборникъ, XVII, 190, 191, 195, 283; XIII, 358. [3]) Ibid., XVII, 190.

[4]) Duisbourg, близъ Дюссельдорфа, на Рейнѣ. Это очень древній городъ, въ которомъ, при проѣздѣ Дидро, былъ еще университетъ. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ сочиненій Дидро печатается *Dresbourg*—очевидно, опечатка (*Diderot*, XX, 58). [5]) *Diderot*, XX, 58: l'inflammation des entrailles.

[6]) Сборникъ, X, 358; XVII, 283. [7]) Id., XVII, 283.

прекратились: 28-го сентября [1]) Дидро пріѣхалъ въ Петербургъ.

Первые часы пребыванія Дидро въ Петербургѣ сопровождались большими для него непріятностями. Онъ въѣхалъ въ городъ больной, усталый съ дороги, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ не зналъ гдѣ найти пристанище. «Нарышкинъ [2]) предложилъ моему отцу — разсказываетъ г-жа Вандэль — остановиться въ его домѣ; но отецъ, полагая, что этимъ онъ оскорбилъ бы своего друга, рѣшился остановиться у Фальконэ. Онъ, дѣйствительно, подъѣхалъ къ дому, занимаемому скульпторомъ Фальконэ, и его, еще больного отъ воды и усталаго съ дороги, Фальконэ принялъ довольно холодно и объявилъ, что не можетъ помѣстить его въ своей квартирѣ, такъ какъ къ нему пріѣхалъ недавно сынъ [3]), который и занялъ постель, предназначавшуюся для Дидро. Мой отецъ, не рѣшавшійся остановиться въ гостиницѣ, такъ какъ онъ не зналъ еще ни нравовъ, ни обычаевъ страны, тотчасъ написалъ Нарышкину записочку, прося дать ему пристанище, если это не очень стѣснитъ его. Нарышкинъ тотчасъ же прислалъ за моимъ отцомъ карету и оставилъ его въ своемъ домѣ до самаго отъѣзда отца изъ Петербурга. Письмо, написанное отцомъ къ моей матери о пріемѣ, оказанномъ ему Фальконэ, нельзя читать безъ содроганія» [4]).

---

[1]) «La veille du mariage» (изъ неизданнаго письма Гримма къ гр. Нессельроду, отъ 2-го ноября 1773 г.). Бракосочетаніе же в. к. Павла Петровича съ в. к. Натальей Алексѣевной совершено 29-го сентября 1773 г. *Д. Кобеко*, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, стр. 93. Пользуемся случаемъ выразить благодарность секретарю русскаго историческаго общества Г. Ѳ. Штендману, предоставившему въ наше распоряженіе 22 неизданныя письма барона Гримма, изъ Петербурга, къ графу Нессельроде, въ Потсдамъ. Отрывки изъ 13-ти писемъ были напечатаны въ 76-мъ примѣчаніи къ XVII т. Сборника, посвященному перепискѣ Екатерины II съ скульпторомъ Фальконэ.

[2]) Le prince. Г-жа Вандэль постоянно называетъ Нарышкина *княземъ*; Дидро въ своей перепискѣ никогда не дѣлаетъ такой ошибки.

[3]) Сборникъ, XVII, 295.

[4]) Время избавило насъ отъ чтенія этого «раздирающаго сердце» письма (la lettre dechirante)—оно не сохранилось; но и безъ него не трудно видѣть,

Зачѣмъ Дидро пріѣхалъ въ Петербургъ?

Единственно и исключительно, чтобъ «лично поблагодарить» Екатерину [1]) за ея щедрыя къ нему милости—за покупку библіотеки, за назначеніе библіотекаремъ, за уплату жалованья на пятьдесятъ лѣтъ впередъ, за выраженную готовность принять подъ свое покровительство печатаніе «Энциклопедіи». «Къ этому путешествію меня обязывало чувство признательности» [2]), говорилъ Дидро. Такъ понимали это и его друзья: «путешествіе Дидро въ Петербургъ—исполненіе долга, обязательнаго для него по многимъ соображеніямъ и сознаннаго его сердцемъ» [3]). Никакой иной, особенно же корыстной цѣли, Дидро не имѣлъ и уже въ то время не могъ имѣть, будучи человѣкомъ до извѣстной степени обезпеченнымъ. Еще много лѣтъ предъ тѣмъ онъ отказался отъ поѣздки въ Петербургъ, когда такая поѣздка представляла большія матеріальныя выгоды, и отказался не разъ: въ 1762 г., когда императрица приглашала его въ Петербургъ для окончанія «Энциклопедіи», и въ 1767 г., когда она предполагала назначить его состоять при своей особѣ въ качествѣ совѣтника [4]). Но и въ Парижѣ, и въ Петербургѣ, и въ Берлинѣ, реакціонеры и суевѣры, враждебно настроенные противъ всей философской партіи, стали распускать различные слухи, выставлявшіе Дидро въ неблаговидномъ свѣтѣ, глумиться надъ «безкорыстіемъ» его поѣздки, клеветать по поводу ея цѣлей. Въ этомъ отношеніи особенно отличался книгопродавческій кружокъ въ Парижѣ, откуда распространялись наиболѣе нелѣпыя и даже оскорбительныя обвиненія, находившія сочувственный откликъ не только въ Берлинѣ, но даже въ Петербургѣ, какъ среди иностранныхъ дипломатовъ, опасавшихся

что въ происшедшей размолвкѣ виноватъ Фальконэ. Изъ сохранившихся писемъ Фальконэ къ Екатеринѣ видно уже, что дочь Дидро вѣрно поняла его характеръ (*Diderot*, I, LII).

[1]) Remercier en personne Sa Majesté Impériale. *Diderot*, I, LI.

[2]) *Diderot*, XIX, 344, 347, sqq.

[3]) Сборникъ, XVII, 195. [4]) Id., XVII, 4.

значенія, пріобрѣтеннаго имъ во мнѣніи императрицы, такъ и среди членовъ французской колоніи. «Большинство французовъ, проживающихъ въ Петербургѣ,—пишетъ Дидро,—ненавидятъ другъ друга, грызутся, за что всѣ ихъ презираютъ, а они порочатъ всю націю. Это просто сволочь, какую можно только себѣ представить» [1]). Эту же особенность подмѣтилъ, нѣсколько лѣтъ позже, и папскій нунцій при дворѣ Екатерины, Аркетти, среди католическаго духовенства [2]). «Едва пріѣхалъ я въ Петербургъ,—пишетъ Дидро матери,—какъ негодяи изъ Парижа написали, а негодяи въ Петербургѣ повторяли, будто я, подъ предлогомъ благодарить императрицу за оказанныя ею мнѣ благодѣянія, пріѣхалъ вымаливать новыя милости. Это взбѣсило меня и я сказалъ себѣ: нужно зажать ротъ этой сволочи». [3]). Своимъ поведеніемъ въ Петербургѣ Дидро доказалъ, что главный и единственный мотивъ его поѣздки въ Петербургъ былъ тотъ, который указанъ имъ самимъ въ письмахъ къ близкимъ ему людямъ и категорически повторенъ его дочерью уже по его смерти: «лично благодарить ея императорское величество».

Петербургъ, какъ городъ, не произвелъ на Дидро никакого впечатлѣнія: ни въ письмахъ, ни въ замѣткахъ онъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о городѣ. Очевидно, послѣ Парижа и Гаги, Петербургъ не представлялъ для Дидро ничего особенно бросающагося въ глаза, заслуживающаго похвалы или порицанія. Альфіери, посѣтившій Петербургъ за три года до Дидро, пришелъ въ ужасъ отъ этого «азіатскаго лагеря, обстроеннаго вытянутыми въ рядъ лачужками», отъ русскихъ — «варваровъ, замаскированныхъ европейцами»; онъ пришелъ въ такое негодованіе отъ Петербурга, что даже отказался отъ намѣренія ѣхать въ Москву [4]). Папскій нун-

---

[1]) *Diderot*, XX, 58.

[2]) Sacerdotes ipsi mutuo sibi obtrectare, jamque eorum odia erumpere et in vulgus emanere. *Archetti*, p. 113.

[3]) Госуд. Архивъ, XI, № 1051. *Diderot*, XX, 53.

[4]) *Barrière*, XXVI, 119. *Вяземскій*, V, 207.

цій. Арксттн, напротивъ, пришелъ въ восторгъ отъ русской столицы: «Петербургъ—одинъ изъ наиболѣе красивыхъ, цвѣтущихъ и важныхъ городовъ Европы; его называютъ вторымъ Римомъ, выстроеннымъ въ сѣверной странѣ. И это справедливо, такъ какъ Петербургъ есть стольный градъ наиболѣе славной въ наше время имперіи» [1]). Кажется, Дидро, вовсе умолчавшій о городѣ Петербургѣ. поступилъ благоразумнѣе и итальянскаго поэта, и папскаго нунція.

На другой же день по пріѣздѣ въ Петербургъ, Дидро былъ разбуженъ колокольнымъ звономъ и пушечной пальбой, возвѣщавшей о бракосочетаніи великаго князя Павла Петровича съ гессенъ-дармштадтскою принцессою Вильгельминою, нареченною Наталіей Алексѣевной. Изъ Нарышкинскаго дома на Исаакіевской площади онъ могъ видѣть торжественную процессію, прослѣдовавшую изъ дворца по перспективѣ въ Казанскій соборъ; среди войскъ, разставленныхъ шпалерами, онъ могъ видѣть блестящій отрядъ конной гвардіи, рядъ придворныхъ каретъ съ высшими чинами имперіи, золотую карету императрицы, запряженную восемью конями, цугомъ, и конвоируемую кавалергардами; онъ слышалъ пушечную пальбу и церковный перезвонъ, не умолкавшіе весь день—но на все это Дидро, какъ и подобало философу, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, къ крайнему огорченію льстиваго Гримма [2]).

Двѣ недѣли, съ 29-го сентября по 12-е октября, длились празднества по случаю бракосочетанія. Народныя гулянья, придворные маскарады, парадные спектакли, балы, фейерверки и обѣды слѣдовали одни за другими; все было настроено на торжественный ладъ, все приняло праздничный видъ, среди котораго невольно обращала на себя вниманіе появлявшаяся

---

[1]) Petropolis jam ab omnibus pulcherrimas inter et florentissimas potentissimasque Europae urbes numeratur; nec insulse eam quidam appellavit Romam alteram sub septemtrionibus conditam. Ea vero uti sedes est clarissimi nostra memoria imperii. *Archetti*, p. 154.

[2]) Письмо Гримма къ Нессельроде, отъ 2-го ноября 1773 года, изданное нами. *Бильбасовъ*, Дидро въ Петербургѣ, Спб. 1884, стр. 158.

иногда во дворцѣ, чаще во внутреннихъ покояхъ императрицы, фигура шестидесятилѣтняго старика, въ черномъ костюмѣ. «Онъ никогда даже и не думалъ о томъ,—пишетъ дочь Дидро про своего отца,—что во дворецъ нельзя являться въ томъ же костюмѣ, въ которомъ ходятъ въ чуланъ, и отправлялся къ императрицѣ весь въ черномъ [1]). Императрица презентовала ему цвѣтной костюмъ» [2]). И эта-то «фигура въ черномъ» заняла во дворцѣ подобающее ей мѣсто еще во время торжествъ, въ первыя же двѣ недѣли своего пребыванія въ Петербургѣ. 15-го октября, отъѣздомъ ландграфини гессенъ-дармштадтской, матери великой княгини, окончились свадебныя торжества, а еще наканунѣ, 14-го октября, генералъ-квартирмейстеръ Ф. В. Бауеръ писалъ графу Нессельроду въ Потсдамъ: «Дидро здѣсь, и всѣ относятся къ нему съ большимъ вниманіемъ. Жаль только, что здѣсь мало людей, которые могли бы дивиться подобнымъ личностямъ не только вслѣдствіе моды. Они считаютъ себя довольно уже учеными, если могутъ сказать: «Дидро—человѣкъ ученый»; воспользоваться же его пребываніемъ, извлечь пользу изъ знакомства съ нимъ не входитъ въ ихъ планы. за исключеніемъ, конечно, нашей великой женщины» [3]).

О пріемѣ, оказанномъ Екатериною «полномочному посланнику энциклопедической республики» [4]), сохранились извѣстія, единогласно подтверждающія отзывъ генерала Бауера. Въ офиціальной депешѣ французскаго посланника Дюрана къ своему правительству, отъ 27-го октября (6-го ноября) 1773 г., еще не изданной, говорится: «Императрица находитъ особенное удовольствіе въ бесѣдѣ съ Дидро. Она назначила часъ, въ который желала бы, чтобъ онъ являлся—послѣ обѣда

[1]) Дидро всегда и вездѣ носилъ только черный костюмъ. Когда графъ де-Брольи, желая уколоть Дидро за его руссофильство, спросилъ, не по русскимъ ли онъ носитъ трауръ, Дидро отвѣчалъ: «Si j'avais à porter le deuil d'une nation, monsieur le comte, je n'irais pas la chercher si loin». *Diderot*, I, LIII.

[2]) *Diderot*, I, LIII. [3]) Сборникъ, XVII, 282. [4]) *Вяземскій*, V, 10.

ея величества. Бесѣды происходятъ безъ свидѣтелей и часто очень продолжительны» [1]). Вотъ что писалъ по этому поводу Дидро княгинѣ Дашковой въ Москву: «Да, я, дѣйствительно, въ Петербургѣ. Я имѣю счастіе бесѣдовать съ императрицею такъ часто, какъ я только могъ того желать, чаще, быть можетъ, чѣмъ я смѣлъ надѣяться. Я нашелъ императрицу такою, какою вы обрисовали мнѣ ее въ Парижѣ: это душа Брута съ чарами Клеопатры. Если она, какъ государыня, велика на тронѣ, ея прелести, какъ женщины, способны вскружить голову тысячамъ смертныхъ. Никто лучше ея не владѣетъ искусствомъ располагать въ свою пользу. Вы, конечно, не забыли, съ какою свободою вы позволяли мнѣ говорить съ вами въ Парижѣ, rue de Grenelle; ну, я пользуюсь такою же свободою во дворцѣ ея императорскаго величества. Мнѣ разрѣшено говорить все, что только придетъ въ голову» [2]). Уже покинувъ Петербургъ, Дидро, въ письмѣ къ дѣвицѣ Воланъ, въ Парижъ, такъ вспоминаетъ о пріемѣ его императрицею: «Со мною обходились, какъ съ представителемъ честныхъ и способныхъ людей моей земли. Отправляясь въ Петербургъ, я говорилъ себѣ: ты будешь представленъ императрицѣ, ты поблагодаришь ее; мѣсяцъ спустя, она, можетъ быть, пожелаетъ тебя видѣть, сдѣлаетъ тебѣ нѣсколько вопросовъ; еще мѣсяцъ спустя, ты пойдешь проститься съ нею, и возвратишься. Не согласитесь ли, друзья, что именно такъ все случилось бы при всякомъ другомъ дворѣ, кромѣ петербургскаго? Здѣсь, напротивъ, двери кабинета государыни открыты для меня во всѣ дни [3]), съ трехъ часовъ пополудни

---

[1]) L'Impératrice prend un plaisir tout particulier à s'entretenir avec Diderot. Elle lui a assigné l'heure de la journée à laquelle Elle désirait qu'il se presentât, c'est après le diner de S. M. Imp. La conversation se passe sans temoins et souvent elle est très longue. M. Durand au duc d'Aiguillon, 6 novembre 1773 (Изъ архива французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ).

[2]) *Diderot*, XX, 39—40.

[3]) Tous les jours seule à seule. *Diderot*, XX, 57; XIX, 345. Только въ письмѣ къ княгинѣ Дашковой время бесѣдъ опредѣлено иначе: trois heures tous les trois jours. *Diderot*, XX, 40.

до пяти, иногда и до шести часовъ. Я вхожу; меня сажаютъ, и я разговариваю такъ же свободно, какъ съ вами. Выходя изъ кабинета императрицы, я долженъ сознаться предъ самимъ собою, что я имѣлъ душу раба въ такъ называемой землѣ свободныхъ людей и что я обрѣлъ въ себѣ душу свободнаго человѣка въ такъ называемой землѣ варваровъ» [1]).

Въ кабинетѣ императрицы, въ бесѣдѣ съ Екатериною. Дидро чувствовалъ себя такъ же свободно, какъ въ Парижѣ. rue de Grenelle, гдѣ останавливалась княгиня Дашкова, или «въ синагогѣ de la rue Royale», т.-е. въ домѣ барона Гольбаха. «Дидро беретъ руку императрицы, трясетъ ее, бьетъ кулакомъ по столу; онъ обходится съ нею совершенно такъ же, какъ съ нами» [2]), пишетъ Гриммъ графу Нессельроду отъ 2-го ноября 1773 года. Эта жестикуляція Дидро, составлявшая его слабость и придававшая вмѣстѣ съ тѣмъ особенную прелесть его бесѣдѣ, забавляла Екатерину, которая справедливо видѣла въ ней признакъ искренности, причемъ, однако, Екатерина приняла мѣры, чтобы оградить себя и свои члены отъ не въ мѣру рѣзкихъ иногда проявленій жестикуляціи. «Вашъ Дидро—пишетъ Екатерина г-жѣ Жофренъ [3])—человѣкъ совсѣмъ необыкновенный: послѣ каждой бесѣды съ нимъ у меня бедра всегда помяты и черны; ужъ я была вынуждена поставить столъ между нимъ и мною, чтобы защитить себя и свои члены отъ его жестикуляціи». Простота обращенія была особенностью Екатерины. Такъ же, какъ съ Дидро, обошлась она и съ Гриммомъ. «Садитесь, и потолкуемъ», сказала императрица Гримму въ первое же свиданіе. «Съ этого дня — пишетъ Гриммъ — государыня часто призывала меня въ свои покои по окончаніи карточной игры. Она сидѣла передъ столомъ за какимъ-нибудь рукодѣльемъ, приказывала мнѣ садиться насупротивъ ея и оставляла меня

---

[1]) *Diderot*, XX, 346. [2]) *Бильбасовъ*, Дидро въ Петербургѣ, стр. 158.

[3]) *Diderot*, XX, 138. Въ письмахъ Екатерины къ г-жѣ Жофренъ, изданныхъ г. Гамбургеромъ (Сборникъ, I, 253—291), этого письма нѣтъ.

часовъ до десяти съ половиною или одиннадцати. Обыкновенно бесѣда наша, съ глазу на глазъ, продолжалась часа два или три, не прерываясь ни минуты» [1]).

Въ бесѣдахъ Екатерины съ Дидро проявилась другая черта, болѣе важная, чѣмъ простота обращенія. Дидро всегда умѣлъ «истину царямъ съ улыбкой говорить»; въ Петербургѣ же это было постановлено непремѣннымъ условіемъ бесѣдъ. Екатерина именно въ этомъ видѣла привлекательность сношеній съ Дидро. Еще задолго до прибытія его въ Петербургъ, она говорила уже, что «ея философъ» всегда «будетъ говорить правду» [2]). Въ письмѣ изъ Петербурга къ княгинѣ Дашковой, жившей тогда въ Москвѣ, Дидро пишетъ: «Могу увѣрить васъ самымъ положительнымъ образомъ, что ложь не входитъ въ кабинетъ ея императорскаго величества, когда тамъ бываетъ философъ» [3]).

Какія же «правды» входили въ кабинетъ ея величества вмѣстѣ съ философомъ? О чемъ Екатерина бесѣдовала съ Дидро? Что интересовало Дидро въ разговорахъ съ Екатериною?

Дидро не оставилъ описанія ни своего путешествія въ Россію, ни своего пребыванія въ Петербургѣ. Только по краткимъ извѣстіямъ, сохраненнымъ современниками, и по намекамъ въ письмахъ и депешахъ можемъ мы воспроизвесть болѣе или менѣе точно рядъ вопросовъ, фактовъ и предметовъ, обсуждавшихся во время бесѣдъ Екатерины съ Дидро. Эти бесѣды интересовали всѣхъ, иныхъ даже очень безпокоили; онѣ были главною причиною непріязни къ Дидро многихъ иностранныхъ дипломатовъ. Объ этихъ бесѣдахъ, какъ Германъ, въ своей «Исторіи русскаго государства», такъ и Розенкранцъ, въ своей біографіи Дидро, упоминаютъ лишь въ общихъ чертахъ; въ Россіи же до настоящаго времени эти бесѣды не подвергались серьезному изслѣдованію. По имѣю-

---

[1]) Сборникъ, II, 329. [2]) Ibid., XVII, 16. [3]) *Diderot*, XX, 41.

щимся въ настоящее время матеріаламъ можно не только опредѣлить довольно точно, о чемъ бесѣдовала Екатерина съ Дидро, но и указать вопросы, которые не были затронуты во время этихъ бесѣдъ.

Въ Берлинѣ смотрѣли очень недружелюбно на поѣздку Дидро въ Петербургъ; симпатіи Екатерины II къ французскимъ философамъ не нравились прусскому двору. Пока эти симпатіи выражались только въ изліяніи щедрыхъ милостей съ одной стороны и печатныхъ восхваленій съ другой, онѣ были еще терпимы, тѣмъ болѣе, что и прусскій дворъ состоялъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ французскими философами; но личныя свиданія, къ тому же съ Дидро, представляли уже извѣстную опасность для взаимныхъ отношеній обоихъ дворовъ, какъ думали, по крайней мѣрѣ, въ Берлинѣ. Тамъ даже распустили было слухъ, будто французское правительство противодѣйствовало поѣздкѣ Дидро въ Петербургъ, между тѣмъ, какъ герцогъ д'Эгильйонъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, прощаясь съ Дидро въ Парижѣ, сказалъ ему, что онъ не только согласенъ, но въ полной мѣрѣ одобряетъ эту поѣздку [1]).

Изъ переписки французскаго посланника при петербургскомъ дворѣ Дюрана съ герцогомъ д'Эгильйономъ, хранящейся во французскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ [2]), видно, что Дидро нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ Екатериною объ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи и Франціи. Уже въ началѣ ноября, черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда Дидро, Екатерина, въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, «изъявляла сожалѣніе, что ей приписываютъ такія чувства ненависти,

---

[1]) M. le duc d'Aiguillon a lui dit à son départ, que non seulement il consentait à ce voyage, mais qu'il l'approuvait très-fort. Изъ письма Гримма къ графу Нессельроду, отъ 1-го марта 1774 г., см. *Бильбасовъ*, Дидро въ Петербургѣ, стр. 177.

[2]) Мы пользовались спискомъ, приготовленнымъ для русскаго историческаго общества, въ Сборникѣ котораго эта переписка будетъ вскорѣ напечатана. Отрывки были помѣщены въ XVII томѣ Сборника, посвященномъ Фальконэ.

въ которыхъ она неповинна». и Дидро, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ Екатерины, полагалъ, что «взгляды императрицы на французскую политику настолько измѣнились, что уже не трудно будетъ придти къ соглашенію» [1]). Въ началѣ декабря, Екатерина, бесѣдуя съ Дидро. «раскаивалась, что отдалась Пруссіи». «Вы не любите прусскаго короля».—сказала она.—«Нѣтъ.—отвѣчалъ Дидро,—не люблю: это великій человѣкъ, но дурной король и дѣлатель фальшивой монеты».—«Я.—замѣтила императрица, смѣясь,—принимала нѣкоторое участіе въ этой поддѣлкѣ монеты» [2]). Въ концѣ декабря, Дидро рѣшился уже прямо изложить Екатеринѣ всю опасность для нея отъ союза съ Пруссіей и всю пользу французскаго союза. «Императрица не только не остановила Дидро, но своими жестами и замѣчаніями какъ бы поощряла его. Она, въ свою очередь, обрисовала Дидро, сказавъ, что въ иныхъ случаяхъ ему сто лѣтъ, а въ другихъ нѣтъ и десяти» [3]). Незадолго до отъѣзда Дидро изъ Петербурга, Екатерина, во время пріема, полушутя-полусерьезно упрекала Гримма, что онъ навязываетъ ей предубѣжденія противъ Франціи, и, обращаясь къ Дидро, сказала: «Можете ли вы указать мнѣ примѣръ, который убѣждалъ бы, что бываютъ люди злые по принципу?» — «Я беру примѣръ, — отвѣчалъ Дидро,—изъ класса людей, наиболѣе выдающихся: я назову во главѣ ихъ прусскаго короля».—«А я васъ на этомъ останавливаю», сказала Екатерина безъ неудовольствія и перемѣнила разговоръ [4]).

Само собою разумѣется, что подобныя бесѣды не могли сохраняться въ тайнѣ; онѣ сильно безпокоили прусскаго посланника графа Сольмса и не нравились графу Лобковичу,

[1]) M. Durand au duc d'Aiguillon, 9 novembre 1773.

[2]) Ibid., 7 décembre 1773.

[3]) Elle a peint Diderot, en disant qu'en certains points il avait cent ans, et qu'en d'autres il n'en avait pas dix. M. Durand au duc d'Aiguillon, 31 décembre 1773.

[4]) M. Durand au duc d'Aiguillon, 15 février 1774.

послу австрійскому. Незадолго до отъѣзда изъ Петербурга, Дидро разсказывалъ Екатеринѣ всѣ подходы, которые дѣлалъ чрезвычайный посланецъ Фридриха II, полковникъ графъ Гёрцъ, уговаривая Дидро посѣтить Берлинъ на обратномъ пути въ Парижъ; хотя изъ упрашиваній Гёрца было очевидно, что онъ дѣйствуетъ по приказу короля, Екатерина много смѣялась, узнавъ, что Дидро отказался отъ приглашенія [1]).

Несомнѣнные слѣды этихъ бесѣдъ о Пруссіи сохранились и въ письмахъ Дидро къ Екатеринѣ. «Не ошибайтесь, государыня, — пишетъ онъ императрицѣ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга [2]), — вы безконечно выше вашего героя. Вы обладаете всѣмъ его геніемъ, а у него нѣтъ вовсе вашей доброты. Потомство, которое будетъ говорить о васъ обоихъ, будетъ удивляться вамъ и восхвалять васъ безъ всякихъ ограниченій; а похвалы ему уже и теперь сопровождаются и ослабляются длиннымъ рядомъ *но*. Еслибъ было извѣстно, въ какомъ мѣстѣ обрѣтается гнѣздо Фридриховъ, всякій добродѣтельный человѣкъ отправился бы туда, чтобъ разбить всѣ яйца, и поспѣшилъ бы развести Екатеринъ». Годъ спустя, Дидро опять касается того же вопроса, но уже съ другой стороны, и «позволяетъ себѣ сказать ея императорскому величеству, что она предубѣждена противъ Франціи» [3]).

Говорить о Пруссіи, говорить съ Екатериною, и именно въ 1773 году, значило говорить о раздѣлѣ Польши. Но въ личной бесѣдѣ нельзя уже выдавать себя за защитницу вѣротерпимости въ Польшѣ, и Екатерина, по свидѣтельству французскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, «упрекала себя, въ бесѣдѣ съ Дидро, за раздѣлъ Польши, предавалась мрачнымъ разсужденіямъ о томъ, что скажетъ о ней

---

[1]) M. Durand au duc d'Aiguillon, 29 janvier 1774.

[2]) Госуд. Архивъ, V, № 159, л. 10. Семь писемъ, изд. въ XXXIII томѣ Сборника.

[3]) Госуд. Архивъ, V, № 159, л. 4.

потомство, и выражала печаль, что Россія во всемъ этомъ дѣлѣ играла роль слуги Пруссіи [1]).

Этими двумя вопросами—союзомъ съ Пруссіею и раздѣломъ Польши — ограничивались тѣ бесѣды Екатерины съ Дидро по вопросамъ внѣшней политики, о которыхъ сохранились несомнѣнныя указанія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что, говоря о внѣшней политикѣ, Дидро рѣзко нападалъ на внѣшнія войны Екатерины. Объ этомъ можно заключить изъ писемъ какъ Екатерины, такъ и Дидро. Въ письмѣ къ Вольтеру, писанному почти въ день смерти султана Мустафы III [2]), Екатерина говоритъ: «Если Дидро и не жалуетъ Мустафу, то все же не хочетъ ему зла» [3]). Въ письмахъ Дидро къ Екатеринѣ вопросъ поставленъ гораздо шире и для насъ гораздо важнѣе—рѣчь идетъ уже не о нежеланіи зла турецкому султану, а о желаніи добра Россіи. Такъ, въ письмѣ отъ 22-го сентября 1774 г., вслѣдъ за поздравленіемъ съ кучукъ-кайнарджійскимъ миромъ, Дидро прибавляетъ: «Возношу мольбы, чтобъ ваше величество занялись болѣе упроченіемъ мира, чѣмъ какимъ-либо другимъ дѣломъ. Пора вашему величеству окончательно покрыться славою. мотивы которой исходили бы отъ васъ одной, и которой вы были бы обязаны только своему генію. Кровь тысячи враговъ не можетъ возвратить вамъ стоимость одной капли русской крови. Частые военные тріумфы составляютъ, безъ сомнѣнія, блестящія царствованія. Но дѣлаютъ ли они ихъ счастливыми? Благодаря успѣхамъ разума, иныя добродѣтели, чѣмъ добродѣтели Александровъ и Цезарей, снискиваютъ наше удивленіе. Убѣдились, что гораздо славнѣе и гораздо отраднѣе образовать людей, чѣмъ убивать ихъ. Ваше императорское величество позволитъ ли предложить ея вниманію, что хорошіе рефор-

[1]) M. Durand au duc d'Aiguillon, 7 décembre 1773.

[2]) Письмо помѣчено 27-го декабря 1773 г.; турецкій султанъ Мустафа III умеръ 24-го декабря того же года.

[3]) Сборникъ, XIII, 377. *Voltaire*, LXXVIII, 281.

маторы, всегда рѣдкіе, особенно рѣдки въ тѣхъ именно странахъ, гдѣ они наиболѣе необходимы. и что люди, способные измѣнить къ лучшему порядокъ вещей въ государствахъ, являются послѣ долгихъ промежутковъ» [1]). Годъ спустя, Дидро возвращается къ тому же вопросу: «Теперь, когда Екатерина Вторая не нуждается болѣе въ военныхъ отличіяхъ, она позволитъ мнѣ пожелать ей мира, который продолжался бы во все ея царствованіе. Стяжавъ имя, даруемое побѣдой, да увѣнчается она другимъ именемъ, внушающимъ менѣе страха, производящимъ плоды болѣе прочные и болѣе отрадные, благословенные во всѣ вѣка—именемъ великой законодательницы. Вотъ вы рядомъ съ Цезаремъ, вашимъ другомъ, и нѣсколько выше Фридриха, вашего опаснаго сосѣда. Остается занять мѣсто рядомъ съ Ликургомъ или Солономъ; и ваше величество возсядете рядомъ съ ними. Это желаніе осмѣливается преподнести вамъ галло-русскій философъ къ наступающему новому году» [2]). И еще черезъ годъ: «Давъ врагамъ доказательства своего могущества, да употребитъ ваше величество остальные годы своего царствованія на то, чтобъ дать подданнымъ своимъ доказательства своего милосердія, и всѣмъ государямъ, настоящимъ и будущимъ—образецъ въ великомъ искусствѣ царствованія» [3]).

Вотъ, строго говоря, и всѣ вопросы внѣшней политики, о которыхъ велись бесѣды Екатерины съ Дидро и о которыхъ сохранились документальныя свидѣтельства. Прежде, впрочемъ, чѣмъ перейти къ вопросамъ внутренней политики, обсуждавшимся въ кабинетѣ ея величества при участіи философа, необходимо упомянуть о двухъ предметахъ—о запискѣ Рюльера и о новомъ изданіи «Энциклопедіи»—которые не относятся ни къ внѣшней, ни къ внутренней политикѣ, касаясь, однако, той и другой.

Переворотъ 28-го іюня 1762 года, вѣроятно, не былъ за-

[1]) Госуд. Архивъ, V, № 159, л. 1. [2]) Тамъ же, л. 4.
[3]) Госуд. Архивъ, V, № 159, л. 6.

трогиваемъ въ бесѣдахъ Екатерины съ Дидро: но о произведеніи Рюльера «Исторія революціи 1762 года въ Россіи», такъ интересовавшемъ Екатерину, она могла получить самыя подробныя свѣдѣнія именно отъ Дидро, который читалъ эту рукопись, первый извѣстилъ о ней императрицу и хлопоталъ. чтобы рукопись не была напечатана. Въ одно изъ первыхъ же свиданій «seul à seule» съ Дидро, Екатерина выразила желаніе имѣть копію съ этой рукописи. Когда же Дидро замѣтилъ, что добыть копію невозможно, Екатерина просила высказать ей откровенно свое мнѣніе о произведеніи Рюльера. «Это—сказалъ Дидро — прекрасно написанное произведеніе. Черезъ двѣсти лѣтъ, оно составитъ занимательную страничку исторіи. Я думаю, что авторъ шутя перемѣшалъ побасенки съ истиною, но то и другое такъ ловко переплетено и согласовано, что представляетъ нѣчто совершенно цѣльное. Если это и не исторія, то весьма правдоподобный и очень хорошій романъ. Что же касается лично васъ, государыня, то, если вы обращаете большое вниманіе на приличія и цѣломудріе, на эти поношенныя отрепья вашего пола, это произведеніе есть сатира на васъ; но если васъ болѣе интересуютъ великія цѣли, мужественныя и патріотическія идеи, то авторъ изображаетъ васъ великою государынею [1]). Вообще же, этимъ произведеніемъ авторъ дѣлаетъ вамъ болѣе чести, чѣмъ зла».—«Вы еще болѣе возбуждаете во мнѣ желаніе,—замѣтила Екатерина,—прочесть это произведеніе». Дидро передалъ этотъ разговоръ французскому посланнику Дюрану, который, сообщая объ этомъ герцогу д'Эгильйону, прибавилъ: «Ограничусь только указаніемъ на это желаніе имѣть копію съ произведенія г. Рюльера. Мнѣ извѣстно и отъ другихъ лицъ, что это желаніе императрицы очень велико» [2]). Другими словами: посланникъ находилъ весьма

[1]) По пересказу русскихъ людей: «Si vous faites cas de grandes actions heroïques, votre rôle est très glorieux; mais si vous faites cas de vertus futiles, votre rôle n'est pas également beau» (Архивъ князя Воронцова, XXV, 460).

[2]) M. Durand au duc d'Aiguillon, 9 novembre 1773.

нелишнимъ. чтобъ министерство употребило свое офиціальное вліяніе къ исполненію желанія императрицы. Герцогъ д'Эгильйонъ такъ и понялъ эту приписку своего посла и. спустя мѣсяцъ, отвѣчалъ Дюрану: «Вы знаете, милостивый государь, что «Исторія революціи въ Россіи» составляетъ собственность ея автора и что король не имѣетъ никакого права на это произведеніе. По этому поводу меня увѣряютъ, что многія личности торговали уже рукопись у ея автора, желая. по порученію императрицы, купить это произведеніе. Я полагаю, что это единственное средство, какимъ императрица можетъ добыть рукопись. Вы употребите, поэтому, все ваше стараніе, чтобъ избѣжать всякаго даже намека на желаніе впутать въ это дѣло короля» [1]). Екатерина такъ и умерла, не читавъ «Исторіи революціи 1762 г. въ Россіи»

Вопросъ о новомъ изданіи «Энциклопедіи» обсуждался долго, обсуждался подробно. Дидро съ любовью говорилъ о предпріятіи, на которое онъ потратилъ свои лучшія силы. которое доставило ему всемірную славу; Екатерина съ интересомъ слушала, какъ это великое предпріятіе много теряло отъ уступокъ, сдѣланныхъ въ пользу невѣждъ, ханжей и суевѣровъ. Еще изъ Парижа Дидро предлагалъ Екатеринѣ, вѣроятно, вскорѣ послѣ «мошеннической продѣлки» книгопродавца Ле-Бретона, передѣлать «Энциклопедію», причемъ «les articles de Russie» могли бы быть вновь составлены [2]); теперь. при личномъ свиданіи, Дидро, конечно, возобновилъ бы рѣчь объ «Энциклопедіи», но Екатерина предупредила его: она сама напомнила ему о необходимости исправить всѣ статьи, искалеченныя цензурою, вольною и невольною. Дидро, конечно, пришелъ въ восторгъ отъ предложенія императрицы. Въ бесѣдахъ съ нею, онъ передавалъ уже ей на словахъ то «посвященіе» новаго изданія «русской императрицѣ», которое онъ напишетъ, говорилъ, что для болѣе основательной редак-

[1]) Le duc d'Aiguillon à M. Durand, 2 décembre 1773.

[2]) *Voltaire*, LXXVIII, 217.

ціи статей о Россіи онъ пріѣдетъ еще разъ въ Петербургъ, лѣтъ черезъ пять или шесть. Относительно полезности и важности новаго изданія «Энциклопедіи» оба собесѣдника, Дидро и Екатерина, были совершенно согласны; обсужденіе же матеріальной стороны предпріятія императрица поручила И. И. Бецкому, который долженъ былъ переговорить съ Дидро и представить ей свои соображенія.

Много времени потратилъ Дидро на переговоры съ «сфинксомъ», какъ Екатерина называла Бецкаго, но совершенно напрасно: нерѣшительный «генералъ» все колебался. Изъ переговоровъ выяснилось, между прочимъ, что новое изданіе «Энциклопедіи» потребуетъ 12-ти лѣтъ труда, которыя Дидро охотно соглашался посвятить «великому предпріятію», и до 40.000 рублей, которые Бецкій находилъ тратой совершенно непроизводительной, несмотря даже на то, что доходъ отъ продажи изданія предназначался императрицею въ пользу воспитательнаго дома, которымъ онъ такъ интересовался. Въ такомъ положеніи были переговоры въ день отъѣзда Дидро изъ Петербурга. Въ прощальномъ письмѣ къ императрицѣ. отъ 11-го февраля 1774 года, Дидро пишетъ: «Я надѣялся свидѣться съ вашимъ величествомъ не позже, какъ черезъ пять или шесть лѣтъ; но тотъ честный человѣкъ, который, рядомъ съ тысячью прекрасныхъ качествъ, обладаетъ недостаткомъ (если только это есть недостатокъ) безпрестанно колебаться между да и нѣтъ, не соглашается на это, и мы оба обязаны ему благодарностью: ваше величество—за отказъ отъ подарка въ сорокъ тысячъ рублей, я—за то, что онъ возвращаетъ мнѣ предложеніе двѣнадцатилѣтняго труда. «Энциклопедія» не передѣлается и мое прелестное посвященіе останется въ моей головѣ, ибо нѣтъ никакого вѣроятія, чтобъ вашъ сфинксъ и я, не сговорившіеся въ пять мѣсяцевъ, проведенные бокъ-о-бокъ, могли бы лучше сговориться на разстояніи восьмисотъ льё» [1]).

[1]) Госуд. Архивъ, V, № 159, л. 10.

Екатерина, вѣроятно, показала это письмо Бецкому; быть можетъ, выразила даже свое неудовольствіе по поводу дѣлаемыхъ имъ затрудненій изъ-за «какихъ-нибудь» 40.000 рублей—по крайней мѣрѣ, черезъ мѣсяцъ, вскорѣ по прибытіи въ Гагу, Дидро получилъ уже отъ Бецкаго увѣдомленіе, что онъ согласенъ на новое изданіе «Энциклопедіи». Вотъ что писалъ по этому поводу Дидро изъ Гаги, отъ 29-го марта (9-го апрѣля), своей матери въ Парижъ: «Я предлагалъ нѣкогда императрицѣ передѣлать для нея «Энциклопедію»: она сама завела теперь рѣчь объ этомъ проектѣ, который ей понравился, такъ какъ ее увлекаетъ все, что имѣетъ характеръ величія. Послѣ того, какъ мы обсудили съ нею все, что касается ея славы, она отослала меня къ одному изъ своихъ министровъ для переговоровъ о матеріальной сторонѣ предпріятія. Все слажено между министромъ и мною; и въ ту минуту, какъ я тебѣ пишу, этотъ министръ поручилъ сказать мнѣ, что вскорѣ перешлетъ мнѣ средства для начатія дѣла. Средства эти будутъ весьма значительныя. Дѣло идетъ не менѣе какъ о сорока тысячахъ рублей или двухъ стахъ тысячахъ франковъ, съ которыхъ мы будемъ получать сейчасъ же проценты со всей суммы и потомъ съ части приблизительно въ теченіе шести лѣтъ, то-есть около десяти тысячъ франковъ въ теченіе первыхъ пятнадцати мѣсяцевъ, пять тысячъ франковъ въ слѣдующіе пятнадцать мѣсяцевъ и т. д. На этотъ разъ, эта «Энциклопедія» принесетъ мнѣ кое-что и не причинитъ никакого огорченія, такъ какъ я буду работать для иностраннаго двора и подъ покровительствомъ государыни. Французское министерство увидитъ въ этомъ только славу и выгоду націи, и я употреблю послѣдніе годы моей жизни съ пользою для тебя и для дѣтей нашихъ» [1]). Нерѣшительный сфинксъ поставилъ, однако, нѣкоторыя условія, о которыхъ Дидро такъ писалъ доктору Клерку [2]) въ Петер-

[1]) Госуд. Архивъ, XI, № 1051.

[2]) Николай-Габріэль Клеркъ, докторъ, профессоръ анатоміи и міологіи, членъ совѣта академіи художествъ. «Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ

бургъ: «Передайте, прошу васъ, генералу (Бецкому), что изъ трехъ его условій, труднѣе всего исполнить то, которымъ онъ налагаетъ на меня тяжелый долгъ говорить о немъ съ требуемою имъ экономіею. Мнѣ придется сдерживать себя обѣими руками. Впрочемъ, буду сообразоваться съ его намѣреніями. Что же касается статьи о правительствахъ, то было бы безуміемъ говорить дурно о правительствѣ той страны, въ которой предполагаешь провести остатокъ своей жизни, не говоря уже о томъ, что я добрый французъ, вовсе не недовольный, и что характеръ самого изданія допускаетъ лишь статьи общаго содержанія, какъ «монархія», «олигархія», «аристократія», «демократія» и т. п., по поводу которыхъ можно проповѣдывать все, что угодно, никого не оскорбляя и не компрометируя себя. Статьи же о религіяхъ — чисто историческія. Я поручу ихъ какому-нибудь доктору Сорбонны и присмотрю, чтобъ онъ не былъ ни безумнымъ, ни фанатикомъ, ни жестокимъ, ни глупымъ» [1]).

Послѣ этого прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ и дѣло нимало не подвинулось впередъ; даже болѣе: потерявъ всякую надежду на соглашеніе съ Бецкимъ, Дидро началъ было уже подготовлять къ печати полное собраніе своихъ сочиненій, когда, въ началѣ іюня, получилъ изъ Петербурга радостную вѣсть, что «окончательно рѣшено» приступить къ новому изданію «Энциклопедіи». Сохранились два письма Дидро, отъ 15-го (4) іюня, въ Петербургъ, по поводу этой вѣсти. Первое письмо — доктору Клерку: «Какъ! правда! «Энциклопедія» — дѣло рѣшеное! Пожалуйста, докторъ, безъ неумѣстныхъ шутокъ; какъ! я значитъ не умру, не сдѣлавъ еще одного добраго дѣла и не передѣлавъ великаго произведенія: добраго дѣла — завѣщевая съ своей стороны лепту для учрежденія, устроеннаго на пользу человѣчества, великаго произведенія —

особъ въ государствѣ на лѣто отъ Р. Х. 1774». Клеркъ значится въ этомъ званіи въ «Мѣсяцесловахъ» съ 1773 по 1775 и затѣмъ съ 1780 по 1792 гг.

[1]) *Diderot*, XX, 49.

согласуя его съ планомъ, по которому оно было проектировано; я не умру, не отомстивъ достойнымъ образомъ злобѣ моихъ враговъ: я не умру, не воздвигнувъ обелиска, на которомъ прочтется: *«въ честь русскихъ и ихъ государыни и на позоръ кому надлежитъ!»* я не умру, не начертавъ на землѣ слѣдовъ, которыхъ не уничтожитъ никакое время! Я убью на это послѣднія пятнадцать лѣтъ моей жизни; но, скажите, могу ли я лучше употребить ихъ? Я собирался подготовлять полное изданіе своихъ произведеній, когда получилъ ваше письмо—я все бросилъ. Эти два предпріятія не могутъ идти рядомъ; займемся «Энциклопедіей» и предоставимъ какой-либо доброй душѣ собрать всѣ мои маранья, когда ужъ меня не станетъ» [1]). Въ тотъ же день Дидро написалъ второе письмо—генералу Бецкому: «Итакъ, генералъ, мы все-таки будемъ энциклопедировать и я могу принять свои мѣры, сообразно съ вашими приказаніями. Это будетъ исполнено. Я всегда полагалъ, что вы вполнѣ убѣждены въ славѣ, которая послѣдуетъ для ея величества, но не достаточно въ пользѣ, которая получится для вашихъ учрежденій, и недоумѣвалъ, что̀ вы предпримете по этому поводу. Не скрою отъ васъ, какъ мнѣ отрадно думать, что тѣ, которые ничего не щадили, чтобъ помѣшать мнѣ сдѣлать великое и прекрасное дѣло, будутъ пристыжены; какъ эти варвары, называющіе себя культурными по преимуществу, будутъ скрежетать зубами, когда я вручу вамъ наилучшую рукопись, которая когда-либо существовала или будетъ существовать; какъ Россія предвосхититъ у нихъ честь созданія этой рукописи и имъ останется только позоръ ихъ прежнихъ преслѣдованій» [2]). Спустя три мѣсяца, въ письмѣ къ Екатеринѣ, отъ 13-го сентября 1774 г., Дидро повторяетъ еще ту же самую увѣренность: «Письмомъ отъ 9-го мая этого года, генералъ Бецкій объяснился вполнѣ опредѣлительно о передѣлкѣ «Энциклопедіи». Онъ сообщилъ мнѣ, что это—проектъ, рѣшенный вашимъ ве-

[1]) *Diderot*, XX, 63. [2]) Ibid., 67.

личествомъ. Радуюсь этому. Итакъ, я буду въ состояніи исправить глупости господина аббата Шаппа и г. кавалера Жокура, приноровить это произведеніе къ высотѣ первоначальнаго плана и замѣнить именемъ великой и достойной государыни имя низкаго министра, лишившаго меня свободы, чтобъ исторгнуть у меня знакъ уваженія, на который онъ не могъ разсчитывать по своему достоинству» [1]). На этомъ обрываются всѣ переговоры о новомъ изданіи «Энциклопедіи», которое такъ и не состоялось.

По вопросамъ внутренней политики, бесѣды Екатерины съ Дидро должны были ограничиваться общими разсужденіями въ виду полнаго незнанія Россіи обоими собесѣдниками. О Дидро нечего и говорить; знала ли Россію Екатерина [2])? Императрица Екатерина такъ много сдѣлала для Россіи относительно ея культуры и цивилизаціи, такъ много оставила намъ письменныхъ доказательствъ своей любви ко всему русскому, что подобный вопросъ можетъ показаться неумѣстнымъ; считаемъ, поэтому, необходимымъ напомнить, что рѣчь идетъ о 1773 годѣ. Могла ли Екатерина знать въ это время Россію? Отъ какихъ людей, ее окружавшихъ, и изъ какихъ книгъ, изданныхъ въ Россіи, могла она почерпнуть эти свѣдѣнія? Не изъ собственныхъ ли наблюденій? Послѣ Петра Великаго, Екатерина была первая государыня, предпринимавшая путешествія по Россіи: въ 1763 г. она ѣздила въ Ростовъ и Ярославль, въ 1764 г — въ прибалтійскія окраины, до Рогервика, въ 1765 г.—плавала по Ладожскому каналу, въ 1767 г.—«путешествовала по Азіи», т.-е. проѣхала по Волгѣ до Казани и изъ Симбирска возвратилась сухимъ путемъ. Конечно, во время путешествія можно многое видѣть, многому научиться, но для этого необходимо, прежде всего, не быть

[1]) Госуд. Архивъ, V, № 159, л. 2.

[2]) Бьернстѣль, со словъ Дидро, записалъ: «Sie kennt ihr weitläuftiges Reich aufs genauste. Briefe auf seinen ausländischen Reisen. *Rostock*, 1781, III, 223. Таково, слѣдовательно, было мнѣніе Дидро, который въ данномъ случаѣ судьею быть не можетъ.

императрицей, не имѣть «въ своей свитѣ близко двухъ тысячъ человѣкъ всякаго званія» и путешествовать безъ «иноплеменниковъ», какъ Екатерина называла представителей иностранныхъ государствъ. Между тѣмъ, безъ этихъ условій Екатеринѣ «скучно таскаться въ дорогѣ», какъ писала она Панину изъ Балтійскаго Порта. Въ это время, повторяемъ, до 1773 года, Екатерина не отличалась особеннымъ знаніемъ строя русской жизни, настолько, что изъ путешествія своего по Волгѣ вынесла, между прочимъ, убѣжденіе, будто «правосудіе находится въ хорошемъ состояніи, правители и судьи ведутъ дѣло безкорыстно» [1])! Какъ бы ни было, но бесѣды Екатерины съ Дидро по внутреннимъ вопросамъ могли происходить только на почвѣ общихъ разсужденій, и въ этомъ отношеніи на Дидро имѣлъ большое вліяніе де Ла-Ривьеръ.

Де Ла-Ривьеръ былъ въ Петербургѣ ранѣе Дидро и ѣздилъ въ Россію по личной его рекомендаціи. Въ 1768 г. де Ла-Ривьеръ возвратился уже изъ Петербурга, гдѣ не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха ни среди русскихъ дѣятелей того времени, ни у самой императрицы; между тѣмъ, Дидро чрезвычайно высоко цѣнилъ государственныя познанія своего друга и, несмотря на полный неуспѣхъ его въ Петербургѣ, не измѣнилъ о немъ своего мнѣнія [2]). Не подлежитъ сомнѣнію, что Дидро во время своего пребыванія въ Петербургѣ, какъ и въ Парижѣ, въ синагогѣ de la rue Royale, смотрѣлъ на факты, касающіеся Россіи, глазами де Ла-Ривьера, политическіе взгляды котораго онъ вполнѣ раздѣлялъ. Свои взгляды же на Россію де Ла-Ривьеръ высказалъ въ неизданномъ еще письмѣ къ аббату Рэйналю, автору знаменитой въ свое время «Исторіи Индіи», надѣлавшей столько шума и такъ перепугавшей реакціонеровъ и суевѣровъ своимъ заступничествомъ за справедливость и человѣколюбіе. «Въ Россіи— пишетъ де Ла Ривьеръ—необходимо все еще устраивать. Чтобъ выразиться лучше, слѣдовало бы сказать, что въ Россіи необ-

[1]) *Соловьевъ*, XXVII, 64. [2]) *Diderot*, XVIII, 300.

ходимо все уничтожить и вновь сдѣлать Вы хорошо понимаете, что произволъ деспотизма, безусловное рабство и невѣжество не могли не насадить злоупотребленій всякаго рода, которыя пустили очень глубокіе корни. такъ какъ нѣтъ растенія столь плодовитаго, столь трудно искоренимаго, какъ злоупотребленія. Они растутъ повсюду. гдѣ только невѣжество культивируетъ ихъ» [1]). Дидро. конечно, былъ въ этомъ случаѣ вполнѣ согласенъ съ своимъ другомъ; но онъ пріѣхалъ въ Петербургъ пятью годами позже его; онъ хорошо зналъ, какъ былъ принятъ де Ла-Ривьеръ, высказывавшій подобные взгляды, и былъ остороженъ: онъ не говорилъ съ императрицею ни о государственномъ строѣ Россіи вообще, ни даже о преобразованіяхъ, намѣченныхъ Екатериною въ ея «Наказѣ» комиссіи для составленія новаго уложенія. Объ этомъ мы имѣемъ теперь несомнѣнное свидѣтельство самой Екатерины. Года полтора спустя по смерти Дидро, въ ноябрѣ 1785 года, она писала Гримму [2]): «Въ каталогѣ библіотеки Дидро я нашла тетрадь, озаглавленную «Замѣтки на наказъ ея императорскаго величества депутатамъ для составленія законовъ». Это—сущій вздоръ (vrai babil), въ которомъ нѣтъ ни знанія обстоятельствъ. ни благоразумія. ни предусмотрительности. Еслибъ мой наказъ былъ во вкусѣ Дидро, онъ долженъ былъ бы перевернуть все вверхъ дномъ въ Россіи. Надо полагать, что Дидро составилъ эти замѣтки по возвращеніи изъ Петербурга [3]), такъ какъ онъ *никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ»* [4]) (car jamais il ne m'en a parlé).

---

[1]) Госуд. Архивъ, XI, № 1035, листъ 23. [2]) Сборникъ, XXIII, 373.

[3]) Въ Государственномъ Архивѣ хранится письмо Дидро къ Екатеринѣ, отъ 17-го октября 1774 года, въ которомъ значится: «On se flatte ici que Votre Maj. Imp. va reprendre son projet de legislation... Cela m'a fait relire votre instruction, et j'ai eu la hardiesse de l'apostiller de quelques reflexions» (V. № 159, л. 4). Такъ какъ императрица не изъявила желанія прочесть эти «размышленія», то они и не были доставлены ей въ свое время; но несомнѣнно, что они были написаны въ Гагѣ, осенью 1774 года, по возвращеніи Дидро изъ Петербурга (*Бильбасовъ*, Дидро въ Петербургѣ, 260, 309).

[4]) Германъ, Розенкранцъ, Шугуровъ и др., не имѣя этого свидѣтельства Екатерины, ошибочно относили къ вопросамъ внутренней политики разсказы

По вопросу о крѣпостномъ правѣ, важнѣйшему изъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ, Дидро равнымъ образомъ вполнѣ раздѣлялъ взглядъ своего друга де Ла-Ривьера. Такъ непонравившійся Панину и всѣмъ русскимъ администраторамъ французскій экономистъ чрезвычайно вѣрно охарактеризовалъ финансово-экономическое значеніе крѣпостничества.

Кастера и графа Сегюра. Разсказывая о пребываніи Дидро въ Петербургѣ, Кастера приводитъ слѣдующій отзывъ Екатерины: «Monsieur Diderot a cent ans à bien des égards, mais à d'autres il n'en a que dix» (Vie de Catherine II, impératrice de Russie, II, 67). Германъ относитъ этотъ отзывъ къ тѣмъ бесѣдамъ Дидро, въ которыхъ онъ будто бы «развивалъ свои основныя идеи о свободѣ и народномъ правѣ» (V, 658). Между тѣмъ, мы видѣли уже выше, въ текстѣ, что слова, приводимыя у Кастера, были сказаны, какъ свидѣтельствуетъ донесеніе французскаго посла, по поводу мнѣнія Дидро о вредѣ для Россіи союза ея съ Пруссіею и о выгодности союза съ Франціей, т.-е. по чисто внѣшнему вопросу. Также точно разсказъ Сегюра толковали, какъ оказывается теперь, неправильно, и ему придавали значеніе, котораго онъ не заслуживаетъ. Въ 1787 году, во время извѣстнаго путешествія въ Тавриду, Екатерина могла, конечно, разговаривать съ графомъ Сегюромъ о несбыточныхъ мечтаніяхъ и непрактичныхъ планахъ Дидро; но не могла же императрица передавать французскому послу, что одною изъ такихъ утопій Дидро она признаетъ союзъ съ Франціею! Вотъ почему въ разсказѣ Сегюра взглядъ на непрактичность политическихъ мнѣній Дидро отнесенъ къ вопросамъ внутренней политики, причемъ уже самимъ Сегюромъ, писавшимъ свои мемуары лѣтъ сорокъ спустя, когда память значительно уже измѣняла 75-ти-лѣтнему старику, вложены въ уста Екатерины такія подробности, которыя отчасти болѣе рисуютъ самого Сегюра, чѣмъ характеризуютъ отношенія Екатерины къ Дидро, отчасти же почти дословно заимствованы изъ рѣчи Фридриха Великаго, приведенной тѣмъ же Сегюромъ. Вотъ разсказъ графа Сегюра: «Я долго и часто—говорила мнѣ Екатерина—бесѣдовала съ Дидро, но болѣе ради любопытства, чѣмъ съ пользою. Еслибъ я довѣрилась ему, пришлось бы все перевернуть въ моей имперіи; законодательство, администрацію, политику, финансы, я должна была бы все уничтожить, чтобъ замѣнить ихъ непрактичными теоріями. Между тѣмъ, такъ какъ я больше слушала его, чѣмъ сама говорила, то всякій свидѣтель нашихъ бесѣдъ принялъ бы его за строгаго наставника, а меня за его послушную ученицу. Повидимому, и онъ самъ смотрѣлъ такъ, потому что, по прошествіи нѣкотораго времени, видя, что въ моемъ управленіи не дѣлалось никакихъ великихъ нововведеній, которыя онъ совѣтовалъ мнѣ, онъ выразилъ мнѣ съ нѣкоторымъ гордымъ неудовольствіемъ свое удивленіе. Тогда я ему откровенно сказала: «Господинъ Дидро, я съ большимъ удовольствіемъ слушала все, что внушилъ вамъ вашъ блестящій

Въ письмѣ изъ Петербурга, отъ 4-го октября 1767 г. [1]), де Ла-Ривьеръ пишетъ: «Культура земли находится вовсе не въ томъ положеніи, въ какомъ она могла бы и должна бы быть. Потребленіе всегда служитъ соотвѣтствующимъ указателемъ для производительности; но какое же потребленіе возможно среди рабовъ, которые не смѣютъ ничего ни произвесть, ни выказать, что могло бы привлечь на себя взоры ихъ господина? По этой же причинѣ и замѣтенъ у рабовъ недостатокъ рогатаго скота; его даже очень мало, и къ тому же скотъ этотъ не лучшей породы. Если бы рабъ, которому господинъ его предоставилъ извѣстную часть земли для пропитанія, имѣлъ скотину, которой могъ бы позавидовать господинъ, то она тотчасъ была бы отнята у раба. То же самое происходитъ и съ жатвою и вообще со всѣмъ, что можетъ быть названо достаткомъ. Вотъ почему между рабами распространенъ обычай прятать деньги, которыя они могутъ пріо-

умъ, но изъ всѣхъ вашихъ великихъ принциповъ, которые я очень хорошо понимаю, можно составить хорошія книги и лишь дурное управленіе страною. Во всѣхъ своихъ преобразовательныхъ планахъ, вы забываете различіе нашихъ положеній: вы трудитесь только надъ бумагой, которая все терпитъ— она гладка, покорна и не представляетъ препятствій ни вашему воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ какъ я, бѣдная императрица, работаю на человѣческой шкурѣ, которая, напротивъ, очень раздражительна и щекотлива». Я убѣждена, что съ этихъ поръ онъ сталъ относиться ко мнѣ съ сожалѣніемъ, видя во мнѣ умъ узкій и простой. Съ этого момента онъ не говорилъ со мною ни о чемъ болѣе, какъ о литературѣ, и политика исчезла изъ нашихъ бесѣдъ» (*Barrière*, XIX, 445). Послѣднія слова этого разсказа Сегюра опровергаются рядомъ писемъ Дидро къ Екатеринѣ, въ которыхъ онъ постоянно говоритъ о политикѣ (Сборникъ, XXXIII, 503—534); что же касается вложенной въ уста Екатерины рѣчи къ Дидро, то, нѣсколько страницъ выше, графъ Сегюръ, передавая свой разговоръ съ Фридрихомъ II въ Потсдамѣ, заставляетъ его выразить тотъ же взглядъ на философовъ: «Ces philosophes connaissent peu les hommes et croient à tort qu'on gouverne aussi facilement qu'on écrit» (*Barrière*, XIX, 290). Между тѣмъ, этотъ взглядъ былъ «общимъ мѣстомъ» въ эпоху реакціи, въ концѣ первой четверти нынѣшняго столѣтія, когда уже ни Фридриха, ни Екатерины не было въ живыхъ и когда графъ Сегюръ писалъ свои интересные мемуары.

[1]) Госуд. Архивъ, XI, № 1035, листъ 22-й; *Бильбасовъ*, Дидро въ Петербургѣ, 150.

брѣсти, и уже только поэтому деньги оказываются очень рѣдкими въ этой странѣ». Эти взгляды де Ла-Ривьера на положеніе земледѣльцевъ въ Россіи, какъ на рабовъ (esclaves), раздѣлялись всѣми членами философской партіи, не исключая, конечно, и Дидро. Какъ въ 1771 году, въ Парижѣ, въ разговорахъ съ княгинею Дашковою [1]), такъ и въ 1773 году, въ Петербургѣ, въ бесѣдахъ съ императрицею Екатериною, Дидро старался уяснить себѣ положеніе крѣпостныхъ въ Россіи. Согласно со взглядами де Ла-Ривьера, Дидро связывалъ съ этимъ вопросомъ рядъ другихъ, изъ него непосредственно вытекающихъ, экономическихъ вопросовъ — о воздѣлываніи и производительности земли, о ея цѣнности и т. п.

Дидро спрашивалъ: «Каковы условія между господиномъ и рабомъ относительно воздѣлыванія земли?» Екатерина отвѣчала: «Существуетъ законъ Петра Великаго, воспрещающій называть рабами крѣпостныхъ людей дворянства. Въ древнее время всѣ обитатели Россіи были свободны. По своему происхожденію, они состояли изъ людей двухъ родовъ: изъ про-

[1]) «Однажды Дидро — разсказываетъ княгиня Дашкова въ своихъ запискахъ—разговорился со мною о рабствѣ, въ которомъ, какъ онъ полагалъ, находятся наши крестьяне». Княгиня возражала ему слѣдующимъ парадоксомъ, который, черезъ два года, повторила Екатерина и который до сихъ поръ нравится не вымершимъ еще крѣпостникамъ: «Благосостояніе и богатство нашихъ крестьянъ составляютъ наше благополучіе и увеличиваютъ нашъ доходъ; нужно, поэтому, быть сумасшедшимъ, желая, чтобъ изсякнулъ источникъ нашего собственнаго обогащенія». На заявленіе же Дидро о пользѣ освобожденія крестьянъ, княгиня Дашкова соглашалась подъ слѣдующимъ условіемъ: «Si le souverain en brisant quelques anneaux de la chaine qui lie les paysans aux nobles, en briserait aussi quelques-uns qui tiennent enchainés les nobles aux volontés des souverains arbitraires, je signerais avec mon sang au lieu d'encre et cela de gayeté de coeur cet arrangement» (Архивъ, XXI, 138). Екатерина II защищала же крѣпостничество безусловно, а Дидро, ее слушавшій, хорошо зналъ и о задачѣ, ею же предложенной вольному экономическому обществу (*Ходневъ*, стр. 19 sqq.), и объ освобожденіи крестьянъ въ Даніи въ 1768 г., и о трудѣ Деарде де л'Аббэ (Deardé de l'Abbaye), и о взглядахъ своего друга, князя Голицына. Вотъ почему, полагаемъ, Дидро не могъ безъ улыбки слушать аргументацію Екатерины.

исходившихъ отъ пастушескихъ племенъ и отъ взятыхъ въ плѣнъ во время войны этими племенами. По смерти царя Ивана Васильевича, сынъ его, Өедоръ Ивановичъ, особымъ распоряженіемъ, привязалъ или прикрѣпилъ всякаго крестьянина къ той землѣ, которую онъ воздѣлывалъ и которою владѣлъ другой. Не существуетъ никакихъ условій между землевладѣльцами и подчиненными имъ людьми (sujets); но всякій помѣщикъ (maître), имѣющій здравый смыслъ, не требуя слишкомъ многаго, бережетъ корову, чтобъ доить ее по своему желанію, не изнуряя ее. Когда что-либо не предусмотрѣно закономъ, тотчасъ же его замѣняетъ законъ естественный и часто отъ этого дѣла идутъ вовсе не хуже, потому что они, по крайней мѣрѣ, устраиваются совершенно естественно, сообразно существу дѣлъ» [1]).

Дидро спрашивалъ: «Рабство земледѣльцевъ не вліяетъ ли на культуру земли? Отсутствіе собственности у крестьянъ не ведетъ ли къ дурнымъ послѣдствіямъ?» Екатерина отвѣчала: «Я не знаю, есть ли страна, гдѣ земледѣлецъ болѣе любилъ бы землю и свой домашній очагъ, чѣмъ въ Россіи. Наши свободныя провинціи вовсе не имѣютъ болѣе хлѣба, чѣмъ провинціи несвободныя. Каждое состояніе имѣетъ свои недостатки, свои пороки и свои неудобства» [2]).

Читая въ настоящее время эти отвѣты, можно не только удивляться смѣлости Екатерины, рѣшившейся вырисовывать черное бѣлымъ, но и быть увѣреннымъ, что подобные отвѣты вовсе не представлялись убѣдительными для Дидро. Укоръ за слово рабъ (esclave), примѣненное къ крѣпостному человѣку, Дидро могъ бы съ полнымъ основаніемъ не только отклонить отъ себя, но всецѣло отнести къ самой императрицѣ, которая въ своемъ «Наказѣ», столь ее прославившемъ, именно словомъ рабство характеризуетъ крѣпостное состояніе [3]). Со-

[1]) Русскій Архивъ, 1880, III, 6. [2]) Id., 7.

[3]) Какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобъ «законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленіе *рабства* отвращали, а съ другой

ставленный Екатериною «Наказъ» былъ, какъ извѣстно, значительно искаженъ ею же приглашенными «разными персонами вельми разномыслящими»; но въ Государственномъ Архивѣ сохранились подлинныя рукописи тѣхъ именно мѣстъ, не вошедшихъ въ печатный «Наказъ», въ которыхъ она сама крѣпостныхъ крестьянъ называетъ рабами [1]). Сравненіе человѣка со скотомъ, равнымъ образомъ, не могло расположить гуманнѣйшаго изъ философовъ XVIII столѣтія въ пользу аргументаціи Екатерины, еслибъ даже Дидро и не были извѣстны факты, опровергавшіе доводы императрицы. Именно въ 1773 г., когда Екатерина, перефразируя кн. Дашкову, такъ парадоксально утверждала, что всякій помѣщикъ «ménage la vache pour la traire plus à son aise», дворянка Марина убила свою крѣпостную, капитанъ Турбанъ — свою дѣвушку, помѣщики Савины — крестьянина, капитанша Кашинцева нанесла «несносное тѣлесное наказаніе» своей служанкѣ, отъ котораго она повѣсилась, унтершахмейстерша Гордѣева до смерти заморила свою служанку, генералъ-майорша Эттингеръ забила до смерти крестьянина, надъ генералъ-майоршей Храповицкой учреждена опека за дурное обращеніе съ своими крѣпостными [2]) и т. д. Конечно, Дидро могъ и не знать подобныхъ фактовъ, но Екатерина, постановлявшая свои рѣшенія по всѣмъ этимъ преступленіямъ, вытекавшимъ изъ взгляда на

стороны предостерегали бы опасности, могущія оттуда произойти». «Наказъ» гл. XI, ст. 254-я. Слово «рабство» передано въ нѣмецкомъ переводѣ «Наказа» словомъ Leibeigenschaft; во французскомъ же переводѣ оно совершенно исчезло и ст. 254-я передана такъ: «De quelque nature que soit la dépendance, il faut que les loix civiles cherchent à en ôter, d'un côté, les abus, de l'autre, les dangers».

[1]) Два рода покорностей: одна существенная, другая личная, т.-е. *крестьянство* и холопство. Существенная привязываетъ, такъ сказать, крестьянъ къ участку земли, имъ данной. Такіе *рабы* и т. д... Законы должны и о томъ имѣть попеченіе, чтобъ *рабы* и въ старости, и въ болѣзняхъ не были оставлены... Когда законъ дозволяетъ господину наказывать своего *раба* жестокимъ образомъ, то сіе право долженъ онъ употреблять какъ судія, а не какъ господинъ и др. Сборникъ, X, 153.

[2]) *Соловьевъ*, XXIX, 135 sqq.

крестьянъ, какъ на скотовъ, знала, безъ сомнѣнія, причины, заставлявшія ее дѣлать завѣдомо-ложные отвѣты на вопросы Дидро, и эти причины вполнѣ оправдывали ея собесѣдника и подтверждали взгляды его друга де Ла-Ривьера. Даже въ печатномъ, очищенномъ «разными персонами весьма разномыслящими», Наказѣ встрѣчаются статьи, почти буквально повторяющія вышеприведенныя слова де Ла-Ривьера о закапываніи рабами денегъ и сокрытіи ими своихъ богатствъ [1]). Съ улыбкою выслушивалъ Дидро увѣреніе Екатерины, будто однодворцы «живутъ въ полномъ довольствѣ; есть цѣлые уѣзды, гдѣ они не садятся за столъ безъ индѣйки; курица для нихъ слишкомъ обыкновенна» [2]). Екатерина умалчивала при этомъ, что были не только уѣзды, но цѣлыя области, гдѣ люди ѣли овесъ и сѣно, пихтовую и еловую кору, льняной куколь, конопляную избоину, нерѣдко съ примѣсью извести. Не только иностранные путешественники того времени, какъ Палласъ, Коксъ, Савва Текели, Георги, но и вполнѣ русскіе люди, какъ Озерецковскій, Рычковъ, Ломоносовъ, Радищевъ, Болотовъ, свидѣтельствовали правдивѣе Екатерины о положеніи русскихъ «пейзановъ».

Коснувшись земледѣлія, Дидро ставилъ рядъ вопросовъ, съ нимъ связанныхъ—о зерновомъ хлѣбѣ, о винодѣліи, лѣсѣ и скотѣ, шерсти и шелкѣ. Екатерина затруднялась отвѣчать немедленно на довольно спеціальные уже вопросы и просила Дидро представить ей на бумагѣ всѣ вопросы, по которымъ онъ желалъ бы имѣть свѣдѣнія или только разъясненія. Дидро представилъ 88 вопросовъ, касавшихся населенія, землевладѣнія и земледѣлія, производства и торговли зерновымъ хлѣбомъ, виномъ и водкой, масломъ, коноплей и льномъ, табакомъ, лѣсомъ, смолой, дегтемъ и варомъ, ревенемъ, рогатымъ

[1]) Они закапываютъ въ землю деньги свои, боясь пустить оныя во обращеніе; боятся богатыми казаться; боятся, чтобъ богатство не навлекло на нихъ гоненія и притѣсненій. «Наказъ», гл. XII, ст. 276.

[2]) Русскій Архивъ, 1880, III, 3.

скотомъ, лошадьми, шерстью, шелкомъ, медомъ и воскомъ, мѣхами и кожами [1]). Мы привели уже образчики отвѣтовъ Екатерины — они несерьезны и дѣланы, очевидно, съ заднею цѣлью. И въ этомъ, однако, случаѣ, императрицу не покидало остроуміе и веселость, которыя она проявляла во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Дидро спрашивалъ, напримѣръ, какими пошлинами обложено вино, выдѣлываемое изъ русскаго винограда; Екатерина отвѣчала: «Даже аббатъ Террайль [2]) затруднился бы обложить пошлиною вещь не существующую». Дидро спрашивалъ, существуютъ ли въ Россіи ветеринарныя школы, Екатерина отвѣчала: «Богъ хранитъ насъ отъ нихъ» [3]). Но на 28 вопросовъ императрица ничего не могла отвѣтить, причемъ или просто отмѣчала, что она этого не знаетъ (je n'en sais rien), или рекомендовала Дидро обратиться за подобными свѣдѣніями къ графу Миниху, «которому, по должности, имъ занимаемой, это извѣстно, какъ свои пять пальцевъ» [4]). Письмомъ отъ 31-го января 1774 г. Дидро проситъ графа Миниха сообщить ему свѣдѣнія по 40 вопросамъ [5]), указывая и цѣль подобнаго собиранія свѣдѣній о

---

[1]) Questions et réponses. Русскій Архивъ, 1880, III, 1—29. Г. Бартеневъ говоритъ, что эти «вопросы и отвѣты» списаны съ подлинной собственноручной рукописи, хранящейся въ Государственномъ Архивѣ. Это не точно: рукопись находится въ Московскомъ публичномъ и Румянцевскомъ музеѣ, въ бумагахъ Храповицкаго, № 1349.

[2]) *L'abbé I. M. Tarray* (1715—1778), министръ Людовика XV, облагавшій пошлинами и монополизовавшій всѣ производства, извѣстный циникъ и негодяй, находившій, что необходимо «saigner la France». Въ современныхъ мемуарахъ онъ рисуется всѣми партіями, какъ мерзавецъ, даже въ «Mémoires de la baronne d'Oberkirch» (II, 311), посвященныхъ императору Николаю Павловичу. Еще при жизни его, въ версальскомъ обществѣ сложилось о немъ слѣдующее четверостишіе:

Le seul aspect d'un tel ministre
De sa vie offre le tableau;
A cette figure sinistre,
France, reconnais ton bourreau.

[3]) Русскій Архивъ, l. c. 13. [4]) Id., 12.

[5]) Русскій Архивъ, 1887, III, 1—17.

торгово-промышленномъ положеніи Россіи: онъ желаетъ удовлетворить любознательность своихъ соотечественниковъ, которые будутъ осаждать его всевозможными вопросами, и предполагаетъ издать свое путешествіе по Россіи, какъ о томъ можно догадываться изъ слѣдующаго мѣста письма: «Если вы писали [1]) что-либо объ управленіи политическомъ, гражданскомъ, военномъ и т. п. и если вы уважаете меня настолько, чтобы довѣрить ваши размышленія, клянусь, я вовсе не откажусь украсить себя вашимъ перомъ» [2]).

Несравненно болѣе, чѣмъ торгово-промышленные вопросы, интересовали Екатерину бесѣды съ Дидро о воспитаніи и обученіи. Женщина умная, много читавшая, много пережившая и передумавшая, Екатерина высоко ставила задачи домашняго воспитанія и общественнаго образованія. Еще будучи великою княгинею, она сознавала уже, что въ Россіи «домашнее воспитаніе есть ни что иное, какъ мутный ручей» и съ грустью мечтала о томъ, «когда же онъ станетъ потокомъ» [3]). Она съ ужасомъ вспоминала о крестьянскихъ дѣтяхъ, которыя «бѣгаютъ нагія, въ однѣхъ рубашкахъ, по снѣгу и льду», и находила, что было бы весьма полезно учредить въ Россіи нѣчто въ родѣ сенъ-сирской школы (la maison royale de Saint-Cyr) для воспитанія благородныхъ дѣвицъ. Едва ставъ императрицею, Екатерина приближаетъ къ себѣ И. И. Бецкаго, заслуги котораго въ дѣлѣ «народнаго просвѣщенія» до сихъ поръ, къ сожалѣнію, недостаточно еще цѣнятся даже академіею наукъ [4]). Бецкій долго жилъ за границею, гдѣ изучилъ устройство учебныхъ учрежденій разныхъ родовъ, и былъ первымъ русскимъ человѣкомъ, сознательно преданнымъ просвѣтительному западноевропейскому движенію.

---

[1]) Вѣроятно, Дидро зналъ уже, что въ это время готовилось въ Копенгагенѣ изданіе сочиненія отца гр. Миниха, которое появилось нѣсколько мѣсяцевъ спустя: *Comte Münnich*, Ébauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie. Copenhague. 1774.

[2]) *Diderot*, XX, 45. [3]) Сборникъ, VII, 86.

[4]) Записки академіи наукъ, т. XLVII, № 2, стр. 33.

Другъ г-жи Жофрэнъ, уважаемый Вольтеромъ, Дидро, Гельвеціемъ, Бецкій много содѣйствовалъ образованію, прежде всего, самой Екатерины. «Послѣ обѣда—описываетъ Екатерина свой день г-жѣ Жофрэнъ — является *гадкій генералъ* (Бецкій) для образованія меня; онъ беретъ книгу, а я свое рукодѣлье. Наше чтеніе продолжается до пяти часовъ съ половиною» [1]. При непосредственномъ содѣйствіи этого-то Бецкаго, императрица приводила въ исполненіе различные проекты и планы общеобразовательныхъ учрежденій. Вліяніе Бецкаго видно уже въ тѣхъ общихъ воззрѣніяхъ на воспитаніе, которыя выражены въ девяти статьяхъ XII главы «Наказа»; во время пребыванія Дидро въ Петербургѣ, печаталось уже второе изданіе [2]) «Учрежденій и уставовъ, касающихся до воспитанія и обученія въ Россіи юношества обоего пола» (воспитательнаго дома, вдовьей ссудной и сохранной казны, коммерческаго училища, академіи художествъ, смольнаго института, кадетскаго корпуса и генеральнаго учрежденія о воспитаніи), созданныхъ Екатериною по мысли Бецкаго.

Ознакомившись лишь съ тѣми изъ этихъ учрежденій, которыя находились въ Петербургѣ, Дидро пришелъ въ восторгъ и, по своей экспансивной натурѣ, сталъ всѣмъ ихъ расхваливать. Онъ требовалъ отъ иностранцевъ, чтобъ они знакомились съ этими учрежденіями; онъ находилъ необходимымъ познакомить съ ними Европу и предлагалъ императрицѣ свое содѣйствіе. Екатеринѣ, конечно, понравилась эта мысль; ее плѣняла перспектива новыхъ восторженныхъ похвалъ, которыя будутъ расточаться ей на Западѣ, какъ воспитательницѣ русской націи. Немедленно докторъ Клеркъ, профессоръ академіи художествъ, засѣлъ за переводъ обоихъ томовъ на французскій языкъ, и Дидро, уѣзжая изъ Петербурга, взялъ съ собою эти переводы, чтобъ издать ихъ за границею. Нѣсколько

[1]) Le vilain général. Сборникъ, I, 261.

[2]) Въ удовольствіе общества собраны и новымъ тисненіемъ изданы. Въ Санктпетербургѣ 1774 года.

дней спустя по пріѣздѣ въ Гагу, Дидро пишетъ своей матери, отъ 9-го апрѣля 1774 года: «Ея императорское величество поручила мнѣ издать здѣсь уставы бо́льшаго числа заведеній. основанныхъ ею на благо своихъ подданныхъ, и я долженъ это выполнить. Если голландскій книгопродавецъ окажется арабъ, какимъ онъ имѣетъ обыкновеніе быть, то я вскорѣ уѣду въ Парижъ; если же я прійду къ какому-нибудь разумному соглашенію съ нимъ, то останусь здѣсь» [1]. Въ Гагѣ нашелся книгопродавецъ «не арабъ и не жидъ», извѣстный Маркъ-Мишель Рэй, и уже черезъ два мѣсяца печатаніе подвинулось значительно впередъ. Дидро пишетъ Бецкому, отъ 9-го іюня: «Голландскій типографщикъ закусилъ, наконецъ, удила и бѣжитъ такъ, какъ только можно требовать отъ старой клячи съ запаломъ. Почти половина изданія готова. Это будетъ имѣть успѣхъ и большой, я отвѣчаю вамъ за это. Мы дѣлаемъ сразу два изданія: одно въ четвертку, со всѣми типографскими украшеніями, другое въ восьмушку или въ двѣнадцатую долю листа, простое, которое всякій любитель въ состояніи будетъ пріобрѣсть за недорогую цѣну» [2]. Въ ноябрѣ все изданіе было уже окончено [3], но лишь въ началѣ 1775 г. поступило въ продажу [4]. По собственному признанію, Дидро при этомъ только исправлялъ французскій языкъ Клерка и держалъ корректуру [5]. Такимъ образомъ, онъ хорошо изучилъ уставы всѣхъ заведеній, созданныхъ по плану Бецкаго. «Существованіе этихъ заведеній— пишетъ онъ императрицѣ—необходимо измѣнить многое въ

---

[1]) Госуд. Архивъ, XI, № 1051.

[2]) *Diderot*, XX, 59, 61. [3]) *Björnstähl*, III, 223.

[4]) Les plans et les statuts des différents établissements ordonnés par Sa Majesté Impériale Catherine II pour l'éducation de la jeunesse et l'utilité générale de son empire. Ecrits en langue Russe par M. Betzky et traduits en langue Française d'après les originaux par M. Clerc. Amsterdam. Chez Marc-Michel Rey. 1775.

[5]) Herr Diderot hat nichts weiter dabey gethan, als die Shreibart und die Drückfehler verbessert. *Björnstähl*, III, 223. Записано Бьернстэлемъ со словъ самого Дидро, въ Гагѣ.

имперіи, приготовитъ мужьямъ женъ и женамъ мужей, которые будутъ чувствовать преимущества хорошаго воспитанія, ими полученнаго, и захотятъ, чтобъ и дѣти ихъ были такъ же воспитаны, какъ они» [1]). Еще опредѣленнѣе выразился онъ въ печати, въ «прибавленіи издателя» [2]), въ концѣ второго тома: «Когда эти учрежденія достигнутъ того совершенства, достичь котораго они способны и котораго многія изъ нихъ уже достигли, Россію будутъ посѣщать для изученія этихъ учрежденій, какъ нѣкогда посѣщали Египетъ, Лакедемонію и Критъ, но съ любопытствомъ, смѣю сказать, и болѣе основательнымъ, и лучше вознагражденнымъ [3]). Ссылаюсь на свидѣтельство многихъ иностранцевъ, которые, пріѣхавъ въ Петербургъ, относились сперва недовѣрчиво къ моимъ похваламъ, но, ознакомившись съ этими учрежденіями, превзошли даже меня въ восхваленіи ихъ» [4]). Еще до выпуска изданія въ свѣтъ, Дидро писалъ Екатеринѣ: «Планы и уставы вашихъ учрежденій уже напечатаны и вскорѣ появятся въ свѣтъ. Въ непродолжительномъ времени будетъ представлено одно изъ превосходнѣйшихъ и полезнѣйшихъ произведеній, которыя только существуютъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто умѣетъ взвѣшивать произведенія человѣческаго ума на вѣсахъ разума. Это произведеніе—ваше. Надѣюсь, что вашему величеству понравится русская мудрость во французскомъ костюмѣ» [5]). Если вѣрить Дидро, французамъ «русская мудрость» очень понравилась: «наши французы, однако, не такъ легкомысленны, какъ ваше величество представляете ихъ себѣ, такъ какъ изображеніе вашихъ заведеній и ихъ уставы были приняты со всеобщимъ одобреніемъ» [6]).

---

[1]) Госуд. Архивъ, V, № 159, л. 12.

[2]) «Addition de l'éditeur M. D******». Обычное въ прошломъ столѣтіи число звѣздочекъ, соотвѣтствующее числу буквъ фамиліи, раскрыли современникамъ автора. Les plans etc., II, 157.

[3]) Госуд. Архивъ, V, № 159, л. 2.

[4]) Plans, II, 157.

[5]) Госуд. Архивъ, V, № 159, л. 1—6. [6]) Ibid., л. 6-й.

Если Дидро говоритъ о возможномъ усовершенствованіи восхваляемыхъ имъ образовательныхъ заведеній, значитъ онъ находилъ въ нихъ недостатки; какіе же именно? Изъ сохранившихся писемъ и документовъ этого не видно. По взглядамъ Дидро на образованіе, выраженнымъ въ статьяхъ, написанныхъ вскорѣ по возвращеніи изъ Петербурга, можно, однако, предполагать. что, въ бесѣдахъ съ Екатериною [1]. Дидро указывалъ на многіе недостатки въ устройствѣ и преподаваніи въ низшихъ школахъ, гимназіяхъ и въ университетѣ, и не только указывалъ недостатки, но предлагалъ средства для устраненія ихъ. Замѣчательно, что уже сто лѣтъ назадъ Дидро касался именно тѣхъ педагогическихъ вопросовъ, надъ которыми мы трудимся и по настоящее время, не разрѣшивъ еще ни одного изъ нихъ удовлетворительно. Дидро доказывалъ, между прочимъ, необходимость общеобязательнаго обученія и возставалъ противъ увлеченія мертвыми классическими языками.

«Низшія школы—говорилъ Дидро Екатеринѣ—предназначаются вообще для всего народа, такъ какъ отъ перваго министра до послѣдняго мужика всякій долженъ умѣть читать, писать и считать. Въ странахъ протестантскихъ нѣтъ ни одной деревушки, какъ бы бѣдна она ни была, въ которой не было бы школьнаго учителя, и нѣтъ ни одного деревенскаго жителя, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ, который не умѣлъ бы читать, писать и немного считать. Я слышалъ иногда, что такое образованіе народа имѣетъ свои неудобства. Дворяне говорятъ, что обученіе мужика дѣлаетъ

[1]) Дидро самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своихъ статьяхъ, касающихся учебнаго дѣла въ Россіи. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Sa Majesté m'a fait l'honneur de me *dire*»; въ другомъ: «lorsque j'avais l'honneur d'entrer dans le cabinet de Sa Majesté Impériale» и т. п. Слѣдовательно, въ бытность свою въ Петербургѣ, Дидро разговаривалъ съ Екатериною объ этихъ вопросахъ. Иногда Екатерина, заинтересованная во время бесѣды какимъ-либо мнѣніемъ Дидро, просила его изложить это мнѣніе на бумагѣ: «un feuillet que j'ai laissé à Sa Majesté Impériale» (*Diderot*, III, 508, 509, 510).

его требовательнымъ и сутяжливымъ; люди образованные говорятъ, что, благодаря обученію, всякій земледѣлецъ, немного разжившійся, не оставляетъ уже своего сына за сохой, а старается сдѣлать изъ него ученаго, теолога или, по меньшей мѣрѣ, школьнаго учителя. Не буду останавливаться на жалобѣ дворянъ—она сводится просто къ увѣренности, что мужика, умѣющаго читать и писать, труднѣе притѣснить и обидѣть, чѣмъ человѣка темнаго. Что же касается второго неудобства, то дѣло законодателя сдѣлать профессію земледѣльца настолько спокойною и уважаемою, чтобы ее не покидали. Во всякомъ положеніи есть свои выгоды и неудобства; дѣло государственныхъ людей уничтожить неудобства, сохранивъ выгоды. Но въ этомъ случаѣ, по моему мнѣнію, выгоды значительно превосходятъ неудобства. Обязательное обученіе чтенію, письму и счету даетъ уму простолюдина первый складъ, благодѣтельныя послѣдствія котораго неисчислимы» [1]).

Какъ и шесть лѣтъ предъ тѣмъ, въ «комиссіи объ училищахъ и призрѣнія требующихъ», доводы Дидро въ пользу обязательнаго обученія вызывали, вѣроятно, возраженія невѣждъ, основанныя, главнымъ образомъ, на бѣдности народа; по крайней мѣрѣ, нѣсколько времени спустя, Дидро постарался отклонить это возраженіе слѣдующимъ положеніемъ: «Низшія школы должны быть открыты для всѣхъ дѣтей народа. Въ этихъ школахъ дѣтямъ должны предлагаться безвозмездно учителя, книжки и хлѣбъ: учителя, которые наставляютъ ихъ въ чтеніи, письмѣ и первыхъ правилахъ вѣроученія и ариѳметики; книжки, которыхъ они, быть можетъ, не были бы въ состояніи пріобрѣсти, и хлѣбъ, который давалъ бы законодателю право требовать отъ родителей, даже наиболѣе бѣдныхъ, чтобы они посылали своихъ дѣтей въ школы» [2]).

Сто лѣтъ спустя послѣ того, какъ эти строки были впервые написаны, издатели «Полнаго собранія сочиненій Дидро»,

[1]) *Diderot*, III, 418. [2]) Тамъ же, 520.

прочтя его указаніе на «хлѣбъ» въ школѣ для дѣтей школьнаго возраста, признали практическое значеніе этой простой мысли даже для нашего времени [1]); а мы, русскіе, для которыхъ Дидро писалъ эти мысли? Мы до сихъ поръ лишь повторяемъ съ безсильнымъ сожалѣніемъ: «И доселѣ мы не дошли до убѣжденія, что единственно вѣрное средство для всеобщаго образованія народа есть обязательность начальнаго обученія для всѣхъ... Легко себѣ представить, какія благодѣтельныя послѣдствія имѣло бы принятіе правительствомъ, болѣе вѣка тому назадъ, начала обязательности ученія: теперь почти весь русскій народъ былъ бы грамотенъ, какъ германскій, и общій уровень образованности страны, вліяющій на все ея положеніе, какъ духовное, такъ и экономическое, былъ бы гораздо выше» [2]). Но если мы и сознаемъ всю правдивость краснорѣчія Дидро въ пользу обязательнаго обученія, то, къ сожалѣнію, все еще продолжаемъ упрямо возставать противъ столь же ясныхъ истинъ, высказанныхъ Дидро по поводу увлеченія классическими языками.

«Я, конечно, воздержусь—говорилъ Дидро Екатеринѣ—утверждать предъ вашимъ величествомъ, слѣдуетъ ли ввести въ Россіи изученіе греческаго и латинскаго языковъ или же преподавать въ гимназіяхъ иныя познанія — вы знаете это лучше, чѣмъ покойный пасторъ Вагнеръ, и даже лучше, чѣмъ г-жа Кардель, распространившая въ свое время свѣтъ вѣка. Позволю себѣ только замѣтить, что языкознаніе расширяется съ каждымъ днемъ и вскорѣ познаніе словъ будетъ возможно только въ ущербъ знанію предметовъ, а изученіе новѣйшихъ языковъ вытѣснитъ вскорѣ преподаваніе языковъ мертвыхъ» [3]). Въ другой разъ Дидро развилъ предъ императрицей тотъ же взглядъ съ другой стороны. «Чрезвычайно важно знать,—говорилъ онъ,—вознаграждается ли изученіемъ однихъ древ-

[1]) C'est peut-être là, en effet, une des nécessités de l'enseignement obligatoire. *Diderot*, III, 520, note.

[2]) Записки академіи наукъ, т. XLVII, стр. 74. [3]) *Diderot*, III, 422.

нихъ языковъ то время, которое посвящается ихъ изученію, и нельзя ли драгоцѣнныя шесть-семь лѣтъ юности употребить съ бо́льшею пользою. По существу ли дѣла, или вслѣдствіе предразсудка, но мнѣ не вѣрится, чтобъ можно было обойтись безъ знанія классическаго міра. Классическая литература обладаетъ такою устойчивостью, привлекательностью, такою энергіею, которыми всегда будутъ очаровываться сильные умы. Но я полагаю, что изученіе древнихъ языковъ могло бы быть значительно сокращено и возмѣщено пріобрѣтеніемъ болѣе полезныхъ знаній. Вообще, въ школахъ придаютъ слишкомъ большое значеніе изученію словъ (mots); пора замѣнить это изученіемъ вещей (choses). Я полагаю, что въ школахъ слѣдовало бы давать всѣ свѣдѣнія, необходимыя гражданину, отъ законодательства страны до техническихъ производствъ, которыя такъ улучшили жизнь общества» [2]). Дидро не отвергалъ классическаго образованія; напротивъ, будучи самъ классикомъ, онъ ставилъ его чрезвычайно высоко: «безъ знанія греческаго и еще болѣе латинскаго языка—говорилъ Дидро—нельзя быть образованнымъ человѣкомъ» [3]); но Дидро былъ противъ увлеченія классическими языками въ школьномъ дѣлѣ и находилъ, что, вмѣсто шести-семи первыхъ лѣтъ ученія, языкамъ слѣдуетъ посвящать годъ или полтора года въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. «Неужели можно искренно утверждать,—говорилъ Дидро,—что произведенія древнихъ прозаиковъ и поэтовъ, столь трудныя по языку и опасныя для нравственности, годятся для первыхъ уроковъ юношества? Неужели въ невинныя и чистыя руки юноши можно дать Теренція съ его соблазнительными картинами, Катулла, полнаго наивныхъ сальностей, или атеистическаго Лукреція? Пойметъ ли ребенокъ письма Цицерона къ Аттику, Бруту, Цезарю, Катону, не зная ни государственныхъ учрежденій, ни нравовъ, ни обычаевъ, словомъ, не зная римской исторіи» [1])?

---

[1]) *Diderot*, III, 421. [2]) Id., 473. [3]) Id., 484.

Въ бесѣдахъ съ Екатериною Дидро нападалъ на систему преподаванія въ школахъ не однихъ только древнихъ языковъ. По его собственнымъ словамъ, онъ «возставалъ противъ порядка преподаванія, освященнаго опытомъ всѣхъ вѣковъ и народовъ» [1]), всѣхъ учебныхъ предметовъ, и не только въ гимназіяхъ, но и въ университетахъ. Подобныя преобразованія не дѣлаются во время бесѣдъ, и Екатерина, давно уже озабоченная устройствомъ училищъ въ Россіи, поручила Дидро заняться, немедленно по возвращеніи въ Парижъ, изложеніемъ его мыслей по этому вопросу и начертаніемъ подробнаго плана учебной части. «Императрица — пишетъ Дидро своей матери—почтила меня множествомъ комиссій, между которыми многія потребуютъ и всѣхъ моихъ способностей, и всего моего времени» [2]). Дидро отнесся къ порученному ему дѣлу чрезвычайно добросовѣстно [3]) и, черезъ годъ по выѣздѣ изъ Петербурга, переслалъ уже императрицѣ Екатеринѣ двѣ статьи: «Essai sur les études en Russie» и «Plan d'une université pour le gouvernement de Russie» [4]). Въ первой статьѣ Дидро подробно излагаетъ германскую систему общественнаго образованія, указывая ея достоинства и недостатки; во второй — предлагаетъ планъ устройства учебной части на реальной основѣ. Замѣчательна судьба этихъ трудовъ Дидро: писанные для Россіи, они до настоящаго времени не подвергались у насъ даже серьезному обсужденію [5]). Но, быть мо-

[1]) *Diderot*, III, 469. [2]) Госуд. Архивъ, XI, № 1051.

[3]) Такое же порученіе дано было Екатериною и Гримму: «Je remis à M. Grimm «Le Plan d'une Université» auquel Votre Majesté nous avait proposé de travailler l'un et l'autre» (Госуд. Архивъ, V, № 159, л. 5). Сборникъ, XXIII, 25, 38.

[4]) Издатели «Oeuvres complètes de Diderot» говорятъ: «Nous ne savons pas exactement à quelle époche le *Plan* fut achevé» (III, 412). На основаніи письма Дидро къ Екатеринѣ, отъ 6-го октября 1775 года (Госуд. Архивъ, V, № 159, л. 5), время окончанія «Плана» опредѣляется довольно точно: «j'ai remis, il y a quatre à cinq mois, le Plan d'une université» etc.; слѣдовательно, «Планъ» былъ оконченъ не позже іюня 1775 года.

[5]) До настоящаго времени, планъ учебной части въ Россіи, составленный Дидро, былъ, хотя кратко, на трехъ страничкахъ, но зато вѣрно переданъ

жетъ, они и не заслуживаютъ никакого вниманія? Напротивъ: французскіе ученые находятъ во взглядахъ Дидро на устройство учебной части много указаній полезныхъ и для нашего времени [1]), а нѣмецкіе педагоги признаютъ, что Дидро не

только въ 1868 г. въ статьѣ Шугурова «Дидро» (Осмнадцатый вѣкъ, I, 299—302). Въ 1875 г., когда этотъ «Plan d'une université» былъ впервые напечатанъ въ полномъ собраніи сочиненій Дидро, въ Парижѣ (III, 429—534), въ русскихъ журналахъ появились краткія извѣстія, не дающія точнаго понятія о самомъ планѣ («Слово» за 1879 г., замѣтка Б. Л. въ «Очеркахъ иностранной журналистики»). Въ 1883 г., въ брошюркѣ «Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 года», составленной гр. Д. А. Толстымъ, бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, упомянутъ на восьми страницахъ и «Планъ устройства учебной части въ Россіи, предложенный Дидро». Въ этомъ «Взглядѣ» Дидро представленъ «ненавистникомъ классическаго образованія», чѣмъ, какъ извѣстно, онъ никогда не былъ, и весь его планъ названъ «нелѣпымъ, безобразнымъ учебнымъ планомъ» единственно, кажется, потому, что Дидро писалъ по-французски и его «Планъ» до настоящаго времени не переведенъ еще на русскій языкъ. Такъ, напримѣръ, гр. Толстой увѣряетъ, будто Дидро возставалъ противъ «системы образованія, освященной опытомъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ націй», невѣрно переводя выраженіе «ordre de l'enseignement», т.-е. порядокъ преподаванія. Сверхъ того, авторъ «Взгляда» не вполнѣ знакомъ съ «Планомъ» Дидро, о которомъ говоритъ. Такъ, напримѣръ, онъ увѣряетъ, будто по «Плану» Дидро, «во второмъ классѣ, *девяти* и *десятилѣтніе* мальчики должны были проходить физику, механику, гидравлику», между тѣмъ, во введеніи къ первому классу (première classe) Дидро говоритъ: «Я начинаю преподаваніе ариѳметикой, алгеброй и геометріей, потому что эти знанія необходимы для всѣхъ. Все считается, все измѣряется. Упражненіе нашего ума сводится часто на тройное правило. Нѣтъ предметовъ болѣе общихъ, чѣмъ число и пространство. Знать геометрію и быть геометромъ—двѣ вещи совершенно разныя. Не многимъ дано быть геометрами, но всѣмъ доступно изученіе ариѳметики и геометріи. Для этого нужно только здравый смыслъ, и тринадцатилѣтній ребенокъ (l'enfant de *treize* ans), неспособный къ изученію ариѳметики и геометріи, ни къ чему негоденъ» (III, 453). Слѣдовательно, во второмъ классѣ предполагались мальчики 14-ти и 15-ти лѣтъ, а не 9-ти или 10-ти. По этимъ примѣрамъ легко уже судить, насколько «Планъ» Дидро извращенъ гр. Толстымъ въ брошюрѣ, изданной академіею наукъ.

[1]) On y découvre deux des aspirations que nous croyons propres à notre temps: l'éducation professionnelle et l'instruction gratuite et obligatoire. Il va même plus loin que nous n'allons encore: il veut que les enfants soient nourris à l'école pour enlever leur dernier prétexte aux parents récalcitrants. *Diderot*, III, 412. Объ этомъ отзывѣ въ русской печати почему-то тщательно умалчи-

только вѣрно понялъ возрастающее значеніе техническаго образованія, но даже указалъ тотъ новый путь, по которому Россія должна слѣдовать въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія [1])!

Разговаривая съ Екатериною о постановкѣ учебнаго дѣла въ Россіи, Дидро указывалъ императрицѣ, что въ этомъ случаѣ дѣятельное сочувствіе общества и непосредственное участіе его представителей важнѣе всѣхъ регламентовъ и системъ. Онъ указывалъ ей на примѣръ Германіи, гдѣ школы находятся въ вѣдѣніи городскихъ магистратовъ и старшины города являются главными представителями городскихъ училищъ. Екатерина одобрила мысль Дидро и уже въ то время, за 12 еще лѣтъ, высказала рѣшимость даровать городамъ жалованную грамоту, о чемъ Дидро записалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Если я вѣрно проникъ намѣренія императрицы, я долженъ думать, что ея величество предполагаетъ ввести въ городахъ своей имперіи муниципальную магистратуру, расширивъ и возвысивъ ея функціи. Прекрасное, заслуживающее полнаго одобренія намѣреніе, способное улучшить полицію! Одною изъ обязанностей выборныхъ старшинъ города будетъ предсѣдательствовать въ школахъ и заботиться о нихъ» [2]).

Бесѣдовала Екатерина съ Дидро и о воспитаніи цесаревича, хотя въ это именно время великій князь Павелъ Петровичъ окончилъ уже свое образованіе и начиналъ самостоятельную жизнь. Дидро принималъ близкое участіе въ

вается, но тѣмъ съ бо́льшимъ усердіемъ распространяется отзывъ г. Каро (Revue des deux mondes, 1879, novembre), дѣлающій ту ошибку, на которую мы уже указывали: принимая «plan», набросокъ, за окончательно обработанный «statut», уставъ, г. Каро, конечно, находитъ его непримѣнимымъ. Это мнѣніе повторено недавно нашею академіею въ двухъ ея изданіяхъ: «Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ» и «Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи».

[1]) Замѣчанія иностранныхъ педагоговъ на проекты уставовъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1863. Стр. 309. Осмн. вѣкъ, I, 304.

[2]) *Diderot*, III, 420.

приглашенiи Д'Аламбера быть воспитателемъ сына Екатерины въ числѣ лицъ, къ которымъ Екатерина предполагала обратиться, по отказѣ Д'Аламбера, называли и Дидро. По прiѣздѣ въ Петербургъ, Дидро не могъ не обратить вниманiя на великаго князя и, ознакомившись съ положенiемъ дѣла, говорилъ императрицѣ: «Д'Аламберъ не былъ пригоденъ для воспитанiя цесаревича; не Д'Аламбера, слѣдовало пригласить Гримма, моего друга Гримма» [1]). Подобное заявленiе, столь уже несвоевременное, можетъ быть объяснено лишь замѣченными Дидро недостатками въ воспитанiи великаго князя [2]). Во время пребыванiя Дидро въ Петербургѣ, отношенiя Екатерины къ Павлу Петровичу, всегда неискреннiя [3]), вновь замутились [4]), и Екатерина, въ разговорахъ съ Дидро, выражала, вѣроятно, сожалѣнiе о томъ недавнемъ времени, когда она цѣлые мѣсяцы проводила въ Царскомъ Селѣ въ полномъ согласiи съ своимъ сыномъ, который «не оставлялъ ее ни на

---

[1]) Прiятель Дидро, Д'Ешерни, передаетъ: «M-me de Ribas, favorite de l'impératrice, me contait à Pétersbourg que Diderot allait criant partout avec ce ton d'enthousiasme qu'il prenait souvent et *jusque dans les appartements de l'impératrice* qu'il remplissait de ses clameurs: D'Alembert n'était pas l'homme qu'il fallait pour être l'instituteur du grand duc; ce n'est pas D'Alembert qu'il fallait appeler, c'est Grimm! c'est Grimm! Voilà le seul homme capable, c'est mon ami Grimm!» *D'Escherny*, Melanges de littérature, II. *Diderot*, XX, 140.

[2]) Французскiй посланникъ Дюранъ, въ неизданной депешѣ, отъ 25-го августа 1773 года, сообщалъ своему министерству слѣдующiй взглядъ на воспитанiе Павла Петровича: «L'éducation du Czar est totalement manquée et c'est un mal sans remède, il faudrait que la nature fit un miracle en sa faveur. Son physique et son moral sont viciés au point que toute espérance est détruite et M. Panin n'aura travaillé qu'au malheur de quinze millions d'hommes et à celui de l'Europe et de l'Asie; car les mauvais conseils et le mauvais Prince influent sur le monde entier et que n'a-t-on pas à craindre du Grand-Duc qui ne vaudra jamais rien».

[3]) *Кобеко*, 63, 71 и др.

[4]) «L'Impératrice se réfroidie tout à coup pour son fils et son fils de son côté a cessé d'avoir pour M. Panin ses attentions accoutumées». M. Durand au duc d'Aiguillon. 1 mars 1774. Ср. депешу англiйскаго посланника Гуннинга, отъ 11-го февраля 1774 (Сборникъ, XIX, 399).

шагъ», сопровождая и во всѣхъ поѣздкахъ въ городъ [1]). На эти разговоры намекаетъ Дидро въ своихъ замѣткахъ о «политическихъ принципахъ государей», писанныхъ въ Гагѣ, тотчасъ по возвращеніи изъ Петербурга: «Да не ѣздитъ никогда императрица въ Царское Село безъ своего сына, да никогда сынъ не возвращается безъ нея!» [2]).

Наконецъ, самъ Дидро записалъ свой послѣдній разговоръ съ Екатериною, довольно подробно, въ письмѣ къ своей матери, изъ Гаги, отъ 9-го апрѣля 1774 года [3]). Вотъ въ какихъ выраженіяхъ передалъ онъ этотъ разговоръ:

„Едва я пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ негодяи стали писать изъ Парижа, а другіе негодяи распространять въ Петербургѣ, что, подъ предлогомъ благодарности за прежнія благодѣянія, я явился выпрашивать новыхъ; это оскорбило меня и я тотчасъ же сказалъ себѣ: я долженъ зажать ротъ этой сволочи. Поэтому-то, откланиваясь ея императорскому величеству, я представилъ нѣчто въ родѣ прошенія [4]), въ которомъ говорилъ, что прошу ее убѣдительнѣйше, и

---

[1]) Екатерина писала г-жѣ Бьельке, отъ 24-го августа 1772 года, изъ Царскаго Села: «Во вторникъ я возвращаюсь въ городъ съ моимъ сыномъ, который не хочетъ уже оставлять меня ни на шагъ, и котораго я имѣю честь такъ хорошо забавлять, что онъ мѣняетъ иногда билетики на обѣденномъ столѣ, чтобъ сидѣть рядомъ со мною» (Сборникъ, XIII, 265).

[2]) Puisse l'Impératrice n'aller jamais à Sarskoselo sans son fils! puisse son fils n'en revenir jamais sans elle! «Principes de politique des souverains», CXXXIV (*Diderot*, II, 483). Составленіе этихъ краткихъ изрѣченій, навѣянныхъ чтеніемъ Тацита, издатели сочиненій Дидро относятъ къ 1775 году; между тѣмъ, въ письмѣ Дидро къ Екатеринѣ, отъ 13-го сентября 1774 года, изъ Гаги, читаемъ: «Tandis qu'on y imprimait vos Status, je m'occupait de la ecture de Tacite, et il en est resulté un pamphlet intutulé: Notes marginales d'un souverain sur l'histoire des empereurs». *Бильбасовъ*, Дидро въ Петербургѣ, 256. Характеръ этихъ изрѣченій не трудно представить себѣ, зная, что они писаны Дидро, подъ вліяніемъ Тацита, вскорѣ по возвращеніи изъ Россіи, гдѣ тогда царствовала Екатерина II. Наиболѣе интересно слѣдующее CLXXXIII изрѣченіе: «L'ennemi le plus dangereux d'un souverain, c'est sa femme, si elle sait faire autre chose que des enfants» (Id., 493).

[3]) Госуд. Архивъ, XI, № 1051.

[4]) «Denis avait conclu un traité avec l'Impératrice qu'elle ne lui donnerait rien afin d'ôter à son voyage tout air d'intérêt» — изъ письма Гримма къ гр. Нессельроде, отъ 11-го марта 1774 г. (*Бильбасовъ*, Дидро въ Петербургѣ, 180).

даже подъ опасеніемъ запятнать мое сердце, не прибавлять ничего, такъ-таки ровно ничего, къ ея прежнимъ милостямъ. Какъ я и ожидалъ, она спросила меня о причинѣ такой просьбы. „Это—отвѣчалъ я — ради вашихъ подданныхъ и ради моихъ соотечественниковъ: ради вашихъ подданныхъ, которыхъ я не желалъ бы оставить въ томъ убѣжденіи, о которомъ они имѣли низость намекать мнѣ, будто не благодарность, а тайный расчетъ на новыя выгоды побудилъ меня къ путешествію — я хочу разубѣдить ихъ въ этомъ и необходимо, чтобъ ваше величество были столь добры поддержать меня; ради моихъ соотечественниковъ, предъ которыми я хочу сохранить полную свободу слова, чтобъ они, когда я буду говорить имъ правду о вашемъ величествѣ, не предполагали слышать голосъ благодарности, всегда подозрительный. Мнѣ будетъ гораздо пріятнѣе заслужить довѣріе, когда я стану превозносить ваши великія достоинства, чѣмъ имѣть болѣе денегъ“. Она возразила мнѣ: „А вы богаты?“— Нѣтъ, государыня, сказалъ я; но я доволенъ, а это гораздо важнѣе.—„Что-жъ мнѣ сдѣлать для васъ?“—Многое: *во-первыхъ*, ея величество не пожелаетъ, вѣдь, отнять у меня два-три года жизни, которыми я ей же обязанъ, и уплатить расходы моего путешествія, пребыванія здѣсь и возвращенія, принявъ во вниманіе, что философъ не путешествуетъ знатнымъ бариномъ, на что она отвѣчала вопросомъ: „Сколько вы хотите?“—Полагаю, что полуторы тысячи будетъ довольно. — „Я дамъ вамъ три тысячи“.—*Во-вторыхъ*, ваше величество дадите мнѣ какую-нибудь бездѣлку, цѣнную лишь потому, что она была въ вашемъ употребленіи. — „Я согласна, но скажите мнѣ, какую бездѣлку вы желаете?“ Я отвѣчалъ: вашу чашку и ваше блюдечко.—„Нѣтъ, это разобьется и васъ же опечалитъ; я подумаю о чемъ-нибудь другомъ“. — Или рѣзной камень. — Она возразила: „У меня былъ одинъ только хорошій, да я отдала его князю Орлову“. Я отвѣчалъ: Остается вытребовать у него.—„Я никогда не требую обратно того, что отдала“.—Какъ, государыня, вы настолько совѣститесь съ друзьями? — Она улыбнулась. — *Въ-третьихъ*, дать мнѣ одного изъ вашихъ служащихъ, который проводилъ бы меня и доставилъ здрава и невредима въ мой домъ или скорѣе въ Гагу, гдѣ я пробуду мѣсяца три ради служенія вашему величеству.—„Это будетъ сдѣлано“. — *Въ-четвертыхъ*, вы разрѣшите мнѣ прибѣгнуть къ вашему величеству въ томъ случаѣ, если я впаду въ разореніе, вслѣдствіе операцій правительства, или по какой-нибудь другой причинѣ.—На этотъ пунктъ она отвѣчала мнѣ: „Мой другъ (это ея слова), разсчитывайте на меня; вы найдете во мнѣ помощь во вся-

комъ случаѣ и во всякое время“. Она прибавила: „Но вы, значитъ, вскорѣ уѣзжаете?“—Если ваше величество позволите.—„Да вмѣсто того, чтобъ уѣзжать, почему вамъ не выписать сюда свое семейство?“—О, государыня,—отвѣчалъ я,—моя жена женщина престарѣлая и очень хворая, и съ нами живетъ ея сестра, которой близится уже восемьдесятъ лѣтъ!—Она ничего на это не отвѣчала.—„Когда же вы ѣдете?“—Какъ только позволитъ погода.—„Такъ не прощайтесь же со мною: прощанье наводитъ грусть“.

„Вотъ, голубушка, какъ болтаютъ съ императрицею Россіи и передаваемая мною бесѣда похожа на шестьдесятъ другихъ, которыя ей предшествовали.

На этомъ обрываются всѣ несомнѣнно достовѣрныя свѣдѣнія объ этихъ «шестидесяти» бесѣдахъ Дидро съ Екатериною. Эти бесѣды «безъ свидѣтелей» возбудили многихъ противъ Дидро; по поводу этихъ бесѣдъ не только ходили различные слухи, но слагались цѣлыя легенды. Только одинъ изъ народныхъ разсказовъ, не подтверждаемыхъ несомнѣнными доказательствами, можетъ показаться съ перваго раза довольно вѣроятнымъ. Такъ, разсказывали, что, находясь однажды вечеромъ у императрицы, Дидро съ бурнымъ краснорѣчіемъ изобличалъ низость тѣхъ, которые льстятъ государямъ; для такихъ людей, сказалъ онъ, долженъ былъ бы существовать болѣе мрачный и болѣе страшный адъ. «Скажите мнѣ, Дидро,—прервала его Екатерина,—что говорятъ въ Парижѣ о смерти моего мужа?» Вмѣсто того, чтобъ сказать ей всю правду философъ сталъ разсыпаться въ самыхъ сладкихъ любезностяхъ. «Признайтесь же,—сказала Екатерина,—что если вы и не идете по тому пути, который ведетъ въ вашъ мрачный адъ, то вы все-таки очень не далеко отъ чистилища» [1]). Въ этомъ разсказѣ, однако, все невѣроятно: и вопросъ Екатерины о «смерти мужа», и отвѣтъ Дидро, составленный изъ «сладкихъ любезностей». Въ изданныхъ уже русскимъ историческимъ обществомъ бумагахъ Екатерины, обнимающихъ

---

[1]) *Морлей*, 443.

пять томовъ [1]), только въ трехъ письмахъ Екатерина упоминаетъ о своемъ мужѣ и всегда въ формѣ, крайне осторожной [2]). Екатерина не любила разговаривать о Петрѣ Ѳеодоровичѣ и ей не было нужды предлагать Дидро подобный вопросъ—она хорошо знала, что̀ говорили по этому поводу въ Парижѣ. Съ другой стороны, Дидро, хлопотавшій, по порученію императрицы, о произведеніи Рюльера, не имѣлъ ни надобности, ни возможности ограничиваться «сладкими любезностями». Намъ кажется, что весь разсказъ сочиненъ противниками Дидро, желавшими выставить его человѣкомъ «унизительно льстивымъ» [3]).

Въ депешѣ англійскаго посланника сэра Роберта Гуннинга графу Суффольку, отъ 12-го (23-го) ноября 1773 года, говорится: «Чрезвычайно конфиденціально и подъ условіемъ тайны графъ Панинъ сообщилъ мнѣ, что г. Дидро, пользуясь постояннымъ доступомъ къ императрицѣ, вручилъ ей, нѣсколько дней назадъ, бумагу, данную ему г. Дюраномъ и содержащую предложенія касательно условій мира съ турками— которыхъ французскій дворъ обязуется достигнуть, если его

---

[1]) Къ четыремъ томамъ «бумагъ Екатерины II» (VII, X, XIII и XXVII) мы присоединяемъ пятый томъ, XXIII, въ которомъ помѣщены 273 письма Екатерины къ Гримму.

[2]) Въ настоящее время издано болѣе 10.000 различнаго рода бумагъ Екатерины и только въ слѣдующихъ трехъ упомянутъ Петръ III, какъ «мужъ» Екатерины: 1) въ письмѣ къ г-жѣ Бьельке, отъ 20-го января 1767 г.: «Нѣтъ ничего хуже имѣть мужемъ ребенка. Я опытна по этой части и принадлежу къ числу тѣхъ женщинъ, которыя думаютъ, что всегда виноваты мужья, если они не любимы, потому что поистинѣ я бы очень любила своего, если бы представлялась къ тому возможность и если бы онъ былъ такъ добръ, что желалъ бы этого» (Сборникъ, X, 164); 2) въ письмѣ къ Гримму, отъ 25-го апрѣля 1774 года: «Великая княгиня не беременна, какъ васъ увѣряли. На этотъ счетъ я не чувствую нетерпѣнія, да и не имѣю права на то: у меня самой не было дѣтей въ продолженіе девяти лѣтъ супружества; правда, впрочемъ, что обстоятельства были другія» (Id., XIII, 400), и 3) въ письмѣ къ Гримму, отъ 14-го августа 1788 года: «Марія-Терезія находила своего мужа очень любезнымъ, чего я по совѣсти не могла сказать о своемъ, а вы знаете, что я не рождена для лжи» (Id., XXIII, 462).

[3]) Сборникъ, XIX, 397.

добрыя услуги будутъ приняты императрицею. Г. Дидро, извиняясь въ этомъ поступкѣ, совершенно выходящемъ изъ его сферы, объяснилъ, что не могъ отказаться отъ исполненія требованія французскаго посланника подъ опасеніемъ быть, по возвращеніи на родину, ввергнутымъ въ Бастилію. Ея величество, какъ сообщилъ мнѣ г. Панинъ, отвѣчала, что, въ диву этого соображенія, она извиняетъ неприличіе его поступка, но съ условіемъ, чтобъ онъ въ точности передалъ посланнику, что̀ сдѣлала она съ этой бумагой, причемъ императрица бросила бумагу въ огонь» [1]). Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что англійскій посланникъ совершенно точно передалъ своему правительству сообщеніе, сдѣланное ему графомъ Панинымъ и не заслуживающее никакого довѣрія. Мы пересмотрѣли всѣ депеши французскаго посланника Дюрана герцогу д'Эгильйону за время пребыванія Дидро въ Петербургѣ, и въ нихъ ни словомъ не упомянуто о фактѣ, сообщенномъ графомъ Панинымъ, о чемъ, конечно, посланникъ не могъ бы скрыть отъ своего правительства.

Характеръ отношеній Дюрана къ Дидро обрисовывается въ депешахъ довольно опредѣленно и вполнѣ обличаетъ нелѣпость этого разсказа графа Панина. Депеша англійскаго посланника помѣчена 12-мъ ноября; между тѣмъ 6-го ноября французскій посланникъ сообщалъ герцогу д'Эгильйону: «Я сказалъ г. Дидро, чего я ожидалъ бы отъ француза. Онъ обѣщалъ мнѣ уничтожить, если окажется возможнымъ, предубѣжденія императрицы противъ насъ и дать ей почувствовать, насколько ея слава могла бы пріобрѣсти блеска тѣснымъ союзомъ съ націею, болѣе, чѣмъ всякая другая, способною оцѣнить выдающіяся способности императрицы и придерживаться относительно ея благороднаго образа дѣйствій» [2]).

[1]) Сборникъ, XIX, 383.

[2]) M. Durand au duc d'Aiguillon, 6 novembre 1773: «J'ai dit à m-r Diderot ce que j'attendais d'un français. Il m'a promis d'effacer, s'il est possible, les préjugés de cette Princesse contre nous et de lui faire sentir ce que sa gloire

Черезъ три недѣли, въ депешѣ отъ 27-го ноября, Дюранъ сообщаетъ: «ни Гримму, никому другому изъ лицъ, которыми пользуюсь для своихъ видовъ, я не повѣряю ничего такого, изъ чего они могли бы сдѣлать дурное употребленіе. Я сказалъ ему: «Уничтожьте тѣ впечатлѣнія, которыя вы признаете ложными; покажите Россіи, что мы можемъ сдѣлать для ея славы и для взаимной пользы». Этотъ только видъ довѣрія не можетъ намъ повредить, но можетъ ослабить намѣренія вредить» [1]). Герцогъ д'Эгильйонъ вполнѣ одобрилъ такія отношенія посланника къ Дидро и въ депешѣ отъ 2-го декабря писалъ: «Увѣщанія, сдѣланныя вами г. Дидро, вполнѣ умѣстны; но я не знаю, можно ли полагаться на его чувства настолько, чтобъ думать, что г. Дидро будетъ дѣйствовать сообразно тѣмъ принципамъ, о которыхъ вы ему напомнили: въ его недавно изданномъ сочиненіи встрѣчается мѣсто, по которому нельзя составить хорошаго мнѣнія о привязанности его къ родинѣ» [2]). И этому-то Дидро крайне осторожный французскій посланникъ долженъ былъ довѣриться настолько, чтобъ въ конецъ скомпрометировать свое положеніе при петербургскомъ дворѣ! Наконецъ, упоминаніе о заточеніи въ Бастилію обличаетъ вымышленность всего разсказа. Для какой же цѣли былъ онъ вымышленъ нестѣснявшимся вымыслами [3]) графомъ Панинымъ? На это указываетъ одно

---

pourrait acquérir d'éclat par une union intime avec une nation plus capable qu'une autre de rendre justice à ses qualités éminentes et de n'user avec Elle que de procedés nobles».

[1]) M. Durand au duc d'Aiguillon, 27 novembre 1773: «Je ne confierai rien à M. Grimm ni aux autres personnes que j'emploie pour m'éclairer pour agir dont ils puissent faire un mauvais usage. Je leur dit: «Effacez des impressions que vous savez être fausses; montrez à la Russie ce que nous pouvons faire pour sa gloire et pour l'utilité réciproque». Cette apparence de confiance ne peut nous nuire et peut ralentir les dispositions où l'on serait de le faire».

[2]) Le duc d'Aiguillon à M. Durand, 2 décembre 1773.

[3]) Графъ Никита Панинъ былъ очень неразборчивъ на средства для достиженія своихъ цѣлей и нерѣдко прибѣгалъ къ вымысламъ. Ему же принадлежитъ, напримѣръ, вымышленный разсказъ о томъ, будто въ 1779 году,

мѣсто въ той же депешѣ англійскаго посланника [1]): въ это время боролись двѣ партіи, Панина и Орлова, и Панинъ искалъ себѣ союзниковъ, старался расположить въ свою пользу всѣхъ, особенно же дипломатическій корпусъ, такъ какъ было предположеніе назначить его канцлеромъ [2]).

«По пріѣздѣ въ Петербургъ,—сказано въ запискахъ Тьебо,—Дидро не мало забавлялъ императрицу плодовитостью и пылкостью своего воображенія, богатствомъ и оригинальностью мыслей, также краснорѣчіемъ, смѣлостью и задоромъ, съ которыми онъ открыто проповѣдывалъ безбожіе. Тѣмъ не менѣе, кое-кто изъ придворныхъ сановниковъ, постарше другихъ лѣтами, поопытнѣе и помнительнѣе, представили вниманію государыни и убѣдили ее, что подобная проповѣдь могла бы принести опасныя послѣдствія, въ особенности при дворѣ, гдѣ многолюдная молодежь, предназначаемая къ высшимъ государственнымъ должностямъ, способна усвоить себѣ такое зловредное ученіе, болѣе увлекаясь юношескою воспріимчивостью, нежели слѣдуя умозаключительнымъ выводамъ. Тогда, говорятъ, императрица выразила желаніе, чтобы побудили Дидро къ молчанію о подобныхъ вопросахъ, но чтобы сдѣлали ему это внушеніе подъ рукою, т.-е. безъ всякаго видимаго съ ея стороны участія и безъ принудительныхъ мѣръ. Вслѣдъ затѣмъ, однажды, вечеромъ, сказали французскому философу, что одинъ русскій мыслитель, ученый математикъ и почетный членъ академіи, предлагаетъ доказать ему бытіе

вскорѣ по заключеніи тешенскаго мира, которымъ окончилась война за баварское наслѣдство, Фридрихъ II выдавалъ прусскаго принца Генриха за человѣка, лишившагося разсудка, и когда Екатерина отнеслась съ недовѣріемъ къ подобному вымыслу, то графъ Панинъ сталъ увѣрять императрицу, что самъ читалъ объ этомъ въ собственноручной припискѣ короля, и Екатерина повѣрила. Много лѣтъ спустя она пишетъ Гримму въ письмѣ отъ 23-го января 1784 года: «Ce fait je le tiens du comte Panine, qui prétendait avoir lu ce passage écrit de la propre main du roi dans un postscript» (Сборникъ, XXIII 471). Сама Екатерина считала графа Никиту Панина человѣкомъ порочнымъ и фальшивымъ (Id., 275).

[1]) Сборникъ, XIX, 385. [2]) Durand au duc d'Aiguilllon, 25 août 1773.

Божіе посредствомъ алгебраической формулы, при всемъ дворѣ, и такъ какъ Дидро заявилъ, что будетъ очень радъ выслушать эти доводы, которымъ, однако, онъ заранѣе не вѣритъ, то назначили день и часъ для предстоящаго пренія. Въ условленное время, въ присутствіи всего придворнаго общества, гдѣ было много молодыхъ людей, русскій философъ съ важностью подошелъ къ французскому и возгласилъ, тономъ убѣжденія: «Милостивый государь, $\frac{a-l-b^n}{z}=x$; слѣдовательно, Богъ существуетъ; отвѣчайте же». Дидро собрался было обличать несостоятельность и неприложимость этого доказательства, но, чувствуя невольное смущеніе, обыкновенно ощущаемое въ тѣхъ случаяхъ, когда мы замѣчаемъ у другихъ намѣреніе посмѣяться на нашъ счетъ, не могъ избѣгнуть заготовленныхъ на этотъ случай шуточекъ» [1]).

Этотъ же разсказъ, но въ иной формѣ, записанъ Карабановымъ: «Извѣстный Дидеротъ, бывъ въ Петербургѣ, имѣлъ съ Платономъ, тогдашнимъ учителемъ наслѣдника, разговоръ о вѣрованіи и началъ опровергать бытіе Бога. Нашъ первосвященникъ заткнулъ его уста, сказавши по-латыни: «Рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ» [2]).

Тьебо понимаетъ нелѣпость разсказа, недостойнаго ни важности предмета, ни положенія лицъ, которыя должны были принимать участіе въ «шуточкахъ», и спѣшитъ прибавить: «Я не ручаюсь за дѣйствительность или точность всѣхъ этихъ фактовъ, но на Сѣверѣ они слыли достовѣрными, и я передалъ ихъ въ томъ видѣ, какъ самъ слышалъ»; Карабановъ, записывая разсказъ «со словъ именитыхъ лицъ», искренно вѣритъ въ его правдивость.

Въ настоящее время, когда изданы всѣ сочиненія Дидро, утверждать, что Дидро вѣровалъ въ бытіе Бога, какъ мы вѣримъ, значило бы распространять такія же нелѣпости,

[1]) «Русская Старина», XXIII, 576. [2]) «Русская Старина», V, 768.

какія распространяли Тьебо и Карабановъ. Равнымъ образомъ, теперь нельзя уже называть атеистомъ Дидро, который отвергалъ самый атеизмъ. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ произведеній, въ «Мысляхъ философскихъ», Дидро, тогда еще деистъ, хотя и дѣлавшій уже различіе «entre mon Dieu et celui des dévots», сожалѣетъ «истинныхъ атеистовъ, такъ какъ они лишены всякаго утѣшенія» [1]); но вскорѣ, пройдя чрезъ пантеистическую и натуралистическую философію [2]), онъ доказываетъ уже нелѣпость обвиненій въ атеизмѣ и повторяетъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Гольбахомъ: «Если бы подъ словомъ атеистъ вы разумѣли человѣка, не признающаго существованія той силы, которая присуща матеріи и безъ которой невозможно представить себѣ природу, и если бы вы назвали эту движущую силу Богомъ, то слово атеистъ было бы однозначуще съ словомъ умалишенный» [3]). Но оставимъ нелѣпыя по существу обвиненія въ атеизмѣ; для насъ важнѣе то обстоятельство, что Дидро никогда въ этомъ отношеніи не насиловалъ личной совѣсти и даже относился съ уваженіемъ къ предразсудкамъ другихъ. «Я знаю ханжей,— говоритъ Дидро;—они способны только все заподозрѣвать и всѣхъ преслѣдовать. Я родился въ лонѣ римско-католической церкви и желаю умереть въ вѣрѣ моихъ отцовъ, которую я признаю хорошею настолько, насколько это возможно для человѣка, никогда не находившагося въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ божествомъ и не испытывавшаго чудесъ. Вотъ мое исповѣданіе вѣры; я почти увѣренъ, что ханжи будутъ имъ недовольны, хотя между ними нѣтъ, быть можетъ, ни одного, который былъ бы въ состояніи представить лучшее исповѣданіе» [4]). По отношенію къ Россіи, Дидро прямо говоритъ: «Ея императорское величество не раздѣляетъ взгляда

[1]) Je plains les vrais athées—toute consolation me semble morte pour eux. Pensées philosophiques, XXII. *Diderot*, I, 134.

[2]) The Nineteenth Century, 1881, IV, 701.

[3]) *Морлей*, 189. [4]) *Diderot*, I, 153.

Бэйля, который утверждаетъ, что общество атеистовъ можетъ быть устроено такъ же хорошо, какъ общество деистовъ, и лучше, чѣмъ сборище изувѣровъ; она не думаетъ, какъ Плутархъ, что суевѣріе болѣе опасно по своимъ послѣдствіямъ и болѣе оскорбляетъ божество, чѣмъ безвѣріе; она не называетъ религію, вмѣстѣ съ Гоббесомъ, суевѣріемъ, разрѣшаемымъ законами, а суевѣріе—религіею, законами запрещаемою; она полагаетъ, что страхъ загробныхъ наказаній имѣетъ большое вліяніе на дѣйствія людей, и что злодѣяніе, не останавливаемое висѣлицей, можетъ быть остановлено страхомъ наказанія въ будущей жизни. Несмотря на неисчислимыя бѣдствія, которыя принесли человѣчеству религіозныя мнѣнія, несмотря на неудобства системы, отдающей довѣрчивый народъ въ руки поповъ, всегда опасныхъ соперниковъ власти государственной, системы, которая навязываетъ государямъ духовнаго главу и устанавливаетъ законы болѣе твердые и болѣе священные, чѣмъ ихъ собственные—она убѣждена, что сумма ежедневныхъ благъ, доставляемыхъ религіею всѣмъ слоямъ общества, превышаетъ сумму зла, производимаго между гражданами религіозными сектами, а между народами религіозною нетерпимостью, этимъ умоизступленіемъ, противъ котораго нѣтъ лекарства. Итакъ, остается только сообразоваться со взглядами ея величества при обученіи ея подданныхъ и объяснять имъ различіе двухъ естествъ, существованіе Бога, безсмертіе души и будущую жизнь, какъ предварительныя свѣдѣнія о нравственности» [1]).

Представляется, поэтому, совершенно невѣроятнымъ, чтобы Дидро, будучи въ Петербургѣ, «открыто проповѣдывалъ безбожіе» или «опровергалъ бытіе Божіе». Эта невѣроятность, столь противорѣчащая характеру Дидро, переходитъ въ невозможность, вслѣдствіе внѣшней обстановки, приданной обоимъ разсказамъ. По единогласному отзыву всѣхъ

[1]) *Diderot*, III, 490.

современниковъ, Дидро былъ не столько замѣчательный писатель, какъ краснорѣчивый собесѣдникъ [1]), неутомимый, по словамъ Екатерины, въ диспутахъ [2]), котораго, конечно, не могли бы смутить ни алгебраическая формула, лишенная смысла, ни текстъ изъ св. писанія. Менѣе всего можно было смутить Дидро алгебраической формулой: математика была его любимымъ занятіемъ, его gagne-pain, такъ какъ онъ не только давалъ уроки математики, но и писалъ математическіе мемуары [3]). Не менѣе удаченъ и выборъ Платона въ собесѣдники Дидро. Платонъ, конечно, не осрамилъ бы себя аргументомъ, который приписываютъ ему «именитые люди», но слабыя головы. Это былъ человѣкъ, получившій для своего времени хорошее образованіе, и, что̀ въ данномъ случаѣ особенно важно, онъ, по словамъ своего ученика, великаго князя Павла Петровича, «поставлялъ за правило показывать всегда заключающихся въ святомъ писаніи уставовъ и бытій съ естественнымъ разумомъ согласованіе и утверждать оныя доводами здраваго человѣческаго разсужденія» [4]). Платону вовсе не къ лицу замѣнять «здравыя человѣческія разсужденія» текстомъ св. писанія.

Дидро пріѣхалъ въ Петербургъ больной. Невская вода дѣйствовала довольно вредно [5]) на его желудокъ. Едва оправившись, онъ, въ половинѣ ноября, вновь захворалъ и не-

---

[1]) *Barrière*, V, 315; Correspondance littéraire, XIII, 207; *D'Escherny*, Melanges de littérature, II, 98; *Морлей*, 29.

[2]) Сборникъ, XXIII, 33.

[3]) Mémoires sur différents sujets de mathématique. *Diderot*, IX, 73—182. Сверхъ того, въ Публичной библіотекѣ хранится неизданная еще рукопись, въ четверку, озаглавленная «Premiers principes sur les mathématiques».

[4]) Христіанская богословія для употребленія великаго князя Павла Петровича, сочиненная іеромонахомъ Платономъ. Спб. 1765. Въ концѣ книги два приложенія: 1) Разсужденіе о Мельхиседекѣ, его императорскому высочеству поднесенное, и 2) письменный отвѣтъ его императорскаго высочества на оное разсужденіе, откуда и заимствованы приведенныя нами слова (стр. 169).

[5]) J'ai eu deux fois la néva à Pétersbourg. La néva est la diarrhée que donnent les eaux de cette rivière. *Diderot*, XX, 58.

дѣли три не выходилъ изъ дому. Въ письмѣ къ вице-канцлеру князю Голицыну, которое помѣчено «днемъ св. Екатерины», 24-мъ ноября, Дидро говоритъ, что уже десять дней, какъ не выходитъ изъ дому, страдая желудкомъ [1]). «Ея императорское величество была такъ добра, что предложила мнѣ нишу въ Царскомъ Селѣ, но эта ниша осталась безъ святого» [2]). Въ половинѣ февраля, передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга, Дидро опять прихворнулъ, на этотъ разъ довольно сильно — спазмами въ груди, которыя, впрочемъ, вскорѣ прошли [3]). Это и неудивительно: въ 1773 году лѣто было дождливое, холодное, зима—вялая, безснѣжная, причемъ постоянно дули холодные вѣтры. Почти всѣ иностранцы, посѣтившіе Петербургъ по случаю бракосочетанія великаго князя, захворали: «ландграфиня гессенъ-дармштадтская, ея дочери и вся свита переболѣли» [4]), Гриммъ схватилъ лихорадку [5]), полковникъ графъ Гёрцъ, пріѣзжавшій съ поздравленіемъ отъ Фридриха II, простудился [6]).

Екатерина приняла Дидро какъ дорогого гостя. Она подарила ему, кромѣ цвѣтного костюма, въ которомъ онъ могъ являться во дворецъ, дорогую шубу и муфту [7]), приняла на

---

[1]) *Diderot*, XX, 88.

[2]) Это подтверждается неизданнымъ письмомъ Гримма къ гр. Нессельроду, отъ 6-го декабря 1773 г., изъ Царскаго Села, въ которомъ, между прочимъ, говорится: «Denis a été constamment incommode et n'a pu venir ici».

[3]) Изъ неизданнаго письма Гримма къ графу Нессельроду, отъ 1-го марта 1774 г., «Denis a encore été malade». Подробности болѣзни разсказаны Дидро въ письмѣ изъ Гаги, отъ 9-го апрѣля 1774 г. (*Diderot*, XX, 59).

[4]) *Кобеко*, 87.

[5]) Изъ неизданнаго письма Гримма къ графу Нессельроду: «Etant allé il y a quinze jours à Sarskosélo à la suite de l'Impératrice, je me suis trouvé attaqué le surlendemain d'une fièvre reglée».

[6]) Le comte de Goerz s'est levé aujourd'hui de son lit pour avoir son audience de congé, et puis je crois qu'il se recouche. Il est malade des suites d'un refroidissement. Il a été saigné, je crois qu'il sera obligé de garder quelques jours la chambre et peut-être même le lit avant de se mettre en route. Неизданное письмо Гримма къ графу Нессельроду, отъ 17-го января 1774 года.

[7]) Неизданное письмо Гримма къ гр. Нессельроду, отъ 19-го ноября 1773 г.: Denis recevra tout à l'heure de Sa Majesté une belle pelisse et un beau manchon.

свой счетъ всѣ расходы по содержанію его въ домѣ Нарышкина [1]). По желанію Екатерины, академія наукъ избрала Дидро своимъ членомъ [2]), академія художествъ—почетнымъ вольнымъ общникомъ [3]). Екатерина дивилась его глубокимъ познаніямъ, особенно же его смѣлому уму, плѣнялась его бесѣдой, признавала его человѣкомъ необыкновеннымъ. Вотъ что она писала Вольтеру отъ 27-го декабря 1773 года: «Дидро, здоровье котораго еще слабо, останется у насъ до февраля. Я вижусь съ нимъ очень часто и наши бесѣды нескончаемы. Не знаю, очень ли скучаетъ онъ въ Петербургѣ, что же касается меня, я бесѣдовала бы съ нимъ всю жизнь безъ скуки. Я нахожу у Дидро неистощимое воображеніе и ставлю его въ разрядъ самыхъ необыкновенныхъ людей, которые когда-либо существовали» [4]). Этому можно вѣрить: всѣ, кто зналъ Дидро, увлекались имъ: Екатерина, окруженная людьми и мало образованными, и непривычными работать мозгами въ такой мѣрѣ, какъ Дидро, увлеклась имъ до того, что уговаривала его остаться навсегда при ней, въ качествѣ совѣтника и помощника [5]). Съ своей стороны, Дидро искренно восхищался Екатериной. «Ахъ, друзья мои,—пишетъ онъ изъ Гаги, отъ 15-го іюня 1775 года,—какая государыня, что за необыкновенная женщина! Это душа Брута въ образѣ Клеопатры [6])—мужество одного и прелести другой; невѣроятная твердость въ мысляхъ со всею обольстительностью и возможною легкостью въ выраженіи: любовь къ истинѣ, доведенная до высшей степени; полное знаніе дѣлъ своего государства» [7]). Незнакомый съ Россіею или, что еще хуже въ данномъ случаѣ,

---

[1]) C'est une dette à l'acquit de Sa Majesté Impériale, qui y a consenti. Государ. Архивъ, V, № 159, л. 2.

[2]) L'Impératrice m'a cruellement humilié en me faisant nommer membre de l'Académie impériale des sciences en même temps que Denis. Неизданное письмо Гримма къ гр. Нессельроду, отъ 19-го ноября 1773 г.

[3]) Мѣсяцесловъ, l. c. [4]) Сборникъ, XIII, 377.

[5]) Госуд. Архивъ, V, № 159, л. 8. [6]) *Diderot*, XX, 39.

[7]) Ibid., XIX, 348; *Вяземскій*, V, 205.

знавшій Россію и русскіе порядки такими, какими ихъ рисовала ему Екатерина, Дидро совершенно искренно говорилъ повсюду, что онъ «имѣлъ душу раба въ странѣ людей, которыхъ называютъ свободными, и обрѣлъ душу человѣка свободнаго въ странѣ людей, которыхъ называютъ рабами» [1]). Онъ говорилъ это императрицѣ въ глаза и она выслушивала его съ удовольствіемъ [2]); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не стѣсняясь говорилъ всѣмъ, что «идеи, будучи перенесены изъ Парижа въ Петербургъ, принимаютъ иной цвѣтъ» [3]), и громко заявлялъ всѣмъ, кто только желалъ слушать, что «подъ 60° широты блекнутъ идеи, цвѣтущія подъ 48°» [4]).

Обласканный императрицею, Дидро, конечно, былъ хорошо принятъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Еще не выѣзжая изъ Петербурга, Дидро писалъ въ прощальномъ письмѣ къ Екатеринѣ: «Не могу умолчать о безчисленныхъ любезностяхъ, оказанныхъ мнѣ почти всѣми вельможами вашего двора. Вездѣ, гдѣ я ни показывался, мнѣ воздавали гораздо болѣе, чѣмъ заслуживало мое скромное достоинство» [5]). Года черезъ два, онъ пишетъ Екатеринѣ то же самое: «Русскіе вельможи сдѣлали мнѣ такой пріемъ въ Петербургѣ, за который я могу поблагодарить только тѣмъ, что никогда его не забуду» [6]). Былъ ли этотъ пріемъ искрененъ? Полагаемъ, да. Чужестранецъ, никому не мѣшавшій и ни во что не вмѣшивавшійся, Дидро являлся въ петербургскомъ обществѣ гостемъ императрицы, чего уже было вполнѣ достаточно, чтобъ обезпечить ему тотъ хорошій пріемъ, о которомъ онъ говоритъ; какъ человѣкъ высокообразованный, онъ не обращалъ вниманія на мелочи, на внѣшность, и вынесъ убѣжденіе, что его принимали даже лучше, чѣмъ онъ заслуживалъ. Между тѣмъ, по отзыву лицъ, высоко цѣнившихъ Дидро, его принимали въ петербургскомъ обществѣ довольно холодно. «Нашъ

---

[1]) Госуд. Архивъ, V, № 259, л. 2. [2]) Ibid., л. 3.
[3]) *Diderot*, XX, 40. [4]) Сборникъ, XVII, 282.
[5]) Госуд. Архивъ, V, № 159, л. 9. [6]) Ibid., л. 6-й.

другъ Денисъ — пишетъ генералъ-квартирмейстеръ Ф. В. Бауеръ графу Нессельроду—живетъ здѣсь тихо, въ уединеніи, и меня особенно печалитъ, что заслуги чаще всего при полномъ свѣтѣ остаются въ тѣни. Не знаю, гдѣ искать причину этого. Быть можетъ, придаютъ особое значеніе внѣшности, не обращая вниманія на внутреннія достоинства, и потому вводятся въ обманъ; быть можетъ, тѣ идеи, которыя подъ 48° широты находятся въ полномъ цвѣту, мерзнутъ подъ 60°, или здѣсь недостаетъ теплоты, необходимой для воспріятія чувствованій. Гриммъ многое поразскажетъ вамъ по этому поводу» [1]). Намъ неизвѣстно, что разсказывалъ по этому поводу Гриммъ при свиданіи съ графомъ Нессельродомъ; но въ своихъ письмахъ Гриммъ подтверждаетъ именно первую догадку Бауера: «Дидро былъ здѣсь такимъ же чудакомъ, какъ и въ Парижѣ, и такъ какъ здѣсь вовсе не привыкли ни къ чему подобному, то онъ казался еще болѣе страннымъ» [2]). Другими словами: судили и осуждали Дидро за его странности, шокировавшія петербургское общество, воспитанное исключительно на внѣшнемъ лоскѣ.

У Дидро были недоброжелатели, но не въ Петербургѣ, а въ Парижѣ и Берлинѣ. Одинъ изъ парижскихъ книгопродавцевъ, оскорбленный письмомъ Дидро, попавшимъ въ печать, распускалъ про него всевозможныя нелѣпости, иногда даже оскорбительныя сплетни, которыя, впрочемъ, не доходили до Дидро [3]); въ Берлинѣ были недовольны Дидро за то, что онъ не желалъ посѣтить короля Фридриха II, о чемъ такъ много хлопотали въ Петербургѣ и посолъ графъ Сольмсъ, и пол-

---

[1]) Мы не могли отыскать писемъ генерала Бауера къ гр. Нессельроду, а пользовались только отрывками, напечатанными въ Сборникѣ, XVII, 282.

[2]) Il a été aussi étrange ici qu'à Paris et comme on n'est pas fait ici à ces allures, il l'a paru bien d'avantage. Изъ неизданнаго письма Гримма къ гр. Нессельроду, отъ 7-го февраля 1774 года.

[3]) Ce qu'il y a de bon, c'est que Denis ne sait rien de toutes ces horreurs-là. Id.

ковникъ графъ Гёрцъ [1]). Но все это нимало не касалось петербургскаго общества. Наконецъ, если и принять за достовѣрное, что «Дидро встрѣтилъ со стороны Павла Петровича холодный пріемъ» [2]). то ни положеніе великаго князя при дворѣ Екатерины, ни его отношенія къ петербургскому обществу не могутъ служить опроверженіемъ словъ Дидро о хорошемъ пріемѣ, оказанномъ ему русскими вельможами. Это подтверждается и связями. Дидро съ сторонниками обѣихъ партій, боровшихся при дворѣ еще наканунѣ пріѣзда Дидро въ Петербургѣ: Дидро жилъ въ домѣ Нарышкина, приверженца графа Орлова, и переписывался съ княгинею Дашковою, державшею сторону графа Панина [3]). Изъ Петербурга Дидро

[1]) Графъ Нессельродъ очень интересовался поѣздкой Дидро въ Берлинъ и просилъ Гримма содѣйствовать въ этомъ случаѣ петербургскимъ представителямъ прусскаго короля, вслѣдствіе чего Гриммъ сообщалъ графу Нессельроду всѣ подробности бывшихъ по этому поводу переговоровъ. Онъ упоминаетъ объ этомъ въ пяти письмахъ, причемъ самъ отказывается имѣть въ этомъ отношеніи какое-либо вліяніе на Дидро (отъ 6-го, 28-го и 30-го декабря 1773 года и 14-го января и 7-го февраля 1774 года, см. *Бильбасовъ*, l. c., 163, 164, 166, 169 и 173).

[2]) *Кобеко*, 107. Въ двухъ депешахъ англійскаго посланника сэра Роберта Гуннинга значится: 1) отъ 22-го ноября 1773 г.: «His (Diderot's) flattery to the Great Duke was full as gross, but, to this young Prince's honour, he has shown as much contempt for it as abhorrence of his boasted philosopher's pernicious principles (Сборникъ, XIX, 839) и 2) отъ 7-го января 1774 г.: «The Great Duke hitherto manifested the greatest aversion to every thing which borders upon flattery, of which he has latery given an instance in his treatment of M. Diderot after some very fulsome compliments he had made him, and whose abominable opinions inspire him with as much contempt as horror» (Id., 397). На отзывъ сэра Роберта Гуннинга полагаться нельзя; именно онъ и есть тотъ «un certain ministre étranger», о которомъ Гриммъ говоритъ въ письмѣ къ графу Нессельроду, отъ 14-го января 1774 г. (*Бильбасовъ*, Дидро въ Петербургѣ, 171). Насколько свѣдѣнія англійскаго посланника относительно пребыванія Дидро въ Петербургѣ были не вѣрны, видно изъ депеши отъ 22-го ноября 1773 г., въ которой онъ говоритъ, что «Дидро въ настоящую минуту находится въ Царскомъ Селѣ у императрицы» (Diderot is at present with her at Zarsco Selo). между тѣмъ изъ письма самого же Дидро видно что онъ въ это время не выходилъ изъ комнаты (*Бильбасовъ*, l. c., 181).

[3]) Записки М. А. Фонвизина, въ «Русской Старинѣ» 1884 г., апрѣль, стр. 60 sqq.

написалъ ей два письма, свидѣтельствующія о дружескихъ отношеніяхъ, существовавшихъ между ними во все время пребыванія Дидро въ Петербургѣ [1]). Несомнѣнно, конечно, что въ Петербургѣ Дидро не сошелся ни съ однимъ изъ русскихъ выдававшихся въ то время дѣятелей такъ близко, какъ съ императрицей Екатериною или съ княгинею Дашковою. «Дидро не одержалъ здѣсь—пишетъ Гриммъ—ни одной побѣды, кромѣ какъ надъ императрицею, такъ какъ не всѣ, вѣдь, подобно ей, способны сживаться и уважать странности генія» [2]). Генералъ Бауеръ былъ совершенно правъ, сожалѣя по этому поводу не о Дидро, а о русскихъ [3]), не умѣвшихъ пользоваться его знакомствомъ, отъ котораго, по мнѣнію Бауера, они могли только выиграть [4]).

Гость императрицы посѣтилъ въ Петербургѣ, любимое учрежденіе Екатерины—Смольный институтъ. Люди, не обладающіе историческимъ пониманіемъ явленій, способны глумиться надъ заботами Екатерины II по созданію копіи съ «королевскаго дома Сэнъ-Сира»; они не въ состояніи оцѣнить всего значенія для русской культуры этого института, который вносилъ въ русскую семью болѣе мягкіе нравы. Дидро, незнакомый съ Россіею, чутьемъ понималъ необходимость для русскаго общества подобныхъ учрежденій и, конечно, рукоплескалъ «смѣлой» мысли Екатерины обратить театръ въ

---

[1]) *Diderot*, XX, 39, 40. [2]) *Бильбасовъ*, l. c., 167.

[3]) По этому поводу никогда не бывшій въ Россіи Бьэрнстэль пишетъ со словъ, конечно, Дидро: «So gern Diderot redet, wenn man zu ihm kommt, so wenig vortheilhafl zeigt er sich in grossen Gesellschafte, und daher kommts, dass er nicht allen zu Petersburg hat gefallen können. Sie werden die Ursache leicht entdecken, warum dieser unvergleichliche Mann in sollchen Gesellschaften, wo man von Moden, von Kleider, von Spitzen und andern Kleinigkeiten spricht, weder andern Vergnügen machen, noch selbst vergnügt seyn kann: denn wo ein leerrer Kopf glänzt, kommt ein grundgelehrter Mann zu kurz». *Björnstälhs*, III, 227. Это подтверждается и письмомъ Гримма къ гр. Нессельроду (*Бильбасовъ*, l. c., 161).

[4]) Сборникъ, XVII, 282.

школу хорошихъ манеръ и добрыхъ нравовъ для дѣтей, видѣвшихъ дома нерѣдко только примѣры грубаго обращенія и темнаго невѣжества. Екатерина просила Дидро «начертать планъ двухъ характерныхъ комедій и устроить маленькій театръ для дѣтей» [1]); она разсказывала ему, полушутя-полусерьезно, какъ Вольтеръ все обѣщалъ ей написать «комедіи для дѣвицъ» и, за преклонностію лѣтъ, не исполнилъ своего обѣщанія. «Комедіи для молодыхъ дѣвицъ будутъ составлены—пишетъ Дидро Екатеринѣ—и притомъ прежде, чѣмъ я достигну преклонныхъ лѣтъ Вольтера» [2]). Въ настоящее время трудно сказать, какія именно изъ своихъ драматическихъ произведеній Дидро предназначалъ для Екатерины, и можно лишь догадываться, что къ числу такихъ относится планъ комедіи «Train du monde ou les mœurs honnêtes comme elles le sont» [3]).

Посѣщалъ Дидро и другія общеобразовательныя учрежденія Петербурга; между прочимъ, и шляхетный кадетскій корпусъ, воспитанники котораго вовсе не предназначались исключительно для военной службы [4]). Корпусъ произвелъ на Дидро довольно сильное впечатлѣніе, судя потому, что Дидро вспомнилъ о немъ въ своемъ опроверженіи сочиненія Гельвеція «L'homme» [5]). На замѣчаніе Гельвеція, что «физическое воспитаніе пренебрежено почти у всѣхъ европейскихъ народовъ», Дидро возражаетъ: «Физическое воспитаніе вовсе не пренебрежено въ Петербургѣ» и ссылается на корпусъ.

Нерѣдко заходилъ Дидро и въ мастерскую Фальконэ, гдѣ стояла совсѣмъ уже готовая и ждала только отливки знаменитая конная статуя Петра В. Какъ ни глубоко огорчилъ Фальконэ своего друга, въ первый же моментъ его пріѣзда въ Петербургъ, Дидро, всегда справедливый и искренній, съ

[1]) Госуд. Архивъ, V, № 159, л. 2.
[2]) Ibid., л. 5. [3]) *Diderot*, VIII, 245. [4]) Сборникъ, XVII, 3.
[5]) *Diderot*, II, 263.

восторгомъ привѣтствовалъ великое произведеніе художника. Въ письмѣ отъ 5-го декабря 1773 года Дидро такъ описываетъ статую: «Конь колоссаленъ, но легокъ; онъ мощенъ и граціозенъ; его голова полна ума и жизни. Сколько я могъ судить, онъ исполненъ съ крайнею наблюдательностью, но глубоко изученныя подробности не вредятъ общему впечатлѣнію; все сдѣлано широко. Ни напряженія, ни труда не чувствуешь нигдѣ; подумаешь, что это работа одного дня... Герой сидитъ хорошо. Герой и конь сливаются въ прекраснаго центавра, человѣческая, мыслящая часть котораго составляетъ, по своему спокойствію, чудный контрастъ съ животною, вскрючивающеюся частью. Рука эта хорошо повелѣваетъ и покровительствуетъ; ликъ этотъ внушаетъ уваженіе и довѣріе; голова эта превосходнаго характера, она исполнена съ глубокимъ знаніемъ и возвышеннымъ чувствомъ; это чудесная вещь... Трудъ этотъ, какъ истинно прекрасное произведеніе, отличается тѣмъ, что съ перваго же взгляда кажется прекраснымъ; когда же смотришь его во второй, третій, четвертый разъ, оно представляется еще болѣе прекраснымъ. Покидаешь его съ сожалѣніемъ и всегда охотно къ нему возвращаешься» [1]).

28-го сентября (9-го октября) 1773 года Дидро пріѣхалъ въ Петербургъ и, пробывъ почти пять мѣсяцевъ въ гостяхъ у Екатерины, 22-го февраля (5-го марта) 1774 года выѣхалъ изъ города [2]). «Екатерина приказала отпустить мнѣ англійскую карету, совершенно новую, въ которой я могъ и сидѣть, и лежать, какъ въ постели, и снабженную всѣмъ, относившимся до безопасности и удобства моего путешествія. Эта прелестная карета сломалась подъ Митавой, т.-е. около двухсотъ тридцати лье отъ Петербурга» [3]). Согласно желанію Дидро,

[1]) *Diderot*, XVIII, 192. Сборникъ, XVII, XXXV.

[2]) Partis le cinq du mois de mars. Госуд. Архивъ, V, № 159, л. 11-й. Сборникъ, XVII, XXXVII.

[3]) Госуд. Архивъ XI, № 1051. *Diderot*, XX, 54, 55.

Екатерина дала ему проводника, «очень любезнаго и порядочнаго человѣка, умнаго и образованнаго» [1]), который сопровождалъ его до Гаги. «Тысячу благодарностей вашему величеству — пишетъ Дидро Екатеринѣ на третій день по пріѣздѣ въ Гагу—за проводника, котораго вы соблаговолили избрать для меня. Это очень милый человѣкъ, очень любезный, весьма кроткій и весьма образованный человѣкъ, съ которымъ можно говорить объ исторіи, политикѣ, правленіи, законодательствѣ, поэзіи, что мы и дѣлали; съ нимъ можно также говорить много о любви и немножко о поэзіи. Онъ сказалъ мнѣ вчера: дорога показалась мнѣ такою короткою, что какъ-то не вѣрится, будто мы уже пріѣхали. Изъ этого ваше императорское величество можете заключить, что г. Бала не изъ тѣхъ, которые скоро утомляются отъ постояннаго вниманія» [2]). Вмѣсто полуторы тысячи, какъ желалъ Дидро, Екатерина дала ему 3.000 рублей на проѣздъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказала г. Бала уплачивать всѣ путевыя издержки за ея счетъ [3]). «Кстати, по поводу честнаго слова,—пишетъ Дидро Екатеринѣ изъ Гаги.—Ваше величество поколебали нѣсколько довѣріе, которое я имѣлъ къ вашему слову. Вы не погнушались подписать договоръ, который нѣкій философъ осмѣлился предложить вамъ. И что же? этотъ договоръ былъ нарушенъ по всѣмъ пунктамъ, точь въ точь какъ бываетъ съ договорами между государями. Ахъ, еслибъ турки узнали объ этомъ! Въ этомъ договорѣ было сказано, что ея императорское величество возвратитъ этого философа подъ его кровъ такимъ, какимъ онъ былъ, когда выѣхалъ оттуда. Случилось совершенно противоположное. Онъ поѣхалъ, погостилъ, вернулся, не раскрывъ своего кошелька. Даже всѣ маленькіе убытки,

---

[1]) Id. [2]) Госуд. Архивъ, V, № 159, л. 11-й.

[3]) Въ неизданномъ письмѣ Гримма къ графу Нессельроду, отъ 1-го марта 1774 г., говорится: «L'Impératrice lui a donné trois mille roubles pour ses frais de voyage qui ne lui couteront rien, puisqu'elle le fait reconduire».

которые онъ потерпѣлъ въ пути, были покрыты; весьма любезный и образованный проводникъ, котораго ему дали, смѣялся надъ его протестами. И вотъ, государыня, въ этомъ договорѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, ничего не оказалось священнаго, и сильнѣйшій, по обычаю, предписалъ свой законъ слабѣйшему» [1]).

Въ послѣднее свое свиданіе съ Дидро, Екатерина запретила ему прощаться съ нею, подъ тѣмъ предлогомъ, что «прощанье наводитъ грусть» [2]). За нѣсколько дней до отъѣзда, Дидро простился съ императрицею письмомъ. «Я возвращаюсь —писалъ онъ—осыпанный милостями вашего величества и полный удивленія къ вашимъ рѣдкимъ качествамъ. Всю мою жизнь буду почитать себя счастливымъ, что совершилъ путешествіе въ Петербургъ. Всю мою жизнь буду вспоминать я тѣ минуты, когда ваше величество забывали неизмѣримое разстояніе, насъ раздѣлявшее, и не пренебрегали снизойти ко мнѣ, чтобъ отъ меня самого скрыть мое ничтожество. Я горю желаніемъ сообщить это своимъ соотечественникамъ, и то удовольствіе, которое я уже предвкушаю, нѣсколько умѣряетъ горечь настоящей минуты» [3]) Это не были пустыя любезности: Дидро, дѣйствительно, былъ очарованъ Екатериной, которая оставила замѣтный слѣдъ въ его жизни. Благодаря Екатеринѣ, Дидро былъ обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи; ему не нужно уже было ни бѣгать по урокамъ, ни писать за деньги. Онъ получилъ фактическую увѣренность, что Екатерина, доставившая ему возможность «жить безъ работы», предоставитъ ему и средства «умереть спокойно» [4]). По возвращеніи изъ Петербурга, «главнымъ

[1]) Госуд. Архивъ, V, № 159, л. 1-й.

[2]) Тамъ же, XL, № 1051.

[3]) Госуд. Архивъ, V, № 159, л. 9-й.

[4]) Весной 1779 года Дидро обратился къ Екатеринѣ съ просьбою прислать ему 2.000 рублей. Письмо Дидро съ этой просьбою не сохранилось. Въ письмѣ къ Гримму, отъ 18-го мая 1779 года, Екатерина приписываетъ: «Mais

предметомъ разговоровъ Дидро сдѣлалась Россія; онъ передавалъ свои русскія впечатлѣнія, сообщалъ массу интересныхъ анекдотовъ о Россіи» [1]), и постоянно, до самой смерти, остался благодаренъ Екатеринѣ [2]), стараясь выразить свою признательность то рекомендаціей лицъ, могущихъ, по его мнѣнію, быть полезными императрицѣ, то набросками своихъ мыслей по поводу преобразованій, задуманныхъ Екатериною, то, наконецъ, сближеніемъ съ русскими людьми, посѣщавшими Парижъ, причемъ ему приходилось иногда значительно измѣнять свои мнѣнія [3]).

---

j'oubliais de vous dire que si vous avez de mon argent deux mille roubles que dans ce moment-ci vous ne savez encore où placer ou comment dépenser, vous ayez la bonté de les donner à Denis Diderot, qui connait l'emploi qu'il en fera» (Сборникъ, XXIII, 141). Черезъ мѣсяцъ, письмомъ отъ 29-го іюня, Дидро благодаритъ уже императрицу за деликатную присылку денегъ.

[1]) *D'Escherny*, Mélange de littérature, II, 114, *Diderot*, XX. 137. Въ 20-ти томахъ полнаго собранія сочиненій Дидро помѣщенъ только одинъ «Anecdote de Pétersbourg», но и тотъ болѣе тенденціозный, чѣмъ интересный: актриса посѣщаетъ усердно мессы; во время ея отсутствія, въ ея квартирѣ происходятъ всевозможныя несчастія, и она рѣшается никогда болѣе не ходить въ церковь (*Diderot*, V, 501). Столь же тенденціозенъ, но все же болѣе остроуменъ анекдотъ, вставленный въ «Entretien d'un philosophe avec la maréchale de ***». Іезуитъ пинской коллегіи въ Литвѣ, Богола, умеръ; послѣ него осталась шкатулка, наполненная серебромъ, и собственноручная записка, слѣдующаго содержанія: «Прошу моего возлюбленнаго брата, хранителя сей шкатулки, открыть ее послѣ того, какъ я стану дѣлать чудеса. Денегъ, въ ней заключающихся, достаточно для признанія моей святости. Въ шкатулкѣ находятся и мои мемуары, которые подтвердятъ, что я велъ жизнь святого, и которыми можетъ воспользоваться тотъ, кто будетъ составлять мое житіе» (*Diderot*, II, 522). Издатели «Oeuvres complètes de Diderot» говорятъ, что этотъ «Разговоръ» написанъ въ 1776 году, между тѣмъ Дидро прислалъ его Екатеринѣ при письмѣ отъ 13-го сентября 1774 г. (*Бильбасовъ*, l. c., 256) и Екатерина упоминаетъ о немъ, какъ общеизвѣстномъ, въ письмѣ къ Гримму, отъ 30-го іюня 1775 г. (Сборникъ, XXIII, 28).

[2]) Екатерина очень цѣнила эту черту въ характерѣ Дидро. Въ письмѣ къ Гримму, отъ 18-го апрѣля 1776 г., императрица пишетъ: «Le vicomte de Laval est le seul français que j'aie connu qui ait été sensible et reconnaissant des bons procédés qu'on a eus pour lui, ***excepté cependant Diderot***, qui en toute chose est un autre homme que les autres» (Сборникъ, XXIII, 46).

[3]) Въ письмѣ къ матери, изъ Гаги, отъ 9-го апрѣля 1774 г., Дидро пи-

Очевидно, петербургское общество произвело на Дидро впечатлѣніе, источникъ и сила котораго заключались въ Екатеринѣ. Какое же впечатлѣніе оставилъ по себѣ Дидро въ петербургскомъ обществѣ?

Еще при жизни Дидро, слѣдовательно, до революціи, извратившей взглядъ на представителей философической партіи, Фонвизинъ, все-таки одинъ изъ образованныхъ и, сравнительно, болѣе развитыхъ русскихъ людей, писалъ изъ Парижа, въ 1778 году: «Корыстолюбіе несказанно заразило всѣ состоянія, не исключая философовъ нынѣшняго вѣка. Въ разсужденіи денегъ не гнушаются и они человѣческою слабостью. Д'Аламберты, Дидероты въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе... Кромѣ Руссо, видѣлъ я всѣхъ здѣшнихъ лучшихъ авторовъ. Я въ нихъ столько

салъ: «Надо тебѣ сказать, что князь Орловъ былъ фаворитомъ императрицы; она сдѣлала прекрасный выборъ, такъ какъ онъ человѣкъ возвышенной души и съ нимъ могутъ сравняться только четверо его братьевъ; они-то и возвели Екатерину на престолъ». Спустя годъ, Дидро пишетъ, вѣроятно, княгинѣ Дашковой: «M. le prince Orloff est mon voisin. Je ne l'ai vu qu'une fois et je me suis bien promis de ne le pas voir davantage, à moins que je ne fusse assez heureux pour le servir. J'aime mieux me renfermer dans la bibliothèque de Sa Majesté Impériale et m'occuper de la tâche qu'elle m'a prescrite que de m'exposer aux éclaboussures d'une chaudière qui bouillit toujours et où il ne cuit rien. Que faire d'un homme qui vous assure l'existence de Dieu et qui vous nie, le moment suivant, la certitude des sens et de la raison? Qu'il oublie tant qu'il lui plaira qu'il parle à des hommes sensés, il n'y a pas grand mal à cela, mais qu'il ne se souvienne jamais qu'il parle à des hommes libres, c'est une inadvertance qui blesse partout et qui est très dangereuse dans ce pays-ci. Il part incessamment, et je m'en réjouis pour lui. S'il n'avait le ton dur qu'avec ceux à qui il peut adresser l'injure impunément, ce serait une lâcheté dont je le crois incapable; s'il le gardait indistinctement avec tout le monde, il ne tarderait pas à en éprouver des suites fâcheuses. Il a vu Rome à cinq jours, il aura vu Paris en quinze, et il en parlera comme s'il y avait passé toute sa vie. Il y a des hommes bien heureusement nés» (*Diderot*, III, 535).

же обманулся, какъ и во всей Франціи. Всѣ они, выключая весьма малое число, не только не заслуживаютъ почтенія, но достойны презрѣнія. Высокомѣріе, зависть и коварство составляютъ ихъ главный характеръ... Я видѣлъ уже три раза Вольтера. Изъ всѣхъ ученыхъ удивилъ меня Д'Аламбертъ. Я воображалъ лицо важное, почтенное, а нашелъ премерзкую фигуру и преподленькую физіономію... Чуть ли Руссо не всѣхъ почтеннѣе и честнѣе изъ господъ философовъ нынѣшняго вѣка» [1]). Письма Фонвизина изъ заграничныхъ его путешествій вообще не свидѣтельствуютъ ни объ его умѣ, ни объ его наблюдательности: все же въ этихъ письмахъ, касающееся философовъ и авторовъ—просто нелѣпость и князю П. А. Вяземскому не стоило большого труда опровергнуть ее [2]). Тѣмъ не менѣе, Фонвизинъ былъ человѣкъ для своего времени выдающійся и по своимъ дарованіямъ, и по своимъ познаніямъ; его взглядъ на философовъ раздѣляло громадное большинство, какъ взглядъ чисто народный, русскій, приравнивавшій Парижъ къ Угличу [3]), и не мы, конечно, можемъ удивляться этому, видя, какъ, сто лѣтъ послѣ Фонвизина, невѣжество и отсталость имѣютъ успѣхъ въ качествѣ основъ народно-русскаго направленія. Въ послѣдніе же годы прошлаго вѣка, даже графъ П. С. Потемкинъ, нѣкогда съ восторгомъ переводившій французскихъ философовъ, находилъ, что «прахъ Вольтера, Руссо, Рейналя и Дидро заслуживаетъ всемірнаго проклятія» [4]). Съ такимъ взглядомъ на философовъ вступило русское общество въ XIX столѣтіе. Грибоѣдовъ вѣрно подмѣтилъ это настроеніе и осмѣялъ его стихомъ:

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!

---

[1]) *Фонвизинъ*, стр. 343, 438, 443, 447.
[2]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. 1880, т. V.
[3]) *Фонвизинъ*, стр. 440.
[4]) «Русская Старина», V, 346.

Это настроеніе живо и до сихъ поръ: несмотря на насмѣшки Воейкова въ «Домѣ сумасшедшихъ» надъ «вредностью» Дидерота [1]), произведенія французскихъ философовъ прошлаго вѣка, въ томъ числѣ и Дидро, все еще признаются «вредными» и находятся подъ запретомъ.

---

[1]) По одному изъ списковъ «Дома сумасшедшихъ», напечатанному въ «Русской Старинѣ» (IX, 595 и XII, 590), Воейковъ заставляетъ писать «углемъ на стѣнѣ» Максима Невзорова, редактора «Политическаго Журнала»:

Еслибъ такъ, какъ на Вольтера
Былъ на мой журналъ расходъ—
Пострадала-бъ горько вѣра!
Я вреднѣй, чѣмъ Дидеротъ.

КНЯЗЬ де-ЛИНЬ ВЪ РОССИИ

въ 1780 и 1787—1788 гг.

Русская Старина, 1892.

Князь де-Линь въ Россіи.

Князь Карлъ-Іосифъ де-Линь, обычно титулуемый принцемъ, былъ послѣднимъ въ Европѣ военнымъ петиметромъ XVIII вѣка. Этотъ родъ петиметровъ исчезъ съ первыми волнами французской революціи и не былъ воскрешенъ вѣнскимъ конгрессомъ. Екатерина II не любила петиметровъ [1]), но высоко цѣнила князя де-Линь. Отъ отца и дѣдовъ своихъ унаслѣдовалъ онъ любовь къ военному дѣлу; какъ отецъ, какъ дѣды его, такъ и онъ личными военными заслугами въ рядахъ австрійскихъ войскъ добылъ себѣ фельдмаршальскій жезлъ. Это была чисто «военная косточка», но вполнѣ своеобразная, въ которой сказалась богато одаренная натура

[1]) Екатерина не любила петиметровъ какъ за ихъ щеголеватость костюма, такъ и еще болѣе за ихъ слишкомъ вольное обращеніе съ женщинами; petit-maitre, въ ея глазахъ, недоросль, никуда негодный и никому ненужный. «Никита Ивановичъ,—пишетъ она Панину,—примѣчайте, пожалуй, не петиметръ ли Митусовъ и не имѣетъ ли съ французами знакомства» (Сборникъ, X, 247). Въ 1765 году, отказывая кн. Репнину въ просимой имъ ссудѣ, Екатерина, перечисляя мотивы отказа, пишетъ Елагину: «Сверхъ того, Репнинъ всякой день принимаетъ всякихъ распудренныхъ дворянчиковъ, которые ничего не смыслятъ окромѣ петиметрства» (Ibid., VII, 404). Въ 1766 году, Екатерина писала фельдмаршалу гр. Миниху: «Я прочла длинное и странное письмо нарвскаго магистрата. Эти добрые люди подписываютъ то, чего они не понимаютъ; письмо ихъ писано по-французски. Вы сдѣлали бы мнѣ удовольствіе, вразумивъ ихъ, что мнѣ было бы пріятнѣе получать впредь отъ нихъ бумаги на русскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ я предпочитаю имѣть въ городахъ добрыхъ гражданъ и зажиточныхъ купцовъ, чѣмъ петиметровъ Опасаюсь, чтобъ съ языкомъ они не перемѣнили нравовъ, отъ чего и они, и я можемъ только потерять» (Ibid., X, 66).

князя Карла. Пройдя суровую школу отца, грубаго вояки, онъ воспользовался и уроками бабки своей, женщины образованной и всегда романически настроенной. Благодаря бабушкѣ, князь де-Линь и въ вѣкъ невѣрія былъ добрымъ католикомъ; онъ получилъ отличное образованіе, зналъ нѣсколько языковъ, свободно говорилъ по-латыни, любилъ искусство, понималъ музыку. Послѣ шпаги, онъ болѣе всего любилъ книгу, послѣ книги—женщинъ. Не было книги, которую князь Карлъ не прочелъ бы; не было мысли, надъ которою онъ не задумался бы, не было юбки, за которою онъ не волочился бы. Онъ много путешествовалъ,—былъ во Франціи и Турціи, въ Австріи и Германіи, въ Англіи, Россіи и Польшѣ; много писалъ, въ стихахъ и прозѣ,—его «Произведенія» изданы въ 32-хъ томахъ и многія изъ нихъ напечатаны въ его собственной типографіи, въ зàмкѣ Бель-Эль [1]), въ австрійскихъ Нидерландахъ, гдѣ онъ родился. Красивый, знатный, богатый, онъ отличался даже при версальскомъ дворѣ своимъ веселымъ остроуміемъ и привѣтливымъ обхожденіемъ. Ему были открыты всѣ парижскіе салоны, до кабинета Маріи-Антуанеты включительно; его мѣткія замѣчанія, его остроты повторялись всѣми, и всюду онъ былъ желаннымъ гостемъ—въ Брюсселѣ и Вѣнѣ, въ Берлинѣ и Петербургѣ. Онъ лично зналъ, былъ уважаемъ и велъ переписку съ Фридрихомъ II и Іосифомъ II, съ Екатериною II и Маріею-Терезіею, съ энциклопедистами и философами, съ Вольтеромъ и Руссо, которому предлагалъ убѣжище въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. Князь де-Линь пережилъ всѣхъ своихъ знаменитыхъ современниковъ: оплакалъ Іосифа II, воспѣлъ Екатерину II, имѣлъ несчастіе дожить до французской революціи, которая разрушила всѣ его убѣжденія, надругалась надъ его вѣрованіями, и умеръ въ Вѣнѣ, когда въ ней собрался конгрессъ европейскихъ государей. Всѣ коронованныя особы посѣтили

[1]) Послѣдняя книга, вышедшая изъ этой типографіи, «Instruction secrette, derobée à S. M. le roi de Prusse». Bel-Oeil, 1787.

его, всѣ дипломаты являлись къ нему на поклонъ, и остроты, мѣткія замѣчанія 80-ти-лѣтняго старца повторялись теперь, какъ и прежде, всею Вѣною. Слѣдя за балами, театрами и увеселеніями, которые устраивались въ Вѣнѣ въ честь государей, умирающій князь де-Линь сказалъ: «Конгрессъ танцуетъ, но не двигается. Когда будутъ исчерпаны всѣ роды зрѣлищъ, я предложу ему еще невиданное—погребеніе фельдмаршала». Князь де-Линь сдержалъ свое слово: онъ умеръ 13-го декабря 1814 года.

Князь де-Линь два раза посѣтилъ Россію. Въ первый разъ, въ 1780 году, онъ пріѣзжалъ по поводу значительной денежной претензіи къ русскому правительству, возникшей вслѣдствіе женитьбы его сына на княжнѣ Еленѣ Масальской, племянницѣ князя-епископа виленскаго. Онъ проѣхалъ тогда изъ Петербурга въ Вильну и оттуда въ Варшаву, гдѣ шутя мечталъ о польской коронѣ и принималъ серьезныя мѣры къ осуществленію этой мечты. Во второй разъ, въ 1787 году, онъ пріѣзжалъ въ Россію по приглашенію императрицы: онъ сопровождалъ Екатерину въ таврическомъ путешествіи въ качествѣ, по его собственнымъ словамъ, «дипломатическаго жокея»; онъ участвовалъ потомъ во второй турецкой войнѣ въ качествѣ, по словамъ Екатерины, «военнаго шпіона». Всего онъ пробылъ въ Россіи около трехъ лѣтъ, и въ это время видѣлъ, бесѣдовалъ и переписывался съ императрицею Екатериною, посѣщалъ многихъ русскихъ вельможъ, жилъ съ Потемкинымъ и Румянцевымъ, преклонялся предъ русскимъ солдатомъ, видѣлъ Петербургъ и Москву, проѣхалъ по всей Россіи до Бахчисарая, видѣлъ русскіе города и русскія деревни, и обо всемъ, что видѣлъ и узнавалъ, писалъ своимъ многочисленнымъ друзьямъ, и въ этихъ письмахъ сообщалъ свои наблюденія, замѣтки и впечатлѣнія. Къ сожалѣнію, князь де-Линь не оставилъ своихъ мемуаровъ [1]). Они были бы

[1]) Michaud, въ Biographie Universelle, XXIV, 528, говоритъ: «Le prince de Ligne a laissé des Mémoires, qui ne doivent être publiés que cent ans après

весьма интересны, что сознавалъ и самъ князь де-Линь: «Отеческая заботливость обо мнѣ добраго императора Франца I, материнская—великой Маріи-Терезіи и почти братская—безсмертнаго Іосифа II, полное довѣріе ко мнѣ фельдмаршала Ласси и почти полное фельдмаршала Лаудона, близость моя къ прелестной французской королевѣ Маріи-Антуанетѣ, лестное вниманіе ко мнѣ великой Екатерины и уваженіе, которымъ чтилъ меня Фридрихъ II, придали бы большой интересъ моимъ мемуарамъ». Но и помимо мемуаровъ, въ письмахъ, очеркахъ и разсказахъ князя де-Линь сообщено много интересныхъ свѣдѣній, разбросано много любопытныхъ замѣтокъ, между прочимъ—и о Россіи, о русскихъ людяхъ, особенно же о Екатеринѣ II.

Этимъ, конечно, объясняется то вниманіе, съ которымъ относились въ Россіи къ произведеніямъ князя де-Линь. Когда, еще при жизни автора, баронесса Стаэль-Голштейнъ издала «Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne», Paris, 1809, въ Москвѣ, въ томъ же году, появились «Письма и мысли маршала принца де-Линь, изданныя въ свѣтъ баронессою Стаэль-Голштейнъ», въ двухъ томахъ. Мало того: въ томъ же 1809 году появился въ Москвѣ же и второй переводъ, сдѣланный болѣе тщательно. Очевидно, книга читалась, если въ одинъ годъ потребовалось два ея изданія. Въ 1810 году вышли «Избранныя философическія, политическія и военныя творенія принца де-Линь, изданныя однимъ изъ его пріятелей и служащія продолженіемъ къ Твореніямъ его, изданнымъ г-жею Стаэль-Голштейнъ». Полвѣка спустя, въ 1866 году, появился третій переводъ «Писемъ принца де-Линь» [1].

sa mort, mais dont des extraits ont paru dans la «Revue Nouvelle» en 1846». Это извѣстіе взято изъ журнала же «Revue Nouvelle», изъ предисловія издателя, и не оправдывается самими письмами князя де-Линь.

[1]) Въ «Литературной Библіотекѣ», начиная съ 1-го тома. Переводъ довольно хорошъ и точенъ, но съ большими цензурными пропусками. При описаніи извѣстнаго свиданія въ Каневѣ, куда польскій король Станиславъ-Августъ явился подъименемъ графа Понятовскаго, цензурою уничтожено его

но, къ сожалѣнію, изуродованный уже цензурою до того, что даже Клеопатра обратилась въ «сѣверную повелительницу».

Что же даетъ намъ князь де-Линь? Почему въ Россіи интересуются его письмами?

I.

Польскіе интересы князя де-Линь.

Въ Парижѣ прошлаго вѣка, въ Rue de Sève, что со времени революціи и понынѣ называется Rue de Sèvres, находилось лучшее воспитательное заведеніе для дѣвицъ аристократическаго происхожденія—Abbaye aux Bois. Сенъ-Сиръ, такъ плѣнившій Екатерину II, вышелъ въ то время уже изъ моды; къ тому же онъ былъ основанъ г-жею де-Ментенонъ для безплатнаго воспитанія дѣвицъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей; для знатныхъ же французскихъ фамилій, для представительницъ богатой аристократіи, въ Парижѣ было только два заведенія: Abbaye aux Bois и Penthemont. Вся французская аристократія того времени воспитывалась въ одномъ изъ этихъ заведеній, видѣвшихъ въ своихъ стѣнахъ даже принцессъ крови: герцогиня Бурбонская, рожденная принцесса Орлеанская, воспитывалась въ Penthemont. Директриссами Abbaye aux Bois, носившими титулъ аббатиссъ, были дамы знатнѣйшихъ родовъ, какъ герцогиня Орлеанская, внучка Людовика XIV, и герцогиня Ришелье, сестра знаменитаго маршала; воспитательницами — представительницы французской аристократіи, какъ Монморанси, Люинь, Рошшуаръ. Несмотря на то, въ аббатствѣ воспитывали не только свѣтскихъ барышень, но и добрыхъ хозяекъ: титулованныя дѣти, дочери маркизовъ и герцоговъ, стирали бѣлье въ прачешной, шили платья, стряпали на кухнѣ, послѣ чего Новерръ

невинное обращеніе къ русскимъ вельможамъ: «Messieurs, le Roi de Pologn m'a chargé de vous recommander le comte Poniatowski» и т. п.

и Доберваль, первые танцоры королевскаго театра, учили ихъ танцамъ, а Молэ и Ларивъ, изъ Comédie Française, декламаціи.

Въ 1771 году, въ эту-то Abbaye aux Bois была опредѣлена хилая, блѣдная дѣвочка, только-что привезенная изъ Польши, восьмилѣтняя княжна Елена Массальская [1]). Подруги заинтересовались ею: «Бѣдняжка, она даже не говоритъ по французски! Послушаемъ польскій языкъ—любопытно, что это такое. Ah, que c'est drôle d'être une Polonaise!»

Малютку-княжну привезъ въ Парижъ ея дядя, князь-епископъ виленскій. Онъ принималъ участіе въ недавнихъ польскихъ смутахъ и бѣжалъ за границу съ племянницею-сироткою, дочерью брата. Это были едва ли не первые польскіе эмигранты въ столицѣ Франціи.

Виленскій епископъ былъ сынъ князя Массальскаго, великаго гетмана литовскаго. Молодой епископъ [2]) пользовался въ Польшѣ большимъ вліяніемъ. Мемуары того времени рисуютъ его человѣкомъ образованнымъ, даже ученымъ: онъ обладалъ свѣтлымъ умомъ, легко схватывавшимъ самыя сложныя комбинаціи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ человѣкъ легкомысленный, непостоянный, съ крайнею робостью соединявшій стремленіе вмѣшиваться во всевозможныя дѣла и участвовать во всякаго рода предпріятіяхъ. Съ горячностью брался онъ за всякое дѣло и, не доведя до конца, охладѣвалъ, причемъ нерѣдко его поведеніе противорѣчило тѣмъ принципамъ, которые онъ проповѣдывалъ. Князь-епископъ былъ азартный игрокъ: въ три года онъ проигралъ болѣе 100.000 дукатовъ, и постоянно нуждался въ деньгахъ, хотя его «литовскія владѣнія были необозримы».

---

[1]) «Mémoires d'Appoline Hélène Massalska en l'Abbaye Royale de Notre Dame-aux-Bois rue de Sève, Faubourg Saint-Germain» напечатаны *L. Perey* Histoire d'une grande dame au XVIII siècle. Paris, 1889, въ первомъ томѣ, озаглавленномъ: «La princesse Hélène de Ligne», стр. 18—247.

[2]) Князь Игнатій Массальскій родился въ 1729 году; посвященъ въ виленскіе епископы въ 1762 году. Его старшій братъ, отецъ княжны Елены, былъ женатъ на княжнѣ Радзивиллъ.

Въ Литвѣ только два рода соперничали изъ-за преобладанія—Массальскихъ и Радзивилловъ. Массальскіе поддерживали партію Чарторійскихъ и всею своею властью, значеніемъ, богатствомъ содѣйствовали, согласно съ видами Екатерины, избранію графа Станислава Понятовскаго, племянника Чарторійскихъ, въ короли Польши. Радзивиллы, напротивъ, были заклятыми врагами Чарторійскихъ: они защищали древнія формы Рѣчи Посполитой, были враждебны видамъ Россіи и противодѣйствовали избранію Станислава-Августа. Польскіе магнаты властвовали въ своихъ земляхъ, какъ феодальные владѣтели: у нихъ былъ свой дворъ изъ камергеровъ, егермейстеровъ и шталмейстеровъ, своя лейбъ-гвардія изъ драгунъ, казаковъ и пѣхоты, свое многочисленное войско, въ которомъ офицеры были тѣхъ же ранговъ, что и въ королевской арміи [1]). Понятно, что король долженъ считаться съ этою знатію, болѣе, чѣмъ онъ, могущественною, долженъ быть признателенъ къ тѣмъ, кто содѣйствовалъ его избранію: но даже содѣйствовавшіе избранію короля нерѣдко возставали противъ усиленія королевской власти. Въ такомъ именно положеніи оказался князь-епископъ виленскій, рисковавшій своею жизнью [2]) ради избранія Станислава-Августа.

---

[1]) Епископъ виленскій содержалъ на свой счетъ «массальскій легіонъ», численностью въ 16.000 человѣкъ; князь Радзивиллъ, дядя княжны Елены Массальской по матери, содержалъ 20.000 своего войска; графъ Потоцкій, воевода кіевскій, имѣлъ отрядъ въ 25.000 человѣкъ и т. п. Для правильной оцѣнки этихъ цифръ необходимо помнить, что армія польскаго короля была въ 18.000 человѣкъ.

[2]) При выборахъ депутатовъ на избирательный сеймъ, стараніями князей Массальскихъ, не жалѣвшихъ ни денегъ, ни угрозъ, ни одинъ изъ сторонниковъ дома Радзивилла не прошелъ въ депутаты. Узнавъ объ этомъ, князь Радзивиллъ прискакалъ въ Вильно съ своею эскортою въ 200 всадниковъ, ворвался въ епископскій дворецъ, разогналъ избранныхъ депутатовъ и, обращаясь съ дерзкою рѣчью къ князю-епископу, быстро перечислилъ всѣхъ епископовъ, убитыхъ князьями Радзивиллами, и закончилъ рѣчь словами: «Если еще когда-нибудь вамъ придетъ охота вмѣшиваться въ политику, то вспомните, господинъ прелатъ, что у меня всегда найдется 100.000 дукатовъ

*

Трактатъ мира между Россіею и Польшею, подписанный въ Варшавѣ, въ 1768 году, вызвалъ сильное неудовольствіе въ католическомъ духовенствѣ: по этому трактату, православные, кальвинистскіе и протестантскіе диссиденты пріобрѣтали всѣ тѣ права, которыми до того пользовались исключительно сыны римско-католической церкви. Шляхта, съ своей стороны, была недовольна допущеніемъ диссидентовъ ко всѣмъ должностямъ, прежде для нихъ закрытымъ. Повсюду начали собираться вооруженныя конфедераціи противъ придворной партіи и Россіи, войска которой, въ видахъ защиты королевской власти, занимали многія укрѣпленныя позиціи въ Польшѣ. Во главѣ важнѣйшей изъ конфедерацій, Барской, предводимой Пулавскимъ и Красинскимъ, стояли два Массальскихъ: гетманъ литовскій и его сынъ, князь-епископъ виленскій. Въ это время князь-гетманъ умеръ; гетманомъ литовскимъ сталъ графъ Огинскій [1])—князь-епископъ привлекъ и его въ конфедерацію. Въ іюнѣ 1771 года, князь-епископъ покинулъ Варшаву, спѣша на помощь Огинскому. Ему не удалось, однако, достигнуть Вильны: услышавъ о пораженіи Огинскаго и о наступленіи русскихъ войскъ на Вильно, князь Массальскій бѣжалъ изъ Польши. Едва переѣхавъ границу родины, князь-епископъ прочелъ въ «Gazette de Hollande» слѣдующее извѣстіе: «Русскія войска, предводимыя майоромъ Салтыковымъ, заняли Вильно; всѣ имущества виленской епископской каѳедры секвестрованы; на личное же имущество князя-епископа наложено запрещеніе и оно сдано въ управленіе кастеляну новогрудскому». Наложено было запрещеніе и на всѣ имѣнія его покойнаго брата,

чтобы получить изъ Рима разрѣшеніе въ смертоубійствѣ». Князь-епископъ опѣшилъ; онъ настолько растерялся отъ наглыхъ угрозъ князя Радзивилла что далъ ему спокойно уйти изъ дворца. Придя въ себя, князь-епископъ велѣлъ ударить въ набатъ, вооружилъ депутатовъ и изгналъ Радзивилла изъ Вильны.

[1]) Графъ Огинскій, женатый на дочери князя Михаила Чарторійскаго, былъ двоюроднымъ братомъ короля Станислава-Августа.

отца княжны Елены, которую онъ привезъ съ собою въ Парижъ и помѣстилъ въ Abbaye aux Bois.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Хилая и больная дѣвочка обратилась въ красивую, статную дѣвицу. Въ Парижѣ, особенно же въ Версали, стали говорить о польской княжнѣ, какъ о завидной невѣстѣ. Она была наслѣдницею обширныхъ земель своего отца, князя Массальскаго; ея мать, рожденная княжна Радзивиллъ, завѣщала ей 1.800.000 польскихъ флориновъ; бездѣтный князь-епископъ виленскій, примирившійся съ своимъ королемъ, ни отъ кого не скрывалъ, что племянница его, княжна Елена, назначена имъ единственною наслѣдницею всѣхъ его земельныхъ богатствъ въ Литвѣ, Польшѣ и Галичинѣ. Начиная съ 1777 года, когда княжнѣ Еленѣ минуло только 14 лѣтъ, дѣлались уже всевозможныя брачныя предложенія, причемъ, по обычаю того времени, наиболѣе заинтересованная въ этихъ предложеніяхъ «польская принцесса» и ея воля вовсе не принимались во вниманіе. Къ чести князя-епископа должно сказать, что онъ во всѣхъ переговорахъ подобнаго рода прямо заявлялъ, что ставитъ свое личное согласіе на бракъ племянницы въ полную зависимость отъ ея выбора. Въ числѣ претендентовъ на руку княжны Елены былъ, между прочими, князь де-Линь, старшій сынъ князя Карла де-Линь, тоже Карлъ. Елена, увидѣвъ его въ первый разъ въ пріемной своего аббатства, записала въ дневникѣ: «Онъ блондинъ, статный; очень похожъ на свою красавицу-мать; у него пріятное выраженіе, прекрасныя манеры; онъ очень серьезенъ, но въ немъ есть что-то нѣмецкое».

25-го іюля 1779 года, въ Версали, король Людовикъ XVI, королева Марія-Антуанета и всѣ члены королевской фамиліи подписали брачный контрактъ князя Карла де-Линь и княжны Елены Массальской. Въ контрактѣ значилось, что князь де-Линь отецъ предоставляетъ своему сыну, со дня свадьбы, 30.000 ливровъ ежегоднаго дохода и безвозмездное содержаніе въ своихъ дворцахъ и за̀мкахъ въ Брюсселѣ,

Вѣнѣ и Бель-Элѣ; послѣ рожденія перваго ребенка ежегодный доходъ удваивается. Княжна Елена приносила слѣдующее приданое: обширное земельное владѣніе Могиляны, два дворца въ Краковѣ и одинъ въ Варшавѣ, какъ наслѣдство отца; 1.800.000 флориновъ, отъ матери; отъ дяди, князя-епископа виленскаго—60.000 ливровъ годового дохода и безвозмездное содержаніе въ Парижѣ. Въ день подписанія контракта, Елена получила отъ дяди на 500.000 франковъ бѣлья, платьевъ и мѣховъ, отъ князей де-Линь, отца и сына—на такую же сумму брильянтовъ и кружевъ. 29-го іюля состоялась свадьба.

Эта свадьба, вѣрнѣе, этотъ брачный контрактъ былъ главною причиною первой поѣздки кн. де-Линь въ Россію: «Мой сынъ Карлъ женится на хорошенькой полячкѣ. Ея родня даетъ намъ документы вмѣсто наличныхъ денегъ—претензіи къ русскому двору» [1]). Князь Радзивиллъ, дядя Елены по матери, могъ признать 1.800.000 флориновъ, должныхъ племянницѣ, но уплатить ихъ не былъ въ состояніи, такъ какъ земли, которыми обезпечивался этотъ долгъ, находились подъ секвестромъ русскаго правительства. Князь де-Линь рѣшился личнымъ ходатайствомъ въ Петербургѣ разъяснить этотъ денежный вопросъ и, если окажется возможнымъ, обратить документы въ наличныя деньги.

Въ маѣ 1780 года, князь де-Линь отправился изъ Парижа, «прямо отъ герцогини Полиньякъ, гдѣ обѣдалъ вмѣстѣ съ королевою», черезъ Вѣну и Берлинъ, въ Петербургъ. Въ Вѣнѣ онъ не засталъ уже императора Іосифа II, который находился въ это время въ Могилевѣ, въ гостяхъ у Екатерины. Но если австрійскій императоръ въ Россіи, то кн. де-Линь, австріецъ, будетъ ли принятъ прусскимъ королемъ въ Берлинѣ? Вопреки ожиданіямъ, Фридрихъ II не только ми-

---

[1]) *Ligne*, XXI, 33. Такъ, сокращенно, дѣлаемъ мы ссылки на всѣ 32 тома «Mélanges militaires, littéraires et sentimentaires du prince de Ligne». Dresde, 1795.

лостиво принялъ его, но не позволилъ себѣ никакой злой насмѣшки, ни даже наивной шутки по адресу имперіи и императора. «Несмотря на благосклонность ко мнѣ Фридриха II, я смертельно боялся, чтобъ онъ не вспомнилъ, что я австріецъ [1]). Какъ, думалось мнѣ, ни одной эпиграммы на нашъ счетъ, ни на счетъ императора? Какая перемѣна!»

Эта перемѣна объясняется могилевскимъ свиданіемъ Іосифа II съ Екатериною. Въ маѣ 1780 г., въ Могилевѣ, было положено основаніе коренной перемѣнѣ въ политикѣ русскаго правительства относительно ея нѣмецкихъ сосѣдей на западной границѣ: наклонность къ Пруссіи была замѣнена наклонностью къ Австріи. Съ самаго восшествія Екатерины на престолъ, въ теченіе 18-ти лѣтъ, внѣшняя политика Россіи тяготѣла болѣе къ Пруссіи, чѣмъ къ Австріи. Фридрихъ II зналъ цѣну Россіи и поддерживалъ дружественныя отношенія съ Екатериною, что давало ему извѣстный вѣсъ въ глазахъ Англіи и Франціи; въ то же время, прусскій король интриговалъ противъ Россіи въ Константинополѣ и всѣми мѣрами противодѣйствовалъ русскимъ интересамъ при всѣхъ дворахъ. Еще въ 1770 году, когда Россія вела войну съ Турціею, Фридрихъ II, союзникъ Россіи, предлагалъ Іосифу II принять мѣры противъ возможнаго усиленія Россіи [2]). Между тѣмъ, политика Екатерины вполнѣ зависѣла отъ реальныхъ интересовъ Россіи: для польскаго вопроса ей нужна была Пруссія, для турецкаго, точнѣе, крымскаго — Австрія. Съ 1772 года, послѣ перваго раздѣла Польши, Екатерина обратила преимущественное вниманіе на дѣла турецкія, и свиданіемъ въ Могилевѣ повернула политическій фронтъ отъ Пруссіи къ Австріи. Фридрихъ II предвидѣлъ этотъ поворотъ и, насколько могъ, старался ему противодѣйствовать. При первомъ же извѣстіи о предстоявшемъ свиданіи, онъ пугаетъ имъ Францію, увѣряя версальскій дворъ, что Іосифъ II ѣдетъ

[1]) Ibid., VI, 151. [2]) *Arneth*, Maria-Theresia und Joseph II, I, 300.

въ Россію, чтобы возстановить Екатерину противъ Бурбоновъ и склонить Россію въ пользу Англіи[1]). «Поѣздка императора въ Россію, для свиданія съ русскою императрицею, очень не нравилась прусскому королю; Фридрихъ II подозрѣвалъ уже, что русскій дворъ ускользаетъ изъ его рукъ» [2]), но, не зная еще результатовъ свиданія въ Могилевѣ, рѣшился сдѣлать bonne mine au mauvais jeu и очень хорошо принялъ австрійскаго генерала князя де-Линь.

«Король принялъ меня чрезвычайно ласково. Когда я ему представилъ сына Карла, онъ замѣтилъ, что не ожидалъ, чтобъ у меня былъ такой большой сынъ».

«— Онъ, ваше величество, уже годъ, какъ женатъ.

«— Осмѣлюсь спросить на комъ?

«— На полячкѣ, на Массальской.

«— Какъ, на Массальской? Да вы знаете ли, что̀ сдѣлала ея бабушка?

«— Нѣтъ, ваше величество, не знаю, отвѣтилъ Карлъ.

«— При осадѣ Данцига, она сама прикладывала фитиль къ пушкѣ, стрѣляла, заставляла стрѣлять другихъ и защищалась, когда ея партія, потерявъ голову, думала лишь о сдачѣ» [3]).

Двѣ недѣли пробылъ кн. де-Линь въ Потсдамѣ, причемъ Фридрихъ II ежедневно приглашалъ его къ столу, говорилъ съ нимъ рѣшительно обо всемъ и только разъ, случайно, упомянулъ о могилевскомъ свиданіи: «Однажды, за столомъ, когда зашла рѣчь о путешествіяхъ Іосифа II, король сказалъ мнѣ,

[1]) Vous ferez observer au ministère de Versailles, que l'Empereur selon des avis de très bonne part se proposait trois objets dans cette visite: 1) de faire sa cour à l'impératrice et de la désabuser à force de protestations et de cajoleries sur l'esprit de conquêtes et d'agrandissement qu'on lui prêtait; 2) de gagner la confiance et l'appui du prince Potemkin et 3) d'aigrir l'impératrice et son favori contre les maisons de Bourbon et de les disposer à favoriser l'Angleterre et à l'assister dans sa guerre actuelle. Изъ инструкціи короля Гольцу, отъ 6-го апрѣля 1780 года, въ Берлин. Архивѣ, Repos. XI, vol. VI, № 62.

[2]) *Ligne*, XI, 151. [3]) Ibid., VI, 140.

но такъ, что я не понялъ, была ли это насмѣшка или просто историческая справка [1]):

«— Императоръ счастливѣе Карла XII — онъ тоже вошелъ въ Россію чрезъ Могилевъ, но, мнѣ кажется, онъ дойдетъ до Москвы».

Въ началѣ августа кн. де-Линь съ сыномъ прибылъ въ Петербургъ [2]). Екатерина никогда не видѣла его; она слышала о немъ отъ Гримма, отъ Іосифа II; она читала о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ газетахъ, читала его извѣстное письмо къ Ж. Ж. Руссо, такъ заинтересовавшее Фридриха II [3]). Это письмо еще болѣе заинтересовало Екатерину: она, русская императрица, предлагала нѣкогда энциклопедистамъ переселиться въ Россію, чтобы избѣжать преслѣдованій, которымъ подвергалась во Франціи «Энциклопедія»; теперь нидерландскій князь предлагаетъ Руссо поселиться въ одномъ изъ своихъ зàмковъ, обезпечивая ему полную свободу.

Въ 1770 году, когда генеральный прокуроръ разрѣшилъ Ж. Ж. Руссо жить въ Парижѣ, но подъ условіемъ «ничего не писать» и во всякомъ случаѣ ничего не печатать и не показываться «ни въ кофейняхъ, ни въ какихъ-либо публичныхъ мѣстахъ», кн. де-Линь два раза навѣстилъ Ж. Ж. Руссо на чердакѣ въ Rue Platrière, бесѣдовалъ съ нимъ [4]), и нѣсколько дней спустя прислалъ ему слѣдующее письмо:

«Милостивый государь.

«Я тотъ, который навѣстилъ васъ на дняхъ и, зная, какъ вы не любите надоѣдливыхъ людей, не навѣщу васъ болѣе, хотя страстно желалъ бы этого.

---

[1]) *Ligne*, VI, 152.

[2]) «Князь де-Линь былъ оставленъ въ Россіи уѣхавшимъ императоромъ». Эта фраза самопроизвольно и вполнѣ ошибочно вставлена «Литературною Библіотекою» (I, 217) въ переводъ депеши англійскаго посланника Гарриса отъ 15-го сентября 1780 года (*Harris*, Diaries and correspondence, I, 332).

[3]) Le roi me demanda si ma lettre à Jean-Jacques Rousseau, qui avait été imprimée dans les papiers publiques, était de moi. Je lui dis: «Sire, je ne suis pas assez célèbre pour que l'on prenne mon nom». Il sentit ce que je voulais dire. *Ligne*, VI, 119.

[4]) Mes conversations avec Jean-Jacques. *Ligne*, X, 268.

«Подумайте о томъ, что я предлагалъ вамъ. Такъ какъ на моей родинѣ не умѣютъ читать, то вами не будутъ восторгаться. но не будутъ и преслѣдовать васъ. У васъ будетъ ключъ отъ моихъ книгъ и отъ моихъ садовъ. Вы будете видѣться со мною или не будете со мною видѣться, какъ пожелаете. У васъ будетъ небольшой домикъ, только для васъ однихъ, въ верстѣ отъ моего. Вы будете тамъ сажать, сѣять, дѣлать все, что вамъ вздумается. Жанъ-Батистъ [1]) и его духъ переселились во Фландрію, чтобъ умереть, но онъ писалъ только стихи; пусть же Жанъ-Жакъ поселится во Фландріи, чтобъ жить. Живите у меня, вѣрнѣе, у себя и продолжайте vitam impendere vero [2]). Если вы хотите еще бóльшей свободы—у меня есть уголокъ земли, ни отъ кого не зависимый, но небо тамъ прекрасно, воздухъ чистъ, и всего въ трехстахъ верстахъ отсюда. Тамъ нѣтъ у меня ни архіепископа, ни парламента [3]), но тамъ вскармливаются лучшіе бараны въ мірѣ

«Въ другомъ хуторѣ есть у меня пчелы, и его я предлагаю вамъ. Если вы любите пчелъ, я оставлю ихъ; если не любите, я переведу ихъ въ другое мѣсто. Пчелы примутъ васъ лучше, чѣмъ Женева, которой вы сказали столько добра, столько чести. Какъ и вы, я не люблю ни троновъ, ни властей; вы не будете никѣмъ управлять, но и вами никто управлять не будетъ.

«Если вы принимаете мои предложенія, я пріѣду за вами и самъ отвезу васъ въ Храмъ Добродѣтели—таково будетъ названіе вашего жилища; но мы его такъ называть не будемъ: я избавлю вашу скромность отъ всѣхъ тріумфовъ, которыхъ вы заслуживаете. Если ни одно изъ моихъ предло-

---

[1]) Jean-Baptiste Rousseau, 1671—1741, лирическій поэтъ.

[2]) *Juvenal*, sat. IV, v. 91. Это былъ девизъ Руссо и эпиграфъ многихъ революціонныхъ журналовъ.

[3]) По требованію парижскаго архіепископа де-Бомона и по опредѣленію парламента Жанъ-Жакъ Руссо подвергся преслѣдованію.

женій вамъ не по душѣ — считайте, что я ихъ вамъ вовсе не дѣлалъ.

«Я не увижу васъ болѣе, но не перестану читать васъ и удивляться вамъ, не говоря вамъ о томъ» [1]).

Екатерина не любила Руссо и имѣла на то, конечно, серьезныя причины [2]); но Руссо уже умеръ и остался только великодушный поступокъ князя де-Линь, такъ подкупившій Екатерину.

Екатерина приняла князя де-Линь очень милостиво, даже любезно. «Здѣсь теперь князь де-Линь,—писала она,—человѣкъ веселый, милый, съ которымъ легко живется. Это оригинальная голова: при всемъ своемъ глубокомысліи, онъ способенъ дурачиться, какъ ребенокъ. Я очень довольна его обществомъ; онъ другъ герцога Браганцскаго» [3]). Императрица часто бесѣдовала съ нимъ, приглашала его къ своему столу. Изысканная вѣжливость обхожденія, остроумная рѣчь, обширныя познанія, свѣтлый умъ и веселый нравъ князя произвели впечатлѣніе на придворное общество. Воронцовы и Шуваловы, князь Бѣлосельскій и князь Путятинъ, Долгорукіе, Па-

[1]) *Tourneux*, IX, 92. J'écrivis à Jean-Jacques la lettre qu'il donna à lire, ou à copier assez mal-à-propos et qui se trouva enfin, je ne sais comment, imprimée dans toutes les gazettes, *Ligne*, X, 273.

[2]) Ж. Ж. Руссо, 1712—1778. Изъ всѣхъ философовъ прошлаго вѣка Руссо наиболѣе скептически относился къ Екатеринѣ и Россіи; его «пророчества», какъ называла Екатерина сужденія Руссо о русскихъ дѣлахъ, раздражали императрицу, что и выразилось въ ея отзывахъ о Руссо, встрѣчающихся въ письмахъ къ Вольтеру (*Voltaire*, LXXVIII, 3, 143; *Фабіянъ*, I, 3, 152; Сборникъ, XIII, 67). Смерть Руссо охладила нѣсколько это раздраженіе и въ письмахъ къ Гримму, въ 1778 и 1780 годахъ, Екатерина довольно спокойно вспоминаетъ о немъ (Сборникъ, XXIII, 117, 167). Въ это именно время князь де-Линь, покровитель Руссо, впервые явился къ Екатеринѣ въ Петербургъ. Позже, въ 1782 году, въ письмѣ къ графу и графинѣ Сѣвернымъ, Руссо обвиняется уже въ женевскихъ «безпорядкахъ» (Сборникъ, IX, 148), а послѣ революціоннаго взрыва онъ является однимъ изъ главныхъ виновниковъ французскихъ «безумій» (Сборникъ, XXIII, 520).

[3]) Сборникъ, XXIII, 185. Позже, въ 1781 г., Екатерина опять повторила: sa tête est très originale. Ibid., 208.

нинъ, Голицыны, всѣ русскіе вельможи, подражая императрицѣ, ухаживали за княземъ де-Линь; но особенно близко сошелся онъ съ княземъ Потемкинымъ. Они видѣлись каждый день, то во дворцѣ, то въ домѣ будущаго князя Тавриды, то у его племянницы А. В. Энгельгардтъ. Князь де-Линь зналъ всѣ картины въ домѣ Потемкина [1]), и когда покидалъ Петербургъ, князь Потемкинъ провожалъ его до Дерпта [2]). Петербургъ очень понравился князю де-Линь, видѣвшему уже Парижъ и Лондонъ, Вѣну, Венецію и Берлинъ. Онъ съ восторгомъ говорилъ о Невѣ, о ея гранитной набережной, о церквахъ и дворцахъ. Въ обществѣ императрицы и русскихъ вельможъ посѣтилъ онъ Царское Село, Петергофъ, Павловскъ, и описалъ загородные парки и сады, причемъ сравниваетъ Царское Село съ Версалью, а Петергофъ ставитъ выше ея. Какъ человѣкъ наблюдательный, много видѣвшій, онъ не только подмѣтилъ цѣлованіе рукъ у дамъ въ высшемъ обществѣ и русскіе хороводы въ крестьянской средѣ, но отмѣтилъ глубокую религіозность русскаго народа и особенности православнаго духовенства, относясь съ уваженіемъ и къ митрополиту Платону, благословляющему княгиню Голицыну розой, и къ русскому мужику, взывающему во всѣхъ случаяхъ жизни къ помощи святителя Николая [3]).

Князь де-Линь былъ тѣмъ болѣе желаннымъ гостемъ для Екатерины, что прибылъ въ Петербургъ вслѣдъ за отъѣздомъ императора Іосифа II и незадолго до пріѣзда прусскаго наслѣднаго принца Фридриха-Вильгельма.

Визитъ, сдѣланный императоромъ Іосифомъ II Екатеринѣ, взволновалъ всю Европу, особенно же Пруссію. Представитель прусскаго короля въ Петербургѣ былъ убѣжденъ,

[1]) *Ligne*, XX, 117.

[2]) Le prince Potemkine est parti pour Dorpat sous pretéxte d'y accompagner le prince de Ligne, avec lequel il a été fort lié et qu'il a retenu tout ce temps. Депеша графа Гёрца отъ 25-го сентября 1780 г. въ Берлинскомъ Архивѣ, Repos. XI, № 112.

[3]) *Ligne*, XII, 300; XIII, 150, 168, 196; XXI, 59; XXII. 80, 81.

что такое «снисхожденіе» императора, «перваго государя въ Европѣ» и къ тому же изъ «столь гордаго австрійскаго дома», увеличитъ надменность Екатерины [1]), и полагалъ, что впечатлѣніе, какое произведетъ императоръ, можно было бы парализовать посылкою въ Петербургъ наслѣднаго принца прусскаго, племянника Фридриха II Графъ Гёрцъ очень ловко привелъ свой планъ въ исполненіе, убѣдивъ князя Потемкина, что самая мысль о поѣздкѣ Фридриха-Вильгельма въ Петербургъ принадлежитъ ему [2]), князю Потемкину.

Мысль, поистинѣ, вполнѣ несчастная. Фридрихъ-Вильгельмъ, молчаливый педантъ, угрюмый формалистъ, занимавшійся только муштровкою солдатъ и никогда не выѣзжавшій изъ Пруссіи, долженъ былъ, конечно, много потерять при сопоставленіи съ Іосифомъ II, веселымъ собесѣдникомъ, разносторонне образованнымъ, много путешествовавшимъ. Неуклюжій принцъ прусскій своимъ пріѣздомъ только усугубилъ сожалѣніе объ отъѣздѣ элегантнаго императора германскаго. Въ этомъ только смыслѣ донесенія англійскаго посланника Гарриса вполнѣ справедливы: даже въ присутствіи Фридриха-Вильгельма, Екатерина отдавала рѣзкое предпочтеніе бесѣдѣ съ княземъ де-Линь и нерѣдко разсыпалась въ похвалахъ

[1]) L'entrevue de l'impératrice de Russie avec l'Empereur augmentera certainement la présomption de cette cour et surtout celle de la souveraine même et c'est bien l'effet le plus essentiel, qu'elle produira et dont on se ressentira le plus longtemps. C'est d'ailleurs le caractère propre de la souveraine de se livrer aux sentiments de vanité et tout a contribué sous ce règne à l'augmenter. Il ne manquait que ce phenomène que l'Empereur d'Allemagne, le premier Souverain de l'Europe, issu de cette maison d'Autriche, d'ailleurs si fière, vint de si loin rendre hommage à l'impératrice. Une pareille condescendance etc. Депеша отъ 8-го апрѣля 1780 г. въ Берлинскомъ Архивѣ, Repos. XI, № 63.

[2]) Je viens de chez le prince Potemkine, auprès duquel j'ai executé les ordres de votre majesté au sujet du voyage du prince de Prusse, ajoutant que comme vous n'aviez consenti à ce voyage et au désir du prince, que sur les idées de lui, prince Potemkine, le tout était à regarder comme son ouvrage, Депеша графа Гёрца отъ 20-го марта, въ Берлинскомъ Архивѣ, Repos. XI, P. S. ad relationem, № 58.

Іосифу II [1]). Расчетъ графа Гёрца на князя Потемкина тоже не оправдался: именно во время пребыванія Фридриха-Вильгельма въ Петербургѣ, Екатерина была недовольна княземъ Потемкинымъ [2]) и это неудовольствіе отражалось на всей придворной жизни.

Если ко всему этому прибавить соображенія чисто политическія, заставлявшія императрицу склоняться болѣе къ Австріи, чѣмъ къ Пруссіи, то станетъ вполнѣ понятнымъ то незавидное впечатлѣніе, которое Екатерина вынесла отъ личнаго знакомства съ племянникомъ Фридриха II. Это впечатлѣніе она сообщила Гримму въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Іосифъ II вполнѣ мастеръ; Фридриху-Вильгельму далеко еще и до подмастерья. Бѣдняга! Совсѣмъ не знаешь, что̀ онъ такое. Онъ только бормочетъ что-то, или ужъ онъ такъ не привыкъ разсуждать, что изъ его рѣчей ничего не выходитъ. Онъ очень сдержанъ, что крайне неудобно для окружающихъ и имѣющихъ съ нимъ дѣло. Говорятъ, онъ хорошо думаетъ — можетъ быть, но вѣдь это же можно сказать и объ индѣйскомъ пѣтухѣ, а быть индѣйскимъ пѣтухомъ или разыгрывать его роль—это, опять же, не всегда выгодно» [3]).

Князь де-Линь встрѣтился въ Петербургѣ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, какъ со старымъ знакомымъ. «Нѣсколько

---

[1]) Her behaviour to the Prince of Ligne, which is clearly designed, is the strongest contrast to her conduct towards the Prince of Prussia, and nothing hurts him and his friends so much as the pleasure she express in his society... She is profuse to the Prince of Ligne in her expressions of regard and admiration for the Emperor. *Harris*, 332, 333.

[2]) La volonté de changer de favori, l'opposition qu'y met le prince Potemkine, dans le même temps ce nouveau scandale d'une seconde nièce du prince devenue enceinte à la Cour par l'oncle même et ce crime est sensible à la personne de l'impératrice même, ... tout cela, ajouté à tant d'autres mécontentements, que le favori et les siens donnent à tout le monde, tout cela, dis-je, bouleverse dans ce moment l'âme de cette souveraine... On assure que l'impératrice et le prince Potemkine ont eu des explications encore avant-hier et hier matin. Депеша графа Гёрца отъ 25-го сентября, въ Берлинскомъ Архивѣ, Repos. XI, № 112.

[3]) Сборникъ, XXIII, 190.

мелкихъ услугъ, оказанныхъ мною ему относительно денежныхъ счетовъ, любовныхъ похожденій, и любезное ухаживаніе за дамою его сердца давно уже сблизили насъ. На далекой чужбинѣ иностранцы легко сходятся, несмотря на все различіе ихъ положенія, интересовъ и цѣлей. Между нами установились добрыя отношенія, въ которыхъ преобладали два чувства: дружба съ его стороны и неблагодарность съ моей, какъ только являлся случай принизить его въ Россіи» [1]). Это даже не коварство со стороны князя де-Линь: прусскій принцъ присланъ въ Петербургъ для противодѣйствія Іосифу II; австрійскій вельможа обязанъ по возможности ослабить, если не уничтожить вполнѣ это противодѣйствіе. Въ данномъ случаѣ задача не представляла большихъ трудностей и значительно облегчалась самимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ.

Прусскій посланникъ, конечно, былъ правъ, извѣщая Фридриха II, что его племянникъ долженъ былъ такъ вести себя, чтобы понравиться всѣмъ партіямъ при русскомъ дворѣ; но графъ Гёрцъ положительно ошибается, увѣряя короля, что принцъ прусскій вполнѣ достигъ этого [2]). Изъ донесеній самого же Гёрца, составляющихъ особую папку въ Берлинскомъ Архивѣ [3]), приходится вывести совершенно противное заключеніе. Такъ, напримѣръ, Іосифъ II былъ съ визитомъ у г-жи Энгельгардтъ, племянницы князя Потемкина; Фридрихъ-Вильгельмъ призналъ такой визитъ слишкомъ унизительнымъ для себя [4]), чѣмъ едва ли могъ расположить въ

---

[1]) *Ligne*, XXI, 33.

[2]) Il a fallu la plus grande prudence à monseigneur le prince de Prusse pour tenir une conduite qui put plaire à tous les partis et pour ne donner ombrage à aucun. Son altesse royale y a parfaitement réussi. Депеша отъ 25-го сентября, въ Берлинскомъ Архивѣ, Rep. XI, № 112.

[3]) Dépêches du comte de Goertz touchant le séjour du Prince de Prusse S. A. R. Frédéric-Guillaume à St.-Pétersbourg en 1780.

[4]) Je ne dois pas laisser ignorer à votre majesté jusqu'où l'orgueil a enivré la famille du prince Potemkine. On es venu me dire tout uniment que la demoiselle Engelhardt, sa nièce, s'attendait à une visite du prince de Prusse parce

свою пользу партію, наиболѣе значительную и вліятельную. Противная Пруссіи партія пользовалась всякимъ вольнымъ или невольнымъ случаемъ, чтобы уронить значеніе «высокаго гостя»; князь де-Линь не щадилъ его своими насмѣшками. Одинъ изъ его каламбуровъ особенно удаченъ.

Въ числѣ достопримѣчательностей столицы иностраннымъ гостямъ всегда показывали академію наукъ, для чего устраивались особенно торжественныя засѣданія. Посѣтилъ академію наукъ Іосифъ II, назначено было засѣданіе и для Фридриха-Вильгельма. Едва началось засѣданіе, какъ съ прусскимъ принцемъ сдѣлалось дурно; обморокъ скоро прошелъ, но, конечно, засѣданіе было прервано. На этомъ засѣданіи присутствовалъ и князь де-Линь. Когда Екатерина спросила его о посѣщеніи академіи, князь сказалъ: «Le prince royal s'est trouvé, madame, sans connaissance à l'académie de sciences». Екатерина расхохоталась, передала каламбуръ приближеннымъ, и острота князя стала передаваться изъ дому въ домъ. Опасаясь, что острота дойдетъ до принца прусскаго и оскорбитъ его, кн. де-Линь самъ передалъ ее Фридриху-Вильгельму, но съ слѣдующею перестановкою словъ: «Le prince royal s'est trouvé au milieu de l'académie sans connaissance». Ничего не зная о перестановкѣ словъ, наивный принцъ самъ же передавалъ императрицѣ и хвалилъ этотъ каламбуръ. Екатерина пересилила себя на этотъ разъ и не разсмѣялась [1]).

Болѣе мѣсяца оставался князь де-Линь въ Петербургѣ, видѣлся съ императрицею ежедневно, бесѣдовалъ, спорилъ съ нею, но ни разу даже не коснулся того денежнаго вопроса, для котораго имъ было предпринято это далекое путешествіе.

---

que le comte de Falkenstein lui en avait fait une. Si on aurait condescendu, on aurait fait crier la cour et la ville et on aurait sûrement désobligé la jeune cour. Депеша графа Гёрца отъ 29-го сентября, въ Берлинскомъ Архивѣ, Repos. XI, № 113.

[1]) *Serge Ouvaroff*, Le prince de Ligne. St.-Ptrsbrg, 1842, p. 26.

«Пріѣхавъ въ Россію, я прежде всего забылъ о существенной цѣли моего пріѣзда: мнѣ казалось неделикатнымъ воспользоваться милостями, которыми меня ежедневно осыпали, для полученія новыхъ милостей» [1]). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что вслѣдствіе этой же деликатности, кн. де-Линь ни разу не говорилъ съ Екатериною о Польшѣ, судьбы которой такъ теперь интересовали его—жена его сына была польскою землевладѣлицею.

Откланиваясь императрицѣ, кн. де-Линь долженъ былъ принять отъ нея подарокъ. «Вы не разъ говорили мнѣ,—сказала ему на прощанье Екатерина,—что продадите, проиграете или потеряете дорогіе брильянты, если я дамъ ихъ вамъ; примите же отъ меня всего лишь на сто рублей брильянтовъ, которыми окруженъ мой портретъ въ этомъ перстнѣ» [2]). Изъ кабинета были доставлены подарки женѣ князя де-Линь, его дочерямъ, причемъ не была забыта и княгиня Елена, рожденная княжна Массальская.

Изъ Петербурга кн. де-Линь отправился въ Вильну. Князь-епископъ виленскій, дядя Елены, устроилъ «пиръ горой» въ честь родныхъ гостей. Пользуясь тѣмъ, что въ это время былъ созванъ виленскій сеймикъ для выбора депутатовъ на сеймъ, кн. Массальскій пригласилъ въ свой зàмокъ Верки, близъ Вильны, до 80-ти литовскихъ шляхтичей въ ихъ національныхъ костюмахъ. Передъ обѣдомъ каждый изъ нихъ кланялся князю-епископу и почтительно цѣловалъ «конецъ его одежды». Въ концѣ обѣда, при громѣ пушекъ, провозглашали тосты: князь-епископъ называлъ здравицу, выпивалъ золотой кубокъ, опрокидывалъ его, въ знакъ, что не осталось ни капли, передавалъ кубокъ сосѣду справа, и кубокъ шелъ въ круговую. Пили только шампанское и токайское, причемъ князь де-Линь только дивился, «какъ много пьютъ въ Польшѣ».

За обѣдомъ князь Массальскій разсказывалъ гостямъ о

[1]) *Ligne*, XXI, 34. [2]) Ibid., X, 248.

милостяхъ Екатерины къ князю де-Линь, причемъ, намеками, несвязно, упоминалъ о значеніи этихъ милостей для Польши, говорилъ непонятными для гостей загадками. Вскорѣ загадка разъяснилась.

Еще при первыхъ переговорахъ о сватовствѣ княжны Елены Массальской, въ перепискѣ князя-епископа съ его другомъ маркизомъ Мирабо, упоминается, что мужъ Елены можетъ стать королемъ польскимъ. Эта мысль крѣпко засѣла въ мозгу князя-епископа. Когда же онъ узналъ, какъ милостиво Екатерина принимала князя де-Линь, онъ уже видѣлъ въ немъ будущаго короля Польши. «Епископъ, дядя моей невѣстки, вообразилъ, что я пользуюсь вліяніемъ на императрицу Россіи, потому только, что былъ ласково принятъ ею, и что стоитъ мнѣ только получить польское гражданство, чтобъ стать королемъ Польши. Какой переворотъ, говорилъ онъ, въ дѣлахъ Европы! Какое счастье, восклицалъ онъ, для де-Линей и для Массальскихъ!» Князь де-Линь улыбался, но не противорѣчилъ, и вмѣстѣ съ княземъ-епископомъ отправился въ Варшаву искать права гражданства.

«Мнѣ хотѣлось—пишетъ кн. де-Линь—получить одобреніе польской націи, собранной въ сеймъ, и я представился депутатамъ и маршалу». Епископъ виленскій, князь Массальскій, выставилъ кандидатуру князя де-Линь на польское гражданство.

Сейму были предложены 25 кандидатовъ, искавшихъ правъ польскаго гражданства. Изъ нихъ 24 были устранены; принятъ только одинъ кн. де-Линь. Для этого требовалось, однако, единогласное рѣшеніе сейма; у князя же оказалось три оппонента. Поднялся страшный шумъ. «Ихъ едва не зарубили саблями. Одинъ изъ депутатовъ схватился уже за эфесъ и произнесъ страшные угрозы... Я обратился къ моимъ противникамъ и мнѣ удалось настолько разсѣять ихъ предубѣжденіе, что они въ изысканныхъ выраженіяхъ изъявили свое согласіе на принятіе меня въ свою семью. Тогда я, вопреки

обычаю, бросился въ залу засѣданій, произнесъ по-латыни пламенную рѣчь, которая такъ наэлектризовала сеймъ, что неистовые крики *Zgoda*! потрясли собраніе и мое имя было покрыто такими рукоплесканіями, что, казалось, стѣны дрожали».

Уже въ качествѣ поляка, кн. де-Линь сближается съ Станиславомъ-Августомъ. «Я интригую въ пользу польскаго короля, который самъ интриганъ, какъ всѣ короли, занимающіе престолъ съ обязанностью исполнять волю сосѣдей или своихъ подданныхъ. Станиславъ-Августъ добръ, любезенъ, привлекателенъ: я даю ему совѣты; мы дѣлаемся друзьями» [1]). Въ качествѣ друга, онъ ведетъ съ нимъ переписку, въ которой сообщаетъ любопытныя подробности о своихъ бесѣдахъ съ Фридрихомъ II, «сосѣдство котораго принесло столько зла Польшѣ» [2]). Письма кн. де-Линь къ польскому королю относятся къ 1785 и 1786 годамъ, когда кн. де-Линь не могъ еще и предвидѣть, насколько велико это зло. Оно обнаружилось лишь годъ спустя, вслѣдъ за таврическимъ путешествіемъ Екатерины.

Осенью 1786 года, императрица увѣдомила кн. де-Линь о своемъ путешествіи на югъ Россіи. «Я выѣду отсюда въ первыхъ числахъ января; февраль и мартъ проведу въ Кіевѣ; въ началѣ апрѣля отправлюсь водою по Днѣпру; май употреблю на обзоръ края, въ которомъ жила нѣкогда, говорятъ, Ифигенія. Вѣрно то, что уже одно названіе этой страны возбуждаетъ воображеніе, и потому нѣтъ такого рода измышленій, которыя не распускались бы по поводу моего путешествія и пребыванія въ Тавридѣ. Вѣрно и то, что я очень буду

---

[1]) *Ligne*, XXI, 34.

[2]) Въ полномъ собраніи сочиненій князя де-Линь, имъ самимъ изданномъ въ 1795 году, письма къ Станиславу-Августу изданы въ видѣ «Mémoire sur le roi de Prusse Frédéric le Grand» (VI, 117—140), причемъ въ предисловіи объяснено, что изданіе писемъ, вышедшее въ Берлинѣ и Вѣнѣ, сдѣлано неточно и съ рукописи, которую какая-то полячка выпросила у князя только для прочтенія, а не для изданія.

рада снова увидѣть васъ» [1]). Князь де-Линь не только принялъ столь любезное приглашеніе, сопровождалъ императрицу въ путешествіи, не только описалъ его въ девяти письмахъ къ маркизѣ де-Куаньи [2]), но и выступилъ публичнымъ защитникомъ Россіи отъ нападокъ, которыя появились въ западно-европейскихъ газетахъ при сообщеніи извѣстій объ этомъ путешествіи [3]). Въ Кіевѣ князь де-Линь сблизился со многими польскими вельможами: съ Браницкими и Потоцкими, Сапѣгами, Четвертинскими, Мнишками; въ Каневѣ встрѣтился онъ съ королемъ Станиславомъ-Августомъ.

Это путешествіе въ Тавриду закончилось войнóю съ Турціею. Приглашая князя де-Линь къ поѣздкѣ въ Тавриду, Екатерина увѣряла его, что съ нею поѣдетъ «нѣсколько министровъ мира, въ присутствіи которыхъ не можетъ произойти никакой битвы», и просила его «умѣрить свой воинственный пылъ»: теперь, по окончаніи путешествія, Екатерина съ удовольствіемъ приняла предложеніе князя де-Линь вступить въ ряды ея войска для борьбы съ Турціею. Обстоятельства сложились такъ, что въ началѣ второй турецкой войны, когда кн. де-Линь находился въ русскомъ лагерѣ, ему пришлось имѣть дѣло не столько съ русскими или турками, сколько съ поляками.

Въ XVIII столѣтіи исходъ всякой войны съ Турціею много зависѣлъ отъ Польши. Застигнутый теперь врасплохъ, Потемкинъ писалъ Екатеринѣ: «Примите мое усерднѣйшее предложеніе, рѣшите съ Польшею, обѣщайте полякамъ пріобрѣтеніе; несказанная польза, чтобы они были наши; ей-ей, они тверже будутъ всѣхъ другихъ». Екатерина, вполнѣ понимая значеніе Польши, отвѣчала: «Касательно польскихъ дѣлъ въ скоромъ времени пошлются приказанія, кои изготовляются для начатія соглашенія; выгоды имъ обѣщаны будутъ» [4]). О подобномъ «соглашеніи» была рѣчь еще въ Каневѣ: вырабо-

[1]) Сборникъ, XXVII, 379. [2]) *Ligne*, XXI, 3—62. [3]) *Tourneux*. XV, 105.
[4]) Письмо отъ 26-го февраля 1788 г., въ Сборникѣ, XXVII, 478.

танный позже проектъ русско-польскаго союза предоставлялъ Рѣчи слѣдующія «выгоды»: обезпеченіе ея владѣній и, въ случаѣ успѣшной войны, присоединеніе къ Польшѣ части Бессарабіи и Молдавіи. Этому союзу не суждено было осуществиться: прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ вошелъ въ соглашеніе съ польскою партіею реформы, обѣщалъ ей возвращеніе Галичины, пугалъ польскихъ патріотовъ зависимостью отъ Россіи, обѣщалъ полякамъ всевозможныя блага, если только они согласятся уступить ему Торнъ и Данцигъ, интриговалъ въ Константинополѣ, мутилъ въ Польшѣ Рѣчь Посполитая увидѣла себя въ исключительномъ положеніи: тѣ же державы, которыя такъ еще недавно подѣлили между собою ея окраины, предлагаютъ теперь присоединить къ ней цѣлыя области. Такія предложенія со стороны Россіи и Пруссіи вызвали въ Польшѣ цѣлую бурю политическихъ страстей. Представители русской партіи, съ княземъ Четвертинскимъ во главѣ, прибыли въ лагерь кн. Потемкина, совѣщались съ княземъ де-Линь, стоявшимъ, въ февралѣ 1788 года, въ Елизаветградѣ. Вотъ что кн. де-Линь [1]) писалъ по этому поводу императору Іосифу II:

«Европа въ такомъ положеніи, что не слѣдуетъ терять ни минуты и необходимо воспользоваться обстоятельствами. Прусскій король обидѣлся, когда императрица велѣла передать ему, что онъ самъ такъ еще недавно на тронѣ, что не можетъ обсуждать интересы другихъ престоловъ и что онъ не долженъ разсчитывать, что ему позволятъ распоряжаться тремя имперіями такъ, какъ онъ распоряжался Голландскою республикою, или мутить ихъ, какъ въ Польшѣ.

«Ваше императорское величество можете помѣшать Польшѣ предаться въ руки прусскаго короля, если удостоите написать мнѣ офиціальное письмо съ заявленіемъ, что двѣ изъ

---

[1]) *Ligne*, XXIV, 44. Весь этотъ томъ озаглавленъ: «Relations de ma campagne de 1788 contre les turcs», но въ немъ письма къ Іосифу II значительно сглажены противъ изданій, сдѣланныхъ не самимъ княземъ де-Линь.

участвовавшихъ въ раздѣлѣ державы вооружатся противъ третьей, еслибъ она вздумала захватить хотя бы малѣйшее староство. Подъ предлогомъ защиты отъ турокъ, я уговорилъ князя Потемкина выдать полякамъ 40.000 ружей, если они захотятъ составить конфедерацію, подъ покровительствомъ обѣихъ имперій.

«Многіе польскіе магнаты, мною поддерживаемые, ждутъ только этого, чтобы уничтожить прусскую партію. Я прошу ихъ только не присоединяться къ прусской партіи и оставаться поляками. Князь Четвертинскій, ревностный и просвѣщенный полякъ, тоже хлопочетъ объ этомъ, и вчера еще соглашался со мною, что всякая иностранная партія можетъ только погубить Польшу. Я имъ твержу одно: не ходите, господа, ни въ Вѣну, ни въ Петербургъ, ни въ Берлинъ, и, стараясь избавиться отъ ига Россіи, не ищите еще худшаго ига—палки прусскаго капрала».

Заинтересованный судьбою Польши, князь де-Линь предварялъ объ опасности и Станислава-Августа. «На дняхъ я писалъ польскому королю: *Государь, громъ гремитъ надъ вашею головою.* Онъ отвѣчалъ мнѣ съ обычными ему находчивостью и остроуміемъ, что *постарается устроить громоотводъ*» [1]).

Князь Четвертинскій сообщилъ князю де-Линь письмо прусскаго министра г. Герцберга къ князю Сулковскому и нѣсколько писемъ одинаковаго содержанія, которыя прусскій король прислалъ польскимъ магнатамъ для подписи только: въ этихъ письмахъ каждый изъ магнатовъ обращался къ прусскому королю съ просьбою взять Польшу подъ свое покровительство и защитить ее отъ невыносимаго ига Россіи. «Письма составлены превосходно. Стремленіе уловить поляковъ въ свои сѣти такъ ловко прикрыто! Я списалъ копію съ этихъ писемъ и послалъ ихъ императору, извиняясь заранѣе, что сую свой носъ, гдѣ меня не спрашиваютъ» [2]).

---

[1]) *Lettres*, p. 117. Это мѣсто исключено авторомъ изъ собранія писемъ.
[2]) *Ligne*, XXIV, 127.

Сторонники русской партіи въ Польшѣ ѣздили въ Петербургъ, гдѣ, однако, не были услышаны. Князь Четвертинскій горько жаловался князю де-Линь на холодность русскаго двора, отъ которой «руки опускаются» у польскихъ партизановъ Россіи. Князь де-Линь не былъ посвященъ въ политическія дѣла русскаго правительства; ни защищать его холодность, ни осуждать ее онъ не могъ, какъ не имѣлъ основаній отказаться и отъ своихъ взглядовъ на судьбы Польши. Онъ высказалъ князю Четвертинскому и сопровождавшимъ его польскимъ магнатамъ свои взгляды на поляковъ, свои убѣжденія относительно современнаго положенія Польши, свои вѣрованія о предстоявшей ей будущности. Князь де-Линь говорилъ имъ, убѣждалъ ихъ, и просилъ передать всѣмъ польскимъ патріотамъ эти результаты его знакомства съ Польшею, его политической опытности. Мало того: не полагаясь на память своихъ слушателей, князь де-Линь составилъ небольшую записку о Польшѣ [1]), которую передалъ имъ и увѣщалъ ихъ прочесть ее всѣмъ полякамъ. Вотъ эта

«Записка о Польшѣ».

«Развѣ можно не любить Польшу, поляковъ, особенно полячекъ? Развѣ можно не любить умъ и отвагу поляковъ, граціозность и красоту полячекъ, которыя всѣ, даже наименѣе любезныя, обладаютъ прелестью обхожденія, изяществомъ манеръ, плѣнительностью и очарованіемъ въ значительно бо́льшей степени, чѣмъ женщины другихъ странъ? Кто-же не предпочтетъ всѣмъ другимъ городамъ пребываніе въ Варшавѣ, гдѣ царитъ французская изысканность и восточная безпечность, вкусы Европы и Азіи, утонченные нравы наиболѣе цивилизованныхъ странъ и гостепріимство земель некультурныхъ? Кто не удивляется націи, среди которой замѣчаются образы благородные и пріятные, манеры мягкія и простыя

[1]) *Ligne*, XXI, 330.

вѣжливость, прямота и предупредительность въ городахъ, добродушная простота въ селахъ, вездѣ понятливость, пріятность бесѣды, благовоспитанность, всѣ умственныя дарованія, всѣ тѣлесныя упражненія, просвѣщенность, краснорѣчіе? Кого не восхищаетъ польская любовь къ зрѣлищамъ, склонность къ искусствамъ, роскошь празднествъ, національные танцы, своеобразные костюмы, оригинальные обычаи, доброта, благодарность?

«Моя благодарность къ полякамъ безгранична. Честь, которую вы оказали мнѣ допущеніемъ меня въ свою среду, принятіемъ меня въ члены прекрасной и великой націи, рукоплесканія, которыми встрѣчено было мое единодушное избраніе, никогда не изгладятся изъ моего сердца.

«Только отдавшись вамъ всѣмъ сердцемъ, дерзаю я предложить вамъ нѣсколько соображеній касательно нашего общаго отечества. Если бъ Польша, вмѣсто трехъ имперій и одного королевства, была окружена океаномъ, она, спокойная среди моря и наслаждаясь своею организаціею, заставила бы завидовать своимъ законамъ, во многомъ болѣе разумнымъ, чѣмъ законы того острова, который признается обиталищемъ мудрецовъ — англійская конституція не могла бы просуществовать столько вѣковъ, сколько существуетъ польская. Это родъ чуда, но берегитесь, чтобъ это чудо не прекратилось. Малѣйшее пристрастіе къ одному изъ вашихъ сосѣдей послужитъ для остальныхъ трехъ предлогомъ стереть васъ съ лица земли: не терзая другъ друга и даже не терзая васъ, подѣлятъ они между собою, захватятъ ваши отчины, права, земли. Отъ умѣреннаго воздѣйствія политическаго вліянія очень еще далеко до тяжкаго ярма государственнаго владычества. Не подлежитъ сомнѣнію, что Россія, вслѣдствіе своей матеріальной силы, племеннаго родства и географическаго положенія, прикрываетъ васъ крылами своего двуглаваго орла; она вашъ покровитель, когда вы мирволите ей, и бичъ, когда вы оскорбляете ее.

«Если иногда когти этого орла довольно чувствительны, то теперь, когда Россія желаетъ вамъ добра, несмотря на то, что вы стремитесь избавиться отъ нея, пеняйте на себя, если вашъ бѣлый орелъ, слишкомъ слабый, чтобъ противостоять орлу двуглавому, пострадаетъ. Вѣроломство, неискренность, противленіе, всегда безполезное и ежегодно возобновляемое, заставляли Россію употреблять силу, чтобъ противодѣйствовать вашему окончательному паденію, къ которому влечетъ васъ духъ партій.

«Силу, не жестокость. Если жестокость иногда и проявлялась, то вопреки воли императрицы, которая не любитъ жестокости и никогда не прибѣгаетъ къ ней. Исходатайствуйте у ея императорскаго величества учрежденіе особаго трибунала или назначеніе особаго комиссара, который преслѣдовалъ бы тѣхъ изъ ея чиновниковъ въ польскихъ или сосѣднихъ областяхъ, которые угнетаютъ или безчестятъ васъ. Пусть отнимется власть у агентовъ, назначенныхъ, быть можетъ, для вашего же покровительства, но оказавшихся жестокими. Доведите до свѣдѣнія государыни о малѣйшихъ злоупотребленіяхъ, безъ ея вѣдома совершаемыхъ въ Польшѣ ея чиновниками и генералами, и она удовлетворитъ васъ. Къ тому же русскіе генералы ушли уже изъ Польши вмѣстѣ съ русскими войсками. Въ первый еще разъ съ начала нынѣшняго столѣтія не видно зеленыхъ мундировъ въ польскихъ городахъ и на польскихъ поляхъ, которыя нерѣдко бывали для нихъ полями побѣдъ: вы помните, что еще въ 1716 году Петръ I, отчасти силою, отчасти хитростью, низвелъ численность вашей арміи до 18.000 человѣкъ. Благословляйте наступившій моментъ воздержанія вражьей силы, который, быть можетъ, долженъ былъ-бы явиться ранѣе, но не злоупотребляйте имъ.

«Императрица не разъ говорила мнѣ: «Мнѣ многое сообщаютъ о полякахъ и вынуждаютъ меня говорить о нихъ. Но я не обращаю никакого вниманія на то, что жена такого-то каштеляна въ связи съ офицеромъ моей арміи, жена воеводы—съ

русскимъ сановникомъ, а сестра такого-то старосты принадлежитъ къ противной партіи. Ну, такъ что же! Что мнѣ до ихъ тяжебныхъ дѣлъ, зачѣмъ хотятъ они, чтобы я въ нихъ вмѣшивалась? Зачѣмъ имъ мои ордена, мои ленты? Развѣ у нихъ нѣтъ своихъ? Я же не дѣлаю различія между орденами св. Анны и св. Станислава! Зачѣмъ же эта погоня за моимъ св. Андреемъ? Когда мнѣ пишутъ: такая-то польская фамилія противна русскимъ интересамъ, я говорю себѣ: Россію, значитъ, предупредила Австрія или Пруссія, и смѣюсь надъ Россіею».

«Мораль этихъ словъ императрицы ясна, господа: не забѣгайте ни въ Вѣну, ни въ Берлинъ, ни въ Петербургъ—будьте поляками. Вотъ одно, о чемъ я васъ прошу.

«Россія, дѣйствительно, больше занималась вами, чѣмъ остальныя двѣ державы, которыя слишкомъ много занимаются другъ другомъ. Если которая-либо изъ этихъ двухъ державъ скажетъ вамъ, что это дурно со стороны Россіи—не вѣрьте ей или будьте убѣждены, что она говоритъ это въ своихъ интересахъ.

«Я отвѣчаю вамъ за императора Іосифа II—я уполномоченъ имъ объявить вамъ это. Я показывалъ вамъ его письма ко мнѣ по этому поводу. Король Фридрихъ-Вильгельмъ, котораго я считаю человѣкомъ правдивымъ, пообѣщаетъ вамъ, вѣроятно, то же, если вы попросите его высказаться категорически, и сдержитъ свое слово, если вы сами не втянете его въ какую-либо ловушку. Поэтому, не пеняйте на прусское министерство, если вы, обманывая себя, вовлечете его въ какія-либо опасныя предпріятія— повторяю еще разъ: пеняйте только на самихъ себя.

«Не плачьте о бывшемъ раздѣлѣ, но опасайтесь новаго.

«Я былъ свидѣтелемъ очень интереснаго свиданія вашего короля, лучшаго, любезнѣйшаго и милѣйшаго изъ королей, съ великою Екатериною, и могу засвидѣтельствовать, что это свиданіе было трогательнымъ возобновленіемъ знакомства, дружбы, политическаго союза.

«Въ прошломъ году, при встрѣчѣ Станислава-Августа съ Іосифомъ II, вашъ король, ободренный императоромъ, спросилъ его:

«— Могу я быть увѣреннымъ, что ваше величество не желаете, чтобы я умеръ съ горя, видя, что еще какія-либо области отдѣляютъ отъ моего несчастнаго королевства?»

«— Я вамъ обѣщаю, сказалъ императоръ. Я вамъ отвѣчаю за себя».

«*Ни единаго деревца*—это собственныя его слова. Оба, императоръ и король, повторили мнѣ ихъ.

«— Дайте мнѣ вашу руку», сказалъ король, до слезъ тронутый искренностью рѣчи императора.

«— Извольте, отвѣчалъ императоръ, вотъ моя рука; но что еще вѣрнѣе—даю вамъ честное слово благороднаго человѣка».

«Вы, князь Четвертинскій, и вы, господа, вы знаете, что я, при посредствѣ князя Потемкина, обѣщалъ вамъ 40.000 ружей, которыя вамъ пришлютъ изъ Тулы для вооруженія ими конфедераціи, собираемой только подъ предлогомъ противодѣйствія туркамъ, на самомъ же дѣлѣ для вашей защиты даже противъ самой же Россіи, если бы она вздумала отнять у васъ хотя бы ничтожнѣйшее староство. Чтобы доказать вамъ, что Россія не страшится васъ, какъ стороны нападающей, но что она желаетъ, чтобы уважали васъ, какъ сторону защищающуюся, я беру на себя исходатайствовать у императрицы разрѣшеніе довести польскую армію до 100.000 человѣкъ, если это вамъ по силамъ. Передайте эти мои слова вашей прекрасной націи, которую я боготворю, и пусть она позаботится о возстановленіи своего древняго величія, при помощи мудрыхъ распоряженій военными силами и единодушно принятыхъ народомъ реформъ внутреннихъ.

«Никакихъ заднихъ мыслей, господа, особенно по отношенію къ Россіи. Никакихъ колебаній въ принципахъ. Вражда знатныхъ родовъ должна прекратиться. Патріоты не должны

себя обманывать и не должны допускать, чтобы ихъ обманывали измѣнники. Не обвиняйте другъ друга, говоря: этотъ—русскій, тотъ—пруссакъ; вслѣдствіе такихъ обвиненій, даже добрый патріотъ, всегда остава́вшійся полякомъ, можетъ войти въ ряды русской или прусской партіи. Забудьте ваши частные споры, ваши недоразумѣнія, изгоните изъ среды себя мелкихъ интригановъ, которые, поссоривъ двѣ фамиліи, смѣются потомъ надъ обѣими, и попросите вашихъ дамъ, чтобы онѣ оставили политику и занялись исключительно ухаживаніемъ за вами.

«Прежде всего, необходима крѣпкая королевская власть. Станиславъ-Августъ, которому всѣ противорѣчатъ и котораго всѣ оскорбляютъ, не король. Теперь нельзя имѣть на тронѣ подобіе короля. Посмотрите, что станетъ съ Франціею, гдѣ король, созвавъ нотаблей, сталъ уже польскимъ королемъ и, быть можетъ, созоветъ и государственные чины. Сдѣлайте себѣ французскаго короля такого, который имѣлъ бы власть. Если онъ злоупотребитъ ею, сеймъ [1]) всегда можетъ ограничить его власть; но не лишайте короля возможности дѣлать добро.

«Вашъ король не можетъ сдѣлать своимъ подданнымъ столько добра, сколько каждый изъ васъ своимъ несчастнымъ крестьянамъ. Вы станете сами болѣе богаты, если предоставите крестьянамъ болѣе свободы и дадите имъ средства для заведенія своихъ усадебъ, которыя составляютъ государственное богатство и умножаютъ населеніе. У васъ теперь нѣтъ ни республики, ни королевства. Ваша польская республика заключается теперь въ правѣ 500 или 600 подданныхъ короля публично говорить ему всякія глупости. Охрипнувъ на сеймѣ отъ крика, единственно для стяжанія аплодисментовъ публики, они вѣрноподда́нически цѣлуютъ руку своего короля, просятъ у него прощенія и, въ то же время, вы-

[1]) «Сеймъ не парламентъ: у членовъ сейма сабля на боку, которой нѣтъ у членовъ парламента».

прашиваютъ себѣ новыхъ милостей. На что же это похоже? И какъ ихъ легко исправить: спросите любого магната, захотѣлъ ли бы онъ имѣть у себя сеймъ, гдѣ его крестьяне могли бы обходиться съ нимъ такъ же, какъ онъ обходится съ королемъ на варшавскомъ сеймѣ?

«Изъ моихъ прежнихъ трудовъ извѣстно, какъ я смотрю на администрацію, на народное образованіе, на финансы. Именно въ Польшѣ скорѣе всего примѣнимы мои взгляды. Польшѣ необходимъ заемный банкъ, въ которомъ магнаты могли бы кредитоваться изъ 6%; кто не внесъ подлежащей съ него суммы, того земли отходятъ къ коронѣ, которая будетъ уплачивать за нихъ 6% своему же банку. Тогда не будетъ уже древнихъ, родовитыхъ домовъ, доведенныхъ до нищеты; кровь Ягеллоновъ не оскудѣетъ. Ваша шляхта избавится отъ жидовъ, которые теперь, съ кнутомъ въ рукахъ, высасываютъ кровь у вашихъ крестьянъ. Поддерживая магнатовъ и шляхту, усильте и королевскую власть. Король долженъ быть выше и независимѣе всѣхъ: всѣ должны ему подчиняться, выше его одинъ только законъ.

«Польша должна имѣть свою сильную армію. Численность ея легко довести до 100.000 пѣхоты и 50.000 кавалеріи; кромѣ этой регулярной арміи, необходимо имѣть до 50.000 милиціи. Не забудьте, что Польша должна имѣть три лагеря: въ сторонѣ Галичины, въ сторонѣ Бѣлоруссіи и у Грауденца. Сильный лагерь гораздо надежнѣе самой неприступной крѣпости. На содержаніе арміи нужны средства. Ихъ легко найти: конфискуйте церковныя имущества, введите налоги на роскошь, обложите налогомъ подоходнымъ всякаго, до получающаго два флорина заработка въ день, сократите всѣ ненужные и нерѣдко пустые расходы по внутреннему управленію, упраздните представительства при чужестранныхъ дворахъ. Вамъ нужно имѣть только трехъ представителей: въ Вѣнѣ, Петербургѣ и Берлинѣ. На что вамъ министръ въ Лиссабонѣ, напримѣръ, гдѣ едва знаютъ о существованіи Польши?

«Всѣ эти преобразованія, предлагаемыя мною, не могутъ возбудить неудовольствія России, а только ея отношенія къ Польшѣ важны, только съ ними необходимо считаться. Правда, въ настоящее время Польша должна сообразоваться съ мнѣніями не одной России, но трехъ державъ, должна опасаться мщенія трехъ сосѣдей: Австріи, Пруссіи и Россіи; но между ними необходимо дѣлать различіе. Всѣ три державы одинаково желаютъ видѣть въ Польшѣ естественную, нейтральную между ними территорію, причемъ одна только Россія не желаетъ раздробленія Польши, и по очень простой и понятной причинѣ—ей это невыгодно: теперь Россія имѣетъ вліяніе на всю Рѣчь Посполитую, послѣ же раздѣла ее вліяніе ограничится только тѣмъ участкомъ, который достанется ей; какъ бы этотъ участокъ ни былъ великъ, онъ все же будетъ менѣе всей Рѣчи Посполитой.

«Не желаетъ пріобрѣтеній въ Польшѣ и Австрія. Годъ назадъ, многіе изъ васъ, господа, представляясь Іосифу II, заявляли, что они австрійцы; императоръ отвѣтилъ вамъ на это: «Благодарю васъ, господа, но разрѣшаю отъ привязанности Австріи: я желаю только, чтобы поляки Галичины были вѣрными австрійцами—мнѣ этого довольно». Дѣйствительно, императоръ не желаетъ «ни деревца» отъ Польши, но не обманывайтесь: если императрица Екатерина сдѣлаетъ вамъ какое-либо даже зло, мой императоръ не защититъ васъ—онъ союзникъ русской императрицы, союзникъ вѣрный, и ради васъ ссориться съ нею не станетъ.

«Остается Пруссія. Вы, князь Четвертинскій, показывали мнѣ письма прусскаго министра Герцберга къ князю Антонію Сулковскому. Я не извѣстилъ объ этихъ письмахъ русское правительство, но копіи ихъ послалъ его величеству императору, который, какъ добрый сосѣдъ, поручилъ мнѣ предостеречь поляковъ. Я писалъ по этому поводу вашему королю безъ королевства: «Государь, громъ гремитъ надъ вашею головою». Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Я постараюсь устроить

громоотводъ». Это не такъ-то легко, тѣмъ болѣе, что въ политикѣ иногда услуга опаснѣе угрозъ. Нѣтъ, господа, если какая-либо изъ трехъ державъ станетъ предлагать вамъ свои услуги, въ видѣ покровительства, отвѣчайте: Timeo Danaos et dona ferentes [1]). И когда же дѣлаются эти предложенія? Когда Россія занята войною съ Турціею, какъ будто Порта можетъ отвлечь или ослабить русское вниманіе! Но вы, князь Четвертинскій, бывшій въ русскомъ лагерѣ, можете засвидѣтельствовать, что Турція не въ силахъ бороться съ Россіею. Нужно быть, дѣйствительно, туркомъ, чтобъ объявить войну державѣ, которая можетъ выслать 60.000 казаковъ для грабежа и 100.000-ные корпуса для осады крѣпостей и борьбы въ полѣ! Россія, конечно, выйдетъ изъ этой войны побѣдительницею; не раздражайте же ее, не давайте ей предлога отнестись къ вамъ враждебно.

«Вольтеръ сказалъ: «Dieu ne doit point pâtir des sottises du prêtre». Императрица не должна лишиться вашей дружбы изъ-за того, что князь Потемкинъ, принимая на дняхъ многихъ изъ васъ въ Елисаветградѣ, вышелъ къ нимъ безъ панталонъ. Кто знаетъ князя, тотъ понимаетъ, что это съ его стороны только знакъ довѣрія. Очень жаль, конечно, что многіе поляки приглашались къ императорскому столу въ Кіевѣ не такъ часто, какъ того желали, что не всѣ ихъ жены получили орденъ св. Екатерины; но согласитесь, господа, изъ-за такихъ мелочей нельзя же заставлять страдать восьмимилліонный народъ!

«Передайте все это вашимъ землякамъ и да остерегутся они отъ опаснаго шага, который можетъ дорого стоить Польшѣ. Говорю это со слезами на глазахъ. Я сообщалъ эти опасенія князю Адаму Чарторійскому, къ которому привязанъ съ дѣтства, который хорошо знаетъ положеніе своей родины, и онъ призналъ мои опасенія основательными. Другой вашъ

---

[1]) *Virgil.*, Eneid., l. II, v. 49.

соотечественникъ, Феликсъ Потоцкій, такъ сильно говорившій противъ Россіи на послѣднемъ сеймѣ, услышавъ о прусскихъ замыслахъ, воскликнулъ: «Продамъ земли, заложу брильянты, отдамъ послѣднюю рубашку, но не допущу, чтобъ Польша потеряла хоть пядь земли!» Положивъ руку на сердце, скажите: безпокоитъ ли васъ въ такой же мѣрѣ вліяніе Россіи? Вѣдь вы его часто и не замѣчаете. Ваши сеймовые ораторы называли иногда это вліяніе «зависимостью», за что имъ много аплодировали; но къ вечеру же все это забывалось: ораторы попрежнему отплясывали мазурку, а ихъ жены влюблялись въ русскихъ офицеровъ. Откуда же теперь такая неукротимая ненависть къ русскому вліянію? Не хотятъ ли ваши горячія головы, вѣрнѣе легкомысленныя, воспользоваться войною Россіи съ Турціею? Но, во-первыхъ, это неделикатно; а во-вторыхъ—невыгодно: у Россіи всегда найдется какой-нибудь корпусъ въ 20.000 человѣкъ, чтобъ разбить ваши войска и нанести смертельный ударъ нашей Польшѣ.

«Вотъ послѣднія мольбы вашего соотечественника, который любитъ васъ и вскорѣ, по долгу службы, удалится отъ васъ. Посвященный въ европейскія дѣла и лично знакомый съ государями, съ ихъ министрами, я заслуживаю вашего вниманія, даже болѣе, вашего довѣрія. Позвольте указать вамъ, напримѣръ, князя Потемкина: сильный милостью русской императрицы, богатый, вліятельный, онъ, при свиданіи съ королемъ Станиславомъ-Августомъ, почтительнѣйше цѣловалъ его руку! Вотъ вамъ доказательство, господа, что въ настоящее именно время королямъ должна быть предоставлена полная власть. Предоставьте возможно бо́льшую Станиславу-Августу—онъ, повторяю, не злоупотребитъ ею. Если вы всѣ будете истинными поляками, онъ не будетъ ни русскимъ, ни пруссакомъ.

«Если хотите, то, пока есть время, пока король въ вожделѣнномъ здравіи, упросите его избрать среди васъ буду-

щаго себѣ преемника. При жизни еще Станислава-Августа вы увидите, хорошъ ли его преемникъ, любъ ли вамъ, угоденъ ли сосѣднимъ державамъ, достоинъ ли быть со временемъ польскимъ королемъ. Пусть онъ путешествуетъ, изучаетъ страну, знакомится съ населеніемъ, помогаетъ королю, какъ старшій сынъ въ семьѣ.

«Вы иногда говорите, что желали бы сдѣлать королевскую власть наслѣдственною. Переходъ отъ избранія къ наслѣдованію не такъ легокъ, какъ иные думаютъ. Нація не отречется даромъ отъ дорогого ей права; она потребуетъ серьезныхъ уступокъ и, прежде всего, выговоритъ себѣ право отказывать въ людяхъ и деньгахъ, когда, быть можетъ, то и другое наиболѣе необходимо. Въ какомъ же положеніи окажется король, хотя и наслѣдственный, но лишенный поддержки націи? Умираетъ король польскій, избранный — всѣ дворы въ движеніи, среди поляковъ интриги и подкупы и все оканчивается избраніемъ, нерѣдко весьма случайнымъ. Вы, господа, любите писать законы — создайте законъ объ избраніи будущаго преемника. Возьмите его отъ двора или отъ плуга, все равно, но предоставьте ему власть деспотическую. Если выраженіе «деспотическая власть» возмущаетъ васъ, предоставьте ему власть военную: уполномочьте его сдѣлать, вслѣдъ за избраніемъ, народную перепись и по рекрутскому набору составить армію хоть въ 100.000 человѣкъ для начала.

«А до тѣхъ поръ, повторяю: оставайтесь спокойными, не двигайтесь. Если вы шевельнетесь—вы погибли».

Этими строками обрывается «Записка о Польшѣ», а вмѣстѣ съ ними и всякое доброе воспоминаніе князя де-Линь о Польшѣ и полякахъ. Вскорѣ поляки и Польша нанесли князю де-Линь тяжкія, никогда незабываемыя, оскорбленія.

Вопреки увѣщаніямъ князя де-Линь, польскіе патріоты рѣшились воспользоваться временными затрудненіями Россіи, созданными войною сперва съ одною Турціею, потомъ съ Тур-

ціею и Швеціею. Многіе польскіе магнаты, соблазненные прусскими обѣщаніями, склонны были къ заключенію оборонительнаго союза съ Пруссіею; польскіе патріоты мечтали о выработкѣ новой конституціи, болѣе согласной съ дѣйствительными нуждами Польши; всѣ обсуждали, волновались, шумѣли. Созванный королемъ на 6-е октября 1788 г. сеймъ обѣщалъ быть особенно интереснымъ. Депутаты изъ ближнихъ и отдаленныхъ воеводствъ и ихъ многочисленная свита оживили Варшаву; заботы о судьбахъ родины воодушевили варшавянъ.

Варшава въ дни сейма становилась дѣйствительною столицею Рѣчи Посполитой. За исключеніемъ небольшихъ вакацій, сеймъ 1788 г., вопреки обычая, засѣдалъ безъ перерыва и безъ новыхъ выборовъ вплоть до 1792 года. Въ эти четыре года, несмотря на всю серьезность политическихъ вопросовъ, обсуждавшихся сеймомъ [1]), дворъ короля и салоны магнатовъ отличались блескомъ, пышностью и такимъ оживленіемъ, какого прежде не замѣчалось и которое современные мемуаристы приписывали присутствію многихъ красивыхъ дамъ.

Въ массѣ красивыхъ польскихъ дамъ выдѣлялись въ то время: княгиня Любомірская, жена маршала, дочь князя Чарторійскаго, княгиня Потоцкая, жена кравчаго, рожденная графиня Оссолинская, и княгиня Чарторійская, рожденная Флеммингъ, жена брата княгини Любомірской.

Говорили, будто княгиня Любомірская обогащала тѣхъ, кому позволяла пользоваться своею любовью, княгиня Чарторійская обирала своихъ любовниковъ, а княгиня Потоцкая наслаждалась любовью ради наслажденія. Кромѣ этихъ трехъ «царицъ двора и общества», обращали на себя вниманіе княгиня Ланцкоронская, графиня Браницкая, княгиня Понятов-

---

[1]) Это такъ называемый *великій* или *конституціонный сеймъ*; на немъ были приняты слѣдующія начала: наслѣдственность престола, свобода вѣроисповѣданій, созданіе постояннаго войска и новое распредѣленіе податей, касавшееся всѣхъ классовъ. См. *Kalinka*, Seym czteroletni, изъ котораго нами заимствованы нѣкоторыя подробности.

ская, жена князя Андрея, невѣстка короля, княгиня Любомірская, рожденная Гаддикъ. и красавица герцогиня Курляндская, жена герцога Карла. Въ концѣ 1788 года, среди этого блестящаго общества, появилась княгиня Елена де-Линь: ей предшествовала молва объ ея красотѣ, умѣ и любезности, обратившая на нее общее вниманіе. Ея польская кровь, ея дарованія, ея богатство, ея искреннее удовольствіе видѣть себя опять на родинѣ очаровали поляковъ.

Живая, веселая княгиня Елена скучала лѣтомъ въ прелестномъ Бель-Элѣ, скучала зимою въ чопорномъ Брюсселѣ. Она была уже девять лѣтъ замужемъ и изъ нихъ только три зимы провела въ любимомъ ею Парижѣ. Тамъ встрѣчала она бо́льшую часть своихъ монастырскихъ подругъ; представленная высшему парижскому обществу княземъ де-Линь, отцомъ, пользовавшимся высокою репутаціею, она получила доступъ всюду и всюду была замѣчена: въ Шантильи у принца Конде, въ Пти-Буръ у герцогини Бурбонской, въ Тампль у принца Конти. Къ концу третьей зимы. естественное и давно уже жданное семьею князей де-Линь событіе удалило ее изъ Парижа: Елена была въ интересномъ положеніи, а по традиціямъ княжескаго дома, роды должны совершаться въ родовомъ Бель-Элѣ. 8-го декабря 1786 г. Елена родила дочь, которую назвали Сидоніею. Вскорѣ, однако, народное волненіе заставило князей де-Линь покинуть Бель-Эль, Брюссель и даже Бельгію. Князь-отецъ былъ въ Россіи, князь-сынъ—въ Вѣнѣ, куда былъ вызванъ фельдмаршаломъ Ласси, готовившимся къ войнѣ съ Турціею. Княгини де-Линь, спасаясь отъ бельгійской революціи, бросились тоже въ Вѣну, еще болѣе скучную, болѣе чопорную, чѣмъ Брюссель. Какъ парижанка въ душѣ, Елена чувствовала себя чужою въ Вѣнѣ. Единственно, чѣмъ могла она развлекаться въ Вѣнѣ, была музыка, которую Елена страстно любила. Вѣна славилась тогда своими концертами, на которыхъ симфоніи Моцарта и Гайдна безукоризненно исполнялись оркестромъ Сальери. Въ ту зиму, въ

*

Вѣнѣ, впервые былъ исполненъ «Донъ-Жуанъ», поставленный самимъ Моцартомъ. По окончаніи спектакля, за ужиномъ у графини Тунъ, княгиня Елена де-Линь восторгалась оперою; другіе находили музыку геніальною, но темною и непонятною. Явился Гайднъ. Спросили его мнѣніе. «Я не въ состояніи рѣшить такого серьезнаго спора, — сказалъ онъ зло, — я могу только утверждать, что Моцартъ величайшій изъ композиторовъ».

Прошла зима. Съ началомъ весны, князь Карлъ де-Линь отправился къ своему корпусу, на границѣ Турціи. Едва онъ покинулъ Вѣну, какъ княгиня Елена послала въ догонку письмо, въ которомъ просила разрѣшить ей ѣхать къ своему дядѣ, князю Массальскому въ Варшаву, гдѣ собирался сеймъ: она поѣдетъ въ Варшаву и уладитъ тамъ кое-какія дѣла по землямъ и капиталамъ, окончитъ кое-какіе счеты съ княземъ-епископомъ. Просимое разрѣшеніе тотчасъ же было дано, подъ условіемъ, что маленькая княжна Сидонія останется на попеченіи тетки. Въ сентябрѣ 1788 г. княгиня Елена де-Линь покинула Вѣну, направляясь въ Варшаву.

Въ Варшавѣ, въ своемъ дворцѣ, она вздохнула свободнѣе. Здѣсь не было уже надзора, тяготѣвшаго надъ нею въ Бель-Элѣ, Брюсселѣ и Вѣнѣ. Тамъ ей запрещали кататься верхомъ, въ виду ея слабаго здоровья—здѣсь князь-епископъ прислалъ ей лучшихъ скакуновъ своей конюшни и она каждое утро отправлялась на прогулку, эскортируемая польскими наѣздниками; тамъ находили неприличнымъ появленіе ея на сценѣ—здѣсь она выстроила въ своемъ дворцѣ театральный залъ и участвовала въ спектакляхъ, вызывая шумныя рукоплесканія во французскихъ комедіяхъ. Здѣсь, среди удовольствій польскаго двора, она забыла не только семью князей де-Линь, но мужа и дочь; она стала даже именоваться княгинею Еленою Массальскою. Зима пролетѣла такъ быстро, что княгиня Елена не успѣла даже и подумать о возвращеніи въ Вѣну. Семья князей де-Линь, въ свою очередь, оскорбленная

ея столь продолжительнымъ отсутствіемъ, хранила презрительное молчаніе.

Въ Варшавѣ находились въ это время всѣ придворные чины и, въ числѣ ихъ, оберъ-камергеръ графъ Викентій Потоцкій. Онъ принадлежалъ къ знатнѣйшему польскому роду, владѣвшему обширными помѣстьями; дворецъ Потоцкихъ въ Варшавѣ былъ больше, роскошнѣе, богаче королевскаго. Его отецъ, графъ Станиславъ, воевода кіевскій, былъ племянникомъ короля Станислава Лещинскаго и двоюродный братъ французской королевы. Графу Викентію было въ это время 38 лѣтъ; онъ все еще слылъ самымъ красивымъ мужчиною при польскомъ дворѣ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Урсулѣ Замойской, племянницѣ короля Станислава-Августа [1]). Отъ этого брака не было дѣтей и, спустя нѣсколько лѣтъ, послѣдовалъ разводъ, бывшій въ польскихъ нравахъ того времени. Вскорѣ послѣ развода, бывшая графиня Урсула Потоцкая вышла замужъ за графа Мнишка, а графъ Викентій женился на графинѣ Аннѣ Мигельской.

Здѣсь-то, въ Варшавѣ, княгиня Елена де-Линь встрѣтилась съ графомъ Викентіемъ Потоцкимъ и полюбила его. Польское высшее общество прошлаго вѣка имѣло своеобразный взглядъ на брачныя узы. Графиня Мнишекъ, первая супруга графа Викентія, продолжала видѣться съ своимъ бывшимъ мужемъ, интересовалась его сердечными дѣлами, ревновала его къ своей преемницѣ и была готова, при случаѣ, отмстить ей и ему, особенно же ей. Графиня Мнишекъ охотно помогала княгинѣ Еленѣ въ уловленіи ея бывшаго мужа; измѣна графа Викентія его второй супругѣ представлялась графинѣ Мнишекъ своего рода местью къ ея замѣстительницѣ. Въ концѣ 1790 года, княгиня Елена покинула Варшаву и уѣхала въ Малороссію, въ Немировъ, въ имѣніе Потоцкихъ.

Внезапный отъѣздъ Елены въ Украйну, въ Немировъ, про-

[1]) Старшая сестра короля, графиня Луиза Понятовская, вышла замужъ за графа Михаила Замойскаго; отъ этого брака родилась графиня Урсула.

извелъ впечатлѣніе въ Варшавѣ. Княгиня Любомирская и другія знатныя полячки, посѣщая Вѣну, разсказывали тамъ о ея «бѣгствѣ за возлюбленнымъ», и разсказывали, конечно, съ обычными прикрасами. Князья де-Линь были глубоко оскорблены такимъ поведеніемъ княгини де-Линь. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, графъ Потоцкій явился въ Парижъ, чтобы получить согласіе князя Карла де-Линь на разводъ. Князья де-Линь не приняли его и изъ отвѣта князя-отца можно уже видѣть, насколько измѣнился его взглядъ на поляковъ.

«15-го іюня 1791 г.

«Такъ какъ мы не знаемъ, жива ли княгиня Елена де-Линь, и такъ какъ она, кажется, умерла уже для насъ и для маленькой Сидоніи, то мы не можемъ входить съ нею ни въ какія соглашенія. Женщина, заточенная какимъ-то глупымъ польскимъ тираномъ, не можетъ препятствовать князю Массальскому, епископу виленскому, которому Сидонія приходится внучатою племянницею, уплатить вексель, выданный имъ и предназначенный для выкупа въ Галичинѣ земель, составляющихъ приданое матери княжны Сидоніи де-Линь. Когда княгиня Елена освободится отъ ига, подъ которымъ она теперь живетъ, и переселится въ Парижъ, Вѣну или Варшаву, или въ какое-либо изъ моихъ помѣстій, она будетъ получать ежегодно 30.000 франковъ, которые мужъ предоставляетъ въ полное ея распоряженіе.

«Такъ какъ княгиня Елена, выйдя замужъ за графа Потоцкаго, будетъ еще болѣе несчастлива, чѣмъ теперь, то мужъ ея, князь Карлъ де-Линь, мой сынъ, въ интересахъ ея собственныхъ и ея дочери, никогда на разводъ не согласится.

«Князь де-Линь»

Спустя годъ, въ августѣ 1792 года, инженерный полковникъ, князь Карлъ де-Линь былъ убитъ при защитѣ дефиле Аргоннскаго Лѣса отъ атаки французскихъ республиканскихъ войскъ. Три мѣсяца спустя, въ ноябрѣ 1792 года, въ церкви

бернардинскаго монастыря, близъ Вильны, вдова княгиня Елена де-Линь была повѣнчана вторымъ бракомъ съ графомъ Викентіемъ Потоцкимъ.

Княгиня Елена де-Линь привязывала своего тестя, князя де-Линь, къ интересамъ Польши; графиня Елена Потоцкая отталкивала его отъ поляковъ. «Для меня,—писалъ онъ,—какъ и для моей внучки, княжны Сидоніи, ея мать умерла». Умерла мать, живъ ея дядя, князь Массальскій, поручитель за матеріальные интересы княжны Сидоніи де-Линь, живъ князь Четвертинскій, личный другъ князя де-Линь, живъ уважаемый имъ король Станиславъ-Августъ, и князь де-Линь продолжаетъ интересоваться судьбами Польши и поляковъ.

Четырехлѣтній сеймъ закончился: онъ выработалъ новую конституцію лишь послѣ долгихъ и горячихъ обсужденій. Главнѣйшіе пункты хартіи 3-го мая 1791 г. заключались въ слѣдующемъ: наслѣдственность короны, уничтоженіе liberum veto и постояннаго совѣта, въ которомъ виленскій епископъ былъ непремѣннымъ членомъ, распространеніе шляхетскихъ правъ на всѣхъ поляковъ. Князь Массальскій, какъ епископъ виленскій, оспаривалъ на сеймѣ новую конституцію и подалъ голосъ противъ закона 3-го мая. Король Станиславъ-Августъ, поддерживаемый Пруссіею, старавшеюся подъ рукою вредить Россіи, всецѣло былъ за новую конституцію. Екатерина рѣшилась, въ случаѣ надобности, силою меча возстановить прежнее свое вліяніе на Польшу, устранить которое имѣлось въ виду новою конституціею. Наканунѣ вотированія новаго закона, 29-го апрѣля 1791 г., она писала: «Сейчасъ получила письма изъ Варшавы. Меня извѣщаютъ, что 22-го апрѣля тамъ произошелъ переворотъ, но не сообщаютъ подробностей. Судя по слухамъ, дворъ и шляхетство побратались и предоставили королю самодержавную власть. Подождемъ подробностей. Что бы, однако, тамъ ни произошло, мы ко всему готовы и не отступимъ даже передъ самимъ чортомъ» [1]).

[1]) Сборникъ, XXIII, 519.

Такимъ «чортомъ» являлась Екатеринѣ польская конституція 3-го мая 1791 г. «Польскій сеймъ—писала она 10-го мая 1791 года—превзошелъ все своимъ безуміемъ: изъ любви къ свободѣ, поляки отдали себя, связанными по рукамъ и по ногамъ, въ кабалу польскому королю, уничтоживъ liberum veto (этотъ palladium польской свободы), конфедераціи и установивъ наслѣдственность королевской власти. Нужно дѣйствовать совершенно очертя голову, чтобъ возстать противъ своего же жизненнаго принципа; надо потерять послѣдніе мозги, чтобъ дать себя обмануть, и къ тому же такъ грубо, относительно наиболѣе существенной личной выгоды. Довольно было польскому королю сказать имъ, будто сосѣди хотятъ вновь подѣлить между собою Польшу, чтобъ всѣ немедленно согласились предоставить ему неограниченную власть» [1]).

Читая это письмо, даже ничтожный Гриммъ заподозрилъ искренность Екатерины! Онъ никакъ не могъ понять, какимъ образомъ самодержавная императрица возстаетъ противъ неограниченной власти и высказывается за liberum veto. Скромно, осторожно, но Гриммъ все же рѣшился написать Екатеринѣ нѣсколько строкъ въ защиту поляковъ и просить ее предоставить Польшу своей судьбѣ. Вотъ что отвѣчала ему императрица:

«Поляки стерли съ лица земли моего стараго союзника и друга—Польскую Республику, уничтожили всѣ договоры, заключенные ею съ Россіею, и вотъ уже четыре года, какъ они не перестаютъ всячески поносить и оскорблять Россію, до того, что, во время моей войны съ Турціею, они послали въ Константинополь посла для заключенія наступательнаго и оборонительнаго союза съ Портою. Еслибъ я не имѣла доказательствъ въ рукахъ, я никогда не повѣрила бы, чтобъ король польскій могъ быть такимъ неблагодарнымъ и такимъ неблагоразумнымъ, какимъ онъ выказалъ себя въ эти четыре

[1]) Сборникъ, XXIII, 534.

года. Нужно быть совершенно глупымъ, чтобъ позволить такъ увлечь себя и рѣшиться на поступки, столь вредные благосостоянію Польши и столь противные чувствамъ чести и благодарности. Наконецъ, всѣ эти польскія нововведенія такъ же идутъ къ полякамъ, какъ «коровѣ сѣдло», по русской пословицѣ... Нѣтъ, я побью поляковъ, и разъ, и два, въ самой же Польшѣ» [1]).

Это письмо помѣчено 9-мъ мая 1792 г., а 14-го мая русская партія составила въ Тарговицахъ конфедерацію противъ новой конституціи. Русскія войска вошли въ предѣлы Польши для поддержанія конфедераціи, къ которой принадлежалъ и епископъ виленскій, князь Массальскій. Екатерина настойчиво и смѣло, какъ всегда, шла къ предположенной ею цѣли. Прусскій король вскорѣ измѣнилъ полякамъ и присоединился къ Россіи. Станиславъ-Августъ созвалъ новый сеймъ, уже въ Гродно, на 25-е марта 1793 года. Сеймъ созывался для совмѣстнаго объявленія Россіею и Пруссіею новаго раздѣла Польши. 9-го апрѣля раздѣльный актъ былъ подписанъ большинствомъ депутатовъ и, между прочимъ, княземъ-епископомъ виленскимъ. Со времени оппозиціи князя-епископа новой конституціи, польскіе патріоты отшатнулись отъ него; теперь, за согласіе на новый раздѣлъ, они причислили его къ партизанамъ Россіи и поклялись отомстить за измѣну родинѣ.

Раздѣленная, униженная Польша волновалась. Повсюду составлялись заговоры. 24-го марта 1794 года вспыхнуло общее возстаніе. Поляки избрали диктаторомъ Костюшко, который напалъ на русскій отрядъ близъ Рославицъ и разбилъ его; 17-го апрѣля русскіе вновь были разбиты. Поляки овладѣли Варшавою, въ которой вспыхнуло возмущеніе.

Князь-епископъ виленскій прибылъ въ Варшаву мѣсяца за два до возмущенія. Нѣсколько лѣтъ назадъ, возвратясь изъ Парижа, куда онъ отвозилъ свою восьмилѣтнюю племян-

[1]) Сборникъ, XXIII, 567.

ницу, княжну Елену, онъ чванился въ варшавскомъ обществѣ своими реформаторскими идеями, и имена Мирабо, Бодо, Дюпона не сходили у него съ языка; теперь онъ высказывался противъ всякихъ реформъ, противъ конституціи 3-го мая 1791 года, подписалъ актъ второго раздѣла Польши. Обвиняемый народомъ въ государственной измѣнѣ, князь Массальскій былъ арестованъ, 18-го апрѣля, въ своемъ дворцѣ и, вмѣстѣ съ другими сенаторами, заключенъ въ брюллевскомъ дворцѣ, временно обращенномъ въ государственную тюрьму. Особая слѣдственная комиссія должна была опредѣлить ихъ вину и назначить наказаніе. Два мѣсяца уже князь Массальскій и другіе сенаторы содержались въ тюрьмѣ, когда пришло извѣстіе о битвѣ поляковъ съ пруссаками. Костюшко былъ разбитъ и пруссаки овладѣли Краковомъ. Вскорѣ разнеслась вѣсть, что пруссаки идутъ на Варшаву, куда только что укрылся Костюшко съ остатками своего войска.

Вѣсть эта распространилась по Варшавѣ 28-го іюня. Чернь заволновалась. Народъ давно уже роптал на медленность слѣдственной комиссіи. По улицамъ собирался народъ, кричалъ, что за пруссаками придутъ русскіе и освободятъ измѣнниковъ Чернь бросилась къ брюллевскому дворцу, выломала двери, овладѣла заключенными. Съ связанными руками, съ веревкою на шеѣ, ихъ потащили по улицамъ Варшавы, останавливались на каждомъ перекресткѣ, искали удобнаго столба для казни чрезъ повѣшеніе, не находили и тащили далѣе. Наконецъ, толпа остановилась передъ церковью, сооруженною самимъ же епископомъ виленскимъ. Наскоро были сколочены четыре висѣлицы и князь Массальскій и Четвертинскій [1]) были повѣшены первыми.

---

[1]) Le prince Massalski, évêque de Vilno, le prince Czetwertinsky, Pierre Ozarovoski, grand-général de Pologne, et un quatrième accusé virent se terminer leur effroyable agonie par la mort infamante du gibet. Депеша саксонскаго резидента отъ 30-го іюля 1794 г. въ Дрезд. Архивѣ, vol. XX, № 94. *Ferrand*, III, 440.

Пруссаки обложили Варшаву. Поляки защищались отчаянно. Пруссаки два мѣсяца стояли подъ Варшавою и, измученные постоянными вылазками, изнуренные партизанскими набѣгами, полуголодные, сняли осаду и отступили. Екатерина никогда не отступала. 4-го октября 1794 г. русскія войска, предводимыя Суворовымъ, на голову разбили поляковъ; Костюшко былъ взятъ въ плѣнъ. Мѣсяцъ спустя, Варшава сдалась и русскія войска заняли польскую столицу. 3-го января 1795 года былъ подписанъ договоръ о третьемъ, послѣднемъ, раздѣлѣ Польши.

Исполнились слова князя де-Линь—Польша погибла.

Просвѣщенный, гуманный кн. де-Линь не безъ горечи слѣдилъ за судьбами Польши. Страшная казнь его друзей, кн. Массальскаго и кн. Четвертинскаго, менѣе поразила его сердце, чѣмъ вѣсть о двухъ раздѣлахъ Польши, наступившихъ вслѣдъ за его увѣреніемъ поляковъ, что о «новомъ» раздѣлѣ Польши ни Россія, ни Австрія и не думаютъ.

Безъ удивленія и безъ злобы услышалъ князь де-Линь объ отреченіи польскаго «короля безъ королевства» отъ короны—это событіе прошло незамѣченнымъ въ Европѣ, послѣ того потрясенія, какое произвела мученическая кончина французской королевской семьи. Только спустя три года, въ 1798 г., услышавъ о смерти Станислава-Августа, котораго кн. де-Линь такъ искренно любилъ и глубоко уважалъ, онъ оплакалъ потерю своего «послѣдняго польскаго друга» въ поэтическомъ стихотвореніи «Sur la mort du roi de Pologne» [1]), начинающемся слѣдующими строками:

Roi, soulève ta tombe et vois nos pleurs couler.
Ton repos éternel peut seul nous consoler.
Digne par les vertus d'un plus beau diadème
Tu jugeas trop souvent les hommes par toi-même.
Jouet de la fortune et des évènements,
Par la constance, au sors tu résistat longtemps,
Mais l'intrigue au dedans, mais au dehors l'envie,
Vinrent empoisonner et terminer ta vie.

---

[1]) *Ligne*, XXI, 116, 243.

Безучастно слѣдилъ уже князь де-Линь за послѣдними потугами поляковъ въ періодъ «наполеоновскихъ войнъ», за судьбами Герцогства Варшавскаго, и умеръ, не доживъ лишь нѣсколько дней до присоединенія герцогства къ Россіи подъ видомъ Царства Польскаго...

II.

Князь де-Линь о русскомъ войскѣ.

«Умѣющіе писать рѣдко заглядываютъ въ казармы; посѣщающіе казармы рѣдко умѣютъ писать» [1])—такое мнѣніе князя де-Линь было имъ же самимъ опровергнуто: мѣняя шпагу на перо, онъ оставилъ 32 тома своихъ сочиненій, и военная наука отдаетъ честь его перу не менѣе, чѣмъ военное искусство его шпагѣ.

Онъ былъ воинъ прежде всего, какъ и его предки за много поколѣній. Сформированный его прадѣдомъ «драгунскій полкъ князя де-Линь» просуществовалъ два вѣка и только революціонное движеніе конца XVIII вѣка упразднило его. Онъ родился въ 1735 г., когда его отецъ, фельдмаршалъ императорской службы, былъ на войнѣ. Не няньки, старые драгуны родного полка убаюкивали ребенка разсказами о походахъ принца Евгенія; восьми лѣтъ, онъ, изъ оконъ отцовскаго дворца, слѣдилъ за осадою Брюсселя. Ему было 15 лѣтъ, когда онъ задумалъ уже бѣжать, подъ чужимъ именемъ, въ полкъ, на войну, и на всѣ отговоры старыхъ воиновъ отвѣчалъ стихомъ Вольтера: Rose et Fabert ont ainsi commencé [2]). «Мнѣ при этомъ живо представлялся Тюреннь, который, будучи десяти лѣтъ, спалъ уже на лафетѣ пушки; Аннибалу было всего девять лѣтъ, когда онъ поклялся отомстить римлянамъ» [3]).

Ни Тюреннь, ни Аннибалъ не помогли, и только по окончаніи полнаго курса въ страсбургской военной школѣ, въ

[1]) *Ligne*, I, 4. [2]) Enfant prodigue, acte IV, scène 3. [3]) *Ligne*, X, 2.

1752 году, князь де-Линь былъ опредѣленъ въ полкъ своего имени. «Я облачился въ военную форму, причастился величайшему изъ призваній человѣческихъ!» Это не фраза съ его стороны: князь де-Линь создалъ себѣ особый культъ военнаго искусства, боготворилъ военное званіе и высоко держалъ знамя военнаго сословія. Въ своихъ «Fantaisies militaires» онъ обращается съ слѣдующимъ увѣщаніемъ къ молодымъ людямъ, вступающимъ въ военную службу:

«Если вы происходите отъ героевъ, если вы происходите даже отъ боговъ, но если вы не бредите неустанно военною славою—не вступайте въ ряды воиновъ. Не говорите, что вамъ нравится военная служба: изберите лучше какую-нибудь другую. Не обманывайте себя: быть можетъ, вы безупречно исполняете свои обязанности, даже усвоили нѣкоторые принципы военнаго искусства—вы все-таки ремесленникъ, способный, дѣльный, но не артистъ. Любите военное ремесло превыше всего, любите его со страстью, да, именно со страстью. Пусть воодушевленіе горячитъ ваши головы, пусть честь электризуетъ ваши сердца, пусть огонь побѣды блеститъ въ вашихъ глазахъ. Если вы не мечтаете всечасно о восторгѣ стать воиномъ, если вы не пожираете военныхъ книгъ, не изучаете плановъ битвъ, если вы не умиляетесь при разсказахъ старыхъ солдатъ объ ихъ походахъ—бросьте военный мундиръ, который вы только позорите. Если васъ не чаруетъ батальонное ученіе, если вы разсѣянно слѣдите за маневрами—уступите свое мѣсто другому юношѣ, который удовлетворилъ бы высказанному мною идеалу, который цѣнилъ бы искусство Морица Саксонскаго» [1]).

Съ такимъ восторгомъ и увлеченіемъ вступилъ кн. де-Линь въ ряды своихъ драгунъ. Съ ними дѣлилъ онъ свою первую кампанію въ Семилѣтнюю войну, когда впервые и проявилъ безумную храбрость. Онъ дрался подъ Бреславлемъ,

---

[1]) Aux commençans. Ibid., II, 3.

бился близъ Лейтена, и за побѣду при Гохкирхенѣ былъ возведенъ въ полковники. Въ это время вся императорская армія знала уже о его военныхъ подвигахъ, дивилась его беззавѣтной храбрости [1]). Передавая ему патентъ на чинъ полковника, Марія-Терезія сказала: «Не щадя своей жизни, вы погубили мнѣ цѣлую бригаду въ прошлую кампанію; не погубите двѣ въ будущую—поберегите себя для государства и для меня». Въ 1765 году, князь де-Линь, будучи 30 лѣтъ, былъ произведенъ въ генералъ-майоры.

«Я сдѣлалъ 12 кампаній, участвовалъ въ 27 битвахъ, а счетъ мелкихъ стычекъ и схватокъ я давно уже потерялъ». Кн. де-Линь подробно описалъ всѣ эти кампаніи, битвы, стычки, и, что особенно важно, эти описанія составлены имъ по дневнымъ запискамъ [2]), которыя онъ велъ во время похода, на бивакахъ, во время дневокъ или при роздыхѣ послѣ сраженія. Вся исторія Семилѣтней войны писана имъ «больше на сѣдлѣ, чѣмъ иначе» [3]); такъ же составлена имъ «Семимѣсячная война» за баварское наслѣдство въ 1778 г. и «Семидневная» 1784 г. въ Австрійскихъ Нидерландахъ [4]); только наша вторая турецкая война, въ которой кн. де-Линь также участвовалъ, изображена имъ въ письмахъ къ французскому

---

[1]) Du plus ou moins de mepris de la vie. Ibid., I, 231. «Смерть отъ вражьей пули славнѣе, завиднѣе смерти отъ ошибки аптекаря, отъ нечистаго ножа хирурга, отъ невѣжества врача и отъ тысячи случайностей» — таковъ тезисъ князя де-Линь.

[2]) Nous étions formés en arrière près du village de (*effacé dans mes tablettes*)... *Ligne*, XV, 83.

[3]) J'ai écrit tout ceci plus à cheval qu'autrement. Ibid., XIV, préface.

[4]) Исторія Семилѣтней войны составлена по диспозиціямъ, причемъ авторъ указываетъ и мотивируетъ всѣ отступленія отъ диспозицій; въ исторіи же Семимѣсячной и Семидневной войны всѣ диспозиціи и распоряженія помѣщены въ приложеніи, вслѣдствіе чего разсказъ выигрываетъ въ живости, но теряетъ въ точности. La Guerre de Sept-Jours явилась послѣдствіемъ стремленія Іосифа II промѣнять Бельгію на Баварію, была вызвана правомъ плаванія по Шельдѣ и привела къ уничтоженію голландскаго гарнизона въ бельгійскихъ крѣпостяхъ. *Ligne*, XVII, 87.

послу въ Петербургѣ графу Сегюру и въ реляціяхъ къ императору Іосифу II.

Въ Семилѣтнюю войну, въ третью кампанію, 3-го октября 1759 г., князь де-Линь, находясь съ своимъ корпусомъ близъ Сорау, въ Бранденбургѣ, впервые увидѣлъ русскія войска. Авангардъ корпуса графа Салтыкова выслалъ развѣдчиковъ-казаковъ, доходившихъ до Сорау. «Казаки не скакали, а летѣли, сами не зная куда, озирались во всѣ стороны и быстро развѣдали всю окружавшую насъ мѣстность» [1]). Годъ спустя, въ октябрѣ 1760 г., впервые сошелся онъ, при занятіи Берлина, съ русскими военачальниками. Сообщаемыя имъ подробности о взятіи Берлина очень интересны, особенно для характеристики генерала Тотлебена, котораго кн. де-Линь обвиняетъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ непріятелемъ, именно съ принцемъ Виртембергскимъ [2]). Само собою разумѣется, что кн. де-Линь съ негодованіемъ говоритъ о перемѣнѣ русской политики, вызванной воцареніемъ Петра III, когда «русскія войска, союзники Австріи, перешли на сторону пруссаковъ» [3]). За этою перемѣною вскорѣ послѣдовала, какъ извѣстно, новая перемѣна: съ воцареніемъ Екатерины II русскія войска получили приказаніе возвратиться въ Россію. Кн. де-Линь отмѣтилъ и то зло, какое нанесъ австрійской арміи графъ Чернышевъ несвоевременнымъ исполненіемъ этого приказанія.

Въ рескриптѣ отъ 28-го іюня 1762 года, Екатерина писала гр. Чернышеву: «Тишина и благосостояніе нашего престола требуютъ того неотмѣнно, *чтобы вы*, получа сіе, *немедленно возвратились со всѣмъ вашимъ корпусомъ въ Россію*... Ежели же его величество, король прусскій, въ томъ препятствовать начнетъ, то вы имѣете со всѣмъ вашимъ корпусомъ соединиться съ арміею и ближайшимъ корпусомъ императрицы цесаревы римской» [4]). Графъ Чернышевъ не вывелъ

[1]) *Ligne*, XV, 34; XVI, 128. [2]) Ibid., XVI, 44.
[3]) Ibid., XVI, 117. [4]) Сборникъ, VII, 104.

своихъ войскъ, не соединился съ австрійскою арміею, а поступилъ прямо вопреки приказанію [1]): въ теченіе трехъ дней, съ 8-го по 11-е іюля, онъ оставался при прусской арміи, чѣмъ значительно облегчилъ движеніе Фридриха II на высоты Буркерсдорфа и Лейтмансдорфа—австрійцы, не зная еще о распоряженіи Екатерины, не могли ввести въ дѣло лѣвое крыло Дауна, стоявшее противъ корпуса Чернышева [2]).

Такимъ образомъ, первая встрѣча князя де-Линь съ русскими военачальниками, Тотлебеномъ и Чернышевымъ, въ Семилѣтнюю войну не могла расположить его въ пользу русскаго генералитета. Въ Семимѣсячной войнѣ за баварское наслѣдство, кн. де-Линь только слышалъ о дипломатическихъ способностяхъ русскаго генерала князя Н. В. Репнина.

19-го декабря 1777 года умеръ бездѣтный курфирстъ баварскій Максимиліанъ. Несмотря на несомнѣнныя права курфирста пфальцскаго, явилось нѣсколько претендентовъ на Баварію и въ числѣ ихъ, прежде другихъ, императоръ. Желая подкрѣпить свои притязанія, Іосифъ II началъ стягивать свои войска въ Чехію. Фридрихъ II двинулъ свои въ Силезію. Враждебныя войска, предводимыя самими государями, сошлись близъ Кенигсгреца, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, въ наши дни, былъ рѣшенъ вѣковой споръ Австріи и Пруссіи. Въ 1778 году, Іосифъ II и Фридрихъ II спокойно стояли другъ противъ друга, ничего не предпринимали, и только любезно переписывались. Въ тайнѣ отъ императора, его мать, Марія-Терезія, противодѣйствовала предстоявшей войнѣ, хлопотала о мирѣ [3]) и просила русскую императрицу быть посредницею. Екатерина II поручила кн. Репнину эту «медіацію къ возстановленію мира». Конгрессъ открылся 10-го апрѣля, а 13-го мая 1779 г. былъ заключенъ миръ.

Война за баварское наслѣдство—оригинальная, небывалая война. Пфальцскій домъ, въ интересахъ котораго война была

---

[1]) *Ligne*, XXIV, 160. [2]) Ibid., XVI, 140. [3]) Ibid., XVII, 37.

предпринята, не принималъ въ ней участія; Баварія, изъ-за которой возгорѣлся споръ, не была театромъ войны; курфирстъ пфальцскій, высказавшійся противъ Пруссіи, Фридриху II былъ обязанъ выгодами мира. Этою войною безъ битвъ не былъ доволенъ кн. де-Линь. «И не одинъ я: Марія-Терезія была недовольна, что миръ заключенъ не такъ скоро, какъ она желала; Іосифъ II былъ недоволенъ тѣмъ, что миръ заключенъ помимо его воли; Фридрихъ II тѣмъ, что, потерявъ 25 милліоновъ талеровъ, не могъ дѣлать то, что желалъ; принцъ Генрихъ прусскій тѣмъ, что братъ во всемъ ему перечилъ» [1]).

Едва окончилась «война, въ которой не воевали», какъ князь де-Линь отправился, въ 1782 г., въ Россію. Онъ пробылъ въ Петербургѣ около двухъ мѣсяцевъ, познакомился съ Екатериною, подружился съ княземъ Потемкинымъ, не успѣлъ узнать ни Россіи, ни русскихъ, и поѣхалъ въ Польшу. Только пять лѣтъ спустя, князь де-Линь имѣлъ случай видѣть Россію, русскихъ, ближе познакомиться съ русскимъ войскомъ и вполнѣ оцѣнить русскаго солдата. Болѣе двухъ лѣтъ провелъ онъ въ Россіи: въ 1787 году, онъ проѣхалъ вмѣстѣ съ императрицею изъ Петербурга, черезъ Кіевъ, по Днѣпру, въ Крымъ и обратно, черезъ Харьковъ, Тулу и Москву; въ 1788 г., онъ велъ вмѣстѣ съ кн. Потемкинымъ войну противъ турокъ, находясь то въ главной квартирѣ, въ Елизаветградѣ или Каменцѣ, то въ траншеяхъ подъ Очаковымъ, то въ стоянкѣ у Рябой Могилы.

Екатерина, всѣмъ обязанная Россіи, даже до имени, рѣшилась Россіи же посвятить 25-й годъ своего царствованія и предприняла въ 1787 году путешествіе по русскимъ землямъ, «путь на пользу», какъ сказано на медали, выбитой въ память этого путешествія [2]). Оно извѣстно подъ названіемъ

[1]) *Ligne*, XVII, 71.

[2]) L'Impératrice nous a donné hier ainsi qu'à toutes les personnes qui ont l'honneur de l'accompagner une médaille d'or qu'elel a fait frapper. D'un côté

«таврическаго» путешествія, такъ какъ главная цѣль и наиболѣе интересная его сторона заключалась въ посѣщеніи новопріобрѣтенной Тавриды и обозрѣніи «государственнаго домостроительства» кн. Потемкина.

Ни для кого изъ участниковъ этого путешествія не было тайною, что если не Екатерина, то кн. Потемкинъ желаетъ довести до разрыва съ Портою, что война съ Турціею неизбѣжна. Князь Потемкинъ создалъ черноморскій флотъ, настроилъ крѣпостей, сформировалъ войска, заготовилъ склады, наполнилъ магазины, на что потребовались огромныя затраты—не для того же трудился князь Потемкинъ, чтобъ кто-нибудь другой пожалъ плоды его трудовъ! Между тѣмъ, ходили слухи, проникшіе и въ заграничную печать, что устройство южныхъ губерній и Крыма, которымъ хвалился кн. Потемкинъ, значится только на бумагѣ; говорили даже, будто «вновь сформированныхъ» легкоконныхъ полковъ вовсе не существуетъ и что роль ихъ будутъ играть переодѣтые гусары и пикинеры. Слухи были извѣстны кн. де-Линь [1]), знала ихъ и Екатерина. Понятно, поэтому, какъ поражена была императрица 30-го мая 1787 г., когда, высадившись въ Кременчугѣ, она увидѣла 50 или 60 эскадроновъ, въ карьеръ мчавшихся навстрѣчу своей повелительницѣ.

«— О, какъ люди злы! какъ имъ хотѣлось обмануть меня», сказала Екатерина князю де-Линь и, указывая на бравую конницу, тотчасъ же прибавила: «Съ такими войсками нельзя не презирать турокъ».

«Императрица вынула изъ кармана табакерку съ портретомъ Петра Великаго и голосомъ, диктовавшимъ уже отвѣтъ, спросила меня, какъ всегда: «Что сказалъ бы онъ, что сдѣ-

---

de la médaille est son portrait et de l'autre la carte du voyage. L'inscription russe rappelle que cette année est la 25-e de son règne et que le grand voyage auquel elle l'a consacrée a été entrepris pour l'utilité publique. Депеша графа Сегюра, отъ 24-го іюля 1787 года, въ Парижскомъ Архивѣ, Russie, vol. 83, f. 217. *Храповицкій*, 41. Сборникъ, XXVII, 417.

[1]) *Ligne*, XXIV, 3.

лалъ бы онъ, еслибъ былъ здѣсь?» Понятно, что отвѣчалъ я, желая сказать ей пріятное, мечтая только о войнѣ.—«А французы?» — «Имъ не до Турціи: они заняты дефицитомъ, національнымъ собраніемъ, быть можетъ, революціею». — «А пруссаки?» сказала императрица.—«Торопитесь, ваше величество, императоръ возьметъ Бѣлградъ, вы—Очаковъ, Бендеры, Аккерманъ прежде, чѣмъ Фридрихъ-Вильгельмъ узнаетъ, что война объявлена».

Во время путешествія, кн. Потемкинъ не разъ начиналъ рѣчь о томъ же съ императоромъ Іосифомъ II, но никогда не рѣшался произнести слово война. Князь Потемкинъ просилъ князя де-Линь переговорить откровенно съ императоромъ. «Я переговорилъ.—«Я не понялъ хорошенько, сказалъ мнѣ императоръ, чего хочетъ отъ меня Потемкинъ. Мнѣ показалось, что они удовлетворятся, если я сдѣлаю то же, что сдѣлалъ для пріобрѣтенія Крыма. Но что же они сдѣлаютъ для меня, если въ одинъ прекрасный день я объявлю войну Пруссіи?»—«Все, государь, по крайней мѣрѣ они такъ обѣщаютъ, и уже теперь говорятъ: за услугу въ данномъ случаѣ всякое желаніе вашего величества будетъ исполнено».—«Мое желаніе—Силезія, а война съ Турціею не дастъ мнѣ ея. Впрочемъ, мы еще увидимъ».

Близъ Перекопа конвой императрицы увеличился сотнями казаковъ. На другой день, для въѣзда въ Тавриду, татарская гвардія, вся составленная изъ молодыхъ мурзъ, окружила карету императрицы. Іосифъ II не могъ налюбоваться на ихъ молодцоватость, и пришелъ въ неописанный восторгъ отъ ихъ джигитовки, въ Иккерманѣ, во время обѣда. «Въ данный моментъ, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла, мурзы разсыпались въ разныя стороны, ряды донцовъ раздвоились и мы увидѣли въ морѣ севастопольскую эскадру. Пушечная пальба съ судовъ, ружейный залпъ казаковъ. Вдругъ все стихло. Императрица поднялась съ своего мѣста, окинула насъ огненнымъ взглядомъ и провозгласила, указывая

*

на императора: «Пью здоровье лучшаго моего друга» [1]). Императоръ цѣлуетъ ея ручку, принцъ нассауской и я въ восторгѣ, что предстоитъ война, гр. Сегюръ въ недоумѣніи, Фицгербертъ философски равнодушенъ, гр. Кобенцль ищетъ уловить взглядъ императора. придворные застыли съ раскрытыми ртами» [2]).

Мало-по-малу и Іосифъ II понялъ, чего отъ него хотѣли. За нѣсколько дней до отъѣзда, онъ обратился къ князю де-Линь: «Что это они мнѣ поютъ! Они собираются въ Константинополь? Что имъ дѣлать въ Константинополѣ?»— «Воскресить греческую республику», отвѣчалъ я, улыбаясь. — «Повѣрьте мнѣ: когда они добьются своего, когда вступятъ въ Константинополь, они будутъ еще въ большемъ затрудненіи, чѣмъ я. Впрочемъ, эта женщина въ рубашкѣ родилась».

Вскорѣ по отъѣздѣ императора, Екатерина спросила князя де-Линь, почему-то на нѣмецкомъ языкѣ: «Какъ вы думаете, если вашъ государь, мой дорогой союзникъ, будетъ занятъ какимъ-либо сосѣдомъ, одна я, безъ его помощи, справлюсь?»— «Всеконечно, ваше величество, отвѣчалъ я, прибавивъ: императоръ желалъ бы причаститься вашей славы, не вашихъ пріобрѣтеній. Слава Богу, намъ ничего не нужно». — «Что сказалъ бы онъ? Что сдѣлалъ бы онъ?» спросила императрица, смотря на портретъ Петра Великаго.—«Онъ отомстилъ бы, отвѣчалъ я, свою прутскую капитуляцію. Очевидно, его Екатерина такъ же обезчестила Россію, какъ наша прославила».

8-го іюня князю Потемкину пожалованъ титулъ Таврическаго. «О, еслибъ не Франція, говорилъ мнѣ не разъ Таврическій, мы сейчасъ же начали бы войну съ турками».—«Очень вѣрю, отвѣчалъ я, но ваша пѣхота, пушки, боевые запасы, магазины?...»—«Все готово, сказалъ кн. Потемкинъ: сто тысячъ человѣкъ ждутъ только моего: впередъ!»

[1]) *Храповицкій*, 36. [2]) *Ligne*, XXIV, 7 sqq.

Если такъ говорили съ императоромъ Іосифомъ II и княземъ де-Линь, то не трудно себѣ представить, какія инструкціи отъ императрицы и какія указанія отъ Потемкина получалъ Я. И. Булгаковъ, русскій посланникъ при Портѣ, прибывшій въ Севастополь для встрѣчи императрицы. Только въ іюлѣ Булгаковъ возвратился въ Константинополь [1]). Два обстоятельства позволяли, однако, надѣяться, что потемкинское «впередъ» не будетъ произнесено: голодъ въ Россіи, охватившій наиболѣе плодородныя области, и безпорядки въ Нидерландахъ, отвлекавшіе силы союзника, императора Іосифа II. Эти надежды были разрушены Портою.

По возвращеніи въ Константинополь, Булгаковъ вскорѣ замѣтилъ большую перемѣну въ настроеніи Порты. Великій визирь, при первомъ же свиданіи, предъявилъ ему невозможныя требованія [2]), явно свидѣтельствовавшія о желаніи разрыва; рейсъ-эффенди едва выслушивалъ представителя Россіи [3]). Было очевидно, что происки англійскаго посланника [4])

[1]) Par les dernières nouvelles qu'on a reçues de Crimée m-r de Bulgakow était encore à Sébastopol et n'avait pas pu mettre à la voile pour se rendre à sa destination. Депеша гр. Сегюра, отъ 24-го іюля 1787 г., въ Парижскомъ Архивѣ, Russie, vol. 83, f. 218.

[2]) L'exagération de quelques-unes de ces demandes et surtout l'aigreur dont elles ont été accompagnées sont des preuves trop évidentes des intentions du ministère, qui veut absolument la guerre. Депеша гр. Шуазёль-Гуффье, отъ 3-го августа, въ Парижскомъ Архивѣ, Turquie, vol. 27, f. 420.

[3]) Le 26 juillet l'envoyé de Russie eut une conférence dans laquelle il comptait exposer les demandes de sa Cour, mais le reis-effendi ne voulu jamais le lui permettre. Ibid., f. 419.

[4]) Les perfides conseils du chevalier Ainslier, qui dans la même journée anime le vizir, le presse de faire la guerre, et court ensuite offrir bassement ses services à l'envoyé de Russie. Ibid., f. 422. Графъ Безбородко, кромѣ англійскаго, называлъ еще прусскаго посланника: Le comte de Besborodko me fit le détail des ressorts que les ministres de *Prusse* et d'Angleterre avaient fait jouer pour porter les Turcs à la guerre (Депеша гр. Сегюра, отъ 12-го сентября, въ Парижскомъ Архивѣ, Russie, vol. 83, f. 272). Самъ же Булгаковъ имѣлъ случай убѣдиться, что злѣйшимъ врагомъ Россіи въ Константинополѣ былъ французскій посланникъ гр. Шуазёль-Гуффье. *Бантышъ-Каменскій.* Словарь, I, 214.

и личное положеніе великаго визиря [1]) одержали въ Портѣ верхъ надъ благоразуміемъ. 13-го августа 1787 г. Булгаковъ былъ заключенъ въ Семибашенный зaмокъ.

Въ Петербургѣ ожидали чего-либо подобнаго. Въ половинѣ іюля, кн. де-Линь предполагалъ отправиться въ Вѣну, Екатерина удержала его: «Я ожидаю курьера изъ Константинополя, который привезетъ мнѣ или объявленіе войны, или низверженіе великаго визиря». Когда же, въ воскресенье, 29-го августа, пришло извѣстіе о войнѣ, всѣ были поражены, не исключая императрицы; только для князя де-Линь это былъ счастливѣйшій день въ его жизни [2]).

«Я отправился во дворецъ, желая поздравить ея величество съ этою радостною вѣстью, и былъ пораженъ ея растерянностью. На всѣ мои заявленія, что наступаетъ давно жданная пора великихъ событій, громкихъ побѣдъ, она повторяла одно: «Я буду защищаться; ничего, кромѣ этого, я дѣлать не могу. На меня нападаютъ. Я буду защищаться, какъ могу». Я не сомнѣвался, что кн. Потемкинъ прислалъ ей отчаянныя письма; ему чудилось уже, что турки жгутъ Царское Село, а что у него нѣтъ то того, то другого».

Князь де-Линь вскорѣ лично убѣдился, что у кн. Потемкина, дѣйствительно, многаго нѣтъ.

Еще въ Крыму, императоръ Іосифъ II говорилъ кн. де-Линь: «Мнѣ кажется, что они хотятъ войны. Но готовы ли они къ войнѣ? Я думаю — нѣтъ; во всякомъ случаѣ, я не готовъ. Я видѣлъ ихъ корабли, ихъ крѣпости—все это едва начато, только чтобъ пустить пыль въ глаза. Ничего проч-

---

1) *Ligne*, XXIV, 11.

2) La guerre devient nécessaire à la conservation de ce premier ministre. Les ennemis l'ont accusé d'avoir épuisé le Tresor pour des armements inutiles et en même temps il a reçu la nouvelle d'une sédition parmi les troupes rassemblées sur les frontières et qui demandent qu'on les renvoie ou qu'on les mène à l'ennemi... Il sacrifie l'intérêt public à sa conservation personnelle et se décide pour le parti qui en reculant sa perte lui permet encore l'espérance d'un succès. Депеша гр. Шуазёль-Гуффье, отъ 3-го августа, въ Парижскомъ Архивѣ, Turquie, vol. 27, f. 420.

наго, все сдѣлано наскоро, какъ-нибудь. Они обманываютъ императрицу» [1]). Императрица настолько «была обманута», что сама желала войны съ турками. Въ половинѣ августа, за нѣсколько дней до полученія извѣстія о заточеніи Булгакова [2]), Екатерина писала Потемкину: «Всякія слабыя мѣры дѣйствительны быть не могутъ; тутъ не слова, но дѣйствіе нужно, нужно, нужно, чтобъ сохранить честь, славу и пользу государя и государства» [3]). Когда же Порта объявила Россіи войну, Екатерина съ безпокойствомъ спрашивала у князя де-Линь о возможной помощи со стороны ея единственнаго союзника, Іосифа II. Вопросъ существенно важный и вполнѣ естественный: революціонное движеніе, охватившее Фландрію, Брабантъ и Голландію, заставило уже императора послать въ Австрійскіе Нидерланды 30.000 корпусъ и въ ближайшемъ будущемъ можетъ вполнѣ отвлечь его вниманіе отъ Турціи. Кн. де-Линь былъ, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ, что Іосифъ II не въ состояніи оказать императрицѣ дѣятельнаго содѣйствія. Екатерина спрашивала: «Какъ вы полагаете, что сдѣлаетъ императоръ?» Кн. де-Линь отвѣчалъ: «Можетъ ли ваше величество сомнѣваться въ немъ? Онъ пришлетъ вамъ свои добрыя пожеланія и, быть можетъ, своихъ солдатъ, Такъ какъ пожеланія пересылаются скорѣе и удобнѣе, то письмо императора будетъ переполнено ими». Князь де-Линь ошибся: при первомъ же извѣстіи о войнѣ, вѣрный союзникъ Екатерины «готовитъ 120 тысячъ, съ коими дѣйствовать намѣренъ, и множество генераловъ пожаловалъ, въ числѣ которыхъ и Лигніе» [4])

---

[1]) *Ligne*, XXIV, 5.

[2]) Cette nouvelle inattendue arriva ici le dimanche matin, 9 septembre. Les lettres adressées au comte de Cobentzl avaient été envoyées ouvertes au prince Potemkin, par m-r Hertbert, et le prince les ayant renvoyées sur le champ à l'impératrice. Elle les fit remettre à l'ambassadeur après les avoir lues. Депеша гр. Сегюра, отъ 12-го сентября, въ Парижскомъ Архивѣ, Russie, vol. 83, f. 273.

[3]) Сборникъ, XXVII, 421.

[4]) Архивъ Госуд. Совѣта, I, 463, 468. Сборникъ, XXVII, 426.

Лигніе, т.-е. кн. де-Линь, которому Іосифъ II назначалъ видный постъ въ дѣйствующей противъ Турціи арміи. Кн. де-Линь никакъ этого не ожидалъ, и «по глупости» отказался отъ командованія австрійскою арміею. «Много дѣлалъ я дурачествъ въ моей жизни, и кончилъ глупостью. Глупость эта состояла въ томъ, что я, никакъ не ожидавшій, чтобъ императоръ такъ скоро началъ войну съ Турціею, особымъ письмомъ просилъ его величество разрѣшить мнѣ состоять при русской арміи въ качествѣ его корреспондента—для выработки плана войны, для согласованія дѣйствій обѣихъ армій, русской и австрійской, когда она откроетъ кампанію, для подготовки плановъ сраженій и т. п. Только-что я отправилъ свое письмо въ Вѣну, какъ узнаю, что императоръ мобилизовалъ уже 100.000-ный корпусъ, что я назначенъ фельдцейгмейстеромъ (что у русскихъ зовется генералъ-аншефъ), что на меня возложено командованіе всею пѣхотою и, въ случаѣ отсутствія императора или фельдмаршала Ласси, даже всею арміею. Я хочу отказаться отъ русской службы. Поздно. Императрица не желаетъ. Она проситъ императора объ офиціальномъ моемъ назначеніи къ русской арміи. Письма наши скрещиваются. Императоръ ловитъ меня на словѣ. И вотъ я въ мундирѣ русскаго генералъ-аншефа, съ турецкою саблею на боку, въ ожиданіи случая употребить въ дѣло турецкую саблю, пользуюсь австрійскимъ перомъ въ качествѣ дипломатическаго жокея лучшаго изъ пословъ, графа Кобенцля, день и ночь только думающаго о славѣ обѣихъ имперій, Австріи и Россіи» [1]).

Такъ разсказываетъ кн. де-Линь; не такъ смотрѣла на это Екатерина. Она интересовалась назначеніемъ князя де-Линь, зная его беззавѣтную храбрость и воинскую опытность, но она никого не просила о разрѣшеніи состоять при русской арміи. Императрица извѣщаетъ кн. Потемкина, отъ 12-го

---

[1]) *Ligne*, VII, 151; XXIV, 13.

октября: «Линь все еще здѣсь и отъ своего двора ни о своемъ произвожденіи и ни о чемъ не извѣстенъ»; но спустя недѣлю, въ письмѣ отъ 18-го октября, уже прямо пишетъ: «Сего утра Линь получилъ отъ цезаря повелѣніе ѣхать къ вамъ; онъ думалъ имѣть команду, взять Бѣлградъ, а вмѣсто того, его шпіономъ опредѣляютъ. Если онъ вамъ будетъ въ тягость, то чаю его отправить можно въ Вѣну съ условіемъ о будущей или нынѣшней кампаніи, чтобы истолковалъ возможность или невозможность того, что вы разсудите, что вамъ дѣлать или не дѣлать. Онъ отправляется завтра къ вамъ и самъ весьма недоволенъ» [1]).

Сидя въ Петербургѣ, легко, конечно, брать Бѣлградъ или Очаковъ. Въ городѣ распространялись такія невѣроятныя вѣсти: «Публика лжетъ въ свою пользу, и города беретъ, и морскіе бои и баталіи складываетъ, и Царьградъ бомбардируетъ», писала Екатерина еще отъ 24-го сентября [2]). Быть можетъ, въ насмѣшку надъ желаніемъ князя де-Линь «взять Бѣлградъ», императрица не разъ спрашивала у него: палъ ли Бѣлградъ? Кн. де-Линь отвѣчалъ: «Паша очаковскій слишкомъ любезенъ и не допуститъ, чтобы бѣлградскій паша былъ вѣжливѣе его —онъ скорѣе повѣсится съ досады» [3]).

19-го октября кн. де-Линь выѣхалъ изъ Петербурга и только чрезъ мѣсяцъ прибылъ въ Елизаветградъ, въ главную квартиру екатеринославской арміи [4]). Въ дорогѣ, отъ Петербурга до Елизаветграда, онъ написалъ: «Mémoires sur la guerre des turcs depuis 1736 jusqu'en 1739», полагая, что «опытъ, пережитый 50 лѣтъ назадъ, поможетъ избѣжать прежнихъ ошибокъ». Эти записки, составленныя во время пути, «почти по памяти», любопытны потому особенно, что въ нихъ кн. де-Линь воспользовался разсказами кн. М. Н. Волконскаго [5]), состоявшаго адъютантомъ при генералъ-фельдмаршалѣ Ласси.

---

[1]) Сборникъ, XXVII, 439, 440. [2]) Ibid., 426.
[3]) Ibid., XXIV, 15. [4]) Ibid., VII, 151. [5]) Ibid., VI, 8.

Болѣе года оставался кн. де-Линь при русской арміи, то подъ Кинбурномъ и Очаковомъ, то въ Елизаветградѣ и Яссахъ. Онъ писалъ довольно часто серьезныя реляціи своему императору Іосифу II, шутливыя письма своему другу гр. Сегюру въ Петербургъ, офиціальныя депеши гр. Кауницу въ Вѣну, и въ этихъ реляціяхъ, депешахъ и письмахъ сохранилъ много любопытныхъ подробностей, высказалъ много мѣткихъ замѣчаній, передалъ отдѣльные эпизоды, нарисовалъ мастерскіе портреты. Можно положительно утверждать, что для исторіи второй турецкой войны сообщенія князя де-Линь представляются источникомъ чрезвычайно важнымъ, какъ сообщенія очевидца, обладавшаго серьезною подготовкою для сужденія о всемъ имъ видѣнномъ и пережитомъ.

Въ Елизаветградѣ, особенно же въ траншеяхъ подъ Очаковомъ, впервые увидѣлъ кн. де-Линь и научился уважать русскаго солдата. «Русскіе солдаты поютъ и пляшутъ въ траншеяхъ, гдѣ остаются безсмѣнно Подъ градомъ пуль и ядеръ, въ снѣгу, въ грязи, они всегда ловки, внимательны, послушны. Они смотрятъ въ глаза своимъ офицерамъ, стараясь угадать и немедленно исполнить ихъ желаніе». Отъ такого опытнаго воина, какъ кн. де-Линь, не укрылось, конечно, что замѣченныя имъ превосходныя качества русскаго солдата не столько созданы обученіемъ, выправкою, сколько даны самою природою русскаго человѣка, русскаго мужика. «Я вижу русскихъ людей, которымъ говорятъ: будьте тѣмъ-то, и они дѣлаются тѣмъ-то. Они изучаютъ искусства, какъ «Le médecin malgré lui» изучалъ медицину. Они—пѣхотинцы, матросы, стрѣлки, попы, драгуны, музыканты, инженеры, актеры, кирасиры, живописцы, хирурги, словомъ, на всѣ руки» [1]). Въ своихъ сообщеніяхъ кн. де-Линь ставитъ русскаго солдата чрезвычайно высоко, дивится его выносливости, благоговѣетъ предъ его преданностью долгу. Князь де-Линь

[1]) *Ligne*, VII, 176, XX, 256, XXI, 19; XXIV, 91; Сборникъ, XXIII, 487.

высказываетъ убѣжденіе, что съ русскимъ солдатомъ можно взять не только Очаковъ, но самый Царьградъ, что русское войско «только тогда не одерживаетъ побѣды, когда его не ведутъ въ бой». Въ этомъ случаѣ кн. де-Линь только повторилъ слова Екатерины, сказанныя ею 25 лѣтъ назадъ: «Знающимъ древнюю исторію нашего отечества—писала она еще въ 1762 году—довольно извѣстно, что воинство россійское, когда еще и просвѣщеніе регулъ военныхъ ему не поспѣшествовало, войска мужественнаго имя носило; но видѣвшимъ вѣка нашего настоящія уже времена, когда къ храбрости его природной дисциплина военныхъ присоединилась, доказательно и неоспоримо, что оружіе россійское тамъ только славы себѣ не пріобрѣтаетъ, гдѣ руки своей не подъемлетъ» [1]).

Послѣ русскаго солдата, русскій главнокомандующій болѣе всего поразилъ князя де-Линь Много уже лѣтъ зналъ онъ кн. Потемкина; но только въ Елизаветградѣ онъ сошелся съ нимъ, сблизился. Военный шпіонъ, по словамъ Екатерины, дипломатическій жокей, по его собственному опредѣленію. князь де-Линь сталъ теперь другомъ кн. Потемкина. Австрійскій «генералъ-аншефъ» высоко цѣнилъ умъ и дарованія кн. Потемкина, но не признавалъ его способнымъ командовать батальономъ, не только арміею. Русскій главнокомандующій, по мнѣнію князя де-Линь—«ребенокъ, къ тому же большой. властный и своенравный ребенокъ» [2]), которому нужна еще нянька.

«— Неужели вы предполагали, спросилъ Потемкинъ князя де-Линь, что, пріѣхавъ сюда, вы будете водить меня за носъ?

«— Неужели вы думаете, отвѣчалъ кн. де-Линь, что я пріѣхалъ бы къ вамъ, еслибъ не предполагалъ этого? Для васъ. князь, столь лѣниваго и неопытнаго, самое лучшее—

[1]) «С.-Петербургскія Вѣдомости» за 1762 г., № 80-й, отъ 4-го октября; *Указы* Екатерины, 111; П. С. З., № 11688.

[2]) *Ligne*, XXIV, 45.

довѣриться человѣку, который такъ дорожитъ вашею славою и славою обѣихъ имперій. Вамъ очень малаго недостаетъ, чтобъ стать совершенствомъ; но и геніальность ваша ни къ чему не послужитъ, если не будетъ поддержана довѣріемъ и дружбою.

«— Пусть императоръ вашъ перейдетъ Саву, тогда я перейду Бугъ.

«— Что за церемоніи: точно передъ дверьми въ залъ! Мой императоръ уступаетъ вамъ первенство. Противъ него цѣлая турецкая армія; противъ васъ—никого.

«— Какъ вы думаете, согласился бы императоръ прислать намъ ордена Маріи-Терезіи и получить отъ насъ ордена св. Георгія для отличившихся въ союзныхъ арміяхъ?

«Я понялъ, куда онъ мѣтитъ. У него страсть къ орденамъ. У него ихъ съ дюжину. Я увѣрилъ его, что взятіе Очакова стоитъ ордена Маріи-Терезіи».

Этотъ разговоръ сообщенъ въ реляціи князя де-Линь императору Іосифу II изъ Елизаветграда, отъ февраля 1788 года; спустя полгода, въ письмѣ къ гр. Сегюру изъ лагеря подъ Очаковомъ, отъ 1-го августа, кн. де-Линь набросалъ слѣдующій портретъ князя Г. А. Потемкина:

«Это самый необыкновенный человѣкъ, котораго я когда-либо встрѣчалъ. Съ виду лѣнивый, онъ неутомимо трудится; онъ пишетъ на колѣни, чешется пятернею, вѣчно валяется на постели, но не спитъ ни днемъ, ни ночью—его вѣчно тревожитъ желаніе угодить императрицѣ, которую онъ обожаетъ. Каждый пушечный выстрѣлъ, нимало ему не угрожающій, безпокоитъ его потому уже, что можетъ стоить жизни нѣсколькихъ солдатъ. Трусливый за другихъ, онъ самъ очень храбръ: онъ останавливается подъ выстрѣлами и спокойно отдаетъ приказаніе. При всемъ томъ, онъ напоминаетъ скорѣе Улисса, чѣмъ Ахилла. Онъ очень озабоченъ въ ожиданіи опасности, но веселится среди опасности и скучаетъ среди удовольствій. Несчастный отъ слишкомъ большого

счастья, разочарованный во всемъ—ему скоро все надоѣдаетъ. Угрюмъ, непостояненъ; то глубокій философъ, искусный министръ, великій политикъ, то десятилѣтній ребенокъ [1]). Онъ вовсе не мстителенъ, онъ извиняется въ причиненномъ горѣ, старается исправить несправедливость. Онъ воображаетъ, что любитъ Бога, а самъ боится дьявола, котораго считаетъ сильнѣе и могущественнѣе самого Потемкина. Одною рукою онъ подаетъ условные знаки женщинамъ, которыя ему нравятся, а другою набожно крестится; то, скрестивши руки, стоитъ передъ образомъ Богоматери, то обнимаетъ ими своихъ любовницъ. Императрица осыпаетъ его своими милостями, а онъ дѣлится ими съ другими; получая отъ нея земли, онъ или возвращаетъ ихъ ей, или уплачиваетъ ея расходы, не говоря ей объ этомъ. Купитъ имѣніе, устроитъ въ немъ колонаду, или разобьетъ въ немъ англійскій паркъ, и продастъ. То играетъ день и ночь, то не беретъ картъ въ руки; любитъ дарить, но не любитъ платить долги; страшно богатъ и постоянно безъ гроша; недовѣрчивъ и добродушенъ, завистливъ и признателенъ, скученъ и веселъ. Его легко убѣдить какъ въ дурномъ, такъ и въ хорошемъ, но онъ также точно легко и разубѣждается. Съ генералами онъ говоритъ о богословіи, съ архіереями—о войнѣ. Онъ никогда ничего не читаетъ, но старается все выпытать у собесѣдника, входя для этого даже въ споръ. Онъ умѣетъ придавать лицу то свирѣпое, то мягкое выраженіе: манеры его то отталкиваютъ, то привлекаютъ; онъ то гордый сатрапъ Востока, то любезнѣйшій изъ придворныхъ Людовика XIV. Подъ личиной грубости, онъ скрываетъ очень нѣжное сердце; онъ не знаетъ часовъ, причудливъ въ пирахъ, въ отдыхѣ и во вкусахъ; какъ ребенокъ всего желаетъ и какъ взрослый умѣетъ отъ всего отказаться; онъ воздерженъ, хотя кажется жаднымъ; вѣчно грызетъ ногти, яблоки или рѣпу, ворчитъ или смѣется, передразниваетъ или

---

[1]) Vous êtes impatient comme un enfant de cinq ans, писала Екатерина кн. Потемкину въ началѣ второй турецкой войны. Сборникъ, XXVII, 434.

бранится, дурачится или молится, насвистываетъ или размышляетъ; зоветъ адъютантовъ, или прогоняетъ ихъ, опять призываетъ и ничего имъ не приказываетъ; легко переноситъ жару, вѣчно толкуя о прохладительныхъ ваннахъ, и любитъ морозы, вѣчно кутаясь въ шубы. Онъ появляется то въ рубашкѣ, то въ мундирѣ, расшитомъ золотомъ по всѣмъ швамъ; то босикомъ, то въ туфляхъ съ блестками; безъ шляпы, безъ фуражки, какъ я видѣлъ его даже подъ выстрѣлами; то въ рваномъ халатишкѣ, то въ великолѣпномъ камзолѣ, въ звѣздахъ и лентахъ, съ портретомъ императрицы, осыпаннымъ брильянтами, служащими мишенью для непріятельскихъ пуль. Сгорбленный, съеженный, невзрачный, когда остается дома, онъ выпрямляется, вскидываетъ надменно голову, онъ гордъ, прекрасенъ, величественъ, увлекателенъ, когда является передъ своей арміей, точно Агамемнонъ въ сонмѣ греческихъ царей» [1]).

Князь де-Линь сообщаетъ о нѣсколькихъ случаяхъ безстрашія князя Потемкина, не обращавшаго вниманія ни на пули, ни на ядра [2]). Отдавая въ этомъ отношеніи полную справедливость князю Потемкину, онъ указываетъ цѣлый рядъ промаховъ и ошибокъ главнокомандующаго, вовсе не подготовленнаго къ столь высокому и отвѣтственному посту [3]). Когда князь Репнинъ, принцъ Нассау или кто-либо изъ генераловъ дѣлалъ какое-либо предложеніе, даже не въ видѣ совѣта, князь Потемкинъ отвѣчалъ: «Что же я глупъ или ребенокъ? Я знаю лучше, чѣмъ кто-либо, что надо дѣлать». Само собою разумѣется, что и въ этомъ случаѣ къ отзывамъ

---

[1]) *Ligne*, VII, 171. Кромѣ этого внѣшняго очерка, въ письмахъ князя де-Линь разсѣяно много данныхъ для обрисовки внутренняго облика князя Потемкина. Ограничимся однимъ примѣромъ. «На мое заявленіе о возможности стать господаремъ Молдавіи и Валахіи, князь Потемкинъ отвѣчалъ: «Плевать мнѣ на это; я былъ бы уже королемъ польскимъ, еслибъ пожелалъ; я отказался отъ герцогства Курляндскаго — я выше всего этого». *Ligne*, XXIV, 182.

[2]) Ibid., VII, 194 XXIV, 97. [3]) Ibid., XXIV, 49 sqq.;

князя де-Линь должно относиться осторожно, нельзя довѣрять ему вполнѣ; но не принимать ихъ во вниманіе или отвергать справедливость многихъ изъ его замѣчаній было бы тоже большою ошибкою. Несомнѣнно только, что князь де-Линь отдавалъ должное и главнокомандующему всякій разъ, когда, по его мнѣнію, представлялся къ тому достаточный поводъ.

Съ большимъ безпристрастіемъ и съ свойственнымъ ему добродушіемъ описываетъ князь де-Линь осаду Очакова. Изъ его реляцій, писемъ и депешъ вырисовывается полная картина одной изъ важнѣйшихъ операцій кампаніи 1788 года. Многія подробности, имъ сообщенныя, весьма интересны. Насколько намъ извѣстно, только князь де-Линь сообщилъ обстоятельства, при которыхъ былъ раненъ М. И. Голенищевъ-Кутузовъ, будущій Смоленскій:

«29-го августа, турки, въ числѣ не болѣе сорока, прокравшись вдоль моря, взобрались по эскарпамъ и открыли ружейную пальбу по батареѣ принца Ангальта, смѣнившаго генерала Кутузова, того самаго, который въ послѣднюю войну былъ раненъ въ голову на вылетъ: пуля прошла сзади глазъ и, по какому-то необыкновенному случаю, не задѣла ихъ. Генералъ этотъ почти такъ же былъ опять раненъ вчера въ голову, пониже глазъ, и долженъ, по моему мнѣнію, умереть не сегодня, такъ завтра. Я смотрѣлъ сквозь амбразуру на начало вылазки; онъ хотѣлъ послѣдовать моему примѣру и вдругъ былъ опрокинутъ» [1]).

Этихъ подробностей нѣтъ ни въ письмахъ Потемкина, ни въ реляціяхъ главнокомандующаго, несмотря на то, что Екатерина интересовалась раною Кутузова и не разъ упоминаетъ о ней въ письмахъ къ Потемкину: «Отпиши, каковъ Кутузовъ и какъ онъ раненъ, и отъ меня прикажи навѣдываться» [2]).

---

[1]) *Ligne*, XXIV, 136. [2]) Сборникъ, XXVII, 520, 522, 530.

Оставляя отдѣльные эпизоды и мелкія подробности, изъ донесеній князя де-Линь явствуетъ, что, по его мнѣнію, осада Очакова велась неправильно и что, упустивъ время, князь Потемкинъ дозволилъ туркамъ усилить очаковскій гарнизонъ. Это же мнѣніе высказывали принцъ Нассау и А. В. Суворовъ [1]). Князь Потемкинъ былъ иного мнѣнія, и когда Екатерина указала ему на Очаковъ, какъ на главную задачу кампаніи, отвѣчалъ: «Кому больше на сердцѣ Очаковъ, какъ не мнѣ? Несказанныя заботы отъ сей стороны на меня обращаются. Не стало бы за доброю волею моею, еслибъ я видѣлъ возможность. Схватить его никакъ нельзя, а формальная осада, по позднему времени, быть не можетъ—и къ ней столь много приготовленій! Очаковъ намъ нужно, конечно, взять, и для того должны мы употребить всѣ способы, вѣрные для достиженія сего предмета. Сей городъ не былъ разоренъ въ прошлую войну; въ мирное время турки укрѣпляли его безпрерывно. Вы изволите помнить, что я въ планѣ моемъ наступательномъ, по таковой ихъ тутъ готовности, не полагалъ его брать прежде другихъ мѣстъ, гдѣ турки слабѣе. Еслибъ слѣдовало мнѣ только жертвовать собою, то будьте увѣрены, что я не замѣшкаюсь минуты; но сохраненіе людей, столь драгоцѣнныхъ, обязываетъ идти вѣрными шагами и не дѣлать сомнительной попытки, гдѣ можетъ случиться, что потеря въ нѣсколько тысячъ пойдетъ, не взявши, и разстроитъ такъ, что, уменьша старыхъ солдатъ, будемъ слабѣе на будущую кампанію. Притомъ, не разбивъ непріятеля въ полѣ, какъ приступимъ къ городамъ? Полевое дѣло съ турками можно назвать игрушкою; но въ городахъ и мѣстахъ таковыхъ дѣла съ ними кровопролитны».

Эти и подобныя соображенія князь Потемкинъ не разъ, вѣроятно, высказывалъ князю де-Линь въ долгіе мѣсяцы стоянки въ Елизаветградѣ. Тамъ, въ ежедневныхъ бесѣдахъ,

[1]) *Храновицкій*, 210.

«друзья» обсуждали всевозможные военные вопросы; и теперь, какъ годъ назадъ, князь де-Линь высказывалъ довольно откровенно тѣ же мнѣнія, интересовавшія князя Потемкина настолько, что онъ тогда же просилъ его изложить свои соображенія на письмѣ [1]). Такимъ образомъ, явилась

«Записка о русскомъ войскѣ».

«Русскій народъ, наиболѣе воинственный изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, достоинъ только удивленія. Очень немного подлежитъ измѣненію въ побѣдоносной арміи, съ самаго начала столѣтія, благодаря урокамъ Карла XII, ставшей непобѣдимою. Но другъ проситъ моего мнѣнія, главнокомандующій требуетъ совѣта—я повинуюсь.

«Я полагалъ бы: каждый пѣхотный полкъ, въ составѣ 4.000 человѣкъ, раздѣленныхъ на четыре батальона; кавалерійскій—въ 2.000 коней, раздѣленныхъ на десять эскадроновъ. Въ каждомъ полку необходимо имѣть пять офицеровъ генеральнаго штаба; число строевыхъ офицеровъ можно оставить нынѣшнее. Необходимо увеличить денежную дачу солдатамъ и уменьшить доходы полковниковъ. Всѣ поставки снарядовъ, провіанта, фуража и амуниціи должны производиться правительствомъ, во избѣжаніе воровства.

«Я уважаю религію, но мнѣ казалось бы возможнымъ уменьшить посты во время походовъ и совершенно уничтожить ихъ въ госпиталяхъ, гдѣ я видѣлъ паціентовъ, готовыхъ скорѣе умереть, чѣмъ оскоромиться бульономъ въ постный день. Я люблю музыку, но у васъ слишкомъ ужъ много солдатъ берется въ музыканты. Изъ нихъ у васъ составится маленькая армія. Слѣдовало бы ограничить: 12 музыкантовъ на полкъ. Я всегда за женщинъ, но 12 на ба-

---

[1]) Mémoire que me demanda le prince Potemkin sur l'armée russe en général et particulièrement au sujet d'une guerre avec les turcs, dont il avait bien envie et moi aussi. *Ligne*, XXI, 299.

тальонъ, 3 на эскадронъ совершенно достаточно въ военное время: во время мира—сколько угодно.

«Одежда русскаго солдата превосходна: удобна, здорова, красива. Мнѣ казалось бы необходимымъ измѣнить только головной уборъ, чтобъ удобнѣе было спать и чтобъ можно было закрывать уши. Вашъ проектъ глухихъ жилетовъ, подбитыхъ для зимы мерлушкою, очень хорошъ. Петръ Великій далъ вамъ много европейскаго, особенно же въ одеждѣ.

«Ваша конница безподобна. Для Россіи большая выгода, что она не нуждается уже въ покупкѣ лошадей за границею: въ Германіи, Даніи, Голштиніи. Ваши фуры для раненыхъ и больныхъ очень хороши. Но вамъ необходимы врачи; въ каждомъ полку необходимъ одинъ главный докторъ. Русскіе такъ способны, что если вы выпишите искусныхъ профессоровъ изъ Франціи или Англіи, то они скоро создадутъ вамъ по врачу на батальонъ.

«Трезвость и умѣренность—хорошія вещи, и въ необходимыхъ случаяхъ должны практиковаться; но хорошій бульонъ въ госпиталяхъ и говядина для солдата, по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю тоже необходимы. Ваши сухари, вашъ ржаной хлѣбъ всегда приводили меня въ восторгъ.

«По-моему, гарнизонъ долженъ быть только въ Петербургѣ и состоять изъ гвардейскихъ полковъ; остальные же пусть стоятъ въ деревняхъ, по воинскому постою. Быть можетъ, каждый полкъ могъ бы составить свою деревню, причемъ лѣтъ черезъ 15, каждая такая деревня могла бы создать новую деревню, что значительно способствовало бы развитію культуры и приросту населенія. Эти солдаты-землепашцы не отрывались бы отъ плуга и призывались бы ежегодно на мѣсяцъ, на два, для ученья, для маневровъ. Четыре инспектора въ каждой губерніи переѣзжали бы изъ деревни въ деревню для надзора за комплектомъ и продовольствіемъ солдатъ.

«Пусть князья и всякіе родовитые люди служатъ въ гвар-

дiи, если это имъ нравится; но во главѣ дивизiй, бригадъ и полковъ должны находиться люди недостаточные, нуждающiеся въ службѣ. Тогда не будетъ этихъ обременительныхъ обозовъ, стѣсняющихъ движенiе части и увеличивающихъ расходъ по фуражу и продовольствiю. Вы взяли этотъ примѣръ съ турокъ, но вамъ легко отъ него отказаться, разъ навсегда точно опредѣливъ число подводъ на полкъ.

«Необходимо освободить полки отъ малолѣтнихъ, причисленныхъ и сверхштатныхъ офицеровъ, отъ множества адъютантовъ, не знающихъ даже чьи они адъютанты, отъ всякихъ волонтеровъ, титулованныхъ и нетитулованныхъ, отъ всѣхъ иностранцевъ, французскихъ и итальянскихъ авантюристовъ, нерѣдко негодяевъ, высланныхъ съ родины, отъ гувернеровъ разныхъ барчуковъ, отъ ихъ секретарей и писцовъ, отъ банкометовъ, знатныхъ путешественниковъ и другой сволочи.

«Особенно же необходимо разъ навсегда покончить съ камергерами и камеръ-юнкерами въ чинѣ генералъ-майора, которые не могутъ быть генералами и потому уже, что не въ силахъ покинуть Петербургъ хотя бы на полгода разъ во всю жизнь! Невозможно давать военные чины гражданскимъ чиновникамъ. Я хорошо знаю, что кучеръ императрицы не полковникъ, какъ ходили слухи, но не слѣдуетъ давать хотя бы малѣйшiй поводъ къ насмѣшкѣ надъ военною службою. Необходимо уничтожить самое названiе «штатъ» генерала: этотъ штатъ не всегда получаетъ жалованье и присужденъ питаться отъ злоупотребленiй.

«Возвратите, князь, вашей прекрасной армiи ея прежнюю дисциплину, которую, какъ я вижу теперь, ослабила ваша доброта. Привычка къ почитанiю и послушанiю такъ вкоренена въ русскихъ, что ваши генералы, офицеры и солдаты не тяготятся дисциплиною. Вы не любите, чтобы били людей. Наши палочные удары гораздо страшнѣе вашихъ батоговъ. Оставьте батожье противъ вольнодумцевъ, если таковые

встрѣтятся, противъ пьяницъ и вообще неисправимыхъ, и не кляните прибѣгающихъ по нуждѣ къ батогу.

«Вы спрашиваете, что я думаю о войнѣ съ Турціею, которая не сегодня--завтра можетъ начаться? Вотъ что:

«Если желательно разъ навсегда изгнать турокъ изъ Европы, необходимо сдѣлать сильный и быстрый натискъ на невѣрныхъ. Ихъ надо огорошить; оглушить сразу, и тогда они поймутъ, что Магометъ покинулъ ихъ, и что есть пророкъ, превосходящій Магомета. Какъ это сдѣлать—можетъ сказать военный геній, воевавшій уже съ турками: я же никогда турокъ даже не видѣлъ, хотя и желалъ бы ихъ видѣть; къ тому же, каюсь, я всегда думалъ, что вы, въ качествѣ князя Россійской Имперіи, ищете только предлога, чтобъ бить турокъ. Мнѣ кажется, однако, что двѣ такія имперіи, какъ Россія и Австрія, могли бы въ полгода очистить Европу отъ турокъ, еслибъ рѣшительно и смѣло двинули каждая корпусъ въ 90.000 человѣкъ. Если оба корпуса будутъ надвигаться съ двухъ противоположныхъ сторонъ и, все разрушая, все разбивая, искать и бить непріятеля, уже ослабленнаго партизанскими набѣгами вашихъ казаковъ и нашихъ гусаръ, повѣрьте, о туркахъ будутъ только вспоминать въ Европѣ, но видѣть ихъ въ ней не придется уже болѣе [1]).

«Возвращаюсь къ улучшеніямъ вашей арміи.

«Вы отлично сдѣлали, князь, что преобразовали вашихъ гусаръ, которые были только подобіемъ гусаръ и никогда не могли владѣть такъ пикою, какъ казаки, которыхъ вы такъ любите. Казаки неоцѣнимы, когда они, какъ осы, набрасываются на отдѣльныя части арміи, тревожатъ, безпокоятъ ее всю, не давая возможности вздохнуть; они обезсиливаютъ непріятельскую армію прежде, чѣмъ она вступитъ въ бой съ

---

[1]) Подробный планъ войны съ турками изложенъ княземъ де-Линь въ письмѣ къ графу Сегюру, отъ 1-го сентября 1788 года, изъ лагеря подъ Очаковомъ. *Ligne*, VII, 179--193.

врагомъ. Они очень хороши и для рекогносцировки, но ихъ необходимо научить держать связь съ арміею: они пускаются въ путь, многое узнаютъ, но подвигаются всегда впередъ и армія рѣдко бываетъ въ состояніи воспользоваться добытыми ими свѣдѣніями.

«Созданная вами легкая конница никогда не сравнится въ этомъ отношеніи съ казаками, и дѣлать разницу между ею и драгунами, право, не стоитъ. Мнѣ гораздо болѣе нравится другое ваше созданіе—стрѣлки. Я увѣренъ, князь, что въ первую же войну съ турками стрѣлки окажутъ вамъ большую услугу.

«Необходимо улучшить вашъ инженерный корпусъ. Для этого, быть можетъ, потребуется въ началѣ помощь иностранцевъ. Было бы хорошо соединить инженерный корпусъ съ артиллерійскимъ, чтобы покончить съ вѣчными раздорами этихъ двухъ корпусовъ.

«Такъ какъ, по моему мнѣнію, и въ администраціи, какъ въ литературѣ, не можетъ быть плагіата—подражать хорошему всегда позволительно—то, подобно Австріи и Пруссіи, распредѣлите полки между богатыми родами, чтобы каждый родъ заботился о своемъ полку.

«Не давайте, въ видѣ награды, военнымъ гражданскихъ мѣстъ. Вы этимъ только ослабляете военное сословіе. Наоборотъ: дурныхъ офицеровъ, въ видѣ наказанія, распредѣляйте по гражданскимъ должностямъ.

«Я часто вижу, что ваши офицеры мѣняютъ форму, иногда по три, по четыре раза въ годъ. Сегодня кавалеристъ, завтра инженеръ, потомъ стрѣлокъ или артиллеристъ. Едва ли это хорошо. Офицеръ долженъ знать, что служба военная вездѣ почтенна и что только постояннымъ трудомъ въ одномъ направленіи достигается совершенство.

«Ваши гренадерскіе полки превосходны. Люди подобраны крѣпкіе, здоровые, по большей части старослуживые, но иногда слишкомъ ужъ рослые. По формѣ, трудно узнать, что они

гренадеры—имъ нужно дать болѣе высокую каску и съ мѣхомъ. Возьмите свой красный карандашъ, что съ вами часто случается, и набросайте рисунокъ каски, столь же красивой, какъ наша гренадерская, но болѣе удобной.

«Ваши ружья могли бы быть менѣе длинны, болѣе легки и стрѣлять также далеко. Вы можете поручить ружейному заводу въ Тулѣ произвесть опыты, и я убѣжденъ, что они будутъ успѣшны.

«По-моему, слѣдуетъ короче стричь волосы вашихъ солдатъ—они очень длинны, а длинные волосы или требуютъ излишняго ухода, или остаются грязными.

«Я хотѣлъ бы, чтобъ всѣ ваши кавалерійскіе полки маневрировали такъ же, какъ вашъ полкъ и полкъ великаго князя—съ нѣмецкою точностью и русскою живостью. Въ другихъ полкахъ я замѣтилъ только живость и никакого равненія. Я хотѣлъ бы назвать еще третій полкъ образцовымъ, но такого не видѣлъ. Изъ семидесяти эскадроновъ, видѣнныхъ мною въ Полтавѣ, не было, какъ я тогда же сообщилъ вамъ, ни одного, который зналъ бы равненіе и въ которомъ люди или лошади оставались бы спокойными. Какой-нибудь мѣсяцъ упражненія легко исправить эти недостатки, и ваши войска, и теперь уже стяжавшія себѣ почетную извѣстность, станутъ еще совершеннѣе.

«Четыре пѣхотныхъ полка, въ 4.000-номъ составѣ каждый, въ губерніи; такъ какъ губерній 42, то на каждую губернію придется 16.000 человѣкъ, а на всю имперію 672.000 пѣхоты. Полагая по одному кавалерійскому полку на губернію и полкъ въ 2.000 коней, на всю имперію придется 84.000 конницы. Вотъ сколько требуется войска, чтобъ поддержать такой колоссъ, какъ Россія, которая прежде была тощею, а теперь съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе жирною. Войска двухъ губерній составятъ одинъ лагерь; всего въ имперіи 21 лагерь, по 36.000 въ каждомъ.

«Кромѣ доблестей многихъ изъ вашихъ генералъ-анше-

фовъ, доказавшихъ уже свои военные таланты, какъ безподобный князь Репнинъ, князь Григорій Долгорукій, Текели, храбрые графы Салтыковъ и Мусинъ-Пушкинъ, пылкій Каменскій и славный Суворовъ, внушающій довѣріе, въ русской арміи много генераловъ, которые, я увѣренъ, окажутъ вамъ большія услуги во время войны. Принцъ Ангальтъ, напримѣръ, Кутузовъ, маленькій Волконскій, Горичъ, Ферзенъ, вашъ племянникъ, князь Сергѣй Голицынъ, Спренгпортенъ. Я также очень высокаго мнѣнія о генералѣ Паленѣ: держу пари, что это будетъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ офицеровъ.

«Вотъ, любезный князь, все, что внушаетъ мнѣ ваша дружба и моя любовь къ вашей славѣ и къ славѣ Россіи, которою я отъ всего сердца моего интересуюсь и гдѣ я каждый день получаю новые знаки милости ко мнѣ».

Князь де-Линь много писалъ о военномъ дѣлѣ; онъ много и съ различныхъ сторонъ изучалъ военное искусство. Мы не можемъ входить въ оцѣнку его знаній въ этомъ отношеніи— это дѣло спеціалистовъ [1]; намъ извѣстно, однако, что герцогъ Веллингтонъ очень цѣнилъ военныя сочиненія кн. де-Линь и что пруссаки имъ зачитывались [2]). Кн. Потемкинъ едва ли даже прочелъ «Записку о русскомъ войскѣ»; для насъ же она важна, какъ свидѣтельство лица во всякомъ случаѣ вполнѣ компетентнаго о состояніи русской арміи наканунѣ второй турецкой войны.

Эта война велась не по плану, предложенному княземъ де-Линь [3]). Онъ даже былъ убѣжденъ, что она велась безъ всякаго плана и что, благодаря частымъ войнамъ съ турками, «русскіе сами стали турками въ военномъ дѣлѣ» [4]).

---

[1]) Первый выпускъ «Записокъ по исторіи военнаго искусства въ Россіи», проф. *Масловскаго*, обрывается 1762 годомъ, можно надѣяться, что во второмъ выпускѣ мы прочтемъ уже отзывъ спеціалиста.

[2]) *Sainte-Beuve*, VII, 192; *Ligne*, XXVI, 195.

[3]) Je ne fus ni écouté, ni entendu. *Ligne*, XXIV, 24.

[4]) *Ligne*, XXIV, 18, 34, 39, 51, 61, 64 sqq. Cet empire si despote se met

Вслѣдствіе этого, въ его донесеніяхъ и письмахъ разсѣяно много указаній на стратегическія и тактическія ошибки русскихъ полководцевъ, особенно же по поводу осады Очакова, при началѣ которой онъ самъ участвовалъ. Очаковъ палъ вскорѣ по отъѣздѣ князя де-Линь изъ русской арміи. За предѣлами Россіи никто, конечно, не былъ такъ обрадованъ взятіемъ Очакова, какъ кн. де-Линь; онъ тотчасъ же отправилъ особаго курьера въ Петербургъ, для поздравленія императрицы съ одержанною побѣдою. Екатерина отвѣчала ему слѣдующимъ письмомъ:

«Изъ письма вашего отъ 16-го января, которое я только-что получила, я вижу радость вашу, по случаю взятія Очакова. Прежде чѣмъ приступить къ штурму, фельдмаршалъ князь Потемкинъ, разумѣется, испыталъ всѣ другія средства. Самымъ удобнымъ временемъ для этого предпріятія было неоспоримо то, когда покрытый льдомъ Лиманъ дѣлалъ невозможною помощь осажденнымъ со стороны моря, взятіе же города предоставляло время для принятія необходимыхъ предосторожностей въ будущемъ. Но нетерпѣніе молодыхъ людей, полныхъ отваги, но болѣе или менѣе легкомысленныхъ, завистниковъ, враговъ открытыхъ и тайныхъ, конечно, невыносимо въ подобныхъ случаяхъ и подвергло безконечнымъ испытаніямъ непоколебимую твердость и настойчивость фельдмаршала, что и доставляетъ ему въ моихъ глазахъ самую большую честь. Между прочими прекрасными и даже великими качествами его души, я всегда видѣла въ немъ способность прощать своимъ врагамъ и воздавать имъ добромъ; этимъ-то именно онъ и умѣлъ одерживать верхъ надъ ними. На этотъ разъ онъ въ полтора часа разбилъ и турокъ, и тѣхъ, кто его осуждалъ; теперь говорятъ, что онъ могъ бы

en république dès que la guerre commence. Sa majesté l'impératrice, à qui m-r de Czernichef a désobéi le premier jour de son règne, continue à l'être par les deux maréchaux, Potemkin et Romanzow, autant que l'impératrice Anne par m-r de Münnich. Ibid., 160.

взять Очаковъ ранѣе; это правда, но никогда онъ не могъ бы взять его съ меньшею невыгодою» [1]).

Едва ли подъ «завистниками» и «врагами» Екатерина разумѣла князя де-Линь; если же разумѣла, то ошибалась. Князь де-Линь не написалъ императрицѣ ни одного письма изъ русскаго лагеря, и не скрывалъ отъ себя, что Екатерина пойметъ это молчаніе. «Императрица удивится, не получая отъ меня писемъ, но пойметъ со временемъ, что не могу же я жаловаться на князя Потемкина, которому обязанъ милостями императрицы, и что я настолько правдивъ, что не могу одобрить дѣйствій князя» [2]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда по ходу дѣла требовалось повелѣніе императрицы, князь де-Линь писалъ все-таки не ей, а графу Кобенцлю, императорскому послу въ Петербургѣ, который передавалъ просьбу князя де-Линь въ видѣ собственныхъ соображеній [3]). Несмотря на временныя размолвки, на противоположность взглядовъ, на частые споры, кн. Потемкинъ всегда относился къ князю де-Линь съ довѣріемъ и никогда не видалъ въ немъ ни врага, ни завистника. Въ письмѣ къ императрицѣ отъ 5-го мая 1788 года, когда князь Потемкинъ находился въ самомъ мрачномъ настроеніи, онъ писалъ: «Дѣла много, оставляю злобствующихъ и надѣюсь на васъ, матушка. Принцъ де-Линь, какъ вѣтряная мельница: у него я то Терцитъ. то Ахиллесъ» [4]). Князь де-Линь не могъ быть врагомъ кн. Потемкина и не былъ способенъ быть его завистникомъ: русская и австрійская арміи «тянули одну борозду», шли къ одной и той же цѣли—успѣхи арміи князя Потемкина могли только радовать князя де-Линь. Даже болѣе: въ «австрійскихъ» интересахъ князя де-Линь

---

[1]) Сборникъ, XLII, 3.

[2]) Письмо къ Іосифу II, апрѣля 1788 г., изъ Елизаветграда. *Lettres*, 99 Si j'avais voulu lui écriro une seule fois du bien du prince Potemkin et de ses opérations, j'aurais reçu des averses de paysans et de diamans. Catherine II eut. été bien aise que je la trompasse, c'eut été bien plus commode pour elle de croire que tout allait bien. *Perey*, I, 345.

[3]) *Ligne*, XXIV, 68, 75, 150. [4]) *Храповицкій*, 81.

было желать наибольшихъ успѣховъ русской арміи и, такимъ образомъ, отвлекать турецкія силы отъ арміи австрійской [1]). Наконецъ, относительно именно Очакова, Екатерина читала въ перлюстраціи письма князя де-Линь къ графу Кобенцлю, какъ онъ оправдываетъ кн. Потемкина [2]).

Князь де-Линь былъ, по природѣ, человѣкъ прямой, откровенный; менѣе всего его можно обвинить въ коварствѣ. Австрійская дипломатія, всегда подозрительная, никогда не дѣйствовавшая прямо, прислала ему въ Елизаветградъ шифровые ключи для переписки. «Мнѣ прислали шифровую азбуку. Смѣшны вы мнѣ съ вашими выдумками! Самъ чортъ тутъ ничего не пойметъ, а я и подавно. Я предпочитаю отправлять курьеровъ или пользоваться казачьею почтою. Откровенно говоря, почту я предпочитаю всему: это самый вѣрный способъ открывать свои тайны и высказывать радость и неудовольствіе, не прибѣгая ни къ лести, ни къ сатирѣ. Почта—mezzo termine между приторнымъ мадригаломъ и язвительною эпиграммою, избавляющее отъ увѣщаній или совѣтовъ и нисколько не компрометирующее. Впрочемъ, я увѣренъ, что мнѣ придется писать одно только хорошее. И, наконецъ, какъ бы я ни ухитрялся, меня всегда легко дешифрировать» [3]). Такъ князь де-Линь и не послалъ ни одной шифрованной депеши, о чемъ прямо и заявилъ императору: «Прошу ваше величество избавить меня отъ непріятныхъ столкновеній съ военнымъ совѣтомъ и государственною канцеляріею. Если бы я и желалъ, то не нашелъ бы о чемъ писать имъ, такъ какъ мы находимся въ совершенномъ бездѣйствіи. Къ тому же искренній и задушевный другъ вашей августѣйшей особы, императрица всероссійская, не желаетъ, чтобъ вашимъ министрамъ и другимъ дворамъ было извѣстно то, что она мнѣ передаетъ или пишетъ» [4]).

---

[1]) *Ligne*, XXIV, 39, 40, 60, 69.

[2]) Oczakow se porte encore très bien. Le prince Potemkin est arrêté par des murailles. *Храповицкій*, 184.

[3]) *Ligne*, VII, 158. [4]) Ibid., XXIV, 48, 66.

Поведеніе князя де-Линь въ русскомъ лагерѣ было настолько въ этомъ отношеніи безукоризненно, что онъ могъ смѣло смотрѣть всѣмъ въ глаза, не опасаясь потерять ни дружбы князя Потемкина, ни уваженія императрицы Екатерины. «Если мое стараніе извлечь изъ всего пользу и мои упреки обоимъ фельдмаршаламъ за ихъ бездѣйствіе и посѣять тѣнь неудовольствія между нами, то это скоро должно исчезнуть, потому что императрица знаетъ, насколько я благоговѣю передъ нею и удивляюсь ей. Надѣюсь, что благосклонность Екатерины II и дружба князя Потемкина не допустятъ фельдмаршаловъ смотрѣть на мои поступки такъ, какъ бы они смотрѣли на поступки всякаго другого» [1]). Къ тому же, князь де-Линь былъ крайне остороженъ. «Никогда не писалъ я ни Екатеринѣ, ни Іосифу, не говоря уже объ ихъ министрахъ, о тѣхъ ежедневныхъ ошибкахъ и даже нелѣпостяхъ, которыя позволялъ себѣ говорить и даже дѣлать князь Потемкинъ. Я никому не жаловался, никому не сообщалъ ничего дурного о главнокомандующемъ русскою арміею. Если я теперь рѣшаюсь писать о немъ правду и выставить его въ настоящемъ свѣтѣ, то потому лишь, что это появится въ печати уже послѣ его смерти» [2]).

Въ своихъ донесеніяхъ и письмахъ князь де-Линь былъ, прежде всего, правдивъ и незлобивъ. Онъ писалъ то, что самъ видѣлъ, хорошее или дурное. Въ своихъ отзывахъ онъ равно относился къ русскимъ и къ австрійцамъ. Какъ извѣстно, въ началѣ второй турецкой войны австрійцы терпѣли значительно болѣе пораженій, чѣмъ русскіе. Австрійская армія, подъ начальствомъ Вартенлебена, предназначенная прикрывать Банатъ, была смята турецкою арміею, предводимою Юссуфъ-пашею. Три раза, при Мегади, Слатинѣ и Лугошѣ, австрійцы были разбиты на-голову; австрійская армія должна была отступить къ Темешвару; турки овладѣли всѣмъ

[1]) *Lettres*, 106. [2]) *Ligne*, XXIV, 24.

Дунаемъ до Бѣлграда. «Я получаю отъ нашихъ очень дурныя извѣстія. Наши генералы наглупили въ Банатѣ». Въ письмѣ къ императору, онъ прямо называетъ дѣйствія четырехъ австрійскихъ генераловъ въ Босніи и Банатѣ «глупостями», а не «промахами», какъ титуловалъ ихъ Іосифъ II [1]). Нельзя, слѣдовательно, и удивляться, если, говоря о такихъ же «промахахъ» русскихъ генераловъ, князь де-Линь называетъ ихъ «глупостями». Онъ рѣзокъ въ осужденіи, но и щедръ на похвалы. Во все время своего пребыванія при русской арміи, князь де-Линь не переставалъ восхищаться русскимъ солдатомъ. «Это образецъ исполнительности, выносливости и послушанія. Я еще не встрѣтилъ ни одного пьянаго солдата, не видѣлъ ни одного вольнодумца, не слышалъ ни о ссорахъ между солдатами, ни о небреженіи ихъ къ службѣ. Къ сожалѣнію, никто съ солдатами не занимается, никто о нихъ не заботится» [2]). Въ письмѣ къ сыну князь де-Линь объяснилъ, что̀ онъ разумѣетъ подъ заботою о солдатѣ: «Нѣтъ такой ничтожной хижины, въ Богеміи называемой халупой, гдѣ помѣщены хотя бы четыре солдата, которую я не посѣщалъ бы: я пробую ихъ супъ, смотрю, хорошъ ли хлѣбъ, взвѣшиваю отпускаемую ему говядину, строго слѣжу, чтобъ солдатъ не обманывали поставщики продовольствія. Съ каждымъ солдатомъ я разговариваю о его нуждахъ, каждому помогаю, чѣмъ могу» [3]).

Екатерина не выносила дурныхъ отзывовъ о дѣйствующей арміи; она хорошо знала, что не все идетъ гладко, но не любила, чтобы объ этомъ говорили. «Замѣчена въ перлюстраціи видимая къ намъ злоба принца де-Линь, въ которой, можетъ быть, участвуетъ и графъ Кобенцель, ибо къ нему и къ графу Сегюру пишетъ принцъ изъ Яссъ, что обѣ наши арміи многочисленны только больными и умирающими. Вся тягость войны пала на австрійцевъ, гдѣ ошибки шести ге-

1) *Ligne*, VII, 196; *Lettres*, 120. 2) Ibid., XXIV, 91.
3) De mon quartier général de Bezesnow, ce juin 1778. *Perey*, I, 219.

нераловъ самъ императоръ умомъ и присутствіемъ своимъ долженъ былъ исправить» [1]). Такъ записанъ въ «Дневникѣ» Храповицкаго, подъ 17-мъ декабремъ 1788 года, отзывъ Екатерины о «злобѣ къ намъ» князя де-Линь. Разберемся, кто правъ, кто виноватъ.

Что въ началѣ второй турецкой войны турки обратили преимущественное вниманіе на австрійцевъ, направивъ противъ нихъ изъ Ниша 70.000-ный корпусъ Юссуфъ-паши, это уже настолько доказано, что по этому вопросу двухъ мнѣній быть не можетъ. Остаются больные. Не въ декабрѣ, изъ Яссъ, а еще въ іюнѣ, изъ лагеря подъ Очаковымъ, князь де-Линь доносилъ Іосифу II: «Можно считать до 200 больныхъ на батальонъ; если съ ними будутъ такъ обращаться, какъ теперь обращаются, то они, конечно, всѣ перемрутъ: ихъ помѣщаютъ въ повозки англійскаго образца, которыя ваше величество изволили видѣть и при которыхъ нѣтъ ни докторовъ, ни медикаментовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь усиливается, ихъ отправляютъ въ вагенбургъ, за нѣсколько верстъ; безнадежно больныхъ отсылаютъ въ Елизаветградъ, на дорогѣ куда они и умираютъ» [2]). Князя де-Линь императрица упрекаетъ въ «злобѣ къ намъ» за сообщеніе, что въ русской арміи *много* больныхъ; но такою же «злобою» отличаются и донесенія князя Потемкина. «Что у тебя больныхъ *много*, сіе весьма мнѣ печально слышать»; или: «что у тебя больныхъ *много*, о томъ весьма жалѣю»— вотъ обычный припѣвъ въ каждомъ почти письмѣ Екатерины къ Потемкину съ самаго начала войны, точнѣе съ 24-го сентября 1787 года [3]).

Злобы у князя де-Линь никогда и ни къ кому не было.

---

[1]) *Храповицкій*, 214. [2]) *Ligne*, XXIV, 91.

[3]) Сборникъ, XXVII, 427, 442, 443, 452, 465, 469, 475, 478, 479, 480, 482. 484 sqq. На это же указываютъ извѣстія о некомплектѣ въ полкахъ и жалобы самой Екатерины на «недостатокъ и дороговизну въ хлѣбѣ», отчего затрудняется «кормленіе» екатеринославской арміи. Сборникъ, XXVII, 443, 476, 477, 479.

Это писатель вполнѣ «незлобивый». Онъ иногда ѣдокъ, но всегда откровененъ, всегда добродушенъ, даже въ своей ѣдкости. Въ письмахъ къ сыну, гдѣ онъ наиболѣе искрененъ, гдѣ онъ изливалъ свою душу, это добродушіе не можетъ быть уже заподозрѣно. Вотъ что писалъ онъ своему сыну въ письмахъ изъ русскаго лагеря:

«Если ты спросишь меня, дорогой Карлуша, какъ я поживаю, я отвѣчу тебѣ: по старому. Летаю отъ одной арміи къ другой, отъ одного фельдмаршала къ другому, желая вывести ихъ изъ бездѣйствія, начать военныя операціи, но, несмотря на ихъ крестныя знаменія, по русскому обычаю, дьяволъ связалъ ихъ по рукамъ и ногамъ и они не двигаются. Все та же бездѣятельность, объясняемая страхомъ, злобою и невѣжествомъ.

«Надъ нашимъ лагеремъ разразился страшный ураганъ, окончившійся ливнемъ, затопившимъ всѣ палатки. Молнія убила какого-то майора. Каждый день здѣсь молнія убиваетъ кого-нибудь. А тарантулы? На-дняхъ одному офицеру отняли руку, укушенную тарантуломъ. Ужасная мѣстность! Но и люди ужасные. Вотъ тебѣ небольшая черточка къ характеристикѣ князя Репнина, благороднаго, гуманнаго, лучшаго изъ здѣшнихъ генераловъ. Русская военная служба отличается низостью младшихъ и наглостью старшихъ. Когда князь Потемкинъ уронитъ что-нибудь, двадцать генераловъ бросаются поднимать. На-дняхъ, семь или восемь генераловъ хотѣли помочь князю Репнину, снимавшему мундиръ; онъ ихъ остановилъ: «Не безпокойтесь, господа, не заставляйте краснѣть князя де-Линь». Это былъ деликатный, но хорошій урокъ, который едва ли исправитъ генераловъ.

«Тутъ чертовская скука, несмотря на присутствіе Сарти [1]) съ его огромнымъ оркестромъ и прелестною музы-

[1]) Joseph Sarti, 1730—1802, извѣстный итальянскій композиторъ. Въ 1785 году Екатерина вызвала его въ Петербургъ. Ему особенно покровительствовалъ Потемкинъ. Въ 1790 году онъ былъ назначенъ директоромъ консерва-

кою. У насъ иногда нѣтъ хлѣба, но бисквитовъ и макаронъ— сколько угодно; нѣтъ масла, но есть мороженое; нѣтъ воды, но всевозможныя вина; нѣтъ дровъ для кухни, нѣтъ угля для самовара, но ѳиміама много. Это какая-то чепуха невообразимая. Здѣсь красивая жена Павла Потемкина, прелестная Скавронская, тоже племянница визиря или, лучше, патріарха князя Потемкина, такъ какъ онъ и въ религіи падишахъ, и еще третья племянница, еще болѣе очаровательная, госпожа Самойлова. Здѣсь, въ степи, для этихъ дамъ устраиваются спектакли, балы, карты, иллюминаціи, фейерверки» [1]).

До поздней осени русскія войска «бездѣйствовали» и только 6-го декабря былъ взятъ Очаковъ. За это время, союзница Россіи, Австрія, не могла похвалиться тѣмъ же. Война съ Турціею стоила ей 30,000 убитыми и 40,000 умершими отъ болѣзней, и повела къ вторженію турокъ въ Банатъ и къ пораженію австрійцевъ въ Босніи. Іосифъ II, усталый отъ работъ, раздраженный пораженіями, встревоженный фландрскимъ возстаніемъ, возвратился въ Вѣну, совсѣмъ убитый. Онъ вызвалъ изъ Россіи князя де-Линь и поручилъ ему вмѣстѣ съ Лаудономъ продолженіе турецкой войны. Весною 1789 года, оба князя де-Линь, отецъ и сынъ, отправились на театръ войны. 8-го октября Бѣлградъ былъ взятъ [2]) причемъ князь Карлъ первый вступилъ въ крѣпость. Императоръ пожаловалъ князю-отцу орденъ Маріи-Терезіи 1-й степени [3]), причемъ написалъ ему холодное, сухое письмо. Іосифъ II подозрѣвалъ князя де-Линь въ потворствѣ фландрскимъ мятежникамъ!

Императоръ Іосифъ II долго не придавалъ никакого значенія жалобамъ, доходившимъ до него отъ фландрскихъ па-

---

торіи въ Екатеринославѣ съ жалованьемъ въ 35.000 р., готовою квартирою и 15.000 р. на путевыя издержки. Онъ былъ возведенъ въ русское дворянство.

[1]) *Perry*, I, 346, 349; *Ligne*, VII, 155, 166. 196; XXIV, 24.

[2]) Mémoire sur le siège de Belgrade. *Ligne*. XXIV, 216.

[3]) Ibid., XXVI, 289.

тріотовъ. «Іосифъ II, писала Екатерина, зналъ много, зналъ все, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о революціонномъ настроеніи Нидерландовъ. Я была свидѣтельницею, какъ онъ убивался, получивъ при мнѣ первую вѣсть о возстаніи. Онъ спрашивалъ моего совѣта, называлъ это движеніе пустяками: но я осмѣлилась посовѣтовать ему обратить самое серьезное вниманіе на эти пустяки» [1]). Когда возстаніе вспыхнуло и стало разростаться, Іосифъ II думалъ утишить его безполезными уступками, которыя были принимаемы за знакъ слабости и только еще болѣе ободряли патріотическую партію. Раздраженный неудачами, Іосифъ II, упрямо не признававшій своихъ ошибокъ, сталъ заподозривать другихъ въ измѣнѣ, даже своего вѣрнаго друга князя де-Линь. Между тѣмъ, князь-отецъ на блестящія предложенія, сдѣланныя ему Фанъ-дер-Ноотомъ съ приглашеніемъ принять командованіе арміею патріотовъ, отвѣчалъ въ обычномъ своемъ шутливомъ тонѣ: «Благодарю васъ за чужія области, которыя вы дарите мнѣ, но я никогда не начинаю возстанія зимою». Князь де-Линь ненавидѣлъ всякія революціонныя движенія, и о возстаніи Нидерландовъ писалъ: «Еслибъ я былъ во Фландріи, я увѣщевалъ бы толпу сперва какъ патріотъ, хотя это слово становится уже мнѣ ненавистнымъ, потомъ какъ гражданинъ (тоже изуродованное слово!), и еслибъ меня не послушались, я сталъ бы говорить какъ австрійскій генералъ—я повѣсилъ бы одного архіепископа, одного жирнаго монаха, одного профессора, одного кабатчика, одного адвоката, и возстаніе утихло бы». Іосифъ II скоро понялъ всю нелѣпость своего заподозриванія князя де-Линь и написалъ ему письмо, въ которомъ извинялся и просилъ его немедленно пріѣхать къ нему въ Вѣну. Пока князь де-Линь ѣхалъ изъ Бѣлграда въ Вѣну, инсургенты овладѣли Гентомъ и Брюсселемъ; 2-го декабря 1789 года они объявили Іосифа II лишеннымъ власти

[1]) Сборникъ, XXIII, 484, 523, 646. Это подтверждаетъ и князь де-Линь. *Ligne*, XXII, 97.

въ Нидерландахъ. Императоръ, уже больной, не вынесъ такого «оскорбленія» и, 20-го февраля 1790 года, скончался.

Леопольдъ II, наслѣдовавшій отцу, явился ярымъ его порицателемъ. Онъ оттолкнулъ отъ себя всѣхъ, кого приблизилъ къ себѣ Іосифъ II. Въ день коронованія Леопольда II, въ этотъ день «великихъ милостей», князь де-Линь не получилъ фельдмаршальскаго жезла, на что имѣлъ право по своимъ военнымъ заслугамъ. Справедливо оскорбленный такимъ невниманіемъ, онъ подалъ просьбу объ отставкѣ и просьба была принята. Князь-отецъ ушелъ со сцены, остался князь-сынъ, но перешелъ на другую сцену—изъ австрійской арміи въ русскую.

Политика новаго царствованія ни въ чемъ не должна была напоминать царствованіе предшествовавшее. Іосифъ II велъ войну съ Турціею—Леопольдъ II спѣшитъ заключеніемъ мира: 27-го іюля 1790 года, въ Рейхенбахѣ, была подписана конвенція, которою Австрія уполномочила Пруссію заключить миръ съ Турціею на условіи statu quo ante bellum. Изъ этой конвенціи военные люди ясно видѣли, что они скоро останутся не у дѣла, и князь де-Линь-сынъ перешелъ на русскую службу. Екатерина II назначила его въ армію Суворова, въ Бессарабію, и писала князю-отцу, отъ 26-го марта 1791 года: «Начиная съ фельдмаршала князя Потемкина, во всей русской арміи слышится одинаковый отзывъ о вашемъ сынѣ, князѣ Карлѣ—всѣ отзываются о немъ съ изысканною похвалою» [1]). Князь Карлъ участвовалъ въ осадѣ и штурмѣ Измаила [2]).

Измаилъ давно уже былъ обложенъ, но не сдавался. 11-го

[1]) Сборникъ, XLII, 147; *Percy* II, 127.

[2]) Измаилъ, на берегу Килійскаго рукава Дуная, 26-го іюля 1770 года сдался князю Репнину и по кучукъ-кайнарджійскому миру возвращенъ туркамъ; 11-го декабря 1790 года былъ взятъ штурмомъ Суворовымъ и опять возвращенъ Турціи по ясскому миру. Наконецъ, 14-го декабря 1809 года Измаилъ сдался генералу Зассу и по бухарестскому миру навсегда присоединенъ къ Россіи.

декабря 1790 года Суворовъ повелъ войска на штурмъ съ суши; со стороны Дуная оперировала русская флотилія подъ начальствомъ генерала Рибаса. Штурмъ длился десять часовъ. Турки защищались съ отчаянною храбростью и на валахъ, и въ городскихъ зданіяхъ. Князь Карлъ одинъ изъ первыхъ шелъ на приступъ, несмотря на полученную рану. Рибасъ писалъ его отцу:

«Измаилъ, 15-го декабря 1790 г.

«Любезный князь! Напоминая о себѣ вашей свѣтлости, долгомъ считаю поздравить васъ съ пріобрѣтенною вашимъ сыномъ храбростію при штурмѣ Измаила, гдѣ онъ командовалъ отрядомъ, который первый пошелъ на штурмъ, слѣдуя за своимъ командиромъ. Несмотря на рану въ ногѣ, онъ первый выскочилъ изъ баркаса и подъ убійственнымъ огнемъ взялъ приступомъ валъ. Онъ же потомъ овладѣлъ турецкимъ фрегатомъ, который сильно безпокоилъ насъ, и управлялъ батареею, причинившею наибольшій вредъ непріятелю».

Екатерина поблагодарила князя Карла де-Линь слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ [1]):

«Князь де-Линь!

«Пусть увѣряютъ меня, что всѣ люди равны: если ежедневный опытъ доказываетъ мнѣ, что они не равны и что есть люди какъ сильные, такъ и слабые, то я никогда не повѣрю ничему, кромѣ того, что сама вижу; но еще болѣе убѣждаетъ меня въ этомъ то, что мнѣ извѣстны роды, въ которыхъ мужество и военныя доблести всегда передаются отъ отца къ сыну—таковъ и вашъ родъ, князь де-Линь. Происходя отъ отца, столь же любезнаго, какъ доблестнаго и богатаго познаніями, вы унаслѣдовали его счастливыя дарованія: вы блистательно проявили ихъ на глазахъ у тѣхъ прославившихся воиновъ, съ которыми раздѣляли опасности, взбираясь безъ открытыхъ траншей, безъ пробитыхъ брешей.

[1]) Сборникъ, XLII, 155. Отвѣтъ князя-отца см. *Ligne*, XXII, 82.

на приступъ грозной крѣпости Измаила, гдѣ заперлась цѣлая армія враговъ христіанства. Корпусъ войскъ, овладѣвшій этою арміею, уступалъ ей въ числѣ, но не въ рвеніи и храбрости.

«Орденъ св. Георгія, статутъ котораго основанъ на законахъ чести и мужества, всегда спѣшитъ, въ силу своего учрежденія, причислить къ своимъ храбрымъ кавалерамъ того, кто проявилъ воинскія доблести. Примите же, князь де-Линь, крестъ св. Георгія и ленту, при семъ прилагаемые, для ношенія на шеѣ, въ засвидѣтельствованіе вашихъ подвиговъ среди моихъ войскъ. Примите ихъ и въ знакъ моего уваженія и расположенія, заслуженныхъ вашими дѣйствіями, вашею почетною раною, и продолжайте подавать міру полезный и необходимый въ настоящее время примѣръ того, что добродѣтели переходятъ отъ отца къ сыну въ родахъ, издавна знаменитыхъ услугами своихъ предковъ и своею преданностью ихъ законному государю. Впрочемъ, молю Бога принять васъ подъ свою святую и достойную защиту.

«Екатерина».

Вслѣдъ за паденіемъ Измаила, Екатерина повела секретные переговоры о мирѣ съ турками. Озабоченная событіями во Франціи, еще болѣе въ Польшѣ, императрица спѣшила окончить войну, которая истощала казну и отвлекала военныя силы имперіи къ границамъ турецкимъ. Князь Карлъ де-Линь, узнавъ о переговорахъ, просилъ объ увольненіи и получилъ разрѣшеніе покинуть русскую службу. Онъ отправился къ отцу, въ Вѣну, везя съ собою, какъ трофеи, турецкій оркестръ изъ 12-ти музыкантовъ, богатое оружіе и арабскихъ коней—подарки графа Суворова и князя Потемкина.

Этимъ обрываются всѣ связи князей де-Линь, отца и сына, съ русскою арміею. Въ Россіи вскорѣ была получена вѣсть о смерти князя-сына, георгіевскаго кавалера: находясь въ Шампаньи съ отрядомъ генерала Клерфэ, онъ былъ убитъ пулею при защитѣ одного изъ дефиле аргоннскаго лѣса, атакованнаго отрядомъ французской арміи, подъ начальствомъ

Дюмурье. «Среди многоразличныхъ несчастій, принесенныхъ этимъ годомъ,— писала Екатерина князю де-Линь,— потеря, которую вы оплакиваете, наиболѣе опечалила меня и тяжело отозвалась въ моемъ сердцѣ. Если васъ можетъ, хотя нѣсколько, утѣшить то участіе, которое я принимаю въ этомъ горестномъ событіи, будьте увѣрены, что мое сожалѣніе равняется тому уваженію, которое внушаютъ воинскія заслуги князя Карла, вашего достойнаго сына» [1]).

Князь де-Линь посвятилъ всю свою жизнь военному дѣлу. Онъ былъ въ это время военнымъ авторитетомъ, признаннымъ всею Европою. Только война, только военныя занятія могли развлечь его, если не утѣшить въ горѣ, причиненномъ смертью сына. Между тѣмъ, именно въ это время, во время войны, онъ остался не у дѣлъ. Военачальниковъ нѣтъ, войска терпятъ пораженія, а лучшій изъ военачальниковъ сидитъ безъ дѣла. Что это значитъ? Вотъ, какъ самъ кн. де-Линь объясняетъ это: «Какія-то бабьи сплетни, какіе-то слухи и толки охладили ко мнѣ эрцгерцогиню [2]) и она воспользовалась вздорною случайностью и придала значеніе пустой путаницѣ. Адъютантъ мой, Деттингеръ, перепуталъ мнѣ письма: письмо къ матери вложилъ въ конвертъ, адресованный принцу Альберту, а письмо къ принцу заслалъ къ матери. Я сообщалъ матушкѣ, что пригласилъ эрцгерцога Фердинанда съ супругою въ Бель-Эль, когда тамъ будутъ и ихъ брюссельскія высочества, причемъ прибавлялъ: «такимъ образомъ, мы сразу отдѣлаемся отъ этого *герцогскаго нашествія*». Прочтя послѣднія два слова, принцъ Альбертъ обидѣлся и устранилъ меня отъ командованія. Себя лично я могу упрекнуть только въ дурной шуткѣ, которую, къ счастью, немногіе, впрочемъ, слышали: въ первый же разъ, когда я увидѣлъ принца Аль-

---

[1]) Сборникъ, XLII, 230.

[2]) Эрцгерцогиня Марія-Христина, дочь Маріи-Терезіи, правила Нидерландами совмѣстно съ своимъ супругомъ герцогомъ Альбертомъ Саксенъ-Тешенскимъ.

берта послѣ пораженія его при Жемаппѣ, онъ спросилъ меня, какъ я нахожу его послѣ болѣзни, которую онъ перенесъ, на что я отвѣчалъ: «Вы имѣете, ваше высочество, видъ нѣсколько помятый».

Остается только пожалѣть, что такіе чисто личные мотивы устранили князя де-Линь отъ командованія арміею. Онъ самъ тяготился этимъ и такъ излилъ свое горе: «Глупость или коварство власть имѣющихъ, дурной выборъ, ими дѣлаемый, ихъ пренебреженіе къ знаніямъ и опытности—уничтожили мою ревность къ военному дѣлу. Я разбилъ наиболѣе дорогой моему сердцу кумиръ—славу, и рѣшился никогда уже не брать шпаги въ руку».

Лишенный возможности примѣнить свои военныя познанія на дѣлѣ, кн. де-Линь принялся описывать тѣ кампаніи, въ которыхъ самъ участвовалъ. Для насъ, русскихъ, особенно интересны нарисованныя имъ картины Семилѣтней и второй Турецкой войны—его живопись не утеряла своихъ красокъ до настоящаго времени.

III.

Князь де-Линь и Екатерина II.

Въ числѣ заграничныхъ «друзей» императрицы Екатерины II, князь де-Линь былъ, безспорно, самый искренній и наиболѣе преданный. Коронованныя особы не могутъ имѣть друзей, и никогда ихъ не имѣли; не имѣла ихъ и Екатерина. Выключая г-жу Біелке, до настоящаго времени еще мало извѣстную, Дидро и Вольтеръ, Гриммъ, Фальконэ и даже Даламберъ не столько дружили съ Екатериною, сколько эксплоатировали ее; только два лица, г-жа Жоффренъ и кн. де-Линь, были искренно преданы Екатеринѣ, съ тою, однако, разницею, что г-жа Жоффренъ никогда не забывала, что Екатерина занимаетъ престолъ Россійской имперіи, а для

князя де-Линь это обстоятельство только усиливало чувства его уваженія къ ней.

Судя по числу и характеру писемъ, Гримму отводится, обыкновенно, первое мѣсто въ ряду «друзей» Екатерины, а, между тѣмъ, трудно себѣ представить болѣе алчный и низкій характеръ, какимъ рисуется Гриммъ въ своей перепискѣ и въ своихъ личныхъ отношеніяхъ не къ одной только Екатеринѣ. Несмотря на то, что Гриммъ нуженъ былъ Екатеринѣ какъ агентъ, какъ комиссіонеръ. который покупалъ ей картины и статуи, библіотеки, медали и эстампы, уплачивалъ пенсіи, которыя она выдавала, раздавалъ пожертвованія, которыя она дѣлала, все-таки Екатерина не могла безъ отвращенія читать его неприличной лести, полной фальши и лжи. Въ письмахъ Гримма Екатерина не только «Греческая императрица» [1]), «Минерва Гиперборейская» [2]) и ея посланія «божественны» [3]), но «культъ Екатерины» заставляетъ Гримма даже богохульствовать [4]). Это возмущало Екатерину даже въ 1793 году, когда она уже привыкла за 20 лѣтъ къ подобной лести: «Я получила вашу книгу «*Catharina in ihrer Thaten*». Послушайте, нельзя такъ безмѣрно хвалить людей, не прослывъ отъявленнымъ льстецомъ, да оно такъ и есть. Если вѣрить вашей книжкѣ, я стала, на старости лѣтъ, образцомъ государей! О, Боже мой, Боже мой, какой дурной образецъ, если вѣрить всему. что говорили и говорятъ еще про меня. И къ чему эта литанія похвалъ, на что она? Это длинно, это скучно—вотъ и все» [5]). Рядомъ съ лестью, пошлою и бездарною, Гриммъ въ каждомъ письмѣ выпрашивалъ то денегъ или чиновъ себѣ, то пенсій и орденовъ пріятелямъ, даже продалъ Екатеринѣ за дорогую цѣну брильянты [6]) своей возлюбленной! Гриммъ самъ сознавалъ, полу-шутя, полу-серьезно,

---

[1]) Сборникъ, XXXIII, 141, 152. [2]) Ibid., 108, 120, 150, 194, 221.
[3]) Ibid., 19, 109, 138, 230, 244, 249, 278.
[4]) Ibid., 107, 128, 132, 159, 161, 165, 168, 201.
[5]) Ibid., XXIII, 586. [6]) Ibid., XXXIII, 37, 268.

что онъ unverschämter Schurke, безсовѣстный негодяй, и Екатерина, ни шутя, ни серьезно, не опровергала этого опредѣленія, вполнѣ вѣрнаго. Конечно, ни въ какомъ отношеніи нельзя, и даже до извѣстной степени неприлично, ставить рядомъ имена Гримма и Вольтера; но Вольтеръ былъ, по крайней мѣрѣ, откровеннѣе. «Когда я былъ у Вольтера,—пишетъ князь де-Линь,—кто-то выразилъ желаніе прочесть его «Histoire de Russie». «Вы съ ума сошли,—сказалъ ему Вольтеръ.—Если вы хотите узнать что-нибудь о Россіи, читайте Лакомба—тотъ не получалъ ни медалей, ни мѣховъ» [1]).

Въ этомъ отношеніи князь де-Линь стоялъ выше всѣхъ «друзей» Екатерины. Онъ былъ человѣкъ вполнѣ независимый и безусловно безкорыстный. Онъ пріѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ и «забылъ» представить векселя къ уплатѣ; Екатерина могла подарить ему при разставаніи свой портретъ, осыпанный брильянтами, только «не дороже ста рублей». Конечно, кн. де-Линь былъ богатъ; но вѣдь и Вольтеръ не нуждался настолько чтобъ продавать свои хвалебные отзывы о Россіи за медали и шубы, не говоря уже о Гриммѣ, который на восхваленіяхъ Екатерины создалъ свое благосостояніе и «изъ бѣдняка сталъ богачомъ» Въ данномъ случаѣ не столько важно то, что кн. де-Линь былъ богатъ, сколько то, что онъ не былъ холопъ. «Въ моей жизни я говорилъ правду пяти или шести коронованнымъ особамъ, и они за это не сердились на меня» [2]). Кн. де-Линь родился и выросъ въ семьѣ, пользовавшейся общимъ уваженіемъ; онъ не могъ ни унижаться до лести, ни поблажать до потворства; онъ привыкъ и высказывать громко свои убѣжденія, и «истину царямъ съ улыбкою говорить», причемъ истина зависѣла отъ характера, улыбка—отъ воспитанія.

---

[1]) *Ligne*, X, 263. Лакомбъ не писалъ исторіи Россіи; здѣсь подразумѣвается, вѣроятно, его «Histoire des révolutions de l'Empire de Russie», вышедшее въ 1760 г. и позже продолженное до 1775 г. Amsterdam, 1778.

[2]) *Lettres*, 144.

Правдивость была отличительною чертою князя де-Линь. «Единственный грѣхъ, отъ котораго душа моя вполнѣ чиста, есть ложь». Говоря всегда правду, онъ никогда не былъ рѣзокъ, тѣмъ менѣе грубъ, и если истина была подчасъ довольно горькою, онъ старался умалить эту горечь, облекая ее въ возможно пріятную форму. Онъ носилъ шпагу, отточенную, но въ шелковыхъ ножнахъ; онъ владѣлъ сильнымъ словомъ, но всегда мягкимъ. Кн. де Линь былъ человѣкъ прямой, честный, отстаивавшій свои убѣжденія и взгляды. Онъ умѣлъ молчать, когда обстоятельства не позволяли противорѣчить, но поддакивать противному мнѣнію, соглашаться съ несимпатичнымъ взглядомъ онъ не могъ. Въ Нейштадтѣ, при свиданіи императора Іосифа II съ королемъ Фридрихомъ II, въ 1770 году, князь де-Линь былъ постояннымъ собесѣдникомъ прусскаго короля. «Король любилъ насмѣхаться надъ религіею, похваляться своимъ безвѣріемъ. Мнѣ это было противно и я всегда проходилъ молчаніемъ подобныя шутки дурного тона» [1]). Но молчать князь де-Линь не любилъ и противорѣчилъ даже Вольтеру, тоже своего рода самодержцу: «Когда я посѣтилъ Вольтера въ Фернеѣ, онъ былъ влюбленъ въ англійскую конституцію. На его восхваленія, я замѣтилъ, что она только и можетъ существовать подъ охраною океана: безъ океана она не продержится и года» [2]).

Князь де-Линь провелъ всю свою жизнь или на войнѣ, или при дворѣ, но придворная жизнь не искалѣчила его, потому что онъ свыкся, сжился съ нею съ юныхъ лѣтъ, съ пеленокъ. Кн. де-Линь имѣлъ свой дворъ, «маленькій», правда, но, во всякомъ случаѣ, болѣе пышный, чѣмъ, напр., ангальтъ-цербстскій, при которомъ росла Екатерина. Путешествуя вмѣстѣ съ императрицею по южному берегу Крыма, кн. де-Линь записывалъ свои впечатлѣнія и воспоминанія, въ видѣ писемъ къ маркизѣ де-Куаньи. Онъ писалъ ей:

---

[1]) *Ligne*, VI, 133, XXII, 134. [2]) Ibid., X,258.

«Я не люблю стѣсненій и почестей, не нуждаюсь ни въ деньгахъ, ни въ милостяхъ, а, между тѣмъ, всю свою жизнь провелъ при дворахъ европейскихъ государей! Отеческая доброта императора Франца I, любившаго беззаботную молодежь, привлекла меня къ нему, и я долго не разставался съ австрійскимъ дворомъ, влюбившись въ одну изъ пріятельницъ императора. Эта восхитительная женщина, какъ и слѣдовало ожидать, вскорѣ оттолкнула меня, но императоръ не лишилъ меня своего расположенія. Хотя я былъ еще юнъ, но, по смерти Франца, считалъ себя приверженцемъ стараго двора и даже готовъ былъ порицать новый дворъ, котораго вовсе не зналъ, когда замѣтилъ, что новый императоръ очень любезенъ и обладаетъ качествами, заставляющими искать скорѣе его уваженія, чѣмъ милостей. Убѣдившись, что Іосифъ II справедливъ, я вполнѣ привязался къ нему, и порицая слишкомъ большую поспѣшность въ преобразованіяхъ, я восхищался большею ихъ частью и всегда буду превозносить добрыя намѣренія этого дѣятельнаго и плодотворнаго генія.

«Посланный къ французскому двору въ самую цвѣтущую пору жизни и съ самымъ блестящимъ порученіемъ, съ вѣстью о выигранномъ сраженіи, я, однако, не желалъ туда возвращаться и думалъ уже, что избѣжалъ версальскихъ цѣпей, какъ они ни лестны. Но случай свелъ меня съ графомъ д'Артуа, пріѣхавшимъ въ войска, сосѣднія съ тѣми, которыя я инспектировалъ. Я отправляюсь къ нему съ тридцатью красивыми австрійскими офицерами; онъ насъ встрѣчаетъ, знакомится со мною и, начавъ говорить, какъ братъ короля, кончаетъ, какъ будто онъ былъ моимъ братомъ. Мы вмѣстѣ пьемъ, играемъ, смѣемся; впервые предоставленный самому себѣ, онъ не зналъ какъ и пользоваться своею свободою. Этотъ первый проблескъ веселости и несдержанность молодости восхитили меня. Искренность его и сердечная доброта увлекли меня. Онъ желаетъ, чтобъ я пріѣхалъ къ нему въ Версаль; я отвѣчаю, что мы увидимся въ Парижѣ, когда онъ пріѣдетъ

туда: онъ настаиваетъ, говоритъ обо мнѣ королевѣ, которая приказываетъ мнѣ явиться. Прелести его души, чистой и прекрасной, и увлекательное общество Парижа заставляютъ меня проводить тамъ пять мѣсяцевъ ежегодно. Къ тому же желаніе повеселиться влечетъ меня въ Версаль, а чувство благодарности заставляетъ учащать посѣщенія.

«Принцъ Генрихъ прусскій объѣзжаетъ войска. Философія и военное образованіе сближаютъ насъ; я сопровождаю его и имѣю счастье понравиться ему. Благосклонность съ его стороны, услужливость съ моей, частая переписка и свиданія въ Спа и Рейнсбергѣ.

«Лагерь императора въ Моравіи привлекаетъ прежняго прусскаго короля и нынѣшняго. Фридрихъ II замѣчаетъ, что я благоговѣю предъ великими людьми, и приглашаетъ меня въ Берлинъ. Сношенія съ нимъ и изъявленіе уваженія и расположенія ко мнѣ перваго изъ героевъ прославляютъ мое имя. Племянникъ его, бывшій тогда еще наслѣднымъ принцемъ, пріѣзжаетъ въ Петербургъ. Нѣсколько мелкихъ услугъ любовныхъ, дружескихъ, денежныхъ и дружба съ дамою его сердца сблизили насъ еще прежде, а въ странѣ, столь отдаленной, иностранцы быстро сдружаются, несмотря на разность интересовъ, службы и положенія.

«Бракъ моего сына съ хорошенькою полячкою заставляетъ меня ѣхать въ Петербургъ. Довѣрчивая и увлекательная простота обхожденія Екатерины Великой очаровываетъ меня, а ея очаровательный геній влечетъ меня въ эту очаровательную страну» [1]).

Успѣхъ князя де-Линь при дворахъ почти всѣхъ европейскихъ государей объясняется не столько, конечно, его серьезнымъ образованіемъ и свѣтлымъ умомъ, сколько его родовымъ богатствомъ, наслѣдственною красотою и веселымъ нравомъ. Всѣ князья де-Линь отличались красотою, но князь

---

[1]) *Ligne*, XXI, 31.

Карлъ былъ обворожительно хорошъ. Высокій, статный, онъ всегда носилъ военный мундиръ, придававшій ему бравый видъ, и въ то же время—серьги въ ушахъ. Изысканная вѣжливость и любезное обхожденіе замѣтно отличали его даже въ старомъ французскомъ обществѣ, славившемся «салонными манерами». Въ этомъ отношеніи онъ не походилъ на своего отца, довольно рѣзкаго, даже грубаго. «Отецъ, не знаю почему, не любилъ меня, и мы рѣдко видѣлись. Онъ никогда не разговаривалъ со мною; въ то время было не принято слыть добрымъ отцомъ и хорошимъ мужемъ. Мать моя боялась его. Она родила меня, будучи зашнурована, въ фижмахъ, и, мучаясь нѣсколько недѣль, умерла также точно разодѣтою—до того строго соблюдала она церемоніальный этикетъ нашего маленькаго двора. Въ первый разъ я написалъ отцу письмо, когда былъ произведенъ въ полковники нашего драгунскаго полка. Я думалъ порадовать отца, а получилъ въ отвѣтъ слѣдующія строки: «Къ несчастію имѣть васъ своимъ сыномъ присоединяется теперь новое горе — имѣть васъ своимъ полковникомъ». Отвѣтъ мой былъ тоже краткокъ: «Ваше сіятельство! Ни въ томъ, ни въ другомъ я не повиненъ; за новое несчастіе вы должны пенять на императора» [1]). Какъ бы въ противоположность своему отцу, кн. де-Линь до безумія любилъ своего сына.

Изъ всѣхъ князей де-Линь, князь Карлъ выдѣлялся своими литературными дарованіями. У него было легкое перо: картины и образы, создаваемые его воображеніемъ [2]), такъ же легко ложились подъ перо, какъ и очерки природы, рисунки салоновъ, описаніе битвъ. Онъ былъ поэтъ въ душѣ; но его проза гораздо свѣжѣе и красивѣе его поэзіи. Его стихотворенія—болѣе или менѣе удачный подборъ словъ, чаще всего

---

[1]) *Ouvaroff*, Prince de Ligne. St.-Pétersbourg, 1842, p. 23.

[2]) Это лучше всего сказалось въ его драматическихъ произведеніяхъ, напр., въ комедіи «Eulalie», особенно же въ «Les enlèvements ou la vie de château en 1785», гдѣ живость дѣйствія и яркость характеровъ могутъ и въ настоящее время служить образцами. *Ligne*, XIX, 119.

вполнѣ неудачный. Это была довольно несчастная страсть, преслѣдовавшая его чуть не до могилы, а онъ умеръ 80-тилѣтнимъ старикомъ [1]). Всякій вздоръ служилъ ему мотивомъ для «поэтическаго созданія», какъ онъ выражался. Сломается ли карета между Марселью и Ліономъ, ѣдетъ ли онъ въ Россію, пригласитъ ли его кто на завтракъ [2])—онъ всѣмъ подобнымъ «событіямъ» посвящаетъ нѣсколько строкъ, иногда страницъ, въ стихотворной формѣ. Число написанныхъ имъ мадригаловъ и эпиграммъ, сонетовъ, гимновъ, пѣсенекъ и пѣсенъ, напечатанныхъ и ненапечатанныхъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Не было ни одного знакомаго, не говоря уже о знакомой, котораго онъ не подарилъ бы стихомъ, иногда и нѣсколькими. Графъ Головкинъ и князья Путятинъ, Зубовъ, Потемкинъ, Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, княгиня Долгорукая, жена кн. Василія, г-жа Самойлова, Дитрихштейнъ-Шувалова, неизвѣстная «русская посланница», даже неизвѣстный г. Р., «возвратившійся изъ Петербурга», удостоились стихотворенія [3]), причемъ необходимо замѣтить, что для литературной

---

[1]) *Ligne*. XII, 21. «Я писалъ въ моей жизни слишкомъ много стиховъ; по счастью, двѣ трети ихъ потеряны. Опасаясь, что кто-нибудь, найдя мои стихотворенія, отомститъ мнѣ тѣмъ, что напечатаетъ ихъ, я написалъ слѣдующую эпиграмму на себя же:

Oui, sans doute, mon corps sera mangé des vers.
Ce malheur est-il tant à craindre?
Ce n'est qu'après ma mort, mais alors l'Univers,
Désolé par les miens, sera bien plus à plaindre».

[2]) Ibid., XII, 115; XXI, 297; XXII, 61.

[3]) Приводимъ указаніе всѣхъ «посланій» къ русскимъ людямъ: 1) Au prince Zouboff, qui me proposait de me mener en Whyski (XXI, 252); 2) Sous le portrait du prince Zouboff (253); 3) A la princesse B. (294); 4) A une autre dame russe, qui me reprochait de souper de si bon cœur, puisque je l'aimai, et qui me dit de lui en demander pardon bien vite en vers (295); 5) A M-me de Samoiloff au fort d'Elisabeth-Gorod (296); 6) A M-me de Dietrichstein-Schuwaloff, après un spectacle (XXII, 16); 7) A un prince russe, qui m'avait envoyé du thé (20); 8) A l'ambassadrisse de Russie (71); 9) A la princesse Basile Dolgorouky (302); 10) Sous le portrait de Catherine II (XXIII, 28); 11) A la princesse Gallizin, née Ismailoff (XXV, 20); 12) Au comte de Golofkin (XXVI, 301, 342, 371); 13) Au prince Poutiatin (349).

славы князя де-Линь было бы лучше, если бы онъ вовсе не писалъ подобныхъ стихотвореній. Стихи давались ему не легко, и «импровизованные экспромты» заготовлялись заранѣе, на всякій случай. Съ искренностію, всегда его отличавшею, онъ самъ смѣялся надъ подобными экспромтами: «Принцъ Оранскій долженъ былъ обѣдать у меня въ зàмкѣ; я приготовилъ небольшое четверостишіе, которое хотѣлъ сказать, какъ экспромтъ, въ то время, когда принцъ проходилъ бы по оранжереѣ. Между тѣмъ, поднялась буря, принцъ ко мнѣ не заѣхалъ и всѣ мои труды пропали даромъ. Вотъ это четверостишіе:

Modèle et descendant des plus fameuses guerriers,
Vrai démon à la guerre et dans la paix un ange!
Apprends qu'on ne dit plus: c'est un jardin d'orange—
On le nomme à présent un jardin de lauriers.

Это довольно недурно для экспромта, но какъ поэтическое произведеніе оно ни къ чорту не годится» [1]).

Въ первый же пріѣздъ князя де-Линь въ Россію, въ 1782 году, Екатерина плѣнилась его умомъ, его веселымъ, свѣтлымъ взглядомъ на жизнь, и съ удовольствіемъ бесѣдовала съ нимъ; когда же кн. де-Линь уѣхалъ изъ Россіи, охотно переписывалась, вѣрнѣе, отвѣчала на его письма. Перечитывая эту переписку, трудно сказать, на чьей сторонѣ болѣе остроумія, чьи сужденія глубже, взгляды шире; но несомнѣнное достоинство этой переписки—взаимная прямота, искренность.

Подобно Гримму и Дидро [2]), князя де-Линь тоже поразила простота обращенія Екатерины, и онъ въ первомъ же письмѣ заявилъ императрицѣ о своемъ удивленіи: «Во дворцахъ, гдѣ есть престолы, я не встрѣчалъ еще такой простоты и прямоты ни въ одной коронованной особѣ». Екатерина отвѣчала: «Престолы, престолы и возсѣдающія на нихъ особы представляютъ прекрасное зрѣлище, но лишь издали; не въ

---

[1]) *Ligne*, XXI, 135; ср. экспромты, записанные Екатериною, въ Сборникѣ, XXIII, 407.

[2]) Сборникъ, II, 329, 331; *Diderot*, XX, 39, 92.

ущербъ моимъ многоуважаемымъ собратьямъ, я полагаю, что мы, сколько насъ ни есть, всѣ должны быть пренесносными особами въ обществѣ; я знаю это по опыту: когда я вхожу въ комнату, я произвожу впечатлѣніе Медузиной головы — всѣ столбенѣютъ и прирастаютъ къ тому мѣсту, на которомъ находились. Мнѣ очень лестно слышать отъ васъ противоположное, но ежедневный опытъ убѣждаетъ меня, что я такая же, какъ и другіе, и не найдется болѣе десяти или двѣнадцати лицъ, не стѣсняющихся моимъ присутствіемъ» [1]).

Уѣзжая изъ Петербурга, князь де-Линь обѣщалъ возвратиться; Екатерина напоминала ему объ этомъ: «Будьте такъ добры, князь, вспоминайте иногда, что вы оставили здѣсь надежды увидѣть васъ снова когда-нибудь, а въ ожиданіи того, будьте увѣрены, что въ спискѣ лицъ, которыя увидятъ васъ съ удовольствіемъ, вы встрѣтите имя Екатерины» [2]).

Осенью 1786 года, Екатерина пригласила князя де-Линь сопутствовать ей въ путешествіи въ Крымъ. «Получаю за 800 лье письмо отъ императрицы: она вспоминаетъ наши разговоры съ нею о блестящихъ эпохахъ древности и предлагаетъ мнѣ ѣхать съ нею въ очаровательную страну, которой она возвратила названіе Тавриды» [3]). 1-го апрѣля 1787 года князь де-Линь былъ уже въ Кіевѣ [4]), откуда набросалъ своей пріятельницѣ, маркизѣ де-Куаньи [5]), слѣдующую картину города во время пребыванія въ немъ императрицы:

---

[1]) Сборникъ, XXVII, 189.

[2]) Сборникъ, XXVII, 190, 209. Многія письма какъ императрицы Екатерины, такъ и князя де-Линь еще не изданы, и даже неизвѣстно, гдѣ находятся. Переписка, хранящаяся въ нашемъ Госуд. Архивѣ, разр. V. № 145, далеко не полна.

[3]) *Ligne*. XXI, 38; Сборникъ, XXVII, 377.

[4]) Сборникъ, XXIII, 396.

[5]) La marquise de Coigny, родственница герцога Куаньи, прославленн- А. Шенье въ его «Jeune Captive». Еще ранѣе Шенье, князь де-Линь нарисовалъ прелестный ея портретъ, которымъ начинается приводимое письмо изъ Кіева: Savez-vous pourquoi, madame la marquise, je vous regrette? C'est que vous n'êtes pas une femme, comme une autre. Savez-vous pourquoi vous

«А, Боже мой, какой шумъ, какая толкотня! Сколько брильянтовъ, золота, звѣздъ, лентъ, только не Святаго Духа! Тутъ и чалмы, и красныя шапочки, остроконечныя, съ мѣхомъ, украшающія уродцевъ, безпрестанно ворочающихъ головою, точь въ точь статуэтки на вашемъ каминѣ, съ китайскими глазами и носами. Называются они лезгинами и прибыли депутатами, въ числѣ многихъ другихъ депутацій, явившихся изъ Китая, изъ Персіи, изъ Византіи. Это поторжественнѣе какихъ-нибудь депутатовъ отъ парламента или какого-нибудь городка, пріѣзжающихъ за 20 лье въ Версаль ради нелѣпаго этикета.

«Людовикъ XIV позавидовалъ бы сестрѣ своей Екатеринѣ II или женился бы на ней, чтобъ сдѣлать свои выходы, по крайней мѣрѣ, столь же торжественными. Сыновья кавказскихъ властителей, грузинскаго царя Ираклія, напримѣръ, пріѣхавшіе сюда, доставили бы ему болѣе удовольствія, чѣмъ пять или шесть престарѣлыхъ кавалеровъ ордена св. Людо-

---

n'êtes pas une femme comme une autre? C'est que vous êtes bonne, quoique bien des gens ne le croient pas; c'est que vous êtes simple, quoique vous fassiez toujours de l'esprit, c'est à dire que vous le trouvez tout fait—c'est votre langue. On ne peut pas dire que l'esprit est dans vous, mais vous êtes dans l'esprit. Vous ne courez pas après l'épigramme, c'est elle qui vient vous chercher. Dans 50 ans vouz serez une maréchale du Luxembourg, une m-me du Defant pour le piquant, une m-me Geoffrin pour les définitions et une maréchale de Mirepoix pour le goût. A vingt ans vous possédez le résultat des trois siècles qui composent l'âge de ces dames. Vous avez la grâce des élégantes, sans en avoir pris l'état. Vous êtes supérieure sans allarmer personne que les sots. Il y a déjà autant de grands mots, et de mots bons de vous à citer que de bons-mots. «Ne prendre point d'amans, parceque ce serait abdiquer», est une des idées les plus profondes et la plus neuve. Vous êtes plus embarassée qu'embarassante; et quand vous l'êtes un certain petit murmure rapide et abondant de mots entre vos dents, l'annonce le plus drôlement du monde, comme ceux qui ont peur des voleurs chantent dans la rue. Vous êtes la plus aimable femme et le plus joli garçon. *Ligne*, XXI, 7. Письма къ маркизѣ де-Куаньи были писаны не для печати но, какъ объяснено въ предисловіи, князь де-Линь рѣшился напечатать ихъ въ виду тѣхъ нелѣпостей, которыя стали распространяться въ печати по поводу таврическаго путешествія Екатерины II.

вика, которые являлись къ нему въ ожиданіи министра, ужинавшаго въ Парижѣ и потому запоздавшаго; двадцать архіепископовъ, хотя и не очень опрятныхъ и съ бородами чуть не до колѣнъ, гораздо представительнѣе королевскаго духовника. А уланскій конвой польскаго магната, ѣдущаго за полмили въ гости къ сосѣду, ужъ, конечно, лучше конныхъ стражей, сопровождающихъ старика въ парикѣ, сидящаго въ каретѣ, запряженной шестеркою клячъ. Блестящія сабли съ эфесами, осыпанными дорогими камнями, величественнѣе копьеносцевъ англійскаго короля.

«Тутъ все есть и на всѣ вкусы: большая и малая политика, большія и малыя интриги, большая и малая Польша. Тутъ польскіе магнаты, обманывающіеся, обманутые или обманывающіе; всѣ они очень любезны, но жены ихъ еще любезнѣе, и все это съ цѣлью удостовѣриться, что императрица не знаетъ, какъ они оскорбляли ее своимъ лаемъ на послѣднемъ сеймѣ. Мужья ловятъ каждый взглядъ князя Потемкина, что не такъ-то легко, такъ какъ онъ кривитъ и коситъ глазами; жены хлопочутъ объ орденѣ св. Екатерины, чтобъ кокетливо приштпилить ленту на зависть ближнихъ и родныхъ. Всѣ желаютъ и всѣ страшатся войны; жалуются, что Англія и Пруссія подстрекаютъ турокъ, и сами постоянно раздражаютъ ихъ... Но, вотъ, меня зовутъ смотрѣть фейерверкъ, стоющій 40.000 рублей».

Екатерина встрѣтила въ Кіевѣ князя де-Линь, какъ стараго друга. «Императрица встрѣтила меня такъ, какъ будто мы съ нею не шесть лѣтъ, а шесть дней не видѣлись. Она вспомнила тысячу мелочей, о которыхъ могутъ помнить только государи, такъ какъ у всѣхъ государей отличная память».

Уже здѣсь, въ Кіевѣ, Екатерина научилась уважать князя де-Линь за его независимый образъ мыслей, за твердость убѣжденій. Въ Кіевѣ императрица привела въ исполненіе давно уже задуманную ею мѣру: манифестомъ 21-го

апрѣля 1787 года поединки были запрещены [1]). Князь де-Линь не читалъ манифеста; изъ 52-хъ статей закона ему перевели только три первыя и, въ то время, какъ всѣ, даже извѣстные бреттёры, изъ лести и угодничества, восторгались высочайшимъ манифестомъ, князь де-Линь, спрошенный Екатериною, смѣло высказалъ свое мнѣніе и не согласился поставить свою честь въ зависимость отъ какого бы ни было третейскаго суда [2]). «Я помню,—писалъ онъ позже императрицѣ,—какъ въ Кіевѣ я такъ смѣло, такъ дерзко нападалъ на указъ о дуэли, что ваше императорское величество, защищая указъ, едва не вызвали меня на дуэль» [3]).

Такихъ случаевъ было нѣсколько. Вопреки убѣжденію русскихъ сановниковъ, князь де-Линь находилъ, что «нѣтъ никакой возможности льстить людямъ, которыхъ видишь съ шести часовъ утра до десяти вечера». Онъ доказалъ это во время путешествія и не разъ. «Разговоръ шелъ о храбрости. Обращаясь ко мнѣ, императрица сказала: «Еслибъ я была мужчиною, я была бы убита до капитанскаго чина». Я ей отвѣтилъ: «Сильно сомнѣваюсь, ваше величество, потому что я еще живъ». Она немного задумалась, какъ бы желая вникнуть въ смыслъ моихъ словъ, потомъ тихонько разсмѣялась, понявъ, какъ неумѣстно она считала себя болѣе храброю, чѣмъ меня и многихъ другихъ, бывавшихъ въ огнѣ. Въ другой разъ я серьезно поспорилъ съ нею относительно французскаго двора, и такъ какъ императрица довѣряла нѣкоторымъ брошюрамъ, распространеннымъ за границею, я почти съ досадою замѣтилъ ей: «На сѣверѣ такъ же клевещутъ, государыня, на западъ, какъ на западѣ лгутъ о сѣверѣ; версаль-

[1]) Архивъ сената, т. 163, л. 122; П. С. З., № 16535.

[2]) Вопросъ о дуэли не былъ вопросомъ для князя де-Линь. Одинъ изъ версальскихъ пріятелей просилъ его быть секундантомъ и разрѣшить дуэль на его землѣ, въ Бель-Элѣ, близъ французской границы. Вмѣсто всякаго отвѣта, князь де-Линь при просителѣ же написалъ слѣдующую записку своему управляющему: «Приготовить завтракъ для четверыхъ и обѣдъ для троихъ».

[3]) *Ligne*, XXII, 75.

скимъ носильщикамъ слѣдуетъ довѣрять такъ же мало, какъ и царскосельскимъ извозчикамъ» [1]).

Очень рельефно, крупными штрихами, очень живо рисуетъ князь де-Линь свое путешествіе съ императрицею «въ шестимѣстной каретѣ, разукрашенной вензелями изъ разноцвѣтныхъ камней и напоминающей тріумфальную колесницу». Эту карету, въ которой помѣщалась императрица, Іосифъ II, графъ Сегюръ, графъ Кобенцель, князь де-Линь и графъ Мамоновъ, сопровождали экипажи свиты. «На каждой станціи намъ заготовляютъ шестьсотъ лошадей. Вотъ уже два мѣсяца, что я бросаю деньги за окно—мнѣ случалось и прежде упражняться въ этомъ, но не съ тою цѣлью и не въ такомъ количествѣ: я выбросилъ уже цѣлые милліоны. Вотъ какъ это дѣлается: возлѣ меня, въ каретѣ, помѣщенъ большой зеленый мѣшокъ, наполненный имперіалами. Жители окрестныхъ деревень, за десять, пятнадцать и двадцать верстъ, сбѣгаются посмотрѣть на императрицу; одни кланяются до земли, другіе кричатъ ура, и эти-то головы и спины я осыпаю золотомъ изъ окна быстро несущейся кареты. И это повторяется по десяти разъ въ день. Жара клонитъ ко сну, я склоняю голову на плечо сосѣда и, будто съ просонья, слышу, какъ кто-то говоритъ: «У меня 30 милліоновъ подданныхъ, считая только мужской полъ». — «А у меня, слышится въ отвѣтъ, только 22 милліона, считая женщинъ и дѣтей».—«Мнѣ нужна 600.000-ная армія отъ Камчатки до Риги, включая и кавказскія горы». — «А съ меня довольно было бы и половины». Сидя въ каретѣ, мы перебираемъ всѣ государства и всѣхъ великихъ особъ. Одному Богу извѣстно, какъ честимъ мы ихъ! «Я, кажется, скорѣе застрѣлилась бы, говоритъ нѣжно Екатерина, чѣмъ подписать отдѣленіе тринадцати провинцій, какъ подписалъ мой братъ Георгъ» [2]).—

[1]) *Ligne*, XXI, 56; *Сегюръ*, 188.

[2]) При Георгѣ II, англійскомъ королѣ, Соединенные Штаты Америки провозгласили себя независимыми.

«Я не знаю, на что я не рѣшился бы прежде, чѣмъ отказаться отъ своихъ правъ, сказалъ Іосифъ II, какъ это сдѣлалъ братъ и зять мой [1]), сзывая собраніе нотаблей, для обсужденія злоупотребленій въ его королевствѣ». Ихъ величества то испытывали другъ друга, говоря о туркахъ, то перебрасывались словами, наблюдая другъ за другомъ. Какъ любитель прелестной древности, я предложилъ возстановить Грецію. Екатерина пожелала возстановить Ликурговъ и Солоновъ, я стоялъ за Алкивіада; Іосифъ, думающій болѣе о будущемъ, чѣмъ о прошломъ, и больше о положительномъ, чѣмъ о химерическомъ, сказалъ: «Какъ же намъ быть съ Константинополемъ?» Такъ-то они, какъ ни въ чемъ ни бывало, покоряли острова и области, а я думалъ про себя: «Ахъ, ваши величества, ничего-то вы не покорите, а только накличете себѣ бѣду». Тутъ же, безъ всякаго стѣсненія, эти царственныя особы передавали другъ другу самыя интересныя вещи: «Не было ли покушенія на вашу жизнь? А мнѣ такъ угрожали!»—«А я получала анонимныя письма!» Наши экипажи наполнены персиками и апельсинами, прислуга наша напивается шампанскимъ, а я умираю съ голоду: все холодно и невкусно за столомъ императрицы, которая опредѣляетъ слишкомъ мало времени для обѣда, и, пока она говоритъ любезности направо и налѣво, все стынетъ, кромѣ воды, которую приходится пить теплою» [2]).

Путешествіе императрицы на югъ Россіи, въ Крымъ, такъ еще недавно подвластный Турціи, по Днѣпру, устье котораго во власти турокъ, обезпокоило Порту Оттоманскую. Для встрѣчи и сопровожденія императрицы, еще болѣе для пораженія императора Іосифа II военнымъ могуществомъ Россіи, на югъ, къ Днѣпру, были сдвинуты войска. Въ заграничныхъ газетахъ писали, будто близъ Кіева была собрана

[1]) Людовикъ XVI, французскій король, женатый на сестрѣ Іосифа II, Маріи-Антуанетѣ.

[2]) *Ligne*, XXI, 23—25, 53, 57.

100.000-ная армія, подъ командою Румянцева, будто въ Херсонѣ расположенъ такой же корпусъ, подъ начальствомъ князя Потемкина, и будто до 60.000 войскъ были расположены небольшими отрядами на всемъ пути слѣдованія императрицы. Стягиваніе такихъ силъ на турецкую границу могло уже само по себѣ встревожить турецкое министерство [1]), но эта тревога усиливалась еще чисто вызывательными манифестаціями, въ родѣ надписи на одной изъ тріумфальныхъ арокъ: «*Путь въ Константинополь*». Нельзя поэтому и удивляться, встрѣчая въ письмахъ князя де-Линь слѣдующія, напримѣръ, извѣстія:

«Императрица дозволила принцу Нассаускому и мнѣ, въ качествѣ любителей, а можетъ быть, и знатоковъ, поѣхать осмотрѣть Очаковъ и десять турецкихъ кораблей, такъ неприлично выставленныхъ турками въ устьяхъ Днѣпра, какъ будто съ цѣлью заградить намъ путь въ Кинбурнъ, еслибъ ихъ императорскія величества захотѣли идти туда водою. Когда императрица разсматривала маленькій набросокъ, съ обозначеніемъ расположенія этого турецкаго флота, принцъ Нассаускій предложилъ императрицѣ свои услуги, чтобъ избавить ее отъ этого флота. Императрица улыбнулась и щелчкомъ отбросила бумажку. Я смотрю на это, какъ на предвѣстіе скорой, кажется, войны» [2]).

Предсказанія князя де-Линь сбылись скорѣе, чѣмъ онъ думалъ. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ военныя дѣйствія открылись преслѣдованіемъ фрегата «Скорый» этимъ же турецкимъ флотомъ и на тѣхъ же водахъ Днѣпра [3]), на которыхъ принцъ Нассаускій и кн. де-Линь плавали для осмотра

---

[1]) *Сегюръ*, 200. [2]) *Ligne*, XXI, 17; *Сегюръ*, 199.

[3]) La flotte turque a donné la chasse le 21 de mois d'Août à la frégatte russe la «Scorey» ou la «Rapide» à l'embouchure du Dnieper. Cette frégatte et un petit bâtiment, qui la suivait, ont repoussé vigoureusement cette attaque et sont revenus avec peu de perte à Cherson, après avoir traversé la flotte turque et essuyé le feu de la forteresse d'Oczakow. Депеша гр. Сегюра отъ 20-го сентября 1787 г. въ Парнж. Архивѣ, Russie, vol. 83, f. 276.

Очакова. Во время этой войны подвергались опасности и новыя владѣнія князя де-Линь:

«Близъ монастыря св Георгія, въ мѣстности, полной воспоминаній и очарованій, императрица пожаловала землю князю де-Линь. Едва ли она могла сдѣлать приличнѣйшій подарокъ этому отличному, умному человѣку, который, при своемъ воинственномъ нравѣ, скорѣе являлся какимъ-то сказочнымъ и романическимъ витяземъ, нежели лицомъ историческимъ» [1]). Екатерина подарила князю де-Линь мысъ, извѣстный въ древности подъ именемъ Парѳеніона, недалеко отъ развалинъ Херсонеса — это высокая, утесистая скала, на которой нѣкогда былъ храмъ Діаны Таврической. «Зная мое неравнодушіе къ Ифигеніямъ, императрица подарила мнѣ землю, гдѣ находился храмъ, жрицею котораго была дочь Агамемнона. Это — Парѳеница, греческій парѳеніонъ, искаженный татарскимъ произношеніемъ. Это тотъ знаменитый мысъ Парѳеніонъ, на которомъ, по вымысламъ миѳологіи, происходило столько трагическихъ происшествій. Всѣ миѳологическія божества имѣли въ этомъ мѣстѣ свою долю власти» [2]). Князь де-Линь такъ былъ очарованъ этимъ подаркомъ, что, по колѣно въ водѣ, перебрался на мысъ, въ свои владѣнія, и написалъ на скалѣ «божественное имя Екатерины Великой, а на другой сторонѣ скалы — человѣческое имя дамы моего сердца» [3]).

Императоръ Іосифъ II съ удовольствіемъ видѣлъ вниманіе Екатерины къ его другу, князю де-Линь, который находился въ Крыму, между тѣмъ, какъ въ Нидерландахъ вспыхнуло возстаніе, угрожавшее Бель-Элю и другимъ его землямъ. Вѣсть о возстаніи раздосадовала императора, но не обезпо-

---

[1]) *Сегюръ*, 216.

[2]) *Ligne*, XXI, 36, 38. Cette petite terre s'appelle Parttenizza ou le cap de vièrge, et est habitée par cinquante-six familles tartares. Lettre de m. le prince de Ligne à m. le baron de Grimm, *Tourneux*, XV, 104.

[3]) *Ligne*, XXII, 106.

коила—онъ не придавалъ этому движенію серьезнаго значенія. Объ этомъ возстаніи напомнилъ ему кн. де-Линь въ Бахчисараѣ: «Когда приводили къ присягѣ всѣхъ, кто, подобно мурзамъ, имѣлъ уже земли въ Крыму, и тѣхъ, которыхъ, подобно мнѣ, одарила ими императрица, императоръ подошелъ ко мнѣ и, дотронувшись до моихъ знаковъ Золотого Руна, сказалъ: «Вы первый изъ кавалеровъ этого ордена приносите присягу вмѣстѣ съ этими бородачами». Я ему отвѣчалъ: «И для васъ, ваше величество, и для меня лучше, чтобъ я былъ заодно съ татарскими дворянами, чѣмъ съ фламандскими» [1]). Императоръ, конечно, согласился съ княземъ де-Линь.

Во время путешествія, отъ нечего дѣлать и для развлеченія, занимались и стихами. «Обращаясь къ намъ, императрица спросила: «Какъ пишутъ стихи, господа? Графъ Сегюръ, напишите мнѣ правила стихосложенія». Онъ изложилъ ей правила съ прелестными примѣрами, и она принялась за работу. Императрица написала шесть стихотвореній, но съ такими ошибками, что мы всѣ расхохотались. «Чтобъ отучить васъ смѣяться надо мною, сказала мнѣ императрица, извольте сейчасъ же написать стихи; я же въ жизнь мою не примусь болѣе за стихи: они мнѣ опротивѣли!»—«Прекрасно! замѣтилъ Фицъ-Гербертъ, вамъ слѣдовало бы удовольствоваться двустишіемъ, написаннымъ вашимъ величествомъ на могилѣ вашей собачки:

Ci gît la Duchesse Anderson,
Qui mordit Monsieur Rogerson.

Мнѣ задали риѳмы, съ приказаніемъ наполнить ихъ возможно скорѣе, и вотъ какое обращеніе къ императрицѣ я составилъ:

A la règle des vers, aux lois de l'harmonie
Abaissez, soumettez la force du génie.
En vain fait-il les voisins de l'état,
En vain à votre empire il donne de l'éclat.

[1]) *Ligne*, XXI, 23.

Pour rimer, suspendez un moment votre gloire.
C'est un nouveau chemin au temple de mémoire.

«Въ Бахчисараѣ императрица вспомнила, какъ мы смѣялись надъ ея стихосложеніемъ, и сказала намъ: «Господа, я удаляюсь, и вы увидите, что изъ этого выйдетъ». Вотъ что она вынесла намъ послѣ четырехчасовой потуги:

Sur un sopha du Kan, sur des coussins bourrés,
Dans un kiosque d'or de grilles entourés...

Дальше у нея ничего не выходило. Мы много смѣялись надъ такимъ прекраснымъ началомъ» [1]).

Пробывъ съ Екатериною болѣе трехъ мѣсяцевъ, ежедневно, съ утра до вечера, видя ее при выходахъ и пріемахъ, на балахъ и спектакляхъ, при докладахъ, на смотрахъ, князь де-Линь много и о многомъ бесѣдовалъ съ нею и, въ концѣ концовъ, пришелъ къ убѣжденію, что ея поведеніе, какъ императрицы, достойно всяческой похвалы. «Императрица не боится прослыть руководимою другими и потому она оказываетъ избираемымъ ею лицамъ полное довѣріе и предоставляетъ имъ большую власть, только не позволяетъ никому дѣлать зла. Она оправдываетъ свою щедрость тѣмъ, что раздача большихъ суммъ увеличиваетъ государственное богатство и на ней лежитъ долгъ вознаграждать и поощрять. Созданіе многихъ новыхъ должностей въ провинціи она объясняетъ тѣмъ, что это сглаживаетъ различіе сословій, обогащаетъ край и заставляетъ дворянъ жить въ своихъ помѣстьяхъ, а не въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ 237 городахъ, ею заложенныхъ, всѣ почти зданія каменныя, такъ какъ деревянныя часто горятъ и тѣмъ наносятъ большой убытокъ. Она создала прелестный флотъ на Черномъ морѣ потому только, что Петръ Великій любилъ кораблестроеніе. У нея всегда есть въ запасѣ какое-нибудь скромное извиненіе для всѣхъ ея великихъ подвиговъ» [2]).

---

[1]) *Ligne*, XXI, 26. Отзывъ Екатерины о своихъ стихахъ см. Сборникъ, XLII, 160.

[2]) *Ligne*, XXI, 49.

Не укрылась отъ князя де-Линь и оборотная сторона медали: «Я видѣлъ и злоупотребленія. Напримѣръ: не будучи въ состояніи обойти весь городъ пѣшкомъ, какъ мы, императрица должна, поневолѣ, вѣрить, что нѣкоторые города, для которыхъ отпущена ею громадная сумма, уже застроены, между тѣмъ, какъ нерѣдко встрѣчаются города безъ улицъ, улицы безъ домовъ, дома безъ крышъ, дверей и оконъ. Императрица видитъ только прекрасно построенные каменные гостиные дворы и величественные, съ колоннами, дворцы губернаторовъ» [1]). Шутливою ироніею, такъ свойственною князю де-Линь, звучатъ слѣдующія его строки: «Не могу поручиться, чтобъ иной помѣщикъ, злоупотребляя своею властію, что случается иногда повсюду, не заставлялъ своихъ крестьянъ, при помощи плетей, кричать ура и тѣмъ заглушать вопли горя. Но всякое насиліе подвергалось строгому преслѣдованію со стороны губернаторовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что привѣтствовавшіе насъ крики «ура» были искренни» [2]).

Неурожай и послѣдовавшій за нимъ голодъ придали концу пышнаго путешествія довольно мрачный оттѣнокъ, но и при этомъ, по словамъ спутниковъ, Екатерина проявила завидныя черты своего характера и сердца. «Поэзія исчезла, уступивъ мѣсто грустной дѣйствительности. Алексѣй Орловъ имѣлъ мужество довести до свѣдѣнія императрицы, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ обнаружился голодъ. Празднества прекратились. Благотворительность замѣнила торжественность и роскошь уступила мѣсто необходимости: деньги уже не бросаются изъ оконъ, а распредѣляются между нуждающимися; шампанское не льется уже рѣкою; тянутся обозы, наполненные хлѣбомъ, вмѣсто судовъ, нагруженныхъ апельсинами. Облако печали затмило на время величественное и свѣтлое чело Екатерины Великой» [3]). Въ Россіи можетъ быть неурожай, но голода быть не должно—таковъ взглядъ Ека-

---

[1]) *Ligne*, XXI, 54. [2]) Ibid., 55. [3]) Ibid., 59.

терины, нерѣдко боровшейся съ «несносною на хлѣбъ дороговизною», но никогда не допускавшей, чтобъ «народъ въ пропитаніи затрудненіе, а паче недостатокъ возчувствовалъ» [1]). Между тѣмъ заявленіе гр. А. Орлова оказалось справедливымъ и, по произведенному разслѣдованію, обнаружилось, что «въ нѣскольких областяхъ имперіи губернаторы не исполнили распоряженій императрицы и не наполнили, согласно ея повелѣнію, хлѣбные запасные магазины» [2]). Губернаторы назначаются, однако, самою императрицею, и Екатерина принимаетъ на себя отвѣтственность за постигшее народъ бѣдствіе. «Неприлично было бы мнѣ—говоритъ Екатерина,—являться среди увеселеній и празднествъ, когда мои подданные страдаютъ отъ бѣдствія, которое я обязана была бы предотвратить» [3]).

Таврическое путешествіе, предпринятое въ ознаменованіе 25-ти-лѣтія царствованія Екатерины, возбудило много толковъ, окончилось во время обнаружившагося голода и послужило поводомъ къ войнѣ съ Турціею. Только относительно голода кн. де-Линь оставался вполнѣ безоружнымъ: войнѣ съ Турціею посвятилъ онъ свою шпагу, борьбѣ съ превратными толками — свое перо. Еще изъ Тулы писалъ онъ маркизѣ де-Куаньи: «Знаю, теперь не въ модѣ вѣрить путешественникамъ, людямъ придворнымъ и тѣмъ, которые хорошо отзываются о Россіи; даже нѣкоторые изъ русскихъ, недовольные тѣмъ, что имъ не пришлось участвовать въ нашемъ путешествіи, скажутъ, что мы обмануты и сами обманываемъ. Прошелъ же нелѣпый слухъ, будто на нашемъ пути перевозились декораціи, представлявшія обширныя деревни, будто корабли и пушки были только намалеваны, будто кавалерія была безъ лошадей и тому подобное» [4]). Слухи эти проникли за границу и въ газетахъ, особенно же въ «Gazette de Hollande»,

---

[1]) Архивъ Сената, т. 136, л. 382. [2]) *Сегюръ*, 236. [3]) Ibid., 237.

[4]) *Ligne*, XXI, 53. Екатерина въ двухъ словахъ высказала взглядъ князя де-Линь на таврическое путешествіе, въ Сборникѣ, XXIII, 411.

печатались невѣроятныя небылицы о таврическомъ путешествіи. Кн. де-Линь изъ Москвы же послалъ письмо къ Гримму, съ просьбою помѣстить въ его «Correspondance» составленное княземъ описаніе путешествія [1]), причемъ предлагалъ тысячу луидоровъ тому, кто опровергнетъ, хотя бы въ малѣйшей степени, какое-либо изъ его сообщеній.

Вторая турецкая война началась въ августѣ 1787 года, и въ ноябрѣ кн. де-Линь выѣхалъ въ Елизаветградъ. Эти три мѣсяца провелъ онъ въ Петербургѣ, чаще въ Царскомъ Селѣ, въ гостяхъ у Екатерины. Онъ видѣлъ ее почти ежедневно и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ нею. О чемъ? Во время таврическаго путешествія, въ плаваніе по Днѣпру, кн. де-Линь и гр. Сегюръ помѣщались въ одной галерѣ, и гр. Сегюръ разсказываетъ: «Князь де-Линь удивлялъ меня живостью своего воображенія и пылкостью ума: рано по утру будилъ онъ меня стукомъ въ перегородку, которая отдѣляла его кровать отъ моей, и читалъ экспромты и пѣсенки, только-что имъ набросанные; немного спустя, его слуга приносилъ мнѣ письмо въ 4 и 6 страницъ, гдѣ остроуміе, шутки, политика, любовь, военные анекдоты и эпиграммы мѣшались самымъ оригинальнымъ образомъ» [2]): Таковъ кн. де-Линь на Днѣпрѣ съ гр. Сегюромъ; таковъ онъ и въ Царскомъ Селѣ съ императрицею Екатериною. Одно изъ такихъ писемъ его сохранилось [3]) и можетъ служить образцомъ подобной переписки:

„Копія съ сохранившагося письма моего, писаннаго императрицѣ Екатеринѣ, въ Царскомъ Селѣ, изъ моей комнаты въ ея комнату.

«Ваше императорское величество были неправы вчера и очень неправы: своимъ нѣжнымъ, но упорнымъ сопротивленіемъ вы только подкрѣпили свою неправоту. Вы были неправы не въ дѣлахъ, что̀ немыслимо, а на словахъ. Вчера поздно уже было спорить съ вами, поздніе споры возможны были въ каретѣ, во время путешествія; къ тому же здѣсь

[1]) *Tourneux*, XV, 107; Сборникъ, XXIII, 430.

[2]) *Сегюръ*, 195. [3]) *Ligne*, XXXI, 249.

были двѣ или три лишнія ленты голубыя, красныя и пестрыя; что сказали бы онѣ, услыхавъ, что я противорѣчу самодержицѣ нѣсколькихъ Россій всевозможныхъ цвѣтовъ, и онѣ были бы правы—знай сверчокъ свой шестокъ. Говоря о своемъ правленіи, ваше величество сказали: *оно шло бы лучше, еслибъ я была мужчиною.* Нѣтъ, вовсе нѣтъ. Еслибъ императрицы Анна и Елизавета были мужчинами, ихъ царствованія были бы самыя жалкія, а, между тѣмъ, онѣ были вѣдь не лишены извѣстной славы; послѣднее же было даже блестящее—оно почти уничтожило всѣ слѣды варварства. Говорить вамъ объ этомъ блескѣ, государыня, чтобъ тѣмъ выказать ваше превосходство, было бы жалкимъ мадригаломъ, какъ было бы эпиграммою проводить параллель между вашимъ царствованіемъ и ихъ. Это такъ не сходно, что не поддается сравненію.

«Великій человѣкъ, одѣтый въ костюмъ вашего величества, гораздо выше великаго человѣка при саблѣ. Онъ можетъ поддаться искушенію и вынуть ее изъ ноженъ, что бываетъ недурно лишь въ томъ случаѣ, когда скипетръ валится изъ рукъ, но гораздо лучше умѣть крѣпко держать его, какъ вы, государыня, въ мощной рукѣ. Государю можетъ придти желаніе стать героемъ; но быть героемъ хорошо только для насъ, подданныхъ, но опасно для государя; этимъ онъ подвергаетъ себя зависти своихъ генераловъ, возбуждаетъ духъ партій въ своей же арміи и приводитъ къ разстройству или узурпаціи. Великій человѣкъ незамѣтно исчезаетъ, становясь счастливымъ побѣдителемъ, который подъ конецъ можетъ быть побѣжденъ. Онъ вноситъ въ придворную жизнь притворство комитета, жестокость поля битвы, угрюмость, недовѣріе и подозрительность. Кто знаетъ, что случилось бы съ великимъ человѣкомъ-женщиною, еслибъ она стала великимъ человѣкомъ-мужчиною? Ваше величество захотѣли бы стать властительницею всея славы, какъ всея Россіи: и еслибъ богъ брани, забывъ изначальную церковь, преклонился на сторону Рима или церквей побочныхъ и покинулъ бы васъ, вы

никогда не заключили бы мира при Прутѣ, какъ это сдѣлалъ герой, ставшій героемъ невольно, и не убѣжали бы въ Турцію, какъ сдѣлалъ его врагъ-герой.

«Ваше состояніе женщины придаетъ вамъ ту самоувѣренность, которая внушаетъ вамъ величіе, и то спокойствіе, которое вселяетъ глубокомысліе и какую-то благородную нѣжность безъ праздности. Я не поручусь за ваше величество верхомъ на лошади, но я отвѣчаю за успѣхъ, когда вы, опершись на столъ и поддерживая красивою рукою свою прелестную голову, работаете такъ же тихо, какъ входите въ залы Эрмитажа, но быстро двигаете дѣла.

«Мои сотоварищи, таврическіе мурзы, не приняли бы такъ хорошо мужчину, и запорожцы, мои сосѣди по землямъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, мнѣ пожалованнымъ мановеніемъ вашей руки изъ окна быстро плывшей галеры, устроили бы западню величественному властелину, который пожелалъ бы все видѣть самолично. Женщина не можетъ входить во всѣ мелочи. Мужчина теряетъ при приближеніи къ нему; женщина—выигрываетъ. Отъ нея ничего не ожидаютъ, и отъ удивленія переходятъ къ уваженію, отъ уваженія къ восторгу; если къ тому же она любезна, то дружба и привязанность примѣшиваются къ восторгу, нисколько не портя общаго впечатлѣнія.

«Осмѣлился ли бы я написать все это мужчинѣ, который всегда воображаетъ, что хотятъ польстить ему или обмануть его, скрыть свою нелюбовь или затмить своимъ талантомъ? Низкіе куртизаны всегда смотрятъ въ глаза государю, хотя эти глаза часто вовсе не лучшіе въ мірѣ. Взглядъ же императрицы можно ловить, не унижаясь: вовсе не для пріобрѣтенія власти, а для успѣха въ обществѣ. Геройство покоряетъ страны, но не женщинъ.

«Великій человѣкъ на конѣ приводитъ въ трепетъ генераловъ и солдатъ, вельможъ и мужиковъ; великій человѣкъ въ коляскѣ, окруженный пятью-шестью хорошенькими женщинами. составляющими его свиту, сопровождается восторжен-

ными кликами людей легкомысленныхъ и благословеніями людей мыслящихъ. Бываютъ негодяи, которые смѣются надъ властью въ рукахъ женщины и желаютъ отъ нея избавиться. Ваше величество имѣли бы 50.000 людей и 5-ю милліонами рублей болѣе, если бы были мужчиною—право, изъ-за такой бездѣлицы не стоитъ мѣнять свой полъ. У васъ довольно подданныхъ и рублей; въ бесѣдкѣ вашего сада вы увеличили то и другое, а изъ палатки могли бы, пожалуй, и потерять.

«Какая разница между вашимъ взглядомъ, полнымъ пріятности и милости, и суровымъ видомъ, который вамъ пришлось бы принять, дѣлая смотръ 400.000 или 500.000 вашего войска.

«Если случайно, увлеченные энтузіазмомъ, мы зайдемъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ, въ изъявленіи восторга вашей очаровательной и августѣйшей особѣ, вы, не обманывая себя, отнесете бо́льшую часть этой любезности къ себѣ, какъ женщинѣ, которая на тронѣ внушаетъ еще болѣе чувствъ, между тѣмъ, какъ государь-мужчина приписалъ бы все это одной придворной лести.

«Государыня, привыкшая, какъ царица и какъ женщина, видѣть у своихъ ногъ мужчинъ, менѣе склонна къ раздражительности. Дерзнулъ ли бы я выразить свое негодованіе Фридриху, Петру, Карлу, Людовику, какъ я сдѣлалъ это однажды вашему величеству, когда вы сказали мнѣ, что, по древнему русскому закону, впереди всѣхъ посылались на приступъ приговоренные къ смертной казни и обвиненные въ тяжкихъ преступленіяхъ. Вы же, государыня, только посмотрѣли на меня, подумали немного и ничего не сказали. Держу пари, что ваше величество совсѣмъ забудете о моей выходкѣ.

«Всякій государь утверждаетъ, что любитъ правду; государыня узнаетъ ее болѣе безбоязненно. Она говоритъ себѣ: придворные такъ боятся наскучить мнѣ, не понравиться, лишиться моего къ нимъ вниманія, что, конечно, говорятъ мнѣ только по необходимости и изъ желанія добра.

«Твердость характера у женщины оказывается часто упрямствомъ у мужчины; снисходительность, нерадѣніе или добродушіе у женщинъ становится слабостью у мужчинъ. Сколько мелочей, не стоющихъ вниманія, доводятъ до важныхъ результатовъ? Прелестная накидка или вышитая юбка алаго бархата на вашемъ величествѣ производитъ болѣе эффекта, чѣмъ ботфорты и шарфъ; пять крупныхъ брильянтовъ въ вашихъ волосахъ великолѣпнѣе каски, всегда или черезчуръ большой, или до уродства маленькой. Ваша прелестная ручка электризуетъ всѣхъ, кто ее цѣлуетъ, отъ часового до Ираклія и Гирея; рука же великаго человѣка, иногда сухая и костлявая, не производитъ такого впечатлѣнія, и самый отчаянный льстецъ, бросаясь цѣловать ее, можетъ только сломать себѣ носъ.

«Если бы сынъ Карла VI представилъ своего новорожденнаго эрцгерцога венгерцамъ, неужели это заставило бы ихъ обнажить сабли, какъ при видѣ юной, прекрасной и несчастной 24-хъ-лѣтней принцессы, какою была тогда наша великая Марія-Терезія?

«Повторяю еще разъ: ваше императорское величество были бы слишкомъ впечатлительны для мужчины. Господь Богъ все дѣлаетъ къ лучшему. Благодарите Его, государыня, что вы женщина, а не мужчина; благодарите Его на 60-ти языкахъ Кавказа, на языкѣ крымскихъ татаръ, прикаспійскихъ персовъ, пристѣночныхъ китайцевъ, на языкѣ грековъ и римлянъ, нѣмцевъ Штетина и французовъ нашей валлонской церкви. Повѣрьте, ваше величество, человѣку, который сталъ вашимъ живописцемъ и историкомъ, назвавъ васъ Екатериною Великою».

По отъѣздѣ князя де-Линь изъ Россіи, Екатерина, попрежнему, переписывалась съ нимъ до самой своей кончины. Иногда переписка обрывалась, но никогда болѣе, чѣмъ на полгода. «Вотъ уже шесть мѣсяцевъ,—пишетъ кн. де-Линь отъ 17-го марта 1792 года,—что я не получалъ писемъ отъ

вашего величества, и это въ первый разъ въ теченіе нашей 12-ти-лѣтней переписки» [1]). Содержаніе этой переписки чрезвычайно разнообразно, но во всѣхъ письмахъ, съ обѣихъ сторонъ, видна полная искренность. Смерть Іосифа II и происхожденіе графа Суворова, шведская война и турецкій миръ, французская война и разореніе Бельгіи, личные интересы князя де-Линь и занимавшіе Екатерину вопросы—все было предметомъ обсужденія, совершенно свободнаго и всегда остроумнаго. Ни кн. де-Линь, ни Екатерина не стѣсняются въ выраженіяхъ, не составляютъ фразъ, не подыскиваютъ словъ; мысль ложится подъ перо безъ прикрасъ и нерѣдко удивляетъ самого пишущаго. Екатерина спрашиваетъ у князя де-Линь его мнѣніе о Сенакѣ де-Мельянѣ, который задумывалъ писать исторію Россіи; кн. де-Линь отвѣчаетъ, что Мельянъ обладаетъ необходимыми для того познаніями и дарованіями, тѣмъ болѣе, что «историкъ долженъ быть человѣкъ благовоспитанный», и прибавляетъ: «Держу пари, что я первый высказалъ такую блестящую мысль» [2]).

Въ теченіе второй турецкой войны, особенно же во время пребыванія въ русской арміи, кн. де-Линь не писалъ Екатеринѣ. «Еслибъ я послалъ императрицѣ хоть бы одно письмо съ похвалою кн. Потемкину и его операціямъ, она осыпала бы меня брильянтами и одарила крестьянами. Она была бы очень довольна, еслибъ я ее обманулъ—она хотѣла, во что бы то ни стало, думать, что все идетъ хорошо» [3]). Война не была еще окончена, кн. де-Линь былъ занятъ осадою Бѣлграда, когда возстаніе охватило его родину.

Бельгійское возстаніе 1788 года затихло только на время. Весною 1789 года, Фанъ-деръ-Нотъ посѣтилъ великаго пенсіонарія Фанъ-Спигеля въ Гагѣ и условился съ нимъ относительно помощи, обѣщанной Англіею, Пруссіею и Голлан-

---

[1]) *Ligne*, XXII, 102, 108.
[2]) Ibid., 102. [3]) Ibid., XXIV, 181; *Perey*, I, 345.

діею. Узнавъ объ этомъ, Іосифъ II рѣшился, наконецъ, принять серьезныя мѣры, но было уже поздно. 13-го ноября, австрійскія войска были вытѣснены изъ Гента патріотами, соединившимися съ брабантцами; возстаніе быстро росло и скоро охватило Брабантъ, Фландрію, Геннегау, часть Намюра. Въ Бредѣ сформировалось національное правительство, подъ скромнымъ названіемъ «бельгійскаго комитета», съ которымъ Англія, Голландія и Пруссія вели офиціальныя сношенія. 3-го декабря, Фанъ-деръ-Мерчъ, предводитель повстанцевъ, вошелъ въ Брюссель, сданный ему австрійскими генералами. Спустя два мѣсяца, 9-го февраля 1790 г., Іосифъ II умеръ. Князь де-Линь писалъ Екатеринѣ:

«Его ужъ нѣтъ, государыня! Нѣтъ государя, дѣлавшаго честь человѣчеству; нѣтъ человѣка, дѣлавшаго честь государямъ... За нѣсколько дней до смерти, императоръ сказалъ мнѣ: «Ваша родина убила меня: взятіе Гента было моей агоніей, сдача Брюсселя—моею смертью. Какой позоръ для меня (онъ нѣсколько разъ повторялъ это гадкое слово)! Я умираю—надо быть деревяннымъ, чтобы перенести все это. Благодарю васъ за все, сдѣланное вами для меня. Лаудонъ говорилъ мнѣ много хорошаго о васъ. Благодарю васъ за вашу вѣрность. Отправляйтесь въ Нидерланды. Убѣдите ихъ возвратиться къ своему государю, если же не успѣете—останьтесь тамъ. Не жертвуйте для меня вашими личными интересами—у васъ есть дѣти»... Десять лѣтъ назадъ, по дорогѣ въ Царское Село, въ каретѣ, ваше величество сказали мнѣ: «Умъ вашего государя направленъ постоянно на все полезное, въ его головѣ нѣтъ ничего легкомысленнаго. Онъ, какъ Петръ I, позволяетъ противорѣчить ему; онъ не обижается, если оспариваютъ его мнѣніе, и желаетъ убѣдить, прежде чѣмъ отдать приказаніе»... Какое счастье для русской земли, государыня, что ваше величество можете царствовать еще сорокъ лѣтъ» [1]).

---

[1]) *Ligne*, XX, 110.

Екатерина знала уже о безнадежномъ положеніи императора. За три дня до смерти Іосифа II, она писала кн. Потемкину, отъ 6-го февраля: «Объ союзникѣ моемъ я много жалѣю, и странно, какъ, имѣя ума и знанія довольно, онъ не имѣлъ ни единаго вѣрнаго человѣка, который бы ему говорилъ пустяками не раздражать подданныхъ; теперь онъ умираетъ, ненавидимъ всѣми; что же было диковинкою короноваться королемъ венгерскимъ, благо, что подданные привязаны къ коронѣ; мать его они спасли въ 1740 году отъ потери всего; я бы на его мѣстѣ бы ихъ на рукахъ носила». На письмо князя де-Линь она отвѣчала двумя строками: «Сердце кровью обливается, когда подумаю о понесенной нами утратѣ; привязанность ваша, мною, по вашимъ словамъ, унаслѣдованная, вызвала слезы на глаза мои, и я не въ состояніи говорить объ этомъ» [1]).

Князь де-Линь не послѣдовалъ предсмертному совѣту Іосифа II, не поѣхалъ въ Нидерланды, гдѣ, въ Брюсселѣ, его дворецъ былъ занятъ городскою стражею, а въ Бель-Элѣ стоялъ отрядъ патріотовъ — онъ остался въ Вѣнѣ, откуда писалъ Екатеринѣ: «Вашъ Эрмитажъ не единственный, государыня — я выстроилъ настоящій эрмитажъ, въ верстѣ отъ Вѣны, на высочайшей горѣ. Я назвалъ его «Мое убѣжище», такъ какъ оно спасетъ меня и отъ новыхъ идей, и отъ наводненій. Мнѣ нужно такое убѣжище, такъ какъ я изгнанъ изъ родины, въ которой царствуютъ теперь ужасныя, позорныя идеи. Славная вещь свобода! Свобода Нидерландовъ ежедневно все болѣе и болѣе разоряетъ меня; свобода Франціи лишаетъ меня значительной части доходовъ и будетъ мнѣ стоить головы, если я вздумаю возвратиться. Славная вещь свобода! Она теперь въ надежныхъ рукахъ: ею завладѣли глупцы, считающіеся министрами короля, находящагося въ плѣну у черни, законодательствующіе попы, адвокаты, зани-

---

[1]) Сборникъ, XLII, 59, 82, 84; ср. XXIII, 483, 509.

мающіеся политикою, и молодые люди, которые не имѣютъ чѣмъ уплатить свои счеты портнымъ, а распоряжаются государственными долгами Франціи» [1]). Екатерина вполнѣ раздѣляла взгляды князя де-Линь на французскую революцію; она отвѣчала ему: «Мнѣ кажется, что «Мое убѣжище» гнѣздится очень высоко, если вы находите его недоступнымъ для нелѣпостей и свободы. Еслибъ я высказала все, что имѣю сказать объ этой свободѣ, вышелъ бы еще толстый томъ! Если эта французская мода обратится въ эпидемію, то я поздравляю турокъ: сейчасъ же по утвержденіи «правъ человѣка», они завоюютъ Европу и, съ саблею въ рукахъ, обратятъ всю эту часть свѣта въ мусульманство, какъ совершилъ это, менѣе чѣмъ въ годъ, Капрули-паша въ Босніи» [2]).

Какъ только утихли волненія въ Бельгіи, князь де-Линь, въ 1791 году, торжественно въѣхалъ въ Монсъ, какъ верховный судья округа Геннегау. Мѣстные чины встрѣтили его обѣдомъ, концертомъ, баломъ; въ честь его декламировались стихи. Жители Монса знали, любили семью князей де-Линь и съ любовью проводили ее въ родной Бель-Эль. Все лѣто князья де-Линь, отецъ и сынъ, провели въ своемъ замкѣ, отдыхая отъ понесенныхъ трудовъ и испытанныхъ волненій. Не трудно было, однако, предвидѣть, что отдыхъ этотъ будетъ непродолжителенъ.

Французская революція ширилась и росла; ея идеи распространялись съ необыкновенною быстротою, ея задачи усвоивались съ поразительною легкостью. Французская мода, какъ эпидемія, заражала всѣхъ. Ея противники, эмигранты, разсѣевались все далѣе и далѣе отъ предѣловъ Франціи. Савойя, Швейцарія, Люксенбургъ и Бельгія стали первыми этапами эмиграціоннаго движенія; только позже, потерявъ уже надежду на скорое возвращеніе, эмигранты начинаютъ появляться въ Англіи, Австріи, въ Польшѣ и, наконецъ, въ Россіи.

---

[1]) *Ligne*, XXII, 92. [2]) Сборникъ, XLII, 97.

Регентша Нидерландовъ, эрцгерцогиня Марія-Христина, была сестрою французской королевы; понятно, что она покровительствовала эмиграціи, состоявшей изъ приверженцевъ королевской власти. Иначе относился къ этому движенію преемникъ Іосифа II, императоръ Леопольдъ, и, тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ «рекомендовалъ» эрцгерцогинѣ Маріи-Христинѣ и тремъ курфирстамъ — майнцскому, кельнскому и трирскому — не допускать эмигрантовъ до какихъ-либо политическихъ мѣропріятій. которыя могли бы втянуть его въ войну съ Франціею. «Не вмѣшивайтесь ни во что,—писалъ онъ,—и не дѣлайте ничего ни для эмигрантовъ, ни для королевскихъ принцевъ, кромѣ обычныхъ вѣжливостей и пышныхъ обѣдовъ; не давайте имъ ни войскъ, ни денегъ» [1]). Онъ рѣзко отдѣлялъ дѣло французскаго короля отъ дѣла эмиграціи, нанося ущербъ тому и другому.

Князь де-Линь не любилъ Леопольда: онъ былъ противъ его итальянской системы притворства, и ему была ненавистна эгоистическая политика расчета и личной выгоды. Онъ боготворилъ Марію Антуанету и приходилъ въ ужасъ при одной мысли о той опасности. которая угрожаетъ ей. Князь де-Линь не только не скрывалъ, но всюду заявлялъ публично о своихъ симпатіяхъ къ королевскому дому Франціи. Въ Турнэ давали оперу «Ричардъ Львиное Сердце»; среди зрителей было много эмигрантовъ; когда теноръ запѣлъ: «Oh, Richard! oh, mon roi! l'univers t'abandonne», князь де-Линь всталъ, зааплодировалъ и расплакался. Публика замѣтила эти слезы, вскочила съ своихъ мѣстъ и страшно рукоплескала, крича: «Vive le Roi! Vive le prince de Ligne!»

Вскорѣ, 16-го февраля 1792 года, Леопольдъ II умеръ. Въ коалиціи, сформировавшейся «для возстановленія порядка» во Франціи, приняла участіе и Австрія. Генералъ-фельдцейхмейстеромъ австрійскихъ войскъ былъ герцогъ Альбертъ Са-

[1]) *Albert Sorel*, Varennes et Pilnitz, въ «Revue des Deux Mondes», 1880, V, 93.

*

ксенъ-Тешенскій, мужъ эрцгерцогини Маріи-Христины; генералиссимусомъ коалиціонныхъ войскъ—герцогъ Брауншвейгскій. Инженерный полковникъ, князь Карлъ де-Линь-сынъ, вступилъ въ отрядъ генерала графа Клерфэ, участвовалъ въ походѣ въ Шампань, противъ революціоннаго генерала Дюмурье, и такъ описывалъ положеніе дѣла: «Мы начинаемъ уже уставать отъ войны, которая, по словамъ господъ-эмигрантовъ, обѣщала намъ больше побѣдъ, чѣмъ сраженій. Намъ приходится имѣть дѣло съ армейскими полками, изъ которыхъ ни одинъ солдатъ не дезертируетъ, и съ ополченцами, которые стойко выдерживаютъ огонь; тѣ и другіе легко переносятъ всѣ военныя трудности. Даже крестьяне всѣ вооружены, стрѣляютъ въ насъ и убиваютъ всякаго, кто оплошаетъ, вздремнетъ, заблудится или зазѣвается. Съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили во Францію, погода убійственная: каждый день проливной дождь, дороги непроходимы, наша артиллерія вязнетъ въ грязи. Къ тому же почти голодъ. Съ неимовѣрными усиліями добываемъ мы хлѣбъ для солдатъ; мяса они давно уже не видѣли; даже офицеры остаются по недѣлямъ безъ горячей пищи. Наша обувь износилась, шинели перегнили, и уже много больныхъ солдатъ выбываетъ изъ строя. Всѣ деревни покинуты, и мы не находимъ въ нихъ ни зелени, ни муки, ни водки. Мы идемъ по мертвой и голодной пустынѣ; населеніе покинуло насъ на гибель. Ума не приложу, что̀ съ нами будетъ» [1]). При первой же серьезной стычкѣ съ французскими войсками князь де-Линь-сынъ былъ убитъ.

Князь-отецъ никогда уже не утѣшился, никогда не забылъ о смерти сына; самая жизнь опостыла ему, хотя онъ любилъ жизнь и умѣлъ пользоваться ею. «Десять лѣтъ спустя послѣ катастрофы, этотъ легкомысленный поэтъ, этотъ безпечный весельчакъ, не могъ безъ слезъ произнести имени

---

[1]) Это письмо сына къ отцу было перехвачено французскимъ разъѣздомъ, переслано въ Парижъ, читано въ засѣданіи конвента и напечатано въ «Moniteur», Séance de la Convention, jeudi soir, 27 septembre 1792.

своего сына» [1]). Когда, вскорѣ затѣмъ, князь де-Линь потерялъ все свое состояніе, онъ остался вполнѣ равнодушенъ къ этому несчастію. Какъ истый философъ, онъ писалъ: «Есть ужасное средство стать превыше всѣхъ ударовъ—оно покупается какою-либо весьма тяжелою утратою для сердца. Послѣ потери, особенно дорогой для сердца, никакія другія огорченія не могутъ уже опечалить — потеря состоянія, полное разореніе, преслѣдованія, несправедливость, все кажется незначительнымъ».

Екатерина вполнѣ сочувствовала горю своего друга и какъ могла, утѣшала его въ потерѣ сына. Въ сердечномъ письмѣ къ нему [2]), она очень деликатно касается послѣдняго, неполученнаго отцомъ, письма его сына: «Меня крайне удивляетъ, что ни дожди, ни грязь, ни недостатокъ продовольствія не препятствуютъ Кюстину, Дюмурье, Монтескью и Секеллю двигаться впередъ: отчего это однихъ дождь мочитъ другихъ нѣтъ? почему одни вязнутъ въ грязи, другіе нѣтъ? Какимъ образомъ мятежники находятъ вездѣ фуражъ и провіантъ, а ихъ враги мрутъ съ голода?»

Когда появляется новая идея, она сперва подвергается осмѣянію, даже преслѣдованію, долго борется, съ трудомъ вербуя себѣ прозелитовъ, но потомъ, укореняясь все болѣе и болѣе въ умахъ, растетъ, развивается и, въ концѣ концовъ, покоряетъ своихъ враговъ и становится общимъ достояніемъ. Ко времени Екатерины и князя де-Линь, основная идея большой французской революціи, болѣе вѣка уже назрѣвавшая въ умахъ, прошла въ сознаніе народныхъ массъ и, какъ эпидемія, по мѣткому выраженію Екатерины, заражала всѣхъ, воодушевляя своихъ приверженцевъ на борьбу со старымъ, установившимся порядкомъ. Вотъ почему екатерининскіе «мятежники» не мокнутъ подъ дождемъ, не вязнутъ въ грязи, находятъ фуражъ и провіантъ тамъ, гдѣ представители отживаю-

[1]) *Ouvaroff*, p. 20.

[2]) Сборникъ, XXIII, 579; XLII, 230; *Храповицкій*, 414.

щихъ началъ голодаютъ. Екатерина не понимала этого, несмотря на уроки гр. Н. И. Панина, которые она усвоила вполнѣ своеобразно, запомнивъ слова, но придавая имъ несвойственное толкованіе. «Графъ Панинъ — писала она въ 1793 году — говаривалъ: «Короли суть необходимое зло, безъ котораго нельзя обойтись», и когда я жаловалась, что то или другое дѣлается не такъ, какъ было бы желательно, прибавлялъ: «На что вы жалуетесь? Если бы все въ этомъ мірѣ шло, какъ слѣдуетъ, не было бы надобности и въ васъ» [1]).

Князь де-Линь, какъ воинъ въ душѣ, объяснялъ всѣ неудачи коалиціи неспособностью военачальниковъ. «Я никогда не похвалялся числомъ сраженій, мною выигранныхъ, и геройскими подвигами двѣнадцати моихъ кампаній; но я смѣялся и плакалъ, видя во главѣ нашихъ армій въ Италіи и Нидерландахъ четверыхъ невѣждъ, которые были нѣкогда подъ моею командою и которымъ, за исключеніемъ Клерфэ, я никогда не довѣрилъ бы и трехъ батальоновъ. Да, изъ всѣхъ политическихъ маріонетокъ, появившихся на театрѣ войны, лучшею былъ бы все-таки Клерфэ, если бы боязнь отвѣтственности не парализовала всѣхъ его способностей». Императрица Екатерина вполнѣ раздѣляла взглядъ своего друга. Въ своихъ письмахъ, она не щадитъ никого изъ предводителей этой войны, не исключая ни герцога Брауншвейгскаго, ни принца Альберта.

«Движеніе герцога Брауншвейгскаго—какой позоръ, какая нелѣпость! Вшивая Шампань станетъ теперь плодоносною отъ того навоза, который въ ней тамъ оставили. Боже мой, Боже мой, какъ дурно повели эти братья и свои дѣла, и чужія!... Но эти несчастные принцы, братья французскаго короля, эти эмигранты, что станется съ ними? Я о нихъ только и думаю, да о томъ, какъ бы исправить позоръ и безчестіе высокихъ

[1]) Сборникъ, XXIII, 584. Эту же мысль высказала Екатерина въ письмѣ князю де-Линь, въ 1791 году: Si chacun faisait son devoir, on n'aurait besoin ni de nous autres, ni de nos employés. Сборникъ, XLII, 215.

союзниковъ. особенно же двухъ братьевъ... А эта дорогая «золотая булла». этотъ паладіумъ Германіи. Гадкій Кюстинъ уничтожитъ ее. И это еще ничего бы, но уничтоженіе трехъ духовныхъ курфирстовъ! Но чего же смотрятъ эти Донъ-Кихоты Германіи? Они разоряются на содержаніе своихъ армій, хрипнутъ надъ ихъ муштровкою, и какъ только представляется надобность пустить ихъ въ дѣло, эти свѣтлѣйшія высочества обращаются въ бѣгство, одни или со своими войсками... О, я такъ зла на нѣкоторыя личности. что съ удовольствіемъ надавала бы имъ пощечинъ! А свѣтлѣйшій ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій. сохраняющій съ своимъ войскомъ въ Гессенѣ нейтралитетъ относительно Франціи въ своемъ собственномъ дѣлѣ? Вотъ оселъ-то! Казалось, онъ долженъ бы голову сложить за свое же дѣло—такъ нѣтъ: онъ и его безполезныя войска умираютъ со страху въ Гессенѣ! Вотъ достойный герой того времени, въ которое мы живемъ» [1]).

Екатерининскій герой, князь де-Линь не могъ теперь ни служить родинѣ, ни отомстить смерть сына — онъ былъ въ отставкѣ. не у дѣлъ. Чтобъ развлечься, онъ сталъ писать свои «Mémoires militaires et sentimentaires» и издалъ 32 тома. Въ одномъ изъ первыхъ томовъ помѣщенъ «Coup d'oeil sur les jardins de l'Europe». Посылая это произведеніе Екатеринѣ, онъ писалъ: «Если ваше величество удивитесь, что я занимаюсь теперь травами, вмѣсто лавровъ, я скажу вамъ, что травы доступнѣе — вотъ уже два года, какъ лавровъ нѣтъ. Я съ удовольствіемъ занялся бы и лаврами, но, кажется, я умеръ вмѣстѣ съ Іосифомъ II, воскресъ было, но захворалъ вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Ласси, чтобъ умереть вмѣстѣ съ Лаудономъ» [2]).

Принужденный разстаться съ «идоломъ, столь дорогимъ его сердцу»—съ военнымъ дѣломъ, князь де-Линь грустилъ, и эта печальная нота звучитъ во всѣхъ его писаніяхъ. Но

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 578—580. [2]) *Ligne*, XXII, 77.

ни въ одномъ письмѣ ни разу не упоминаетъ онъ о томъ, что французское правительство конфисковало всѣ его бельгійскія земли, что онъ потерялъ все свое имущество. Къ своему разоренію онъ отнесся съ философскимъ равнодушіемъ. Когда бывшій его секретарь Легро спросилъ о состояніи его денежныхъ дѣлъ, князь де-Линь отвѣчалъ ему: «Я никогда прежде не спрашивалъ у васъ, завѣдывавшихъ моими дѣлами, о положеніи моихъ матеріальныхъ средствъ; теперь вы спрашиваете у меня — извольте, я вамъ скажу. Балы на 300 человѣкъ, обѣды на 400, постановка моей оперы «Samnites», постройка театра—я никогда не спрашивалъ, что̀ это можетъ стоить. Что значили для меня какіе-нибудь 400 или 500 дукатовъ, какъ знакъ любви къ Монсу, дружбы съ графомъ д'Артуа, уваженія къ королю?... Теперь же, желая угостить пріятеля чаемъ, я приказываю слугѣ воздержаться отъ печенья и фруктовъ, ограничиваясь, въ крайнемъ случаѣ, сливами, такъ какъ онѣ дешевы въ Вѣнѣ. Но меня тѣшитъ моя убогость и я смѣюсь надъ своею вынужденною скупостью» [1]). Екатерина знала, что князь де-Линь потерялъ бо̀льшую часть, если не все свое состояніе. Въ одномъ изъ своихъ милыхъ, любезныхъ писемъ къ нему, императрица, не намекая даже своему «старому другу» на его стѣсненное матеріальное положеніе, но, желая оказать ему помощь, «усердно проситъ» его продать земли въ Тавридѣ и на берегу Днѣпра, нѣкогда ею же пожалованныя князю, такъ какъ «фельдцейхмейстеръ графъ Зубовъ страшно желаетъ пріобрѣсть ихъ». Князь де-Линь понялъ милость императрицы, но, соглашаясь на продажу своихъ таврическихъ земель, онъ поставилъ условіемъ, чтобъ скала, на которой онъ начертилъ при ней же *Catherine le Grand*, навсегда сохра-

[1]) Этой убогости обязаны мы появленіемъ его сочиненій въ печати. «Я издаю, я печатаю много; но къ этому побуждаетъ меня нужда, auri sacra fames—революція лишила меня всѣхъ средствъ къ жизни. Я продалъ, чтобъ прокормиться, свои картины, продалъ свою посуду, теперь продаю свой умъ». Ibid., XI, 131.

нила названіе *Rocher de Ligne*. Это условіе было принято и Екатерина писала ему: «Господинъ таврическій генералъ-губернаторъ графъ Зубовъ передастъ вамъ деньги, полученныя отъ продажи Парѳеницы и Нисциты; не знаю, употребитъ ли онъ для этого дѣла еврея, пользующагося вашимъ довѣріемъ, или этотъ еврей умеръ и погребенъ» [1]).

Матеріальное разореніе нимало не отразилось на состояніи духа князя де-Линь. Его письма къ Екатеринѣ также веселы, остроумны, полны прежняго смысла и прежнихъ взглядовъ. «Великіе люди, какъ шпаги, такъ и пера,—пишетъ онъ въ 1792 году,—являются только въ монархіяхъ. Я не вижу ихъ въ республикахъ, тѣмъ менѣе во время анархіи. Суллы и Маріи являлись въ Римѣ, порабощенномъ, несвободномъ; Сципіоны были аристократы; Периклъ былъ почти царь. Горацій и Виргилій испугались бы республики и ничего не написали бы. Еслибъ Монтэнь или Лафонтенъ жили въ наше время, они первые были бы повѣшены» [2]). Годъ спустя, въ 1793 году, онъ такъ опредѣлилъ смыслъ царствованія Екатерины II: «Ваше величество нашли въ мастерской Петра Великаго нѣсколько строительнаго матеріала, заготовленнаго, но не употребленнаго еще въ дѣло. Вы воздвигли изъ этого матеріала зданіе, прибавивъ къ нему свой матеріалъ, и, при помощи невидимыхъ нитей, пустили въ ходъ огромную машину. Машина въ ходу, и вамъ остается только смазывать колеса» [3]). Почти одними и тѣми же словами, по крайней мѣрѣ въ одинаковыхъ выраженіяхъ, отзывались они, князь де-Линь и императрица Екатерина, о французской революціи: «Греція имѣла своихъ мудрецовъ,—пишетъ князь де-Линь,—но ихъ было только семь; во Франціи же 1.200 депутатовъ, получающихъ по 18 франковъ въ день и служащихъ посмѣшищемъ Европы. Они лишены знанія, эти ремесленники, работающіе для своихъ

[1]) Госуд. Архивъ, III, 145; *Ligne*, XXII, 106; Сборникъ, XLII, 235.
[2]) *Ligne*, XXII, 104. [3]) Ibid., 81.

личныхъ интересовъ, эти пустые болтуны, думающіе быть законодателями» [1]). Вспоминая о національномъ собраніи, Екатерина выражается такъ: «Изъ 1.200 депутатовъ-законодателей довольно повѣсить нѣсколькихъ — остальные сами разбѣгутся; отнимите у нихъ 18 франковъ въ день жалованья, и они пойдутъ, какъ поденщики, зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба» [2]). Князь де-Линь былъ убѣжденъ и предсказывалъ, что «явится какой-нибудь принцъ или диктаторъ», который разгонитъ анархистовъ, взойдетъ на тронъ Франціи и возстановитъ въ ней спокойствіе и порядокъ; Екатерина называла диктатора Цезаремъ и писала: «Когда же явится этотъ Цезарь? О, онъ явится, не сомнѣвайтесь, и Франція, послушная и тихая, какъ ягненокъ, подчинится его волѣ» [3]).

Князь де-Линь, пережившій короля Фридриха II и императора Іосифа, похоронившій своего единственнаго сына, оплакавшій страшную смерть Маріи-Антуанеты, имѣлъ несчастіе услышать и о кончинѣ [4]) Екатерины II. Онъ искренно уважалъ, сердечно былъ привязанъ къ великой императрицѣ, къ любезной женщинѣ, и вѣсть о смерти ея глубоко поразила его. Теперь, когда ея не стало, онъ припомнилъ всѣ, даже мелкія подробности ея жизни, ея взглядовъ, ея мнѣній: она, какъ живая, встала передъ нимъ, и онъ набросалъ:

Портретъ Екатерины II.

«Екатерины Великой (надѣюсь, Европа утвердитъ это наименованіе, мною ей данное), Екатерины Великой не стало. Страшно произнесть эти слова. Вчера я не могъ бы написать ихъ; но теперь, безъ всякаго стѣсненія, я представлю ея изображеніе. Этотъ набросокъ, вѣрнѣе—собраніе незначительныхъ замѣтокъ, вовсе не имѣетъ притязанія на историческій очеркъ; я сообщаю ихъ только для того, чтобы по

---

1) *Ligne*, 92, 125. 2) Сборникъ, XXIII, 476, 488, 500.

3) *Ligne*, XXII, 126; Сборникъ, XLII, 503, 592, 613.

4) Voyage philosophique à ma chaise percée. *Ligne*, XXI, 115.

нимъ можно было составить, хотя приблизительно, похожій портретъ ея, и такъ, какъ онѣ приходятъ теперь мнѣ въ голову, чтобъ удовлетворить сердце, еще потрясенное этимъ ужаснымъ событіемъ.

«Ея внѣшность извѣстна по портретамъ и описаніямъ, почти всегда довольно вѣрнымъ. Шестнадцать лѣтъ назадъ, она была еще очень хороша. Было видно, что она была скорѣе мила, чѣмъ красива: глаза и пріятная улыбка уменьшали ея большой лобъ, но этотъ лобъ былъ все. Не будучи Лафатеромъ, въ немъ, какъ въ книгѣ, сказывался геній, справедливость, точность, смѣлость, глубина, ровность, нѣжность, спокойствіе и твердость; ширина лба свидѣтельствовала о развитіи памяти и воображенія. Было видно, что въ этомъ лбѣ всему было мѣсто. Ея подбородокъ, нѣсколько острый, не выдавался впередъ, не откидывался назадъ, и имѣлъ благородную форму [1]). Вслѣдствіе этого, овалъ ея лица не вырисовывался ясно, но долженъ былъ весьма нравиться, такъ какъ прямота и веселость сказывались на устахъ. Она должна была отличаться свѣжестью и высокою грудью, которая развилась въ ущербъ таліи, слишкомъ тонкой; но въ Россіи скоро тучнѣютъ. Лицо у нея было чистое, и еслибъ она не задирала такъ волосъ, которые должны бы спускаться ниже и окружать ея лицо, она была бы еще милѣе.

«Вовсе не замѣчалось, что она была мала ростомъ. Она спокойно сказала мнѣ, что въ молодости была чрезвычайно жива, чего никакъ нельзя было подумать. Входя въ залъ, она всегда дѣлала одни и тѣ же три, по русскому обычаю, мужскихъ поклона: одинъ направо, одинъ налѣво и одинъ прямо. Все у нея было размѣрено и методично. У нея было особое искусство слушать и такая привычка владѣть собою, что, казалось, она слушаетъ и тогда, когда думаетъ совсѣмъ о другомъ. Она не говорила для того, чтобъ только гово-

---

[1]) *Ligne*, XXII, 91; Сборникъ, XLII, 96.

рить, и внимательно выслушивала тѣхъ, которые съ ней говорили. Тѣмъ не менѣе, императрица Марія-Терезія была очаровательнѣе и обольстительнѣе ея. Она болѣе плѣняла и увлекала съ перваго взгляда, увлекаясь сама желаніемъ нравиться всѣмъ вообще и своею миловидностью, доставлявшею ей всѣ средства нравиться. Наша императрица сразу очаровывала; всероссійская постепенно увеличивала первое впечатлѣніе, менѣе сильное. Она походила на нашу въ томъ, что и крушеніе вселенной застало бы ихъ impavidas ferient ruinae [1]); ничто въ мірѣ не могло принудить ихъ къ уступкамъ. Ихъ великія души были закалены противъ превратностей. Восторгъ предшествовалъ одной и слѣдовалъ за другою.

«Если бы полъ Екатерины Великой дозволилъ ей проявить дѣятельность мужчины, который можетъ все видѣть самъ, всюду являться, входить во всѣ подробности, въ ея имперіи не было бы ни одного злоупотребленія. За исключеніемъ этихъ мелочей, она была, безъ сомнѣнія, болѣе великою, чѣмъ Петръ I, и никогда не заключила бы позорную прутскую капитуляцію. Императрицы же Анна и Елизавета, напротивъ, были бы посредственными мужчинами, а какъ женщины, царствованіе ихъ было не безъ славы [2]). Екатерина совокупила въ себѣ ихъ качества съ тѣми достоинствами, которыя сдѣлали ее скорѣе созидательницею, чѣмъ самодержицею своей имперіи. Въ политикѣ она была болѣе великою, чѣмъ обѣ эти императрицы, никогда ничѣмъ не рисковала, какъ Петръ Великій, и никогда не имѣла ни одной неудачи, ни какъ побѣдительница, ни какъ умиротворительница.

«Императрица имѣла все хорошее, т.-е. все великое, Людовика XIV. Ея великолѣпіе, ея праздники, пенсіи, покупки, ея пышность уподоблялись ему. Дворъ ея былъ, однако, лучше, такъ какъ въ немъ не было ничего театральнаго, ничего преувеличеннаго. Но смѣсь богатыхъ одеждъ воинскихъ и азіат-

[1]) Impavidum ferient ruinae. *Horat.*, l., III, od. III, v. 8.

[2]) *Ligne*, XXVI, 249.

скихъ болѣе чѣмъ тридцати національностей производила также впечатлѣніе. Людовикъ считалъ себя, по меньшей мѣрѣ, nec pluribus impar и Александромъ, сыномъ Юпитера-Аммона. Изреченія Екатерины были, конечно, драгоцѣнны, но она не кичилась ими. Она вовсе не искала внѣшняго поклоненія. Видъ Людовика устрашалъ, Екатерины — ободрялъ. Слава опьяняла Людовика; Екатерина стремилась къ ней, распространяла свою славу, не теряя при этомъ головы, хотя было отчего, среди постоянныхъ очарованій нашего торжественнаго и романическаго путешествія въ Тавриду: въ виду сюрпризовъ, эскадръ, эскадроновъ, иллюминацій на десятки верстъ, очаровательныхъ дворцовъ и садовъ, въ одну ночь для нея созданныхъ, видя у ногъ своихъ господарей Валахіи, властителей Кавказа, лишенныхъ трона, и цѣлыя фамиліи гонимыхъ принцевъ, явившихся просить у нея помощи или убѣжища. Она не только не потеряла головы отъ всего этого, но, посѣтивъ поле полтавскаго боя, сказала мнѣ: «Вотъ отъ чего зависитъ судьба государствъ—одинъ день рѣшаетъ ее! Безъ той ошибки, которую сдѣлали шведы и на которую вы обратили мое вниманіе, господа, мы не были бы здѣсь».

«Ея императорское величество, говорила о роли, какую должно играть въ свѣтѣ, но хорошо знала, что это не болѣе, какъ роль. Вслѣдствіе своего вѣрнаго сужденія, она хорошо исполнила бы всякую роль, въ какомъ бы состояніи и при какихъ обстоятельствахъ ей не пришлось бы играть ее. Но роль императрицы наиболѣе шла къ ея лицу, къ ея походкѣ, къ возвышенности ея души и къ необъятности ея генія, столь же обширнаго, какъ и ея имперія. Она знала себя и умѣла цѣнить другихъ. Людовикъ при выборѣ людей руководствовался счастіемъ и благоволеніемъ; Екатерина—собственнымъ ихъ испытаніемъ и назначала каждаго на подобающее ему мѣсто. Однажды она сказала мнѣ: «Я часто смѣюсь про себя, видя безпокойство иного генерала или министра, когда я милостиво обхожусь съ его врагами. Они его враги, но не мои,

говорю я себѣ; я пользуюсь ихъ услугами, потому что они имѣютъ дарованіе, и я смѣюсь надъ людьми, воображающими, что я не стану пользоваться услугами лицъ, имъ непріятныхъ». Часто она уравновѣшивала довѣріе къ однимъ степенью довѣрія къ другимъ, вслѣдствіе чего, тѣ и другіе усугубляли свое рвеніе и становились болѣе осторожными. Зная всѣ эти ея способы пользоваться услугами другихъ и не позволять руководить собою, я писалъ ей однажды: «О петербургскомъ кабинетѣ такъ много говорятъ, между тѣмъ, это самый маленькій, размѣромъ въ нѣсколько вершковъ: отъ одного виска до другого и отъ корня носа до корней волосъ».

«Уѣзжая изъ одного губернскаго города, императрица, даже садясь въ карету, продолжала благодарить, раздавать награды и подарки. «Ваше величество, сказалъ я, кажется, очень довольны всѣми этими господами». — «Ничуть, отвѣчала она мнѣ, но я хвалю громко, а браню тихо» [1]).

«Она всегда говорила умно, дѣльно—я могъ бы привести тысячи примѣровъ, но никогда не острила. «Не правда ли, сказала она мнѣ однажды, вы не слышали отъ меня ни одной остроты? Вы не ожидали, чтобъ я была такъ тупа?» Я отвѣчалъ, что, дѣйствительно, я предполагалъ, что, заговоривъ съ нею, должно держать ухо востро, что она все себѣ позволяетъ и что ея разговоръ—одинъ фейерверкъ, но что мнѣ больше нравится ея небрежный разговоръ, причемъ ея выраженія становятся возвышенными лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь заходитъ о какихъ-либо важныхъ подвигахъ въ исторіи или въ государственномъ управленіи, о чертахъ величія, о высокихъ чувствахъ.

«Какою вы представляли себѣ меня?» спросила она. Я отвѣчалъ: «Высокою, крѣпкою, глаза какъ звѣзды, съ пышными фижмами». Она много смѣялась и часто попрекала меня

[1]) *Ligne*, XXII, 97.

этимъ. «Я полагалъ, прибавилъ я, что вамъ можно только удивляться, а постоянное удивленіе очень скучно». Она была особенно интересна тою противоположностью которая замѣчалась между простотою ея рѣчи и величіемъ ея дѣлъ. Она любила смѣяться, и смѣялась по поводу всякой мелочи, даже по поводу глупости; нерѣдко пустякъ занималъ ее. Она любила всякую шутку и пользовалась ею иногда очень оригинально. Я разсказалъ ей какъ-то, что, желая отдѣлаться отъ упрековъ одной петербургской дамы, будто я былъ неразговорчивъ на ея вечерѣ, я сказалъ, что сейчасъ только получилъ извѣстіе, что тетка, которая меня воспитала, при смерти, и императрица, скучая на большихъ выходахъ, иногда говорила мнѣ: «Я чувствую, что мой дядя умираетъ». Я слышалъ, какъ стоявшіе сзади меня шептали: «надо ожидать траура при дворѣ»; послѣ чего всѣ искали этого дядю въ альманахахъ и, конечно, не находили».

«Не правда ли, говорила она мнѣ, я была бы, съ моимъ умишкомъ, очень жалка въ Парижѣ? Я убѣждена, что явись я туда, какъ другія русскія путешественницы, мнѣ никто не предложилъ бы ужина». Говоря мнѣ о себѣ, она называла себя «ваша непоколебимая», потому что, разговаривая какъ-то о качествахъ души, я сказалъ, что это отличительное качество ея души. Это слово забавляло ее; она произносила его съ разстановкою, цѣлую четверть часа, и чтобъ удлинить его еще, говорила: «Итакъ, я отличаюсь непоколебимостью».

«Что же дѣлать, говорила императрица, M-lle Кардель не многому меня научила. Это была одна изъ старыхъ французскихъ гувернантокъ, покинувшихъ родину. Она меня, однако, достаточно подготовила для брака съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей. Ни г-жа Кардель, ни я, мы не ожидали ничего подобнаго».

«Въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ, во время послѣдней войны со Швеціею, она писала: «Ваша непоколебимая пишетъ вамъ при громѣ пушекъ, отъ котораго окна дрожатъ въ моей ре-

зиденціи» [1]). Я ничего не видѣлъ столь дѣльнаго и столь быстро приведеннаго въ исполненіе, какъ писанныя ея рукою диспозиціи для этой вполнѣ неожиданной войны. Она прислала ихъ кн. Потемкину, во время нашей осады Очакова. Внизу была приписка: «Хорошо ли я сдѣлала, учитель?» [2]).

«Императрица всегда признавала себя невѣждою. Однажды, когда она очень ужъ приставала съ этимъ, я, доказавъ, что она знаетъ Перикла, Ликурга, Солона, Монтескье, Локка, лучшія времена Аѳинъ, Спарты, Рима, новѣйшей Италіи и исторію всѣхъ странъ, сказалъ ей: «Если ужъ вашему величеству такъ хочется, я скажу о васъ то, что слуга Гриффэ говорилъ мнѣ о своемъ господинѣ, котораго онъ обвинялъ за то, что онъ вѣчно терялъ свою табакерку, перо, платокъ: «Повѣрьте мнѣ, мой баринъ вовсе не такой, какимъ вы его представляете себѣ; кромѣ своей науки, онъ ничего не знаетъ».

«Императрица пользовалась своимъ притязаніемъ на невѣжество [3]), чтобъ глумиться надъ докторами, академіями, людьми полуобразованными и ложными знатоками. Я соглашался съ нею, что она не имѣла понятія ни въ живописи, ни въ музыкѣ; однажды я доказалъ ей, даже больше чѣмъ она желала, что въ ея постройкахъ нѣтъ вкуса. «Сознайтесь, сказала она мнѣ, показывая свой новый дворецъ въ Москвѣ, что это великолѣпная анфилада».—«Это, отвѣчалъ я, прекрасно для лазарета, но для резиденціи это очень дурно: двери для каждой комнаты очень высоки и, несмотря на то, онѣ по необходимости слишкомъ малы для такого длиннаго ряда комнатъ, которыя, какъ въ вашемъ Эрмитажѣ, всѣ походятъ одна на другую».

«Несмотря на нѣкоторые архитектурные недостатки и на

---

[1]) Сборникъ, XLII, 81, 90. Votre imperturbable—императрица, не Л. Нарышкинъ. *Ligne*, XXII, 95.

[2]) Это же встрѣчается въ письмахъ. Сборникъ, XXVII, 520, 523.

[3]) *Ligne*, XXII, 86, 93.

извѣстный ея вкусъ къ домамъ готической постройки, воздвигнутыя при ней казенныя и частныя постройки сдѣлали Петербургъ красивѣйшимъ городомъ въ мірѣ. Она собрала въ своей столицѣ образцовыя произведенія искусствъ. Она похвалялась своими познаніями въ медальерномъ искусствѣ, но объ этомъ я судить не могу.

«Когда, во время плаванія по Днѣпру, графъ Сегюръ и я старались научить ее стихосложенію, чему сильно препятствовало ея анти-музыкальное ухо, она сказала намъ: «Вы видите, господа, вы меня хвалите въ общемъ, но, касаясь подробностей, вы сами находите меня ничего незнающею». На это я ей замѣтилъ, что въ одной, по крайней мѣрѣ, она очень сильна».—«Въ какой же это?»—«Въ твердомъ намѣреніи, въ рѣшимости».—«Этого-то ужъ я рѣшительно не понимаю».—«Все, что ваше величество говорите, приказываете, преобразуете, начинаете и оканчиваете, все въ мѣру и въ пору». — «Быть можетъ, сказала она, оно дѣйствительно имѣетъ такой видъ; но посмотримъ на сущность дѣла. Князю Орлову обязана я блескомъ одной стороны моего царствованія, такъ какъ онъ присовѣтовалъ послать мой флотъ въ Архипелагъ. Князю Потемкину обязана я Тавридою и изгнаніемъ всѣхъ татарскихъ ордъ, всегда угрожавшихъ имперіи. Можно только сказать, что я воспитала этихъ господъ. Фельдмаршалу Румянцеву обязана я побѣдами. Я сказала ему: «Господинъ фельдмаршалъ, дѣло доходитъ до драки—лучше побить, чѣмъ быть побитымъ». Михельсону обязана я поимкою Пугачева, который едва не забрался въ Москву, а можетъ быть и далѣе. Повѣрьте, господа, я только пользуюсь счастьемъ; если мною хоть немного довольны, то потому, что я тверда и ровна въ моихъ правилахъ. Моимъ служащимъ я предоставляю много власти; если ею злоупотребляютъ въ отдаленныхъ провинціяхъ, пограничныхъ съ Персіею, Турціею и Китаемъ, тѣмъ хуже для нихъ, и я стараюсь узнавать о такихъ личностяхъ. Знаю, они говорятъ: «Богъ и импера-

трица наказали бы насъ, но до Бога высоко, до царя далеко». Таковы, однако, мужчины; а я, вѣдь, женщина». Она мнѣ говорила также: «Меня отдѣлываютъ ловко въ вашей Европѣ. Давно уже говорятъ, что я разоряюсь, что я слишкомъ много трачу. Однако, мое маленькое хозяйство [1]) идетъ себѣ своимъ путемъ». Она любила это выраженіе, и когда хвалили ея порядокъ и время въ распредѣленіи работы, она часто говорила: «Надобно же порядочно вести свое маленькое хозяйство».

«Слова о томъ, что она «воспитала этихъ господъ», напоминаютъ мнѣ фаворитовъ, которые при отдохновеніи или при участіи въ ея трудахъ пользовались ея полнымъ довѣріемъ и даже жили въ ея дворцѣ. Сила ея ума сказывалась и въ томъ, что ошибочно называютъ слабостью сердца. Фавориты никогда не имѣли ни власти, ни кредита; но тѣ изъ нихъ, которые были пріучены къ государственнымъ дѣламъ самою императрицею и испытаны въ тѣхъ дѣлахъ, къ которымъ предназначались, бывали ей весьма полезны. Этотъ выборъ, всегда дѣлавшій честь обѣимъ сторонамъ, давалъ право говорить правду и быть выслушиваемымъ. Такъ, я видѣлъ, какъ графъ Мамоновъ пользовался этимъ правомъ, готовый пожертвовать для него своею милостью; я слышалъ, какъ онъ противорѣчилъ императрицѣ, оспаривалъ ея мнѣніе, защищалъ свои взгляды, настаивалъ; я замѣчалъ, что императрица была этимъ очень довольна, восхищаясь его правдивостью, честностью, его стремленіемъ творить добро по мѣрѣ силъ.

«Она говорила мнѣ: «Моя кажущаяся расточительность есть бережливость; все остается въ странѣ и, спустя нѣкоторое время, возвращается ко мнѣ же. У меня еще есть койкакія средства, но такъ какъ вы говорили мнѣ, что продадите, проиграете или потеряете дорогіе брильянты, если я

[1]) *Ligne*, XXII, 91.

дамъ ихъ вамъ, то вотъ всего лишь на сто рублей брильянтовъ. которыми окруженъ мой портретъ въ этомъ перстнѣ».

«Она обладала всевозможными способами дарить, сверхъ щедрости, свойственной ей, какъ великой и могущественной государынѣ: она дарила по великодушію, какъ прекрасная душа; по благотворительности, какъ душа добрая; изъ состраданія, какъ женщина; въ благодарность, какъ мужчина. желающій, чтобъ ему хорошо служили. Не знаю, участвовалъ ли при этомъ ея умъ или ужъ таково было ея сердце, но она всему придавала своеобразный видъ. Такъ, напримѣръ, она писала Суворову: «Вы знаете, что я никогда не повышаю не въ очередь — я неспособна обижать болѣе старшихъ; но завоеваніемъ Польши вы сами произвели себя въ фельдмаршалы» [1]).

«Во время путешествія, она всегда носила табакерку съ портретомъ Петра I и говорила мнѣ: «Это чтобъ спрашивать себя ежеминутно, что приказалъ бы онъ, что запретилъ бы, что сдѣлалъ бы, еслибъ былъ на моемъ мѣстѣ» [2]). Она увѣряла меня, что, кромѣ удовольствія, которое Іосифъ II доставлялъ намъ своимъ присутствіемъ, она любитъ его особенно за нѣкоторое сходство его съ Петромъ I: какъ и Петръ, Іосифъ дѣятеленъ, жаждетъ всему научиться и научить другихъ, и всецѣло преданъ своему государству. «У него умъ серьезный, говорила мнѣ она, но въ то же время пріятный; онъ вѣчно занятъ полезными предпріятіями и его голова постоянно работаетъ». Горе людямъ несправедливымъ, не умѣвшимъ оцѣнить его.

«Императрица очень была любима своимъ духовенствомъ, несмотря на то, что она уменьшила его богатства и ограничила власть. Когда Пугачевъ, во главѣ своихъ разбойниковъ, рыскалъ по деревнямъ, врываясь съ обнаженною саблею въ сельскіе храмы Божіи, одинъ священникъ, взявъ Св. Дары

---

[1]) Госуд. Архивъ, V, 116; Архивъ Сената, т. 178, л. 1.

[2]) *Ligne*, XXIV, 4, 10.

*

подошелъ къ Пугачеву и громко сказалъ ему: «Умножь свое преступленіе, злодѣй, убей меня, съ Тѣломъ Христовымъ въ рукахъ, отруби мою голову: я только-что молился за нашу матушку-императрицу».

«Въ присутствіи императрицы нельзя было говорить ничего дурного ни о Петрѣ I, ни о Людовикѣ XIV, какъ, равнымъ образомъ, ни малѣйшаго слова противъ религіи или нравственности. Едва можно было позволить себѣ какой-либо намекъ, и то крайне скрытно, причемъ она улыбалась въ душѣ. Она сама не позволяла себѣ никакихъ насмѣшекъ ни надъ религіею или нравственностью, ни надъ личностями, и если позволяла себѣ иногда шутку, то лишь въ присутствіи того къ кому относилась эта шутка, всегда столь добродушная, что доставляла ему же удовольствіе. Она едва простила мнѣ одно замѣчаніе насчетъ Людовика XIV, сдѣланное во время прогулки съ нею въ Царскомъ Селѣ. «По крайней мѣрѣ, сказалъ я ей, ваше величество согласитесь, что этому великому королю для его прогулокъ требовались прямыя аллеи, въ 120 шаговъ ширины, рядомъ съ такимъ же каналомъ; онъ не имѣлъ понятія, какъ вы, о тропинкѣ, ручейкѣ, лужайкѣ».

«Я имѣлъ случай замѣтить ея самообладаніе. Передъ въѣздомъ въ Бахчисарай, двѣнадцать лошадей оказались слишкомъ слабыми, чтобъ сдержать на спускѣ нашу большую шестимѣстную карсту и понесли. вѣрнѣе, были унесены ею. Можно было опасаться, что мы сломимъ себѣ шею. Я гораздо болѣе испугался бы, еслибъ не наблюдалъ за императрицею, испугалась ли она. Она сидѣла такъ же спокойно, какъ за завтракомъ, который мы только-что покинули.

«Она была очень разборчива на чтеніе. Она не любила ничего грустнаго, чувствительнаго и претендующаго на остроуміе. Она любила произведенія Лесажа, Мольера, Корнеля. «Расинъ мнѣ не нравится, говорила она, кромѣ его Митридата». Раблэ и Скарронъ заставляли ее нѣкогда смѣяться,

но она объ нихъ не вспоминала болѣе. Она скоро забывала все пустое, малоинтересное, но всегда помнила то, что интересовало ее. Она любила читать Плутарха въ переводѣ Аміо, Тацита Амело де ла Гуссэ и Монтэня. «Я Сѣверная Галла, говорила она мнѣ, и понимаю только старо-французскій языкъ, новаго не понимаю. Я хотѣла воспользоваться вашими умными господами; я ихъ вызвала къ себѣ, я писала имъ, испытывала ихъ—они надоѣдали мнѣ и не понимали меня, кромѣ моего добраго покровителя Вольтера. Знаете ли вы, что это онъ ввелъ меня въ моду. Онъ съ лихвою заплатилъ мнѣ за то, что я во всю мою жизнь любила читать его—онъ, шутя, многому научилъ меня».

«Только одинъ человѣкъ, призванный ея императорскимъ величествомъ, понравился ей своими государственными и литературными взглядами; она довѣряла и переписывалась съ нимъ до самой своей смерти. Я желаю ему продолжать «Исторію Россіи», которую онъ началъ и о которой императрица собственноручно писала ему разъясненія» [1]).

«Императрица не любила и не знала новѣйшей литературы; она обладала болѣе логикою, чѣмъ риторикою. Легкія ея сочиненія, какъ, напримѣръ, комедіи, имѣли поучительную цѣль—осмѣяніе путешественниковъ, модниковъ, сектъ, особенно мартинистовъ, которыхъ она считала опасными. Всѣ ея письма ко мнѣ наполнены сильными, великими идеями, удивительно ясными, иногда однимъ словомъ произносящими осужденіе, особенно если что-либо въ Европѣ вызывало ея негодованіе; сверхъ того, они веселы, добродушны. Въ ея слогѣ больше ясности, чѣмъ легкости; ея серьезныя сочиненія весьма глубокомысленны. Ея Исторія Россіи стоитъ, по-моему, хронологическихъ таблицъ президента Гено [2]); но мелкіе оттѣнки,

---

[1]) Gabriel Senac de Meilhan, 1736—1803. *Ligne*, XXII, 97; Сборникъ, XLII 144 sqq.

[2]) Кн. де-Линь разумѣетъ «Записки касательно Россійской Имперіи» и Abrégé chronologique de l'Histoire de France, par *Hénault*, dit le Président.

прелесть подробностей, живость слога были чужды ей. У Фридриха II тоже не было живости въ слогѣ, но у него было остальное, и онъ болѣе писатель, чѣмъ Екатерина.

«Она мнѣ говорила иногда: «Вамъ хочется смѣяться надо мною, что-жъ я сказала?»—«Старое французское слово, вышедшее изъ употребленія или неправильно произнесли слово. Ваше величество сказали, Baschante, напримѣръ, вмѣсто Bacchante». Она обѣщала всегда исправиться, но вскорѣ же опять давала поводъ смѣяться, въ родѣ того, какъ, играя на билліардѣ, заговорится съ кѣмъ-нибудь и эта милость ея позволитъ мнѣ выиграть съ нея двѣнадцать рублей.

«Самая большая скрытность ея заключалась въ томъ, что она не говорила всего, что думала и знала; но никогда подозрительное или коварное слово не выходило изъ ея устъ. Она была настолько горда, что не могла обманывать; когда же она сама обманывалась, то, чтобъ выйти изъ затрудненія, полагалась на свое счастье и на превосходство свое надъ событіями, которыя она любила преодолѣвать. Ей являлись, однако, иногда мысли о превратностяхъ, постигшихъ конецъ царствованія Людовика XIV, но вскорѣ же проходили, какъ облака. Только я одинъ слышалъ, какъ, получивъ послѣднее объявленіе турками войны, она, въ теченіе какой-нибудь четверти часа, смиренно сознавалась, что на свѣтѣ нѣтъ ничего вѣрнаго, что и слава и успѣхъ ненадежны [1]); но потомъ вышла изъ своихъ покоевъ съ такимъ свѣтлымъ, яснымъ взглядомъ, какъ и до пріѣзда курьера, и внушила всей своей имперіи увѣренность въ успѣхѣ.

«Я судилъ ее при жизни, какъ судили египетскихъ фараоновъ послѣ ихъ смерти [2]), причемъ я боролся съ невѣжествомъ и злобою, затмѣвающими часто историческія явленія. Въ противномъ случаѣ я потерялъ бы прелесть ея бесѣды или, вѣрнѣе, не могъ бы ею пользоваться. Гуманныя черты

---

[1]) *Ligne*, XXIV, 12. [2]) Ibid., XXII, 98.

ея проявлялись ежедневно. Однажды она разсказала мнѣ слѣдующее: «Не желая будить прислугу слишкомъ рано, я сама развела огонь, такъ какъ было довольно холодно. Между тѣмъ, въ трубѣ отъ камина былъ трубочистъ, не ожидавшій, чтобъ я могла встать ранѣе половины шестого. Онъ сталъ кричать благимъ матомъ. Я тотчасъ же погасила огонь и просила его извинить меня».

«Извѣстно, что она никогда почти не ссылала въ Сибирь, гдѣ, впрочемъ, ссыльные содержались довольно хорошо; она никогда и никого не присуждала къ смертной казни. Императрица часто просила судей смягчить ихъ приговоръ; она требовала разъясненій, хотѣла, чтобъ ей доказали, что она ошибается, и часто доставляла обвиняемымъ средства защиты. Я подмѣтилъ, однако, въ ней новый родъ злобы — ласковый взглядъ, иногда даже какое-либо благодѣяніе, чтобъ пристыдить тѣхъ, которыми она была недовольна, но заслуги которыхъ цѣнила, какъ, напримѣръ, относительно вельможъ, дурно отзывавшихся о ней. Вотъ примѣръ ея деспотизма: она запретила одному изъ лицъ высшаго общества жить въ собственномъ его домѣ. «Вы будете имѣть въ моемъ домѣ, сказала она ему, два раза въ день столъ на 12 персонъ; вы будете принимать у меня всѣхъ, кого любили принимать у себя — я запрещаю вамъ разоряться, но разрѣшаю дѣлать издержки, такъ какъ это доставляетъ вамъ удовольствіе».

«Клевета, не пощадившая прекраснѣйшую, нѣжнѣйшую, любезнѣйшую изъ королевъ, образъ мыслей и поведеніе которой я готовъ защищать всѣми силами, постарается, быть можетъ, покрыть укоризнами и могилу славнѣйшей изъ государынь. Клевета, вырвавшая цвѣты съ могилы Маріи-Антуанеты, захочетъ вырвать и лавры съ могилы Екатерины Великой. Самозванные собиратели анекдотовъ, памфлетисты, непризванные историки, люди пустые, злонамѣренные или коварные, захотятъ, быть можетъ, ради краснаго словца или изъ-за денегъ, умалить славу Екатерины. Но она восторже-

ствуетъ, благодаря тому, что я самъ видѣлъ, путешествуя съ нею по Россіи — любви и восторгу ея подданныхъ, любви и восторгу ея солдатъ. Я видѣлъ, какъ эти солдаты въ траншеяхъ, пренебрегая турецкими пулями и стихійными невзгодами, утѣшали и одобряли себя однимъ именемъ Матушки, ихъ идола.

«Наконецъ, я видѣлъ то, чего я никогда не сказалъ бы объ императрицѣ при ея жизни, но что любовь къ правдѣ заставляетъ меня написать на другой день по полученіи извѣстія, что блистательнѣйшее свѣтило, освѣщавшее наше полушаріе, закатилось навсегда» [1]).

Слова князя де-Линь сбылись. Вслѣдъ за смертью Екатерины II, въ томъ же 1797 году, когда была напечатана его брошюра «Портретъ», стали появляться пасквили, въ которыхъ клевета силилась исполнить роль, предсказанную ей княземъ де-Линь. Вслѣдъ за брошюрою Рюльера и книгами Кастѐра, появились сочиненія Лавò, Массона и др., такъ что уже въ 1801 году, издавая въ свѣтъ 20-й томъ полнаго собранія своихъ сочиненій, въ который вошелъ «Портретъ», кн. де-Линь проситъ «тѣхъ, кто купилъ «Vie privée de Catherine II» и пасквиль «Les amours de Catherine», не читать этого тома». Онъ зналъ, по опыту, что невозможно ни исправить злонамѣренныхъ, ни зажать ротъ клеветникамъ; но счелъ нужнымъ оправдать свой взглядъ на Екатерину и доказать свое безпристрастіе: «Еслибъ ея императорское величество была въ живыхъ, я не обнародовалъ бы этихъ восхваленій ея; я воспѣлъ ее, когда она не могла уже меня слышать» [2]).

Князь де-Линь до конца жизни сохранилъ высокое понятіе

---

[1]) *Ligne*, XX, 237. Portrait de feu Sa Majesté Catherine II Impératrice de toutes les Russies, 1797, s. l. Изъ указаній, сдѣланныхъ нами въ примѣчаніяхъ къ «Портрету», видно, что въ немъ собраны всѣ черты, о которыхъ князь де-Линь писалъ ранѣе, еще при жизни Екатерины, когда каждое ея замѣчаніе было свѣжо въ памяти автора «Портрета». Ср. «Русская Старина», т. LXXIII, стр. 34.

[2]) *Ligne*, XX, 4.

о Екатеринѣ, какъ «великой государынѣ, мудрой правительницѣ и прелестной женщинѣ» [1]). Сравненіе съ Екатериною было высшею похвалою въ его устахъ; свой панегирикъ шведской королевѣ онъ началъ стихомъ:

La Princesse adorable, égale à Catherine [2]).

Вѣсть о смерти Екатерины застала князя де-Линь въ Вѣнѣ; въ Вѣнѣ же онъ и умеръ. Изъ всего своего прежняго великолѣпія, князь де-Линь сохранилъ только небольшой домъ въ Вѣнѣ [3]). «Мой домикъ, окрашенный въ розовый цвѣтъ, цвѣтъ моихъ идей—единственный открытый домъ въ Вѣнѣ. Являйся кто хочетъ, садись кто можетъ. Иногда являются всѣ 60 лицъ, посѣщающихъ меня, и тогда не хватаетъ сидѣній: половина гостей стоитъ, выжидая, пока освободится сидѣнье. Разговоръ обычно идетъ о Польшѣ, о Россіи, объ Англіи, рѣдко о старой Франціи, никогда о новой». Во второмъ этажѣ помѣщалась библіотека князя; тамъ же, среди фоліантовъ, стояла его кровать. На столахъ и козеткахъ, даже на постели, разбросаны книги, рукописи, брошюры; стѣны увѣшаны картами войнъ, планами сраженій, оружіемъ всякаго рода: турецкими саблями, дамасскими ружьями, кинжалами, напоминавшими ему осаду Очакова, Бѣлграда или Измаила. Во всемъ художественный безпорядокъ: любовною запискою заложена страница «Esprit des lois»; рядомъ съ военнымъ этюдомъ эрцгерцога Карла раскрыта «La Nouvelle Héloise»; здѣсь отрывокъ для «Mémoires militaires», тамъ—стишокъ для героини дня; на столѣ—записная книжка, въ которую князь вписываетъ всякую мысль, какая придетъ въ голову, всякій фактъ, который вспомнитъ, всякую остроту, которая понравится [4]).

[1]) *Ligne*, XXIII, 28. [2]) Ibid., XXII, 144.

[3]) Въ бывшей Mölkergasse. Въ 1845 г. домъ этотъ былъ срытъ до основанія и на его мѣстѣ выстроенъ новый домъ, носящій въ настоящее время № 87. *Perey*, II, 139.

[4]) Нѣсколько сотенъ такихъ замѣтокъ, по выбору самого автора, напечатано. Всѣ онѣ свидѣтельствуютъ, что кн. де-Линь былъ человѣкъ умный. Нѣкоторыя замѣтки касаются Россіи и преимущественно Екатерины. *Ligne*, XX, 150.

Кромѣ этого домика, князь де-Линь владѣлъ еще зданіемъ на Leopoldsberg, которое онъ называлъ «Mon Réfuge». Это— зданіе упраздненнаго монастыря, подаренное ему Леопольдомъ II. У входа князь выбилъ свой гербъ; на сторонѣ, обращенной къ Дунаю, слѣдующее двустишіе:

Sans remords, sans regrets, sans crainte, sans envie,
Je vois couler ce fleuve et s'écouler ma vie.

Князь де-Линь нерѣдко ѣздилъ въ свое «убѣжище». Вѣнцы съ уваженіемъ смотрѣли на старомодный экипажъ, который тащили «двѣ престарѣлыя кобылы, уставшія отъ долгой жизни»; за каретою — старый турокъ, вывезенный сыномъ изъ-подъ Измаила.

Въ послѣдніе годы князь де-Линь безвыѣздно жилъ въ своемъ вѣнскомъ домикѣ. Тамъ, уже дряхлымъ старикомъ, принималъ онъ, въ 1815 г., дипломатовъ и коронованныхъ особъ, съѣхавшихся на конгрессъ. Тѣмъ и другимъ онъ неустанно проповѣдывалъ свои три политическія заповѣди: нейтралитетъ Бельгіи, враждебность Италіи къ Франціи и ограниченіе французской территоріи теченіемъ Рейна [1]). Когда же титулованные и коронованные посѣтители спрашивали князя де-Линь о пережитыхъ имъ временахъ, интересовались его прошлымъ и желали услышать объ его отношеніяхъ къ коронованнымъ особамъ, съ которыми онъ жилъ, дѣйствовалъ и былъ близокъ, особенно къ Екатеринѣ II, князь де-Линь отвергалъ всякое свое участіе въ политическихъ дѣлахъ Россіи: «Я былъ путешествующій совѣтникъ при русскихъ арміяхъ и русскихъ миссіяхъ; я былъ дипломатическій жокей въ Россіи» [2]).

---

[1]) *Ligne*, XXI, 279; XXVI, 213. [2]) Ibid., XX, 84.

ПРИНЦЪ НАССАУ-ЗИГЕНЪ ВЪ РОССІИ.

(1786—1796).

Новое Слово, 1894.

Принцъ Нассау-Зигенъ въ Россіи.

Адмиралъ русскаго флота и маршалъ французской арміи, испанскій грандъ и андреевскій кавалеръ, русскій помѣщикъ и польскій магнатъ, принцъ Нассау-Зигенъ посвятилъ вторую половину своей жизни исключительно Россіи: билъ турокъ въ Черномъ морѣ и шведовъ въ Балтійскомъ, бесѣдовалъ съ Екатериною II, представлялъ ея особу въ Кобленцѣ, среди французскихъ принцевъ, и въ Берлинѣ, при прусскомъ королѣ, и тѣмъ заслужилъ полное право на вниманіе русскихъ людей.

Появленію принца Нассау-Зигена въ предѣлахъ Россіи предшествовала незавидная слава отчаяннаго сорви-головы. Когда князь Потемкинъ писалъ императрицѣ въ лестныхъ выраженіяхъ о своемъ новомъ знакомствѣ, Екатерина отвѣчала ему: «Странно, какъ тебѣ князь Нассау понравился, тогда какъ повсюду имѣетъ репутацію d'un cerveau brûlé» [1]). Репутація не лестная, но мѣткая.

Нассаускій принцъ Карлъ-Николай-Оттонъ [2]) родился во

---

1) Сборникъ, XXVII, 396.

2) Въ Сборникѣ русскаго историческаго общества этотъ принцъ дважды спутанъ съ графомъ Нассау-Зигенъ, умершимъ въ 1679 году, и названъ Іоганнъ-Морицъ (XXXIII, 546) и Jean Maurice (XLIV, 860). Въ обоихъ томахъ изданы письма Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II, причемъ 33-й томъ предназначенъ для русскихъ читателей (письма переведены на русскій языкъ, предисловіе и указатель составлены на русскомъ языкѣ), а дополнительный 44-й томъ для экспорта за границу—письма оставлены безъ перевода и помѣщенъ Préface du tome XXIII (lettres de Catherine II à Grimm) и Index analytique des noms mentionnés dans le volume XLIV. Такимъ образомъ, грубая ошибка русскаго историческаго общества была имъ же оповѣщена всей Европѣ и подтвердила нашъ отзывъ о Сборникѣ, помѣщенный въ Revue d'histoire diplomatique, 1888, p. 410.

Франціи, въ зàмкѣ своей бабки, француженки и католички. Его дѣдъ такъ и умеръ, не зная, что у него родился сынъ, отецъ нашего героя — бабка ненавидѣла дѣда, и имѣла, вѣроятно, основаніе скрывать до времени рожденіе ребенка. Это рожденіе было признано незаконнымъ, и дядя наслѣдовалъ всѣ титулы и земли. Незаконнорожденный отецъ, рано женившійся на француженкѣ, началъ процессъ, и умеръ, оставивъ сыну титулъ принца, признанный парижскимъ парламентомъ, и право на земли, непризнанное придворною камерою Священной Римской Имперіи Сынъ и внукъ француженки, къ тому же принцъ крови, хоть и германскій, былъ принятъ французскою аристократіей и пользовался покровительствомъ версальскаго двора. Ему было 15 лѣтъ, когда маршалъ Кастри взялъ его съ собой въ послѣднюю кампанію семилѣтней войны; 20-ти лѣтъ онъ былъ принятъ Бугенвиллемъ на фрегатъ «La Boudeuse», отправлявшійся въ первое кругосвѣтное плаваніе [1]), на два года упредившее экспедицію капитана Кука. Въ 1769 году, по возвращеніи «La Boudeuse», Версаль и Парижъ наполнились сказочными разсказами о подвигахъ принца Нассау-Зигенъ. Дамъ особенно интересовали подробности о томъ, какъ владѣтельница о. Таити влюбилась въ принца и предлагала ему раздѣлить съ нею власть надъ дикими; мужчины дивились разсказу о единоборствѣ съ африканскимъ тигромъ, павшимъ въ неравной борьбѣ съ принцемъ. Эти разсказы рисовали его храбрымъ до дерзости, смѣлымъ до наглости, и сдѣлали его героемъ дня въ городѣ и при дворѣ. Принцъ былъ молодъ, красивъ, богатъ, безпутенъ, имѣлъ успѣхъ у женщинъ, слылъ добрымъ-малымъ среди мужчинъ. Сердечныя привязанности нассаускаго Донъ-Жуана сдѣлали его отцомъ задолго до женитьбы, о которой онъ тогда и не думалъ. Въ 1791 году, графъ Ѳ. В. Растопчинъ писалъ графу С. Р. Воронцову:

[1]) Сборникъ, XXIII, 405.

«Принцъ Нассау предложилъ мнѣ руку своей незаконнорожденной дочери только потому, что я, какъ единственный наслѣдникъ покойнаго родителя, обладаю хорошимъ состояніемъ» [1]). Принцъ Нассау-Зигенъ стрѣлялъ безъ промаха птицъ на лету въ версальскомъ паркѣ, ни въ одной изъ многочисленныхъ дуэлей не былъ раненъ и забрасывалъ министерство проектами, одинъ фантастичнѣе и несбыточнѣе другого. То онъ основываетъ новое царство на югѣ Африки—le royaume de Juida—и получаетъ отъ короля Людовика XVI жалованную на него грамату; то везетъ свой «нассаускій легіонъ» на о. Жерсэ, отъ береговъ котораго его отбиваетъ эскадра адмирала Эшборнета. Разочарованный неудачей, весь въ долгахъ, принцъ ѣдетъ въ Спа, гдѣ внезапно женится на вдовствующей княгинѣ Сангушко, рожденной Шарлоттѣ Горзской [2]). Прелестная полька съ ея несмѣтнымъ богатствомъ не могла, однако, заставить принца полюбить семейный очагъ — онъ, попрежнему, строитъ «испанскіе зàмки», ищетъ опасностей и беззавѣтно рискуетъ жизнью. Вскорѣ послѣ свадьбы, мы видимъ его уже на плавучей батареѣ, бомбардирующей Гибралтаръ: англійскія каленыя ядра зажгли уже всѣ суда батареи, экипажъ въ отчаяніи, и одинъ только принцъ Нассау спокойно командуетъ осадною артиллеріею, ожидая послѣдняго момента, когда онъ бросится въ море и вплавь спасется отъ вѣрной смерти. Вся Европа заговорила о громкомъ, но безполезномъ подвигѣ принца: къ удовольствію Екатерины, Гибралтаръ не перешелъ во владѣніе бурбоновъ [3]).

Le cerveau brûlé, казалось, остепенился послѣ гибралтарской неудачи; по крайней мѣрѣ, онъ серьезно занялся устройствомъ своихъ дѣлъ: поѣхалъ въ Вѣну хлопотать о правахъ своихъ какъ германскаго фюрста, на нѣмецкія земли своего

[1]) Архивъ князя Воронцова, VIII, 111.
[2]) «Русская Старина», LXXVII, 519.
[3]) Сборникъ, IX, 154.

дѣда, и отправился въ польскія имѣнія жены устраивать сплавъ по Днѣстру строевого лѣса.

Германскій фюрстъ и европейская знаменитость принцъ Нассау былъ желаннымъ гостемъ въ Вѣнѣ. «Вчера я представлялся императору,—пишетъ онъ женѣ.—Аудіенція длилась болѣе получаса. Его величество милостиво разспрашивалъ меня о нападеніи на Гибралтаръ, о моемъ путешествіи въ Африкѣ, и интересовался моимъ процессомъ о нѣмецкихъ земляхъ, захваченныхъ принцемъ Оранскимъ. Я очарованъ Іосифомъ II. Вечеромъ я былъ у князя Кауница, который обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе. Аббатъ Галуппи видѣлъ мои документы и призналъ мои права. Онъ другъ барона Гагена, предсѣдателя придворной камеры, въ которой будетъ разсматриваться мой гражданскій искъ. Сегодня переговорю съ княземъ Коллоредо, вице-канцлеромъ. Вчера былъ на великолѣпномъ ужинѣ у княгини Зичи. Комедія у князя Ауерсперга [1]) прошла очень мило, особенно послѣдняя пьеса «Le bon ménage». Теперь отправляюсь обѣдать къ неаполитанскому посланнику, потомъ поѣду въ итальянскую оперу, оттуда къ князю Коллоредо, а отъ него къ князю Кауницу» [2]). Много лѣтъ длился процессъ принца Нассау и былъ рѣшенъ въ его пользу только въ 1791 году, когда нассаускія земли, захваченныя принцемъ Оранскимъ, были уже заняты войсками Французской Республики.

Изъ Вѣны принцъ часто ѣздилъ въ Польшу, жилъ подолго въ Варшавѣ, хлопоталъ о судоходствѣ по Днѣстру. Еще въ Вѣнѣ, Іосифъ II, выслушавъ разсказъ принца Нас-

---

[1]) Домашніе спектакли были въ то время въ большой модѣ, особенно въ Вѣнѣ, а принцъ Нассау любилъ театръ. Въ его письмахъ, недавно изданныхъ, встрѣчаются отзывы о «Le mariage de Figaro», «Fanfana et Colas», «Mercure galant», «La mére Spartiate», «Tambour nocturne» и др. По его словамъ, въ Вѣнѣ были тогда «четыре домашнія труппы—у князя Эстергази, у M-me de Rombecque, у князя Старемберга и у... забылъ имя» (*Aragon*, 42, 51, 56, 67, 68, 80, 188, 189).

[2]) *Aragon*, 50.

сау о Днѣстрѣ, «удивился, какимъ образомъ поляки, такъ долго пренебрегали рѣкой, которая можетъ быть столь полезна Польшѣ» [1]). Король Станиславъ-Августъ встрѣтилъ принца Нассау не какъ «знатнаго иностранца», а какъ владѣтельнаго германскаго фюрста; польскіе магнаты считали для себя честью принять его въ свою среду и единогласно предоставили ему права гражданства Польской Республики: все варшавское общество наперерывъ старалось выразить свое уваженіе «герою Гибралтара». Принцъ Нассау обѣщалъ полякамъ отплатить «сторицею», устроивъ сбытъ польскихъ продуктовъ, особенно лѣса, во Францію и Испанію морскимъ путемъ, при помощи днѣстровскаго судоходства. Онъ не разъ плавалъ уже по Днѣстру, составилъ карту рѣки, начертилъ планъ гидрографическихъ работъ и былъ убѣжденъ, что днѣстровское судоходство обогатитъ Польшу. «Французы много закупаютъ холста въ Польшѣ и отправляютъ его сухимъ путемъ въ Ліонъ, причемъ къ стоимости пересылки присоединяется пошлина въ 16 су за аршинъ; я же могу привозить безпошлинно во всѣ порты Средиземнаго моря до 2.000 центнеровъ всякаго товара, не говоря уже о томъ, насколько морская транспортировка дешевле сухопутной. Чарторійскій, провѣривъ мои расчеты, пришелъ въ восторгъ отъ будущихъ выгодъ этой торговли» [2]). Франція, Испанія и Австрія разрѣшили уже принцу Нассау пользоваться ихъ флагами; получить такое же разрѣшеніе отъ Россіи представлялось тѣмъ болѣе легкимъ, что въ это же именно время князь Потемкинъ былъ занятъ устройствомъ торговаго морского пути отъ новопріобрѣтенныхъ русскихъ береговъ Чернаго моря, чрезъ Дарданеллы, въ порты Средиземнаго моря. Такимъ образомъ, планы принца Нассау шли навстрѣчу задачамъ князя Потемкина. Всѣ эти выгоды отъ днѣстровскаго судоходства, конечно, еще въ будущемъ, но и теперь уже принцъ Нассау

---

[1]) *Aragon*, 57. [2]) Ibid., 60.

могъ оказать большую услугу польскому королю, услугу чисто дипломатическую, которая привела принца въ Россію и познакомила его съ Екатериною II.

Весь 1786 годъ Станиславъ-Августъ велъ упорную борьбу съ оппозиціею, во главѣ которой стоялъ графъ К. II. Браницкій, племянникъ князя Потемкина по женѣ, рожд. Энгельгардтъ. Въ Бѣлой Церкви пили уже публично здоровье «короля Браницкаго», разсчитывая, очевидно, на властную поддержку всесильнаго Потемкина. Въ это тяжелое для польскаго короля время пришло извѣщеніе о предстоящемъ путешествіи императрицы Екатерины въ Крымъ, причемъ она приблизится къ границамъ Рѣчи Посполитой; Станиславъ-Августъ особымъ письмомъ увѣдомилъ Екатерину о своемъ желаніи привѣтствовать ее на польской границѣ — письмо оставлено было даже безъ отвѣта. Нѣтъ сомнѣнія: не только Потемкинъ, но и Екатерина противъ Станислава-Августа; въ Бѣлой Церкви имѣли, значитъ, серьезныя основанія пить здоровье Браницкаго-короля! Когда Станиславъ повѣрилъ это своему гостю, принцъ Нассау вызвался уладить дѣло личнымъ свиданіемъ съ кн. Потемкинымъ.

Онъ поскакалъ въ Кіевъ. Потемкина тамъ уже не было— онъ уѣхалъ въ Крымъ; принцъ за нимъ. въ Крымъ, и нагналъ его въ Кременчугѣ, откуда писалъ женѣ, отъ 4-го декабря 1786 года: «Лучшій пріемъ, чѣмъ оказанный мнѣ кн. Потемкинымъ, невозможенъ; нельзя быть болѣе вѣжливымъ, болѣе внимательнымъ. Я явился къ князю въ полдень. Графъ Румянцовъ доложилъ князю о моемъ пріѣздѣ. Потемкинъ вышелъ и нѣсколько разъ повторилъ, что давно ужъ желалъ познакомиться со мною. Онъ пригласилъ меня обѣдать; за столомъ было только два кресла—для меня и для него. Сообщаю эти мелочи, чтобъ вы могли судить, насколько неправъ маршалъ Потоцкій, рисовавшій Потемкина крайне высокомѣрнымъ. За столомъ мы говорили о войнѣ, о туркахъ, о плавучихъ батареяхъ... Послѣ обѣда, едва Потемкинъ заикнулся

о Польшѣ, я прямо высказалъ свое мнѣніе о положеніи польскаго короля и о роли, какую принялъ на себя графъ Браницкій, племянникъ князя... Въ 7 час. вечера пріѣхалъ ко мнѣ графъ Румянцовъ, въ каретѣ князя, звать меня къ нему на балъ и ужинъ. Князь явился вслѣдъ за нами. Онъ пригласилъ меня къ отдѣльному столику, поболтать, и началъ такъ: «Мнѣ очень жаль, что племянникъ вмѣшался въ эту глупую исторію; я всегда былъ противъ этого». Вамъ извѣстна моя прямота—я откровенно сообщилъ ему все и съ удовольствіемъ видѣлъ, что князь радъ былъ узнать правду, которую никто не дерзалъ сообщить ему. Король можетъ быть покоенъ: императрица радушно приметъ его. Князь сказалъ мнѣ: «Когда я буду имѣть честь увидѣть короля, онъ пойметъ, что не только я не противъ него, но что и императрица не можетъ не поддерживать его. Что же касается племянника, я выскажу ему мое полное неодобреніе его поведенію и мое желаніе, чтобъ онъ держалъ сторону короля» [1]).

Полный успѣхъ дипломатическій сопровождался не менѣе полнымъ успѣхомъ личнымъ. Принцъ Нассау и кн. Потемкинъ стали друзьями. «Князя всѣ обожаютъ здѣсь. Я о немъ наилучшаго мнѣнія; онъ никому не дѣлаетъ зла, даже завѣдомымъ врагамъ своимъ. У него открытый, прямой нравъ; съ самаго пріѣзда онъ со мною всегда одинаковъ. Невозможно быть болѣе внимательнымъ, болѣе ласковымъ. Мы какъ-то разговорились о шведскомъ королѣ, о произведенномъ имъ переворотѣ, и я показалъ князю послѣднее письмо ко мнѣ Густава III; едва князь прочелъ первыя строки, гдѣ король пишетъ: «Вы напоминаете намъ лучшія времена стараго рыцарства», какъ пріостановился читать и сказалъ: «очевидно, милѣйшій принцъ, о васъ не можетъ быть двухъ мнѣній — еслибъ вамъ перевести мое послѣднее письмо къ императрицѣ, въ которомъ я увѣдомляю ее о вашемъ прибытіи, вы нашли

[1]) *Aragon*, 102.

*

бы тамъ ту же фразу». Во время бала, разговоръ зашелъ о возможности войны съ Турціею, и князь сказалъ, что приметъ меня на службу съ распростертыми объятіями, причемъ прибавилъ: «Я отдаю вамъ подъ начальство мой кирасирскій полкъ, моихъ егерей, моихъ казаковъ, словомъ—лучшія наши войска».

Принцъ Нассау предполагалъ исполнить порученіе Станислава-Августа и недѣли черезъ двѣ возвратиться изъ Кіева; вмѣсто того, по просьбѣ князя Потемкина, онъ поѣхалъ съ нимъ на югъ, по Днѣпру, въ Херсонъ, въ Крымъ, былъ въ Бахчисараѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Судакѣ. Князь Потемкинъ подарилъ ему обширныя земли на берегахъ Днѣпра и въ Крыму; въ томъ числѣ островъ въ девять верстъ длины и пять ширины. Это земли «пустопорожнія», лишенныя рабочихъ силъ, невоздѣланныя; но кн. Потемкинъ обѣщаетъ нарядить солдатъ для обработки земли, и принцъ Нассау мечтаетъ уже выписать изъ Польши воловъ, какъ рабочій скотъ, вызвать изъ Константинополя винодѣловъ для будущихъ виноградниковъ, задумываетъ строить пивоварню, завести рыболовство, выварку соли, основать конскій заводъ и т. п. Принцъ Нассау принимаетъ живое участіе въ приготовленіяхъ къ таврическому путешествію императрицы и старается угодить Потемкину и Екатеринѣ. Онъ пишетъ женѣ, отъ 3-го января 1787 г., изъ Херсона: «Найдите, принцесса, двухъ хорошихъ почтарей, которые умѣли бы звонко трубить, не варшавскихъ, способныхъ выводить цѣлыя мелодіи на рожкѣ. Князь Потемкинъ искалъ повсюду и не нашелъ; это сердитъ его—онъ хочетъ, начиная отъ Кременчуга, сопровождать императрицу почтарями. Я обѣщалъ добыть ему пару искусныхъ и звонкихъ. Вотъ почему, принцесса, необходимо, чтобъ къ 15-му февраля, самое позднее, два почтаря были уже въ Кременчугѣ. Если нужно, попросите короля, чтобъ онъ распорядился; во всякомъ случаѣ, устройте такъ, чтобъ почтари были—разсчитываю на васъ». Принцъ Нассау воспользовался первымъ же

представившимся случаемъ, чтобъ угодить и Екатеринѣ. «Вчера—пишетъ онъ женѣ—мы много разговаривали о моей большой картинѣ Казановы [1]). Князь сказалъ, что много слышалъ о ней и просилъ позволенія снять съ нея копію для поднесенія императрицѣ. Я просилъ его поднести императрицѣ оригиналъ, причемъ мнѣ будетъ доставлена копія, которую сдѣлаютъ въ Петербургѣ. Князь Потемкинъ согласился, и я пишу Казановѣ, чтобъ онъ немедленно выслалъ картину въ Кіевъ. Позаботьтесь, принцесса, чтобъ полотно хорошо было упаковано и во-время было доставлено».

Принцъ Нассау былъ приглашенъ кн. Потемкинымъ сопровождать императрицу въ ея путешествіи. 7-го февраля 1787 г., въ Кіевѣ, принцъ представлялся Екатеринѣ, былъ милостиво принятъ ею, приглашался къ большому столу; 22-го апрѣля онъ отправился, въ свитѣ императрицы, внизъ по Днѣпру; 25-го присутствовалъ при каневскомъ свиданіи, имъ же отчасти устроенномъ, хотя и не обѣдалъ въ этотъ день на «Деснѣ»; 7-го мая, въ Койдакахъ, онъ стряпалъ, вмѣстѣ съ кн. Потемкинымъ и гр. Браницкимъ, обѣдъ для Екатерины II и Іосифа II [2]), всегда находясь скорѣе при кн. Потемкинѣ [3]), чѣмъ въ свитѣ императрицы. Письма принца Нассау къ своей женѣ за время таврическаго путешествія ри-

---

[1]) Francesco Casanova, 1727—1805, знаменитый батальный живописецъ, много работавшій для принца Конде. Въ 1785 г., въ Вѣнѣ, его посѣтилъ принцъ Нассау. «Я былъ вчера у Казановы, все еще больного. Изъ его оконъ видна башня церкви св. Стефана, замѣчательная башня. Я просилъ художника нарисовать ее. Мы разговорились о Янѣ Собѣсскомъ и освобожденіи Вѣны. Онъ такъ подробно разсказывалъ мнѣ, какъ поляки, подъ предводительствомъ Яна, спустились съ горы и ударили на турокъ, что я заказалъ ему изобразить этотъ разсказъ на полотнѣ. Фонъ картины составитъ Вѣна, стрѣляющая по бѣгущимъ туркамъ» (*Aragon*, 66, 70, 107. Подробности картины см. въ «Отечеств. Записк.», CLXXXIV, 190 и 252). Позже Казанова много писалъ для Екатерины II, преимущественно, на сюжеты второй турецкой войны.

[2]) «Кіевская Старина», XXXII, 113 411, 419; XXXIII, 72, 250, 252; XXXIV, 39, 40, 249; Сборникъ, XXIII, 410.

[3]) «Кіевск. Стар.», XXXIV, 409.

суютъ его роль въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ она представляется по другимъ источникамъ [1]), особенно по камеръ-фурьерскому журналу, причемъ нерѣдко имя пр. Нассау не встрѣчается въ тѣхъ случаяхъ, когда оно могло и даже должно бы значиться [2]), если бы письма пр. Нассау вѣрно рисовали его положеніе.

Таврическое путешествіе смѣнилось турецкою войною, второю по счету. Принцъ Нассау, только что прибывшій въ Петербургъ изъ Парижа, куда онъ ѣздилъ съ важнымъ дипломатическимъ порученіемъ [3]), немедленно же былъ принятъ въ русскую службу. «Ея величество разрѣшила мнѣ служить въ своей арміи. Князь де-Линь прикомандированъ къ той же арміи въ качествѣ корреспондента императора [4]). Я надѣюсь командовать отдѣльнымъ отрядомъ въ 15 или 18 тысячъ Это пока секретъ—все опредѣлится по моемъ прибытіи въ Елисаветградъ».

---

[1]) Всѣ письма, касающіяся таврическаго путешествія, переведены въ «Русской Стар.», LXXX, 283. Неточность этихъ писемъ усматривается изъ данныхъ, сообщенныхъ въ «Кіевск. Стар.», XXXIII, 250, XXXIV, 50, 52, 242, 407 и др. Послѣдующія письма пр. Нассау переведены въ «Вѣстн. Иностр. Литер.», 1894, январь, 165.

[2]) «Русск. Стар.», LXXX, 286. «Кіевск. Стар.», XXXIII, 250; XXXIV, 50, 52, 242, 407.

[3]) Умный графъ Сегюръ, французскій посланникъ при русскомъ дворѣ, давно уже склонялъ Екатерину на четверной союзъ—Россіи, Франціи, Австріи и Испаніи—какъ противовѣсъ англо-прусскому союзу. «Сближеніе вполнѣ достигнуто: остается только воспользоваться имъ», писалъ онъ въ депешѣ отъ 7-го ноября 1787 года. По просьбѣ гр. Сегюра, принцъ Нассау ѣздилъ въ Парижъ, чтобы побудить французское министерство къ новой политической системѣ. Въ Версали, однако, все еще надѣялись сохранить старую систему; ни Lomenie de Brienne, ни Montmorin не понимали политическаго положенія данной минуты, все еще ухаживали за Берлиномъ и были обмануты. Франція оказалась изолированною, безъ союзниковъ, задолго еще до революціи, благодаря не «новымъ принципіямъ», а бездарности руководителей ея внѣшней политики. *Monferrat*, Une tentative d'alliance Franco-russe à la fin du XVIII siècle въ «Le monde latin et le monde slave», 1894, janvier, I. Отзывы Екатерины объ этой миссіи пр. Нассау см. Сборникъ, XXIII, 444.

[4]) «Русск. Стар.», LXXIII, 275, 541; LXXIV, 1.

Екатерина встрѣтила пр. Нассау, какъ желаннаго гостя: императрица была съ нимъ очень ласкова, принимала въ Эрмитажѣ, приглашала къ обѣденному столу, на дворцовые спектакли. Отчаянный вояка, этотъ «сорви-голова», являлся необходимымъ именно теперь, когда у кн. Потемкина опустились руки—онъ хвораетъ, еще болѣе хандритъ, просится въ отставку, совѣтуетъ отдать Крымъ туркамъ. Потемкинъ въ эту минуту лучше всего обрисовывается въ его собственноручномъ письмѣ къ гр. П. А. Румянцеву, на-дняхъ изданномъ:

«Увѣдомляю васъ о горести моей, ибо съ нѣкотораго времени не получаю пріятнаго. Флотъ нашъ севастопольскій, который вышелъ къ Варнѣ, погибъ отъ шторма. Два фрегата пришли безъ мачтъ въ Севастополь, видѣвши всѣхъ почти безъ мачтъ же, но потеряли ихъ изъ виду и Богъ вѣсть гдѣ они. Грустно, батюшка, тогда, когда Богъ бьетъ, а не турки. Вы можете судить, умножилось ли во мнѣ здоровья. Сей флотъ была лучшая надежда къ отраженію непріятельскихъ покушеній, безъ чего состояніе войскъ нашихъ въ Крыму не будетъ увѣрено. Флотъ непріятельскій многочисленъ и весь теперь въ Черномъ морѣ. Я и прежде намѣреніе ихъ зналъ, что они облягутъ берега, возможные для дессанта съ разныхъ сторонъ. Разныя заботы къ отраженію; магазейны, и больные, которыхъ прикрывать должно, такъ раздѣлятъ силы, что, наконецъ, выдержать не будемъ въ силахъ.

«Я теперь отправляю курьера ко двору, представивъ всѣ обстоятельства, и доношу, чтобъ изъ Крыма вывести войска. Тамъ 11 полковъ пѣхоты и 20 эскадроновъ конницы. Ежели такая сила тамъ засядетъ, то не такъ мы сильны будемъ въ наступательномъ. Пусть турки войдутъ. Ихъ выгнать послѣ легче, нежели оборонять этотъ кошель. Графъ Петръ Александровичъ, прошу васъ, какъ отца, скажите мнѣ свою на сіе мысль. Что бы ни говорилъ весь свѣтъ, въ томъ мнѣ мало

нужды, но важно мнѣ ваше мнѣніе. Къ тому же моя карьера кончена. Я почти съ ума сошелъ. Теперь я приказалъ атаковать флотъ Очаковскій и тутъ игра идетъ на то, что корень вонъ или полонъ дворъ [1]). Наступать еще не съ чѣмъ, пѣхота тянется. Ей Богу, я не знаю, что дѣлать. Болѣзнь угнетаетъ—ума нѣтъ.

«Государыня изволила мнѣ писать, что къ вамъ письмо пошлетъ о принятіи начальства, но я получилъ отъ васъ, что еще такое повелѣніе не дошло. Еще повторяю, напишите мнѣ, хорошо ли я представилъ или дурно. Прости, мой милостивый государь; скоро можетъ обо мнѣ и не услышишь и не увидите; вѣрно знайте, что я васъ душевно любилъ» [2]).

Упалъ духомъ Потемкинъ, не упала Екатерина. «Письма ваши нерадостныя получила; но, однако, ничто не пропало,—писала она Потемкину.—Сколько буря была вредна намъ, авось-либо столько же была вредна и непріятелю; ни уже что вѣтеръ дулъ лишь на насъ? Я сожалѣю всекрайне, что ты въ такомъ крайнемъ состояніи, какъ ты пишешь, что хочешь сдать команду — сіе мнѣ всего болѣе печально. Ты упоминаешь о томъ, чтобы вывести войска изъ полуострова. Надѣюсь, что сіе отъ тебя писано было въ первомъ движеніи. Начать войну эвакуаціею такой провинціи, которая до днесь не въ опасности, кажется спѣшить не для чего. Равномѣрно сдать команду, сложить достоинство, чины и невѣдомо что, надѣюсь, что удержишься, ибо не вижу къ тому ни резоновъ, ни нужды, а приписываю чрезмѣрной твоей чувствительности и горячему усердію, которыя имѣли не такой успѣхъ, какъ ожидали, но въ такихъ случаяхъ всегда прошу ободриться и подумать, что бодрый духъ и неудачу поправить можетъ... На оставленіе Крыма, воля твоя, согласиться не могу: о немъ идетъ война, и если сіе гнѣздо оста-

---

[1]) Измѣненная русская пословица: «либо полонъ домъ, либо корень (съ корнемъ) вонъ». *Даль*, II, 771.

[2]) Матеріалы, VI, 150.

нется, тогда и Севастополь, и всѣ труды, и заведенія пропадутъ и паки возстановятся набѣги татарскіе на внутреннія провинціи; и кавказскій корпусъ отъ тебя отрѣзанъ будетъ, и мы въ завоеваніи Тавриды паки упражнены будемъ, и не будемъ знать, куда дѣвать военныя суда, кои ни въ Днѣпрѣ, ни въ Азовскомъ морѣ не будутъ имѣть убѣжища. Ради Бога, не пущайся на сіи мысли, кои мнѣ понять трудно.. и мнѣ кажутся неудобными, понеже лишаютъ насъ многихъ пріобрѣтенныхъ миромъ и войною выгоды и пользы. Когда кто сидитъ на конѣ, тогда сойдетъ ли съ онаго. чтобъ держаться за хвостъ?» [1]).

Задержанный «безъ толку» въ Петербургѣ, потомъ заботами о багажѣ въ Варшавѣ, принцъ Нассау прибылъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи только 24-го февраля 1788 года. Въ Елизаветградѣ онъ встрѣтилъ своихъ пріятелей, князя де-Линь и графа Роже де-Дамà, и былъ дружески принятъ княземъ Потемкинымъ, который «уступилъ ему свою комнату и самъ спалъ въ кабинетѣ» [2]). Болѣе мѣсяца прожилъ принцъ Нассау въ Елизаветградѣ, прежде чѣмъ состоялось его назначеніе—командиромъ гребной флотиліи на днѣпровскомъ лиманѣ. Предписавъ особыми ордерами отъ 26-го марта контръ-адміралу Мордвинову и генералъ-аншефу Суворову оказывать «принцу Нассау-Зигенъ марешалю де-Калтъ французскому» всяческое содѣйствіе, князь Потемкинъ въ тотъ же день увѣдомилъ принца о его назначеніи слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый Государь мой! Ваша свѣтлость, руководствуемы будучи ревностнымъ къ службѣ Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей моей Государыни, усердіемъ, восхотѣли быть употреблены при арміи, высочайше мнѣ ввѣренной. Къ толь похвальному въ васъ движенію присоединяете вы искусство и дознанное всѣми мужество. А сіи

---

[1]) Сборникъ, XXVII, 433, 491. [2]) *Aragon*, 200.

отличныя достоинства и побуждають меня поручить вашему превосходительству всѣ гребныя суда на Лиманѣ, къ которымъ я еще присовокуплю. что нужно будетъ для способствованія въ ихъ дѣйствіяхъ. Я дамъ предварительно о томъ знать г. контръ-адмиралу Мордвинову и вскорѣ доставлю дальнѣйшее мое о сей экспедиціи повелѣніе, какъ и о командированіи людей.

«На потребные во время начальства вашего расходы приказалъ я вамъ отпускать изъ экстраординарной суммы на мѣсяцъ по пятисотъ рублей, а для употребленія въ переводахъ командированъ къ вашей свѣтлости ротмистръ Ковалинскій.

«Я желаю и ожидаю благополучныхъ успѣховъ въ вашемъ предпріятіи и пребуду всегда и проч.» [1]).

Какъ принцу Нассау порученъ былъ гребной флотъ, такъ Джонсу порученъ былъ парусный, въ томъ же днѣпровскомъ лиманѣ, съ тою, однако, разницею, что онъ при этомъ былъ повышенъ изъ капитановъ генералъ-майорскаго ранга въ контръ-адмиралы. Между тѣмъ, принцъ Нассау до крайности преувеличивалъ значеніе порученнаго ему поста. «Русскіе генералы крайне раздражены, что волонтеръ получилъ такое важное командованіе. Князь Репнинъ наговорилъ мнѣ много любезностей, но замѣтилъ. что желалъ бы видѣть меня генералъ-лейтенантомъ русской службы, и въ такомъ случаѣ онъ первый бы одобрилъ такой выборъ; но ему кажется страннымъ, что иностранный офицеръ будетъ командовать русскими и это сдѣлаетъ мнѣ много затрудненій. Я увѣрялъ его, что сумѣю заставить исполнять мои приказанія и, къ тому же, не сомнѣваюсь, что князь Потемкинъ все предвидѣлъ. Другіе генералы перешептывались и пожимали

---

[1]) Матеріалы, VI, 248. Принцъ Нассау послалъ женѣ неточный переводъ письма (*Aragon*, 211), причемъ придалъ особое, совершенно невѣрное, объясненіе столовымъ деньгамъ (Ibid., 210). Здѣсь воочію можно убѣдиться, что письмами его можно пользоваться только при критическомъ къ нимъ отношеніи.

плечами. Особенно недоволенъ гетманъ Браницкій. Князь Потемкинъ говорилъ мнѣ: этотъ все-таки откровеннѣе другихъ — онъ прямо сердится и завидуетъ; его утѣшаетъ нѣсколько, однако, ваше назначеніе по морской службѣ: онъ сознаетъ, что у васъ есть познанія, много достоинствъ и что онъ не могъ бы служить въ морѣ. Потемкинъ прибавилъ, относительно опасеній, высказанныхъ княземъ Репнинымъ, что объявитъ, что всякій офицеръ, на котораго я пожалуюсь, будетъ разжалованъ въ солдаты. Мнѣ будетъ принадлежать честь перваго наступленія въ этой войнѣ, такъ какъ русскіе до сихъ поръ только обороняются» [1]).

Первая задача и главная цѣль главнокомандующаго Потемкина — овладѣніе Очаковымъ, для чего, прежде всего, необходимо затруднить, если не пресѣчь помощь крѣпости турецкимъ флотомъ, и эта важная операція возложена на принца Нассау. «Съ 5 час. утра до 7 час. вечера» ежедневно онъ упражняетъ свои морскія силы, учитъ матросовъ, о которыхъ Іосифъ II еще такъ недавно писалъ: «матросы почти вовсе не обучены своему ремеслу—просто набрали рекрутъ и назвали ихъ матросами» [2]). Вскорѣ принцъ Нассау письменно засвидѣтельствовалъ, что «россіяне легко понимаютъ то, что надобно дѣлать для пораженія непріятелей» [3]).

20-го мая турецкій флотъ, въ составѣ 45 судовъ, подъ командою капитанъ-паши Гассана, появился въ водахъ Очакова. «Корабли, фрегаты и прочія большія суда—какъ доносилъ князь Потемкинъ императрицѣ—по приближеніи своемъ стали на якорь верстахъ въ 20-ти отъ берега; галеры же и прочія гребныя суда, входя въ лиманъ, распространились до устьевъ Буга и остановились потомъ при Очаковѣ». Въ этотъ же день, допель-шлюпка съ капитаномъ 2-го ранга Сакеномъ, посланнымъ отъ принца Нассау къ Суворову, «была преслѣдуема тридцатью двумя турецкими судами, при ко-

---

[1]) *Aragon*, 208. [2]) *Arneth*, Ioseph II und Katharine, 359.

[3]) Матеріалы, VI, 317.

торыхъ находился и капитанъ-паша. Турки нагоняли уже шлюпку и ядромъ разбили мачту, когда Сакенъ отправилъ ко мнѣ маленькую шлюпку съ восемью человѣками и, послѣ получасовой схватки, взорвалъ свою шлюпку на воздухъ. лишь бы не попасться въ плѣнъ» [1]). Сообщая женѣ эти подробности, принцъ Нассау прибавилъ: «всѣ, находящіеся подъ моимъ начальствомъ, воодушевлены мужествомъ; я очень ими доволенъ».

27-го мая контръ-адмиралъ Джонсъ «вступилъ въ командованіе» паруснымъ флотомъ. Князь Потемкинъ писалъ принцу Нассау: «Я не связываю вамъ рукъ, и какъ контръ-адмиралъ Джонсъ къ вамъ уже прибылъ, то я желаю, чтобъ вы воспользовались всѣми возможными выгодами, какія только искусство и случай вамъ представятъ». Принцъ Нассау вполнѣ воспользовался совѣтомъ Потемкина. Глазами влюбленнаго слѣдилъ онъ за турецкимъ флотомъ, о чемъ ежедневно писалъ женѣ:

29-го мая. «Графъ Дамà спитъ; я бодрствую, одѣтый, въ ожиданіи разсвѣта—я спалъ днемъ. Турки не посѣтили насъ и сегодня. Боюсь—уйдутъ они отъ насъ изъ лимана! Вотъ будетъ досадно: мнѣ такъ хочется помѣряться съ капитаномъ-пашей.

30-го мая. «Страшная жара, а я весь въ хлопотахъ. Пишу вамъ, чтобы только доказать, что я иногда пишу вамъ. Въ виду Очакова и эскадры капитана-паши.

---

[1]) *Aragon*, 227; Матеріалы, VI, 296, 299, 300. Сакенъ, разставаясь съ своимъ другомъ подполковникомъ Марковымъ, командиромъ Козловскаго полка, сказалъ ему: «Мое положеніе опасно, но честь свою спасу. Когда турки атакуютъ меня двумя судами—я возьму ихъ; съ тремя—буду сражаться; отъ четырехъ не побѣгу; но если нападутъ болѣе, тогда, прощай, Ѳедоръ Ивановичъ—мы уже болѣе не увидимся». Петровъ (I, 141) справедливо находитъ эти слова «достойными перейти въ потомство». Между тѣмъ, до послѣдняго времени не было точно извѣстно даже имя Сакена и только благодаря недавно изданнымъ *Матеріаламъ* обнаружилось, что его звали Иваномъ Христофоровичемъ (VI, 305). Имя Сакена пропущено въ Біографическомъ Словарѣ русскаго историческаго общества.

4-го іюня. «Въ виду Очакова. Прелестная погода. Капитанъ-паша передъ нами. Его эскадра имѣетъ щеголеватый видъ. Когда подойдутъ войска, мы попросимъ пашу отвести свои суда и дать намъ мѣсто для атаки; если же онъ не согласится, постараемся заставить. Всѣ мои офицеры горятъ нетерпѣніемъ сразиться.

5-го іюня. «Очаровательная погода. Турки воспользовались этимъ и выстроились въ линію. Я ѣздилъ любоваться ими довольно близко. Ихъ корабли хорошо вызолочены—жаль будетъ жечь ихъ, лучше бы взять ихъ въ плѣнъ. Такъ продолжаться долго не можетъ. Дней черезъ восемь или десять мы ядрами, бомбами и брандскугелями вѣжливо попросимъ ихъ удалиться. Это будетъ такъ красиво, что хотѣлось бы, чтобы моя принцесса присутствовала въ Кинбурнѣ.

6-го іюня, 11 ч. вечера. «Мнѣ хотѣлось узнать, не возвели ли турки батарей на берегу, мимо котораго должны проходить наши суда. Я отправился на рекогносцировку съ самыми легкими судами. Турки привѣтствовали меня пушечными салютами и около часа стрѣляли въ меня. Всѣ ихъ снаряды перелетали выше нашихъ судовъ и ни одно ядро не попало въ цѣль. Я же не сдѣлалъ въ нихъ ни одного выстрѣла и, увидѣвъ все, что мнѣ нужно было, возвратился къ своей эскадрѣ, стоящей на якорѣ въ пяти верстахъ отъ эскадры капитана-паши и въ семи отъ Очакова. Никогда еще не было видано двухъ морскихъ силъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ. Какъ жаль, что моя принцесса не въ Кинбурнѣ—она могла бы насладиться восхитительнымъ зрѣлищемъ. Ну, если вы не видите, вашъ портретъ видитъ, на который я съ удовольствіемъ смотрѣлъ въ моментъ самой жаркой пальбы. Графъ Дама̀ смотрѣлъ на портретъ своей сестры, а одинъ изъ офицеровъ увѣрялъ, что ни въ какой морской битвѣ не любовались столь красивыми головками. Передъ вами сестра Дама̀—просто гризетка. Прощайте: отправлю почту и пойду осматривать, всѣ ли бодрствуютъ, а какъ разсвѣтетъ—лягу спать.

7-го іюня, 1 ч. дня, въ концѣ боя. «Я совершенно здоровъ, принцесса. Эскадра, мнѣ порученная, разбила турецкую, которою командовалъ капитанъ-паша. Во время боя я смотрѣлъ на вашъ портретъ, и это принесло мнѣ счастье. Мы взорвали два непріятельскія судна. Я видѣлъ ихъ—говорятъ, что два взлетѣли на воздухъ одновременно, что составитъ три. Я прогналъ турокъ до ихъ главной эскадры, гдѣ они и спаслись. Прощайте, принцесса, и будьте счастливы. Это будетъ моя лучшая награда.

8-го іюня. «Мы сражались съ 7 ч. утра до полудня и одержали полную побѣду. Не могу выразить вамъ, принцесса, то удовольствіе, которое я испытывалъ, когда, окончивъ преслѣдованіе непріятеля, я проходилъ передъ всѣми судами своей эскадры. Привѣтствія, крики ура со всѣхъ сторонъ до того потрясли меня, что слезы радости готовы были брызнуть изъ глазъ. Нѣтъ большаго удовольствія, какъ содѣйствовать успѣху сраженія. Но съ русскими я часто буду имѣть это удовольствіе. Офицеры, бывшіе подъ моей командой, солдаты, матросы, всѣ оказались героями. Нѣтъ никого храбрѣе русскаго. Но прелестнѣе всего, послѣ побѣды, не имѣть потери въ людяхъ. Капитанъ-паша имѣлъ противъ меня пятьдесятъ семь судовъ, хорошо построенныхъ, хорошо снабженныхъ, вооруженныхъ пушками большого калибра и экипажемъ. Огонь былъ очень силенъ, и все же я лишился лишь двухъ офицеровъ ранеными, четырехъ солдатъ убитыми и тринадцать ранеными. Но зато на трехъ судахъ, которыя потеряли турки, должны погибнуть по меньшей мѣрѣ триста человѣкъ, и мы должно быть перебили много людей, такъ какъ наши выстрѣлы были очень мѣтки. Послѣ этого, надѣюсь, принцесса не будетъ безпокоиться. Капитанъ-паша спустилъ свой флагъ тотчасъ же послѣ битвы, а мы отслужили благодарственный молебенъ при громѣ пушекъ. Генералъ Суворовъ, видѣвшій изъ Кинбурна нашу побѣду, тоже служилъ моле-

бенъ. Посылаю вамъ реляцію 7-го іюня, лучшаго дня въ моей жизни» [1]).

Дѣйствительно, лучшій день. О 7-мъ іюнѣ кн. Потемкинъ писалъ императрицѣ на другой же день, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ: «Всевышній даровалъ намъ побѣду. Три большія турецкія судна взорвали; всѣ суда прогнаны съ большою конфузіею: въ самомъ сраженіи капитанъ-паша стрѣлялъ по своимъ, чтобы ихъ остановить, но ничто не помогло. Принцъ Нассау поступалъ, какъ герой, и по справедливости сія побѣда ему принадлежитъ» [2]). Екатерина съ удовольствіемъ читала подробное донесеніе принца Нассау о побѣдѣ 7-го іюня и рескриптомъ отъ 24-го іюня пожаловала принца «кавалеромъ военнаго ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія большого креста второй степени» [3]).

Вслѣдъ за пораженіемъ Гассана-паши, у принца Нассау однимъ врагомъ стало больше: и капитанъ-паша собирается отмстить пораженіе, и съ Павломъ Джонсомъ принцъ Нассау не ладилъ, а ладить было нужно. На другой же день побѣды, 8-го іюня, кн. Потемкинъ предписываетъ «дѣйствовать общими силами» [4]), соединенными силами паруснаго и гребного флота, а принцъ Нассау никакъ не могъ столковаться съ Джонсомъ.

При самомъ назначеніи Джонса, кн. Потемкинъ писалъ Екатеринѣ: «Не могу скрыть отъ васъ, матушка, всемилостивѣйшая государыня, сколько принятіемъ его людей огор-

---

[1]) *Aragon*, 229—234.

[2]) Матеріалы VI, 306. Въ VI вып. Матеріаловъ, спеціально посвященномъ «бумагамъ кн. Потемкина»; не помѣщенъ ордеръ его принцу Нассау отъ 8-го іюня съ похвалою «мужеству и неустрашимости» принца; этотъ ордеръ напечатанъ въ вып. IV, стр. 228.

[3]) Матеріалы, VI, 315, 324. Эта награда была опредѣлена кн. Потемкинымъ («Русск. Стар.», XVI, 474). Вотъ его отзывъ о заслугахъ принца Нассау въ дѣлѣ 7-го іюня: «Все сіе дѣло произведено отъ флотиліи принца Нассау; онъ неутомимъ и ревностенъ» (Ibid., 471).

[4]) Матеріалы, VI, 308. Здѣсь помѣщены четыре ордера: два къ пр. Нассау и два къ Павлу Джонсу, по содержанію почти тождественные, причемъ только два отмѣчены нумерами (№№ 285 и 286).

чилось: почти никто не хотѣлъ остаться. Англичане всѣ хотѣли оставить службу; тоже и наши многіе морскіе... Бригадиръ Рибасъ согласилъ раздоры, которые возникли по причинѣ пріѣзда Пауль Жонеса—никто почти не хотѣлъ оставаться въ службѣ». Екатерина отвѣчала: «Что морскіе всѣ взбѣсились отъ Пауль Жонеса, о томъ жалѣю, дай Боже чтобы перестали бѣситься; онъ намъ нуженъ» [1]).

Былъ недоволенъ Джонсомъ и принцъ Нассау. «Павелъ Джонсъ очень измѣнился,—пишетъ онъ женѣ.—Судьба лишила его той неустрашимости, которою, говорятъ, онъ обладалъ. Я давно уже атаковалъ бы капитана-пашу, если бы не былъ вынужденъ согласовать движенія гребной эскадры съ парусною; но при нерѣшительности контръ-адмирала, эскадра котораго должна быть защищаема моею, опасаюсь, что мнѣ не одержать второй побѣды, которая была бы рѣшительною, если бы у меня былъ кто другой, а не Джонсъ, которымъ я очень недоволенъ. Таково-то большинство репутацій! Скоро прибудетъ кн. Потемкинъ; авось-либо Джонсъ перестанетъ тогда отступать. Въ жизнь свою не видѣлъ такого труса! О немъ можно сказать стихомъ:

Tel brille au second rang, qui s'eclipse au premier.

«Джонсъ, какъ корсаръ, прославился; но во главѣ эскадры, боюсь, ему не мѣсто. Ну, увидимъ, что будетъ; въ случаѣ надобности, я, вѣдь, и безъ него могу побить капитана-пашу» [2]).

И побилъ, даже не разъ, а два. Вотъ краткіе его бюллетени къ женѣ:

17-го іюня. Подъ пушками Очакова. «Корабль капитана-паши взятъ съ адмиральскимъ флагомъ, равно какъ и другой корабль двупалубный. Это полная побѣда, и она одержана эскадрою, мною предводимою. Отправляю графа Дама съ адмиральскимъ флагомъ къ Потемкину, доставившему мнѣ

---

[1]) «Русск. Стар.», XVI, 471, 475, 477; Сборникъ, XXVII, 501.

[2]) *Aragon*, 236.

возможность одержать двѣ побѣды. Потеря въ людяхъ у меня весьма не велика.

18-го іюня. «Сегодня у насъ была третья битва, гдѣ мы доканали капитана-пашу. Сражалась одна только моя эскадра. Мы взорвали шесть кораблей и два взяли въ плѣнъ. Капитанъ-паша скрылся.

19-го іюня. «Подробности двухъ битвъ, которыя труднѣе описать, чѣмъ выиграть, мѣшаютъ мнѣ сказать вамъ многое. Наконецъ-то я доволенъ собою. Три битвы, въ которыхъ я взялъ или разрушилъ ядрами четыре корабля 64-хъ-пушечные, пять большихъ фрегатовъ 40 и 36-ти-пушечныхъ, шебеку 30-ти, бригантину 14-ти-пушечную и три малыя судна, подъ командою капитана-паши, располагавшаго втрое большими силами, чѣмъ мои — это, принцесса, дѣйствительно удовольствіе! Я долженъ былъ побѣдить: я дѣйствовалъ вопреки мнѣнію командира паруснаго флота, который бездѣйствовалъ [1]). Джонсъ доказалъ намъ, что большая разница командовать корсаромъ или эскадрой. Однако, его незаслуженная слава уничтожила бы меня, если бы я не побѣдилъ».

Не преувеличиваетъ ли, однако, принцъ Нассау значенія битвы 17-го іюня? Не приписываетъ ли себѣ излишнюю заслугу въ результатахъ, достигнутыхъ этою битвою? Князь Потемкинъ писалъ Екатеринѣ, отъ 19-го іюня [2]): «Матушка родная, всемилостивѣйшая государыня, поздравляю съ побѣдой знаменитой: капитанъ-паша, хотѣвшій насъ поглотить,

[1]) Въ ордерѣ кн. Потемкина Павлу Джонсу, отъ 18-го іюня, на другой же день битвы, когда подробное о ней донесеніе не было еще получено, сказано: «Одержанная надъ непріятелемъ побѣда доставляетъ мнѣ въ другой разъ удовольствіе изъявить вашему превосходительству мою благодарность» (Матеріалы, VI, 319); но ни въ письмѣ къ императрицѣ, ни въ письмѣ къ гр. Румянцеву, отъ 19-го, имя Джонса уже не упоминается; въ числѣ лицъ, награжденныхъ за 17-е іюня, Джонса тоже нѣтъ. Въ подробномъ донесеніи императрицѣ Джонсъ вовсе не упомянутъ, а о пр. Нассау сказано: «Храбрость и приверженность къ службѣ вашей принца Нассау не могутъ довольно быть описаны» (Матеріалы, VI, 336).

[2]) «Русск. Стар.», XVI, 474.

пришелъ съ страшными силами, ушелъ съ трудомъ. Богъ видимо помогаетъ. Мы лодками разбили въ щепы ихъ флотъ и истребили лучшее, а осталась дрянь, съ которою онъ уходитъ въ Варну. Матушка, будьте щедры къ Нассау—сіе дѣло его трудовъ и усердія... За сіе нужно щедро его наградить имѣніемъ и тѣмъ привязать навсегда. Сколько онъ сдѣлалъ и сколько подвергался смерти!» Въ собственноручномъ письмѣ къ гр. Румянцеву, отъ того же числа: «Мы сейчасъ приносили Всевышнему благодареніе за дарованную побѣду рѣшительную надъ гордымъ капитанъ-пашою. Послѣ послѣдняго сраженія вчера и третьяго дня было сразу два. Турецкій хвастунъ со стыдомъ прогнанъ, побѣжавъ въ Варну, потерявъ свой корабль, вице-адмиральскій и еще четыре, кои сожжены, да взято два, итого 8 линейныхъ. Флагъ его и вымпелъ у насъ въ рукахъ. Плѣнныхъ взято 3.000, да побито больше; судовъ канонирскихъ повреждено сверхъ первыхъ 15-ти — тридцать» [1]). Наконецъ, 18-го, когда пр. Нассау опять, въ третій уже разъ, билъ турокъ, главнокомандующій кн. Потемкинъ послалъ принцу слѣдующій ордеръ: «Съ несказаннымъ удовольствіемъ получилъ донесеніе ваше о новой надъ турками побѣдѣ въ Лиманѣ. Ваши мужественные подвиги служатъ къ отличной славѣ вашей, и я не могу довольныхъ приписать похвалъ ревности, съ которою ваша свѣтлость употребляетъ себя къ пользѣ Имперіи Всероссійской» [2]).

Несомнѣнно: побѣда 17-го іюня есть побѣда рѣшительная, и одержана она принцемъ Нассау, подвергавшимъ себя смерти и оказавшимъ пользу Россіи. Это удостовѣрено и рескриптомъ императрицы къ Потемкину, отъ 26-го іюня: «Вслѣдъ за донесеніемъ вашимъ о подробностяхъ дѣла, бывшаго въ 7-й день сего іюня, получили мы новое о славной побѣдѣ, одержанной гребною Нашею флотиліею подъ командою принца Нассау-Зигена надъ флотомъ непріятельскимъ,

[1]) Матеріалы, VI, 323. [2]) Ibid., 320.

самимъ капитанъ-пашою предводимымъ. Обыкши воздавать подвигамъ отличнымъ щедротою Нашею, пожаловали Мы принцу Нассау-Зигену въ вѣчное и потомственное владѣніе три тысячи двадцать душъ Могилевской губерніи, въ Могилевской экономіи» [1]).

Князь Потемкинъ ошибался, думая, что Гассанъ-паша, трижды разбитый, «побѣжалъ въ Варну». Капитанъ-паша, проигравъ третье сраженіе, отошелъ въ открытое море, гдѣ стоялъ его запасной флотъ. 1-го іюля пр. Нассау получилъ отъ князя Потемкина слѣдующій краткій ордеръ: «Всѣ суда ввѣренной вамъ флотиліи извольте собрать и построить въ линію». Вскорѣ начался бой, четвертый и послѣдній, длившійся восемь часовъ. По окончаніи боя, пр. Нассау писалъ женѣ: «Нѣтъ болѣе турецкихъ военныхъ судовъ на Лиманѣ. Всѣ, которыя я атаковалъ сегодня, въ присутствіи арміи, подъ стѣнами Очакова, дали мнѣ еще одну побѣду. Въ то же время я сжегъ и часть города. Во время самаго боя, князь Потемкинъ, отвлекая турокъ, выдвинулъ свои войска и пушки до самыхъ ретраншементовъ. Князь Потемкинъ не зналъ, какъ меня благодарить. Онъ сказалъ, что наши побѣды болѣе блестящи, чѣмъ знаменитый чесменскій бой — тамъ брандеры сожгли турецкій флотъ, мы же уничтожили капитанъ-пашу въ открытомъ бою. Четвертый побѣдный молебенъ въ 23 дня — я нахожу это прекраснымъ, принцесса» [2]). По официальной вѣдомости, въ этотъ день «истреблено непріятельскихъ судовъ»: два фрегата, бригантина, бомбарда, кирлангичъ и пять галеръ, всего десять судовъ, на которыхъ было 94 пушки. Князь Потемкинъ доносилъ императрицѣ: «Прибывъ съ арміею подъ Очаковъ, я нашелъ, что суда, спасшіяся отъ послѣдняго пораженія, а паче галеры, имѣющія большія пушки, могли много препятствовать нашему приближенію для бомбардированія города. Приказалъ я принцу Нассау атаковать

[1]) Матеріалы, VI, 327, «Русск. Стар.», XVI, 571. [2]) *Aragon*, 240.

ихъ, что и учинено съ храбростью неописанною, подъ выстрѣлами всей крѣпости. Канонада, не умолкая, продолжалась восемь часовъ. Суда непріятельскія истреблены и одна изъ галеръ взята. Всемилостивѣйшая Государыня! Не могу довольно изъяснить, съ какимъ порядкомъ и неустрашимостью дѣйствовалъ принцъ Нассау съ гребною флотиліею, чрезъ восемь часовъ подъ жестокимъ огнемъ непріятельскихъ батарей: суда истребилъ, городъ во многихъ мѣстахъ выжегъ и принудилъ непріятельскія батареи замолчать» [1]).

Сообщая женѣ о своей четвертой побѣдѣ, пр. Нассау прибавилъ: «Enfin, ma princesse, je suis content». Была довольна и Екатерина: она послала принцу Нассау «шпагу съ надписью богатую» и разрѣшила ему «употреблять флагъ вице-адмирала флота Ея Императорскаго Величества» [2]). Особенно же былъ доволенъ князь Потемкинъ: «Донося подробно Ея Императорскому Величеству о послѣднемъ дѣйствіи на Лиманѣ—писалъ онъ въ ордерѣ принцу Нассау—обращаюсь изъявить вашей свѣтлости мою признательность. Видѣлъ я, какъ вы собственнымъ примѣромъ побуждаете на предпріятія, видѣлъ устройство и единодушное рвеніе всѣхъ; непріятель дознаъ вашу неустрашимость; вы при всемъ усиливаніи ихъ огня достигли предположенной цѣли—истребить ихъ суда и обратить большую часть города въ пепелъ. Я не могу изъяснить, какое я чувствую удовольствіе предводительствовать столь храбрыми воинами. Прошу объявить сіе мое чувствованіе всѣмъ вашимъ подчиненнымъ» [3]).

Въ запискахъ адмирала П. В. Чичагова читаемъ: «Во время турецкой кампаніи пр. Нассау-Зигенъ командовалъ гребной флотиліей и самъ прокричалъ въ своихъ реляціяхъ, писанныхъ безграмотно на французскомъ языкѣ, непонятномъ

---

[1]) Матеріалы, VI, 341, 343.

[2]) Сборникъ, XXIII, 461, XXVII, 502, 509; Матеріалы, VI, 349.

[3]) Матеріалы, IV, 231; VI, 346. Такихъ документовъ, напечатанныхъ въ Матеріалахъ дважды, нѣсколько.

для большинства русскихъ, о какихъ-то небывалыхъ побѣдахъ» [1]). Мы провѣрили письма и реляціи пр. Нассау по оффиціальнымъ источникамъ, и оказалось, что они подтверждаются всѣ сполна, до мельчайшихъ подробностей. Пр. Нассау одержалъ, дѣйствительно, «небывалыя побѣды», при чемъ онъ, въ своихъ «реляціяхъ», отдаетъ полную справедливость и признаетъ заслуги своего ближайшаго сотрудника—русскаго солдата. Подобно князю де-Линь, признававшему, что «русское войско только тогда не одерживаетъ побѣды, когда его не ведутъ въ бой» [2]), пр. Нассау «прокричалъ» на всю Европу, что «нѣтъ въ мірѣ никого храбрѣе русскаго солдата» [3]).

Пр. Нассау оставался «подъ Очаковымъ» до конца ноября. Въ Гродно, по пути въ Петербургъ, услышалъ онъ о взятіи Очаковскихъ укрѣпленій. 22-го декабря онъ представлялся Екатеринѣ. «Не могу выразить вамъ, принцесса, что испытывалъ я, представляясь, въ воскресенье, ея величеству. Она была въ тронной залѣ. Меня ввелъ оберъ-камергеръ, тотчасъ же удалившійся. Невозможно передать въ письмѣ всѣхъ милостивыхъ выраженій, которыми осыпала меня императрица, ни тѣхъ преувеличенныхъ похвалъ, вполнѣ, по ея словамъ, мною заслуженныхъ. Князя Потемкина ожидаютъ со дня на день. Императрица читала мнѣ его письма къ ней, гдѣ онъ говоритъ о моемъ «геройствѣ», и сама, гдѣ только могла, называла меня «героемъ» [4]). Мѣсяцъ спустя, пр. Нас-

---

[1]) «Рус. Стар.», LX, 53. Суворовъ иначе отзывался о принцѣ Нассау, «ревновалъ» его за эти «небывалыя» побѣды (Матеріалы, IV, 108, 145) и совѣтовалъ кн. Потемкину назвать именемъ «героя» фрегатъ «Prince Charles» (Ibid., III, 141).

[2]) Ibid., LXXIII, 553.

[3]) Il n'y a rien de plus brave qu'un Russe. *Aragon*, 233.

[4]) Въ депешѣ прусскаго посланника гр. Келлера, отъ 3-го января 1789 г., сказано: «L'Impératrice n'a pas temoigné beaucoup d'empressement à voir le prince de Nassau. Sa Majesté Impériale a sans doute eu raison de ne pas être contente en apprenant qu'avant de venir la remercier de la donation de 3.000 paysans, le prince de Nassau avait déjà donné commission de les vendre, ce qui

сау извѣщаетъ свою жену, что отправляется въ Мадридъ съ дипломатическою миссіею все по тому же четверному союзу: онъ проѣдетъ въ Мадридъ чрезъ Варшаву, при чемъ въ обоихъ городахъ остановится не надолго, такъ какъ долженъ немедленно возвратиться въ Петербургъ. Зачѣмъ? «Сегодня— сказано въ письмѣ отъ 23-го января 1789 г.—за столомъ императрицы былъ разговоръ о шведскомъ королѣ и о театральныхъ пьесахъ. Императрица приказала напечатать «Coriolan» и всѣ мелкія пьесы Кобенцля, Сегюра, де-Линь и др., игранныя въ Эрмитажѣ, и объявила, что дастъ этотъ сборникъ только тѣмъ, которые напишутъ пьесу для эрмитажнаго театра; но, въ видѣ особой милости. мнѣ было разрѣшено воспользоваться перомъ Сегюра; вотъ почему Сегюръ написалъ веселенькій фарсъ, а я получилъ первый томъ сборника [1]). Ея величеству очень понравилась пьеска Сегюра и, обращаясь ко мнѣ, императрица прибавила: «Я знала уже, что вы талантливый драматургъ—прошлымъ лѣтомъ вы представили мнѣ много трагическихъ сценъ, за которыя я всегда буду вамъ благодарна». Какъ вы догадываетесь, принцесса, я отвѣчалъ ея величеству, что готовъ возобновить подобныя представленія. Вставъ изъ-за стола, императрица подозвала меня и сказала: «Знаете ли, мнѣ хочется васъ поймать на словѣ?»—«Извольте только приказать».—«Но успѣете ли вы возвратиться изъ Мадрида?»—Я увѣрилъ императрицу, что успѣю. Полагаю, что мнѣ дадутъ командованіе галернымъ флотомъ съ 10.000-мъ корпусомъ» [2]).

Пр. Нассау искалъ случая «подраться»; Екатерина искала военачальниковъ. Опытъ шведской кампаніи 1788 года не прошелъ безслѣдно. Она убѣдилась во-очію, что ее обманывали, что хваленый флотъ ея во многомъ уступаетъ шведскому, и

---

indique bien qu'il veut se détacher de le Russie. Берл. Архивъ, Rep. XI, № 226. Гр. Келлеръ вскорѣ убѣдился въ ошибочности своихъ свѣдѣній.

[1]) Фактъ этотъ удостовѣренъ самою Екатериною. Сборникъ, XXIII, 468.

[2]) *Aragon*, 276, 278, 288.

что выборъ военачальниковъ крайне ограниченъ. Передъ войной всѣ были убѣждены, что «флотъ нашъ въ такомъ состояніи, какого лучше желать нельзя» [1]. и сама Екатерина говорила: «Надобно употребить въ пользу *превосходство* нашего флота противъ непріятельскаго и, разбивъ шведа на морѣ, идти къ Стокгольму» [2]; послѣ первой же кампаніи обнаружилось «все несовершенство русскаго флота» [3]. Сравнительно, флотъ деревянный, парусный и галерный, легко пополняется; но командиры флотовъ не создаются чиновничьимъ порядкомъ. Когда вспыхнула шведская война трудно было выбрать главнокомандующаго и потому уже, что выбирать было не изъ кого: всѣ боевые генералы—гр. Румянцевъ-Задунайскій, кн. Долгоруковъ-Крымскій, Суворовъ, кн. Репнинъ—были на югѣ, въ арміи, дѣйствующей противъ турокъ. Изъ оставшихся, дѣйствительно, по словамъ самой Екатерины, трудно было выбрать; графъ Я. А. Брюсъ—«не имѣетъ головы» и «какъ дураку ввѣрить такую важную часть»; графъ Ѳ. Е. Ангальтъ—«вздумалъ дурачиться и мы почти въ ссорѣ»; графъ И. П. Салтыковъ—«глупъ и упрямъ»; Н. И. Салтыковъ—«нуженъ сидѣть въ военной коллегіи»; и Екатерина назначила главнокомандующимъ «сущаго болвана» гр. В. П. Мусина-Пушкина, но вскорѣ же убѣдилась, что онъ «вялъ, не предпріимчивъ, и воистину командовать не умѣетъ». Также и во флотѣ: по смерти Грейга, остался только В. Я. Чичаговъ; вице-адмиралы Крузъ, Мусинъ-Пушкинъ, Сухотинъ командуютъ отдѣльными частями; контръ-адмиралы Спиридовъ, Повалишинъ и Козляниновъ заняты своими эскадрами. «Я смертію адмирала Грейга — пишетъ Екатерина — столь чувствительно тронута, что сказать не могу, и сія потеря для имперіи на сей случай есть несчастіе, ибо не имѣемъ во флотѣ, кто бы могъ съ таковымъ

---

[1]) Записки *Гарновскаго*, 20.

[2]) *Храповицкій*, 95.

[3]) Записки *Чичагова*, въ «Русск. Стар.», LVIII, 559.

же искусствомъ и репутаціею его мѣсто заступить» [1]). Грейгъ умеръ въ октябрѣ; въ декабрѣ явился въ Петербургъ пр. Нассау.

Тотчасъ по возвращеніи изъ Мадрида, пр. Нассау былъ назначенъ командиромъ галернаго флота въ Балтійскомъ морѣ. Указъ состоялся 6-го мая 1789 г. и въ немъ принцъ утвержденъ въ чинѣ вице-адмирала: «Командовавшему гребною нашею эскадрою на Лиманѣ въ прошломъ году принцу Нассау-Зигену, въ разсужденіи оказаннаго имъ усердія къ службѣ нашей и отличнаго мужества позволили Мы поднять флагъ вице-адмиральскій, вслѣдствіе чего помянутаго принца Нассау-Зигена считать вице-адмираломъ галернаго флота нашего» [2]). Принцесса Нассау прибыла тоже въ Петербургъ, чтобъ быть ближе къ мужу, работавшему въ Кронштадтѣ надъ устройствомъ галернаго флота.

Не только въ Кронштадтѣ, и въ Петербургѣ всю зиму усиленно работали надъ галернымъ флотомъ. Въ главномъ адмиралтействѣ, въ Новой Голландіи, въ Галерной гавани и на Охтѣ «строилось и перетимбировалось на спѣхъ до 150 судовъ гребного флота и транспортовъ и до 290 шлюпокъ» [3]). Тѣмъ не менѣе, къ началу навигаціи — Нева вскрылась въ 1789 году 16-го мая—ничего не было готово. Годъ назадъ, когда кн. Потемкина укоряли въ полной неготовности къ войнѣ, онъ писалъ Екатеринѣ: «Матушка Государыня! Нечаянной войнѣ мнѣ нужно было сдѣлать въ четыре мѣсяца то, что бы должно было въ два года произвесть. Пускай другой бы могъ возымѣть куражъ чинить совсѣмъ разбитый погодою флотъ, настроить гребныхъ судовъ, могущихъ ѣздить въ море, такое множество» [4]). Пр. Нассау цѣнилъ въ полной мѣрѣ эту дѣятельность кн. Потемкина и доказалъ, что наскоро построенный галерный флотъ отвѣчалъ вполнѣ своей

---

[1]) Сборникъ, XXVII, 527.

[2]) *Весселаго*, Списокъ, IV, 430; Записки Чичагова въ «Отеч. Зап.» 1824 г., XVII, 353; *Шишковъ*, 124.

[3]) *Головачевъ*, 90. [4]) Матеріалы, VI, 292.

цѣли. Въ Кронштадтѣ, напротивъ, не въ четыре мѣсяца, а во всю зиму, многаго не успѣли приготовить, и пр. Нассау безпрестанно жалуется на бездѣятельность гр. И. Г. Чернышева, вице-президента адмиралтейской коллегіи. 17-го мая сама императрица писала гр. Чернышеву: «Графъ Иванъ Григорьевичъ! Ради Бога, поспѣшите вооруженіемъ галеръ и гребной флотиліи, теперь уже шведскія суда, въ числѣ сорока, находятся въ морѣ и приходятъ къ границамъ» [1]). Между тѣмъ, только 19-го мая спустили на воду всѣ суда, и какія это были суда? «На нихъ надобно было съ перваго же раза передѣлывать весь рангоутъ, мѣнять орудія, весла, переносить крюйтъ-камеры и т. п.; всѣ они были строены по неиспытаннымъ еще образцамъ, а главное, всѣ были выстроены изъ сырого лѣса и потому не могли получить ни достаточнаго скрѣпленія, ни удовлетворительной конопатки». Экипажъ соотвѣтствовалъ судамъ: ни привычныхъ для управленія судами офицеровъ, ни матросовъ не было; вмѣсто матросовъ были набраны вольнонаемные крестьяне, которыхъ называли водоходцами, а «оные водоходцы ни на какихъ судахъ на водѣ не бывали» [2]). Графъ Сегюръ, французскій посланникъ, сообщаетъ объ этомъ въ своей депешѣ: «Матросы галернаго флота суть простые рекруты, никогда моря не видавшіе; лоцмановъ вовсе нѣтъ; 24-фунтовые снаряды еще въ Олонецкѣ, на заводѣ; пр. Нассау жалуется на полную неготовность галернаго флота; онъ долженъ все создать и всѣхъ научить».

Все это видитъ, все это знаетъ, кромѣ пр. Нассау, и П. И. Турчаниновъ, секретарь Екатерины, назначенный ею состоять при принцѣ, помогать ему; знаетъ все, слѣдовательно, и Екатерина. Безпорядки дошли до того, что часть флота, эскадру гр. Литта, хотѣли отправить въ море безъ вѣдома принца Нассау. Екатерина писала по этому поводу

---

[1]) Морск. Архивъ, т. 733, л. 6; *Головачевъ*, 147; *Веселаго*, III, 662.

[2]) Ibid., 155, 156, 221.

гр. И. Г. Чернышеву отъ 30-го мая: «Я удивляюсь, что графу Литта пропозиція сдѣлана: идти впередъ безъ вѣдома вице-адмирала принца Нассау, которому отъ меня поручена команда надъ гребнымъ флотомъ. Ему же отъ меня приказано нейти, не имѣвъ всего того, въ чемъ эта флотилія нужду имѣетъ, и не оставить ни одного судна, которыя по росписи ему назначены. Ему отъ меня рескриптъ и команда не для бобовъ дана» [1]). 1-го іюня изъ Кронштадта пр. Нассау писалъ женѣ: «Кронштадтскій губернаторъ вице-адмиралъ Мусинъ-Пушкинъ на столько-же помогаетъ мнѣ, какъ гр. Чернышевъ противодѣйствуетъ. Мнѣ думать некогда; дня въ два, три, исправлюсь и уйду» [2]).

Въ рескриптѣ отъ 4-го іюня Екатерина такъ благодарила принца Нассау за его заботы о снаряженіи галернаго флота:

«Господинъ вице-адмиралъ принцъ Нассау-Зигенъ! Я получила вчера письмо ваше, съ кронштадтскаго рейда отъ 3-го іюня, которымъ вы извѣщаете меня о сдѣланномъ вами осмотрѣ судовъ, состоящихъ подъ вашимъ начальствомъ, о сдѣланныхъ вами перемѣнахъ въ командирахъ галеръ, о введенномъ вами на эскадрѣ порядкѣ и о заботахъ вашихъ къ скорѣйшему окончанію полнаго вооруженія различныхъ судовъ—всѣмъ этимъ я вполнѣ довольна. Съ удовольствіемъ вижу, что вице-адмиралъ Мусинъ-Пушкинъ содѣйствуетъ вамъ во всемъ, что отъ него зависитъ, и я выразила ему за это свое удовольствіе. Желаю, чтобъ вѣтеръ и великое счастіе содѣйствовали усердію, которое вы опять столь убѣдительно доказываете мнѣ. Прощайте, желаю вамъ добраго пути и успѣха» [3]).

Только 8-го іюня вышелъ пр. Нассау съ своей флотиліей съ кронштадтскаго рейда [4]). Наканунѣ, онъ писалъ

---

[1]) Морской Архивъ, т. 733, л. 19; *Головачевъ*, 154; *Веселаго*, III, 662.

[2]) Сборникъ, XXII, 14; *Aragon*, 231. [3]) Ibid., I, 207.

[4]) Объ этомъ промедленіи Екатерина писала Турчанинову: «Принцъ Нассау очень хорошо сдѣлалъ, что взялъ время для лучшаго снаряженія своей

женѣ: «Все улаживается, все идетъ хорошо. Гр. Чернышевъ во многомъ виноватъ. но, по счастію, со мною Турчаниновъ, который все видитъ и старается все исправить. Думаю отплыть завтра; по настроенію экипажа не сомнѣваюсь въ успѣхѣ, если только шведы соблаговолятъ дождаться насъ» [1]). Отъ 11-го іюня, изъ Рогеля, онъ пишетъ женѣ: «Турчаниновъ поѣхалъ къ императрицѣ и сообщитъ ей причины моей невольной остановки [2]). Русскіе—удивительный народъ: даже ничтожная практика на этомъ небольшомъ переходѣ принесла уже много пользы. У шведовъ будутъ, быть можетъ, болѣе опытные офицеры—это не трудно; но постараюсь доказать, что храбрость все превозмогаетъ; мои люди. дѣйствительно, храбры и во всемъ помогаютъ мнѣ». Отъ 26-го іюня пр. Нассау доноситъ: «Могу увѣрить ваше императорское величество, что мы сдѣлали все, что было возможно сдѣлать, чтобъ подвинуться къ Фридрихсгаму. Команда гребла сколько было силъ противъ вѣтра, но успѣла сегодня дойти только до Питкопаса» [3]).

3-го іюля пр. Нассау благополучно сталъ на якорь при входѣ въ Фридрихсгамскую бухту. «Наконецъ-то — пи-

---

команды» (Сборникъ, XLII, 16). При выходѣ изъ Кронштадта эскадра пр. Нассау состояла изъ 72 судовъ—галеръ, каиковъ, шебекъ, коттеровъ, полупрамовъ и ботовъ; на нихъ было 10.500 человѣкъ, въ томъ числѣ офицеровъ, гардемариновъ и унтеръ-офицеровъ до 1.000, нижнихъ чиновъ 9.416 человѣкъ и, между прочимъ, «плѣнныхъ турокъ для гребли 117» (*Головачевъ*, 156). «Надлежитъ думать—говоритъ Шишковъ—что плѣнные турки посажены были на морскія суда единственно для нѣкоего укора шведамъ, состоящаго въ томъ, чтобы они видѣли противъ себя тѣхъ самыхъ союзниковъ своихъ магометанъ, за которыхъ они ополчились противъ насъ войною» («Отеч. Записки», 1824, XX, 95; *Шишковъ*, Военныя дѣйствія русскаго флота противъ шведовъ, Спб., 1825, стр. 159). Это были турецкіе матросы, взятые въ плѣнъ на Лиманѣ; принцъ Нассау дорожилъ ими; онъ проситъ жену купить для нихъ сто овчинныхъ тулуповъ—«мои турки мерзнутъ по ночамъ» (*Aragon*, 305).

[1]) *Aragon*, 302.

[2]) Указъ Турчанинову отъ 23-го іюня см. Сборникъ, XII, 14.

[3]) *Головачевъ*, 158.

шетъ онъ женѣ — я передъ Фридрихсгамомъ! Я встрѣтилъ на пути только три шведскія судна, которыя убѣжали; удалилось и судно, стоявшее предъ Фридрихсгамомъ [1]). Глупые шведы не устроили батарей на островахъ, мимо которыхъ мнѣ предстояло идти—они могли бы сильно затруднить мнѣ путь. Въ десяти и двѣнадцати верстахъ видно нѣсколько шведскихъ кораблей — отправляюсь на рекогносцировку и приму мѣры для сильной атаки ихъ». Вечеромъ того же дня: «Въ рыбачьихъ лодкахъ плавалъ я отъ острова къ острову, и убѣдился, что шведы заняли неприступное положеніе—выбить ихъ невозможно. Надо создать иной планъ борьбы. Вы видите, принцесса, что мое поведеніе со шведами не таково, какъ съ турками».

5-го іюля пр. Нассау имѣлъ долгое совѣщаніе съ главнокомандующимъ сухопутной арміи гр. Мусинымъ-Пушкинымъ. Въ ту же ночь отправлены въ Петербургъ два письма. Гр. Мусинъ-Пушкинъ писалъ гр. А. А. Безбородко: «По свиданіи моемъ съ принцемъ, худую я надежду имѣю на нашу флотилію, да и онъ самъ не очень смѣло беретца показатца непріятелю». Принцъ Нассау писалъ Екатеринѣ: «Я начинаю знакомиться съ положеніемъ непріятеля и буду дѣлать распоряженія, чтобы его атаковать при первомъ штилѣ, или маломъ вѣтрѣ отъ сѣверо-востока, и я смѣю поручиться Вашему Императорскому Величеству, что мы выбьемъ его изъ занятой имъ позиціи, какъ бы онъ на ней ни старался удержаться».

Кто же правъ? Кто ошибается? Принцъ ли Нассау боится «показатца непріятелю» или же гр. Мусинъ-Пушкинъ отчаявается «выбить непріятеля изъ занятой имъ позиціи?»

7-го іюля, 24 часа спустя послѣ свиданія съ главнокомандующимъ, пр. Нассау писалъ женѣ: «Я послалъ съ

---

[1]) Екатерина Потемкину отъ 6-го іюля: «По мѣрѣ какъ Нассау съ галернымъ флотомъ впередъ идетъ, шведы назадъ отступаютъ». Сборникъ, XLII, 16.

Хрущевымъ къ императрицѣ планъ атаки, сообразованной съ другими эскадрами, причемъ надѣюсь захватить весь галерный флотъ шведскій. Я ручаюсь за безопасность всего финскаго побережья до самаго Кронштадта». Планъ этотъ сохранился и заключается въ слѣдующемъ: «Смѣю увѣрить Ваше Величество, что мы можемъ захватить всю шведскую гребную флотилію, еслибъ эскадра вице-адмирала Круза или нѣсколько фрегатовъ изъ нашего флота. къ которымъ могутъ присоединиться и мои шебеки, могли быть поставлены между островами Муссало и Лехма. Какъ только будетъ занята эта позиція. то я сейчасъ начну бомбардированіе съ моей эскадры. Я поставилъ уже восемь пудовыхъ мортиръ на канонерскія лодки, съ которыхъ снялъ пушки; можно было бы также прислать двѣ имѣющіяся тамъ бомбарды. Имѣя у себя все это, мы въ состояніи будемъ принудить непріятеля оставить охраняемый имъ проходъ Руоченсальми. Если непріятель обратится на вице-адмирала Круза, то я послѣдую за нимъ по пятамъ, а если онъ обратится на меня, то вице-адмиралъ будетъ его преслѣдовать, и ни одно его судно отъ насъ не спасется» [1]).

«Планъ, посланный мною императрицѣ, принятъ во всѣхъ частяхъ», пишетъ пр. Нассау женѣ [2]). Для выполненія плана необходимы передвиженія цѣлыхъ эскадръ, а пр. Нассау нетерпѣливъ и все жалуется императрицѣ на мѣшкотность Круза: *12-го іюля*—«Я ожидаю только вице-адмирала Круза, чтобъ дѣйствовать, и смѣю увѣрить Ваше Императорское Величество, что мы со славою совершимъ эту кампанію»; *20-го іюля*—«Мы теряемъ драгоцѣнное время! Если медленность г. Круза происходитъ отъ нежеланія его быть въ подчиненіи у другого генерала, то я готовъ ему

---

[1]) *Aragon*, 314; *Головачевъ*, 174.

[2]) Гр. Безбородко князю Воронцову: «Отъ Нассау получили мы извѣстіе, что онъ готовъ, и за удачу плана онъ ручается». Архивъ кн. Воронцова, XIII, 162.

совершенно подчиниться и передать всю славу блистательнаго дня».

4-го августа прибылъ, наконецъ, вице-адмиралъ Крузъ, и между нимъ и принцемъ Нассау тотчасъ же возникли неудовольствія, распри, полный раздоръ, окончившійся обмѣномъ самыхъ неприличныхъ писемъ. Уже 7-го августа принцъ Нассау пишетъ женѣ: «Посылаю курьера съ жалобою на Круза, старающагося всячески разстроить мой планъ. Это какой-то чортъ! Я посылаю императрицѣ, что онъ писалъ мнѣ и что я отвѣчалъ ему. Она признаетъ мой языкъ довольно рѣшительнымъ». Дальше хуже. Отъ 9-го августа: «О, принцесса, какое наказаніе имѣть дѣло съ дурными людьми. Но я отсылаю императрицѣ и письма Круза, и мои отвѣты—она оцѣнитъ разницу, какъ служу ей я, и какъ служатъ другіе». Отъ 11-го августа: «Этотъ дьяволъ Крузъ совсѣмъ измучилъ меня! Онъ прислалъ мнѣ, наконецъ, дерзкое письмо, которое я отправилъ къ императрицѣ». Принцъ Нассау просилъ императрицу отозвать Круза и назначить начальникомъ вспомогательной эскадры оберъ-интенданта Балле [1]).

Просьба принца Нассау была уважена: Круза смѣнилъ Балле. «О, Богъ мой, принцесса, какъ пріятно служить императрицѣ, когда исполняешь свой долгъ. По первому же моему письму Крузъ отозванъ въ Петербургъ, и его эскадра поручена Балле, котораго я предложилъ. Я отдалъ ему приказанія и онъ уже отплылъ». Пр. Нассау писалъ императрицѣ: «Надѣюсь скоро достичь того момента, котораго я такъ пламенно ожидалъ» [2]).

Смѣна лицъ произошла 12-го августа, а 13-го — принцъ Нассау на-голову разбилъ шхерную флотилію графа Эренсверда. «Мы одержали, принцесса, большую побѣду. Я совер-

---

[1]) *Aragon*, 322, 324; *Головачевъ*, 229.

[2]) Графъ Н. Г. Чернышевъ писалъ графу Безбородко: «Жалокъ бѣдный Крузъ! Потерялъ милость и довѣренность, а если потеряетъ корабль и честь, будетъ онъ Нассау помнить». *Головачевъ*, 232.

шенно здоровъ, хотя бой длился четырнадцать часовъ и изъ нихъ десять часовъ очень жаркій. Не думаю, чтобъ могло быть сраженіе болѣе упорное. Въ 8½ час. вечера приведено ихъ первое судно. Я былъ вблизи и принялъ съ него до дюжины шведскихъ офицеровъ. Другіе корабли стали убѣгать— я погнался за ними и взялъ еще четыре, и въ томъ числѣ адмиральскій корабль, который только въ 7 час. былъ покинутъ командиромъ, отправившимся къ королю съ докладомъ о пораженіи. Въ часъ ночи была взорвана канонерка съ гвардейцами. Въ началѣ боя взлетѣли на воздухъ еще двѣ галеры съ гвардіею. Не знаю, зачѣмъ пишу вамъ всѣ эти подробности, умирая отъ усталости — двадцать девять часовъ я на ногахъ и въ хлопотахъ» [1]).

Въ Петербургѣ возликовали. Особенно рада была Екатерина—она не ошиблась въ принцѣ Нассау, и отблагодарила его, прежде всего, слѣдующимъ письмомъ [2]):

«Господинъ вице-адмиралъ принцъ Нассау-Зигенъ! Этими строками намѣрена я поздравить васъ со славою, которою вы покрыли себя, одержавъ опять знатную побѣду надъ шведскимъ флотомъ 13-го сего мѣсяца. Разбивъ моихъ враговъ и враговъ Россіи, на югѣ и на сѣверѣ, вы ни мало, надѣюсь, не сомнѣваетесь въ моемъ уваженіи, въ моей благодарности и въ чувствахъ, внушаемыхъ мнѣ вашею храбростью, по истинѣ геройскою. Радуюсь, что вы въ добромъ здоровьи. Вы наполнили городъ большимъ веселіемъ. Прощайте, будьте здоровы.

«16-е августа 1789. «Екатерина».

Нѣсколько дней спустя, гр. Сегюръ писалъ въ своей депешѣ: «Принцъ Нассау имѣлъ необыкновенное счастіе и славу одержать двѣ побѣды на Черномъ и на Балтійскомъ морѣ, и въ теченіи одного года взять турецкій адмиральскій

[1]) *Aragon*, 325; Записки Эренстрема въ «Русской Старинѣ», LXXIX, 35.

[2]) Сборникъ, I, 209. Письмо помѣчено два раза—16-го іюня и 16 juillet, и оба раза не вѣрно: оно отъ 16-го августа.

корабль и шведскій. Ему пожалованы знаки ордена св. Андрея Первозваннаго» [1]).

Сообщая это радостное извѣстіе князю Потемкину и въ письмѣ, и въ рескриптѣ, Екатерина прибавляла: «Принцъ Нассау рѣшился сдѣлать десантъ и короля атаковать. Отъ меня не только подтверждено, чтобъ принцъ пользовался побѣдою, имъ одержанною, но и генералу графу Мусину-Пушкину приказала я стараться перенести оружіе на непріятельскую землю» [2]).

Принцъ Нассау не нуждался въ подтвержденіяхъ. Въ самый день битвы, усталый, принцъ посылаетъ графу Мусину-Пушкину планъ атаки Густава III. 15-го августа пр. Нассау пишетъ императрицѣ: «Свѣдѣнія, мною собранныя, подали мнѣ мысль составить планъ, подробности котораго Ваше Императорское Величество увидите изъ прилагаемаго письма моего къ графу Пушкину. Король находится еще въ Гегфорсѣ. Я думаю, ему понадобится лучшая изъ его лошадей, чтобы спасти свою особу. Лагерь короля застланъ еще дымомъ отъ его собственныхъ судовъ. Если онъ успѣетъ ретироваться, намъ никогда впослѣдствіи не представится такого прекраснаго случая захватить его. Надѣюсь прислать вамъ вскорѣ извѣстіе о вторичной побѣдѣ» [3]). Напрасная надежда, когда главнокомандующимъ состоитъ такой «мѣшокъ», какъ гр. В. П. Мусинъ-Пушкинъ.

Все лѣто, съ мая, гр. Мусинъ-Пушкинъ доносилъ, что не ведетъ впередъ своей арміи за неимѣніемъ флота для поддержки лѣваго крыла; теперь же, онъ ни мало не интересовался знать, что дѣлалось на роченсальмскомъ рейдѣ, гдѣ рѣшался, по его же словамъ, главный вопросъ всей

---

[1]) Записки Сегюра, 373. «Побѣда, одержанная нашей флотиліей, была полная и блистательная. Если и были нѣкоторые промахи со стороны пр. Нассау, они выкупались сполна его энергіей въ доведеніи до конца своего плана» (*Головачевъ*, 263).

[2]) Сборникъ, XLII, 26, 27. [3]) *Головачевъ*, 263.

кампаніи—онъ оставался въ своемъ лагерѣ при Коувалахъ, въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ флотиліи, и лишь 17-го августа, по настоятельной просьбѣ принца Нассау, пріѣхалъ въ Фридрихсгамъ, откуда писалъ принцу: «Надо вамъ признаться, ваша свѣтлость, что на сухомъ пути не удастся намъ сдѣлать большой диверсіи непріятелю, потому что всѣ его силы находятся по ту сторону Кюменя, и всякое предпріятіе съ этой стороны Гегфорса послужитъ ему не болѣе, какъ забавой—онъ не сниметъ своихъ батарей и не уменьшитъ своихъ войскъ».

Эта невѣжественная бездѣятельность крайне раздражала пр. Нассау. Онъ пишетъ женѣ 16-го августа: «Самъ лѣшій мѣшается въ мои дѣла! Опять препятствіе! Мнѣ труднѣе добиться толку отъ своихъ, чѣмъ бить враговъ, хотя они дерутся хорошо. Генералъ, котораго я просилъ только сдѣлать фальшивое движеніе, только показать видъ, что онъ хочетъ атаковать шведовъ, чтобъ они не обрушились на меня, когда я стану высаживать десантъ, отвѣтилъ мнѣ, что онъ въ этомъ случаѣ можетъ быть только простымъ зрителемъ. Такимъ образомъ, я долженъ ожидать приказа отъ главнокомандующаго Пушкина, отъ котораго я не имѣю никакихъ извѣстій вотъ уже десять дней. Посылаю императрицѣ письмо этого генерала, причемъ выражаю ей всѣ мои огорченія отъ постоянныхъ препятствій, мною встрѣчаемыхъ». И безъ помощи генерала пр. Нассау свезъ десантъ, рѣшился идти гнать шведовъ одинъ, и писалъ женѣ 17-го же августа: «Я чертовски взбѣшенъ! Теперь, когда я побѣдилъ Круза и уже послѣ того шведовъ, Пушкинъ беретъ на себя роль Круза! Онъ пишетъ, что одобряетъ мой планъ, что я могу приводить его въ исполненіе, что онъ пришлетъ войска подкрѣпить меня; когда я же готовъ уже двинуться, получаю неожиданно второе письмо съ извѣстіемъ, что онъ не можетъ мнѣ помочь, но что если я захочу все-таки исполнить свой планъ, то воленъ дѣлать, что мнѣ угодно. Оче-

видно, онъ хочетъ свалить на меня всю тяжесть предпріятія и всю отвѣтственность, но я этого не хочу и требую отъ него, какъ отъ главнокомандующаго, положительнаго приказа».

Надоѣла принцу переписка съ главнокомандующимъ, и онъ поѣхалъ самъ въ Фридрихсгамъ. «Я только-что возвратился, принцесса, изъ Фридрихсгама—пишетъ онъ 18-го августа—гдѣ видѣлся съ Пушкинымъ, принявшимъ мой планъ атаки. Очень будетъ недурно выиграть сраженіе на сушѣ и привести вамъ шведскаго короля. Это еще возможно, но подъ условіемъ, что онъ дождется нашего прихода. Но еще не все у насъ готово, и я боюсь, что король замѣтитъ, наконецъ, какъ глупо оставаться въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится».

Густавъ III замѣтилъ, наконецъ, свою глупость и отступилъ по дорогѣ въ Ловизу. Принцъ Нассау преслѣдовалъ по пятамъ шведскую армію до Абберфорса, гдѣ былъ остановленъ сильными укрѣпленіями на правой сторонѣ Кюменя. Онъ разбилъ при этомъ шведскій аріергардъ, взялъ до 500 плѣнныхъ, часть военныхъ запасовъ и багажъ короля. Густавъ III уѣхалъ въ Стокгольмъ.

Екатерина писала Турчанинову, отъ 26-го августа: «Жаль, что въ исполненіи предположенія вице-адмирала принца Нассау-Зигена встрѣтившіяся замедленія лишили насъ успѣха самаго рѣшительнаго; но когда непріятель теперь ушелъ изъ границъ нашихъ и оказалъ такую робость, неужели не воспользуются столь благопріятнымъ случаемъ, чтобъ идти тотчасъ далѣе, и неужели медленностію дадутъ ему время опомниться и съ силами собраться, чѣмъ всѣ слѣдствія побѣды принца Нассау ни во что почти обратятся, и мы, потерявъ людей, время, труды и деньги, съ того же пункта и слѣдующую кампанію начинать станемъ» [1]).

Съ огорченіемъ узнала Екатерина, что и будущую кам-

[1]) Сборникъ, XLII, 29.

панію придется начинать «съ того же пункта», но вѣрно поняла причины и воздала коемуждо по дѣломъ его. Она писала принцу Нассау, отъ 3-го сентября: «Маленькія предосторожности содѣйствуютъ иногда сохраненію здоровья; отъ всего сердца желаю, чтобы ваше не страдало отъ суровой погоды въ равноденствіе, почему и посылаю вамъ два халата, такіе же, какъ я посылала прошлымъ годомъ фельдмаршалу князю Потемкичу, подъ Очаковъ — они ему очень пригодились, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ». И нѣсколько дней спустя, отъ 6-го сентября, Екатерина писала Потемкину: «По сей часъ Пушкина ничѣмъ принудить не можно было воспользоваться отступленіемъ шведовъ, чтобы нанести имъ наивящій вредъ. Сей мѣшокъ нерѣшимой мнѣ весьма надоѣлъ, и воистину онъ командовать не умѣетъ» [1]).

Принцъ Нассау вполнѣ соглашался съ отзывомъ Екатерины. Заканчивая кампанію, онъ писалъ женѣ: «Ничего не можетъ быть ужаснѣе, какъ имѣть дѣло съ невѣждами и негодяями. Слава Богу, я окончилъ кампанію, во время которой я доказалъ императрицѣ свое усердіе гораздо болѣе тою правдою, которую я сообщалъ ей, чѣмъ побѣдами, которыя мы одержали только благодаря счастливой возможности сноситься непосредственно съ нею» [2]).

15-го сентября принцъ Нассау былъ уже въ Петербургѣ. Графъ Сегюръ сообщалъ въ своей депешѣ: «Екатерина оказала ему самый почетный пріемъ. Она облобызала его, осыпала похвалами и оказываетъ ему полнѣйшее довѣріе». Императрица пожаловала ему пожизненную пенсію въ 3.000 рублей, обычно выдаваемую «иностраннымъ владѣтельнымъ принцамъ, служившимъ Россіи».

Чѣмъ болѣе отличала Екатерина принца Нассау, тѣмъ болѣе являлось у него завистниковъ и враговъ, но только одного изъ нихъ принцъ удостоилъ отвѣта, который дорисо-

[1]) Сборникъ, I, 209; XLII, 33. [2]) *Aragon*, 334.

вываетъ внутренній портретъ принца. Когда императрица обнародовала подробную реляцію битвы 13-го августа, шведскій король, «въ порывѣ оскорбленнаго самолюбія». напечаталъ свою реляцію, въ которой «силился умалить свои потери» [1]) и тѣмъ подорвать достовѣрность реляціи принца Нассау. По этому поводу принцъ написалъ ему слѣдующее письмо:

„Петербургъ, 20-го сентября 1789 г.

«Государь!

«Когда ваше величество почтили меня недавно письмомъ своимъ, вы сказали мнѣ, что обращаетесь къ рыцарю, повсюду ищущему славы и чести. Буду стараться, конечно, Государь, всю жизнь мою оправдать такое обо мнѣ мнѣніе вашего величества; но когда ищутъ чести, то не терпятъ ничего, что давало бы поводъ заподозрѣвать честность, и не высказываютъ ничего, что не было бы справедливымъ и не могло бы быть подтверждено и доказано предъ цѣлымъ свѣтомъ.

«Это-то чувство и возбудило во мнѣ негодованіе при чтеніи въ «Гамбургской Газетѣ» мнимой реляціи о битвѣ, которую я имѣлъ честь вести противъ галернаго флота вашего величества.

«Эта реляція, Государь, старается опровергнуть мою реляцію; она во многихъ отношеніяхъ совершенно противна истинѣ; и я былъ удивленъ, что дерзнули поставить столь уважаемое имя вашего величества подъ статьею, полною ошибокъ и лжи.

«Надѣюсь, что ваше величество, подобно мнѣ, будете огорчены этою статьею и не откажете мнѣ въ просьбѣ уничтожить ее и возстановить истину. Если же, вопреки всякому вѣроятію, ваше величество разрѣшили обнародованіе столь неточной реляціи, то я увѣренъ, что ваше величество были преступно обмануты донесеніями, вамъ представленными, и

[1]) Записки Сегюра, 374.

ваша честность, первая добродѣтель королей, заставитъ васъ, безъ сомнѣнія, осудить и наказать офицеровъ, доставившихъ вамъ столь невѣрныя свѣдѣнія.

«Прилагаю къ настоящему письму опроверженіе этой непостижимой реляціи, въ которомъ указываю всѣ ея ошибки [1]). Моя честь служитъ ручательствомъ въ истинности моихъ показаній. Свидѣтелями моими служатъ плѣнные, которыхъ мы взяли, корабли, которые мы захватили, флотъ, которымъ я командовалъ и который не только не былъ разстроенъ, но господствовалъ на всемъ морѣ въ продолженіи восемнадцати дней послѣ битвы, безпрепятственно крейсировалъ въ 12-ти верстахъ отъ Ловизы и удалился лишь послѣ бури 12-го сентября. Часть этой эскадры и теперь еще въ морѣ, готова на новыя битвы, но не встрѣчаетъ уже непріятеля.

«Убѣжденъ, что ваше величество, хорошо знакомые съ законами чести, оправдаете горячность, съ которою я защищалъ свою честь, которую я призналъ бы оскорбленною, еслибъ можно было хоть на минуту сомнѣваться въ точности реляцій, которыя я представилъ и которыя ея величество императрица разрѣшила обнародовать.

«Принцъ Карлъ Нассау-Зигенъ».

Этимъ письмомъ къ шведскому королю обрывается всякая корреспонденція принца Нассау. Уничтожена ли она, или еще не найдена, во всякомъ случаѣ объ ней можно только пожалѣть — принцъ Нассау весь рисуется въ своихъ письмахъ, всегда, какъ мы видѣли, довольно правдивыхъ относительно его военной карьеры. По счастью, къ концу 1789 г. личность принца Нассау была настолько уже извѣстна и дѣятельность его такъ громка, что о немъ сохранилось довольно извѣстій въ запискахъ современниковъ, въ депешахъ посланниковъ, въ офиціальныхъ реляціяхъ. Мы можемъ и безъ его непосредственной помощи дорисовать въ общихъ чертахъ картину его дѣятельности, преимущественно на русской службѣ.

[1]) Это опроверженіе хранится въ Парижскомъ Архивѣ. Russie, vol. 30, f. 72.

Всю зиму 1789—90 годовъ принцъ Нассау былъ чествуемъ въ Петербургѣ, какъ побѣдитель турокъ и шведовъ, какъ герой, прославившій русское оружіе и оказавшій важныя услуги Россіи и императрицѣ. Появленію его въ Петербургѣ предшествовала вѣсть о подаркѣ мѣховыхъ халатовъ, такихъ же, какъ и князю Потемкину—богатый матеріалъ для столичныхъ пересудовъ. Прусскій посланникъ графъ Келлеръ, подхватывавшій на-лету всякую сплетню, сообщилъ прусскому королю, что князь Потемкинъ, только что приславшій извѣстіе о капитуляціи Бендеръ, спѣшитъ въ Петербургъ, «опасаясь увеличивающагося вліянія принца Нассау на императрицу» [1]). Насколько, однако, его вліяніе на дѣла было ничтожно, видно изъ того, что при распредѣленіи морскихъ силъ для кампаніи будущаго 1790 года, его личный врагъ вице-адмиралъ Крузъ опять получилъ важный постъ начальника отдѣльной эскадры и, послѣ побѣды 22-го іюня, пожалованъ чиномъ адмирала и орденомъ св. Георгія 2-й ст. Екатерина всегда умѣла отличать и цѣнить заслуги; неудивительно, что и принцъ Нассау, побѣдитель шведовъ въ день 13-го августа, пользовался теперь ея милостью и былъ въ петербургскомъ обществѣ желаннымъ гостемъ; имъ интересовались, ему завидовали. Императрица съ удовольствіемъ отзывалась о пріѣздѣ Нассау и громко говорила: «sa tête va avec la mienne» [2])—лицу, сходившемуся въ мысляхъ съ Екатериною, нельзя было не завидовать. Въ кампанію 1790 года ему предназначалось командованіе отдѣльною частью. 7-го марта графъ Безбородко писалъ князю Воронцову: «Галернымъ флотомъ командовать будетъ принцъ Нассау, и подъ нимъ по морской части мальтійскій командоръ графъ Литта, а надъ войсками генералъ-маіоръ Боуръ» [3]). Это извѣстіе

---

[1]) Депеша отъ 16-го ноября 1789 г., въ Берлинскомъ Архивѣ, Rep. XI, vol. XXXII, № 48.

[2]) *Храповицкій*, 307. [3]) Архивъ кн. Воронцова, XIII, 178.

подтвердилось, и принцъ Нассау всю зиму самъ лично заботился подготовкой и снаряженіемъ галерной эскадры.

Шведская война 1790 года началась при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ. «2-го мая на рейдѣ Ревельской флотъ шведской атаковалъ часть флота россійскаго; сраженіе продолжалось два часа, непріятель разбитъ и прогнанъ; 64-хъ-пушечный корабль «Принцъ Карлъ» взятъ нами, да еще два стали на мель» [1]). Екатерина называла эту побѣду «Божіимъ чудомъ»; въ концѣ мая она извѣщала князя Потемкина уже не о чудѣ, а объ искусствѣ и храбрости вице-адмирала Круза: «Когда шведы узнали, что Крузъ со флотомъ вышелъ изъ Кронштадта, они вздумали помѣшать соединенію обѣихъ эскадръ, кронштадтской и ревельской, и атаковали кронштадтскую эскадру 23-го мая, но безъ всякаго успѣха. Сія стрѣльба продолжалась 24-го и 25-го, гдѣ уже адмиралъ Крузъ за ними шелъ. 26-го мая шведы узнали, что отъ Ревеля адмиралъ Чичаговъ идетъ; тогда они соединились со своею гребною флотиліею, которая ихъ втянула, за мелями, каменьями и между острововъ, въ выборгскій заливъ; тутъ они еще до днесь здравствуютъ, бывъ съ моря заперты нашимъ корабельнымъ флотомъ; съ боковъ же стараніе прилагается гребному флоту ихъ, зашедшему въ Березовой Зундъ, отрѣзать возможность къ выходу. Если Богъ поможетъ, то кажется, что изъ сей мышеловки цѣлы и не выйдутъ» [2]).

И не вышли цѣлы. Около мѣсяца шведы оставались въ выборгской бухтѣ, окруженные съ моря и суши, точно въ мышеловкѣ. Гдѣ же принцъ Нассау? Что дѣлаетъ галерный флотъ, о которомъ заботился онъ всю зиму?

Въ «Дневникѣ» Храповицкаго отмѣчено: «*6-е мая.*—Нассау не ѣдетъ безъ канонерскихъ лодокъ. *26-е мая.*—Въ ночь худой курьеръ отъ Нассау, будто Круза разбили. Много писанья. бѣготни. Успокоились, получа увѣдомленіе, что 24-го Крузъ.

---

[1]) *Храповицкій*, 331. [2]) Сборникъ, XLII, 85.

бывъ атакованъ, съ утра до вечера отстрѣливался. *1-е іюня.*— Вчера опять было Нассау накутилъ: пріѣхавъ изъ Выборга, сказалъ, что шведскій флотъ ушелъ и Чичаговъ за нимъ погнался. Совсѣмъ не бывало, а конфузіи надѣлалъ. *13-е іюня.*— Нассау пошелъ въ четыре часа утра. *18-е іюня.*—Принцъ Нассау не дошелъ 12-ти верстъ до Березоваго Зунда; поѣдетъ совѣтовать съ Чичаговымъ. Скоро должно быть дѣлу».

Дѣло было 22-го іюня. «Король шведскій—пишетъ Екатерина Потемкину—съ корабельнымъ и галернымъ своимъ флотомъ былъ запертъ съ 27-го мая до 21-го іюня. Во все то время вѣялъ вѣтеръ, совершенно противной нашему гребному флоту; наконецъ. 20-го повѣялъ вѣтеръ способной гребнымъ судамъ, и принцъ Нассау, съ онымъ вошедъ въ Березовой Зундъ, имѣлъ съ королемъ шведскимъ самимъ и его гребными судами пятичасовое дѣло, по которомъ король шведскій отступилъ и пошелъ далѣе по Выборгской бухтѣ и, соединясь съ корабельнымъ своимъ флотомъ, предпріялъ съ онымъ пробиться сквозь нашъ флотъ. Что же сдѣлалось по власти и мудрости Божеской? Шведы зажгли три брандера и пустили оные при способномъ вѣтрѣ на пять кораблей Повалишина—брандеры сцѣпились съ двумя шведскими кораблями и всѣ пять шведскіе взлетѣли на воздухъ, нашъ ни одинъ. Потомъ шведы шли четыре часа мимо Повалишина— что онъ взялъ, что онъ потопилъ, а за нимъ Ханыковъ, увидишь изъ реестра, а моей памяти недостаетъ. Чичаговъ, Крузъ и Пушкинъ пошли въ догонку; что они взяли и разбили, прошу также прочесть; за галернымъ шведскимъ флотомъ пустился равномѣрно Нассау—одинъ 60-ти-пушечный корабль ему сдался. У Питкопаса стоялъ Кровнъ—сей и нынѣ еще шлетъ плѣнныя галеры одну за другою въ Кронштадтъ. Въ Ревель приведены одинъ 74, а другой 64-хъ-пушечной корабль и теперь еще ловля идетъ. Плѣнныхъ тысячъ до пяти, пушекъ до осьми сотъ; о мелкихъ судахъ счету нѣтъ еще.

Донынѣ еще всѣ обстоятельства сей совершенной побѣды еще не собраны» [1]).

Екатерина ошибалась: побѣда была несовершенная, и несовершенство ея скоро обнаружилось. Приведенное письмо къ Потемкину императрица основала на офиціальномъ донесеніи адмирала Чичагова и на необнародованномъ еще письмѣ къ ней вице-адмирала принца Нассау. Въ донесеніи упоминается о «пушечной пальбѣ въ Березовомъ Зундѣ, означавшей, что вице-адмиралъ принцъ Нассау-Зигенъ со ввѣренною предводительству его гребною флотиліею, вошедъ въ Зундъ, вступилъ въ бой съ непріятелемъ» — въ письмѣ «пушечная пальба» обращается въ «пятичасовое дѣло, по которомъ король шведскій отступилъ далѣе въ выборгскую бухту» [2]); адмиралъ Чичаговъ, «оставляя на попеченіе принца Нассау-Зигенъ дальнѣйшій поискъ на суда гребныя непріятельскія», погнался на всѣхъ парусахъ за корабельнымъ шведскимъ флотомъ—принцъ Нассау, вмѣсто галеръ, преслѣдовалъ и взялъ «одинъ 60-ти-пушечный корабль». Въ этомъ-то именно и заключалось «несовершенство» побѣды 22-го іюня: галерный шведскій флотъ, никѣмъ не преслѣдуемый, удалился въ шхеры.

Вырываясь изъ выборгской мышеловки, «вся гребная шведская флотилія, состоявшая во множествѣ судовъ, тянулась вереницею за своимъ корабельнымъ флотовъ, говоритъ современникъ и очевидецъ. Когда корабельный шведскій флотъ, имѣя быстрѣйшее движеніе, отдалился отъ гребной своей флотиліи, тогда осталась она идущею однимъ съ нами путемъ. Хотя въ сіе время адмиралъ Чичаговъ и полагалъ, что принцъ Нассау не упуститъ напасть на сію непріятельскую флотилію, однакожъ, дабы заранѣе нанесть ей нѣкоторый

---

1) Сборникъ, XLII, 87.

2) Въ совѣтѣ читана реляція принца Нассау-Зигенскаго съ обстоятельнымъ описаніемъ какъ дѣла, которое имѣлъ онъ съ 21-го на 22-е іюня съ шведскимъ армейскимъ отрядомъ въ Біорковскомъ проливѣ, такъ и овладѣнія симъ проливомъ. Архивъ, I, 797.

вредъ, далъ знакъ капитану Кроуну и бывшимъ вблизи крейсерамъ, чтобъ они напали на оную. Кроунъ приблизился немедленно къ передовой шведской галерѣ и сталъ по ней палить. Она, не отвѣтствуя ни однимъ выстрѣломъ, тотчасъ спустя шведскій, подняла россійскій флагъ. Кроунъ, оставя ее, продолжалъ производить пальбу по другимъ идущимъ за нею шведскимъ галерамъ. Онѣ тоже безъ всякаго сопротивленія, одна за другою, спускали свои и поднятіемъ нашего объявляли себя плѣнными. Такимъ образомъ, вскорѣ весь длинный рядъ переднихъ непріятельскихъ судовъ облекся въ русскіе флаги. Но когда Кроунъ удалился отъ переднихъ непріятельскихъ судовъ настолько, что не могъ уже доставать ихъ выстрѣлами своими, то онѣ, спуская русскіе, стали опять поднимать шведскіе флаги и старались помощію гребли направлять путь свой къ шхерамъ. Кроунъ, примѣтя сіе, началъ сильнѣе палить по тѣмъ, кои противъ него находились, и хотя онѣ также поднимали русскіе флаги, но онъ несмотря на то поражалъ ихъ картечами; тогда онѣ, становясь на якорь, ломали у себя реи, рвали паруса, дабы увѣрить его, что онѣ безъ всякаго обмана отдаются въ плѣнъ и не хотятъ подобно передовымъ товарищамъ своимъ помышлять о побѣгѣ. Симъ образомъ остановлено было еще множество судовъ. Между тѣмъ подошли другіе наши крейсеры и, также нападая на нихъ, съ иныхъ брали къ себѣ людей, а другихъ по два и по три судна прицѣпляли къ кормѣ своей и влекли за собою; но число ихъ было такъ велико, что изъ всѣхъ оныхъ не можно было забрать, какъ только малую часть. Наконецъ, каждый крейсеръ, по набраніи столько людей и судовъ, сколько могъ, поспѣшалъ выйти изъ залива, предполагая, что идущая сзади наша гребная флотилія не упуститъ овладѣть всѣми, оставшимися на мѣстѣ. Но принцъ Нассау, побуждаемый несовмѣстнымъ честолюбіемъ, счелъ за малую для себя славу ограничиться взятіемъ хотя многочисленной, но побѣжденной уже и безъ сопротивленія отдающейся до-

бычи, и мечтая быть соучастникомъ въ побѣдѣ надъ корабельнымъ флотомъ [1]), не обратилъ вниманія своего на сію до половины уже плѣнную непріятельскую флотилію и, пройдя мимо ее, направлялъ путь свой въ море за адмираломъ Чичаговымъ. Такимъ образомъ, шведская гребная флотилія осталась безъ всякаго преслѣдованія, свободною и никѣмъ не стрегомою; въ сихъ обстоятельствахъ стала она по прежнему поднимать шведскіе флаги и, снимаясь судно за судномъ съ якоря, ушла вся въ шхеры» [2]).

Такъ говоритъ очевидецъ, капитанъ 2-го ранга, будущій адмиралъ и министръ, А. С. Шишковъ. Послушаемъ другого очевидца, шведа, секретаря Густава III. Въ запискахъ І. А. Эренстрема говорится о прорывѣ блокады 22-го іюня: «Трудно объяснить поведеніе русскаго адмирала Чичагова въ этотъ день. Съ своимъ флотомъ онъ оставался нерѣшительнымъ зрителемъ горячаго боя, происходившаго близъ него. Только сигналы его были въ живомъ движеніи—они отдавались, измѣнялись, повторялись. Иногда русскіе матросы какъ будто заняты были снятіемъ съ якоря, иногда постановкой парусовъ, которые, однакожъ, немного спустя опять были убраны. Наконецъ, когда весь нашъ большой флотъ пробился до открытаго моря, за исключеніемъ погибшихъ кораблей, Чичаговъ оставилъ свою позицію для преслѣдованія, которое и

---

[1]) Въ письмѣ къ Гримму, отъ 12-го сентября 1790 г., Екатерина высказываетъ тотъ же взглядъ, но иначе освѣщаетъ его: «22-го іюня принцъ Нассау сдѣлалъ ошибку, отправившись къ Гогланду, вмѣсто того, чтобъ идти въ шхеры. Думаю, что его уговорили такъ поступить капитаны, которые соблазнились возможностью захватывать большіе шведскіе корабли гребными судами, чему мало примѣровъ въ морской исторіи; еслибъ вмѣсто погони за военными кораблями, они преслѣдовали бы и брали гребныя, что составляло ихъ обязанность, въ такомъ случаѣ всякій сдѣлалъ бы свое дѣло, уцѣлѣвшія шведскія суда не могли бы навредить принцу Нассау, какъ и случилось». Сборникъ, XXIII, 493.

[2]) Записки Чичагова, въ «Отеч. Зап.», 1825, XXII, 36; XXIV, 430; *Шишковъ*, 224. 247.

продолжалъ вплоть до входа въ Свеаборгъ, куда шведскій флотъ отступилъ и былъ блокированъ русскимъ. Послѣ прорыва съ выборгскаго рейда, нашъ шхерный флотъ направился къ Свенксзунду, причемъ король находился на своей яхтѣ «Амфіонъ». Движеніе къ Свенксзунду было сопряжено съ большими опасностями, такъ какъ у Питкопаса, мимо котораго лежалъ нашъ путь, стояли три русскіе фрегата и. между ними, быстроходный «Венусъ» подъ командою Кроуна. Русскіе фрегаты стояли на мѣстѣ, пока какой-нибудь шведскій корабль былъ еще вблизи шхернаго флота и могъ защищать его; но когда шведскіе корабли ушли и шхерный шведскій флотъ остался одинъ близъ Питкопаса, русскіе фрегаты снялись съ якоря и направились къ длинной линіи шведскихъ галеръ, прошли ее съ залпами въ обѣ стороны. шли потомъ вдоль линіи, обстрѣливая каждое судно, снова прошли насквозь съ тою же пальбою. продолжая затѣмъ свой курсъ по другую сторону линіи. Въ этомъ быстромъ и хорошо исполненномъ маневрѣ особенно отличился Кроунъ. Всѣ галеры, мимо которыхъ проходилъ Кроунъ, обстрѣливая ихъ, принуждены были спустить свои флаги, заявляя этимъ, что сдаются. Все это мы видѣли съ «Амфіона» и разсчитывали ужъ, что черезъ десять минутъ «Венусъ» и насъ настигнетъ, какъ вдругъ, къ величайшему нашему удивленію, мы увидѣли сигналъ русскаго адмирала, которымъ онъ призвалъ всѣ три фрегата къ себѣ Приказаніе это они должны были исполнить, и такъ какъ они, такимъ образомъ, не могли занять всѣ наши галеры, спустившія предъ ними флаги, эти галеры совершенно основательно считали себя вправѣ снова поднять свои флаги и, съ напряженіемъ всѣхъ силъ, искать свое спасеніе въ шхерахъ. Позже я встрѣтился въ Финляндіи съ старымъ адмираломъ Кроуномъ, который все еще съ крайнимъ негодованіемъ говорилъ о приказаніи, отданномъ при этомъ случаѣ Чичаговымъ. Приказаніе это онъ называлъ

глупымъ и безсмысленнымъ; имъ вырвана была у него побѣда надъ цѣлымъ шведскимъ шхернымъ флотомъ» [1]).

За несовершенной побѣдой послѣдовало полное пораженіе. И довольно скоро: русскій флотъ побѣдилъ 22-го іюня и, черезъ шесть дней, 28-го, былъ побѣжденъ.

Храповицкій записалъ подъ *1-мъ іюля*: «Въ три часа ночи прискакалъ Турчаниновъ, разбудилъ графа Безбородко. Таятся и невеселы, для того, что 28-го числа принцъ Нассау, атаковавъ шведовъ въ Роченсальмѣ, потерялъ прамы, 8 галеръ, 4 фрегата да и свою голову. Къ худому распорядку прибавила бѣды буря». Подъ *6-мъ іюля*: «Отъ шведскаго короля изъ плѣнныхъ, 28-го іюня попавшихъ, отпущенъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ переводчикъ Миллеръ [2]), и сказывалъ, что мы потеряли болѣе 4.000 людей и до 50-ти судовъ».

Что же случилось? Какъ могъ разбитый шведскій флотъ поразить своего побѣдителя? Принцъ Нассау, «храбрый, но повидимому весьма неискусный въ соображеніи дѣйствій своихъ съ моремъ и вѣтрами», преслѣдуя шведскія суда въ шхерахъ, рѣшился, несмотря на крѣпкій вѣтеръ, дувшій прямо въ заливъ, гдѣ укрылся шведскій флотъ, атаковать его, и послалъ въ заливъ нѣсколько парусныхъ судовъ. Они вошли и, стѣсненныя узкостью мѣста, составили нестройную кучу; шведскія канонерки, зайдя за каменья, обстрѣливали ихъ со всѣхъ сторонъ. Отрядъ за отрядомъ посылалъ принцъ въ заливъ, и каждое новое судно умножало добычу шведовъ «Фрегаты и всѣ большія русскія суда бились съ отчаяніемъ, говоритъ участникъ боя, храбрый Ланжеронъ. Принцъ Нассау, графъ Литта, генералъ Паленъ, адъютанты и волонтеры разъ-

---

[1]) «Русск. Стар.», LXXXIX, 219. Въ письмѣ гр. Ростопчина къ кн. Воронцову, отъ 28-го мая 1794, говорится: Notre flotte, sans les ordres de Tshitshagoff et Krouse qui se détestent etc. (Арх. кн. Воронцова, VIII, 93). Кн. С. Р. Воронцовъ, въ письмѣ отъ 3-го мая 1791 г.: Tchitchagoff, qui ne faisait rien lui-même et ne voulait pas que les autres fissent quelque chose (Ibid., IX, 198).

[2]) Миллеръ былъ прикомандированъ къ принцу Нассау. Изъ депеши Гельбига, въ Арх. кн. Воронцова, XXVI, 410.

ѣзжали подъ убійственнымъ огнемъ отъ одного судна къ другому, дѣлая безполезныя усилія спасти ихъ; по мѣрѣ того, какъ гибли большія суда, наша линія обороны все съуживалась, шведы плотнѣе окружали насъ, истребляя все и вся огнемъ трехсотъ пушекъ. Болѣе пяти часовъ находились мы въ этомъ убійственномъ положеніи. Наконецъ, около 11-ти часовъ вечера, принцъ Нассау, тщетно искавшій смерти въ своемъ бѣломъ мундирѣ съ андреевской лентой, на бѣлой шлюпкѣ съ 18-ю одѣтыми въ бѣлый костюмъ гребцами, перестал̀ъ бороться съ судьбою и, пересѣвъ въ шкуну, бѣжалъ вмѣстѣ съ канонерскими лодками къ пятому своему отряду, остававшемуся внѣ боя» [1]).

Екатерина глубоко была опечалена вѣстью о пораженіи принца Нассау. Въ дружескомъ письмѣ къ князю Потемкину императрица писала: «Несчастное дѣло съ гребною флотиліею мнѣ столь прискорбно, что послѣ разнесенія черноморскаго флота бурею при начатіи нынѣшней войны ничто столько сердце мое не сокрушило, какъ сіе. Описаніе увидишь изъ посланныхъ бумагъ; пуще всего великая потеря въ людяхъ. Не унывая въ семъ несчастіи и замыкая печаль горькую въ сердцѣ моемъ, я стараюсь, чтобъ общему дѣлу возвратить поверхность колико можно» [2]).

Всѣ обрушились теперь на принца Нассау, стали всячески клеймить его, и не только такія дѣятели, какъ А. С. Шишковъ или И. И. Кушелевъ, даже П. В. Чичаговъ; въ петербургскомъ обществѣ, пустомъ и ничтожномъ, распространялись о немъ самые нелѣпые слухи и пошлыя сплетни [3]); одна только Екатерина, затаивъ печаль горькую въ сердцѣ своемъ,

[1]) Mémoires inédits de Langeron, см. *Aragon*, 346.

[2]) Сборникъ, XLII, 91.

[3]) Послѣ свенскзундскаго погрома въ матросской пѣснѣ онъ такъ охарактеризованъ:

«Предводитель принцъ Нассау
Онъ засалилъ свою славу...»

далѣе уже нецензурно.

ободряетъ его, возбуждаетъ его энергію, воодушевляетъ къ новымъ подвигамъ. «Я прекрасно знаю ваше усердіе—писала императрица принцу Нассау — отдаю ему справедливость, вполнѣ искренно раздѣляю ваше горе, сожалѣю, что оно разстраиваетъ даже ваше здоровье, и желаю, чтобъ вы не падали духомъ, что столь же вредно для моей службы, какъ и, смѣю сказать, для вашей репутаціи. И, Боже мой, кто же не имѣлъ большихъ неудачъ въ своей жизни? Величайшіе полководцы не имѣли развѣ роковыхъ дней? Фридрихъ II бывалъ дѣйствительно великъ лишь послѣ большихъ неудачъ—тогда-то онъ являлся на сцену болѣе нежели когда-нибудь окруженный славою; когда считали все проиграннымъ, онъ въ это-то время и разбивалъ врага. Петръ I, послѣ девяти лѣтъ послѣдовательныхъ пораженій, выигрываетъ Полтавскій бой. Вспомните, принцъ, ваши успѣхи на югѣ и сѣверѣ, парите надъ событіями и идите вновь на врага, вмѣсто того, чтобы просить меня назначить другого начальникомъ флота. Этимъ я дала бы только поводъ врагамъ вашимъ глумиться надъ вами. Я высоко цѣню заслуги, вами мнѣ оказанныя, и должна поддержать васъ, особенно же въ такое время, когда, по вашимъ словамъ, вы страдаете тѣломъ и духомъ. Когда все будетъ исправлено и вы будете совершенно здоровы, тогда вольны вы поступать по своему усмотрѣнію, и я не стану, конечно, удерживать васъ противъ воли. Вскорѣ вы получите мое рѣшеніе относительно плана, вами мнѣ присланнаго; надѣюсь, что вы будете довольны моимъ рѣшеніемъ, и все пойдетъ хорошо. Прощайте, возстановите ваши силы и будьте увѣрены въ моей благодарности» [1]).

Совѣтъ императрицы болѣе мѣсяца былъ занятъ планомъ принца Нассау относительно новой атаки шведскаго флота [2]). Екатерина, какъ и совѣтъ, согласны были оказать принцу всяческое содѣйствіе, находя его планъ атаки вполнѣ цѣле-

[1]) Сборникъ, I, 210. [2]) Арх. Госуд. Сов., I. 799—807.

сообразнымъ. Верельскимъ мирнымъ договоромъ, подписаннымъ 3-го августа 1790 года, упразднялись всѣ воинственные замыслы противъ шведовъ. Замыслы принца Нассау были весьма серьезны и много содѣйствовали скорому заключенію мира.

«Не король шведскій и не его флотилія—писала Екатерина—нанесли пораженіе принцу Нассау, но сильный вѣтеръ и его храбрые моряки, считавшіе себя непобѣдимыми. Онъ хотѣлъ поддержать смѣльчаковъ, бросавшихся впередъ, и, вслѣдствіе поднявшейся бури, потерпѣлъ пораженіе, послѣ котораго все-таки онъ оказался сильнѣе шведовъ, и въ моментъ подписанія мира онъ снова такъ оцѣпилъ ихъ, что полное ихъ истребленіе было болѣе чѣмъ вѣроятно, что и ускорило заключеніе мира настолько, что шведы требовали ратификаціи въ шестидневный срокъ, такъ какъ люди ужасно страдали, запертые принцемъ Нассау со всѣхъ сторонъ» [1]).

Верельскій миръ однималъ у принца Нассау всякую надежду выместить на шведахъ свою оплошность передъ ними. Поздравляя императрицу съ этимъ миромъ принцъ Нассау просилъ уволить его изъ русской службы, находя, что онъ не можетъ быть болѣе полезенъ и ссылаясь на разстройство своихъ личныхъ дѣлъ. Екатерина отвѣчала ему слѣдующимъ письмомъ:

«Господинъ вице-адмиралъ принцъ Нассау-Зигенъ! Выраженное вами участіе по поводу возстановленія мира служитъ новымъ доказательствомъ искренней преданности вашей мнѣ и службѣ моей. Будьте увѣрены, что я отдаю справедливость всѣмъ вашимъ поступкамъ: они заслужили вамъ мое довѣріе и уваженіе. Я раздѣляла ваше горе и отъ меня не укрылись препятствія, встрѣченныя вами въ противныхъ вѣтрахъ. Вы дѣйствовали по плану мною утвержденному и по моимъ приказаніямъ и, какъ исходящіе отъ высочайшей воли, они не могутъ подлежать никакой критикѣ, ибо пока я буду жить, я никогда не потерплю, чтобы то, что я приказала и нашла

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 492.

полезнымъ для службы, было бы подвергнуто пересмотру кого бы ни было, да никто у насъ и не осмѣлится на это. Вы правы, и вы должны быть правы, потому что я нахожу, что вы правы. Конечно, это заключеніе деспотическое, но иначе и быть не можетъ, если не перевернуть все вверхъ дномъ.

«Теперь перехожу ко второму пункту вашего письма, гдѣ вы просите меня о своей отставкѣ, потому, говорите вы, что не можете болѣе быть полезны въ моей службѣ. Въ отвѣтъ на это я, прежде всего, скажу и повторю, что писала уже вамъ, именно: я далека отъ мысли удерживать васъ въ моей службѣ вопреки вашей воли—не признаю за собою на это никакого права; но не могу признать, что вы не могли бы быть полезны въ моей службѣ, какъ вы утверждаете; напротивъ, и вотъ мои доводы, для обсужденія которыхъ предоставляю вамъ все необходимое время. Та часть моихъ силъ, которою вы командовали въ Балтійскомъ морѣ и которая подъ вашимъ командованіемъ доставила Россіи столь *существенныя* выгоды—это, конечно, самое умѣренное выраженіе, которое можно употребить — была ли часть эта, до вашего командованія ею, въ томъ положеніи, въ какомъ находится теперь? Такова ли она теперь, какою можетъ стать? Кто у насъ знаетъ ее лучше васъ? Убѣжденный въ этихъ истинахъ, вы ничего не найдетесь отвѣтить, если требованія службы заставятъ меня желать, чтобы вы, прежде нежели уѣхать, привели бы по крайней мѣрѣ въ окончательный видъ то, что вы начали и что, конечно, никто лучше васъ не знаетъ, такъ какъ пріобрѣтенная вами опытность научила васъ болѣе, чѣмъ кого-либо, если бы даже способности были и равныя, въ чемъ, однако, трудно будетъ убѣдить меня.

«Что же вы говорите мнѣ о разстройствѣ своихъ дѣлъ, принцъ, то мнѣ было бы очень грустно не имѣть возможности поправить ихъ—всю жизнь мою я любила мѣшаться въ дѣла тѣхъ лицъ которыя занимались моими дѣлами. Прощайте,

будьте здоровы и увѣрены въ моемъ искреннемъ уваженіи и въ моей благодарности» [1]).

Принцъ Нассау плакалъ, читая это письмо, и говорилъ своимъ пріятелямъ, что готовъ жизнь свою отдать императрицѣ, столь гуманной и милостивой [2]). Письмо помѣчено 9-мъ августа и, черезъ десять дней, 20-го, принцъ Нассау возвратился въ Петербургъ. Два очевидца оставили намъ замѣтки о поведеніи принца и роли, имъ выдержанной. Французскій графъ Ланжеронъ находилъ поведеніе принца безукоризненнымъ: «Насколько принцъ Нассау былъ скроменъ и сдержанъ послѣ своихъ побѣдъ, настолько же онъ казался холоденъ и гордъ послѣ пораженія. Когда онъ явился въ первый разъ во дворецъ, эта манера держать себя такъ импонировала на всѣхъ, что никто не осмѣлился оскорбить его какимъ-либо неумѣстнымъ вопросомъ или замѣчаніемъ» [3]). Русскій графъ Ростопчинъ писалъ князю Воронцову: «Я участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ принца Нассау со шведами, и въ послѣднемъ, когда король Густавъ III, не надѣявшійся уже сохранить свою корону, совершенно неожиданно для себя сдѣлался побѣдителемъ. Принцъ Нассау, также легко забывающій свои неудачи, какъ прошлогодній снѣгъ, возвратился въ Петербургъ гордымъ, хотя и побитымъ, и болѣе чѣмъ когда-либо сталъ героемъ и адмираломъ» [4]). Такимъ поведеніемъ принцъ Нассау импонировалъ, однако, далеко не на всѣхъ. «Съ грустью должна сознаться— писала Екатерина въ сентябрѣ — что послѣднею кампаніею принцъ Нассау уронилъ себя въ общественномъ мнѣніи. Несчастное дѣло при Свенско-Зундѣ не ставятъ ему въ вину; но проявленное имъ отчаяніе послѣ пораженія лишило его всякаго довѣрія военныхъ людей. Нассау—хорошій человѣкъ, но онъ окружаетъ себя проходимцами, которымъ слишкомъ много довѣряетъ. Только я поддерживаю его и одобряю» [5]). Нѣсколько дней спустя, разговаривая о томъ же съ австрійскимъ

[1]) Сборникъ, I, 212. [2]) *Aragon*, 350. [3]) Ibid., 353.
[4]) Арх. кн. Воронцова, VIII, 40. [5]) Сборникъ, XXIII, 496.

посломъ графомъ Кобенцлемъ, императрица сказала: «Нужно было пораженіе, чтобы ко всѣмъ своимъ военнымъ качествамъ принцъ Нассау пріобрѣлъ еще и осторожность. Побѣда всегда сопровождала всѣ его предпріятія, и счастіе сдѣлало его слишкомъ самонадѣяннымъ. Теперь принцъ —совершенный военачальникъ, но урокъ стоилъ мнѣ дороговато». Какъ бы въ подтвержденіе такого отзыва, принцъ Нассау, указомъ отъ 16-го декабря, произведенъ въ адмиралы съ назначеніемъ главнымъ начальникомъ надъ гребнымъ флотомъ.

Вскорѣ, впрочемъ, положеніе принца Нассау относительно не только петербургскаго общества, но и самой императрицы значительно измѣнилось. Современники и очевидцы обвиняли въ этомъ не столько его. сколько его жену, принцессу Нассаускую. Принцъ извѣщалъ ее о всѣхъ своихъ невзгодахъ и личныхъ столкновеніяхъ, постоянно прибавляя: c'est pour vous seule. Пока принцъ Нассау оставался побѣдителемъ, принцесса строго хранила ввѣренныя ей тайны; но послѣ пораженія, желая, вѣроятно, обѣлить мужа, она стала позволять себѣ отзываться довольно откровенно о многихъ лицахъ, занимавшихъ выдающееся положеніе въ петербургскомъ обществѣ. «Ее стали бояться—пишетъ гр. Ланжеронъ—и мстили за нее мужу. Она замѣтила это, возненавидѣла общество еще болѣе и, присоединяя къ этой свѣтской ненависти чисто національную ненависть польки, она только умножала число враговъ мужа и значительно повредила ему. Отправляясь въ Петербургъ, принцесса надѣялась имѣть вліяніе на императрицу, но Екатерина, ни мало не опасаясь ея, постоянно удаляла отъ себя. Екатерина очень остроумно говорила о принцессѣ: «Madame de Nassau est extraordinaire—partout où elle va elle porte sa république avec elle» [1]).

Чѣмъ болѣе всѣ были противъ принца Нассау, тѣмъ болѣе Екатерина отличала его: на выходахъ и въ театрѣ, за обѣ-

[1]) *Aragon*, 354.

*

деннымъ столомъ и въ Эрмитажѣ она выказывала ему особенное вниманіе. Часто и много разговаривая съ нимъ, Екатерина легко могла убѣдиться, на сколько онъ твердъ въ своихъ политическихъ взглядахъ относительно важнѣйшаго въ то время вопроса—возстановленія монархической власти во Франціи, сильно поколебленной «ненавистными принципіями» французской революціи. Въ сентябрѣ же 1790 года, убѣдившись, что sa tête va avec la mienne, Екатерина высказала ему свою увѣренность, что, если обстоятельства не измѣнятся, французской королевской семьѣ угрожаетъ смертная казнь [1]).

Въ началѣ 1791 года принцъ Нассау уѣхалъ во временной отпускъ заграницу. За все время его заграничнаго путешествія сохранилось только одно извѣстіе, касающееся Россіи. Какъ русскій адмиралъ, еще болѣе какъ командиръ гребного флота, онъ пригласилъ въ русскую службу капитана французской морской службы, будущаго адмирала и морского министра, извѣстнаго маркиза де-Траверсе, въ Россіи Ивана Ивановича, что вызвало неизбѣжное ворчаніе князя С. Р. Воронцова, который писалъ изъ Лондона, отъ 3-го мая: «Князь Кочубей увѣдомляетъ меня изъ Женевы, что принцъ Нассау пригласилъ въ нашу службу французскаго моряка маркиза де-Траверсе. Это мнѣ очень непріятно. Со временъ Нольза, особенно же стараніями адмирала Грейга, наша морская служба была поставлена на англійскую ногу. Теперь этотъ милый французъ станетъ вводить свои манеры и изгадитъ все дѣло» [2]).

Другой фактъ за время этой поѣздки касается уже лично принца Нассау. Въ силу многолѣтней уже пріязни къ французскимъ принцамъ, которые всегда относились къ нему, какъ къ своему другу, принцъ Нассау выхлопоталъ у императора разрѣшеніе французскимъ принцамъ поселиться въ Кобленцѣ.

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 610. [2]) Арх. кн. Воронцова, IX, 198.

Тамъ, въ Кобленцѣ, принцъ Нассау вполнѣ ознакомился если не съ намѣреніями, то съ надеждами французской эмиграціи, въ то время уповавшей единственно на рыцарскую помощь шведскаго короля. Страстный и дѣятельный Густавъ III горѣлъ нетерпѣніемъ рыцарски явиться на защиту французскаго дворянства и ждалъ только денежной субсидіи отъ сочувствовавшихъ ему дворовъ. Принцъ Нассау готовъ былъ раздѣлить съ Густавомъ III славу этого «фантастическаго подвига». Графъ С. Р. Воронцовъ писалъ изъ Ричмонда отъ 1-го декабря: «Я вчерась видѣлъ графиню Буфлеръ, которая такъ привязана къ королю шведскому и весьма дружна съ принцемъ Нассау, находясь при томъ въ перепискѣ съ обоими. Она мнѣ показала письмо, полученное ею отъ принца изъ Кобленца, дѣлая мнѣ сіе сообщеніе въ совершенномъ восхищеніи о славѣ своего героя. Я изъ онаго удержалъ въ памяти слѣдующія выраженія: «Je crois pouvoir réparer le malheur que j'ai eu de servir contre le roi de Suède; car j'espère de servir bientôt sous ses ordres. Il viendra ici et commandera notre armée. Il est digne d'être à la tête de tous les souverains, car il est l'âme qui les fait mouvoir et c'est lui qui procure leur assistance» [1]). Я ей отвѣчалъ, что, не зная про другихъ государей, увѣряю ее о моей Государынѣ, что во всѣхъ ея предпріятіяхъ она движится токмо сама собою и что никто на свѣтѣ ею управлять не можетъ» [2]).

Но и безъ воли принца Нассау его имя часто встрѣчается въ современной перепискѣ, только благодаря вниманію къ нему императрицы: шведскій король приписываетъ ему извѣстное вліяніе на политику русскаго двора, прусскій посланникъ видитъ въ немъ второго Потемкина. Подозрѣнія

[1]) Кажется, мнѣ удастся исправить несчастіе моей службы противъ шведскаго короля, такъ какъ я надѣюсь служить вскорѣ подъ его начальствомъ. Онъ явится сюда и будетъ командовать коалиціонною арміею. Онъ достоинъ стать во главѣ всѣхъ государей, такъ какъ онъ —душа, движущая ихъ, и именно онъ обезпечитъ намъ ихъ содѣйствіе.

[2]) Арх. кн. Воронцова, IX, 224.

Густава III разсѣяла сама Екатерина: «Генералъ Стедингъ [1])— писала она графу Стакельбергу въ Стокгольмъ—говорилъ мнѣ уже о подозрѣніяхъ своего короля, и я была очень удивлена, услышавъ отъ него имя принца Нассау. Я сказала ему, что принцъ Нассау не принимаетъ иного участія въ дѣлахъ, кромѣ командованія гребною флотиліею, что даетъ ему, конечно, доступъ въ адмиралтействъ-коллегію, но въ этой коллегіи политическія дѣла никогда не обсуждаются» [2]). Нелѣпая догадка графа Келлера, прусскаго посланника, такъ и осталась никѣмъ не опровергнутою. Въ депешѣ отъ 14-го ноября 1791 года, сообщая прусскому королю о претендентахъ на постъ, оставшійся вакантнымъ за смертью Потемкина, онъ писалъ: «Принцъ Нассау, на-дняхъ возвращающійся изъ заграницы, самый важный претендентъ, но едва ли онъ въ состояніи будетъ добиться этого поста, въ виду общей къ нему ненависти и еще болѣе зависти» [3]).

Принцъ Нассау возвратился въ Петербургъ только 5-го февраля 1792 года, «вмѣстѣ съ герцогомъ Ришелье и г. Сомбрёлемъ». Графъ Ростопчинъ писалъ князю Воронцову, отъ 13-го февраля: «Графъ Нассау возвратился изъ заграницы и разсказываетъ о блестящихъ успѣхахъ своей миссіи къ вѣнскому двору, который, по его настояніямъ, разрѣшилъ французскимъ принцамъ избрать своею резиденціею Кобленцъ, куда принцъ вскорѣ опять поѣдетъ» [4]). Бомбель, присланный въ Петербургъ Людовикомъ XVI, доносилъ Бретэлю отъ 18-го февраля: «Принцъ Нассау благородно мыслитъ и честно поступаетъ — трудно встрѣтить человѣка дѣйствующаго всегда столь прямо и твердо. Онъ говоритъ, какъ думаетъ, а думаетъ онъ рыцарски благородно. Онъ написалъ принцамъ прекрасное письмо, которое принесетъ имъ болѣе пользы,

---

[1]) Шведскій посланникъ при дворѣ Екатерины II.

[2]) «Русск. Стар.», III, 612. [3]) Берлин. Архивъ, XI, 1791, № 36.

[4]) Арх. кн. Воронцова, VIII, 49. Это подтверждается письмомъ Екатерины къ графу Зубову: «Le prince de Nassau était allé négocier un asile pour les frères du roi». Сборникъ, XXII, 195.

чѣмъ всѣ завѣренія ихъ агентовъ. Принцъ Нассау вполнѣ поддержалъ здѣсь свою славную репутацію» [1]).

Указомъ отъ 11-го мая. принцъ Нассау былъ «уволенъ въ заграничный отпускъ», причемъ въ его распоряженіе былъ предоставленъ гребной фрегатъ [2]). Въ депешѣ отъ 14-го мая, прусскій посланникъ графъ Гольцъ сообщаетъ королю: «Принцъ Нассау уѣзжаетъ черезъ нѣсколько дней, и такъ какъ онъ опасается ѣхать черезъ Польшу, то онъ поѣдетъ моремъ и высадится въ Кольбергѣ или Штетинѣ. Онъ увѣренъ, что ваше величество разрѣшите ему остановиться въ одномъ изъ вашихъ портовъ. Не знаю, не повредили ли ему въ глазахъ императрицы его настойчивые совѣты дѣйствовать болѣе рѣшительно противъ Франціи и его упорное молчаніе относительно польской политики, которую онъ во многомъ не одобряетъ. Онъ сказалъ мнѣ, что ѣдетъ за границу исключительно для свиданія съ принцами и что предполагаетъ затѣмъ просить ваше величество о разрѣшеніи сражаться, въ качествѣ простого солдата, въ рядахъ арміи, вами предводимой. Я отвѣчалъ, что, конечно, почетно имѣть въ арміи такого волонтера, но въ то же время далъ ему почувствовать, что иностранецъ не можетъ командовать ниже самою малою частью прусскаго войска. Принцъ Нассау получилъ отъ императрицы 20.000 р. на поѣздку». Въ депешѣ отъ 4-го іюня: «Третьяго дня принцъ Нассау снялся съ якоря. Такъ какъ онъ отправился изъ Царскаго Села прямо на Красную Горку, то и не могъ сообщить мнѣ послѣднихъ инструкцій, полученныхъ имъ отъ императрицы» [3]). Въ рескриптѣ прусскаго короля графу Гольцу, отъ 1-го іюля, сказано: «Я узналъ отъ принца Нассау, на-дняхъ прибывшаго въ Берлинъ, что онъ везетъ французскимъ принцамъ въ Кобленцъ денежную помощь отъ императрицы, около 600.000 ливровъ». Фридрихъ-Вильгельмъ не зналъ главнаго: кромѣ

---

[1]) *Klinckowström*, Le comte de Fersen et la cour de France, 324.

[2]) *Веселаго*. IV, 430. [3]) Берл. Архивъ, XI, 1792, №№ 38, 41, 44.

денежной помощи, принцъ Нассау везъ въ Кобленцъ письменное удостовѣреніе, что «ея императорское величество рѣшилась послать противъ Франціи 15.000 русскаго войска, которыя уже выступили и къ которымъ могутъ присоединиться принцы и французское дворянство» [1]).

Принцъ Нассау не терялъ времени, и первое его донесеніе изъ Кобленца помѣчено 30-мъ іюня. Онъ жилъ тамъ очень широко, и въ то время, когда въ Кобленцъ съѣхались эмигранты, потерявшіе все свое состояніе, онъ никому не отказывалъ въ пособіи, кормилъ, поилъ французское дворянство и снабжалъ принцевъ деньгами. Князь В. П. Кочубей писалъ графу С. Р. Воронцову: «Принцъ Нассау хочетъ растратить въ Кобленцѣ все, что нажилъ въ Россіи. Онъ носитъ русскую адмиральскую форму, его прислуга въ дорогихъ ливреяхъ, онъ много принимаетъ» [2]).

При французскихъ принцахъ былъ акредитованъ графъ Н. П. Румянцевъ [3]); принцъ Нассау являлся просто довѣреннымъ лицомъ русской императрицы, пользовавшимся общимъ уваженіемъ какъ самихъ принцевъ, такъ и государей, стоявшихъ во главѣ коалиціи. Принцъ Нассау ведетъ переговоры съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, согласуетъ принцевъ съ барономъ Бретэлемъ, условливается съ Бишофсвердеромъ, склоняетъ прусскаго короля къ денежной помощи принцамъ, сопровождаетъ коалиціонную армію въ предѣлы Франціи, присутствуетъ при ея отступленіи и обо всемъ часто и подробно извѣщаетъ Екатерину. Его депеши, хранящіяся въ москов-

---

[1]) Письмо П. Зубова принцу Нассау, см. *Feuillet de Conches*. VI, 30. Письмомъ къ принцамъ, отъ 19-го мая 1792 г., императрица замѣнила 15.000 корпусъ посылкою 250.000 рублей (р. 53).

[2]) Архивъ кн. Воронцова, XVIII, 15.

[3]) Письма Екатерины къ графу Н. П. Румянцеву, касающіяся этого времени, издаются нами въ «Русской Старинѣ» съ февраля нынѣшняго года. Они хранятся въ Государственномъ Архивѣ и только по недосмотру не вошли въ Сборникъ русскаго историческаго общества.

скомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, изданы [1]) и свидѣтельствуютъ о его дипломатической способности; его знаменитая, переписанная рукою князя Талейрана, записка о битвѣ подъ Вальми [2]), вполнѣ оправдала отзывъ Екатерины о немъ, какъ о военномъ талантѣ hors ligne. Съ завидной стороны рисуется и сердце принца Нассау въ одной изъ депешъ его къ Екатеринѣ: «Я имѣлъ уже честь извѣстить Ваше Императорское Величество о ссуженныхъ мнѣ прусскимъ королемъ 800.000 ливровъ, при помощи которыхъ французскіе принцы могли мобилизовать всѣхъ эмигрантовъ-дворянъ. Едва мы выступили, какъ уже въ Трирѣ почувствовалась нужда въ провіантѣ и фуражѣ. Спасая принцевъ и французскихъ дворянъ, я продалъ свои сервизы, бриліанты, даже золотыя шпаги, которыя Ваше Императорское Величество изволили нѣкогда пожаловать мнѣ. Только ради защиты короля рѣшился я разстаться съ этими дорогими для меня знаками Вашей милости, увѣренный, что Ваше Императорское Величество не осудите меня за это. Отдавъ принцамъ всѣ капиталы, что я имѣлъ, и все, что можно было реализовать въ деньги, я не оставилъ себѣ ничего» [3]).

Пораженіе герцога Брауншвейгскаго распространило панику. По слѣдамъ отступавшихъ пруссаковъ, французскія войска вступили въ предѣлы Германіи. Въ сентябрѣ графъ Н. П. Румянцевъ бѣжалъ изъ Франкфурта-на-Майнѣ [4]); принцъ Нассау съ французскими принцами возвратился въ Кобленцъ. Приготовленія къ кампаніи будущаго года и извѣстіе о дви-

[1]) *Feuillet de Conches*, VI, 177, 238, 327, 389, 402. Онѣ были списаны въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, но, къ сожалѣнію, съ пропусками, которые дали возможность французскому издателю справедливо обвинять «русскихъ» въ утайкѣ (392).

[2]) De la bataille de Valmy. Extrait, de la main du prince de Talleyrand, des Mémoires inédits de mon ami le prince de Nassau-Siegen, amiral au service de Catherine II et son commissaire à l'armée des Princes français. Ibid., 338—376.

[3]) *Feuillet de Conches*, VI, 328.

[4]) Архивъ князя Воронцова, XXVII, 161.

женіяхъ въ Польшѣ заставили принца Нассау часто ѣздить въ Варшаву и въ Берлинъ, особенно въ Берлинъ. По совѣту и настояніямъ принца Нассау, графъ д'Артуа отправился весною 1793 года въ Петербургъ, къ Екатеринѣ на поклонъ; принцъ Нассау оставался въ Берлинѣ, гдѣ Фридрихъ-Вильгельмъ готовится къ новой кампаніи и внимательно слѣдитъ за польскими дѣлами. Екатеринѣ не страшна Польша, пока Пруссія занята и не обольщаетъ поляковъ несбыточными посулами. Русскій представитель при берлинскомъ дворѣ М. М. Алопеусъ не пользуется вліяніемъ; прусскій король высоко цѣнитъ принца Нассау. Екатерина знаетъ это и должна воспользоваться этимъ. Но принцъ Нассау женатъ на полькѣ; всѣ его имѣнія лежатъ въ Польшѣ; мало того: принцъ Нассау близко сошелся съ прусскимъ королемъ, графъ Гольцъ, прусскій посланникъ, интересуется имъ—съ пр. Нассау надо быть теперь осторожнымъ: «Si Nassau vient ici—пишетъ Екатерина Зубову—то, чаю, также навѣдоваться станетъ о польскихъ дѣлахъ; его король всегда старался къ себѣ привязать, и слѣдовательно съ нимъ надлежитъ такожде (паче же мнѣ самой) быть осторожной» [1]).

«Принцъ Нассау прибылъ въ Петербургъ 2-го ноября—сообщаетъ графъ Гольцъ прусскому королю [2])—и, увѣряя меня въ своей преданности Вашему Величеству, предварилъ меня, что долженъ очень осторожно обходиться со мною, чтобы не возбудить толковъ. Я вполнѣ одобряю это его намѣреніе, хотя оно и лишило меня возможности побесѣдовать съ нимъ. Онъ былъ милостиво принятъ императрицей». 7-го ноября принцъ Нассау, «по возвращеніи изъ отпуска, вступилъ по преж-

---

[1]) Сборникъ, XLII, 332. Эта записка—отъ октября 1793 г., такъ какъ отъ 1-го ноября графъ Гольцъ писалъ уже королю: «Les mauvais chemins reculent l'arrivée du prince de Nassau, qu'un courrier a trouvé embourbé près de Mittau, malgré 18 chevaux qu'il avait à sa voiture. Берл. Архивъ, XI, 1793. № 84.

[2]) Берл. Архивъ, XI, 1793, № 85. Онъ упоминаетъ еще о принцѣ Нассау въ №№ 86 и 88.

нему, въ командованіе гребнымъ флотомъ» [1]), а мѣсцъя-упс стя выѣхалъ опять за границу.

Никто, даже лица близкія Екатеринѣ не знали о причинѣ такого скораго отъѣзда принца Нассау изъ Петербурга. Графъ Безбородко писалъ графу Воронцову: «Нассау отпускается къ графу д'Артоа, по его просьбѣ, а флотилія и строенія ввѣряются до его возвращенія графу Суворову» [2]). Княгиня Дашкова писала тому же Воронцову: «Нассау откланивался вчера и уѣзжаетъ завтра утромъ. Я спросила Маркова: уѣзжаетъ ли онъ ради важнаго какого дѣла или же потому, что ему здѣсь дѣлать нечего? Марковъ отвѣтилъ, что второе предположеніе мое вѣрнѣе перваго» [3]). Принцъ Нассау уѣхалъ не въ Кобленцъ, а въ Берлинъ, не къ графу д'Артуа, а къ королю Фридриху-Вильгельму, и не отъ нечего дѣлать, а «состоять при королѣ прусскомъ довѣренною отъ Государыни особою» [4]), причемъ онъ повезъ собственноручное письмо Екатерины, отъ 3-го декабря 1793 года. Письмо это, хранящееся въ Берлинскомъ Архивѣ, начинается такъ:

«Господинъ мой братъ. Адмиралъ принцъ Нассау-Зигенъ, возвращающійся къ Вашему Величеству въ надеждѣ послужить еще подъ вашими знаменами, можетъ засвидѣтельствовать Вашему Величеству, что лестные отзывы, какими Вамъ угодно было почтить его дѣятельность, увеличили только мое высокое мнѣніе о его усердіи и достоинствѣ. Въ виду полнаго довѣрія, которое я питаю къ нему и которое онъ внушилъ равнымъ образомъ къ себѣ и Вашему Величеству, я поручила ему быть истолкователемъ какъ моихъ личныхъ чувствъ къ Вашему Величеству, такъ и моихъ взглядовъ на положеніе политическихъ дѣлъ, причемъ онъ, если понадобится, дополнитъ то, что не могло быть высказано въ письмѣ» [5]).

---

[1]) *Веселаго*, IV, 430. [2]) Архивъ кн. Воронцова, XIII, 274.

[3]) Ibid., V, 201. Графъ Завадовскій писалъ: «Нассау повихнулся касательно до прежней на него любви» (Ibid., XII, 95).

[4]) Ibid., XII, 127. [5]) Берл. Архивъ, XI, vol. I, a. 175.

Что же не могло быть высказано въ письмѣ? Французскія дѣла обсуждались на всѣ лады не только въ письмахъ, но и въ газетахъ; теперь Францію смѣнила Польша. Прусскій король справедливо находилъ, что судьбы сосѣдней Польши ближе ему, чѣмъ дѣла далекой Франціи, и рѣшилъ принять участіе въ польскихъ дѣлахъ. Приходилось признать это участіе, считаться съ нимъ, и принцъ Нассау получилъ новое назначеніе—быть посредникомъ по польскимъ дѣламъ между русскою императрицею и прусскимъ королемъ.

Давно было пора. Польскія дѣла составляли для всѣхъ тайну въ Петербургѣ; не только «писать объ оныхъ на почтѣ неловко», рисковано было даже говорить о нихъ. Екатерина имѣла несчастіе довѣрить польскія дѣла бездарному П. А. Зубову и ничтожному А. И. Маркову [1]). 6-го апрѣля 1794 г. вспыхнуло въ Варшавѣ возстаніе. Вотъ отзывъ объ этомъ умнаго современника: «Въ четвергъ на страстной недѣлѣ поднялся бунтъ въ Варшавѣ: польскія войска, въ четырехъ тысячахъ тамъ состоящія, съ возмущенною чернью кинулись на наши посты, хранимые десятью баталіонами. Игельштромъ, какъ всегда ему свойственно, потерялъ тотчасъ голову и спасся съ своею свитою и нѣкоторыми подобными ему генералами уходомъ изъ города къ посту пруссаковъ. Первый былъ его рапортъ, что все прочее пропало. И съ онымъ сюда прискакалъ генералъ-маіоръ Зубовъ въ концѣ праздника, яко самовидецъ дѣлу, бывъ при войскахъ въ городѣ и въ шествіи съ Игельштромомъ. Но послѣдующія извѣстія, какъ страхъ объемлющій прошелъ, не доказываютъ большой потери, а падаютъ на начальниковъ, не имѣвшихъ военной головы. Многія войска наши почти сами собою въ разныя мѣста благополучно отретировались. Словомъ, бѣда не важна, а стыда довольно» [2]).

---

[1]) «Польскія дѣла ведены были Ф. и А. И.; для прочихъ были они тайна», писалъ графъ П. В. Завадовскій. Арх. кн. Воронцова, XII, 109.

[2]) Арх. кн. Воронцова, XII, 110.

Даже слишкомъ много. Чѣмъ же и кто смоетъ его?

Депешею отъ 25-го апрѣля 1794 г. графъ Гольцъ увѣдомляетъ прусскаго короля: «Третьяго дня прибылъ въ Петербургъ принцъ Нассау, видѣлъ вчера императрицу и изъ дворца заѣхалъ ко мнѣ. Онъ былъ милостиво принятъ императрицею, которая была не только весьма довольна, но даже очень тронута тѣми извѣстіями, которыя онъ привезъ изъ Берлина. Лучшее доказательство полнаго удовольствія императрицы заключается въ томъ, что государыня просила принца Нассау немедленно возвратиться къ Вашему Величеству» [1]). Прусскій посланникъ не повторяетъ, конечно, извѣстій, привезенныхъ изъ Берлина; но петербургское общество скоро узнало ихъ. Графъ Завадовскій писалъ графу Воронцову отъ 29-го апрѣля же [2]): «Нассау отъ короля прусскаго пріѣзжалъ и возвратился. Король, считая возмущеніе опаснымъ, самъ входитъ съ большимъ корпусомъ своихъ войскъ на пораженіе. Мы согласились, чтобъ онъ Варшаву и тамошній край обнялъ. Нельзя усумниться, чтобъ съ толиками взаимными силами не задавить небольшую кучу дерзкихъ, ибо не чернь, а только шляхта, которой единодушіе несродно, бунтуютъ. Но когда король прусскій въ Варшавѣ поселится, какъ его оттуда выжить?»

Оказалось, однако, что «поселиться въ Варшавѣ» не такъто легко. «Король прусскій и помогающій ему съ корпусомъ нашъ генералъ Ферзенъ открыли уже наступательный огонь на Варшаву. Принцъ Нассау обнадеживаетъ, что черезъ четыре дня городъ возьмутъ». Это писано 2-го сентября; черезъ три дня, 5-го, новое извѣстіе: «Вслѣдъ за полученнымъ отъ Нассау обнадеживаніемъ, что черезъ четыре дня взята будетъ Варшава, пріѣхалъ отъ него же курьеръ съ донесеніемъ и съ письмомъ отъ короля прусскаго, что осаду города принуждены снять и отступить» [3]).

---

[1]) Берлин. Архивъ, XI, 1794, № 30. [2]) Арх. кн. Воронцова, XII, 111.
[3]) Арх. кн. Воронцова, XII, 127, 129.

Какъ громомъ поразила всѣхъ эта вѣсть въ Петербургѣ. Ей дивились столько же, какъ и пораженію герцога Брауншвейгскаго. Екатерина недоумѣвала и хмурилась; общество подозрѣвало измѣну. Прусскій посланникъ сообщаетъ королю: «Императрица очень сердилась, когда узнала, что осада Варшавы снята; выходъ при дворѣ былъ отмѣненъ по нездоровью государыни. Не скрою отъ Вашего Величества, что все здѣшнее общество возмущено отступленіемъ отъ Варшавы и высказываетъ по этому поводу самыя недостойныя подозрѣнія» [1]).

Какова была роль принца Нассау при этомъ отступленіи? Въ Петербургѣ и въ Берлинѣ, участвуя въ совѣтахъ, переговорахъ съ Екатериною и Фридрихомъ-Вильгельмомъ, принцъ Нассау слышитъ одинъ только мотивъ военныхъ дѣйствій противъ Рѣчи Посполитой, мотивъ вполнѣ тождественный съ антифранцузскою коалиціею—огражденіе существующаго порядка отъ революціонныхъ принциповъ. Принцъ Нассау сопровождалъ прусскаго короля въ Польшу съ тѣмъ же убѣжденіемъ, съ какимъ сопутствовалъ герцога Брауншвейгскаго во Францію. Походомъ въ Польшѣ, еще болѣе подъ стѣнами Варшавы принцъ Нассау убѣдился, что польскіе конфедераты совсѣмъ не французскіе санкюлоты, что поляками водятъ не революціонныя «принципіи» à la française, а патріотическія чувства, понятыя въ чисто польскомъ смыслѣ. Какъ же поступилъ въ этомъ случаѣ принцъ Нассау, этотъ воинъ par excellence, ищущій только случая обнажить шпагу? Есть извѣстіе, что отступленіе Фридриха-Вильгельма отъ Варшавы было послѣдствіемъ настояній принца Нассау [2])—извѣстіе это нуждается еще въ подтвержденіи; но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что принцъ Нассау тотчасъ же послалъ Екатеринѣ просьбу объ отставкѣ и, указомъ отъ 30-го октября, слѣдовательно, за долго еще до взятія Праги, «по вторич-

[1]) Депеши Тауенцина отъ 8-го и 14-го сентября, въ Берлин. Архивѣ, XI, 1794, № 7 и 8.

[2]) *Aragon*, 372.

ному прошенію уволенъ отъ службы съ полнымъ содержаніемъ».

25-го ноября 1794 г., два дня спустя послѣ суворовскаго штурма Праги, принцъ Нассау писалъ изъ Берлина своей женѣ:

«Спѣшу увѣдомить васъ, принцесса, что я получилъ отъ Ея Императорскаго Величества увольненіе меня, согласно прошенію, отъ русской службы. Черезъ нѣсколько дней предполагаю выѣхать отсюда. Отправлюсь сперва въ Краковъ, повидать вашу тетку; оттуда проѣду, быть можетъ, въ Анспахъ, захватить нѣкоторыя бумаги, и затѣмъ полечу къ вамъ, въ Венецію.

«Въ Венеціи буду выжидать событій, которыя должны рѣшить, могу ли я еще быть чѣмъ-нибудь въ этомъ мірѣ».

Событія отвѣтили отрицательно. Въ Венеціи и Веронѣ, въ Варшавѣ и Немировѣ, съ горячимъ интересомъ слѣдилъ принцъ Нассау за военными подвигами Журдана при Флерусѣ и Клебера въ Майнцѣ, восхищался гусарами Пишегрю, захватившими голландскій флотъ, съ восторгомъ привѣтствовалъ первые успѣхи молодого Бонапарта въ Абукирѣ, у пирамидъ, при Маренго, но всегда оставался вдали отъ театра военныхъ дѣйствій—или онъ не сочувствовалъ цѣлямъ, или его убѣжденія не принимались въ разсчетъ Наступало новое время, нарождалось новое направленіе, среди котораго не было уже мѣста принцу Нассау, еще въ полномъ цвѣтѣ его 50-ти лѣтъ: въ жилахъ принца Нассау текла все-таки нѣмецкая кровь—князь Талейранъ стараго режима могъ стать министромъ перваго консула, посолъ Людовика XVI при дворѣ Екатерины графъ Сегюръ могъ стать церемоніймейстеромъ Наполеона, но принцъ Нассау остался прежнимъ принцемъ Нассау...

Русскій адмиралъ въ отставкѣ, принцъ Нассау два раза посѣтилъ еще Петербургъ, но уже не видалъ прежней Екатерины: въ первый разъ императрица дурно приняла его, во второй она лежала уже въ гробу.

Въ депешѣ прусскаго посланника, отъ 30-го ноября 1795 г., кратко сказано: «Принцъ Нассау здѣсь; онъ былъ принятъ вѣжливо, но весьма холодно» [1]) Графъ Ростопчинъ знаетъ подробнѣе: «Нѣсколько дней назадъ прибылъ принцъ Нассау. Онъ пріѣхалъ хлопотать о земляхъ, конфискованныхъ у родственниковъ его жены. Онъ былъ очень дурно принятъ. Ему дали понять, чтобъ онъ не являлся на придворные обѣды Императрица недовольна имъ за то, что онъ оставилъ службу» [2]). Годъ спустя, услышавъ о смерти Екатерины, принцъ Нассау пріѣхалъ въ Петербургъ поклониться праху «великой женщины».

Принцъ Нассау прожилъ еще двѣнадцать лѣтъ, преимущественно въ своемъ имѣніи Тыннѣ [3]), Подольской губерніи. близъ Немирова. Въ послѣдніе годы онъ много занимался хозяйствомъ, устраивалъ свои земли въ Крыму, въ Бѣлоруссіи, въ Польшѣ. Поѣздка въ Крымъ стоила жизни его женѣ, которая схватила крымскую лихорадку и умерла незадолго до смерти мужа. Принцъ Нассау умеръ въ 1808 г. въ Тыннѣ, гдѣ и погребенъ.

Конецъ четвертаго тома.

---

[1]) Берлинск. Архивъ, XI, 1795, № 98.

[2]) Арх. кн. Воронцова, XII, 22. Екатерина объясняла отставку принца Нассау неудовольствіемъ, что командующимъ русскимъ корпусомъ при прусскомъ королѣ въ Польшѣ былъ назначенъ графъ Ферзенъ, а не онъ (Сборникъ, XXIII, 634). Это объясненіе было совершенно невѣрно, и Екатерина это знала, но все же прибавляла, что «отставкою его всѣ довольны». Холодный пріемъ объясняется, кажется, ходатайствомъ о земляхъ, уже розданныхъ. По крайней мѣрѣ, въ депешѣ отъ 31-го августа прусскій посланникъ сообщаетъ: «On continue à maltraiter les polonais ici et plus encore en province; aussi en sont ils au désespoir. Une ukaze leur défend de se rendre à Pétersbourg pour y solliciter sur leurs affaires» (Берлин. Архивъ, XI, 1795, № 73). Своимъ появленіемъ въ Петербургѣ и своими просьбами принцъ Нассау нарушалъ указъ.

[3]) *Balinsky*, Starojytnosci Polsky, II, 956.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

